Сергей Садов
Иар Эльтеррус

НОВЫЕ ГЕРОИ
КОЛЛЕКЦИЯ

ТРИ ДОРОГИ ВО ТЬМУ
Книга первая. ПОСТИЖЕНИЕ
Книга вторая. ИЗМЕНЕНИЕ

НОВЫЕ ГЕРОИ
КОЛЛЕКЦИЯ

ТРИ ВЕЛИКИХ МАГА –
ПРОТИВ ЦЕРКВИ И ИМПЕРИИ

ТРИ ДОРОГИ ВО ТЬМУ

Книга первая. ПОСТИЖЕНИЕ
Книга вторая. ИЗМЕНЕНИЕ

СЕРГЕЙ САДОВ
ИАР ЭЛЬТЕРРУС

НОВЫЕ ГЕРОИ
КОЛЛЕКЦИЯ

СЕРГЕЙ САДОВ
ИАР ЭЛЬТЕРРУС

ТРИ ДОРОГИ ВО ТЬМУ

Книга первая. ПОСТИЖЕНИЕ
Книга вторая. ИЗМЕНЕНИЕ

ЭКСМО
МОСКВА
2012

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Э 53

Оформление серии *Алексея Матвеева*

В оформлении переплета использованы работы художников *Анатолия Дубовика* и *Олега Коржа*

Эльтеррус И.
Э 53 Три дороги во Тьму : роман : в 2 кн. Кн. 1. Постижение. Кн. 2. Изменение / Иар Эльтеррус, Сергей Садов. — М. : Эксмо, 2012. — 736 с.

ISBN 978-5-699-55550-5

Он пригубил золотистый напиток и чуть не задохнулся от восхищения. Видимо, знаменитый дзеннский ш'опар. Да ничем иным он просто не мог быть. Вкус оказался неописуемым и совершенно незнакомым. Не зря восхваляли этот напиток авторы древних книг – после первого же глотка магу показалось, что какая-то сила мягким ударом вышвырнула из тела всю слабость и усталость, накопившуюся за три года пути. Это было что-то невероятное, уже долгие годы Стиор не чувствовал себя так хорошо, сознание стало кристально ясным, он вспомнил многое, что считал навсегда забытым. Да, ш'опар великолепен, но маг не рискнул выпить больше двух глотков – стимулятор слишком силен для его старого организма. Он откинулся на удобную спинку и поднял взгляд на дзенн, усевшихся напротив.

– А теперь, маг, – прищурил обе пары глаз фанн, – я хотел бы знать, каким это образом ты был хранителем. И как вообще можно перестать им быть? Ты пренебрег долгом?

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Эльтеррус И., Садов С., 2012
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2012

ISBN 978-5-699-55550-5

Книга 1

Постижение

1

Странный, отдающийся в голове звон не сразу разбудил Стиора, он еще довольно долго сидел на краю кровати и тряс головой, пытаясь прийти в себя и понять, что же случилось. Только вылив на голову с полкувшина холодной воды, старый маг осознал — звон доносится сверху, из Хранилища. И, похоже, этот звон издает именно то, хранителем чего он был уже седьмой десяток лет. Стиору стало дурно, перед глазами поплыли темные круги.

«Но ведь... — с трудом прошептал он пересохшими губами. — Но ведь... Ну, не может это случиться, так же не бывает, чтобы вот так-то... Почему не тогда, когда я мечтал об этом, ну почему?!»...

Даже не накинув халата, как был, в старых штопаных подштанниках, маг вылетел из спальни и понесся по лестнице наверх. Он никак не мог поверить, что это случилось при его жизни, давно подыскивал себе замену и надеялся спокойно дожить отпущенные провидением годы. Ведь не было никаких признаков, ничто не предвещало рождения Троих, да вот, родились, будь они неладны. Давным-давно учитель говорил тогда еще молодому и горящему жаждой деятельности магу, что сменится не одно поколение хранителей, прежде чем случится то, что должно произойти. И что никак не ему, Стиору арн Наду, быть ответственным за великое Возрождение. И вот на тебе, сподобился... Да еще и в старости, когда сил уже нет совсем. Ему недавно стукнуло

сто двенадцать лет, и маг, хотя выглядел лет на пятьдесят, искренне считал себя глубоким стариком. Самым страшным было то, что у него до сих пор нет ученика, некого отправить вместо себя на поиски родившегося, да просто довериться некому.

Старик вздохнул, остановившись у резной, черного дерева двери. Что ж, ему «повезло», и теперь придется расхлебывать заварившуюся кашу.

«Будь оно все проклято!» — выругался старый маг и в сердцах стукнул по стенке, ушибив руку.

Отведя таким образом душу, он отпер дверь и вошел, все еще искренне надеясь, что ошибся. Увы... Потерянный Жезл коротко вспыхивал синим светом и звенел. Проклятый звон! Маг стоял посреди комнаты и смотрел на то, что завершало его спокойную, тихую жизнь и обрекало на тяжкие испытания. Что ж, Стиор арн Над не остановится ни перед чем, чтобы произошло предначертанное.

Он молча пожевал губами и подошел к нише, где хранился все эти десятилетия Потерянный Жезл. Коротким заклинанием маг заставил проклятую штуковину замолчать — не хватало только, чтобы кто-нибудь услыхал этот звон и заинтересовался: а что это происходит в башне старого отшельника? Особенно — кто-нибудь из других магов... Тогда за его старую шкуру нельзя будет дать и ломаного гроша, а преемника нет, не сумел, к сожалению, найти талантливого бунтаря. Достаточно смелого, чтобы прикоснуться к запретному. Да, буквально все, с кем сталкивался Стиор в последние несколько десятилетий, мыслили штампами, и никто не желал ни над чем задумываться. Попадались, безусловно, и очень талантливые, умные люди, но и они не осмеливались переступить через возведенный в сознании барьер. Не пытались переосмыслить вбитые с детства догмы. Магия Тьмы испокон веков была вне закона, счи-

талась страшным злом, против которого все средства хороши. Даже здесь, в империи, где привечали всех и каждого вне зависимости от их вида. Однако Тьму почему-то огульно объявили злом, даже не задумываясь, что это несправедливо. Никому не пришло в голову спросить: «Почему? За что?» Никому...

Тяжело вздохнув, Стиор приложил Потерянный Жезл ко лбу. Тот мягко зажужжал и начал погружаться в его череп. Это не было иллюзией, при Слиянии жезл действительно становился на некоторое время единым целым с мозгом мага. Через несколько мгновений его уже не было видно, только легкое свечение в глазах старика говорило, что что-то здесь не так. Стиор всегда ненавидел Слияние, ему дорого обходились полученные таким образом знания — несколько суток дикой мигрени порой. Но иного выхода нет. Он не строил иллюзий и понимал, что вскоре по следу родившихся этой ночью пойдут лучшие ищейки Церкви и Конторы. При воспоминании о последней Стиор содрогнулся — казалось, люди проклятого Вихря вездесущи. Старик стоял, держась рукой за стену, пока информация с жезла усваивалась мозгом. Колени противно дрожали от слабости, все тело покрывал пот, он тяжело дышал. Но, в конце концов, пытка закончилась.

Маг присел на стоящий в другом углу табурет, слегка отдышался и прикрыл глаза, одновременно произнося слово активации. Перед глазами тут же вспыхнула карта родного мира. Дзарн. Дзи-Ар. Лли-Эл. Тхорворд. Танр. Сам Стиор предпочитал последнее имя, так как был родом из Крон Арингара, необычной страны с двумя равноправными столицами, где жило больше гномов, чем людей. В свое время гномы из старого рода Ганказад поселились на освобожденных от эльфов землях и построили два города, Крон и Арингар. Много позже там появились люди и расселились рядом со своими низко-

рослыми сосе́дями. Гномы поначалу не обращали на них внимания, но потом пришлось — человеческое честолюбие не знало пределов, и люди захватили Арингар. Однако через столетие, как это ни странно, бывшие враги объединились, и в Крон Арингаре стали править две династии — гномья и человеческая, причем вместе. Когда пришла Церковь, кронарингарцы вынужденно приняли веру в Спасителя, и их оставили в покое.

Стиор был сыном уличной шлюхи, умершей родами, и выжил буквально чудом, оказавшись на улицах Крона с раннего детства. Как-то так вышло, что малыша подобрал старик-гном, тоже нищий, без кола и двора. Поэтому будущий маг с детства куда лучше знал гномов, чем людей. Да о чем речь, его первой женщиной стала симпатичная гнома, неизвестно почему заинтересовавшаяся худым нескладным юнцом. При воспоминании об этом старик мимолетно улыбнулся — таких эпизодов у него в жизни было очень мало, и он берег память о каждом, как о чем-то драгоценном. В те времена он задумывался о чем угодно, но и представить себе не мог того, что вскоре случится. Стиору в голову не приходило, что он станет одной из «черных ворон», как, плюясь, называли магов в Крон Арингаре. Скажи ему кто об этом, он бы долго смеялся. Только от судьбы не уйдешь. От многого старик хотел бы отказаться в своей нескладной жизни, но это было невозможно. Учитель приучил его смотреть в глаза реальности и не строить иллюзий. Никаких и никогда.

Маг встряхнулся, избавляясь от воспоминаний. Пора браться за дело, на грусть о прошлом времени нет. Он снова активировал внедрившийся в мозг жезл. Тут же на все еще висящей перед внутренним взором карте зажглась ярко-алая пульсирующая точка. Стиор всмотрелся и глухо выругался сквозь зубы. Родившийся изволил появиться на свет не где-нибудь, а на юго-западе Кост-

вада, в самой что ни на есть дикой глуши. Да туда добираться, по меньшей мере, года три, если не четыре...

— Это что же? — едва слышно спросил сам себя он. — Это мне теперь туда свои старые кости через полмира тащить, что ли?

Похоже, именно так. Старик глухо застонал сквозь зубы и проклял все на свете, одновременно понимая, что утро застанет его уже в дороге. Иначе не мог — всю жизнь долг был для него превыше всего. Он сам, по собственному выбору возложил на себя после смерти учителя обязанности хранителя. А значит, теперь обязан исполнить их до конца, невзирая ни на какие препятствия. Даже умереть он теперь не имел права — никто, кроме него, не сделает должное. Нет у него ученика, так уж сложилось. Самому придется, и ничего с этим не поделаешь — кто-то должен помочь родившемуся стать тем, кем тот обязан стать. А люди?.. Да почти все люди и нелюди на Танре отдали бы что угодно, лишь бы он потерпел неудачу! Только бы не дать родившемуся стать одним из Троих. Слишком они боялись Ушедшего, слишком сильно им вбили в головы, что Тьма может быть только злом. Маг давно уже не пытался ничего объяснять даже самым умным — бесполезно, в этом вопросе как будто кто-то навесил им шоры на глаза. Что ж, Стиор предпримет все усилия для того, чтобы родившийся исполнил предначертанное. Если удастся... Ведь тот вполне может и не стать одним из Троих, прожив бесполезную, никчемную жизнь обычного человека. Как ни горько это осознавать.

Старому магу очень не хотелось покидать насиженное место. Он уже больше пятидесяти лет жил в своей башне, доставшейся от учителя, и успел к ней привыкнуть, даже сродниться, что ли. Империя Над была единственной страной на Танре, где к магам относились вполне лояльно и даже уважительно. Их не травили, не

жгли на кострах, как во всем остальном мире. Церковь, конечно, имела определенное влияние и здесь, но была отделена от государства и никак не влияла на политику, что безмерно раздражало святых отцов. Императоры династии арн Над цепко держали власть, и их подданным жилось неплохо — налоги были невысоки, как и цены, поэтому жили в империи куда богаче многих иных стран. И уж никогда не было здесь беспросветной нищеты и отчаяния, царящих в «святом» Фалноре, оплоте воинствующей Церкви Спасителя. Там за неосторожно сказанное слово человека объявляли еретиком и отправляли на костер. А уж о магии и не заикнись. Магов и всех нелюдей, кроме гномов, эльфов и сатиров, объявили недостойными жизни, подлежащими искоренению во имя заветов Спасителя. Да еще грифонам позволяли жить. Но их не считали разумными — детей отбирали у родителей совсем маленькими и выращивали полуживотными, предназначенными только для перевозки всадников.

Церковь пыталась насадить такие порядки во всем мире, но это не больно-то у святых отцов получалось — нелюди почему-то не хотели покорно умирать во славу Спасителя и упорно сопротивлялись. Да и империя принимала всех без разбору — драконов, дварфов, сатиров, гномов, орков, людей, эльфов, грифонов — всех изгнанников и беглецов, давая им дом и работу по способностям. Живи еще в этом мире дзенны, и они нашли бы себе новый дом в Наде. Если бы, конечно, гордые до безумия древние согласились принять чужую помощь, что было весьма сомнительно — обычно дзенн предпочитали смерть. Церковь присутствовала и в империи, но вмешиваться во что-либо церковникам не давали. А за пропаганду нетерпимости в тот же день высылали из страны. Вот и приходилось святым отцам соблюдать величайшую осторожность в проповедях.

Фалнор часто воевал с империей Над, но все страны вокруг нее тут же сплачивались, выступая против Церкви единым фронтом, и сообща сокрущали армию паладинов — слишком боялись усиления позиций святых отцов. Но каждый раз такая война стоила большой крови. Больше всех обычно доставалось Ландзаду, граничащему с Фалнором на севере. Хотя империя Над всегда приходила на помощь, разрушения на территории Ландзада были огромны, паладины не щадили никого и никогда. Любой вставший на защиту семьи объявлялся слугой Зверя, еретиком и отступником. А потом безжалостно уничтожался вместе с этой самой семьей. Не щадили даже младенцев. Ни города, ни деревни не оставалось после прохода армии Святой Матери-Церкви, только выжженная, мертвая пустыня. Миль двести пограничных территорий Ландзада стояли безжизненными — никто не рисковал селиться там. Лишь отдельные небольшие гарнизоны смертников находились у границы, чтобы успеть предупредить об очередном нашествии паладинов.

Маг недовольно поморщился и потер переносицу, вспоминая все это. Он принялся разрабатывать маршрут своего путешествия тщательно, как привык делать все. Так приучил его еще учитель, а позже он и сам убедился в преимуществе такого подхода.

Итак, Коствад находится в центре другого большого материка Танра — Арбадона, в Северном полушарии. Придется проделать долгий путь. Быстрее всего добираться туда сушей через Ландзад и Фалнор, а потом морем — до какого-нибудь из портовых городов Джоудана. Если бы у последнего еще существовали портовые города... От них, к сожалению, остались только развалины. Разве что уговорить моряков высадить его где-то на «проклятом» побережье. И опять сушей до Коствада. Так ведь не уговоришь, побоятся и приближаться, сколько

кораблей, пытавшихся подойти к берегам некогда богатой и процветающей страны, бесследно исчезли.

Было у такого маршрута еще одно серьезное «но» — уже сотни лет ни один из магов без крайней необходимости не рисковал приезжать в Фалнор. В молодости Стиор побывал там под видом монаха и едва спасся — его вычислили уже через две недели, пришлось спешно бежать. С трудом ушел — фалнорские спецслужбы работали хорошо. Да и в других странах Церкви магу тоже нежелательно появляться. Ни в Анзамене, ни в Вораме, ни в Лодуне, ни в Туаге, ни в Кадаире. Ищущие Святой Инквизиции обладали какой-то странной силой и отыскивали прячущихся магов очень быстро. Судьба пойманных «врагов Спасителя» была одинаковой — несчастные умирали долго и страшно.

Несмотря на то что многие государства постоянно воевали с Фалнором, позиции Церкви Спасителя все время усиливались, только империя Над не давала святым отцам полностью воцариться на Танре. Ученых, магов, поэтов и искателей истины становилось с каждым годом все меньше, мир постепенно скатывался в невежество, наследие дзенн и иных древних, мудрых народов забывалось. Это было страшно, особенно для тех, кто понимал, что происходит. Маги, конечно, нашли убежище в империи, но даже они постепенно становились все более косными и малообразованными. Магия превращалась в балаганный розыгрыш, потеху толпы. Она была жестко ограничена сводом правил, разработанных, по мнению Стиора, сворой недоумков. И никто среди магов империи, даже в разговорах между собой, не осмеливался и заикнуться о Тьме, а уж тем более — о пути Тьмы. Заходить за эту грань не позволялось никогда и никому. За смелые вопросы студента Ассамблеи могли исключить. Но все равно, изредка находились те, кто осмеливался пойти в неведомое. Правда,

каждому такому смельчаку приходилось скрываться, таить свои стремления от окружающих, жить двойной, а то и тройной жизнью. Это было очень трудно, почти невозможно, и ищущих странного становилось все меньше и меньше. Вот и хранителю уже не удалось отыскать себе ученика.

Стиор не боялся смерти, но сейчас не мог позволить себе рисковать: его задача — донести матрицу до родившегося. Донести и обучить всему необходимому. Хотя родился сегодня, конечно, не один, а все Трое. Вот только остальные двое его никак не касались, на то жили где-то на Танре еще два хранителя. А Стиор должен добраться до Коствада и выполнить свой долг. Да, на смерть он теперь права не имел.

Маг отчего-то снова задумался о Джоудане. Терра Инкогнита. Уже больше полутысячи лет никто не мог проникнуть за кольцо гор, окружающее внутренние области этой страны. А если это кому-то и удавалось, он не возвращался, чтобы рассказать об увиденном. К сожалению, придется искать другую дорогу.

Стиор сжал зубы. Может, оно и к лучшему, что тот, для кого он хранил реликвии, уже родился. Ведь после его смерти некому было бы занять место хранителя. По крайней мере, он обучит одного из Троих. Научит быть магом Тьмы. Трудно, конечно, покидать место, где прожил почти всю жизнь, и пускаться в неизвестность. Но выбора нет, как бы ни хотел иного Стиор — может, родившийся станет одним из тех, кто сумеет изменить этот проклятый мир, и вытащит его из дикости и невежества?

— Хватит ныть, старый осел! — приказал маг сам себе, и его голос прозвучал неожиданно гулко, в глазах впервые за многие годы горела решимость.

Путь через земли Церкви заказан, придется добираться морем. Стиор снова развернул перед внутрен-

ним взором карту. Да, пожалуй, так будет лучше всего. Значит, отсюда до острова Борн, из его столицы — сушей до Оорга, а там — через Срединный архипелаг на каботажниках до острова Ларба. Оттуда — до острова Тсорм, а там — какой вариант первым подвернется, тот и сойдет. Хоть до Туага, а потом через Лодун и Чернолесье. Хоть до Ворама — это даже лучше, Чернолесье можно будет миновать, соваться туда магу не хотелось. Если совсем уж повезет, попадется судно до одного из портов Коствада. Но последнее почти невероятно — Коствад мало кого интересовал и мало что мог предложить купцам — нищая и малонаселенная страна. Да и один из Троих родился в самой что ни на есть глуши, на юго-западе Коствада, где сплошные леса. Маг обдумал возможные маршруты и понял, что других вариантов нет. В Эльвадар тоже лучше не соваться — эльфы относятся к человеческим магам не лучше церковников, считая магию своей прерогативой.

Решив, что делать, Стиор мрачно усмехнулся и подошел к невысокому черному постаменту, скромно стоящему в углу. На нем лежало несколько растрепанных старых книг, и постамент вряд ли мог привлечь чужое внимание. Но он не был тем, чем казался. Именно там хранились медальоны, несущие матрицы Тьмы, но хранились таким образом, что открыться миру могли только, когда предназначенные им разумные уже жили. Никакое светлое или темное заклятие не могло вырвать их из спячки. Но время настало. И то, что матрицы готовы выйти из укрытия, где ждали тысячи лет, наполняло душу старого мага мрачной гордостью. Он приготовился к первому и единственному произнесению заклятия Открытия Врат. Впервые за свою жизнь Стиор открыл все доступные ему энергетические каналы, впервые за сотни лет в Инзиуре, оплоте магии Света, сплеталось черное заклятие такой мощи. Казалось, дрожали

сами основы мира, когда губы старика произносили страшные, нечеловеческие слова. Заклинания были в свое время разработаны последними выжившими дзенн, именно их маги сохранили наследие Ушедшего. Древний народ давно был уничтожен Церковью, только отдельные существа иных племен хранили жалкие остатки наследия великой цивилизации.

Тихо звучал напев дзеннской песни-заклятия. Потоки силы рвали на части тело мага, он едва удерживал их в узде. То, что заклятие работало, было еще одним признаком рождения Трех. Старик почти обессилел, когда все, наконец, завершилось. Казалось, весь мир тихонько вздохнул, и на освобожденном от книг постаменте начали медленно проявляться четыре медальона цвета самой темной из возможных ночи. Один, побольше — в центре, и три, поменьше — вокруг него. Если бы кто-нибудь внимательно вгляделся в них, ему показалось бы, что какие-то странные искорки проскальзывают в бездонной черноте, смотрящий не смог бы оторваться, ему бы слышался рев урагана и клекот штормовых волн.

Но Стиор не знал, что еще в двух тщательно скрытых от постороннего взора укрытиях в разных точках Танра на точно таких же постаментах появились такие же медальоны. Он не мог знать, что остался последним хранителем истинной Тьмы в мире. И остальные четверки матриц остались лежать, открытые взорам любого желающего, так как места их хранения тоже были открыты заклинанием Стиора. Правда, в руках того, кому не предназначены, они останутся всего лишь медальонами.

Старый маг сразу увидел суть медальонов, да и не были они медальонами, только выглядели ими. Глупец, возможно, и попытался бы взять силу матриц себе, но Стиор глупцом, слава Создателю, не был — уж он-то прекрасно знал, чем чревата такая неосторожность. Ес-

ли бы он решился рискнуть, то мгновенно лишился бы любой удачи. Доведя несчастного до отчаянного положения, матрица ушла бы сама, а он остался бы медленно и мучительно умирать. Каждая из них сама выбирала себе носителя, и никак иначе. Стиор провел над медальонами ладонью и удовлетворенно хмыкнул — средний ощутимо пульсировал, чувствуя рождение того, кому предназначен. А теперь — самое опасное. Маг начал чеканить слова заклинания переноса, четко понимая, что если сделает хоть одну ошибку, то умрет на месте. И смерть его легкой не будет. Однако он не ошибся — медальоны исчезли, а на его запястье появились четыре черные туманные полоски. Теперь он — всего лишь носитель матриц, обязанный передать силу тому, кто способен ее воспринять. Пора собираться в дорогу.

Утро застало Стиора уже в порту. Он почти ничего не взял с собой — много ли старику нужно? Пару смен одежды и деньги на ночлег и горячий ужин. Впрочем, о деньгах можно не беспокоиться — когда прирожденному магу требовались деньги, они приходили сами собой. Также он захватил посох мага, превращенный в обычную веревку, которой обвязался под одеждой. Стиору совсем не надо было сообщать всем вокруг — вот, мол, колдун идет. Из иной атрибутики своего ремесла старик не взял ничего. Это нынешние недоучки пользуются в основном рунной и предметной магией, высшая ее степень предполагает использование слова и прямого мыследействия. И эта высшая магия сейчас мало кому доступна, в Ассамблее студентов обучают тому, что она почти невозможна... Что является уделом редких избранников Всевышнего.

Горько осознавать, что истинная магия уходит из мира — невежество все упорнее отвоевывает позиции у знания. Правда, в этом есть один плюс — никто в нынешней Ассамблее не знает о его истинных возможно-

стях. Слишком много лет старый маг ни с кем не общался — только в Ассамблее бывал иногда, но и там давно не осталось никого из его поколения, кто мог бы помнить о способностях оскопленного во имя высших политических интересов принца-бастарда. Стиор оскалился при воспоминании о том, что с ним сделали в молодости. Больше восьмидесяти лет прошло, а рана в душе так и не зажила. Не простил. И не простит!

Старик надеялся, что его отсутствия в Инзиуре никто не заметит. Не хотелось бы, чтобы кто-нибудь начал задаваться вопросами: «А куда это вдруг подевался старый чудаковатый маг-отшельник? Что за срочные дела сорвали его с давно и прочно насиженного места?» Ведь когда трактирщик, поставляющий в его башню еду, сообщит, что Стиор арн Над исчез, этим обязательно заинтересуются. Будь проклята его принадлежность к императорской семье! Из-за нее эти вопросы обязательно кто-нибудь задаст. Задаст и начнет поиски ответов, что обязательно заинтересует Контору. А после нее — и Церковь. При мысли об Ищущих Святой Инквизиции мага передернуло. Не хватало только вывести их на родившегося... Он, конечно, уничтожит улики в своей башне, но ведь любому ясно, что маг или инквизитор выше третьего ранга без проблем обнаружат следы черных заклятий. А после этого охота за ним начнется всерьез. И Контора, и Инквизиция ни перед чем не остановятся, только бы заполучить его старую шкуру в свои загребущие ручки. Допускать такого нельзя, и Стиор решил отвлечь возможных преследователей. Лучше всего, похоже, если его посчитают мертвым. Маг испытывал раздражение — ему не терпелось отправиться в путь, а приходится заниматься всякими глупостями.

Он окинул взглядом причал. Необходимо подсунуть Страже труп, который мог бы сойти за него, а значит, придется найти подходящего бродягу. Неподалеку сиде-

ло несколько оборванных портовых нищих, и маг кивнул своим мыслям. Вон тот покрытый коростой старик, сидящий в стороне от других, похож фигурой на него самого.

«Прости меня, человече... — неслышно прошептал Стиор. — Мы оба отжили свой век, но у меня еще есть важное дело, а ты просто бессмысленно мучаешься. Прости. Ты умрешь без боли, обещаю...»

Прошло несколько часов, и случайные прохожие были привлечены огнем, внезапно вырвавшимся из окон угрюмой башни старого полубезумного мага-отшельника, которого и видеть-то почти никому не приходилось. Даже трактирщик, приносивший ему еду, просто оставлял ее на пороге, а придя домой, обнаруживал на кухонном столе золото. Так было уже много лет, и при упоминании об этом маге люди крутили пальцами у виска. Из запылавшей башни доносились страшные крики, наполненные болью. Тут же сбежалась толпа, кого-то послали за Стражей и в Ассамблею. Приехавшие очень быстро пожарные не смогли даже подступиться к башне, настолько сильным оказался жар — волосы вспыхивали при попытке приблизиться, и людям осталось только бессильно стоять и смотреть в ожидании магов.

Вдруг в верхнем окне башни показалась пылающая фигура и бросилась вниз. Толпа изумленно выдохнула, когда тело несчастного рухнуло на камни мостовой. Его тут же залили водой, попытались как-то помочь, но поздно — человек был мертв, да к тому же обгорел до неузнаваемости. Подоспевшие вскоре маги и стражники потушили огонь, но башня успела выгореть полностью, даже перекрытий не осталось. Мертвеца опознали по медальону Ассамблеи на шее. Им оказался, как и ожидалось, хозяин башни, престарелый и давно сошедший с ума маг Стиор арн Над. Стражников несколько удивила императорская фамилия, но старший маг что-то прошеп-

тал на ухо лейтенанту, который изумленно посмотрел на мертвеца и увел своих людей, отдав магу составленный протокол. А тот, поставив в известность о случившемся Контору, как полагалось в случае смерти любого из членов императорской семьи, удалился восвояси. У него хватало своих дел. Зеваки тоже постепенно разошлись, полностью уверенные в том, что старый дурень что-то напутал в заклинании из-за склероза и сжег себя сам.

* * *

Его святейшество, первосвященник Церкви Второго Спасителя Светозар VI проснулся посреди ночи в холодном поту. Сердце колотилось как бешеное и, казалось, стремилось вырваться из груди. Перед глазами плавали черные круги, дыхание было хриплым. Таких пробуждений у него еще не случалось. Произошло что-то страшное, что-то угрожающее не только ему, но и всему миру, переворачивающее все вокруг с ног на голову. В этом его святейшество был полностью уверен. Он всегда доверял своим предчувствиям, они никогда не подводили первосвященника и не раз спасали ему жизнь еще в бытность Ищущим Святой Инквизиции. Но никогда еще ощущение надвигающейся беды не достигало такой силы и четкости. Перед глазами стояли пылающие и рушащиеся города, гигантская черная тень медленно вздымалась из бездны. Первосвященника колотило, ужас темной волной поднимался со дна души.

«Что это? — растерянно спрашивал он себя. — Такого не может быть... Ничего же не случилось...»

Действительно, какая беда могла угрожать Матери-Церкви на Танре? Ее позиции становились все прочнее, несмотря на отчаянное сопротивление империи Над. Так чего же бояться? Что может угрожать не только Церкви, но и всему миру? Первосвященник задавал себе эти

вопросы и не знал ответов, но был уверен, что беда уже идет, что она уже на пороге. Неужели это Спаситель предупредил его? Но думать так слишком самонадеянно, и Светозар поспешно оборвал крамольные мысли. С трудом встав с кровати, он проковылял к столу и жадно выпил бокал легкого эльфийского вина. Спать пресвятой отец больше не мог и рухнул в кресло, продолжая размышлять о кошмарном пробуждении. Его размышления прервал осторожный стук в дверь. Изумившись, что кто-то осмелился потревожить его покой ночью, первосвященник хрипло каркнул:

— Ну, кто там?!

Дверь приоткрылась, и в щель просунулась лисья мордочка его секретаря, отца-приора Лександра Болдина, препротивнейшей, но крайне полезной личности.

— Ваше святейшество... — пролепетал он. — Вы приказывали обо всем странном докладывать лично вам в любое время дня и ночи...

— Ну? — насторожился Светозар, этот визит после такого пробуждения наводил на нехорошие мысли.

— Тут прибежал брат-архивариус из главной библиотеки... И начал прорываться к вам, крича, что произошло что-то страшное, что весь мир может погибнуть. Мы хотели вытолкать его взашей, так стражу пришлось звать — дерется. Но тут мы вспомнили о вашем приказе, и я...

Что-то страшное, из-за чего может погибнуть весь мир? И как раз после его предчувствий. Совпадение? В такие совпадения пресвятой отец не верил с юности. Если уж забытый богом и людьми архивариус решается прорываться к первосвященнику, зная, что это чревато тюрьмой или ссылкой, то это неспроста. Что-то во всем этом есть, его святейшество ощущал это нутром, и ощущение было очень неприятным. Лучше выслушать архивариуса и посмотреть, не связано ли случившееся с

ним с предчувствиями самого первосвященника. И если не связано, то пусть пеняет на себя.

— Зовите! — раздраженно бросил он секретарю. — И чаю нам принесите.

Отец Лександр поклонился и исчез. Короткое перешептывание за дверьми, и на пороге появился длинный, худой монах в ветхой рясе. Вслед за ним в покои скользнул еще кто-то, поставил на стол поднос с чашками, чайником и пирожными, затем быстро исчез.

«Брат-архивариус... — мелькнула в голове первосвященника отстраненная мысль. — Да что в этих архивах случиться могло?» Ведь в архивах главной библиотеки скапливались самые бесполезные книги и документы. Церковь никогда не уничтожала никаких, даже самых запретных книг. Кроме, конечно, книг по черной магии — эти сжигались сразу и без разговоров. Остальное же... Скрыть от мира — да, но зачем уничтожать? Мало ли когда что-либо может пригодиться? Вот и сваливались столетиями ненужные манускрипты и документы в архив, где с ними возились бесполезные и ни на что больше не годные книжные черви. Стоявший перед первосвященником дрожащий монах относился, судя по всему, именно к этой породе.

— Ваше святейшество! — выдохнул он, изумленный, как видно, тем, что его все же допустили пред высокие очи. — Меня братом Матфеем зовут. Я из библиотеки, из архива. У нас такое случилось...

Монаха начала бить дрожь. Первосвященник несколько минут вглядывался в него, отслеживая реакции, и с неким удивлением понял, что тот боится не его, а того, что случилось. И толку с него, пока не успокоится, не будет никакого.

— Присаживайтесь, брат Матфей, присаживайтесь, — со всем возможным добродушием улыбнулся Светозар. — Выпейте вот чаю.

Он сам налил монаху из чайника. Тот даже не заметил, что его обслуживает сам первосвященник, просто взял чашку и отхлебнул, глядя в одну точку. Одно это говорило о степени его потрясения. «Что же так могло напугать этого книжного червя?» — задал себе риторический вопрос его святейшество, он был несколько растерян. Монах тем временем допил чай и положил руки на древнюю, запыленную книгу, которую принес с собой.

— Рассказывайте! — начал терять терпение первосвященник.

— В-ваше с-святейшество... — заикаясь, выдавил из себя брат Матфей. — Я привык работать ночью и сегодня тоже не спал, разбирая архивы времен вашего предшественника. Тут вдруг меня прошиб холодный пот, и показалось, что случилось что-то ужасное, что-то такое, что не поддается описанию. Так плохо я себя еще никогда не чувствовал. А потом...

Глаза монаха сделались безумными.

— Ну-ну, успокойтесь, — потрепал его по плечу вставший Светозар. — Все уже позади, все уже закончилось.

— Если бы... — с тоской отозвался монах. — Ах, если бы, ваше святейшество...

— Так что же случилось потом?

— А потом с полки сама собой взлетела в воздух Книга Листьев и запылала черным огнем. Черным, ваше святейшество!

— Черным огнем... — заинтересованно протянул тот. — Крайне интересно, если это правда.

— Я не лгу, ваше святейшество! — вскинулся монах.

Опытный инквизитор сразу понял — брат Матфей верит в то, что говорит. Он хмыкнул и приказал:

— Продолжайте!

— Я... Я был как в ступоре, я ничего не понимал. А потом книга вдруг распахнулась и рухнула на стол. Я про-

чел пророчество, которое там оказалось, понял, что происходит страшное, и ринулся к вам...

— Вы правильно поступили, брат Матфей, — поспешил успокоить его первосвященник, а затем сказал, сам дивясь своей откровенности: — Я вам верю, потому что сам проснулся в ужасе с осознанием, что миру, всему миру грозит опасность. Вы преданный слуга Матери нашей Церкви. А теперь дайте мне прочесть пророчество, которое так напугало вас.

Монах раскрыл принесенную книгу и протянул его святейшеству. Тот впился глазами в корявые рукописные строки:

Когда порвется связь времен
И покачнется древний трон,
То Трое снова в мир придут,
Чтобы вершить нелегкий суд.
За каждым трое встанут в ряд,
Те, кто судьбу благодарят,
Те, кто открыл дорогу Тьме,
Те, кто жесток в своей вине.
Тогда сольются три в одно,
Откроется во Тьму окно,
Тогда свершится адский труд,
И девять снова в мир придут.
И мир увидит вновь один
Ушедший в вечность Властелин.
Тогда придет в наш мир беда
И черная взойдет звезда.

— И что это может значить? — растерянно спросил первосвященник, дочитав пророчество.

Он действительно ничего не понимал. Конечно, как и каждый образованный человек, его святейшество слышал о Книге Листьев, книге пророчеств, написанной одним монахом еще в первом веке эпохи Спасителя. Но создателя этой книги считали безумным еще при жизни, и даже имени его не сохранилось для потомков. Только не больше десятка рукописных копий его ни на что

не похожей книги хранилось в нескольких самых крупных библиотеках Танра. Существовало бесчисленное множество толкований пророчеств Книги Листьев, так как в иносказаниях безымянного провидца понять что-либо было попросту невозможно. Но если произошло то, о чем поведал брат Матфей, значит, пророчество истинно и начинает сбываться.

Первосвященник уже верил монаху, и ему стало страшно — даже иносказание было жутким до дрожи в коленках. Если действительно наступает время Тьмы, истинной Тьмы, а не обвиненных, порой огульно, в служении ей людей и иных существ, то... Как бороться с этим, первосвященник не имел понятия — не приходилось просто. Он давно отучил себя предаваться иллюзиям и прекрасно понимал, что Святая Инквизиция до сих пор нужна была только для устрашения врагов Церкви, что никаких служителей Тьмы нет. То есть почти нет, за редким исключением. А теперь выяснилось, что есть... И Инквизиция столетиями ходила вокруг, даже не подозревая об их существовании. Бороться с еретиками и простыми бесхитростными магами — не привыкать. Но вот могучие черные колдуны... Тут будет куда труднее. И неизвестно, как разыскивать служащих Ушедшему, с чего вообще начинать. Какие-то Трое, какие-то Девятеро... Что за чушь?!

— Есть одна очень старая легенда, ваше святейшество, — прервал его размышления брат Матфей, его вид был странно задумчивым. — Настолько старая, что никто не знает, откуда она пошла. Она, пожалуй, многое в этом пророчестве объясняет.

— Содержание, и покороче.

— Будто в мире существуют три матрицы истинной Тьмы, с каждой из которых связаны три меньших. Легенда говорит, что эти матрицы ожидают рождения предназначенных им в тайных хранилищах. Каждую

четверку охраняет великий черный маг, которого обычно именуют хранителем, и при рождении предназначенных он эти матрицы открывает миру. Они сами ищут тех, кто им нужен. Предназначенные матрицам должны еще до того, как получить их, стать магами не хуже хранителей. Черными магами. У каждого из них будет три помощника, получивших меньшие матрицы и обладающих нечеловеческой мощью. Если все трое носителей повстречаются, произойдет что-то страшное. К сожалению, наш экземпляр легенды неполон — не хватает окончания, книга побывала в пожаре.

— И никакая собака даже не подумала о том, чтобы этих хранителей сыскать? — мрачно спросил пресвятой отец, его глаза угрожающе сузились.

— Так ведь все это глупыми сказками считают, ваше святейшество, — мелькнула на губах монаха почти незаметная улыбка. — Эти легенды только такие, как я, книжные черви, и знают...

— Легенда слишком многое объясняет, в том числе и кое-что из моего собственного прошлого!

Это было то самое! Светозар всем нутром ощущал — вот она, истина. К тому же имелось косвенное подтверждение. Аналитический ум первосвященника быстро перебирал все, что знал, пытаясь найти что-нибудь связанное со случившимся этой ночью. Что-то такое вспоминается, что-то, когда он был еще просто Ищущим, братом Вячеславом. Однажды, когда экспедиция Святой Инквизиции работала в Анзамене, ему довелось поучаствовать в допросе мага, притворявшегося отшельником. Обнаружили его чисто случайно, в совершенно безлюдной местности. Инквизиторы всегда с подозрением относились к скрывающимся от людей, а потому взялись за отшельника всерьез. И тот не выдержал — магия так и полилась из него. Но Инквизиция умела защищать своих служителей от такого, и колдуна пленили.

Память его святейшества походила на содержащийся в идеальном порядке амбар, в котором существует опись всего содержимого, в которой указано что, где и как лежит. Каждая вещь имела бирочку с описанием, что это такое и для чего предназначено. Поэтому ему не представило особого труда припомнить подробности того допроса. Маг долго молчал, но, в конце концов, не вынес нечеловеческой боли и заговорил. Он нес какую-то чушь о том, что недавно встречался с самим хранителем знаний Тьмы и что скоро грядет эта самая Тьма. У него попытались выяснить, что это за хранитель и что он хранит, но не успели. Палачи перестарались, и маг умер посреди допроса. Сочтя его показания бреднями спятившего от боли колдуна, хранителя не стали разыскивать и отправились по своим делам.

Сейчас его святейшество очень жалел об этом и проклинал себя за беспечность. Ведь вполне могли выйти на хранителя и многое узнать заранее. Но тут же с отчетливой ясностью понял, что ничего бы они тогда не поняли, даже если бы маг рассказал все. Просто не смогли бы поверить. Да, грустно...

Значит, уже сколько-то сотен или даже тысяч лет на Танре существует организация темных, жаждущих вернуть Зверя, которого они называют Ушедшим. Почти никаких достоверных сведений об этом непонятном существе не сохранилось, а то, что сохранилось, было куда больше похоже на бредни. Многие, да почти все на его месте, предали бы случившееся забвению и посчитали теми же бреднями, но опытный Ищущий чуял вонючий след Зверя. След, который не мог забыть, по которому просто не мог не идти. А значит, нужно искать этих самых хранителей и все, что связано с Тремя и Девятью. Искать малейшие следы, несоответствия в событиях, любые странности и несообразности.

Если бы еще не это жуткое пророчество... Но его свя-

тейшество знал, что исполнение любого пророчества зависит от действий множества людей, от того, как поступит тот или иной человек в той или иной ситуации. А уж исполнение пророчества из Книги Листьев вообще зависело от слишком многих факторов. Двенадцать человек из разных концов мира должны еще вырасти и самостоятельно прийти во Тьму. Времени впереди достаточно, вполне можно предотвратить это. Светозар всей душой ощущал, что важнее дела у Церкви просто нет, а возможно, никогда и не было. Значит, его задача, как первосвященника, бросить на поиски лучших из лучших среди Ищущих. Он не был уверен в успехе этого дела, и впервые за многие годы ему было не по себе. Настолько не по себе, что руки дрожали.

Светозар внимательно посмотрел на брата Матфея, который о чем-то размышлял. Чем-то эта архивная крыса ему импонировала. Ведь посмел же он прорваться к самому первосвященнику со своим известием, когда подавляющее большинство постаралось бы забыть увиденное, боясь обвинения в колдовстве. Да и дополнительная информация в архивах вполне может найтись. Пришедшая идея была достаточно безумной, чтобы принести неплохой результат. Попробовать стоит, вернуть крысу в ее архивы никогда не поздно. Или вообще убрать. Когда Светозар начинал действовать, то остановить его было невозможно.

— Брат Матфей, — поднял он тяжелый взгляд на насторожившегося монаха. — Я поручаю вам перерыть архивы Церкви в поисках всего связанного с этим пророчеством и рассказанной вами легендой.

— Но я же не справлюсь один... — простонал тот. — На это годы уйдут, там десятки тысяч только книг...

— Привлекайте столько людей, сколько сочтете нужным! — отрезал первосвященник. — А чтобы ни у кого не возникло сомнений в вашей правомочности, возь-

мите в шкатулке у входа перстень. Отныне вы являетесь моим голосом, и ваши приказы равнозначны моим, выполнять их обязан любой служитель Церкви любого ранга. Докладывать результаты будете лично мне, и чтобы никто больше не знал истинной цели ваших поисков. Только учтите, спрашивать буду строго.

Ошеломленный внезапным возвышением, монах встал, неловко поклонился, трясущимися руками взял из шкатулки перстень и, пошатываясь, вышел. А Светозар до самого утра сидел в кресле и думал, думал, думал...

События покатились лавиной. Весь секретариат был изумлен бурной деятельностью вечно сонного первосвященника, не понимая смысла его действий. Немало нерадивых святых отцов, привыкших сытно есть и мягко спать, было неожиданно сослано в дальние монастыри, где им пришлось есть сухой хлеб и спать на каменном полу. Отец Лександр Болдин до смерти перепугался и старался выполнять малейшие прихоти его святейшества, вполне обоснованно опасаясь такой же судьбы. Светозар VI не походил на себя прежнего почти ничем и действовал подобно змее: бил туда, где никак не ожидали удара. Самое странное, что его перестали интересовать сплетни, которым он столько времени уделял прежде. Никто не понимал, как угодить разгневанному архипастырю. В центральном секретариате Церкви Спасителя в Фалинграде воцарились недоумение, растерянность и страх.

Через три дня по приказу его святейшества к нему в покои явились десять лучших Ищущих Святой Инквизиции. Пресвятой отец сам перебрал личные дела всех Ищущих и отобрал тех, кто, как и он сам, обладал развитой интуицией. Теперь он с интересом наблюдал за инквизиторами, неспешно рассаживающимися в креслах, и размышлял: «Да, стая молодых волков, великолепных, лютых, жаждущих крови. Идеально подходящих

для предстоящего дела. А лучший, пожалуй, вот этот — брат Итан бер Саан, бывший тарский пират. А глазищи-то — желтые, светятся... Кто, интересно, обратил его? Ах да, отец Ликоний. Великий был человек, жаль только, что метил на мое место, и пришлось его «уйти». Впрочем, брат Меальнор, эльф-изгнанник из Эльвидара, ничуть не хуже. Ишь, острые зубы-то оскалил, уши сморщил, на губах глумливая ухмылка... Хорош, хорош, зверина. Но бер Саан все же сильнее будет, и много сильнее — ему и руководить».

— Я рад вас видеть, братья! — встал первосвященник. Ищущие нестройным гулом ответили ему.

Светозар опытным взглядом легко улавливал во взгляде каждого тщательно скрываемое презрение к церковному иерарху, способному только на интриги, ни разу в жизни не сделавшему ничего полезного. Ничего, скоро они изменят свое мнение.

Первосвященник ухмыльнулся: Ищущие с недоверием поглядывали друг на друга — привыкли работать в одиночку и никому не доверять, а тут десятерых вместе собрали. И никто не знает зачем, причем все ощущают смутную тревогу и понимают, что просто так первосвященник не стал бы их вызывать. Ищущих в Церкви ненавидели и боялись, они отвечали холодным презрением. То, что одному из них, замаскировав свое прошлое, удалось стать первосвященником, само по себе было чудом. Но Ищущие являлись элитой Церкви, и Светозар не хотел, чтобы после его смерти власть снова перешла в руки жирных маразматиков. А значит, преемника придется воспитать из кого-то из этих, любой из них способен на многое. Но это позже, он еще не слишком стар, да и предстоит большое дело. Волкам придется научиться работать в стае, иначе не справятся. И хорошо, что появилось настоящее дело, только оно способно объе-

динить таких. Но сначала их нужно заставить уважать его самого.

— Итак, братья! — заговорил Светозар, и десять пар внимательных человечьих, эльфийских и гномьих глаз уставились на своего верховного пастыря. — Для начала хочу задать вам один вопрос. Кто из вас слышал что-нибудь об Ищущем по имени брат Вячеслав?

— Да каждый слышал, — осторожно ответил гном по имени Торин, сын Варсина. — Нас обучали ремеслу, разбирая дела, которые он вел. Жаль, что такой мастер погиб...

— Он не погиб, братья! — искривил губы первосвященник. — Он, впервые за всю историю Матери-Церкви, занял высший пост. Он перед вами!

Светозар оскалился и выбросил вверх кулак в приветствии Ищущих. Глаза его горели — впервые за долгие годы кто-то узнал о его прошлом, и он больше не боялся — здесь все свои, такие же жестокие волки, как и он сам. И все они сразу поняли, что власть не уйдет из их рук больше никогда. Ищущие встали и склонили головы, в их глазах впервые появилось уважение — своеобразное, волчье уважение к самому сильному и матерому хищнику. Первосвященник не удивлялся — перед ними стоял не жирный церковный иерарх, а такой же, как и они сами, волк, поджарый и жестокий, добившийся всего своими силами. Они также оскалились, понимая друг друга с полувзгляда и полувздоха.

— Сами понимаете, — предостерег пресвятой отец, — что если мы не хотим выпустить этот пост из своих рук, придется молчать об услышанном. К тому же я собрал вас не просто так, а по очень важному делу.

Собравшиеся внимательно изучали его лицо, и первосвященник снова позволил себе оскалиться, чего, конечно, никогда не сделал бы в другом обществе. Но сей-

час он был свой среди своих, и никто не удивился его диким, на взгляд большинства людей, гримасам.

— А пригласил я вас, братья, — продолжил Светозар, — по очень неприятному поводу. Вы отныне составляете костяк новой тайной службы, подотчетной только мне лично или моему преемнику, которым, скорее всего, станет один из вас. Заниматься эта служба будет только одним делом. Но от него зависит само существование Церкви, а то, боюсь, и всего нашего мира, такого, каким мы его знаем.

— Это настолько серьезно? — спросил брат Итан, внимательно глядя на первосвященника. — Ведь, как мне кажется, мы подавили почти все источники сопротивления, кроме империи.

— Это другое, — скривился Светозар. — Занимаясь отловом ересиархов и нелояльных к Церкви, мы упустили из виду истинных служителей Зверя. И сейчас обстоятельства таковы, что если мы не справимся, то Тьма усилится стократно. Причем это будет истинная Тьма. Вам требуется объяснять, чем это чревато для Церкви?

Ищущие отрицательно покачали головами, и его святейшество продолжил:

— Прошу учесть, что это не легенды, не сказки, хотя и очень походит на них. Почти никому из вас не доводилось сталкиваться с истинными слугами Тьмы, вы встречали в основном только оговоривших себя, чтобы избавиться от боли. Не возражать! Знаете, что я прав. Здесь мы среди своих, мы не имеем права обманывать друг друга и обманываться сами, если хотим выжить. Только полная и абсолютная откровенность, в кругу своих, конечно. И мы не можем позволить себе работать прежними методами. Необходимы не лжеобвиняемые, чтобы закрыть дело, а те, кто действительно виновен. Трудно перестроиться, я понимаю, но это наш долг. Искать информацию придется по крохам, цепляться за

малейшие несообразности и несоответствия в показаниях. Это ясно?

— Да!

— Именно поэтому здесь только те Ищущие, у которых развита интуиция. Если вы согласны со мной, я посвящу вас в суть дела. Итак?

— Да! — ответил нестройный хор голосов.

Отказавшихся не было. Его святейшество ухмыльнулся, затем неспешно рассказал обо всем — и о своем пробуждении, и о случившемся в библиотеке, и о пророчестве, и о легенде, объясняющей его. А затем — о том, что удалось выяснить за прошедшие три дня. Увы, почти ничего нового.

— Вы слышали? — прищурил глаза первосвященник. — Вы назовете это сказками?

— Нет, — ответил за всех брат Итан. — Я ощущаю здесь что-то серьезное, что-то очень большое, грозящее немалыми бедами.

Его святейшество позволил тонкой улыбке появиться на губах и сказал:

— Главой новой службы назначается брат Итан бер Саан. После рукоположения ему будет присвоен сан епископа. Отныне он становится моим голосом и подчиняется только мне.

Все молча кивнули, только в странных желтых глазах тарца, приводящих многих в замешательство, на мгновение мелькнула искорка торжества. Начался мозговой штурм — самые безумные и еретические идеи обсуждались и отбрасывались, если были совершенно невероятны. Если же имелся хоть один процент уверенности, что идея может принести результат, ее запоминали для дальнейшей разработки. Ищущие внимательно выслушивали каждого, и даже самые дикие мысли, за высказывание которых в другом месте отправляли на костер, не вызывали у них отторжения. Его святейшест-

во был очень доволен своим выбором и наслаждался общением. Но вскоре их прервали.

— Сюда нельзя, нельзя! — верещал пронзительный голос отца Лександра. — У его святейшества совещание!

— Ваше святейшество! — крикнул из-за плеча секретаря брат Матфей, удерживаемый дюжими стражниками. — У меня важнейшие известия касательно нашего дела! Срочные известия! Выслушайте меня, умоляю!

Первосвященник сделал рукой жест, и монаха тут же отпустили. Он отряхнул ветхую сутану, презрительно посмотрел на секретаря и вошел. Дождавшись, пока дверь за его спиной закроется, поклонился и сказал:

— Пресвятой отец! Мне удалось многое выяснить. Узнав, что вы собрали Ищущих, я сразу понял зачем и поспешил сюда. То, что я узнал, напрямую касается того страшного дела, которое вы им поручили. Если я не ошибаюсь, конечно.

Брат Матфей выпрямился и спокойно посмотрел в глаза рассерженному его вторжением первосвященнику. Тот снова внимательно изучил лицо монаха и удивился. Брат Матфей совершенно не боялся того, что могли с ним сделать, ему плевать было на последствия. Его интересовало только дело, и ничего более. Этот книжный червь все больше и больше нравился его святейшеству — таких людей ему всегда не хватало. Людей, не жалеющих себя, не пекущихся о своем благополучии, не жаждущих урвать кусок пожирнее и спрятать в личной берлоге. Похоже, интуиция снова не подвела, не зря он дал этому монашку власть голоса первосвященника. Его святейшество уже благосклонно кивнул брату Матфею, и тот начал:

— Первое и самое важное — в библиотеке Верграда сохранился полный экземпляр интересующей нас легенды.

— И?! — наклонился вперед первосвященник, нервно постукивая пальцами по столу.

— Трое родившихся той ночью будущих черных магов являются составляющими самого Зверя. Если они станут теми, кем предсказано, и встретятся, они объединятся в одно существо страшной мощи. И имя этому существу будет — Ушедший! Он может вернуться, если мы допустим это, ваше святейшество!

— Та-а-к... — протянул Светозар. — Все еще страшнее, чем мы думали, братья...

Ищущие задумчиво рассматривали брата Матфея. Тот стоял мрачный, его глаза горели лихорадочным огоньком. Только тут первосвященник с изумлением понял, что монах походит на остальных, собравшихся в этой комнате, походит чем-то неуловимым, не объяснимым словами. Как же инквизиция могла упустить такого? Странно... Он хотел было спросить об этом, но его опередил брат Итан.

— А почему вы стали библиотекарем, а не Ищущим?— инквизитор тоже уловил мимолетное сходство.

— Я пытался в юности... — криво усмехнулся брат Матфей. — Но я всегда был физически слаб, и мне отказали.

— Из-за физической слабости... — повторил тарец и обвиняюще посмотрел на первосвященника.

— И в Инквизиции уже идиоты окопались... — поморщился тот. — Ладно, что еще у вас, брат Матфей?

— Похоже, я вышел на след одного из хранителей.

Все Ищущие, в том числе и его святейшество, так и подались вперед, уставившись на него.

— Вы уверены? — осторожно спросил кто-то.

— В этом деле ни в чем нельзя быть уверенным! — бросил брат Матфей. — Я лучше опишу весь ход поиска, а вы сами смотрите, прав я или нет.

— Хорошо, — кивнул первосвященник.

— Воспользовавшись данными мне вами, ваше святейшество, правами, — поклонился монах, — я приказал информационному отделу секретариата доставлять мне в библиотеку копии ежедневных донесений разведки, поступающих по всем каналам, в том числе — и телепатическим. Полные копии, а не отбираемое ответственными секретарями. В результате оказалось, что ими отбрасывалось важное, а чушь сохранялась.

— Ну, и что из этого? — снова скривился Светозар. — Я и так знаю, что информационная служба работает из рук вон плохо.

— А то, — спокойно ответил монах, — что если бы не копии, очень неохотно доставленные ими, я бы не натолкнулся на то, что удалось найти. Разбирая всю эту кучу донесений, я обратил внимание на маленькое сообщение, относящееся к дню, следующему за той страшной ночью. В нем двумя строками говорилось об очень странном происшествии в Инзиуре.

— Городе Ассамблеи? — прищурился брат Итан.

— Да, — кивнул брат Матфей. — Утром того дня в своей башне заживо сгорел маг-отшельник Стиор арн Над.

Он выжидающе посмотрел на Ищущих, и те сразу поняли странность сообщения.

— Арн Над? — переспросил первосвященник. — Однофамилец или?..

— Именно что «или»... — усмехнулся монах. — Именно «или». Я затребовал в секретариате внешней разведки полную информацию об этом человеке.

Тут его лицо перекосила едва сдерживаемая ярость.

— В чем дело? — приподнял брови его святейшество.

— Я действовал как ваш голос, а с меня за информацию взятку потребовали! — голос монаха стал глухим и прерывистым. — Да что же это творится с Церковью, ваше святейшество?! Мне пришлось трех начальников

отделов в ссылку отправить, чтобы они там вообще зашевелились... Простите, если был не прав.

— Служба внешней разведки... — угрюмо протянул Светозар. — Да, вы были не правы. Их следовало не ссылать, а сразу на кол сажать! Чтобы другим неповадно было!

Брат Матфей изумленно посмотрел на него, затем встряхнулся, как пес, выбравшийся из воды, и продолжил:

— Как удалось выяснить, у этого мага странная история. Рос себе в Крон Арингаре уличный мальчишка, среди гномов рос. Ничем от других бродяг не отличался, вот только на плече у него была странная родинка в форме четырехлучевой звезды.

— Бастард императора? — спросил эльф-инквизитор, оглянувшись на первосвященника. — И кто это постарался?

— Стирген VI, брат. В ранней молодости путешествовал по миру, тогда и обрюхатил кого-то. Кого именно — выяснить не удалось. Если вы помните, у императора очень долго не было детей, только после пятидесяти у него родился тот, кого ныне мы знаем под именем Стиргена VII.

— Я припоминаю, — кивнул его святейшество, — что до того в империи был недолго какой-то другой наследник. Но вот кто он и куда потом подевался, не знаю.

— Вот им-то и был наш маг, — усмехнулся брат Матфей. — Его обнаружил в Арингаре путешествующий дядя Стиргена VI. Старый вельможа был очень удивлен, услыхав зов крови. Тот вывел его на юнца-бродягу. Но родовой знак у этого бродяги нашелся, да и магическая проверка подтвердила его принадлежность к роду арн Над.

— Дальше, дальше! — поторопил заинтригованный первосвященник.

— Детей у императора тогда еще не было, вот Им-

перский Совет и вцепился в юнца, привезенного в Над, решив сделать из него наследника. Несколько лет будущий маг проходил в этой роли. И если бы у Стиргена VI не родился неожиданно законный наследник, то Над имел бы императором не Стиргена VII, а Стиора I. Но когда наследник появился, бастард тут же стал лишним. Не знаю, по какой причине его оставили в живых и кто был в этом заинтересован, но бастарда всего лишь оскопили и отдали на обучение в Ассамблею Магии. Вот тут-то и выяснилась еще одна интересная подробность.

— Какая?

— Он оказался одним из немногих, кого называют прирожденными магами. Это очень странно, до тех пор в роду арн Над магов никогда не было. Возможно, сыграла свою роль кровь неизвестной матери. Очень бы хотелось знать, кто она. Но, увы...

— Прирожденный маг... — с изумлением протянул брат Итан. — Кто бы мог подумать. Сколько их сейчас на Танре всего, кто-нибудь знает?

— То ли десять, то ли двенадцать, — резко ответил пресвятой отец и кивнул брату Матфею.

— Как вы и сами понимаете, — продолжил тот, — в прирожденного мага Ассамблея вцепилась руками и ногами. Но Стиор арн Над был странным студентом. Все время учился, не тратя время ни на что более, не пил вместе с остальными в трактирах, редко посещал вечеринки, но зато практически не вылезал из библиотеки, постоянно задавал вопросы, ставившие в тупик преподавателей, лез в такие дебри, куда не рисковали забираться даже опытные маги. И постоянно танцевал на краю ереси — даже для остальных колдунов. Думаю, он вполне мог стать слугой Тьмы. Вскоре талантливым студентом заинтересовался такой же маг-отшельник, каким позже стал и сам Стиор. После окончания учебы он поселился в башне своего учителя, которую потом и

унаследовал. Принцу-бастарду запретили покидать не только пределы империи, но и Данватский полуостров. Однако он многократно нарушал этот якобы строгий запрет. Я понимаю, почему на его вояжи смотрели сквозь пальцы — скопец не мог породить наследника, а значит, не мог и узурпировать трон. В тридцатилетнем возрасте Стиор арн Над отправился путешествовать по миру и вернулся домой только через двадцать лет. Чем он занимался в это время, почти неизвестно. Я знаю только, что он ухитрился побывать даже здесь и порыться в архивах нашей библиотеки! Инквизиция спохватилась только после того, как мага и след простыл. Вскоре после его возвращения домой учитель Стиора умер, и наш маг засел в своей башне. Если раз в год он и появлялся на людях, то это было уже хорошо. Только на отчетных собраниях Ассамблеи его и видели. Потребности имел минимальные — одежду и все необходимое доставлял один и тот же торговец, еду — один и тот же трактирщик. А после их смерти — их сыновья. Только одно интересовало Стиора изредка — каждый год он требовал доставлять ему списки новых студентов вместе с их характеристиками. Похоже, искал себе ученика. Но так и не нашел.

— А почему вы уверены, что именно он являлся одним из хранителей? — спросил брат Итан.

— Я ни в чем не уверен, меня настораживает поведение этого мага. Кроме того, его так называемая смерть заставляет задуматься. На следующее утро после проявления пророчества... Я узнавал — в ту ночь каждый человек, хоть немного чувствительный к магии, проснулся в ужасе и холодном поту.

— Вот даже как... — пробормотал первосвященник. — Но почему вы считаете его смерть так называемой?

— Слишком много в ней показухи, — усмехнулся монах. — Башня выгорела изнутри дотла, и никаких сле-

дов чего-либо в ней не найти. Даже если там действительно что-то происходило. Тщательный осмотр тела инзиурская стража не производила — в протоколе указано только, что труп обгорел до неузнаваемости и опознан по медальону мага. Непонятно также, скопец ли сгорел. Если нет, то вы сами понимаете, что произошло, братья.

— Да уж, — усмехнулся брат Итан. — Маг инсценировал свою смерть и отбыл куда-то по своим делам. И это на следующее утро после всего... Что-то тут не то, вы правы, брат Матфей.

— Вы не обратили внимания еще на одно обстоятельство, — посмотрел тот прямо в желтые глаза тарца. — Как я уже говорил, Стиор арн Над — прирожденный маг.

— Спаситель благой! — всплеснул руками его святейшество. — Да не мог прирожденный маг сгореть заживо! Эти чудовища слишком сильны для столь глупой смерти!

— Да, — кивнул брат Итан, — не мог. Этим магом мы с сегодняшнего дня займемся вплотную. И найдем!

— Ваше святейшество, — снова поднял глаза на первосвященника брат Матфей, — разрешите предложить вам создать в составе новой службы аналитический отдел.

— А это еще что такое? — удивился тот.

— Аналитик, — продолжил монах, — это человек, способный по отдельным, на первый взгляд, не связанным между собой фактам восстановить цельную картину происходящего. Я сам был свидетелем того, как отец Симон по колебаниям цен на рынках шерсти и льна предсказал позапрошлогодний переворот в Ландзаде за три месяца до него, причем точно сказал, кто, как и зачем. А главное, абсолютно верно определил, кто в этом перевороте заинтересован. Вы знаете, как дорого он нам

потом обошелся. А если бы кто-нибудь поверил отцу Симону заранее, мы были бы готовы и сумели предотвратить его.

— Он что, колдун? — с подозрением в голосе спросил первосвященник. — Предсказатель?

— Нет, ваше святейшество, он ученый. Он разработал новый метод анализа разрозненной информации, который позволяет предсказать многое с точностью до девяноста процентов. А его с учениками почему-то едва ли не еретиками объявили! Причем неясно, кому это было нужно. Я выяснил, что кто-то очень много золота потратил, только чтобы нам метод отца Симона не достался. Кого сослали, кого посадили, а кого и вообще казнили... Но отец Симон оказался прав, и переворот случился в предсказанное время.

— Я бы не отказался иметь в команде людей, способных воссоздать форму кувшина по нескольким черепкам... — осторожно вставил брат Итан. Он с уважением смотрел на монаха, рискующего, еще не получив реальной власти, просить за друзей. А если эти друзья действительно умеют то, о чем он говорит...

— Хм-м-м... — почесал подбородок первосвященник, ему тоже понравилась смелость брата Матфея. — Раз так, забирайте их всех из ссылок и тюрем. Создавайте свой аналитический отдел, но глядите мне... Никакого колдовства! И работать как следует.

— Они себя оправдают, сами увидите, ваше святейшество, — облегченно улыбнулся монах. — Есть еще одна неприятность, но уже не относящаяся к нашему делу.

— Ну?

— Мне совершенно случайно удалось выяснить, что архиепископ Старградский усиленно копает под вас. На ближайшем заседании Синода вас собираются объявить еретиком и сместить. К сожалению, в моем распоряже-

нии пока только слухи, но я постараюсь перехватить письма.

— Этот жирный, тупой ублюдок? — изумился его святейшество. — Что ж, буду знать. Спасибо за предупреждение. Хотя откуда вы это узнали, я вам этого не поручал...

— Честное слово, совершенно случайно, ваше святейшество, — смутился брат Матфей. — Один из моих подчиненных услышал разговор секретаря архиепископа с ответственным секретарем Синода, который они вели в библиотеке, посчитав, что рядом никого нет.

Он остановился, покраснел, набираясь смелости, и сказал:

— Ваше святейшество! Простите меня или казните, если я не прав. С Церковью происходит что-то страшное, полное беззаконие, епископы и архиепископы творят, что хотят, им плевать на благо Церкви. Взятки, поборы, чревоугодие и похоть! Грязь процветает, а все лучшее затаптывается! А ведь Церковь призвана служить Господу нашему и Спасителю!

Первосвященник медленно наливался яростью. Да как эта архивная крыса посмела?! Он и сам знал, что в его епархии далеко не все в порядке. Но одно дело — знать про себя, а совсем другое — говорить об этом вслух! Тем более — в лицо самому главе Церкви! Нет, наглость монашка должна быть наказана. Он устремил налившиеся кровью глаза на вытянувшегося перед ним брата Матфея и уже открыл было рот, чтобы смешать наглеца с грязью, но его неожиданно прервали.

— Я присоединяюсь к мнению брата Матфея, — донесся до слуха Светозара холодный голос брата Итана. — Даже Инквизиция сдает свои позиции. Богатые еретики выкупают свои поганые шкуры, и наше начальство на это идет! Сам видел.

— Кто-о-о?.. — едва смог выдохнуть первосвященник. — Какая тварь?!

— Архиепископ Ворамский, — столь же холодно сообщил инквизитор. — И он — только один из многих. Не знаю, что думаете вы, брат Вячеслав, но я считаю, что перед тем, как начинать большое дело, в доме нужно сделать уборку и вымести оттуда всю грязь.

Его святейшество не обратил внимания, что его назвали старым именем, которое он давно уже не носил. Слова бер Саана заставили задуматься. К сожалению, в последнее время Церковь действительно развратилась. Способна ли она в таком виде выдержать натиск Тьмы? Может, и нет... Что делать в таком случае? Кое-кого казнить, кое-кого сослать? Но это вряд ли поможет, новоназначенные епископы быстро освоятся и тоже начнут воровать и чревоугодничать. Разве что...

В голову первосвященника пришла совершенно безумная мысль, и злобная ухмылка растянула его сухие губы. Инквизиция внутри инквизиции! Занимающаяся только самими слугами господними. Которой все будут бояться больше смерти и будут готовы на все, даже стать святыми, лишь бы не оказаться объектом внимания этой службы. Но кого поставить во главе? Это должен быть абсолютно преданный Церкви, бескорыстный человек, притом не жестокий, не получающий удовольствия от мучений других. Взгляд его святейшества снова упал на брата Матфея, который стоял перед ним со скорбными глазами в ожидании наказания за свои слова. А ведь кандидатура вполне подходящая... Ничего не хочет для себя и искренне верит в великое предназначение Матери-Церкви. И работать умеет — вон сколько всего выяснил за каких-то три дня. По нему видно, что и не спал совсем — синий весь, под глазами круги. Явный трудоголик.

— Брат Матфей, — обратился к нему первосвященник, усмехаясь весьма ехидно. — Тогда, в преддверии грядущих событий, вы и почистите наши конюшни. Су-

меете подобрать людей и создать службу, занимающуюся этой чисткой? Достаточно честных и преданных делу Церкви людей.

— Обещать ничего не могу, но постараюсь сделать все, что в моих силах, — спокойно ответил монах, его глаза сузились. — Каковы границы моих полномочий?

— А их не будет, — осклабился его святейшество. — Никакие заслуги прошлого и никакая должность не должны защищать продажную паскуду от возмездия. Оно должно быть неотвратимым!

— Благодарю за доверие, — в зрачках монаха все сильнее разгорался огонек радости. — Но мне понадобятся Ищущие...

— Подберем вам список толковых, — поднялся брат Итан. — А главное — честных.

Они понимающе улыбнулись друг другу. Первосвященник тоже встал и поднял вверх кулак, остальные Ищущие встали следом. Покои верховного иерарха Святой Церкви Спасителя огласил дружный вой волчьей стаи, вышедшей на охоту. Брат Матфей выл вместе со всеми, в его глазах пылал лихорадочный огонь вдруг сбывшейся невероятной мечты.

День шел за днем, месяц за месяцем. Неподъемное количество работы для новых служб не давало им ни минуты роздыха. Церковь медленно охватывал липкий страх. Епископы и архиепископы жили в постоянном ужасе, ожидая исчезновения очередного и последующих суда и казни. Имя неизвестно откуда вынырнувшего брата Матфея, бледной архивной поганки, было у всех на устах, никто не мог понять, что происходит, каким образом этот жалкий до недавнего времени человечек вдруг стал всесильным главой Чистых, этой жуткой инквизиции внутри инквизиции. Каждый церковный служитель, пренебрегавший долгом во имя удобств и выгод, вскоре проклял день, когда родился. Брат Мат-

фей не жалел никого и никогда, никакие оправдания не облегчали участь осужденного судом Чистых. Впрочем, через несколько месяцев монах был рукоположен и стал отцом Матфеем, а вскоре и епископом Морнгерским.

Если кто-нибудь пытался дать главе Чистых взятку... Судьба такого была страшной. Привычные к теплу и сытости столичные монахи ссылались в отдаленные северные монастыри, где вскоре и отдавали концы, так как были не способны перенести голод, холод и тяжкий труд. Взамен в столицу вызывалась молодежь, чем-либо проявившая себя, в чем-то талантливая. Заржавевшие шестерни церковных служб постепенно начали проворачиваться все быстрее и быстрее — его святейшество и новоявленного епископа интересовали только результаты, а отнюдь не пути их достижения. Чистые почти полностью состояли из юных энтузиастов, едва ли не молящихся на своего руководителя.

Первосвященник взирал на происходящее с легкой улыбкой — выбор оказался правильным, в лице бывшего брата Матфея ему подрастала достойная смена. В этом за прошедшие месяцы Светозар успел убедиться — глава Чистых поражал своей трудоспособностью. Притом Матфей ухитрялся находить нетривиальные методы для решения любых вопросов и решал их удивительно быстро. Такого помощника у первосвященника еще не бывало.

Аналитический отдел, созданный из вытащенных из ссылок учеников отца Симона, тоже работал на удивление хорошо и уже успел предсказать наступление двух кризисов. Сам старик до этого не дожил — умер в монастырской тюрьме. Матфей даже всплакнул, узнав об этом. А затем гонители его друга заплатили за смерть гения своими продажными шкурами. Но отец Симон успел хорошо обучить учеников, и влюбленные в свое дело

аналитики вгрызлись в работу так, что чертям в аду тошно стало. Жаль только, что анализ легенды и достоверных фактов об Ушедшем не дал почти ничего — слишком отличалось это непонятное существо от всего известного, его поведение невозможно было предсказать.

Все видели работу Чистых и боялись их, благодаря чему Очищающие, команда Итана бер Саана, остались в тени, и никто о них ничего не знал. Однако все их запросы выполнялись почему-то очень быстро. За этим внимательно наблюдали его святейшество и епископ Матфей, который, и став епископом, продолжал ходить в штопаной застиранной рясе. Несколько Очищающих, включая самого бер Саана, тайно отправились в Инзиур, чтобы подробно выяснить обстоятельства лжесмерти мага. Посвященные знали, что операция крайне опасна: малейшая зацепка, малейшая ошибка — и Контора вцепится в хвост Очищающим. Вцепится и не отстанет — служба безопасности в империи работала, как хорошо смазанный механизм, почти никому из агентов Церкви не удавалось больше двух-трех недель водить ее за нос.

Итан сумел узнать необходимое и уйти, хотя четырех человек и потерял. Он выяснил, что маг все-таки сбежал. Обследуя сгоревшую башню, инквизиторы ощутили отзвуки черного заклятия такой мощи, что и теперь, спустя четыре месяца, стены ее стонали, а развалины вызывали у людей ужас и отвращение. Несомненно, это и было заклятие, открывшее миру темные матрицы. Некоторое время Очищающие безрезультатно рыскали по городу магов, но вскоре сумели выйти на дантиста, у которого изредка лечился старый маг. Похитив зубодера, инквизиторы ночью вскрыли могилу. Ошеломленный похищением, дантист в руках опытных палачей быстро сломался и, внимательно осмотрев челюсть трупа, заключил, что это не Стиор арн Над. К тому же мерт-

вец не был скопцом. Могилу закопали, дантист лег рядом со своим лжеклиентом. А Очищающие, вынюхав новый след, двинулись за бывшим принцем империи.

* * *

— Эй, козел старый, а ну-ка вставай! Вставай, не то за борт вышвырну!

Стиор изумленно распахнул глаза. Это ему? Давно никто не осмеливался так говорить с прирожденным магом, да еще и пусть каким-никаким, но принцем. Тут на его ребра обрушился хлесткий удар, и старик взвыл от боли. Да что же это такое?! Какая наглость! И где он? Едва сдержавшись, чтобы на месте не испепелить ударившего его, Стиор с трудом приподнял голову. Так. Темное, длинное и весьма зловонное помещение. У стен — два ряда скамей, между ними широкий проход. На скамьях по три человека в ряд сидят прикованные к цепи в проходе люди. Раздается мерный грохот огромного барабана, и в ритме его ударов люди гребут огромными веслами, разом наклоняясь и выпрямляясь. Явно рабы... Вот оно что! Это же кадаирская рабская галера! Но каким песьим образом он ухитрился сюда попасть?! Что за чудеса?! Ни разу еще в жизни старого мага не было случая, чтобы он терял контроль над событиями.

От размышлений Стиора оторвал еще один удар кнутом, и он снова тихонько взвыл, затем поднял голову и посмотрел на надсмотрщика, огромного смуглолицего детину с разбойничьей рожей, одетого только в широкие алые шаровары. В ухе у того висела золотая серьга, ноздри были вырваны, а руки поигрывали кнутом, сплетенным из воловьих жил. Такими кнутами мастера своего дела сшибали людям головы. Для прирожденного мага не представило бы труда развеять в пыль

и надсмотрщика, и всю галеру, но Стиор решил сначала осмотреться. Надо понять, как он сюда попал.

— Слушай сюда, падаль! — проревел надсмотрщик. — Ты теперь раб на галере его величества шаха Казада! Понял?!

— Да, да, господин, — поспешно закивал маг, — я все понял. Только не бейте меня больше, пожалуйста...

— Станешь лениться, отхватишь кнута, — равнодушно буркнул верзила и зевнул. — Воду дают два раза в день, жрать — один раз. Плохо работать будешь — пайку не получишь.

Старик притворился испуганным, вжал голову в плечи и преданным, собачьим взглядом уставился на надсмотрщика. Тот, решив, что раб сломался, довольно хмыкнул и осклабился.

— Господин, я все понял, — снова поклонился маг. — Но умоляю, скажите мне, как я сюда попал?!

— А неча нажираться по кабакам с теми, кого не знаешь! Вот твои новые дружки тебя сюда и продали. Тут и сдохнешь! И рыбки тебя скушают. За нами всегда рыбки плывут, вот с такими зубками.

Надсмотрщик показал руками, какие у акул зубы, и грубо заржал. Потом снова вытянул мага кнутом поперек спины и рявкнул:

— Греби давай, гнида старая!

Стиор вздрогнул, но сдержал крик — к боли ему не привыкать. Однако дал себе слово, что смерть этого надсмотрщика не будет легкой. Маг огляделся по сторонам и ухватился за край весла, которым гребли двое других рабов, сидящих на одной с ним скамье. Через несколько минут удалось уловить ритм движений, и Стиор включился в работу. Ему сейчас нужно было только одно — чтобы его оставили в покое. Работа не мешала, прирожденный маг всегда мог использовать внешний источник энергии и работать очень долго, не затрачивая при

этом своих сил. Надсмотрщик немного понаблюдал за ним, удовлетворенно кивнул, похлопал мага по плечу и ушел по своим делам. Стиор уже начинал задыхаться, дожидаясь этого момента, поэтому тут же нащупал ближайшую силовую линию и подключился к ней, замкнув полный круг энергооборота. Мало кто из магов Танра умел делать это, а те, кто умел, передавали секрет только ближайшим ученикам. Да и без больших способностей применить такие заклинания могли не многие — только прирожденные маги и высшие магистры, берущие силу мастерством. Теперь Стиор мог грести сутками. Но придется то и дело имитировать усталость — внимание окружающих было старому магу ни к чему. Он осторожно посмотрел по сторонам, оценивая состояние галеры.

— Шо зыришь, старый? — насмешливо, хоть и шепотом, спросил его сидящий рядом раб. — Больше тебе уж ничо не увидать, токо энтот трюм. Тута мы все и издохнем.

— Так работа же тяжелая, — так же шепотом ответил маг. — Зачем они такого старика, как я, купили? С меня же толку мало...

— Ты шо, старый, с неба рухнул, шо ли? — ухмыльнулся сосед. — Это ж кадаирская галера, у них рабы шо мухи мрут, каждый рейс трюмников меняют. Они и до Тирхома едва доплелись, рабов с десяток живых осталось. Гнались за кем-то, гребцам роздыху не давали, вот те и перемерли. А на берегу покупали, шо предложат подешевле.

— Но зачем же так?

— Кадаирцы, кто их, слуг пророка, разберет... Нам еще повезло, шо у них денег почти не осталось, так капитан приказал рабов чуток поберечь.

— А ну заткнитесь, скоты!

Кнут надсмотрщика прошелся по спинам собесед-

ников. Стиор вздрогнул от пронзительной боли и снова дал себе слово разобраться с этим надсмотрщиком так, чтобы тот пожалел о своем рождении. Затем заставил себя полностью отдаться ритму гребли, очистил сознание и начал вспоминать случившееся за последний год. Он все еще не мог понять, как оказался на галере, да еще и в бессознательном состоянии. И непонимание магу очень не нравилось.

Почти год прошел с той ночи и его мнимой смерти. И весь этот год старик провел в дороге. Тогда он все же не смог убить несчастного нищего быстро и безболезненно, из-за чего совесть до сих пор не давала Стиору покоя. Никогда он не любил убивать, да еще и невиновных, старался обходиться без убийств. Увы, не всегда получалось. После этого неприятного эпизода Стиор, изменивший внешность и выглядящий как пожилой купец средней руки, купил себе место на ксанирском шлюпе, идущем на остров Борн с грузом мехов, которыми издавна славился Инзиур. Мало кто обращал внимание на худощавого неразговорчивого купца, едущего по своим торговым делам в Борн. Правда, он был полностью сед, ну да с кем не бывает, мало ли чего этому купцу в жизни повидать пришлось. Шлюп попался, как назло, очень медленный, да еще и зашел по дороге в Илле-Алль, проторчав там целых две недели. Стиор во время остановки закрылся глухим экраном и безвылазно сидел в своей каюте — для полного счастья только интереса эльфийских магов к его персоне и не хватало.

Дорога до Борна заняла почти три месяца. Маг высадился в столице, городе, носящем то же имя, что и остров, и на следующий же день отправился с караваном через перевал в Оорг, знаменитый на весь мир торговый город, где можно было купить и продать все, что душе угодно. К сожалению, северная оконечность ост-

рова Борн вплотную прилегала к Срединному архипелагу.

Срединный океан был забит десятками тысяч островов, островков и островочков, это странное скопление и носило имя Срединного архипелага. Ни один корабль даже в водах, проходимых для больших кораблей, не мог обойтись без доброго десятка лоцманов, каждый из которых хорошо знал свой участок архипелага и ничего более. Но большое судно и с лоцманом могло пройти только по краю скопища островов, вглубь океанским кораблям ходу не было. Дальше грузы и пассажиры перевозились тысячами мелких каботажников. В этой дикой мешанине найти кого-либо или что-либо было почти невозможно. Да и известно было в этом лабиринте не более половины проходов, постоянно находились новые острова, заселенные порой странными племенами, поговаривали, что кто-то встречал даже остатки дзенң и вольных драконов. Но Стиор в такие россказни не верил, слишком хорошо знал, что моряки любят приукрасить скучные плавания и выдумывают разные истории, а потом столько раз рассказывают их лопухам, что и сами начинают в них верить.

— А ну греби, крыса навозная! — прервал размышления старика окрик надсмотрщика, вслед за которым сразу последовал удар кнутом. Стиор вскрикнул.

— Простите, господин... — пролепетал он, едва сдерживая ярость.

Надсмотрщик осклабился и устрашающе потряс кнутом перед носом Стиора. Маг послушно заработал веслом. Только убедившись, что надсмотрщик больше не следит за ним, он вернулся к прерванным размышлениям.

На островах Срединного архипелага кое с кем из малоизвестных племен торговали, но они мало что могли предложить алчным торговцам. Магу во времена сво-

его двадцатилетнего путешествия по миру довелось побывать в гостях у многих таких племен. Большинство оказалось сущими дикарями и ничего собой не представляло, но были и сохраняющие древнюю мудрость еще от дзенн. Больше всех знала об архипелаге Церковь, но к ее архивам доступа не имел никто, кроме самих святых отцов. Немалое число островов, особенно из близких к Фалнору, захватили паладины. Они действовали с ошеломляющей жестокостью — если население острова не желало принимать веру в Спасителя, то уничтожались все — от древнего старика до младенца: Церковь жалости не ведала.

В Фалинграде давно точили зубы на Ллинь-Тон, гигантский остров на северо-западе архипелага, многие вообще предпочитали считать его четвертым материком. Но захватить его святым отцам никак не удавалось — населению трех небольших стран, расположенных на Ллинь-Тоне, совсем не улыбалось оказаться под тяжелой лапой Церкви, и островитяне сопротивлялись, как могли. А империя с удовольствием оказывала им помощь войсками, кораблями и оружием. Дело в том, что весь остров был окружен очень широкой и совершенно непроходимой полосой коралловых рифов, в которой существовало всего три известных прохода. И эти проходы тщательно охранялись, около них патрулировали боевые корабли. Пройти через проходы без лоцмана тоже было почти невозможно, а если кто и исхитрялся, то его радостно встречали флоты с катапультами наготове. Обычно королевства Ллинь-Тона увлеченно грызлись между собой, но при малейшем намеке на угрозу со стороны Фалнора тут же забывали обо всех распрях и дружно накидывались на захватчиков. Впрочем, немалую помощь, как уже говорилось, оказывали присылаемые Надом войска. Империя торговала на Ллинь-Тоне совершенно свободно и почти беспошлинно — многие

вообще считали остров едва ли не имперской провинцией.

К юго-западу от Ллинь-Тона лежал печально известный остров Тар — убежище пиратов. На полмира раскинулись их щупальца. И у берегов Фалнора, и у Костава, и у Кадаира, и у Крон Арингара встречались пиратские бриги. Только в воды империи они заплывать не осмеливались — границы охраняли драконы и маги. И те, и другие везде, кроме империи, были вне закона, вот и защищали страну, давшую им убежище, изо всех сил, понимая, что в случае победы Церкви места им в мире не останется. Но в другом месте купец в любой момент мог увидеть мачты пиратского брига, после чего оставалось только молиться — уйти шансов не было. Свои непохожие на других корабли пираты строили сами, и никто не знал секрета скорости этих узких, невероятно быстрых четырехмачтовиков. Многие спрашивали себя: почему Церковь не трогает Тар? Кое-кто даже подозревал, что пираты давно под контролем святых отцов, но это были всего лишь подозрения.

Передвигаясь от островка к островку, Стиор к декабрю добрался до следующего большого острова — Ларбы, где ему пришлось задержаться на всю зиму, так как начался период зимних штормов, и ни одна собака не рисковала даже носа высунуть из гавани. Три месяца старик мучился от безделья и тревоги в одной из гостиниц Ларбада, единственного большого города на острове.

Причины тревожиться были. Уже несколько месяцев, с самого Оорга, маг явственно ощущал направленный на него поток внимания. Именно на него, отлавливать такие потоки обучил его еще учитель. А раз им кто-то усиленно начал интересоваться, то его уже ищут. Похоже, инсценировка собственной смерти была ошибкой и привлекла нежелательное внимание. По всей ви-

димости, это именно те, кого маг боялся больше всего на свете: Ищущие Святой Инквизиции.

Стиор никогда не недооценивал Церковь, там подвизалось множество талантливых людей, они не могли упустить случившегося в ночь рождения Троих. Оставалось только надеяться, что на его поиски еще не брошены все силы Церкви. А если еще и Контора заинтересуется... Об этом не хотелось даже думать, но предусмотреть и такой вариант развития событий маг был обязан. Надо всегда исходить из худшего. Подозрение в том, что его преследуют, перерастало в уверенность, от чего старик нервничал все больше и больше. Он изо всех сил старался не привлекать к себе внимания и вообще отказался от использования магии — слишком хорошо Ищущие умели вынюхивать ее следы. Стиор даже сменил облик купца на отставного туагского боцмана, добирающегося домой. И вел себя соответственно — пьянствовал, шумел, даже дрался. Но при всем этом прекрасно понимал — если уж Инквизиция вышла на след, то рано или поздно его найдут. И лучше, если поздно, когда он уже успеет исполнить свой долг. Но для того чтобы успеть, чтобы оторваться, необходимо предпринять что-нибудь необычное, что-нибудь настолько нетривиальное, что никому и в голову не придет.

Как только началась новая навигация, маг отправился на остров Тсорм, в Тирхом. В обличье старого моряка, дабы избежать любопытных вопросов, он не поплыл пассажиром, а нанялся палубным матросом на барку из Квана, перевозящую живых овец. В основном ему приходилось ухаживать за овцами, но это особой роли не играло — работы, даже самой тяжелой и грязной, маг никогда не боялся. Плавание заняло два месяца — даже на краю архипелага острова стояли слишком кучно, чтобы плыть по прямой. О магии Стиор приказал себе забыть и жил так, как выглядел — обнищавшим моряком,

возвращающимся домой. Незачем облегчать Ищущим поиски.

Добравшись до Тирхома, он уволился с барки и тут же отправился на поиски судна, идущего в Туаг. Увы, такого не нашлось. Стиор довольно долго мотался по порту, пока кто-то не посоветовал поспрашивать в припортовых кабаках — капитаны в это время дня обычно сидели там. Маг послушался совета и пошел по злачным местам. Но никто не шел в Туаг, никто даже не слышал о судне, собирающемся в эту забытую богом страну. Стиор уже начал отчаиваться, когда ему, наконец, улыбнулась удача. В одном из кабаков компания, сидевшая в углу, в ответ на его расспросы заявила, что они идут в Туаг. Магу предложили присесть и выпить с ними, капитан, мол, скоро должен подойти. Он облегченно вздохнул, выпил кружку эля и... очнулся на галере.

«Эх ты, прирожденный маг... — горько посетовал старик. — Дожился, сонного зелья не учуял... Да тебя тепленького вот так Инквизиция могла взять, а ты бы и не пикнул...»

Похоже, нарвался на портовое отребье, промышляющее продажей случайных путников на рабские галеры. Да, действительно, как он мог забыть об этом процветающем на нищих островах ремесле? Думал только о глобальном, а так нельзя, именно так легко угодить в руки церковников. Вот и попался этим ловцам рабов, как сопливый щенок! Да, магу отсюда уйти совсем не трудно, можно даже разнести галеру на кусочки. Но стоит ли сейчас применять магию? Вряд ли. Следы сильных заклинаний станут для Ищущих хорошо видимым маяком, сигнализирующим, что здесь был Стиор арн Над. А тогда его найдут очень быстро. Да и галера в открытом море.

— Ну, ты силен, дед... — прошептал сидящий рядом раб. — Даже не запыхался.

— Бывал уже... — неохотно проворчал маг, досадуя на себя за то, что забыл проявлять признаки усталости. Так и попасться недолго... На его счастье, рядом проходил надсмотрщик, и сосед тут же забыл о вопросах.

День тянулся за днем. Духота и тяжелая работа делали свое дело — рабы мерли один за другим. На Стиора поглядывали с удивлением: как это такой старик еще держится, когда многие молодые и сильные уже отдали концы? Надсмотрщики бесновались вовсю, но галера шла все медленнее и медленнее. Спина каждого из оставшихся в живых рабов покрылась рубцами, но быстрее грести они не могли. Стиор постепенно начал понимать, что, несмотря на магическую подпитку, долго так не выдержать и ему. В Кадаир тоже не слишком хотелось попадать. Верящие в пророка ненавидели магию и магов не менее, чем Церковь. И прирожденного мага их муфтии вынюхают еще в порту. Уходить придется с боем, а это в планы Стиора не входило — Ищущие тотчас возьмут его след. Странно, но, несмотря на разницу в вероисповедании, Кадаир и Фалнор почему-то были очень дружны. Маг давно подозревал, что кадаирские муфтии являются всего лишь подразделением единой Церкви. Так что магу в Кадаире делать совершенно нечего.

Стиор привычно вызвал перед внутренним зрением карту Танра и мысленно прочертил предполагаемый маршрут галеры. В этот момент его осенило. Ведь дорога в Кадаир из Тирхома все равно пролегает мимо юго-восточного побережья Туага. Маг осторожно вытянул поисковые силовые щупальца и определил свое точное местонахождение. Повезло, вовремя спохватился — галера как раз входила в Каменный пролив между Арбадоном и Ксаниром. В этом проливе, несмотря на его ширину, то и дело бушевали внезапные шторма, и корабли часто гибли. Рифов и коварных мелей тоже хвата-

ло. Гибель еще одного корабля не вызовет ненужных кривотолков. Но все равно оставалась та же загвоздка — уйти без применения магии Стиор не мог, а любое сильное заклинание оставит свой след. И след, который быстро обнаружат Ищущие.

Опять все возвращалось на круги своя. Маг не знал, что делать, и пребывал в растерянности. Да, найти его следы в открытом море будет трудновато, но он хорошо знал упорство служителей Церкви. А не уходить тоже нельзя — еще два-три дня, и галера войдет в пределы границ ханства. Бежать тогда будет стократ труднее, а значит, терять время нельзя. Надо только найти способ замаскировать следы. Старый маг разбросал поисковые щупы еще дальше, и кривая ухмылка исказила его лицо — невдалеке зарождался тайфун. А какой бы силы магические действия ни совершались в его сердце, тайфун разметает их следы по всему океану. Да, он должен был пройти в стороне, но зря, что ли, Стиор столько лет изучал магию стихий?

К утру заметно посвежело, и капитан «Звезды пророка» с тревогой поглядывал на волны и пробовал пальцем ветер. Небо уже начинало темнеть, и капитан ничего не понимал — с вечера ничего не предвещало бури, а такого быть не могло. Все инстинкты старого морского волка кричали о страшной опасности. Но растерянность его оказалась так велика, что капитан все еще не предпринимал никаких действий, только приказал спустить паруса и приготовиться к шторму. Не бывает так, чтобы шторм налетал столь внезапно! Нос моряка предупреждал его о беде: их ждал не просто шторм, а встреча с самым страшным убийцей южных морей — тайфуном. Команда носилась как бешеная, принайтовывая все, что могло быть смыто за борт, рабы, понуждаемые надсмотрщиками, гребли как сумасшедшие. Но только капитан, да, может, еще не менее опытный боц-

ман понимали, что уйти от тайфуна не удастся. И очень сомнительно, что вообще удастся выжить. Первые резкие порывы ветра швырнули клочья пены в лицо капитану, но он даже не утерся, остановившимся взглядом смотря в пространство перед собой.

Стиор изо всех сил греб вместе с другими рабами и довольно скалил зубы в темноте — капитан пытается уйти от тайфуна на веслах, еще не понимая, что вызвавший бурю находится на борту. На парусах, понятно, не рискует, знает, чем это чревато. Сила шторма переполняла тело старика, ему хотелось петь и смеяться. Команда галеры заслужила свою судьбу, так обращаясь с рабами, живя за счет чужой боли и горя. Маг притягивал тайфун все ближе, галеру начало швырять из сторону в сторону. И работа уже мешала сосредоточиться. Стиор пробормотал короткое заклинание, огромные весла по бортам галеры вспыхнули ярким синим пламенем и через несколько мгновений рассыпались невесомым пеплом. С палубы в трюм донесся многоголосый вой ужаса видевших это матросов. Многие из рабов от неожиданности попадали. Белый как мел надсмотрщик неверяще смотрел на это. Крики, стоны, вой рабов заглушили почти все прочие звуки. Стиор, не обращая внимания на кавардак вокруг него, принялся за дело всерьез, впервые за многие годы работая в полную силу прирожденного мага. Он легко создал вокруг израненной галеры силовой кокон и перетащил ее в глаз тайфуна.

Пришло время возмездия. Выжить не должен ни один из команды галеры, магу совсем не нужны были россказни в тавернах о колдуне на борту. Старику только жалко было рабов, своих товарищей по несчастью. Но его миссия слишком важна, чтобы поддаваться жалости. И все же маг решил, что если среди несчастных найдется яркая личность, то такого он спасет. Стиор быстро просканировал рабов еще раз. Увы — ни одного.

Ни одного поэта, ни одного музыканта или художника, ни одного взыскующего истину. Серые, скучные и бесполезные людишки, предназначенные всю жизнь служить машинами для перевода пищи в дерьмо. Мир ничего не потеряет от их гибели. А значит...

Стиор тихо произнес Слово Смерти, известное едва ли десятку магов на всем Танре, и сопроводил его коротким выбросом энергии. Все шестьдесят восемь оставшихся в живых рабов вдруг замолчали и попадали на скамьи. Они умерли мгновенно, не успев даже понять, что умирают. Один из надсмотрщиков, ничего не сообразив, повел вытаращенными глазами по трюму и срывающимся голосом завопил:

— А ну, вставайте, падаль!

— Они не встанут, — с кривой ухмылкой на губах поднялся вдруг ему навстречу старый раб, непонятно как и выживший. — Они мертвы.

Он вытянул вперед руки и снова ухмыльнулся. Надсмотрщик едва понял, что сказал ему старик, его собственный страх перехлестывал через край.

— Мертвы... — тупо повторил он. — Но почему?!

— Я их убил.

— Ты?.. — не поверил верзила и заржал.

Странный раб произнес короткое, хриплое, неприятно звучащее слово. Браслеты от цепей на его вытянутых вперед руках вдруг налились белым светом и стекли на настил трюма лужицами расплавленного металла. Надсмотрщик некоторое время с непониманием смотрел на это, потом весь ужас происходящего начал доходить до его затуманенного винными парами сознания.

— Колдун... — простонал он.

— Именно так! — торжествующе осклабился Стиор. — И вы исхитрились взять в рабство колдуна, избивать его кнутом и морить голодом. А теперь колдун желает отблагодарить вас.

— Пощади, господин! — взвыли все трое надсмотрщиков, рухнув на колени. — Мы же не знали! Пощади...

— Если бы кто-нибудь из вас,— хрипло сказал Стиор, — хоть один раз пожалел раба... Но вы никого не жалели. Поэтому — сдохните!

Маг взмахнул рукой, и вой боли наполнил трюм. Он сжег на надсмотрщиках кожу, и теперь им предстояло долго умирать в страшных мучениях. Данное в первый день рабства слово было исполнено. Да, Стиор знал, что это слишком жестоко, но ничего не мог поделать со своей ненавистью к зверью, упивающемуся чужими страданиями.

Капитан и команда галеры его величества шаха были не просто в ужасе, а уже в ступоре. Все они понимали, что попали в тайфун, и знали, что могут погибнуть. Что, вероятнее, всего погибнут. Пугало другое — неестественная, абсолютная тишина, и галера, мертво застывшая среди волн без малейшего движения. Но ни одна капля воды не достигала палубы. Казалось, корабль прикрыт невидимой стеной, не пропускающей ничего. А тут еще непонятно каким образом сгоревшие весла...

Вдруг палуба перед капитанским мостиком взорвалась, и сквозь образовавшуюся дыру вылетел оборванный худой старик. Он завис невдалеке от капитана и издевательски ухмыльнулся, уставившись тому в глаза. Опытный морской волк давно не боялся ни бога, ни дзенна, но в этот момент его пробрала дрожь.

— Вам следовало бы внимательнее относиться к выбору рабов, капитан... — насмешливо сказал старик.

— А теперь что?.. — с тоской спросил тот, тут же все поняв и прокляв весь мир.

— Теперь? — оскалился колдун. — Теперь вы умрете.

Матросы, офицеры и сам капитан со страхом наблюдали, как колдун плывет по воздуху прочь. Но отплыл он недалеко, на пару сотен шагов, затем повер-

нулся к кораблю и поднял руки. Все осознав, люди обреченно завыли, ощущая приближающуюся смерть. Вид колдуна с поднятыми руками был последним, что видели в своей жизни кадаирские моряки с галеры «Звезда пророка». Странное, неестественно синее пламя мгновенно охватило корабль с носа до кормы. Через несколько минут только пятно расплывающегося по воде пепла напоминало о том, что здесь что-то было.

Стиор еще немного повисел в воздухе, глядя на дело своих рук, затем вздохнул и опустил голову. Он окружил себя силовым коконом, опустился под воду и неспешно направился в сторону далекого туагского берега.

* * *

Когда у него родилась дочь, Дионисий находился с караваном в Лодуне, в очень долгой торговой экспедиции. Он узнал о радостном событии только через год, из письма, которое все это время дожидалось его в соседнем портовом городе, откуда караванщики собирались отправляться домой. Нашел, слава Спасителю!

Купец замер с письмом в руке, невидяще уставившись в окно. Боже, как он мечтал об этом мгновении! Как ждал его, но... Но до этого времени Господь отказывал им с женой в счастье иметь детей, и купец уже подумывал о разводе. Из-за этого он старался бывать дома как можно реже, подолгу путешествуя со своими караванами. Порой, как в этот раз, и по нескольку лет, что хорошо сказывалось на делах, но очень плохо — на семейных отношениях. До недавнего времени Дионисия это совсем не заботило, но теперь...

Получается, у него год назад родилась дочь? Купец как сейчас помнил ночь, когда они с женой ее зачали, только тогда это и могло произойти — после той ночи он с Марфой и не был. А в ее измену поверить не мог,

да такое просто не приходило ему в голову. Он в тот вечер вернулся из очередной удачной экспедиции, сухо поздоровался с женой, не слишком желая ее видеть. Дионисию вспомнился ее жалобный и по-собачьи преданный взгляд, который как бы спрашивал: «Ну, разве я виновата?» Этот взгляд что-то задел в загрубевшей душе мужчины. Что-то неуловимое стронулось с места, и купец ощутил жалость и щемящую сердце нежность к несчастной женщине. Он ведь когда-то женился по любви и взял Марфу из бедной семьи, не желая даже смотреть в сторону избалованных дочерей людей своего круга. Вот и случилось, что в ту ночь они с женой так и не уснули, хотя после путешествия Дионисий вымотался до предела.

— Значит, в ту ночь... — купец со слезами радости еще раз перечитал письмо. — Спасибо тебе, Господи!

Он старательно перекрестился, потом повернулся к двери и рявкнул:

— Варфоломей!!!

— Я здесь, ваш сясь! — бодро отозвался прохиндей, вбегая в комнату. — Разрешите поздравить, ваш сясь, с дочерью?

Дионисий обреченно махнул рукой. И что ты будешь с ним делать? Варфоломей был заразой еще той, но при том, как ни странно, преданным слугой. Настолько преданным, что многие из купцов сильно завидовали и пытались сманить толкового и честного управляющего, но тот только посмеивался, слушая выгодные предложения. Его верность зиждилась отнюдь не на деньгах. Однажды Дионисий спас его от костра инквизиции, хотя это и вышло совершенно случайно. Вот с тех-то пор Варфоломей и прижился в доме купца, и не было у того помощника вернее. А в некоторых скользких делах, без которых не обходится ни один купец, если действительно является таковым, он оказался попросту незаме-

ним. Дионисий до сих пор не мог понять, как этому проныре удается быть в курсе всех значимых событий. Причем всех и всегда. Вот и сейчас. Ведь гонец только что принес письмо, никому не давая в руки. Сразу же с корабля — сюда. А этот скользкий тип уже знает, что у хозяина родился ребенок. Более того, знает, что дочь. Порой Дионисию казалось, что святые отцы были совершенно правы, когда хотели сжечь проходимца.

— Сколько раз я просил тебя не называть меня «ваше сиятельство»?! — недовольно буркнул он. — Я же не граф и даже не дворянин! И откуда ты знаешь, что в этом письме?

— Да как же, ваш сясь, — полностью игнорируя просьбу, отозвался слуга. — Ведь гонец ехал с корабля. Человек в море был? Был. Выпить ему хочется? Хочется. Ваш сясь, я же еще поутру отправился в порт и встретил его там. Угостил, все, как полагается. Ну, а прочитать письмо и обратно запечатать — не проблема.

— Значит, прохиндей, ты опять мои письма читал? — с полной безнадежностью в голосе осведомился Дионисий.

Этот грешок купец за Варфоломеем знал. Сначала пытался бороться, а потом понял, что так ему даже лучше. Управляющий порой находил такие возможности выхода из кризисов, которые ни за что не пришли бы в голову самому Дионисию и на которые он никогда не решился бы, хотя охотно пользовался результатами. Чувствовал себя иногда довольно странно, но быстро привык к этому ощущению. Слишком уж выгодным оказалось такое положение дел. Все решалось как бы само собой и не задевало самого купца, не заставляло в мучительных раздумьях принимать решения. Жить стало много легче, и Дионисий радостно погрузился в столь любимый им покой. Варфоломей об этом знал и порой ставил своего господина в известность о собственных

действиях только после окончания удачной аферы, не желая выслушивать очередную порцию охов и ахов. Но так было теперь, когда купец уже ко всему привык, а когда он рассказал о своих похождениях впервые, то Дионисий едва не поседел. Испуг хозяина подметил тогда и слуга.

— Да не переживайте вы так, ваш сясь, — небрежно махнул он рукой. — Даже если меня поймают, вы можете смело заявлять, что ничего не знали, и все маги подтвердят это.

Купец спорил, пытался переубедить — нельзя же так нагло грабить своих коллег! Причем проворачивать все так, что все вокруг свято уверены, что виноват кто-то другой, и все шишки сыпались на этого самого ни в чем не повинного другого. Дионисию было неудобно, он чувствовал себя мерзавцем. Потому и пытался переубедить Варфоломея. Каждый раз казалось, что удалось, но вскоре на него сваливался новый рассказ хитрюги. В конце концов, он махнул рукой. Ведь слуга никогда не действовал хозяину во вред и старался вовсю. Жаль, конечно, разоренных купцов, но разве они не разорили бы с удовольствием его самого?

— Значит, опять мои письма читал, — повторил уже утверждающе Дионисий.

— А как же иначе, ваш сясь, — глядя на него честными глазами, отозвался Варфоломей. — А вдруг бы там были какие-нибудь неприятные новости, которые не должны огорчить моего господина?

Это за Варфоломеем тоже водилось. О неприятных письмах и известиях купец частенько узнавал только вместе с известием, что его управляющий с этими самыми неприятностями успешно справился. Причем справился самым диким и невероятным образом, и даже исхитрился получить кое-какую прибыль. Какую часть этой прибыли он оставлял себе, Дионисий не знал. Да и

знать не хотел. Поди отыщи другого такого же верного и опытного управляющего! Так что пускай себе ворует, лишь бы не заворовывался.

— Ладно, Спаситель тебе судья. Прикажи подготовить вещи и отправляйся в порт, узнай о ближайшем корабле в Фалнор. Договорись с капитаном о каюте для нас.

— Уже сделано, ваш сясь, — ухмыльнулся прохиндей. — Я ж ведь с соображением. Как только прочитал письмо, сразу отправился в порт и все устроил. А слуги уже вещи собирают. Ваш сясь, я позволил себе вольность и распорядился от вашего имени, чтобы ваш помощник Колин остался здесь вместо вас и закончил все дела.

Дионисий вздохнул. Он и сам хотел оставить Колина, полагая того наиболее подходящим человеком. Но откуда об этом узнал Варфоломей? Выбор-то далеко не очевидный — Колин не из старших. Но если начать вникать в то, что творится в голове этого типа, то можно свихнуться. Дионисий же всегда дорожил своим спокойствием и потому старался всегда и во всем следовать по пути наименьшего сопротивления. Да и думать сейчас он мог только об одном. Дочь! Его кровинка! Только это и интересовало Дионисия, и ничто не могло повернуть его мысли в другую сторону.

— Где она? Где?!! Марфа, где она?! — Купец подхватил жену, встречавшую его на пороге, и закружил по комнате.

Марфа радостно рассмеялась. Боже, Дионисий помнил, что никогда еще не слышал у нее такого радостного смеха. А в последние годы она даже улыбалась редко. Только сейчас он понял, что ему нравится смех жены. Так бы и слушал. Надо будет постараться, чтобы она смеялась почаще.

— Закружишь же! — весело отпихнула его Марфа. —

Там, в комнате твоя ненаглядная. Только не напугай ее. Ребенок же.

На миг женщина посерьезнела. Кажется, она хотела сказать еще что-то, но передумала. Дионисий этого не заметил, сразу бросившись в детскую комнату.

Маленькая девочка сидела на полу в ворохе разнообразных игрушек. Держа в руке куклу, она сосредоточенно пыталась запихнуть ее в игрушечную карету. При звуке распахнувшейся двери дитя подняло голову и серьезно посмотрело на вошедшего. Совсем не детским взглядом посмотрело...

Дионисий медленно приблизился к полуторагодовалой малышке и присел рядом. Слова комком застряли в горле и никак не хотели оттуда выходить. Глаза покраснели, но счастливый отец удержался и не стал их тереть. Какая она красивая...

— А я знаю, — вдруг заговорила девочка. — Ты мой папа. Я тебя видела во сне. Ты холосий. Я тебя люблю, папа. — Девочка вдруг протянула ручонки и обхватила Дионисия за шею.

— Доченька... — простонал он, подхватывая ее на руки, не обращая внимания ни на радостно плачущую жену, ни на улыбающихся слуг. — Я тебя тоже люблю!

Никогда еще Дионисий не был так счастлив, как в этот день.

2

Вихрь быстро перелистывал листы донесений и то и дело дергал хвостом, выражая свое разочарование. Происходящее в последние два года очень сильно не нравилось дракону. Он никак не мог понять причин резкой активизации спецслужб Церкви, а они явно есть. Ничего не бывает без причины, ничего не случается просто так. А их служба безопасности для того и создана, чтобы выяснять эти причины, а затем, зная их, проти-

востоять наплыву событий. Ну, на какого дзенна пресвятому отцу понадобились еще две независимые спецслужбы? С чего вдруг Церковь решила почистить самое себя? Ведь никаких предпосылок для этого не возникало! Чудеса какие-то, да и только.

Хорошо, можно предположить, что Итан бер Саан предложил первосвященнику новый метод поиска еретиков, и его приняли, выделив Очищающих в отдельную службу. Но это ничего не объясняло — зачем создавать спецслужбу заново, когда можно создать отдел в рамках существующей? Пусть и обладающий полной автономностью. А методы работы бер Саана? Никогда до сих пор инквизиторы так не работали — для них главным было закрыть дело, поэтому лжедоказательства обычно добывались при помощи пыток. Очищающие тоже пытают, но только тех, у кого хотят что-то узнать. Им не нужны признания в принадлежности к чему-либо! Они даже отпускают тех, кто им не нужен — чего не случалось на землях Церкви уже лет пятьсот. Раньше, если уж разумный попадал в лапы Инквизиции, то спасти его могло только чудо. Теперь — нет. Это необычно. Проклятая необычность сильно досаждала Вихрю, который никак не мог объяснить ее хотя бы самому себе. Похоже, Очищающие что-то ищут, что-то очень важное, и ищут лихорадочно, вся их деятельность посвящена этому самому поиску. Но что они ищут?!

За все сто тридцать лет своей карьеры Вихрь еще не попадал в столь глупое положение. Раньше он всегда опережал церковников и знал, чем они занимаются. Теперь стало наоборот, и это дракона просто бесило. Подобные размышления за прошедшие два года стали для него привычны. И за все эти два года так и не удалось ничего выяснить. Скверно также, что почти всех его агентов в Фалноре, прежде чувствующих себя там вольготно, люди бер Саана и его подельника, Матфея, выловили

походя, не прилагая особых усилий. Почти все шпионские сети оказались разрушены. Многие были выловлены до последнего человека! Резиденты же с издевательским напутствием доставлены к границам империи, чего тоже никогда еще не случалось — ранее пойманные резиденты прилюдно сжигались заживо для устрашения решившихся работать на врага. Вихрь от всего этого приходил в неистовство. Правда, делу это не особо помогало, скорее наоборот. Происходящее казалось дракону невозможным, но он всегда был реалистом и не принимать во внимание изменившихся так сильно условий не мог.

Но хуже всего, что даже оставшиеся агенты почти не могли работать. Еще два года назад сведения добывались в основном за счет подкупа церковников различных уровней. Сейчас же все они сделались до тошноты преданными Святой Матери-Церкви и при попытке предложить взятку тут же зовут стражу. Брат Матфей, бледная архивная поганка, внезапно вынырнувшая из ниоткуда, до смерти перепугал слуг господних. Впрочем, проклятый монах успел передавить, наверное, половину из них, назначая на их места молодых фанатиков. А с фанатиками иметь дело совершенно невозможно... В душе Вихрь, как профессионал, не мог, конечно, не восхищаться самоотверженностью Матфея и его умением работать. Суметь за каких-то два года приструнить ранее пользующихся полной безнаказанностью церковных иерархов? Нужно быть гением, чтобы совершить такое.

Но снова беспокоил вопрос — кому и зачем это понадобилось? Дракон, естественно, знал о страшной ночи, когда все, хоть немного ощущающие магию, проснулись в холодном поту от ужаса. Да он сам чуть с ума тогда не сошел. Но что в ту ночь произошло? Что-то очень неприятное, это Вихрь понимал, но не знал — что, и это незнание раздражало, так как он не мог ниче-

го предпринять. Это явно что-то очень древнее, что-то неожиданно вырвавшееся на свободу. Но с тех пор вырвавшееся зло никак не проявляло себя, и дракон постепенно перестал думать о нем, хватало насущных проблем. Его агенты давным-давно доставили информацию о том, что именно в ту ночь брат Матфей прибежал из архива и едва ли не силой вломился в покои первосвященника, который почему-то не отправил наглого монашка в ссылку, а выслушал его.

Дракон задумчиво почесал когтем нос и нервно щелкнул зубами. По всем признакам именно после этой проклятой ночи и изменилась политика Церкви, затрясло весь Фалнор. Вихрь полхвоста готов был отдать, чтобы только узнать, о чем говорилось тогда в покоях первосвященника. Но это, увы, совершенно невозможно — так высоко его шпионы доступа не имели и два года назад, а что уж говорить о нынешних временах, когда их там почти не осталось? Он быстро прогнал в памяти дальнейшие события — через два дня Светозар собрал у себя будущую команду бер Саана, и к ним опять прорвался брат Матфей. Вышел из покоев первосвященника он уже всемогущим главой Чистых, от одного упоминания о которых вскоре начало трясти любого церковника. И бер Саан, и Матфей тут же развернули бурную деятельность. Но если с бывшей архивной крысой относительно ясно, то тарский пират остался загадкой за семью замками.

Вспомнилась еще одна досадная неприятность, и дракон от злости даже укусил себя за кончик хвоста — это чисто его прокол. Архивная крыса почти сразу после возвышения вытащила из ссылок и тюрем аналитиков отца Симона. В свое время Вихрь приложил огромные усилия, чтобы их в эти тюрьмы и ссылки упечь. Драконы давно разработали и активно использовали метод системного анализа событий, подобный методу

отца Симона, и знали о его крайней полезности. Поэтому и пришлось тут же, как узнали, что в Фалноре появилось нечто похожее, принимать меры. Сперва решено было просто уничтожить всех знакомых с новым методом анализа, но когда Вихрь изучил его, то пришел в восторг. Отец Симон оказался гением, его метод был намного лучше известного ранее. Дракон пожалел гения, только озаботился, чтобы его метод не попал в лапы церковников. Теперь, конечно, Вихрь понимал, что был непозволительно гуманен, и из-за его жалостливости Церковь получила новое опасное оружие.

— Эй, ящерица желтопузая! — оборвал его размышления веселый голос Навра.

— От старого козла слышу! — не остался в долгу дракон.

Навр действительно смахивал на вышеупомянутое животное, так как был немолодым уже сатиром с ехидным выражением на морде и полностью соответствующим этому выражению въедливым характером. Их постоянные пикировки и упражнения в остроумии иногда несколько раздражали Вихря, но тут Навр выдавал на-гора очередные результаты, и дракону оставалось только восхищенно усаживаться на собственный хвост. Выглядевший обычным гулякой и пьяницей, сатир умел работать так, что одно удовольствие наблюдать. Его великолепные многоходовые, разветвленные комбинации срабатывали почти всегда и настолько четко, насколько это вообще возможно. Каждая из них была столь цинична, что скорее походила на провокацию, а чаще всего ею и являлась. В Службе Безопасности империи Над трудно было найти лучшего оперативника, и Навр Стобер по праву занимал должность начальника департамента внешней разведки. Сам Вихрь вот уже сто лет как возглавлял эту самую Службу, в просторечии име-

нуемую чаще всего Конторой. И мало кто в империи или за ее пределами, услышав это слово, не вздрагивал.

Рядом с сатиром стоял Стирген, начальник департамента контрразведки, наследный принц империи. Который, кстати, занимал эту должность отнюдь не в силу того, что был принцем. Он начинал в Конторе с самых низов — Вихрю плевать было на то, кто он. Стирген добился всего своими силами, став лучшим на памяти дракона контрразведчиком. Он жалел только об одном — принцу вскоре придется уходить и заниматься куда более неприятной работой, императору ведь уже за девяносто. И Вихрь не знал, кого поставить на место Стиргена, не было у него на примете контрразведчика такого уровня.

Что-то насторожило его, и тут дракон понял — эти двое заявились к шефу вместе, что бывало только в случае серьезного кризиса.

— Ну, что там у вас? — недовольно пробурчал он, исподтишка наблюдая за двумя ехидными физиономиями.

Дракон грыз кончик собственного хвоста, ему не терпелось вернуться к осмыслению ситуации, но, понимая, что начальники департаментов не явились бы к нему без серьезного повода, ждал, что они скажут.

— Да кое-что имеется, имеется... — скривил умильную рожицу сатир и почесал кончик обломанного рога.

Принц криво усмехнулся:

— Ну, и?..

— Мой драгоценнейший и возлюбленнейший шеф! — патетически провозгласил Навр, хитро поглядывая на дракона из-под прикрытых век. — Тут Стирген кончик одной интереснейшей ниточки ухватил, а я за нее потянул, потянул...

— Стирген, хоть ты будь немного серьезнее! — раздраженно повернулся к тому Вихрь.

Принц, высокий сухощавый мужчина лет сорока пя-

ти с очень серьезным лицом и спокойными глазами, по-солдафонски вытянулся и щелкнул каблуками.

— Есть, шеф! — во всю глотку гаркнул он.

— Тьфу на вас обоих! — дракон в раздражении грохнул хвостом об пол так, что задребезжали оконные стекла. — Раздолбаи!

— Ладно, к делу, — кивнул Стирген, очень довольный тем, что вывел начальство из себя. — Похоже, у нас в гостях побывали Очищающие.

— Вот как?

— Да. Команда бер Саана. По всем признакам, он сам тоже был с ними.

Вот так новости! Вихрь в возбуждении приподнялся на передних лапах. Итан бер Саан осмелился появиться в его владениях? Крайне интересно!

— Их взяли? — быстро спросил дракон.

Принц досадливо дернулся и разочарованно развел руками.

— Увы, — вздохнул он. — Нам удалось что-то узнать только через несколько месяцев после того, как их и след простыл. Извини, никому и в голову не могло прийти, что они осмелятся.

— Хоть удалось выяснить, что им было нужно? — помрачнел Вихрь.

— Выяснили, — кивнул головой Стирген. — И все стало еще непонятнее. Хотя события интересные и необычные.

— И?.. — дракон выпустил когти и поскреб ими по полу.

— Началось все с нескольких странных убийств в Инзиуре, городе Ассамблеи. Точнее, исчезновений. Без следа пропали известный дантист, трактирщик, лавочник и несколько рабочих Второй гильдии, занимающейся обслуживанием магов. Ремонтом башен там, уборкой. Все остальные тоже работали на магов, дос-

тавляя им продукты и остальное необходимое для жизни. Через несколько дней семьи пропавших забили тревогу и обратились в Стражу. Стражники неохотно начали искать, полагая, что пропавшие просто загуляли. Однако через несколько дней на свалках начали находить куски расчлененных тел. Когда в одном из убитых опознали пропавшего трактирщика, в Страже поняли, что это дело вне их компетенции, и обратились в местное отделение Конторы. Его начальник сработал очень неплохо, хоть и медленно, как по мне — он решил, что имеет дело с обычным маньяком-убийцей.

— Кто там у нас? — поинтересовался Вихрь.

— Лиго Стомски, анзалонский эмигрант во втором поколении. Дает неплохие результаты. Но в Инзиуре ему скучно, давно надоело разбираться в склоках магов. И слежкой за ними. Ничего интересного там давно уже не случалось. Когда ему попалось это дело, Лиго вцепился в него, как клещ. Он наводнил своими агентами город и принялся едва ли не поминутно выяснять, чем занимались пропавшие в несколько последних дней до исчезновения. Это оказалось проще, чем он думал, так как все исчезнувшие работали в одном районе. Лиго начал допрашивать живущих и работающих там. На это, к сожалению, ушло около трех месяцев. Он уже знал к тому времени, что какие-то люди интересовались теми, кто работает на магов, и щедро оплачивали сведения. Тщательный поиск, в конце концов, дал результаты — один из городских пьяниц как раз собрался прикорнуть за мусорным баком в переулке, когда бер Саан притащил туда для допроса одного из пропавших работяг. То, что сотворили инквизиторы с беднягой, так напугало пьяницу, что он сразу протрезвел, а потом побежал домой и сидел там, не вылезая, больше месяца. И молчал как рыба. Однако, узнав, что его допрашивает Контора, перепугался еще сильнее и раскололся.

Вихрь приподнял голову, он ощущал всей шкурой, что подчиненные на сей раз принесли что-то очень необычное.

— Инквизитор интересовался только одним, — продолжил Стирген, — он выспрашивал, где бывал, что делал и у какого дантиста лечился один недавно погибший по собственной неосторожности маг-отшельник, годами не показывавшийся на людях.

— Как звали этого мага? — пристально посмотрел на принца Вихрь.

— А ты попробуй догадаться, шеф, — прищурился тот. — Вспомни все происшествия в Инзиуре за последние годы.

Тренированный ум дракона тут же достал из памяти всю информацию по магам, отбросил лишнее, оставив данные по несчастным случаям. Только одно имя вспыхнуло перед его глазами огненными буквами.

— Не может быть... — хрипло выдохнул Вихрь. — Твой незаконнорожденный дядя?! Стиор арн Над?

— Именно! — кивнул Стирген. — Не понимая, зачем убийцам погибший маг, даже бывший когда-то принцем, Лиго растерялся. Он в свое время расследовал гибель старика, как положено в случае смерти любого из императорской семьи, но пришел к выводу, что имел место обычный несчастный случай. Затем ему в голову пришла гениальная идея — он пригласил мага-художника, есть несколько таких в Ассамблее, и попросил его вытащить внешность убийцы из памяти пьяницы. Маг справился на отлично. Когда Лиго увидел портрет, он не поверил своим глазам. Не узнать эти желтые глаза и крючковатый нос было невозможно. Поняв, что перед ним портрет Итана бер Саана, он немедленно связался со мной и рассказал вышеописанное. Я бросил все дела и поспешил в Инзиур. Это случилось год и три месяца назад.

— А мне хоть словечком намекнуть не мог? — обидчиво спросил Вихрь.

— Шеф, ты же меня знаешь, — поморщился принц. — Не люблю выдавать на-гора неоконченные дела. Я решил сперва подробно выяснить все, что можно, а только потом выносить вопрос на твое рассмотрение.

— Ладно, проехали, — проворчал дракон, он действительно знал об этой странности Стиргена и мирился с ней.

— Затем выяснились еще более интересные и даже интригующие вещи. Ты знаешь, шеф, что два года назад Стиор арн Над заживо сгорел в своей башне, труп опознали по медальону мага Ассамблеи. Моим дядей давным-давно никто не интересовался, да и выползал он из своего убежища разве что раз в год, на отчетные заседания Ассамблеи. Я сам до тех пор всего однажды слышал, что у моего отца есть брат-маг, к тому же бастард. Узнав, что Церковь интересуется именно им, причем прислала самого Итана бер Саана, я удивился. С чего такой пристальный интерес? Главное, уже после смерти. Как ни жаль, за несколько месяцев мы не нашли никаких следов. Тогда, уже решив закрывать дело, я, для очистки совести, приказал провести эксгумацию трупа. Вот тут-то и начались сюрпризы.

— Какие?

— Во-первых, в могиле вместо одного оказалось два тела. Вторым был пропавший дантист. Судя по позе, беднягу зарыли живым. Опознав его, мы занялись трупом моего дяди. Оказалось, что там похоронен кто-то другой. Стиор арн Над был скопцом, а это тело принадлежало мужчине. На наше счастье, его похоронили в песчаной почве и мягкие ткани не успели разложиться до конца. Для окончательной проверки провели магическую экспертизу. Похороненный никогда в своей жизни не совершал ни единого магического действия.

Вывод один: Стиор арн Над инсценировал свою смерть и бежал. Причем им сильно заинтересовалась Церковь, будучи почти уверена, что он жив. Как Церкви стало известно о его побеге? Не знаю. Не знаю, почему они вообще им заинтересовались.

— Ты уверен в побеге мага? — прищурился Вихрь.

— Да, — усмехнулся Стирген. — Мой дядя ведь был не просто магом, а прирожденным магом.

— Прирожденным магом?.. — снова изумленно приподнялся дракон.

Он немного подумал, покачал головой и сказал:

— Ты совершенно прав. Не мог прирожденный маг сгореть по глупой ошибке, они для такой смерти чересчур сильны. Он бы сразу телепортировался куда-нибудь или улетел. Это действительно интересно. Но вы пришли вдвоем. Значит, мага удалось отследить и за границей?

— Я же говорил, что потянул за ниточку, — захихикал Навр. — Не вчера со скотного двора выполз! Кое-что уже умеем, умеем...

Он почесал основание рогов и шумно поискался, делая вид, что у него водятся блохи. Вихрь, смотрящий на это безобразие, начал раздраженно постукивать когтем по полу. По лицу Стиргена было видно, что он с трудом удерживается от смеха.

— Мои люди, — продолжил, наконец, сатир, поизощрявшись в меру своих способностей, — выяснили, какие корабли вышли в море из Инзиура в течение недели со дня лжесмерти мага. Он времени зря не терял: в тот же день отплыл на ксанирском шлюпе в Борн под видом средней руки купца по имени Дирн Радиур. Типичнейшее для империи имя. Стиор все плавание провел в своей каюте, даже еду приказал доставлять туда. Что на купца, как вы сами понимаете, ничуть не похоже. За три месяца он спокойно добрался до острова и

из столицы через перевал отправился в Оорг. Тут же дня не отдохнул. Отсюда делаем вывод, что маг куда-то очень спешил. Ища его следы в Борне, мы натолкнулись на следы людей бер Саана. Они интересовались тем же купцом.

— Да, — кивнул дракон, — тут все однозначно. Маг спешил, как на пожар. Но неясными остаются его мотивы. Почему он так тщательно скрывался? Никто не стал бы его держать, пусть бы ехал, куда хочет. Еще более непонятен плотный интерес со стороны Церкви.

— Именно последний вопрос меня волнует больше всего, — вздохнул Стирген. — Ты даже не представляешь, насколько плотен этот интерес, шеф. Через наших агентов удалось выяснить, что поиски мага идут по всему миру, и в этих поисках задействовано несколько тысяч человек. На моей памяти так Церковь не искала еще никого. Возникает ощущение, что от того, найдут или нет моего дядю, зависит само ее существование.

— Повтори, что ты сказал! — вдруг рявкнул Вихрь, вскакивая на все четыре лапы от ошеломившей его догадки.

Ничего не понявший принц повторил. Он изумленно оглядывал встревоженного дракона — того трясло, он пританцовывал на месте, из пасти тянулась струйка дыма. В таком состоянии своего начальника Стиргену видеть еще не приходилось. Что могло его настолько взволновать? Принц припомнил все сказанное, но так и не понял, в чем тут дело. Ничего такого он не принес, да, интересно, но не более того. Впрочем, все давно привыкли, что шефу Конторы часто приходят в голову совершенно дикие идеи, приводящие тем не менее к успеху. Чем и обусловливалось то, что уже более ста лет дракон занимал свою должность. По праву занимал.

Через некоторое время Вихрь немного успокоился, хотя и чувствовал себя отвратительно. Не дай Создатель,

чтобы его догадка оказалась верна! Он скрипнул зубами и спросил:

— Удалось отследить мага дальше?

— Да, — кивнул Навр, с не меньшим интересом наблюдавший за драконом. — Хотя мои агенты и потратили на Срединном архипелаге два месяца на это. Сам знаешь, сколько там тысяч кораблей и корабликов курсирует. Маг добрался до Ларбы и остался там на зиму. Наши друзья из группы бер Саана отстали от него месяца на два, поэтому зимовали в Оорге. Нам потом даже удалось разгромить их базу. Троих положили, жаль только, что самим бер Сааном там и не пахло.

— Действительно, жаль... — рассеянно пробормотал Вихрь, ожесточенно грызя кончик хвоста, что позволял себе крайне редко.

— Шеф! — не выдержал наконец Стирген. — Тебе что-то пришло в голову? Что-то, что тебя поразило?

— Потом, потом, — отмахнулся дракон. — Это только предположение, сперва я должен все проверить. Продолжай, Навр.

— Ладно, — хмыкнул сатир, скептически поглядывая на него. — На Ларбе пришлось хорошенько поработать, наш драгоценный маг сменил имидж. Из купца превратился в туагского моряка, возвращающегося домой. По отзывам, даже говорил на всеобщем с ярко выраженным южно-туагским акцентом. Как только стихли шторма, он нанялся на кванскую барку, перевозящую овец, палубным матросом. Таким образом и добрался до острова Тсорм. Высадился в тирхомском порту. И вот тут мы его надолго потеряли. Мне стыдно, но это так.

— Ладно, — поморщился Вихрь. — А что с «нашими друзьями»?

— Нам удалось плотно сесть им на хвост. Настолько, что они отстали от нас в поисках. Бер Саан несколько раз появлялся на горизонте, но мы тут же привешивали

ему такой хвост, что он почти не мог работать и был вынужден тратить все свое время, чтобы оторваться от наших людей. С тех пор ведет себя очень осторожно и не высовывается. Но в Тирхоме произошло одно странное событие...

— Да?

— Похоже, наш противник попытался выйти на контакт.

— Что?! — глаза Вихря вытаращились от изумления. — Бер Саан?!

— Мне так кажется... — кивнул сатир. — Тирхомский резидент обнаружил у себя дома на столе письмо на дзенн-анн. Оно подписано бер Сааном и адресовано тебе.

— Письмо с собой?

— Да.

— Давай, — протянул лапу дракон.

Сатир отдал ему свернутый в трубку листок рисовой бумаги. Вихрь когтем осторожно сорвал печать и развернул письмо. Все верно, дзенн-анн, высший дзенн-анн... Эти перетекающие друг в друга и несущие до нескольких десятков смыслов буквы не узнать было невозможно. Вихрь обожал язык древних, равноценным ему на Танре был разве что эльфийский. На ином языке порой невозможно передать то, что в дзенн-анн говорилось двумя-тремя фразами. Но какова ирония! Верный слуга Церкви использует язык народа, этой же самой Церковью и уничтоженного... Дракон вздохнул и приступил к чтению.

«Мы с вами враги, старые враги. Уже много лет, Вихрь, я ощущаю у себя за спиной вашу тень. Я пытался разгадать тайну вашей личности, но не сумел. Так никто из нас и не знает ни вашего имени, ни того, как вы выглядите. Зато я знаю другое — вы, как и я, профессионал, поэтому скажу прямо. Каждый из нас защищает свои идеалы, свою веру — я не фанатик и по-

нимаю это. Но ничего из того, что имело значение раньше, даже вражда наших стран, теперь значения не имеет. Настают настолько страшные времена, что, возможно, о вражде придется забыть. В мир возвращается Тот, Кто Ушел. И вернется, если мы ему не помешаем. Прошу поверить мне, это не шутка, не насмешка. Вы ведь заметили, как изменились методы и принципы нашей работы? Уверен, что заметили и задаете себе вопрос: чем это обусловлено? Именно тем и обусловлено, что все силы Церкви брошены на отражение этой страшной опасности. Самой страшной в нашей истории. Между собой наши страны могут разобраться и позже. Ваши люди сейчас совершенно не дают мне работать. А ведь маг, которого мы преследуем, один из тех, кто возвращает Ушедшего в мир. Он — один из хранителей. Я не буду больше ничего вам объяснять, профессионал вашего уровня вполне способен сам найти недостающую информацию. Ищите, и вы убедитесь в моей правоте. Последнее, о чем хочу сказать, это то, что если ценой недопущения в наш мир Ушедшего будет полное уничтожение Церкви, как таковой, мы эту цену готовы уплатить. О своей жизни я даже не говорю, она вообще ничего не стоит.

Епископ Святой Инквизиции, Итан бер Саан»

Возвращение обозленного на все и всех существа, обладающего гигантской мощью?.. Да Тарн захлебнется кровью! Даже несмотря на то, что притязания Ушедшего совершенно справедливы. Но мир давно изменился, а древнее существо этого не поймет и попытается вернуть прежнее. А это невозможно. Вихрь вспомнил цветущие и счастливые города и селения империи. Единственного места, где драконы были свои среди своих, где их любили и уважали, где их ценили, где никому в голову не приходило убить дракона только потому, что он

дракон. Он представил себе, как рушатся эти города, как заживо сгорают детишки — драконьи, орочьи, человечьи... Сердце сжало стальным обручем, нельзя такого допускать! И он, дракон Вихрь, приложит все свои силы, чтобы этого не случилось. Отдаст, если понадобится, жизнь. Проклятый инквизитор прав — их жизни ничего не стоят при таком раскладе, остановить возвращение древнего мага нужно любой ценой. Даже если этой ценой станет жизнь многих драконов! Дети должны жить в безопасности.

— Что там написано? — прервал его молчание принц.

— То, что подтверждает мои догадки, — мрачно отрезал Вихрь. — Когда все удастся выяснить, я сообщу подробности. Если ты веришь мне, Стирген, подожди немного. Удалось найти еще что-нибудь по магу?

— Да, — ответил сатир, со странным блеском в глазах посматривая на дракона, ему тоже явно не терпелось узнать, что же сообщил его шефу старый враг. — В первый же вечер он напоролся на подонков, опаивающих путешественников сонным зельем и продающих в рабство.

— И?..

— Стиора продали на кадаирскую галеру «Звезда пророка». Домой она не возвратилась. Не появлялась также ни в одном из портов близлежащих стран. Просто бесследно исчезла. Мы тщательно обследовали все берега по пути следования «Звезды пророка», в том числе и с помощью магии. Нашли немало следов кораблекрушений, но ни единого обломка искомой галеры. Мне очень жаль, но...

— Ясно, — прервал его дракон. — Слушайте приказ. Всех лучших агентов на поиски Стиора арн Нада! Лучших из лучших магов возьмите в Ассамблее, заплатите, сколько скажут, пусть обследуют все возможные вари-

анты следования галеры. Не жалеть ни денег, ни людей, ни времени!

— Но почему такое внимание к какому-то беглому магу?! — полезли на лоб от изумления глаза принца. — Да будь он хоть трижды брат императора, но он бастард и скопец!

— Не в этом дело... — вздохнул Вихрь. — Совсем даже не в этом. Если я прав, и не дай Создатель, чтобы я оказался прав, то этот маг один из тех, кто способен вернуть в наш мир Ушедшего. Именно этим он сейчас и занят. Вам надо объяснять, что это может означать для империи?

— Не надо, — скривился Стирген. — Но это не может быть правдой. Это сказки, и я не понимаю, почему Церковь в них поверила, святые отцы всегда отличались крайней практичностью.

— Пусть даже есть только один процент за то, что это правда, — ощерился дракон, — мы все равно обязаны принять все меры к недопущению. Пусть лучше над нами смеются все, кому не лень, чем потом видеть, как гибнут наши дети, и понимать, что мы могли это предотвратить.

— Согласен, принять меры мы обязаны, — сказал помрачневший и разом растерявший всю свою веселость сатир, принц также кивнул и задумался, что-то отмечая про себя и загибая пальцы.

— Где в империи самые древние архивы? — спросил Вихрь. — Желательно дзеннские.

— Пожалуй, на острове Киноур, — после некоторого размышления ответил Стирген. — Там раньше дзеннское поселение было, а теперь монастырь инуритов.

— Инуриты? — заинтересованно сморщил нос дракон. — Еретики?

— Да, лет сто назад империя предоставила им убежище на этом острове. Они раскопали дзеннские разва-

лины и построили на их месте монастырь. При раскопках нашли огромную библиотеку, причем прекрасно сохранившуюся. Инуриты всегда отличались уважением к знаниям, поэтому сохранили ее, хотя ни один из них и не владеет дзенн-анн. Впрочем, теперь, спустя два поколения, возможно, кто-нибудь уже и владеет.

— Что ж, — сказал Вихрь, остановившимся взглядом смотря в одну точку. — Туда я и отправлюсь.

* * *

Влажная жара тропических джунглей Ворама выматывала до предела. Да еще и разбросаны эти джунгли были по предгорьям. Стиор вспомнил Лодунский перевал и вздрогнул — нет уж, пусть лучше джунгли, чем снова карабкаться по обледенелым скалам при ураганном ветре и метели. Повторения того страшного пути маг пожелал бы разве что инквизиторам. В этот момент ушибленная еще в горах нога в который раз подвернулась. Проклятые горы! Все время о себе напоминают!

Лодунский хребет — высочайший в мире. Почему его называли Лодунским, никто не знал — хребет пересекал весь материк, и преодолеть его можно было только через несколько перевалов, один из которых и располагался в Лодуне. Несмотря на тропическую жару внизу, в горах царил мертвенный холод. Считалось невозможным пересечь перевал в зимнее время — метели, лавины, камнепады, ураганный ветер... Но Стиор сделал невозможное — не мог позволить себе терять еще несколько месяцев, ожидая, пока перевал станет проходимым. Была и еще одна причина. Хотя после уничтожения галеры преследователи и отстали, но они продолжали поиски. Маг ощущал потоки внимания всей кожей и понимал, что сидеть на месте нельзя. Он мог себя выдать, даже не подозревая этого. И так порой едва удер-

живался от применения магии. Да, Ищущие все равно найдут его след, рано или поздно, но пусть лучше поздно.

Старик присел на подвернувшийся пенек и принялся растирать болящую ногу. Одновременно он в который раз анализировал происшедшее, пытаясь понять, а не сделал ли он где-нибудь ошибки? Не применил ли почти неосознанно магию там, где ее применять не стоило?

Со времени уничтожения галеры прошло около года, но Стиор был почти у цели. Тогда, едва выползя на туагский берег, он свалился без сил. А очнувшись, вдруг вспомнил, что давно не проверял наличие матриц. Проверил и онемел от ужаса. На его запястье вместо трех узких и одной широкой темных полосок осталась всего одна — узкая. Три матрицы исчезли! И среди них — та, которую он обязан был донести до родившегося! Стиор взвыл и в отчаянии рухнул на песок, колотя по нему кулаками.

С полдня маг размышлял о самоубийстве, даже наколдовал себе веревку и связал петлю, но затем понял, что ни в чем не виноват: все идет, как надо. Энергоматрицы Тьмы приходят и уходят тогда и только тогда, когда это нужно им самим. И они сами разыскивают тех, кому предназначены, подстраивая вероятности таким образом, чтобы происходящие события приводили к нужному для них результату. Значит, родившийся в Костваде должен сам найти свою матрицу, а не получить ее из рук Стиора. Видимо, так было предначертано Ушедшим. Но для этого родившийся должен сперва стать магом, а магом он без помощи Стиора стать не сможет. Значит, именно в этом и заключается долг старика. Остальные матрицы тоже, видимо, должны найти своих носителей, потому и ушли от него. Но почему тогда одна из девяти осталась? Вывод отсюда только один: по дороге в Коствад магу встретится кто-то, кому эта матрица предназначена. Придется внимательно наблюдать

за каждым, кто попадется по дороге. Стиор отдохнул еще немного, переночевал в пещерке, незаметной с берега, и наутро двинулся на северо-запад к границе Лодуна.

Попадающиеся по дороге деревни и небольшие городки маг старался обходить — в Туаге Инквизиция обладала почти неограниченной властью. Лучше не рисковать. Поэтому столицу Стиор оставил милях в ста к северу, а других крупных городов в этой нищей стране просто не было. По дороге ему все-таки доводилось встречаться с людьми, но оборванная одежда и невнятный для других народов гнусавый южно-туагский выговор делали мага незаметным. А если кто-нибудь и начинал расспрашивать, то Стиор, стараясь казаться косноязычным, отвечал, что, мол, плавал с купцом из Квана, что, мол, корабль потоп, и он остался без гроша. Теперь, мол, домой идет, в деревню на границе с Лодуном, податься боле некуда. Обычно это удовлетворяло расспрашивающих, и от Стиора отставали.

А сам маг внимательно присматривался ко всем, кто встречался на дороге, — одна из девяти матриц осталась с ним, и поди узнай, кто ей предназначен. Впрочем, когда придет время, матрица даст знать об этом.

Стиору очень хотелось передвигаться быстрее, но он боялся привлечь к себе внимание. А верхового люди в нищем Туаге запомнят обязательно. Лошадей имела только знать, крестьяне запрягали в свои телеги медлительных дзудов, крупных тупых ящеров. На них же и пахали. А магию Стиор применять не решался. Хотя однажды пришлось — был вынужден создать себе гзорб, резную палочку с печатью князя. Она являлась одновременно удостоверением личности, подорожной и вольной. В Туаге никто, кроме дворян, не имел права ездить куда-либо без разрешения своего господина или его управителя. Если разъезды стражи ловили кого-нибудь

без гзорба или разрешения на передвижение, то путника без лишней волокиты ссылали на княжеские серебряные рудники, где всегда требовались рабы.

Стиор, привыкший к богатым городам и деревням империи, с немым ужасом смотрел на окружающую беспросветную нищету. У крестьян без зазрения совести отбирали девять десятых результатов их труда. Отбирали для буйного разгула, вызывающего омерзение у любого нормального человека. Дворянам в Туаге позволялось все, и они творили такое... Изгалялись, насиловали, вешали, пытали, запарывали насмерть за одно слово или взгляд. Главным для аристократов было покрасоваться друг перед другом. Вот и обирали своих крестьян до нитки. А что в результате этого до четверти населения зимой вымирало с голоду, так им на это было плевать — бабы еще нарожают.

Стиор знал о несправедливости мира, но особо о ней не задумывался. То, что он увидел в Туаге, заставило мага понять многое. Немало пересмотрел старик в своих взглядах на мир, жизнь и магию. Однажды он едва смог сдержать себя, увидев, как сжигали заживо население целой деревни. При воспоминании об этом мага затрясло от ужаса и омерзения.

Стиор тогда напоролся на небольшую деревеньку и решил обойти ее. Но в это время в деревню ворвался отряд Святой Инквизиции, и маг затаился в ближайшей роще, моля про себя Создателя, чтобы не нашли. Однако вскоре выяснилось, что святые отцы — не по его душу. Судя по подслушанным обвинительным речам, местные крестьяне не смогли заплатить налог монастырю. За это монахи объявили несчастных еретиками, и вскоре в деревню прибыли инквизиторы в сопровождении отряда латников.

Маг в полнейшем ступоре наблюдал, как жителей маленькой деревеньки сгоняют в амбар и поджигают его.

Как бросают в огонь маленьких детишек, которых несчастные матери в попытке спасти выбрасывали из окон. Нечеловеческие крики сгорающих заживо людей хлестали Стиора по нервам, и маг едва не выл, заставляя себя сдерживаться, чтобы не испепелить нелюдь тут же, на месте. И сумел, понимая, что все инквизиторы Туага немедленно ринутся по его следам. Но бездействие тяжело далось. Еще много дней после этого кошмара старик ковылял через чащу и бормотал, поблескивая воспаленными глазами: «Погодите, Он скоро придет... Вы дождетесь, звери... Он придет...» Именно для того, чтобы Ушедший мог вернуться, Стиор сдержал себя, ради этого он должен был забыть обо всем. Его жизнь ему не принадлежала, он не имел права рисковать. Хотя горько было сознавать, что мог легко спасти несчастных...

В дороге прошло лето, началась осень. Впрочем, в тропиках это незаметно, разве что стало не так жарко. Но это только внизу. В горах же все было иначе. Морозы, метели и тому подобные прелести делали Лодунский перевал зимой совершенно непроходимым. Стиор, несмотря на это, ждать не мог. Целых полгода? Нет! Ищущие шли по его следу и вполне могли нагнать. К тому же никому, включая и Инквизицию, в голову не придет, что найдется безумец, способный пойти на перевал в преддверии зимы. Но для такого похода даже магу необходимо было снаряжение, а денег он не имел.

Темной ночью старик пересек лодунскую границу и углубился в предгорья. Еще около месяца ушло, чтобы добраться до перевала, минуя столицу — туда лучше не соваться, слишком опасно. Воспользовавшись чутьем прирожденного мага, Стиор пробрался в забытые гномьи пещеры и отыскал зарытый в незапамятные времена клад. Он взял совсем немного, ровно столько, сколько нужно для покупки снаряжения и продуктов. В маленьком лодунском городке Ринсе, где останавливались

все, идущие через перевал, маг купил теплую одежду и все необходимое для путешествия через горы.

В Лодуне, торговой республике, жили намного богаче, но населения было значительно меньше, чем в Туаге. Прибыль от торговли позволяла лодунцам нанимать опытных наемников, с их помощью отражая набеги воинственного и нищего соседа.

Через несколько дней маг незаметно выбрался из Ринса и двинулся по опустевшей в преддверии зимы дороге на перевал. Поднявшись повыше, Стиор снова начал применять магию, зная, что до весны все следы исчезнут, выметенные метелями, буранами и ураганным ветром. Когда все закончилось, старик старался не вспоминать страшную дорогу. Кошмар в полном смысле слова. Пропасти, обледенелые скалы, выдувающий последние крохи тепла ветер, бьющая в лицо снежная крупа. Без помощи заклинаний, не известных почти никому на Танре, Стиор не смог бы выжить в этом ужасе. Все силы, все, чему он успел научиться за свою довольно долгую жизнь, было использовано для выживания. Маг смог совершить невозможное, такого не совершал еще никто за всю историю его мира. Зато спустившись по ту сторону перевала, свалился на неделю возле первого найденного родника. Теперь он мог позволить себе маленький отдых — обогнал преследователей минимум на полгода.

Поход по джунглям — тоже отнюдь не подарок, но ни в какое сравнение не шел с дорогой через перевал. Граница Лодуна с Ворамом проходила по горам, так что Стиор не беспокоился. Да и почти безлюдна эта страна, вся ее жизнь сосредоточилась на восточном побережье в трехсотмильной прибрежной полосе. Плодородные земли находились только там. А дальше шли дикие джунгли, только формально принадлежащие Вораму. Если тут кто-нибудь и жил, то это были племенные союзы, пла-

тящие столице небольшую дань. Да и то если их могли отыскать — дикари в основном постоянно передвигались вслед за стадами сумгов, больших шестиногих животных, служащих людям в джунглях основной пищей. Каждый из племенных союзов жил по своим собственным законам, Церкви не удавалось навязать им веру в Спасителя. Иногда тут попадались даже племена орков, сатиров и дварфов. Но они никого не интересовали — война с ними обошлась бы слишком дорого и не принесла никакой прибыли. Поэтому даже вездесущая Церковь махнула на запад Ворама рукой, изредка посылая туда экспедиции миссионеров — надо же как-то наказывать проштрафившихся святых отцов.

Стиор шел день за днем, продираясь сквозь джунгли и обходя любое поселение. Заклинание поиска разума, которым маг окутал себя, заранее предупреждало о встрече с любым разумным существом, и он этой встречи благоразумно избегал. К чему создавать самому себе проблемы? Уж подманить мелкое животное на ужин Стиор мог всегда, ему совсем не требовалось заходить в поселения племен, чтобы добыть еду. От всех остальных опасностей диких джунглей его оберегали еще несколько заклинаний. Здесь старик не боялся использовать магию, считая, что если ее следы и будут кем-то обнаружены, то все спишется на шаманов племен.

Чем ближе Стиор подходил к границам Коствада, тем больше прогалин и полян появлялось вокруг. Вскоре джунгли закончились, и перед магом потянулась унылая, поросшая редким кустарником полупустыня. А впереди темной стеной вырастало Чернолесье. Прошла неделя, и он оказался у опушки, задумчиво глядя на покрытые мхом стволы могучих деревьев, устремившихся вверх на сотни метров. Никто и никогда за последнюю тысячу лет не рисковал соваться в этот страшный, непонятный, живущий своей жизнью лес. Разве что

экспедиции вездесущей Церкви изредка пытались проникнуть сюда. Их снабжали переговорными камнями, но, кроме воплей боли и ужаса, доносившихся из этих камней через несколько дней после ухода экспедиции, святые отцы так и не смогли ничего получить. Живым не вернулся никто. В конце концов, они махнули рукой на Чернолесье, так же как и на Джоудан.

Маг тяжело вздохнул — хоть он и принадлежал Тьме, но об этом лесе тоже не знал почти ничего. Больше, чем кто-либо другой, но все же слишком мало. Впервые за очень долгое время Стиор во всю силу развернул завесу Тьмы. Здесь он вообще перестал бояться обнаружения — в Чернолесье могло случиться что угодно, и Инквизиция это знала. Поэтому на любые всплески магии около этого леса никто не обращал внимания. Никогда. Завеса медленно распрямила крылья, и торжествующая радость наполнила душу старого мага, сила забилась в каждой жилке его тела. Только несколько раз, еще в молодости, во время своего путешествия, он смог опробовать это и подобные ему заклинания в безлюдных местах Срединного архипелага.

Несколько шагов, и вокруг Стиора сомкнулась полутьма, как будто он оказался в подземелье. Свет почти не проникал к подножиям гигантских деревьев, стволы которых покрывал белесый, противный на вид, да и на ощупь, мох. Землю устилал ковер шевелящихся, покрытых белесой же слизью мокриц. Маг шел очень осторожно, пробуя посохом почву перед собой — пришлось возвратить тому первозданный вид, чтобы не попасть во внезапно открывающиеся перед неосторожным путником ямы. Подлой особенностью Чернолесья являлись именно эти ямы с зыбучей грязью, до поры до времени скрывающиеся от постороннего взгляда. Ступи неосторожно — и митькой звали, никакая магия не поможет. Благо, что такие ловушки установлены только на пер-

вых двадцати-тридцати милях. Хотелось бы знать, кто их установил. Явно кто-то очень не любящий незваных гостей.

Стиор поднял голову — книги не лгали, на высоте нескольких человеческих ростов он заметил плотные белые сети паутины. Маг нервно поежился, представив паучков, способных выплести такие сети. Говорили, что пауки Чернолесья охотятся и на людей. Попадать в их лапы не хотелось — эти милые существа держали свою добычу живой много дней, медленно поедая ее. По рассказам учителя Стиора, в незапамятные времена на Танре существовала раса гигантских разумных арахноидов, очень похожих на пауков Чернолесья. Они сумели дойти до высшей ступени развития духа и ушли куда-то в иные пространства, заниматься чем-то уж вовсе непредставимым. Маг очень хотел надеяться, что когда-нибудь и человеческая раса достигнет таких высот, но, хорошо зная людей, поверить в это не мог.

Медленно пробираясь между узловатыми корнями исполинов, Стиор изо всех сил старался не наступать на ползающих повсюду мокриц. Но порой они устилали землю сплошным ковром, и приходилось идти прямо по ним, едва сдерживая тошноту. Навершие посоха светилось неярким светом, освещая дорогу. Жить в этом месте не захотелось бы никому. Правда, лучшего убежища от Церкви не найти — ни одному из инквизиторов не придет в голову искать кого-либо в Чернолесье. В любом другом отыщут на раз — всеми фибрами души Стиор ощущал, что его не перестали искать, а наоборот — ищут еще интенсивнее. Похоже, что теперь этим занялась не только Церковь, но и кто-то еще — слишком уж плотным стал поток внимания, направленный на личность некоего Стиора арн Нада. Видимо, без Конторы тут не обошлось. Впрочем, что бы ему лично ни грозило, долг превыше всего.

Ноги уже заплетались, очень хотелось отдохнуть. Но на всей дороге через лес ему так и не попалось ни одного сухого места. Стиор прошел уже около тридцати миль и больше просто не мог, но выхода не видел и продолжал путь. Он внимательно всматривался в просветы между стволами деревьев, но ничего подходящего для ночлега так и не попалось. Все вокруг так же усеивали мокрицы, а несколько раз ему попались на глаза маленькие пестрые змейки, в которых маг с содроганием узнал стисс, самых ядовитых змей Арбадона. Только часа через два поля мокриц наконец закончились, и магу стали попадаться относительно сухие места. В конце концов, удалось отыскать небольшую полянку, и Стиор рухнул на траву пластом, изнемогая от желания тут же уснуть. Но сначала все же заставил себя огородить место ночлега завесой Тьмы, которая отгонит любое живое существо, внушив ему непреодолимый ужас.

Пробуждение Стиора оказалось не слишком приятным. Его разбудили пинком в бок. Маг с трудом сфокусировал глаза и увидел над собой высокую фигуру какого-то существа. Странного существа, он никогда не видел его вживую. Разве только на картинках. Это что же — они еще не все уничтожены?.. Его размышления прервал шипящий, наполненный ненавистью голос:

— Твоя зря пришла в наш лес, человека. Твоя сейчас умрет.

* * *

Дина летела изо всех сил. Перед глазами драконочки застыла красная пелена, дыхание с хрипом вырывалось из груди. Дикая боль в основаниях крыльев не давала покоя, она бы в голос плакала, если бы могла это сделать. Только крупные слезы одна за другой капали из глаз, она никак не могла сдержать их. Тихие стоны маленького Стига, судорожно вцепившегося коготками

в чешую на спине старшей сестры, не давали ей остановиться — малыш умирал, драконочка ощущала это и могла только надеяться, что встретит кого-то, кто ей поможет. Она сама не знала, куда летит — куда-то наугад, просто спасалась от страшной смерти и пыталась спасти маленького братика. Как еще только вчера она гордилась, что папа назвал ее взрослой. А сегодня ни папы, ни мамы уже нет. В это невозможно поверить, это казалось бредом сумасшедшего, но Дина сама видела, как их убивали. Да, папа приказал ей бежать и спасать малыша, а сам остался сражаться, и она не видела сам момент их смерти, но понимала, что ее бы не преследовали, если бы родители были еще живы. За что их убили? За что?! Что они сделали этим жутким человекам? Она оглянулась и задрожала от ужаса — темные точки на фоне восходящего солнца стали крупнее, грифоны постепенно нагоняли.

Еще вчера утром все было так хорошо, еще вчера утром Дина недовольно бурчала из-за того, что на завтрак только рыба, со смехом следила за возней младших братиков и сестричек. Она тогда даже не понимала, как была счастлива. И как она сейчас завидовала себе вчерашней, еще не знающей, что такое зло, что такое боль и ужас. Дина выросла в любви и ласке, все, кого она знала, всегда были к ней добры. И драконочка считала, что так будет всегда, что просто не может быть иначе. С детства ее окружала забота родителей, и Дина считала мир вокруг захватывающим и интересным, требующим изучения. Да, папа с мамой, конечно, рассказывали о том, что этот мир жесток и страшен, что у драконов много врагов, что за ними охотятся какие-то страшные чудовища человеки. Но Дина верила в это только в детстве, а повзрослев, начала посмеиваться над «глупыми детскими сказками». Увы, эти «сказки» обернулись страшной реальностью.

Да, родители не раз рассказывали детям свою историю, но юная драконочка не верила во многое из услышанного, а кое-что вообще пропускала мимо ушей. Лет двадцать назад ее отец и мать жили на крупном острове Срединного архипелага, в довольно большом ареале. Но драконы, оторванные от происходящего в мире и мало им интересующиеся, не знали, что Церковь объявила их исчадиями ада. Когда на остров налетела целая армия грифонов, драконы несколько растерялись. Сражались, конечно, до последнего, но врагов оказалось слишком много. Спастись удалось только двум юным драконам из разных кланов. Они бежали, и бежали чудом, сумев спрятаться в глубоких пещерах гор острова. Ночью зеленый дракон Ринг из рода Аррант и черная драконочка Ирта из рода Орвах выбрались из своего убежища и полетели куда глаза глядят.

Кошмарный перелет через океан отец и мать Дины запомнили на всю жизнь. Изредка на пути попадался какой-нибудь остров, и они буквально падали на него, тут же засыпая от усталости. Неизвестно, выжили бы молодые драконы, если бы в конце своего пути не напоролись на полуостров Утиный Нос. Это был огромный, покрытый неприступными скалами мыс на самой границе владений Церкви. Если бы драконы случайно не налетели на него, их скоро обнаружили бы и убили охотники. Просто повезло. Берега Утиного Носа оказались отвесны и имели в высоту около трехсот метров. Никто там, конечно, не жил. Но для крылатых, особенно скрывающихся от стороннего взора, такое место оказалось идеальным. Никто не знал о расположенной за скалами зеленой симпатичной долине, где паслись огромные стада антилоп. В море рядом плавали стаи морских коров, настолько больших, что даже двое голодных драконов не могли съесть такую в один присест.

Ринг и Ирта понимали, что остались единственными выжившими из родного ареала. Где-то наверняка есть и другие драконы. Но как их искать? Они не знали, да и боялись снова бросаться в неизвестность, рискуя напороться на охотников проклятой Церкви. Потому и решили остаться в этом уединенном месте, тем более что давно любили друг друга.

Потянулись месяцы, а за ними и годы. Охотились драконы только по ночам, не желая, чтобы их обнаружили. Старались жить тихо, не привлекая ничьего внимания. Шло время, в любви и радости рождались дети. Дина — черная, юркая, смешливая и несколько ехидная драконочка доставляла своим родителям и немало радости, и немало тревог. Дирг — спокойный и рассудительный темно-красный дракончик, вечно старающийся сам докопаться до сути вещей. Сана — темно-зеленая, вся в папу, его любимица, любопытная, как сорока, вечно изводящая окружающих бесконечными вопросами. И, наконец, Стиг, самый маленький, всего трехлетний черный дракончик, поразительно умный для своего возраста. Правда, иногда малыш казался старше не только братьев и сестер, но и отца с матерью. Эта недетскость в его взгляде порой пугала их, но Стиг тут же снова становился обычным ребенком и весело играл вместе с остальными. Однако через некоторое время он опять задумывался над вопросами, которые его родителям и в голову не приходили. Немало ночей провели Ринг и Ирта, обсуждая странное поведение малыша и удивляясь его интересам. Он вечно хотел знать, почему происходит что-либо, и требовал объяснить ему это. И единственный верил рассказам о жестокости мира. Только, опять же, требовал объяснений, которых родители дать не могли — они не были особо образованными, хотя, как и каждый дракон, обладали немалыми знаниями о мире и его истории. Характер малыша не слиш-

ком нравился Рингу и Ирте, но что они могли поделать? Стиг порой забирался куда-нибудь подальше и долго сидел в одиночестве, глядя в одну точку и размышляя о чем-то своем.

Спокойная и счастливая жизнь несколько расслабила драконов, и они начали класть хвостом на безопасность. Особенно отличалась этим подросшая Дина. Она первая перестала слушаться родителей и начала летать днем. И ничего не случилось! Драконочка уверилась в своей правоте, и вскоре уже вся семья выбиралась на отмели погреться на солнышке и понырять, поглазеть на коралловые рифы. Дине очень нравились отблески солнца в ее зеркально-черных крыльях, она обожала рассматривать океанское дно через прозрачную воду. Драконочку многое интересовало, хотя и не так сильно, как ее младшую сестру. Но и она хотела знать, почему идет дождь, почему светит солнце, почему растут деревья. Родители учили детей всему, что знали сами, но тем этого было явно недостаточно. Ринг и Ирта также пытались научить молодое поколение осторожности, но это не слишком-то получалось. Особенно Дина отличалась бесшабашностью — драконочка знала, что все вокруг ее любят, ей даже в голову не приходило, что кто-то может захотеть причинить ей или ее родным зло. Наверное, именно ее и увидел какой-то случайный рыбак, заплывший далеко от дома. А уж после этого охотников Святой Инквизиции долго ждать не пришлось...

В то страшное утро вся семья, как обычно, плескалась у отмелей южного берега. Дина, гордая тем, что ее вчера объявили взрослой, задирала нос и делала вид, что ей не о чем говорить с этими малявками.

— Дин, а Дин... — канючил Стиг. — Ну, покатай, а...

Драконочка отмахивалась от пристающего малыша, который по малости лет сам летать еще не мог, но до жути обожал это дело. К тому же был уже несколько тя-

желоват, чтобы носить его на спине. Но Стиг этого не понимал и все время просился покататься. А если уж кто из взрослых шел ему навстречу, то счастью не было предела. Он крепко вцеплялся коготками в чешую на спине катающего и издавал дикие вопли восторга, щурясь от ветра.

— Мам, а мам! — донесся до Дины крик Саны. — Мам, а почему у этой морской звезды пять отростков, а у этой семь?

Драконочка скривилась. Ей до смерти надоела эта прилипала со своими вечными глупыми вопросами. Хорошо хоть сейчас Сана пристает к кому-то другому, от нее просто так не отвяжешься — будет теребить до тех пор, пока ты ей не ответишь. Дина легла на спину, распластала крылья и разнежилась на нежарком еще утреннем солнышке. Она лениво размышляла, что сегодня сделать, какое бы развлечение найти. Последнее время ее беспокоили странные мысли и фантазии, терзали какие-то желания, но драконочка никак не могла понять, чего же она хочет. Часто снились сны о молодых драконах, с которыми она занималась чем-то непонятным, но очень приятным. Эти сны даже немного пугали Дину. Несколько раз драконочка порывалась рассказать обо всем маме, но никак не могла решиться, ей почему-то было неудобно. Нет, сейчас Дина, хоть убей, не понимала саму себя.

— Пап! — снова прервал ее размышления пронзительный голосок младшей сестренки. — А что это там за птички летят?

— Где? — добродушно повернулся к дочери большой зеленый дракон.

Она показала, отец лениво повернул в ту сторону голову и присмотрелся. Того, что произошло следом, Дина просто не поняла. Ринг резко вскочил на ноги и яростно зашипел, его чешуя встала дыбом, но в глазах

был отчетливо виден смертельный ужас. Тело дракона сотрясала крупная дрожь, из пасти вырывалось глухое, угрожающее рычание.

— Что с тобой, Ринг? — с недоумением повернулась к нему жена, дети же вообще, открыв рот, глядели на преображение папы, таким его видеть им еще не доводилось.

— Грифоны, Ирта... — с тоской ответил он. — Грифоны...

— Ну и что?

— Да на них же люди верхом! Спасай детей! Я задержу!

— В воздух! — разнесся вокруг отчаянный вопль матери.

Она сама одним прыжком рванулась вверх, закинув перед тем себе на спину маленького Стига. Следом, перепуганные отчаянным криком и ничего не понимающие, взлетели дети. Но уйти не удалось никому. Охотники Святой Инквизиции имели большой опыт в убийстве драконов и подготовились к атаке отлично. Из-за скал сверху вырвалась еще одна стая грифонов. Дина никогда еще не видала таких существ — тело льва, голова птицы и крылья. И какие они большие! Почти в половину ее роста. А на спинах больших зверей сидели мелкие зверьки, невиданные зверьки всего с двумя ногами и голыми, плоскими, розовыми мордами. Все они бросились на беззащитных детей. Сразу двое грифонов, как назвал их отец, вцепились когтями в спину Саны, она отчаянно, пронзительно закричала от страшной боли и рухнула вниз, на скалы. Кто-то из двуногих швырнул длинную палку с острым наконечником и пронзил ею перепуганного Дирга, отчаянно машущего неокрепшими крылышками. Он тоже с криком упал. А затем еще одна палка вонзилась в спину самой Дины, а вторая

пробила ей ногу. Драконочка завизжала и резвее забила крыльями, пытаясь убежать от этих жутких зверей.

В душе билось непонимание, недоумение, она безмолвно кричала: «За что?! Что мы вам сделали?! Зачем вы нас мучаете?!» Дина бросила взгляд вниз и едва не упала. Увиденное оказалось настолько страшным, что она забыла о своей боли, ее душа рвалась на клочья от непонимания — да как же так можно?! Как могут разумные творить такое с другими разумными?! Драконочке казалось, что она умирает — столь жутким было происходящее. Несколько грифонов опустились рядом с бьющимися от боли на прибрежном песке детьми, и спрыгнувшие с них охотники начали деловито рубить дракончиков на куски. Вот один торжествующе завопил и поднял к небу насаженную на острую палку окровавленную голову Саны. Дина отказывалась верить своим глазам, такого просто не могло быть! Ну не делают разумные такого друг с другом! Не делают... Так же нельзя! Это же подло! Но кошмар и не думал заканчиваться...

— Сана! Дирг! Нет! Нет!.. Нет!!! — раздался сверху вопль несчастного отца, не сумевшего защитить своих детей.

Они с матерью находились прямо над Диной и сражались как одержимые. Мимо драконочки то и дело пролетали к земле разорванные тела. Уже десятка два мертвых грифонов и человеков усеивали прибрежные скалы внизу. Но врагов было слишком много, не меньше полусотни грифонов атаковало всего двух драконов, которые к тому же никогда не учились сражаться.

Изо всех сил цепляющийся слабеющими коготками за спину бешено вертящейся в воздухе матери маленький Стиг не смог удержаться. Он слабо пискнул и сорвался. Малыш изо всех сил звал маму и пытался махать своими крылышками, но они были еще слабы для полета и только немного сдержали падение... Это мало по-

могло, вскоре он упал на острые скалы, и воздух снова огласил отчаянный детский крик.

— Дина! — донесся до драконочки полный боли и отчаяния голос отца. — Девочка моя! Спаси малыша! И беги! Беги, доченька... Мы задержим их!..

Она послушно нырнула вниз, разорвав по дороге морду кинувшегося на нее грифона — после убийства Саны и Дирга она уже не могла считать этих тварей разумными. На лету подхватив и закинув себе на спину стонущего малыша, Дина зигзагами рванулась прочь от родного берега в открытое море. Ей сильно повезло — отец с матерью сражались так отчаянно, что ни один из врагов не смог оторваться от боя и броситься за ней. Кто-то из людей что-то кричал, приказывая догнать беглянку, но Ринг безумным рывком остановил попытавшихся выполнить этот приказ. Два дракона шли в свой последний бой, они знали, что умрут, и только надежда на то, что хоть кто-то из их детей спасется, придавала сил. Много еще охотников заплатили своими погаными шкурами за жизнь этих драконов.

Дина летела весь день и всю ночь, гонимая ужасом, а перед глазами все время стояла насаженная на острую палку голова ее младшей сестренки. Боль и гнев бурлили в душе девочки, внезапно ставшей взрослой, внезапно потерявшей все, что было ей дорого. Драконочка летела так быстро, как никогда еще в своей жизни не летала. Каждая мышца ныла и молила об отдыхе, но страх не давал остановиться — еще перед закатом Дина заметила позади точки преследующих ее грифонов. Это могло означать только одно — папы и мамы больше нет. Она плакала, но не останавливалась. Если бы не стонущий на ее спине ребенок, драконочка бы, может, и позволила себе сдаться. Но ответственность за жизнь младшего брата наполняла душу решимостью спасти его любой ценой. Самой погибнуть, но спасти ребенка!

Всходило солнце, на его фоне были видны все увеличивающиеся точки. Ее постепенно догоняли... Дина знала, что скоро упадет, сил не осталось вовсе. Драконочка сменила направление, теперь солнце светило в край правого глаза. Кровавая пелена застилала взор, только страх за брата еще заставлял махать крыльями. Израненный малыш глухо стонал, намертво вцепившись коготками во встопорщившуюся чешую. Драконочка очень боялась, что Стиг умрет, и едва не выла от отчаяния — у несчастного малыша были в клочья порваны оба крыла и переломаны ребра. Правая передняя лапка вообще раздроблена. Удивительно, что он еще жив.

Вдруг снизу к Дине рванулась какая-то большая тень, и она с удивлением и облегчением увидела рядом золотого дракона, огромного, раза в полтора больше отца. Золотого?! Драконочка и представить не могла, что такие бывают, отец о таких не рассказывал... А дракон пораженно посмотрел ей на спину, заметил израненного малыша и вздрогнул. Затем требовательно и сердито рявкнул:

— Ты почему одна в море вылетела? Девчонка! С ума сошла, что ли, ребенка с собой брать?! Как это случилось?! Почему малыш в таком страшном состоянии?!!

— Они... — навзрыд зарыдала Дина, ощущая невероятное облегчение от того, что рядом кто-то большой и сильный. — Они всех убили... Папу... Маму... Сану... Дирга... Всех...

— Кто убил?! — с изумлением переспросил золотой. — Да что ты несешь, девочка? Кто мог осмелиться?! В империи?!! У тебя жар, по-моему.

— Папа говорил, что Церковь... — едва смогла сказать драконочка, пересохшее горло с большим трудом выталкивало из себя слова. — Мы там, далеко отсюда, жили...

— Ах, вот оно что... — протянул дракон, с сочувствием глядя на нее. — Ты из вольных...

— Они гонятся за мной... — всхлипнула Дина. — Они и нас со Стигом убить хотят... Там, сзади...

Золотой повернул голову и посмотрел в указанном ею направлении. Увидев, что девочка не солгала, он ощерился, на морде появилось предвкушение чего-то. Чего именно, Дина не поняла.

— Гонятся, значит... — протянул дракон, его глаза горели гневом. — И оказались настолько глупы при этом, что пересекли границу империи. Превосходно! Их ждет здесь очень теплая встреча.

Он с жалостью посмотрел на драконочку, затем на умирающего малыша и покачал головой. Вздохнул и сказал:

— Меня зовут Ветер Вранд, серебряный князь Ноарский. Я командир местного гарнизона. Лети на берег, скажешь, что тебя прислал я, потребуй мага-целителя. Он спасет твоего братика. Я вижу, ты устала, но постарайся долететь. А мы отплатим за смерть твоих родных...

Дракон еще раз взглянул на нее, затем гневно рыкнул и сорвался в пике с криком:

— Боевая тревога! Вторжение Церкви!

Изумленная Дина даже забыла ненадолго о боли — со странных, никогда не виданных ею огромных лодок начали взмывать в воздух драконы. Десятки драконов! Таких расцветок, что она и представить себе не могла. Но сил не было уже ни на что, в том числе — на удивление, и драконочка с трудом продолжила путь к недалекому уже берегу, искренне надеясь, что дотянет и не упадет в море.

Вихрь сидел на самой высокой башне монастыря инуритов и размышлял. Почти полгода он провел здесь, превратив монастырь едва ли не в штаб-квартиру Кон-

торы. Многое удалось выяснить после прочтения архивов мертвого народа. Все-таки странно, что дзенны оказались так доверчивы, что позволили жалким людям уничтожить себя. Впрочем, это далекое прошлое, есть задачи и поважнее, чем размышлять о печальной судьбе древних. Теперь он понимал, и что случилось в ту страшную ночь, и зачем маг инсценировал свою смерть, и кто такие хранители, и для чего была создана Церковью команда Итана бер Саана. Дракон только никак не мог определить своего отношения к этим событиям.

Да, требования Ушедшего справедливы, он готов это признать. Но дзенн давно нет в этом мире, прошлого не возвратить. Поймет ли это древний маг? Неизвестно, как он поведет себя, узнав, что его народ полностью уничтожен, и уничтожен без всякой жалости. Нет, пусть уж лучше Ушедший остается там, где он сейчас. Слишком много крови прольется в случае его возвращения. Какими бы на первый взгляд правильными ни были идеи этого существа, цена за их осуществление окажется слишком велика. Остановить Ушедшего можно — если не допустить, чтобы родившиеся в ту ночь Трое объединились. Как не допустить этого, он пока не знал. А тот выход, что виделся, слишком уж омерзителен. Объединиться с Церковью, с убийцами детей? Противно. Но Вихрь хорошо понимал, что если иного выбора не будет, он пойдет и на это. Если понадобится для сохранения империи. Что ж до презрения остальных драконов? Не привыкать, они и сейчас воротят морды от него. Пусть воротят, лишь бы живы были! Чтобы никому не приходило в голову хоть здесь убивать детей! И позаботиться об этом — его задача.

Вихрь насмешливо оскалился — давно прошли те времена, когда он страдал от пренебрежения других, обижался на непонимание. Только глубоко в душе шевелилась давно привычная глухая горечь, которая, впрочем, ничуть не мешала делу. Да, пусть они относятся к

нему с гадливостью и дальше — главное, чтобы их никто не убивал, не преследовал только за то, что они драконы. Чтобы детишки были сыты, веселы и счастливы; чтобы могли расти в любви и радости, чтобы никто и никогда не выдирал у них крыльев и не приманивал их криками взрослых. Чтобы никто и никогда не знал, что это такое — охота на драконов!

Вихрю снова вспомнились города империи и отношение там к его сородичам. Он не смог не улыбнуться — все-таки Стирген I был гением, раз сумел так перевернуть изначально ксенофобскую человеческую психику. Сейчас драконов не просто любили — их обожали, маленьких дракончиков баловали все — люди, орки, дварфы. Самим родителям приходилось быть строгими, чтобы хоть немного приучить малышей к порядку.

Взрослые драконы большей частью служили в армии, охраняя границы от вторжений врага. Драконессы доставляли почту и срочные военные грузы в любую точку империи. Были драконы-маги, драконы-ученые, да мало ли еще кто. Главное, что им была открыта любая дорога, они являлись равными среди равных, их уважали. Эту невероятную по меркам Танра страну Вихрь хотел сохранить любой ценой. И в том, что она до сих пор существует, есть и его заслуга — сколько раскрыто заговоров, затеянных Церковью или аристократами, сколько сорвано военных союзов, направленных против империи Над, сколько спасено драконов и иных преследуемых в странах Церкви. Империя широко отворяла свои двери для всех и каждого, вне зависимости от его расы. И каждому здесь открывалась любая дорога — трудись, учись, и если ты талантлив, твой талант обязательно заметят.

Директор Конторы снова бросил взгляд на море — вдали кружили в небе дозорные драконы, остальные отдыхали на сторожевых галерах. Он криво усмехнулся,

вспомнив отношение к себе бойцов местного драконьего гарнизона — как подчеркнуто они его игнорировали. Ну, еще бы, благородный дракон занялся столь подлым и грязным делом, как тайный сыск. Никто из них, конечно, и заподозрить не мог, что именно этого дракона зовут Вихрем и именно он возглавляет этот самый тайный сыск. Тайна его личности являлась одной из самых тщательно охраняемых в империи. Все, кроме высокопоставленных служащих Конторы, считали Орида Тангерда просто одним из служащих СБ, дослужившихся до звания тайного советника, но никак не директором. Никому в голову не могло прийти, что грозный Вихрь, от одного имени которого дрожало полмира, — дракон. Ведь драконов считали слишком благородными для таких дел, а директор Конторы отличался крайней изворотливостью, жестокостью и беспринципностью. По мнению его врагов, естественно. Многие пытались докопаться до того, кто скрывается под кличкой Вихрь. Но никому пока не удалось, и это давало Тангерду простор для маневра. Он, как паук, сидел в центре паутины, затянувшей весь мир, и незаметно дергал за ниточки.

По здравому размышлению Вихрь осознал, что в одиночку Конторе надвигающийся кризис не остановить. Дракон снова оскалился — да, он прекрасно знал, что его лапы по плечи в крови и дерьме. Но не хуже он знал и другое. Если ради сохранения империи как таковой ему понадобится сидеть в этом дерьме по уши — он будет там сидеть! Что бы о нем ни думали и как бы его ни презирали за это другие! Вихрь до конца исполнит свой долг и обеспечит безопасность своего рода. Чего бы лично ему это ни стоило. Даже если понадобится улыбаться убийцам детей и строить из себя их друга. Никакая цена не велика за то, чтобы в мире существовало место, безопасное для драконов.

Было, правда, кое-что, из-за чего Вихрю порой хоте-

лось разодрать себе глотку. Полное и беспросветное одиночество — он ведь как-никак был мужчиной. Проклятое одиночество постепенно убивало душу, и дракон это хорошо осознавал. Он не рассчитывал на внимание хоть какой-нибудь драконы, последняя надежда на это умерла лет сто пятьдесят назад. Вначале сыграла свою роль его дурацкая внешность, а потом еще и профессия. Вихрь с отвращением посмотрел на свой лимонно-желтый живот и скривился. Да уж, зрелище то еще — дракон цвета молодой травы с желтыми в неровную синюю крапинку животом и грудью. Но не виноват же он, что таким уродился? Не виноват! С самой юности его вид вызывал у любой драконы, особенно молодой, неудержимый смех. Как больно бил Вихря этот смех... А они просто смеялись, и молодой тогда еще дракон уходил прочь, понурив голову.

Значительно позже маги Ассамблеи научили директора Конторы ментальной защите. Теперь смеющемуся над ним вдруг казалось, что он попал в ледник — таким холодом начинало веять от странного дракона. У смеющегося сразу исчезало всякое желание смеяться, и он хотел только побыстрее скрыться с глаз господина тайного советника. Сам же Вихрь старался как можно реже встречаться с любым из драконов женского пола. Гордился тем, что сумел перебороть себя, не обозлился и живет теперь только во имя долга. Он больше не улетал ночью в пустынные места и не кричал в темное, безответное небо: «За что?!» Дракон полностью отдавался своему презираемому его народом делу и готов был отдать и жизнь, если понадобится, ради этого самого народа. Вихрь знал, что благодаря разработанным им операциям спасено уже несколько сотен драконов, и это знание давало силы жить дальше. Да, он жил не зря, пусть даже никто и не узнает о том, что им сделано. Но иногда, как в это солнечное утро, старая тоска брала

свое. И дракон молча смотрел в сторону океана, а в глазах его плескалась боль.

Вдруг какая-то суматоха над сторожевыми галерами привлекла внимание Вихря. До него донесся почти неслышный из-за расстояния крик Ветра Вранда, командира пограничного гарнизона: «Боевая тревога! Вторжение Церкви!» Этого только не хватало! Бер Саан уже должен был получить его послание, они что там, у себя в Фалноре, с ума посходили — нарушать границы накануне заключения договора?! Дракон выругался и одним прыжком сорвался с башни. Он на полной скорости понесся к месту событий, продолжая про себя проклинать тупость церковников. Самое странное, что Ветер оказался прав — с северо-востока к острову приближались десятка два грифонов, на которых сидели облаченные в алые доспехи люди. У Вихря даже чешуя встала дыбом от ненависти, когда он узнал эту форму — охотники на драконов! Он злобно ощерился и еще прибавил скорости. Но, к сожалению, опоздал — воины гарнизона справились сами. Грифоны, ослепленные солнцем, не увидели кружащихся высоко над ними драконов. А галеры скрыли от постороннего взора дежурные маги. Когда охотники заметили врага, было уже поздно — их окружили.

— О, Господи! — в ужасе вскрикнул кто-то. — Нас же в империю занесло! Мы пропали!

— Точно подмечено! — осклабился в ответ золотой Ветер. — Больше вам не убивать детишек, скоты!

— Подождите! — попытался остановить атаку человек в алой сутане, сидевший на переднем грифоне. — Мы случайно нарушили границы империи! Это не нападение, не злой умысел! Мы преследовали преступников и сами не заметили, как оказались здесь. Давайте разойдемся мирно! Наши страны сейчас не воюют!

— Значит, девочка и израненный ребенок — это, по-

вашему, преступники? — с ядовитым сарказмом спросил стоящий во весь рост на спине одного из драконов орк в черных доспехах. — Нет, преступники — вы, убийцы детей. У вас есть возможность сдаться. Вас будет ждать суд драконов.

Монах посмотрел на него, но не увидел на лице воина ничего, кроме крайнего омерзения. Как будто тот смотрел на отвратительное насекомое, а не на верного слугу Церкви. Проклятые еретики! Как они могут быть заодно с этими адскими созданиями?! Он знал, что пощады ждать нечего — уж кто-кто, а охотник на драконов понимал, что может ждать его на суде драконов. Лучше уж погибнуть в бою — всяко быстрее. И монах скомандовал атаку. Драконы, разъяренные рассказом Ветра об израненном ребенке и убийстве целой семьи, в долгу не остались. Вскоре об убийцах напоминали только крупные перья, плавающие внизу, да мельтешение акул, обрадованных нежданной добычей.

Увидав, что он тут уже не нужен, Вихрь поспешил на помощь почти падающей драконочке с ребенком на спине. Девушка, почти девочка, черная с отливом чешуя посерела от усталости, да еще и ранена — одно копье торчало из спины, второе из ноги. Она едва двигала крыльями и тяжело, с хрипами и присвистом дышала. И все же, несмотря ни на что, малышка была так красива, что у Вихря перехватило дух. Он посмотрел еще раз на ее спину и вздрогнул — малыш, лежащий там, оказался настолько искалечен, что было страшно смотреть. Дракон понял, что девочка не долетит, хоть до берега и недалеко — она почти без сознания. Он быстро пристроился к ней сверху и сказал:

— Я возьму ребенка. Не бойся, я осторожно, ты с ним не долетишь.

У драконочки едва хватило сил кивнуть. Вихрь аккуратно подхватил малыша передними лапами. Но несча-

стный ребенок все равно застонал от боли, отчего дракона передернуло. Бросив девочке: «Лети за мной!» — он со всей возможной скоростью понесся к берегу. Приземлившись прямо на площадку около казарм гарнизона, Вихрь рявкнул выскочившему навстречу офицеру-дварфу:

— Целителя сюда! Срочно!

— Так точно, господин тайный советник! — козырнул офицер и убежал.

Без груза на спине драконочка все же смогла долететь и, почти не видя, куда садится, рухнула рядом с Вихрем. Кто-то, увидев, что тайный советник принес раненого, притащил подстилку, и несчастного малыша осторожно уложили на нее. Обоих драконов тут же окружили бойцы наземного гарнизона, возглавляемые зверолицым сержантом-орком. И кого только среди них не было... Гномы, эльфы, орки, люди, дварфы, сатиры. Дина никак не могла прийти в себя и поверить, что спаслась и спасла братика. Сердце колотилось, как бешеное, дыхание не желало успокаиваться. Довольно долго драконочка лежала неподвижно с закрытыми глазами, а когда открыла их, увидела, что окружена двуногими... Она в ужасе завизжала, закрыла голову крыльями и забилась в судорогах.

— Успокойся, маленькая! — кинулся к ней все понявший Вихрь и обнял девочку, прижав к себе. — Это не те двуногие, это не убийцы. Эти хорошие, добрые...

Он сам понимал, что несет чушь, но надо же было как-то успокоить девочку, все еще содрогающуюся в рыданиях. Она довольно долго плакала — перед глазами все время стояли отец, мать, Сана, Дирг... Те, кого она никогда уже не увидит. Полное осознание того, что их нет, пришло только сейчас, в объятиях этого странного дракона. Немного успокоившись, Дина доверчиво прижалась к нему сама и тихонько всхлипывала в ответ на

утешающие слова. Это тихое доверие так изумило Вихря, что он неподвижно застыл, не обращая ни на что внимания. Хотелось никогда не выпускать девочку из своих объятий — никогда еще в жизни ему не приходилось обнимать женщину... Дракон встряхнулся и снова обратил внимание на окружающее.

Сержант-орк непонимающе посмотрел на них с Диной и спросил:

— Чего это она, господин тайный советник?

— А у нее вчера церковники родителей убили и братика с сестричкой, не больших, чем этот вот кроха, — Вихрь кивнул в сторону стонущего на подстилке малыша.

— Да каким же зверем надо быть, чтобы детишек-то эдак... — медленно побелел и сжал кулаки орк. — Ну, подождите, святоши проклятые, доберемся мы до вас... Ох, доберемся...

Сержант, скрипя зубами, отошел и стал в сторонке. Мимо него проскочил какой-то заспанный человек, на ходу напяливающий балахон мага.

— Я целитель! — коротко бросил он. — Что случилось?

— Малыш, — кивнул в сторону стонущего ребенка дракон.

— О, Господи! — чуть не задохнулся при виде таких ран маг. — И он еще жив?!

— Как видите.

Целитель стал на колени возле дракончика и принялся внимательно обследовать его. Затем приказал:

— Горячей воды! Быстро! И много!

Несколько бойцов тут же сорвались с места и метнулись выполнять приказ. Вскоре вода была принесена в большой бадье, еще кто-то притащил бинты, мази и корпию. Маг начал осторожно промывать раны Стига. Драконочка настороженно уставилась на него и зашипела, услыхав стоны ребенка, но Вихрь поспешил успокоить

ее, объясняя, что так нужно, что иначе ее братика не вылечить. А целитель работал — промывал, сшивал разорванные мышцы и сосуды, произносил заживляющие заклинания. Наверное, часа два никто не двигался — все внимательно наблюдали за его работой. Наконец маг откинулся назад и вытер пот со лба. Потом встал и повернулся к дракону.

— Я сделал все, что мог, господин тайный советник, — устало сказал он. — Жить ребенок будет. А вот летать?.. Не знаю. Теперь пусть его положат в тихое и темное место — ему нужно много спать. Пить пусть дают, как только попросит, и пусть пьет, сколько захочет. Еды в первые два дня не давайте.

Вихрь молча указал магу на копье, торчавшее из спины Дины, и отпустил девочку. С ее ранами целитель справился быстро — оба копья только пробили мышцы и не причинили особого вреда. Заснувшего тем временем Стига унесли в драконьи казармы, где подготовили для него место согласно указаниям мага. Вихрь внимательно посмотрел на драконочку, она смущенно опустила глаза.

— Как ты, маленькая? — ласково спросил он.

— Уже лучше... — совсем смутилась она. — Спасибо вам всем...

Дина смотрела на него и ничего не могла понять. Вокруг нее толпились двуногие разного вида и формы, а также множество драконов. Порой совсем уж невероятных расцветок. И каждый, хоть дракон, хоть двуногий зверек, старался как-то подбодрить ее, как-то утешить, сказать что-то доброе и ласковое, посочувствовать ее горю. Она снова ощутила себя окруженной любовью и заботой. Так что же это получается? Не все двуногие — зло? Выходит, что так... Драконочка снова посмотрела на дракона, которого слушались все вокруг. И только сейчас обратила внимание на его ярко-желтые в синюю

крапинку живот и грудь. Сочетание цветов было таким необычным, выглядело так комично, что Дина, как ни старалась, не смогла удержать улыбки.

Вихрю при виде этой улыбки показалось, что его ударили в самую душу. Кованым сапогом ударили. Казалось, что-то вспороло эту самую привычную ко всему душу, сорвало с нее защитные покровы, и вся двухсотлетняя боль, копившаяся где-то глубоко внутри, внезапно хлынула наружу.

«За что? — мысленно спросил дракон у небес. — Что я тебе такого сделал? Почему ты так жесток?»

Бог, как всегда, промолчал... Даже эта дикарочка, эта неопытная девочка смеется при виде его. Что ж, это судьба... Будь она трижды проклята! Вихрь имел немалый опыт в обуздании себя и сумел справиться с болью, хотя это оказалось и непросто. Он даже смог улыбнуться девушке в ответ и вежливо с ней попрощаться, сославшись на срочные дела. Затем подошел к стоявшему в некотором отдалении от других Ветру и сказал:

— Надеюсь, вы сумеете позаботиться о девочке.

— Да уж как-нибудь без вас справимся, господин тайный советник.

Последние слова золотой дракон произнес, не скрывая сарказма. Как справляться с такими самоуверенными гордецами, Вихрь знал давно. И очень хорошо умел это делать. Придвинувшись к тому нос к носу, директор Конторы прошипел:

— Запомни, дорогой... Девочка ни в чем не должна нуждаться. Лично с тебя спрошу.

После чего развернулся и взмыл в воздух. Ветер затряс головой, чтобы избавиться от наваждения. Он мало чего в жизни боялся, но в присутствии этого желто-зеленого клоуна его, как, впрочем, и любого другого дракона, охватывала первобытная жуть. Что-то было в тайном советнике Тангерде настолько страшное, что ма-

ло кто решался с ним спорить. Ветер решался, но при этом прекрасно понимал, что выполнит любой приказ, отданный ему этим драконом. Золотой снова встряхнулся, принял свой обычный гордый вид и подошел к Дине, чтобы отвести ее пообедать.

Сама драконочка пребывала в растерянности — она крутила головой, высматривая желто-зеленого дракона, но нигде не находила его, а спросить не решалась. Она подсознательно чувствовала, что чем-то обидела его, и недоумевала, не понимая, чем именно. Между ними вдруг возникла ледяная стена, от которой до сих пор шел мороз по коже. Но она вовсе не хотела его обижать! Ведь в его объятиях было так уютно...

Вихрь, перед тем как снова заняться своими делами, решил проведать раненого малыша и посмотреть, как его устроили. У входа в драконью казарму стоял совсем еще молодой красный дракон. Он несколько минут в упор рассматривал тайного советника, как бы не желая отступать с дороги. Затем все же отошел и тут же пренебрежительно, демонстративно повернулся к Вихрю хвостом. Тот внутренне усмехнулся — да где бы они все были, если бы Контора не вытаскивала их из лап Инквизиции по всему миру? — и вошел внутрь.

Малыш почему-то проснулся и теперь лежал, молча глядя в стену. Изредка из его глаз скатывалось две-три слезинки. Вихрь скрипнул зубами при виде осиротевшего ребенка, затем присел рядом и осторожно поправил на нем одеяло. Дракончик поднял взгляд и тихо спросил:

— Почему?..

— Что «почему»? — не понял его взрослый дракон.

— Почему они такие?.. За что они убили папу с мамой?..

— Это Церковь, малыш. Церковники убивают нас испокон веков.

— Меня зовут Стиг, а не малыш, — твердо сказал дракончик, и в его словах прозвучал металл. — Стиг, а не малыш!

— Хорошо, Стиг, — улыбнулся ему Вихрь.

— Значит, Церковь?.. Что ж, я запомню. Спасибо.

Дракон с изумлением посмотрел на него. Это трехлетнее дитя говорило так, как много повидавший и испытавший взрослый. Да и глаза его были отнюдь не детскими, не безумными глазами насмерть перепуганного ребенка. По-разному ведь бывает — одни после тяжелых испытаний сходят с ума, вторые ломаются, а третьи... Третьи становятся сталью. Похоже, перед ним именно такой случай. Вихрь наклонился и внимательно всмотрелся в глаза Стига. В этих недетских глазах горел какой-то странный огонек, от которого тайному советнику империи стало не по себе.

Откуда ему было знать, что сейчас глазами этого маленького, осиротевшего и искалеченного дракончика на мир смотрел один из Трех? Откуда ему было знать, что Стиг из тех, кто должен перевернуть этот мир?..

3

Стиор медленно поднялся на ноги и огляделся — около двух десятков странных фигур окружило его. Для людей они выглядели дико. Очень высокие, не менее двух метров каждый, нескладные, угловатые какие-то тела, две пары рук, мелкая коричневатая чешуя и две пары глаз на круглых лицах. Нижняя часть лица слегка вытянута вперед, образуя некое подобие морды, черные прорези ноздрей под нижней парой глаз, удлиненных, в отличие от верхних, круглых. Да, только на картинках в редких, забытых всеми книгах доводилось видеть магу этих существ. Выжили все-таки...

На глазах старика выступили слезы радости — слу-

чившееся давало надежду и ему, и всему их делу. Он теперь не одинок. Дзенны... Дети Тьмы... Живые! Это казалось невозможным, невероятным, но они стояли перед ним, сжимая в руках по два копья и настороженно глядя на человека, вторгшегося в их владения. И как он не подумал, что именно Чернолесье может скрывать последних выживших древних? В любом другом месте их бы давно нашли и безжалостно уничтожили. Но сколько же лет они здесь прячутся? Да, пожалуй, около двух тысяч. Стиор вспомнил историю и грустно вздохнул — сколько мудрости затоптали люди... Но теперь его задача немного облегчалась — дзенн изначально служили Тьме, истинной Тьме, а не глупым человеческим измышлениям о ней. Они помогут. Они просто обязаны помочь! Маг закинул голову и торжествующе рассмеялся.

— Твоя сейчас умрет, человек... — несколько растерянно повторил стоявший перед ним дзенн.

— Не стоит напрягаться, — на чистейшем высшем дзенн-анн ответил ему Стиор. — Да благословит тебя и твой народ Великая Мать, воин.

— Тинх, — машинально поправил его дзенн и только тут спохватился. — Откуда ты знаешь наш язык, человек?!

— Я — маг. И мы с тобой служим одной и той же силе. Тьме.

Стиор мысленно потянулся к свернувшемуся во внутреннем пространстве заклинанию и активировал его. Старик сразу понял, почему Завеса Тьмы пропустила дзенн — древние изначально принадлежали именно Тьме, и завеса не могла принять их за чужих, потому и прошли, даже не заметив заклинания. Любой другой при попытке пересечь границу тут же сгорел бы. Дзенны с изумлением наблюдали, как тело стоявшего перед ними человека медленно окутала непроглядная черная дымка, из которой тянуло разом жаром и холодом. Гла-

за его загорелись мрачным синеватым отсветом, вокруг повеяло грозной, но одновременно, как ни странно, доброй силой. Силой, которая с понимающей улыбкой взирала на этот глупый мир.

— Значит, не всех перебили... — на свой манер усмехнулся дзенн, оголив боковые зубы. — Народ дзенн-анн-в'иннал рад приветствовать тебя, брат наш! Мы предлагаем тебе свое гостеприимство. Из нас Завесу Тьмы вызывать не умеет уже никто...

В последних словах Стиор уловил затаенную, едва сдерживаемую горечь. Маг грустно покачал головой — видимо, в Чернолесье скрываются жалкие остатки некогда великого народа, забывшие многое из наследия предков. Жаль, коли так. Впрочем, иначе и быть не может — слишком мала популяция, чтобы было иначе. Одно то, что дзенны держали в руках оружие, говорило о многом. Такое раньше считалось в принципе невозможным — древние начисто отрицали насилие, как метод решения проблем. Хотя после того, что с ними учинила Церковь, ничего удивительного...

— Да, кое-кто из ваших учеников выжил, мудрые, — склонил голову маг. — Но очень мало. И до недавнего времени ни у кого из нас надежды не было. Теперь она появилась.

— Что ты имеешь в виду? — выступил из-за спины тинха очень старый дзенн, с дряблой уже, а в некоторых местах и обвисшей кожей.

— Если не ошибаюсь, я вижу перед собой фанна? — поклонился ему Стиор.

— Ты не ошибаешься, человек, — проскользнула по лицу того почти незаметная ухмылка. — Так о какой надежде ты говорил?

— Тот, Кто Ушел, возвращается.

— Не стоит так шутить, маг... — голос фанна внезапно стал хриплым, он даже посерел как-то. — Это жесто-

ко. Нельзя давать беспочвенных надежд. Особенно тем, у кого и так никаких надежд не осталось.

— Я не шучу, мудрый, — слегка поклонился Стиор. — Я не шучу. Трое уже живут в этом мире. И чтобы помочь им объединиться, от нас потребуется многое. Я знаю, о чем говорю — я был хранителем.

— Был?! — даже отступил на шаг от изумления фанн. — Был... О таком, человек, не стоит говорить там, где тебя могут услышать посторонние уши. Идем с нами.

Он отступил в сторону, и кто-то из воинов махнул Стиору копьем, приказывая следовать за ним. Маг улыбнулся и пошел за дзеннами, выстроившимися цепочкой. Он попытался было запомнить путь, но вскоре понял, что это совершенно бесполезное занятие. Гигантские, покрытые плесенью стволы неизвестных деревьев настолько походили друг на друга, что найти дорогу между ними мог только тот, кто здесь вырос. Или, по крайней мере, прожил много лет. Стиор поцокал языком — все-таки очень неприятное место. Влажно, сыро, плесень, пауки и многое, чего не хотелось бы видеть никогда. Но маг понимал, что в любом другом месте, кроме такого, скрыться от шпионов Церкви невозможно. Он перестал обращать внимание на дорогу и просто шагал за дзеннами. Шли довольно долго, прежде чем идущий впереди фанн махнул рукой. Лес как будто отступил в сторону и теперь виднелся вдали.

«Интересно...» — пробормотал маг.

В центре поляны, непонятно откуда взявшейся, стояло огромное дерево, наверное, в несколько десятков обхватов. Фанн подошел к стволу гиганта, с уважением дотронулся до него рукой и что-то очень тихо прошептал. Стиор уловил отзвуки мощного и незнакомого заклинания. Ствол заскрипел и раздался в стороны, открывая неширокий проход куда-то внутрь. Фанн с тинхом вошли первыми, кто-то из дзеннов махнул ру-

кой магу, и он последовал за ними, с трудом протиснувшись в узкую щель.

Они долго спускались почти в полной темноте, светящиеся гнилушки в руках древних давали призрачный свет, вызывая ощущение нереальности происходящего. Но дорога вниз закончилась, и Стиор вышел на широкую площадь подземного города. Он осмотрелся и грустно вздохнул. Как мало этот тайный город напоминал величественные города времен расцвета расы. Их развалины магу довелось повидать во время путешествия по миру, и его на всю жизнь потрясло величие древней цивилизации. Даже мертвые, эти города, грандиозные и прекрасные, поражали воображение. Но для подземелья и этот город огромен. Как им удалось вырастить живой город под землей?! Стиор ощущал его странную жизнь и сразу понял, что городу любопытно, кого это привели сюда. Вокруг было довольно светло — потолок светился мягким светом, тихая, на грани слышимости, музыка шелестела вокруг, вызывая ощущение покоя и умиротворенности. Здания имели самый необычный вид — наросты, шары, клубки паутины и даже нечто совершенно невообразимое. Если бы Стиору раньше не приходилось видеть мертвые города древних, он бы растерялся. А сейчас многое узнавал, но далеко не все. Живые дома располагались на нескольких уровнях и были связаны сотнями мостиков из сросшихся лиан. Но город был почти пуст... Изредка появлялась на мостках или улицах фигура одинокого дзенна, и снова никого. Тинх, с легкой улыбкой наблюдавший за магом, понял его недоумение и вздохнул.

— Ты заметил, человек... — с болью сказал он. — Нас почти не осталось. Последние в этом мире дзенн-анн-в'иллан вымирают. Скоро ваша вера в то, что нас нет, окажется верной...

— Но почему?!

— Ты еще спрашиваешь? — вмешался в разговор фанн, скептически глядя на него. — Или среди людей и маги Тьмы стали невежественны? Ты должен знать историю и понимать, что происходит с малыми замкнутыми сообществами.

Стиор на минуту задумался, потом кивнул — ясно, почему с древними произошло то, что произошло. Никому из последователей Тьмы нетрудно понять. Это Свет требовал от своих последователей прежде всего веры, а Тьма хотела от идущих в нее знаний. Четкого понимания того, что происходит, и того, что может произойти. Невежда не мог служить Великой Матери, так как обязательно становился злом, о котором кричали церковники. Что, естественно, люди приписывали самой Тьме. А полная духовная свобода — это отнюдь не вседозволенность, не возвышение себя за счет боли и горя других. Невежда осознать этого не мог и понимал свободу как разрешение убивать и мучить, идти по головам, топтать все и вся. Потому-то и требовался от идущего во Тьме высочайший уровень знаний — он должен был четко понимать последствия своих или чужих действий, понимать в комплексе, всегда знать, как адекватно ответить на любое хорошее или плохое для него событие, не причиняя большого вреда окружающим.

— Вырождение? — грустно спросил маг. — Популяция слишком мала?

— Увы, — помрачнел тинх. — Близкородственные браки со временем обязательно провоцируют генетическое вырождение. Фанн'еэ работают с генами каждого зародыша, но это не всегда помогает. Далеко не всегда. Да и плодовитость наших женщин всегда оставляла желать лучшего. Даже когда наши предки еще только бежали с Корвага.

— Сколько вас тогда было?

— Около шести тысяч. Спаслись ведь еще и не лучшие... Лучшие остались там.

— Ясно, — посмотрел тинху прямо в глаза Стиор. — А сколько вас сейчас?

— Меньше тысячи... — оскалился тот. — Спасти нас не может уже ничто. Разве что...

Он с затаенной надеждой посмотрел на мага. Старик спокойно выдержал взгляд горящих вертикальных зрачков верхней пары глаз дзенна и молча утвердительно кивнул. Фанн, ведущий их куда-то по путанице подвесных мостков, отчетливо фыркнул, ясно показывая свое отношение к глупой, по его мнению, надежде тинха.

Впереди Стиор увидел огромного размера мохнатый шар.

«В'эор Нр'ар Дз'энне...» — тихо прошептал он, никогда не надеялся побывать в этом вместилище мудрости древних.

Маг лихорадочно старался припомнить, как следует вести себя там. Он в свое время читал об обычаях дзенн, но многое в книгах было только догадками — информации сохранилось недостаточно. Но все же следовало хотя бы попытаться вести себя правильно. Фанн тем временем вошел в круглую дверь сквозь завесу белесых щупалец. Стиор на мгновение задержался, выдохнул, как перед прыжком в воду, и вошел, не обратив внимания на скользнувшие по лицу щупальца. Почти ничего из вычитанного в древних книгах не соответствовало тому, что он увидел. Но все в этом зале было настолько красиво и соразмерно, что захватывало дух. Стены покрывали живые картины, статуи нечеловеческих очертаний, но тем не менее прекрасные, стояли в углах. Даже в этой глуши дзенны остались эстетами до мозга костей.

Невдалеке от входа покачивался на живом отростке дза'тиун'йеннэ, шар Познания — в этом книги не солгали. Именно он включал мозг разумного в общее мен-

тальное поле города и давал ему полное знание об окружающем. Душа старика пела — не думал, что с ним случится такое, даже надеяться не смел. Маг подошел к шару и низко поклонился, даже не пытаясь положить на него руки, как полагалось при полном контакте. Понимал, что ни его дара, ни его знаний не хватит, чтобы войти в общее поле разума. Но все же Стиору показалось, что его душу омыло чистой прохладной водой, в сознании вспыхнула картина города, и он с изумлением понял, что отныне знает его так, будто провел в нем всю жизнь. Город, несмотря ни на что, ощутил принадлежащего Тьме и принял его. Стиор стал своим. Никогда маг не чувствовал себя где-либо дома, всегда и везде он был чужим, а тут вдруг... Это оказалось очень приятно — чувствовать, что у тебя есть дом, который тебя любит и ждет. Старик едва сдержал слезы.

Фанн и тинх с некоторым удивлением наблюдали за ним. Мало кто даже из живущих здесь дзеннов был способен напрямую общаться с шаром Познания. Впрочем, этот человек — маг Тьмы, а значит, может многое. Великая Мать никогда не дает своей силы невежде. Раз дза'тиун'йеннэ принял его, то он не таит в сердце зла к народу дзенн-анн-в'иннал.

— Как твое имя, маг? — выступил вперед тинх, фанн недовольно поморщился, но ничего не сказал.

— Стиор арн Над, — поклонился старик, чувствуя немалое облегчение, — вопрос об имени означал, что его приняли в качестве гостя и ему в городе не стоит опасаться ничего.

— Садись, — кивнул в сторону правой стены фанн.

Стиор с недоумением огляделся — В'эор Нр'ар Дз'энне был совершенно пуст. Но сразу после приглашения старый дзенн что-то пробурчал, и маг уловил волну силы. Пол у стены вспучился. Через несколько мгновений из него выросли три удобных кресла и низкий вогну-

тый столик, на котором стояли круглые сосуды с янтарным напитком. Стиор снова поклонился и сел у стены. Он пригубил золотистый напиток и чуть не задохнулся от восхищения. Видимо, знаменитый дзеннский ш'опар. Да ничем иным он просто не мог быть. Вкус оказался неописуемым и совершенно незнакомым. Не зря восхваляли этот напиток авторы древних книг — после первого же глотка магу показалось, что какая-то сила мягким ударом вышвырнула из тела всю слабость и усталость, накопившуюся за три года пути. Это было что-то невероятное, уже долгие годы Стиор не чувствовал себя так хорошо, сознание стало кристально ясным, он вспомнил многое, что считал навсегда забытым. Да, ш'опар великолепен, но маг не рискнул выпить больше двух глотков — стимулятор слишком силен для его старого организма. Он откинулся на удобную спинку и поднял взгляд на дзеннов, усевшихся напротив.

— А теперь, маг, — прищурил обе пары глаз фанн, — я хотел бы знать, каким это образом ты был хранителем. И как вообще можно перестать им быть? Ты пренебрег долгом?

Легкая улыбка тронула губы Стиора. Даже древние не избежали недоверия всех ко всем. Но он понимал фанна — и сам бы не поверил в случившееся за последние три года, если бы это не произошло с ним самим. Впервые за долгие годы встретив союзников, маг не стал ничего скрывать и рассказал все. И о том, что сейчас происходит в мире, и каков расклад сил, и о своей судьбе, и о ночи, когда родились Трое. А потом обо всем, что сделал сам, о дороге до прихода в Чернолесье. Дзенны внимательно слушали, изредка задавая уточняющие вопросы. Даже по этим вопросам маг мог оценить силу интеллекта и память этих странных существ.

— Ты утверждаешь, что матрицы Силы самовольно покинули тебя? — наклонился вперед фанн, когда маг

закончил, его глаза горели недоверчивым огоньком. — Я не могу в это поверить. Твой рассказ бездоказателен.

— Тогда ответь мне, мудрый, — прищурился Стиор, — почему одна из Девяти осталась со мной?

— Одна из Девяти?! — одновременно вскочили на ноги оба дзенна. — Она с тобой?!

— Да, вот, — маг тоже встал и протянул руку, на запястье которой налилась серым тонкая полоска.

Фанн осторожно приблизился и внимательно всмотрелся, тихо шепча какое-то заклинание. Глаза старого дзенна на мгновение подернулись Тьмой, полоска тоже потемнела и тихонько, мелодично зазвенела. Потом вокруг нее образовалась синеватая дымка. Фанн отступил на шаг и благоговейно поклонился. Еще немного постояв, глядя на запястье Стиора, он повернулся к тинху и хрипло выдохнул:

— Человек прав. Это она!

Но Стиор почти не обращал на дзеннов внимания — матрица вела себя очень странно. Она вдруг стала настолько горячей, что жгла руку и все время дергалась, причем в одну сторону — ко входу. Она как бы стремилась туда, чего-то жаждала. Присмотревшись внимательнее, Стиор заметил, что матрица сползла с запястья и двинулась по ладони к кончикам пальцев, ее кольцо расширилось, покрылось слабыми синими искорками. Маг обратил на происходящее внимание фанна, тот непонимающе взглянул на него, лишь потом сообразив, что матрица сдвигается по руке мага к двери. Дзенн слегка вскрикнул, начав дрожать, как в лихорадке. Тинх удивленно уставился на фанна, явно не понимая, что это с ним. Тот молча указал на матрицу, и верхние глаза вождя стали похожи на монеты.

— Вы понимаете, что с ней? — напряженным голосом спросил Стиор.

— Да, — кивнул фанн.

— Так что же?

— Матрица слышит того, кому предназначена, — глухо ответил фанн, в обеих парах его глаз светилось неподдельное изумление. — И этот кто-то очень близко отсюда...

Сразу после его слов щупальца двери заволновались, и на пороге появился совсем еще юный дзенн. Глаза его были расширены, все четыре руки судорожно сжались в замок у живота, рот приоткрыт. Он мелко дрожал и выглядел до смерти перепуганным.

— Что тебе нужно здесь, Броах? — гневно спросил тинх, ступив вперед. — Это В'эор Нр'ар Дз'энне, и тебе здесь не место. У нас важный гость.

— Отец... — простонал юный дзенн. — Я знаю, что мне нельзя быть здесь... Но я не могу сопротивляться, что-то тянет меня сюда, очень сильно тянет...

— Не пори чушь! — отрезал тинх. — Уходи! Завтра будешь наказан.

— Погодите! — вмешался Стиор. — Смотрите!

Он протянул руку к двери. Матрица сползла с его пальцев и повисла в воздухе туманным облачком, заполыхав черным огнем, а затем медленно поплыла к юному дзенну. Значит, он... Первый спутник Ушедшего. Маг опустился на одно колено и с трудом выдавил:

— Приветствую первого из Девяти!

— Что?.. — вскрикнул тинх, но фанн одернул его и что-то горячо зашептал ему на ухо. Глаза вождя дзенн сделались круглыми, он с изумлением посмотрел на собственного сына и молча отошел в сторону.

Оба старших дзенна замерли, настороженно следя за происходящим. Юнец нетвердым шагом приближался к коленопреклоненному магу. Он остановился в двух шагах и застыл с широко распахнутыми глазами. Судя по его лицу, дзенн не понимал, зачем он здесь и что с ним будет. Туманное облачко зазвенело, как хрусталь-

ный колокольчик, черный ореол вокруг него резко расширился. Затем матрица поднялась немного выше и зависла рядом с лицом юноши. Непонятно откуда прозвучали странные, безразличные, неживые какие-то слова:

— Настало время выбирать, Броах дзе'тинх[1]. Ты можешь остаться просто дзенном и прожить обычную жизнь.

— Или?.. — едва слышно спросил юноша.

— Или ты двинешься по дорогам Тьмы одним из Девяти избранных, служа Тому, Кто Ушел. Пойдешь страшными и непонятными для других дорогами. Тебя будут любить и презирать, тебе придется быть в одно и то же время и зверем, и святым. На каждом углу будут проклинать твое имя, тебя никогда не полюбит женщина и после тебя не останется потомства. Выбор за тобой.

Броах потрясенно смотрел на висящее перед ним туманное облачко и никак не мог прийти в себя. Его разум и инстинкты отказывались верить в случившееся, слишком уж невероятно. Он с детства слышал легенды и сказания о девяти великих магах и героях, помогавших самому Ушедшему. Восхищался их добротой и бескорыстием, их мастерством в магии и искусством воинов, их силой и мужеством. А теперь ему, ничтожному юнцу Броаху, ничего в своей жизни еще не совершившему, предлагают стать одним из этих героев? Такого просто не бывает. Он же самый обычный охотник! Но матрица продолжала висеть в воздухе перед его лицом, а вопрос о выборе все так же звучал громом в голове. Поняв, что это не шутка, юноша застыл на месте. А затем поднял голову вверх и прошептал:

— Благодарю тебя, Создавший... — он снова посмотрел на туманное облачко. — Я выбираю Тьму.

— Цена твоего выбора может оказаться страшной.

---

[1] Дзе'тинх — сын тинха (дзенн-анн).

— Какова бы она ни была, эта цена, — гордо вскинул голову Броах, — я ее уплачу!

— Ты выбрал! Да будет так.

Дзенн ступил вперед. Полыхающая черным огнем матрица подплыла к его лбу и скрылась там. Казалось, весь мир мягко содрогнулся в этот миг. Стиора что-то ударило изнутри и скрутило в приступе боли. В далеких и близких странах, сами не понимая почему, вдруг пробудились все чувствительные к магии: люди, эльфы, гномы, дварфы и сатиры. Архиепископ Матфей, засидевшийся за работой в своем кабинете в столице Фалнора, выронил перо, поняв, что снова что-то произошло и, похоже, нехорошее.

Оба старших дзенна во все глаза смотрели на посвящение Броаха. На лице тинха, как он ни пытался это скрыть, проступало выражение гордости. Стиор даже смог расслышать почти неразличимый шепот: «Мой сын!» Сам маг смотрел на мальчишку с искренней жалостью — уж он-то прекрасно понимал, что того, как и его самого, ждет страшная судьба. Боль, горечь, одиночество и непонимание. Но в чем-то, наверное, эта судьба даже прекрасна. Стать одним из прямых носителей силы Тьмы? Есть чем гордиться и чего бояться.

Одно не нравилось Стиору — то, что первый из Девяти оказался дзенном. То есть тот, кто с детства не знал ничего, кроме Тьмы, слышал только ее легенды и напевы, принадлежал ей изначально. А потому не мог выбирать — он просто не способен сделать иного выбора, а значит, этого самого выбора у него и не было. Пародия на выбор. Теперь неизвестно, как он себя поведет, если узнает, что сила Тьмы не является изначально доброй, что она вполне способна причинять зло и быть несправедливой. Он просто не понимает, что такое истинная Тьма, чему и как она служит, для чего вообще нужно в мире равновесие различных сил. Гораздо лучше, если

разумный осознанно выбирает, куда ему идти, и выбирает добровольно, после множества бед и испытаний. Только тогда он поймет, какая из сторон ближе всего именно ему. Пусть даже выбор не будет в чью-то сторону, уведет от борьбы. Даже так лучше, чем когда выбравший вдруг осознает иное, и все, что было для него прежде свято, рушится в душе... Последствия могут оказаться страшными, особенно если прозревший обладает немалой силой. А силу каждого из Девяти Стиор представлял себе хорошо и понимал, что случится, если она вырвется из-под контроля. Придется всерьез заняться обучением юноши, попытаться дать ему изначальное понимание Тьмы, основанное не на вере, а на знании. Надо будет попытаться избавить его от иллюзий, чтобы последующее разочарование не оказалось слишком сильным.

Маг снова посмотрел на Броаха и тихо вздохнул про себя. Он понимал, что сейчас происходит с беднягой и насколько ему сейчас больно и страшно. Первое разочарование... Матрица начала преобразовывать его тело и мозг для собственных нужд, а такое преобразование никогда не бывает безболезненным. И не удивительно — непросто провести тысячи новых энергоканалов, открыть мозг и активировать все чакры, тут не до обезболивания. А огромное количество информации, сгружаемое матрицей прямо в память юного дзенна? И как он потом будет в этой информации разбираться?..

— Что с ним? — взволнованно подступил к Стиору тинх, указывая на внезапно упавшего и свернувшегося в клубочек Броаха, изо рта которого неслись глухие стоны.

— Преобразование.

— Ясно, — кивнул фанн и что-то зашептал в ухо тинху.

Затем он подошел прямо к магу и несколько минут внимательно смотрел ему прямо в глаза.

— До сих пор я не верил тебе, человек... — донесся до Стиора глухой голос старика. — Прости, и спасибо, что принес нам надежду. Теперь нам снова есть ради чего жить. Мы горды тем, что один из Девяти вышел из народа дзенн-анн-в'иннал!

— Девять матриц, девять разумных рас Танра... — почти неслышно ответил маг, внезапно поняв эту простую истину. — Неспроста ведь такое совпадение?

— Неспроста... — усмехнулся фанн. — В играх сил совпадений не бывает. Ладно, это мы еще успеем обсудить. Лучше скажи, если знаешь, что теперь делать с Броахом?

— Знаю, — кивнул Стиор, — читал. В книге сказано, что проходящего Преобразование нужно уложить в тихое и темное место. Вскоре проснется.

— Хорошо, — сказал услыхавший его ответ тинх и что-то крикнул в сторону двери.

Тут же вошло четверо высоких крепких дзеннов. Фанн указал им на Броаха и хрипло прокаркал приказ. Потерявшего сознание юношу унесли. Стиор сел на свое место и снова глотнул ш'опара — случившееся выпило из него все силы до последней капли, и стимулятор был просто необходим. Дзенны тоже сели напротив него и уставились на мага в восемь зрачков, но он не подавал виду, что ему не по себе от их внимательных взглядов.

— Ну, и что дальше? — нарушил через некоторое время молчание фанн.

— Дальше? — усмехнулся Стиор. — Дальше каждому нужно делать свое дело. Мне — добраться до одного из Трех и обучить его магии. Потом он сделает собственный выбор.

— А что должен делать мой сын? — вмешался тинх.

— Похоже, помогать мне, а затем следовать за тем, к

кому мы пойдем. Жаль только, что я ничего не знаю об остальных двоих. Только то, что в ту ночь родились и они. Но кто они и где находятся — увы, мне...

Дзенны почти незаметно переглянулись, а затем фанн сказал:

— Мы кое-что знаем. И хотим поделиться нашим знанием. Надеюсь, это поможет тебе, человек, в твоем трудном деле.

Стиор в нетерпении подался вперед.

— Как ты и сам знаешь, маг, всего матриц — двенадцать. Точнее, четырнадцать, но последние две не имеют никакого значения, они служат иной силе. Главными являются три, за каждой из которых следуют еще три. Не столь сильные. У каждой четверки есть свой магхранитель, каковым ты и был. Но дело в том, что ты единственный из хранителей, оставшийся в живых. Мы давно знали, что остался только один. Не знали только, кто он. Теперь знаем. Остальные погибли, не оставив наследников, и где сейчас их матрицы, нам неизвестно. Однако когда ты прочел заклинание Открытия Врат, ты освободил не только свои, а все матрицы. Они уже где-то в мире, но где они и что с ними, не дано знать никому.

* * *

Навр остановился и внимательно осмотрелся, притворяясь, что чуть не упал. Со стороны он выглядел самым обычным упившимся до потери пульса сатиром в грязной, рваной и вонючей одежке. Так, отлично, хвост на месте. Хорошо ведут, видно профессионалов с первого взгляда. Конечно, видно для того, кто и сам таковым является. Уйти от топтунов он мог в любой момент, но это в планы операции не входило. Наоборот, нужно было попасться им в руки, и попасться так, чтобы не вызвать никаких подозрений. К сожалению, запоздав-

шие прохожие еще встречались на улицах, и пока за Навром только следили. Надо дать господам преследующим шанс взять его тепленьким. Сатир знал, что отвести для допроса его могут только к одному человеку, и именно этот человек и был ему нужен. Он сейчас здесь, в Кване, это Навр знал точно — в таких вопросах спецы его департамента не ошибались никогда.

Выход на этого человека начальник департамента внешней разведки искал давно и контакт с ним не доверил бы никому. О слишком важных вещах пойдет речь, чтобы довериться подчиненному. Да и любой подчиненный, узнав, с кем его столкнула воля вышестоящих, вполне способен предать — никому и никогда не дается легко ломка устоявшихся с детства стереотипов. Лучше не рисковать. Потому об этой операции знали только трое — он сам, Вихрь и принц. Даже император не знал ничего, да и не стоило беспокоить больного старика. Впрочем, даже когда он был здоров, Контора не особо посвящала его в свои дела, будучи государством в государстве. Вот когда Стирген взойдет на престол, все станет иначе — выкормыш Вихря как-никак. Сатир ухмыльнулся, представив лица нескольких особо нелюбимых им имперских сановников в момент, когда они узнают об интересных нововведениях, запланированных принцем.

Впрочем, все это лирика, а сейчас Навру предстоит работа, и работа нелегкая. Человек, с которым он должен встретиться, — профессионал высочайшего класса, а таких следует уважать и нельзя недооценивать. Сатир остановился у лужи, сделав вид, что прихорашивается, и убедился — топтуны все так же следуют за ним. Наконец-то упорные усилия дали результат, и им кто-то заинтересовался. Уже две недели Навр бродил по кабакам Квана, самого крупного города острова Тсорн, рассказывая невероятную историю о старом боцмане, вдруг

оказавшемся колдуном. Никто, кроме тех, кто ему нужен, не обратит на эту чушь внимания. Кого такое может заинтересовать? Да только тех, кто ищет мага, скрывающегося под личиной боцмана.

С самого прибытия на остров Навр вел себя как самый гнусный представитель своей расы. Напивался, дрался, дебоширил, хулиганил. И везде рассказывал свою историю, хватая собеседника за грудки с воплями: «Ты чаво, мине ни веришь?!» Никто и не верил, но слухи о сумасшедшем сатире пошли, чего и добивался начальник департамента внешней разведки, с интересом наблюдавший из-под своей маски за людьми. Он всегда любил за ними наблюдать и обычно легко мог предсказать реакцию любого человека на свои действия.

До вчерашнего вечера никто интересный не показывался в поле зрения. Но вчера тренированный взгляд старого оперативника отметил двух неприметных людей, вслушивающихся в его полупьяное бормотание. Это сразу привлекло его внимание. Похоже, дождался. От полноты чувств он даже отстучал копытами чечетку по полу и удостоился злобных воплей почитателей таланта. Правда, вопли были типа: «А чтоб ты сдох, козел проклятый!» — но для любого сатира это являлось высшим признанием, и Навр довольно осклабился. Чтобы окончательно поймать рыбку на крючок, он разукрасил свой рассказ хорошо известными заинтересованным лицам подробностями из жизни Стиора арн Нада. Рыбка попалась, причем настолько явно, что сатир только довольно хмыкал про себя.

Сегодня заинтересованных было уже не двое, а много больше. Навр незаметно отследил их всех и повел за собой из кабака в кабак. Уверенные, что перед ними самый обычный сатир, преследующие даже не особо-то и скрывались. Навр замечал их в каждом новом месте и гулял вовсю, бросая золото на ветер. Трактирщики до-

вольно потирали руки — давно уже не попадалось такого богатого и бесшабашного клиента. Навр постоянно спотыкался, и все видевшие это считали, что он мертвецки пьян. Вот и старались обчистить карманы пьяницы. Он не разочаровывал и платил, платил, платил...

Кван, как и остальные города острова Тсорм, жил торговлей, и разного разбойного люда здесь хватало. Самым доходным промыслом города являлась и вовсе работорговля. Навр еще и потому взялся за это дело, что любой человек подвергался здесь постоянной опасности быть проданным в рабство. А на сатиров работорговцы внимания не обращали — сатиры в качестве рабов ничего не стоили, заставить их работать не мог никто. Никакие побои и пытки не помогали, козлообразные существа просто укладывались на землю и выли от боли, так и умирали, но подчиняться отказывались. А от обычных грабителей высокое начальство охраняли люди местной резидентуры, хотя Навр и сомневался в их способности самостоятельно завязать шнурки на ботинках. Но со столь простым делом должны справиться даже такие неумехи.

В луже он увидел отражение преследующих. Эти господа явно не хотят рисковать. Что ж, придется брать инициативу в свои руки. Навр оскалился и потопал в сторону припортовых складов, где в это время никого быть не могло. Он намеренно громко стучал копытами, чтобы его, не дай бог, не потеряли. Через некоторое время сатир оказался в совершенном захолустье и зашел в первый же подходящий закуток. Пошатываясь, Навр оперся о стену и сделал вид, что его тошнит.

— Эй, сатир! — донесся до него чей-то вкрадчивый голос. — Выпить хочешь?

— Хочу! — с энтузиазмом подпрыгнул он, оборачиваясь. — А есть?

— Сколько угодно, дружище, — хмыкнул неизвестный. — Иди сюда.

Навр поцокал копытами в его сторону. Он краем глаза видел, как две темные фигуры скользнули назад. Ощутив близкое движение воздуха, сатир незаметным стороннему взгляду движением убрал голову из-под удара. Но сделал при этом изумленное лицо, тихо хрюкнул и медленно опустился на мостовую. Тут же чужие неловкие руки обшарили его карманы, и хриплый голос сказал:

— Готов! Берите.

Еще несколько рук ухватилось за него, и Навр ощутил, как его поднимают и засовывают в огромный мешок. Потом похитители осмотрелись и, никого не увидев, понесли свою добычу куда-то в глубь доков.

Епископ Святой Инквизиции Итан бер Саан раздраженно просматривал последние донесения и новости из Фалнора. Что можно сказать, его друг архиепископ — уже архиепископ! — Матфей действует на удивление хорошо. Развернулся вовсю и чистит Мать-Церковь от разного рода накипи. Инквизитору с каждым днем все больше нравился этот бывший архивный служка — смел до отчаянности, полностью предан Церкви и их общему делу, очень умен, владеет собой и обладает нечеловеческой работоспособностью. Что ж, возможно пресвятой отец и прав, проча Матфея в свои преемники, он обладает всеми необходимыми для такого поста качествами. Хотя он много раз и ошибался, но никогда ошибок не повторял. Да и то, чем сейчас занимался свежеиспеченный архиепископ, необходимо Церкви как воздух. Особенно в преддверии надвигающихся грозных событий.

Что ж, в самом Фалноре дела шли неплохо, и инквизитор был рад этому. Но, несмотря на это, его раздражение не проходило. Проклятый маг как в воду канул,

полтора года ни единого следа, ни единого слуха!.. Явно где-то залег на дно, и очень качественно. Притом отказавшись от использования магии, что почти невозможно для мага. Впрочем, этот принадлежал Тьме, а о черных колдунах известно мало что. Незнание злило Итана, но он ничего не мог поделать — нет информации, и все тут. Да, удалось в разных странах выловить несколько сект, поклонявшихся Ушедшему, но это оказалась мелочь, не стоящая внимания Очищающих. Ни один из сектантов ничего не знал о Стиоре арн Наде. Инквизиция отслеживала любые слухи о нем, но — увы. О двух других хранителях тоже не было ничего известно.

Если бы они хоть работать могли свободно... Но везде, кроме Фалнора, люди Вихря висели на Очищающих мертвым грузом. Стоило хоть кому-нибудь высунуть нос наружу, как ему навешивали такой хвост, что на саму работу времени не оставалось. Главным становилось уйти из-под наблюдения, что удавалось далеко не всегда. Бер Саан восхищался профессионализмом оперативников Конторы и тихо проклинал их. А уж перед главой этой организации, таинственным Вихрем, инквизитор просто благоговел. Это каким же нужно быть, чтобы так поставить оперативную работу? Итану очень хотелось выяснить, кто скрывается за этим прозвищем. Принц? Вряд ли, он возглавляет контрразведку и всегда на виду. Но кто тогда? Данных нет. Впрочем, никто в Церкви не имел ни малейшего представления о принципах работы Конторы — перебежчиков оттуда не было. Тоже странно, хотя и вполне объяснимо. Однако все это сильно мешало бер Саану жить — сколько толковых операций сорвалось из-за противодействия людей Конторы. С год назад, будучи в отчаянии после срыва поисков Стиора, инквизитор даже рискнул передать Вихрю письмо через хорошо известного ему тирхомского резидента Конторы.

— Господин епископ! — прервал его размышления голос местного резидента. — Есть интересная информация. Вы приказывали докладывать, если что.

— Говори, — тяжело посмотрел на вытянувшегося перед ним человека инквизитор.

— Уже несколько дней по трактирам и кабакам Квана шляется неизвестно откуда прибывший сатир и рассказывает байки о старом боцмане, оказавшемся на поверку колдуном. Уж не нашего ли мага след нарисовался?

— Вполне возможно, — заинтересованно потянулся вперед Итан. — Что он точно говорил?

— Да почти ничего — как встретил боцмана в Лодуне, украл у него кошелек, а тот заколдовал сатира. Обездвижил и по воздуху к себе притянул. Чушь на слух, но мало ли.

— С ним стоит поговорить подробнее... — задумчиво протянул инквизитор, сцепив ладони в замок под подбородком.

— Мы его взяли, господин епископ! — снова поклонился резидент. — Так и подумали, что вы захотите с ним побеседовать.

— Молодцы! — похвалил подчиненного за оперативность Итан, такого, пожалуй, стоит и продвигать, очень хорошо работает. — В пыточную его, я скоро спущусь.

Его действительно сильно заинтересовал этот сатир. Первая за полтора года ниточка к Стиору арн Наду? Очень хорошо, наконец-то! Значит, старик подался в Лодун и затерялся там? Хоть знать, откуда поиски начинать, и то добро. Лишь бы этот след не оказался фальшивкой... Сатира нужно будет на мелкие кусочки порезать, но вытянуть из него все, что можно.

Инквизитор неспешно собрал бумаги и спустился в подвал, где располагалась отлично оборудованная допросная комната. Звуконепроницаемые стены не дава-

ли воплям пытаемых вырываться наружу. Резидентура Святой Инквизиции в Кване, как и вообще Ищущие, полагала дурным тоном привлекать к себе внимание посторонних. Итан вошел в допросную и довольно хмыкнул — на стене висел привязанный к ржавым железным кольцам сатир в грязной и рваной одежонке, которую и одежонкой-то назвать было трудно. Так, тряпка. Один рог наполовину отломан, видимо, драчлив и неуживчив, такие часто попадались в его племени. Уже пожилой, на морде кое-где пробивалась седая шерсть. От него на всю комнату разило козлом, и инквизитор брезгливо поморщился. Он ненавидел работать с сатирами: много воплей, визгу, дерьма — и очень мало толку. Малоприятный народец.

Краем глаза Итан отметил, что палач разогревает свои инструменты на жаровне. Инквизитор наметанным глазом сразу определил его непрофессионализм и поморщился. Придется, пожалуй, самому руки марать, а то этот дурак убьет допрашиваемого раньше времени. Вдруг, неожиданно для всех, сатир, висевший на стене, поднял голову и пристально посмотрел в глаза епископу. Взгляд его был умным и насмешливым, в нем не чувствовалось ни капли страха или забитости. Создавалось впечатление, что он наслаждается ситуацией и смеется над теми, кто собрался его пытать. Итан, уверенный, что похищенный сатир без сознания, удивленно остановился.

— Отправь отсюда палача, бер Саан, — раздался в тишине скрипучий насмешливый голос. — Нам надо серьезно поговорить, палач разговору помешает. Потом придется его убирать.

От изумления инквизитор задохнулся. Происходило что-то невероятное. Мало того, что какой-то сатир знает его в лицо, так еще и ведет себя слишком нагло. А тот

с гнусной ухмылкой смотрел на него и скалил желтые зубы. Затем противно захихикал и сказал:

— Долго же пришлось тебя искать, господин епископ. Хорошо спрятался, поздравляю.

— Кто ты и что тебе нужно? — несколько пришел в себя инквизитор, хотя соображать хорошо еще не мог. Но знал, что выдавит из этого проклятого скота все, что тот знает.

— Письмо дошло по адресу, бер Саан. Есть ответ.

Итан сперва ничего не понял и только чуть позже вспомнил о своих недавних размышлениях. Вихрь! Контора пошла на контакт! Этот грязный сатир явно пришел от Вихря. Посланник, конечно, неудачный, но такой и не вызовет никаких подозрений. А вот палача действительно придется убрать. Даже того, что он успел услышать, достаточно, чтобы пошли гулять слухи. Этого не нужно ни Очищающим, ни Конторе. Предчувствие большой удачи завладело Итаном, и он едва ли не пинками вытолкал ничего не понимающего палача из допросной. Вихрь пошел на контакт! Такого не случалось за всю историю противостояния Церкви и империи Над. Он снова уставился на мерзко ухмыляющегося сатира.

— Кстати, — еще гнуснее осклабился тот, — меня зовут Навр. Навр Стобер.

До этого момента главе Очищающих казалось, что его лимит удивления исчерпан. Но... На контакт вышел не простой агент, а лично начальник департамента внешней разведки Конторы, чьи оперативники не раз срывали операции Итана. Он искренне уважал этого профессионала, хотя тот и был врагом. Но инквизитор давно предпочитал иметь дело с умными врагами, чем со своими дураками. Однако никогда Итану бер Саану в голову не приходило, что Навр Стобер — сатир. Такое представлялось ему невозможным, противоречило всему,

что он знал и умел. Но сатир не лгал, ложь опытный Ищущий почувствовал бы сразу же. Значит, не все его взгляды верны. Менять самого себя Итан умел всегда и обычно прислушивался к чужой точке зрения, если это не была точка зрения полного кретина. Сейчас важно не то, кем является оперативник, а то, что он принес. С остальным можно разобраться на досуге, свои взгляды лучше корректировать в одиночестве. Инквизитор постарался скрыть растерянность, но по очередной ухмылке Навра понял, что от того это не укрылось. Он не удивился — оперативник класса Стобера по определению обязан быть хорошим психологом. Единственный твердый вывод, который сделал для себя Итан, — обратить пристальное внимание Инквизиции на козлообразных.

— Отвязал бы ты меня, бер Саан, — проблеял сатир. — Говорить неудобно, а пытать меня бесполезно — этот домик окружен моими людьми.

Инквизитор тонко усмехнулся — удивительно, если бы это было не так. Только идиот пойдет на контакт без подстраховки. Да, Навра сейчас вполне можно убить. Только принесет ли это какую-нибудь пользу? Сомнительно. Сперва надо выслушать, с чем он пришел, а потом уже принимать решение. Он подошел к распятому на стенке сатиру и не спеша отвязал его. Навр легко спрыгнул на пол, и Итан снова вздрогнул, узнав эти одновременно резкие и плавные движения — перед ним стоял мастер боя, скорее всего, какого-то из дзеннских стилей. Ему не составит труда в одиночку перебить всех находящихся в доме, кроме разве что его самого. Сатир подошел к бочке в углу и жадно выдул ковш воды.

— Может, вина? — спросил Итан.

— Нет, бер Саан, — оскалился Навр. — Я пью только тогда, когда нужно для дела. Работать предпочитаю на трезвую голову.

Инквизитор прищурился — и это необычно, сатиры никогда не отказывались от вина. Он вновь посмотрел в умные и насмешливые глаза собеседника, вздохнул и приглашающим жестом показал на стул напротив. Сам опустился на скамью, на которой обычно отдыхали палачи. Навр сел на указанное место, закинул ногу за ногу и снова противно осклабился. В молчании они довольно долго рассматривали друг друга.

— Итак, — не выдержал, наконец, инквизитор, — с чем вы пришли?

— Мы проверили ваши данные, — сразу стал серьезным сатир. — К моему глубочайшему сожалению, вы полностью правы. Наш мир накануне возвращения Ушедшего.

Итан скривился в ответ — ничего нового.

— По этой причине, — продолжил Навр, — Контора готова нарушить свои принципы. Мы согласны на контакт и даже сотрудничество с вами. Нельзя допустить его возвращения.

Вот это инквизитора очень даже заинтересовало. Из заявления оперативника Конторы следовало, что империя не на стороне Тьмы. Почему же тогда Церковь официально заявляет, что это так? Что-то здесь не то, тянет отвратительным душком. Неужели просто борьба за сферы влияния? Скорее всего. Но и этот вопрос следовало отложить на потом. Впрочем, Итан и раньше во многом сомневался, но всегда держал сомнения при себе — не самоубийца же он. И не об этом сейчас речь — если Контора перестанет мешать и даже начнет помогать, то сделать можно будет значительно больше. Может, у них есть информация по Стиору арн Наду или другим хранителям? Возможности Конторы инквизитор знал прекрасно и не обольщался насчет способности своей организации противостоять этому монстру. Однако надо продолжать переговоры. Если такого врага, как Вихрь,

удастся превратить в союзника хоть в этом деле, то это будет огромным достижением, величайшей победой.

— Но есть одно «но», — прервал его размышления голос сатира.

— Какое?

— Мы не боимся, что император узнает о нашем сотрудничестве, но лучше этого все же избежать. Не дело, чтобы руководители государств лезли в дела спецслужб, их должен интересовать только результат. Поэтому не хотим, чтобы о сотрудничестве знал и ваш первосвященник. Пусть это будет общее дело спецслужб, и только спецслужб.

— Именно это условие хотел высказать и я, — усмехнулся Итан. — Первосвященник сильно сдал в последнее время и может все испортить.

— Тогда у нас получится. Но опять же, сотрудничать мы будем только в деле Ушедшего. Правда, есть еще кое-что, не обременительное для Церкви, но важное лично для Вихря. И он этой услуги не забудет.

— Что именно? — насторожился инквизитор.

— Я скоро подойду к этому, — внимательно посмотрел на него сатир. — А пока наш первый вклад в общее дело. Нам удалось выйти на след второго хранителя. Но полностью информацию о нем получить без вашей помощи невозможно.

— Что?! — подскочил от такого известия Итан, не сумев сдержать нетерпения. — Вы его нашли?

— Увы, только следы. Найти их помог древний архив дзенн, лет сто назад раскопанный на острове Киноур. Архив прекрасно сохранился. Вихрь полгода не вылезал оттуда и сумел выяснить многие темные стороны этого дела. Именно там нашлось упоминание о приблизительном месте проживания всех трех хранителей. Одно как раз на юге империи, впрочем, тогда империи еще не существовало. В наше время, как вы знаете, хра-

нителем был Стиор арн Над. Второе примерно там, где сейчас находится Анзамен. Третье — где-то в Срединном архипелаге.

— А с чем связано жестко фиксированное место хранения? — спросил заинтересованный инквизитор.

— С тем, что помещенные в монолиты носители энергоматриц невозможно переместить в другое место. Они могут находиться только там, куда их поместили великие маги народа дзенн. Последние маги. Только после прочтения заклятия Открытия Врат матрицы расходятся по миру. Плохо, что заклинание Стиора сработало для всех двенадцати, освободив их.

— Вы уверены?

— В этом уверены лучшие маги Ассамблеи, — буркнул сатир. — А они свое дело знают.

— Хорошо. Но что у вас еще по второму хранителю?

— Тридцать пять лет назад, в Анзамене, он был в ваших руках. Команда Ищущих тогда отловила скрывавшегося под личиной отшельника мага. Руководил инквизиторами некий брат Вячеслав. Мага поймали именно в той области, где и должен был проживать второй хранитель. По некоторым признакам, описанным в отчете Ищущих, который опять же анализировали в Ассамблее, именно он и являлся вторым хранителем. К сожалению, ваши палачи оказались малопрофессиональны и позволили допрашиваемому умереть, так и не открыв ничего важного.

— Но этот маг утверждал, что только знаком с хранителем, что он только встречался с ним... — возразил растерявшийся инквизитор, вспомнив рассказ первосвященника.

— Значит, вам известно об этом эпизоде, — снова почесал обломанный рог сатир. — Это хорошо. Но маг солгал, он смог выдержать боль и солгал. Но раз вы знаете о нем, то почему еще не перерыли там землю на метр

вглубь? Нам, как вы знаете, в Анзамене работать затруднительно.

— Перерыли... — раздраженно дернул губами брат Итан. — Все перерыли, по камешку перебрали, особенно пещеру, где жил маг. Ничего.

— Плохо, — скривился Навр. — Очень плохо. Значит, совсем недавно, скорее всего, вскоре после рождения Трех, кто-то нашел открывшиеся миру матрицы и забрал их. И, скорее всего, кто-то случайный, что хуже всего. Эта гадость отправилась гулять по миру.

— Плохо... — со вздохом согласился инквизитор. — Но будем делать, что можем. Постараемся предотвратить воплощение пророчества. Вы, кстати, говорили о какой-то личной просьбе Вихря?

— Да, — сощурился сатир. — Он просит прекратить убийства драконов. Чтобы отловленных не убивали и не помещали в зоопарки, а отвозили к границам империи. Затраты на это будут возмещены.

— Зачем ему драконы? — изумился брат Итан.

— Такой уж он, наш шеф. Загадочный...

— Да кто он вообще такой?! — в сердцах хлопнул по скамье ладонью инквизитор.

— Шеф разрешил сказать вам это, — осклабился Навр. — Только не падайте со скамьи. Вихрь — сам дракон.

— Дракон?! — глаза брата Итана стали похожи на плошки. — Это невозможно! Вы шутите!

— Беда Церкви в том, что ее служители недооценивают других, — рассмеялся сатир. — Потому вы и проигрываете так часто. Вы ведь и не подозревали, что я — сатир. А я вас столько раз обставлял, что трудно и сосчитать. В империи обращают внимание только на талант и ум, не считаясь с тем, чьи они — человека, орка, эльфа, сатира, дракона, мужчины, женщины или кого другого. Ваша нетерпимость, господа церковники, вас

же и губит. Именно из-за нее Церковь когда-нибудь проиграет окончательно. Если не найдет в себе сил измениться.

— Возможно, вы и правы, — мрачно ответил инквизитор, несколько опешив от этой отповеди и медленно привыкая к мысли, что глава Конторы — дракон. — Я тоже не со всем согласен, но Церковь не может измениться быстро, для этого нужны немалые усилия. Есть многие, кому сложившееся положение очень выгодно, их трудно потеснить.

— В конце концов, это ваше дело, — отмахнулся Навр. — Так вы принимаете условие шефа?

— Думаю, да. Но потребуется помощь Матфея. Он, кстати, будет посвящен в наши дела, иначе ничего не получится.

— Не возражаю. Он производит впечатление умного человека.

— Дела наши, похоже, далеко не блестящи, — заключил инквизитор после того, как они обсудили методы взаимодействия своих служб и определили первоочередные задачи. — Куда хуже, чем мы считали.

— Много хуже, бер Саан. При помощи дзеннского архива нам удалось выяснить точно, что в случае возвращения Ушедший развяжет глобальную войну с применением неподвластной никому, кроме него самого, магии разрушения. Есть, правда, одна довольно безумная мысль, как этого избежать. Но она слишком безумна. Маги считают, что если не все три составляющие этого существа окажутся озлобленными неудачниками, то с ним, возможно, можно будет договориться. Впрочем, я ничуть не удивлюсь, если Тьма выберет именно тех, кого в жизни сильно и несправедливо обидели.

— Не дай Спаситель... — пробормотал инквизитор, осеняя себя крестным знамением.

— На Спасителя надейся, а сам не плошай, — оска-

лился Навр. — Так я продолжаю. В Ассамблее предполагают, что если удастся найти хоть одного из этих трех детей и воспитать в любви и ласке, постепенно вкладывая в его голову наши ценности, то после Объединения Ушедший не будет стремиться к разрушению всего и вся.

— А если просто убить их?

— Тогда Тьма тут же найдет себе новых носителей. Убийство, к сожалению, ничего нам даст. Поэтому, сами понимаете...

— Что ж, идея необычная, но она вполне может сработать, — задумчиво кивнул Итан. — Вопрос только, как вы найдете этих самых детей? Хоть кого-нибудь из них? Ведь сейчас они ничем не отличаются от других трехчетырехлетних детишек.

— Вопрос еще тот... — почесал подбородок сатир и скривился. — Могу сказать только одно — у этих троих есть одно отличие от обычных детей. Ярко выраженная искра сильного магического дара. Если способности открыты, обнаружить их сможет любой Ищущий. А вот если скрыты...

— Что тогда?

— Тогда ощутить их сумеет только прирожденный маг. А сколько всего в мире прирожденных, вы и без меня знаете. Что, обследовать по очереди всех детей в мире? Вы считаете это возможным? Я — нет. Только если нам повезет, этот план может сработать. Вам в Фалноре придется внимательно следить за всеми обнаруженными малолетними колдунами и ведьмами. Не жечь сразу, а обследовать. И если будет хоть малейшее подозрение, что ребенок тот, что нам нужен...

— ...то мы сделаем все как следует. Малыш вырастет в любви, веруя в доброту и справедливость Матери-Церкви, — криво усмехнулся инквизитор. Сатир осклабился в ответ.

— Прирожденных магов, если понадобится, мы вам

обеспечим, — заверил Навр. — Только, сами понимаете, они не должны знать, на кого в действительности работают. Пусть пребывают в уверенности, что на Контору, обманывая поганых церковников.

Два безопасника понимающе улыбнулись друг другу. Желтые глаза Итана горели огоньком едва сдерживаемого азарта, Навр довольно скалился и все время почесывал обломанный рог.

— Кстати, вам ничего не известно о Стиоре арн Наде? — спросил инквизитор. — Ваша легенда...

— Всего лишь легенда для привлечения вашего внимания, — отрицательно покачал головой сатир. — Я и сам хотел бы знать, куда спрятался наш драгоценный маг.

Брат Итан вздохнул. Жаль. Однако, несмотря на это, контакт с Конторой получался на удивление продуктивным. Он не стал скрывать от Навра неудач последнего времени, и исходя из того, что знали оба, они разработали окончательный план ближайших операций по поиску хранителей и Трех. Если удастся найти хоть кого-то из этих детей, многое облегчится. Но надеяться на это глупо, лучше рассчитывать на самый худший исход. Что ж, впереди ждала большая работа, и ни один не собирался от нее уклоняться.

4

— Рад тебя видеть, друг мой! — поднял голову от бумаг Матфей, улыбаясь вошедшему.

Итан бер Саан, вчера ставший архиепископом Варградским, тоже улыбнулся, видя неприкрытую радость от встречи в глазах всесильного главы Чистых. Эта радость до сих пор изумляла его — никто до сих пор так не радовался его приходу. С первой встречи в покоях первосвященника между ними проскочила искорка взаимной приязни. Они прекрасно понимали друг друга,

помогали один другому и вскоре стали близкими друзьями. Что, кстати, удивило их самих — оба были волками-одиночками и привыкли всегда полагаться только на себя. Несмотря на дружбу, они то и дело проверяли друг друга на «соответствие», если можно так выразиться. И оба эти проверки неизменно проходили. Итана восхищал разносторонний ум Матфея, содержащий в себе бесчисленное множество фактов и легко связывающий их в единую картину. Знания бывшего архивного служки были попросту энциклопедичны, это признавали все, кто хоть раз сталкивался с ним лично. Но больше всего импонировала Итану самоотверженность Матфея, его работоспособность, что, впрочем, неудивительно — сам был таким же сумасшедшим.

Друзья хорошо сработались, встав во главе двух самых мощных и страшных спецслужб Церкви. Матфей обычно формулировал задачу и граничные условия. Команда брата Итана выполняла требуемый поиск, аналитический отдел осмысливал и оценивал добытую информацию, выдавая рекомендации на дальнейшее. Иногда аналитики требовали выяснить совершенно, казалось бы, ненужные вещи, но инквизиторы из команды бер Саана давно знали, что те ничего и никогда не делают просто так. И порой знание того, сколько стоит тюк льна в Ксанире, например, помогало предотвратить вредный для Церкви заговор. Жаль только, что по поиску слуг Ушедшего успехов почти не было. Сам Итан отдавал все свое время именно ему, оставив текущие дела на подчиненных. А не так давно к нему подключился и Матфей. Теперь, когда Чистые цепко держали за глотку Церковь, он мог себе это позволить, отдав отслеживание приспособленцев на откуп молодым, многие из которых вполне созрели для самостоятельной работы. Архиепископ же занялся, наконец, поисками слуг Зверя вместе с Итаном и его Очищающими. Именно этим он

всегда и хотел заниматься, а чистка своих рядов от любителей сладкой жизни только способствовала главной задаче.

— Я тоже рад тебя видеть, Матфей, — сказал через некоторое время Итан. — Мне нужно с тобой поговорить. Об очень важных вещах.

— Случилось что? — внимательно посмотрел ему в глаза архиепископ.

— Да много разного. Есть что обсудить.

— Слушаю тебя.

— Я только что был у пресвятого отца, — вздохнул инквизитор. — Он очень плох.

— Знаю.

— Старику нелегко дались последние годы. Не думаю, что он протянет еще больше двух-трех лет. Да и то вряд ли. И он это хорошо понимает.

— Его святейшество всегда отличался трезвомыслием, — усмехнулся архиепископ. — Для него и собственная смерть еще не повод терять голову.

Брат Итан позволил тонкой усмешке скользнуть по губам и сощурил свои желтые глаза, внимательно глядя на собеседника.

— Насколько я тебя знаю, — прервал молчание инквизитор, — тут есть немало посторонних ушей. Хоть эти люди и верны тебе, но мало ли... То, что я собираюсь сейчас сказать, не нужно пока знать никому, кроме тебя самого, друг мой.

Матфей по-птичьи склонил голову на плечо, засвистел популярную сейчас среди молодежи песенку и отстучал пальцами по столу замысловатую дробь. Тут же со всех углов комнаты вышли на свет восемь неприметных людей, скрывавшихся до сих пор в укромных нишах. Итан усмехнулся про себя — прав пресвятой отец, лучшей кандидатуры не сыскать, он уже и собственную гвардию завел. Причем преданную только ему лично.

Но хорош, слов нет, как хорош. Жаль, мало таких у Церкви, но один Матфей с его сворой волчат многого стоит. И понимает много. Охрана тем временем тихо исчезла из кабинета архиепископа. И снова только внимательный взгляд бывшего архивного служки буравил инквизитора. Если бы Итан не был давно привычен ко всему, он бы, возможно, и поежился от этого взгляда. Но он прекрасно видел не очень тщательно скрываемую за внешней суровостью иронию. Главное, что Матфею не нужна власть сама по себе, он делал Дело, большое Дело, а на все остальное ему было плевать. И именно такие и должны находиться у власти, только такие.

Довольно долго оба молчали.

— Больше никого нет, — нарушил молчание архиепископ.

— Ну что ж... — вздохнул Итан. — Приступим. Ты сам знаешь, с каким нетерпением ждут смерти его святейшества архиепископы.

— Знаю.

— Как, по-твоему, какая судьба ждет нас с тобой, а главное, наше дело, если место брата Вячеслава займет один из них?

— Не думаю, что приятная, — скривился Матфей. — Но что ты предлагаешь? Какие есть варианты?

— Об этом мы и говорили с его святейшеством. О тебе говорили, друг мой.

— Это в каком же смысле — обо мне? — приподнял брови архиепископ.

— А то ты не понимаешь, — криво усмехнулся инквизитор. — Уж передо мной-то наивного юношу строить не надо, я тебя от и до знаю. Первосвященником быть тебе. И ты это знаешь.

— Почему не тебе? — метнул на него быстрый взгляд архиепископ.

— Ты прекрасно знаешь, чем я занят, Матфей! — от-

махнулся Итан. — И если я не сделаю всего, что могу, все вообще теряет какой-либо смысл. Ты же способен обеспечить мне возможность делать общее дело. Любой другой все порушит и погубит тем самым Мать-Церковь. К тому же я совсем не знаю здешнюю кухню, у меня уйдет на ее изучение немало времени, что недопустимо — мы не имеем права терять ни дня впустую. И я никому не известен. Придется срубить слишком много голов, чтобы меня признали. Тогда как твоему возвышению после происшедшего за последние годы не удивится никто. Тебя боятся так, как не боялись еще никого за всю историю Церкви. Да, для достижения цели нам придется приложить некоторые усилия, но значительно меньшие, чем было бы в моем случае. Но что и когда давалось нам без усилий? Нас это пугало?

— Испугали ежа голой... гм... умолчим чем, — рассмеялся Матфей.

Предложение отнюдь не было для него неожиданным. Наоборот, бывший архивариус ожидал его с тех пор, как год назад начало резко ухудшаться здоровье первосвященника и тот стал странно поглядывать на своего помощника. С каждым днем — все внимательнее, и вскоре заставил передать почти все текущие дела Чистых молодежи, а самого Матфея начал знакомить с тайными пружинами власти, политикой и раскладом сил в Церкви и мире. Не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы сообразить, зачем все это нужно. Его готовили к принятию высшей власти в этом мире — разве что Империя не подчинялась Церкви, но и в Наде вынуждены прислушиваться к ней. Сам архиепископ власти не слишком хотел, но она — великолепный инструмент в руках человека, стремящегося достичь непонятных большинству целей. Поэтому Матфей не собирался от нее отказываться, понимая, что и как должен сделать. И долг его не был долгом перед человеком, это был долг

перед Всевышним. Он обязан остановить Зверя! Именно для этого Господь и вытащил его из безвестности.

Даже сейчас, спустя несколько лет, Матфей иногда, засидевшись допоздна за работой, вскидывался в ужасе. Ему вдруг казалось, что все случившееся — сон. И сейчас он очнется никому не нужным архивным служкой, обреченным до конца дней своих возиться с забытыми всеми пыльными бумагами. Ведь таких взлетов история еще не знала. За каких-то три года от простого монаха до первосвященника? Ему раньше и в диких кошмарах не могло привидеться такое. Это казалось невозможным, чудовищным, но, несмотря ни на что, произошло. И Матфей уже понимал, что первосвященником ему быть, а любой, не согласный с этим, быстро окажется в пыточных камерах Чистых, которых архиепископ потихоньку начинал побаиваться и сам. Впрочем, обуздать аппетиты молодых волчат будет не слишком сложно, большинство из них еще в плену глупых иллюзий.

Вера... Из этого цветка может вырасти и добрый плод, и самый омерзительный сорняк. К сожалению, чаще всего вырастает именно сорняк. Матфею предстояло очень осторожно выпалывать эти сорняки, причем выпалывать так, чтобы никто не догадался, что этим занимается сам первосвященник. Так что данная должность для него синекурой не окажется. Слишком многое нужно сделать в самой Церкви, не считая того, что основной задачей остался поиск слуг Зверя. Только когда этот Зверь будет остановлен, можно будет подумать о том, о чем тайком шептался еще послушником со своим другом Марком. Недавно отец Марк Самсоний стал личным секретарем архиепископа. Он вспомнил, как встретил старого друга, и едва сумел сдержать улыбку.

С полгода назад Матфей инспектировал один из северных, самых нищих монастырей, куда ссылали неблагонадежных. Но именно те, кого раньше считали небла-

гонадежными, теперь были необходимы для дела. Вот и пришлось самому проверять все места, куда отправляли на голодную и холодную смерть способных думать самостоятельно. В этом монастыре он тоже первым делом двинулся в самые дальние и заброшенные архивы, вызвав переполох у монастырского начальства, подготовившего роскошный стол к визиту архиепископа, пугающего их до икоты.

Войдя в библиотеку, Матфей обратил внимание на метнувшегося в сторону монашка в драной рясе. Чем-то тот показался знакомым. Он махнул рукой, и стража тут же притащила несчастного пред грозные начальственные очи. Матфей присмотрелся и радостно улыбнулся, узнав старого друга, которого не видел лет двадцать. По его приказу их оставили наедине, и брат Марк, уже считавший себя мертвым, вдруг с изумлением узнал Матфея, с которым в юности не раз обсуждал вещи, считавшиеся ересью по умолчанию. Бунтарь Матфей — всемогущий глава Чистых?! Это показалось Марку невозможным, но было так. И его старый друг не изменился, он так же, как и раньше, пытался найти истину.

Матфей предложил ссыльному еретику стать своим личным секретарем и вместе делать большое дело. Через неделю брат Марк был рукоположен и стал отцом Марком, главой личной канцелярии архиепископа, перед ним начали заискивать епископы и архиепископы, пытаясь всучить взятки, о которых Марк со смехом рассказывал старому другу. А тот велел принимать и строить из себя продажного. Это было неприятно, но дело, которому они служили, затмевало собой все. Марк вытащил из тюрем и ссылок всех, кто мыслил нетрадиционно, и впрягся в работу, не давая себе ни минуты роздыха. Матфей, наконец, нашел себе такого секретаря, который и был ему нужен.

Архиепископ тряхнул головой, избавляясь от воспо-

минаний, прищурился и снова посмотрел на Итана — тот положил на стол перед собой официального вида бумагу. Скорее всего, это именно то, о чем он подумал. Да, если Матфей действительно должен стать первосвященником, ничем иным эта бумага оказаться не может.

— Тебе, твое преосвященство, — продолжил тем временем брат Итан, — придется взять за глотку всех остальных архиепископов. Как это сделать, ты знаешь лучше меня.

— Постараюсь.

— Да, вот бумага о назначении тебя архиепископом Фалинградским, — криво усмехнулся инквизитор. — Нелегко было ее добыть, но добыли тем не менее.

Действительно, кандидатуру на эту должность должны были утвердить большинством голосов остальные архиепископы Святого Синода, приказа первосвященника, как в других случаях, недостаточно. Архиепископ Фалинградский издавна считался неофициальным «наследником престола».

— Видел бы ты это голосование, прелесть просто, — мечтательно прищурился Итан. — Белые от ужаса господа архиепископы за столом затравленно смотрят друг на друга, каждому положил руку на плечо кто-нибудь из Ищущих. То один, то другой воздух портит от ужаса. Ох, и вонь там стояла!..

Матфей представил это и не смог удержаться от улыбки.

— Но ты все-таки подумай о способе давления на архиепископов, ведь во время выборов первосвященника голосование анонимно, — продолжил Итан. — Мы не имеем права допустить ошибки.

— Думаю, справлюсь. У каждого из этих подонков рыльце в пушку. Но будет непросто.

Два волка понимающе ухмыльнулись друг другу. Затем инквизитор резко стал серьезным и очень внима-

тельно посмотрел другу прямо в глаза. В этом взгляде читался какой-то вопрос, и Матфей насторожился. Итан в чем-то изменился, и изменился сильно, перед ним явно встала какая-то серьезная моральная проблема.

— Знаешь, дружище, — сказал тот через некоторое время. — Сейчас я скажу тебе кое-что, что по всем канонам считается ересью. Большинство тут же натравило бы на меня твоих костоломов...

— Ну, я все-таки чем-то отличаюсь от большинства.

— Я это знаю, поэтому и рискую говорить с тобой о таких вещах. Хотя перед тем расскажу, как я пришел к этим странным мыслям. Ты ведь знаешь, что нам очень мешают работать люди из Конторы? Имперской службы безопасности.

— Знаю, — скривился Матфей. — Хорошо работают, сволочи... Жаль, не на нас. С этим можно что-то сделать?

— Можно, — усмехнулся Итан. — И сделано. Уже в течение двух недель они не только не мешают, но и изо всех сил помогают. Передают новую информацию и согласовывают с нами любые действия по поискам Стиора.

— Как ты сумел этого добиться?! — расширились зеленые глаза архиепископа.

— С год назад я, будучи в полном отчаянии, передал через известного мне резидента Конторы личное письмо для Вихря, написанное на дзенн-анн. В нем объяснял, с чем именно мы сейчас боремся, и просил хоть в этом не мешать, пытался доказать, что помешать Ушедшему — и в их интересах. Глупо, конечно, но...

— И?..

— Полтора месяца назад в Кване на меня вышел не кто иной, как начальник департамента внешней разведки Конторы.

— Навр Стобер?! — изумился Матфей.

— Он самый, — кивнул инквизитор. — Позволил себя арестовать, рассказывая легенду о нашем маге, мы не могли не заинтересоваться. Его прислал Вихрь, не доверив контакта никому рангом ниже. Шеф Конторы проверил наши данные и понял, что я прав. Кроме того, накопал еще многое, нам неизвестное. Возвращения Ушедшего ему хочется не больше нашего. Чтобы остановить это, он готов забыть о разногласиях и сотрудничать. Правда, только в этом деле.

— Ты думаешь, он искренен? — глаза архиепископа походили на два буравчика.

— Думаю, да. Империи тоже есть что терять, им совсем не нужна кровавая баня, которую устроит Ушедший по возвращении. А он ее устроит обязательно, это Вихрь выяснил со стопроцентной уверенностью. У них сохранились древние архивы дзенн, из которых лично Вихрь не вылезал полгода. Он еще многое там накопал и кое-чем поделился.

— Чем именно?

— Удалось точно установить, что попавшийся в свое время в руки брата Вячеслава маг был именно вторым хранителем. Помнишь рассказ его святейшества?

— Да, — кивнул Матфей. — Но возникает вопрос — куда же подевались хранимые им... как их там называют... матрицы? Ведь хранитель мертв более тридцати лет. А вы перерыли там все.

— Судя по записям дзенн, если остался в живых хоть один хранитель, то его заклинание Открытия Врат освобождает не только его четверку матриц, а вообще все двенадцать. А это значит, что матрицы второго хранителя были открыты и их нашел случайный человек.

— Вот пакость! — в сердцах стукнул по столу Матфей. — Хуже и не придумаешь. Теперь эта дрянь пойдет свободно бродить по миру...

— Увы. И сделать с этим мы пока ничего не можем,

разве что ориентировать всех Ищущих на черные полоски на запястьях людей. Но я не верю, что эта мера может что-то нам дать, великие матрицы хорошо умеют избегать ненужного им потока внимания. Но хоть что-то предпринять необходимо.

— В Конторе что-нибудь знают о Стиоре?

— Нет, им известно то же, что и нам — он исчез вместе с галерой у восточного побережья Арбадона. Где именно — выяснить не удалось даже Конторе с их магами. Но продолжать поиски нужно. Не мог он нигде не наследить. Мы проверяем даже самый дурацкий слух о колдовстве. Маги Конторы тоже отслеживают малейшее изменение магического поля. Никаких утешительных известий пока нет.

— И идей никаких нет?

— Есть одна, достаточно безумная. Но она не относится к поиску мага. Это идея Навра Стобера.

— Что же он такого предложил?

— Попытаться искать не хранителей, а Трех, — усмехнулся Итан, почесывая подбородок. — Сейчас им по три-четыре года, и это просто дети. Но обладающие выдающимися магическими способностями, возможно, латентными. Навр предложил приложить совместные усилия для поиска хоть одного. А потом, если удастся найти, воспитать ребенка в любви и ласке, не допустить, чтобы он стал озлобленным и обиженным на весь мир, а в особенности — на нас. И естественно, исподволь внушить наши идеалы. Вполне возможно, что тогда Ушедшему после Объединения не захочется мстить. Это в случае, если не сумеем предотвратить Возвращение.

— Достаточно безумно, чтобы сработать... — задумчиво протянул Матфей, взгляд его был устремлен в пустоту. — Хотя почему бы не устранить их, если найдем? Это ведь всяко проще.

Инквизитор коротко объяснил почему.

— Ясно... — вздохнул Матфей. — Но тогда возникает вопрос: как отыскать этих детей?

— Проверять чуть ли не поголовно. По крайней мере, у нас, в Фалноре. Судя по территориальному распределению силы, открытому Вихрем, один из них должен жить на нашей территории.

— Но как проверяющим угадать, что это именно тот ребенок?

— В том-то и дело, — вздохнул Итан. — Проверку должны проводить прирожденные маги, кроме них, никто не способен обнаружить латентные способности к магии Тьмы.

— А где нам взять этих прирожденных магов?

— Контора обязуется предоставить, — усмехнулся инквизитор. — Но ни одному магу не стоит знать, что он связан с нами, пусть думает, что работает на своих и обманывает Инквизицию, находясь на запретной для себя территории.

Матфей по-детски расхохотался, откинувшись в кресле, Итан тоже не сдержал улыбки. Ну да, это только наивный имперский маг может думать, что способен скрыться от Чистых и Очищающих в Фалноре. Но тут он вспомнил, что в свое время Стиор арн Над сумел сделать это, и улыбка сошла на нет.

— Впрочем, — добавил он через некоторое время, — к этой операции необходимо подготовиться всерьез. И, возможно, произвести проверку не сейчас, а через несколько лет, когда дети, родившиеся в тот год, пойдут в школу. Но хочу тебя разочаровать, друг мой, — я в успех этой операции не слишком верю. Проверить несколько миллионов детей почти невозможно. Ведь прирожденных магов не больше десятка даже в Империи.

— Да, они не справятся... — скривился архиепископ. — Но попытаться стоит, вдруг повезет.

— Возможно, и стоит.

— Кстати, — поднял на Итана глаза Матфей, — а Вихрь полностью разобрался с дзеннскими архивами? А то у меня есть несколько талантливых молодых людей, хорошо владеющих высшим дзенн-анн.

— Я поинтересуюсь, — позволил себе улыбнуться инквизитор. — Хотя и не уверен в успехе. Зачем им делиться лишней информацией? Хотя если мы окажем Вихрю услугу, о которой он просил, то очень даже может быть...

— Какую услугу? — насторожился Матфей.

— Он просит не убивать драконов, а отлавливать и доставлять к границам Империи. Это личная услуга для него.

— На кой ляд ему эти звери? — изумился архиепископ. — Они же ни на что не пригодны...

— А Вихрь — сам дракон... — ехиднейшим образом ухмыльнулся Итан, наслаждаясь изменениями в лице друга и вспоминая собственную реакцию при этом известии.

Посмотреть было на что. Глаза Матфея стали абсолютно круглыми, рот приоткрылся, он уставился куда-то в пустоту, пытаясь примириться с невероятным известием. Только через несколько минут он смог прошептать:

— Это невозможно.

— Почему?

— Но драконы... Они же просто животные, говорящие животные...

— Ты, кажется, забыл, друг мой, что драконы — одна из трех древних рас Танра. Вместе с дзеннами и эльфами они жили здесь много тысяч лет до прихода людей, создали высочайшую цивилизацию и обладали большой мудростью. Да, сейчас они деградировали, но по нашей вине. И ты это прекрасно знаешь. Вот об этом-то я и хотел с тобой поговорить. Не конкретно о драконах, а

о нашем отношении к другим расам. Тот же Навр Стобер сказал, что Церковь погубит ее нетерпимость. А также недооценка сил и ума этих других.

Матфей внимательно смотрел на друга и думал. Провидение столкнуло его с Итаном лбами так, что они оказались свитыми в один прочный канат. Похоже, этот выглядящий правоверным фанатиком инквизитор кое о чем задумывается и испытывает немалые сомнения в целесообразности происходящего в Церкви. Странно, архиепископ был уверен, что Итан не поймет того, что он запланировал. Впрочем, у него самого оказалась масса предрассудков. Думал, что не имеет таковых, а оказалось... М-да... Придется пересматривать свое отношение к другим разумным расам Танра. И если они с Итаном единомышленники не только в поиске слуг Ушедшего, но и в том, что Церковь должна измениться, то... многое из задуманного может оказаться значительно проще.

— Мне кажется, — продолжал тем временем Итан, — что Церкви давно пора менять свою политику. Ты без меня знаешь, что ересью объявляется все, хоть немного выходящее за придуманные еще в древности каноны. Но времена-то меняются, а мы остаемся прежними. И если не сумеем измениться — мы обречены.

— Я с тобой полностью согласен, — кивнул Матфей, отслеживая признаки лжи на лице инквизитора, но тот слишком хорошо умел скрывать свои чувства. — Меняться необходимо. Нужно только четко определить границы изменений. И начинать подбирать подходящих людей, способных эти изменения произвести. Сам понимаешь, чем запахнет, если о наших планах узнает кто-нибудь из фанатиков.

— Разъяснений не требуется. Мне неясно другое — почему в древности многие народы объявили исчадиями ада? Предки не понимали, что весь народ не может быть плохим, что плохими бывают только отдельные

личности? Взять хоть тех же драконов. Или сатиров, почему-то считающихся безопасными.

— Ну, последние вообще ни к чему не годны, разве только как отрицательный пример. Им бы только пить и дебоширить.

— Да-а-а?.. — насмешливо скривил губы инквизитор. — Навр Стобер — сатир. Нельзя, похоже, ни один народ огульно охаивать.

— Этот проклятый проныра, доставивший нам столько неприятностей, — сатир?! — ошарашенно откинулся на спинку кресла Матфей, но быстро взял себя в руки. — Что ж, возможно, ты и прав. Нам действительно пора пересматривать отношение ко многому. Если даже я...

— Вот именно, друг мой, вот именно... Да, согласен — большинство сатиров ни на что не пригодно. С этим, впрочем, согласен и сам Навр. Но он рассказал мне, как у них поставлено воспитание в школах, и я, скажу тебе откровенно, изумился. Они ухитрились добиться того, что большинство молодых сатиров отказалось от разгульного образа жизни. Не стоит ли нам позаимствовать этот метод воспитания?

— Нет, — покачал головой архиепископ. — У нас же все по-другому. Кое-что можно позаимствовать, но далеко не все. Придется разрабатывать свой метод. Первое, что надо бы сделать — это не объявлять думающую и сомневающуюся молодежь еретиками, а наоборот: выявив, направлять в специальные школы, где их будут обучать думать еще лучше. Но в нужном нам ключе. Церкви давно необходимы таланты, которых сейчас гонят и жгут, вместо того чтобы использовать.

— Я вижу, в основных вопросах наши с тобой мысли совпадают, — усмехнулся Итан. — И рад этому. Может, даже хорошо, что разразился кризис, позволивший людям нашего толка выйти из подполья.

— Вопрос только в том, что если данный кризис не

будет разрешен, то все изменения помогут нам, как дохлому сатиру припарки.

— Об этом можно даже не говорить, — взгляд инквизитора стал тяжелым. — Но мы сделаем все, что в человеческих силах. И даже больше, чем рассчитывали. Хотя бы потому, что остановить Ушедшего хотим не только мы, но и империя. Сейчас не до старых раздоров.

— Согласен, — резко кивнул Матфей, — и даю тебе полный карт-бланш.

— Спасибо. Я рад, что мне не придется оглядываться через плечо, ожидая подвоха, как сейчас.

Архиепископ снова кивнул, затем открыл ящик стола и достал оттуда несколько листов бумаги, исписанных его мелким убористым почерком. Быстро просмотрел и протянул Итану.

— Почитай на досуге, — хмуро буркнул он себе под нос. — Там кое-какие мысли о том, что мы сегодня обсуждали. Хочу узнать твое мнение.

— Хорошо, прочту.

Два единомышленника некоторое время смотрели друг другу в глаза, все еще не решаясь доверять до конца. Итану бер Саану уже утром предстояло отправляться в Кадаир, где были обнаружены следы применения черной магии. Там, в городе Фаг-Бадан, встречи с ним дожидались главный муфтий султаната, резидент Инквизиции и резидент Конторы.

* * *

Дионисий почти не покидал родного дома около полутора лет, переложив основные дела на помощников. Такое пренебрежение могло дорого ему встать, если бы не Варфоломей. Управляющий жестко взял все в свои руки, и слуги дрожали при одном его имени. Самому Дионисию, увы, никогда такого достичь не удава-

лось... Его слушались, но ничуть не боялись — знали, что хозяин добрый и не накажет лишний раз. Чего никак нельзя было сказать о Варфоломее... Но, как бы то ни было, дела шли в гору, купец богател и наслаждался счастьем, а дочь подрастала. Время шло незаметно.

Когда Еленке исполнилось три года, Дионисий впервые принес домой книги со сказками. К его удивлению, девочка тут же ухватилась за них, не обратив внимания на кукол, которых он принес вместе с книгами.

— Папа, что это? — новые непонятные вещи целиком заняли ее внимание, вытеснив хорошо знакомые и понятные игрушки.

Дионисий, улыбаясь, объяснил.

— Их читают? — нахмурив лоб, спросила малышка. — Там сказки? Я тоже хочу читать! А почему вы не читаете?

— Ну, я читаю. Мне приносят много финансовых бумаг. А на книги времени не хватает...

Это неосторожное замечание вызвало новую волну вопросов про непонятные финансовые бумаги и их отличие от книг.

— Значит, — сделала через пару минут вывод девочка, — эти фи... финасо... — Наблюдать, как малышка пытается произнести трудное для нее слово, было довольно забавно. Наконец, девочка справилась: — Финансовые бумаги — для расчета денег, а книги — для познания!

Тут она задумалась, нахмурив лоб. Дионисий с улыбкой наблюдал за дочерью. Однако следующее замечание девочки мгновенно испарило эту улыбку и заставило купца нахмуриться.

— Папа, — заявила Елена. — Я тогда буду читать только книги. Я хочу знать все-все-все.

— Конечно, — принужденно улыбнулся Дионисий, изумленный такой постановкой вопроса — никак не для трехлетнего ребенка. — Вот подрастешь немного, и

я отдам тебя в школу. Там ты узнаешь все, что тебе будет интересно.

— Ой, сколее бы подрасти! Папа, а почитай мне пока ты! Сказку!

Дионисий улыбнулся и открыл самую красивую книжку, на обложке которой были изображены в поединке рыцарь в блистающих доспехах и злобный черный дракон. Он уже хотел начать читать, но тут к нему неслышно приблизился Варфоломей и что-то тихо прошептал на ухо. Прислали гонца из городской управы с вызовом на заседание купеческой гильдии. Были, к сожалению, и такие дела, которые Дионисий никак не мог переложить на плечи управляющего... Хотя тот бы только радовался этому — больше пространства для маневра.

— Не огорчайся, доченька, я сама тебе сейчас почитаю, — сказала Марфа, старательно вытирая мокрые руки о фартук. Дионисий благодарно кивнул жене и со спокойным сердцем отправился по делам. Еленка посеменила к себе в комнату, радостно пыхтя и волоча за собой тяжелые для нее книги.

Марфа с тревогой проводила взглядом дочь. Некоторое время задумчиво смотрела ей вслед. Сердце матери сжималось от каких-то страшных предчувствий, ей постоянно виделись жуткие картины, связанные с малышкой. Женщина старательно игнорировала эти ощущения, но они становились все сильнее и сильнее всякий раз, когда она наблюдала за девочкой. Марфа даже сходила в церковь и помолилась за дочь перед иконой святого Аввакума. Но после молитвы ее тревога только усилилась. Еще женщину очень беспокоило, что ни одна нянька не хотела оставаться с Еленкой больше чем на месяц. Чего-то они страшно пугались, но ни одна не могла сказать — чего именно. В конце концов, женщина плюнула и посвятила себя дочери, не нанимая больше нянек. Но и ее порой в присутствии девочки охва-

тывал леденящий ужас — казалось, под личиной маленького ребенка скрывается чудовище.

Марфа некоторое время боролась с собой, стараясь отбросить нехорошие мысли.

— Какая ерунда, — она недовольно тряхнула головой и поднялась в комнату дочери.

Еленка уже устроилась в кресле, забравшись в него с ногами, и выжидающе смотрела на мать, в ее глазенках горел живой и непосредственный интерес. Марфа замерла — тревога почему-то вспыхнула с новой силой и на этот раз, вопреки ожиданию, не исчезла. Да что же такое происходит с их ребенком? Почему малышка так не похожа на других детей? Снова переборов себя, Марфа села напротив дочери и взяла книгу.

— Итак, в одном далеком-далеком королевстве жил прекрасный принц... — Марфа читала с выражением, поглядывая в блестевшие от восторга глаза дочери. — Злой дракон похитил его возлюбленную принцессу и унес далеко в горы. Принц поклялся освободить несчастную девушку и собрался в далекий и трудный путь. И вот он выехал за ворота замка...

В этот момент, который женщина потом не раз вспоминала с ужасом, все и случилось. Марфа вдруг оказалась перед воротами величественного замка, из которых выезжал тот самый принц. При этом продолжала читать и чувствовала, что остановиться не может, хотя была от всего происходящего в ужасе. Но она больше не управляла ни своим телом, ни своим сознанием. Марфа читала, и по мере чтения перед ней разворачивалась сказка. Мать и дочь парили в креслах, глядя на происходящее с высоты. Вот прекрасный принц воюет со злым драконом. Вот он поднимает меч, дракон пышет жаром, но почему-то выглядит не злобным, а скорее обиженным и усталым. Всем своим видом он как бы говорит: «Как же вы все мне надоели...»

— И он вонзил свое оружие прямо в брюхо злобному гаду, — не в силах остановиться, продолжала читать Марфа.

Принц перед ней пронзает дракона. Рядом всхлипывает Еленка. Принц неожиданно меняется, теперь его лицо выражает злобную радость по случаю победы, а перед ним лежит убитый им дракон, даже в смерти величественный. И принц, веселящийся принц-убийца, кажется рядом с ним жалким червяком.

— Вот так тебе, нехолосий! — доносится до Марфы голосок Елены.

«Это она... это она...» — бьется в голове отчаянная мысль, но женщина не в силах остановиться, что-то выше ее самой заставляет продолжать чтение.

— Принц освободил из плена свою возлюбленную принцессу, и они, радостные, отправились домой.

И вот принц снова на глазах меняется. Он больше не веселящийся убийца перед своей жертвой. Он опять прекрасен. Вот он выводит освобожденную принцессу из мрачной пещеры. Они берутся за руки и идут к коню, затем уезжают.

— Конец, — с облегчением произносит Марфа, закрывая книгу. Тотчас же видения исчезли, и они с дочерью вернулись в комнату.

— Мамочка, это было чудесно!!! — в восторге хлопает в ладоши Еленка. — Я никогда такого не слышала!!!

Марфа с трудом поднялась и, пошатываясь, пошла к выходу. Только перед самой дверью она оглянулась, и девочка едва не заплакала, такой болью шибануло из ее глаз. Болью и ужасом.

— Ложись, дочь, — безжизненным голосом отозвалась мать.

Еленка обиженно посмотрела на нее, ничего не понимая, и захлопала глазами. Она никак не могла понять, почему так резко изменилась мама. Почему смотрит на

нее таким страшным взглядом. Что такое вдруг случилось? Она что-то сделала неправильно? Эта детская обида вдруг обожгла Марфу каленым железом. Она вздрогнула, осознав — ребенок же не виноват! Не виновата ее девочка, что уродилась чудовищем! С трудом преодолев себя, она подошла к дочери, подхватила на руки и осторожно отнесла к кровати. Раздела.

— Ложись, поспи, маленькая моя...

Всем своим сердцем, всем своим трехлетним жизненным опытом Еленка чувствовала, что происходит что-то страшное, что-то очень плохое. И самое главное, она никак не могла понять, что именно. Почему мама, такая ласковая и улыбчивая всегда, вдруг стала чужой и недоступной? Почему смотрит так испуганно и затравленно? Почему даже сейчас вся напряжена? Может, ей не понравилась сказка? Но ведь сама девочка была в восторге. Она представляла себе все так живо, как будто была там. Может, мама, как и она, переживает из-за смерти дракона? Еленке дракон не показался таким уж страшным, и ей было его очень жаль. Тогда она даже обиделась на принца. Но ведь закончилось все хорошо. Так почему же так переживает мама? В этот день Еленка долго еще не могла заснуть. И совсем не детские мысли одолевали ее.

Дионисий пришел домой веселый. Дела шли лучше некуда, ему удалось получить армейский контракт, что сулило просто гигантские прибыли.

— Эй, жена! — крикнул он с порога. — Накрывай на стол, у нас есть что праздновать!

Марфа затравленно оглянулась.

— Дионисий... — простонала она. Потом не выдержала, упала к нему на грудь и разрыдалась. — Дионисий, за что нам такая кара?! Чем мы прогневили Спасителя?

Купец, испуганный такой встречей, встряхнул жену.

— Да что случилось, ты можешь толком объяснить?! — чуть ли не прокричал он ей в лицо.

Но Марфа только всхлипывала, пытаясь сквозь слезы протолкнуть слова. Дионисий понял, что случилось что-то действительно страшное. Даже после смерти матери жена так не выглядела. Но что могло произойти? И почему Варфоломей ему не доложил? Опять решил сам все исправить, но не учел, что Марфа в курсе дела? Или кто-то из родственников умер? Он отодвинул жену и быстро прошел в комнату дочери. Но Еленка мирно посапывала во сне, подложив кулачок под щеку. Слава Создателю, хоть с дочерью все в порядке. Дионисий обернулся и замер, пораженный видом Марфы, которая, оказывается, пошла за ним. С какой-то дикой смесью стыда, ужаса и жалости она смотрела поверх плеча мужа на спящую девочку. Вот это оказалось выше терпения Дионисия. Он ухватил жену за руку и потащил ее за собой в комнату на второй этаж. Плотно прикрыв дверь, он бросил ее на кровать, а сам сел на кресло.

— Говори! — жесткий голос хлестнул по нервам женщины, она вздрогнула.

Марфа начала всхлипывать. Дионисий, ничего не говоря больше, поднялся и хорошенько встряхнул ее. Это помогло. Женщина немного успокоилась и, давясь слезами, начала рассказывать о том, что произошло сегодня. Добавила, что и раньше замечала за дочерью много необычного, но гнала от себя такие мысли. Рассказала и о сбегавших няньках, и о бьющейся в присутствии Елены посуде. Под конец, уже не имея сил остановиться, Марфа говорила и говорила, вспоминая дочь с самого рождения. Теперь уже и в самых обычных поступках малышки она находила много необычного. Впрочем, так оно и было. Слишком этот ребенок был не такой.

Дионисий не перебивал ее. Только лицо его вдруг

отвердело, и взгляд устремился в пустоту. Он, казалось, уже не слушал жену, не видел ее слез. Сидел, словно окаменев. Размышлял, думал. Хотя о чем он думал, Дионисий, пожалуй, не сказал бы и сам. Мысли прыгали в произвольном порядке, и никак не удавалось ухватить кончик хотя бы одной. В груди нарастало отчаяние. Ведьма! Его дочь — ведьма! Его Еленка обречена гореть в аду!!! Но за что?! Чем она провинилась перед тобой, Спаситель?! Она же еще невинное дитя! Купец глухо застонал. Этот стон заставил Марфу вздрогнуть и замолчать.

Дионисий с тоской посмотрел в окно. Потом встал. Как законопослушный гражданин и добрый прихожанин, он знал свой долг. Ведьма должна быть передана в руки святой Матери-Церкви, где святые отцы-инквизиторы очистят душу его девочки, чтобы она смогла попасть в рай. Они очистят ее душу! Очистят! Как заклинание повторял он эти слова раз за разом. Но не верил себе, прекрасно зная церковные способы очистки души. Его девочки просто не станет... Они ее сожгут... Живой...

На негнущихся ногах Дионисий спустился вниз и вышел из дома, провожаемый тоскливым взглядом Марфы. Прохладный ночной воздух взбодрил его, приведя мысли в порядок. Купец медленно двинулся к управе Инквизиции. В голове шумело, он двигался совершенно автоматически, не обходил луж, которых после недавнего дождя было множество, и ступал прямо по воде, не обращая внимания. Вдруг ему показалось, что впереди что-то происходит, и Дионисий посмотрел туда, пытаясь понять, что там такое.

Костер! Огромный костер горел на площади. Вокруг, как и положено, стояли святые отцы и пели гимны о спасении души. Огонь уже пылал вовсю, и толпа весело смеялась вокруг, довольная зрелищем.

— Папа!!! — неслись из костра отчаянные детские

крики. — Папа, спаси меня!!! Папочка, мне больно!!! Папочка, миленький!!!

И обгоревшие детские ручонки потянулись к нему из огня.

Дионисий с тихим стоном опустился на землю. Когда он пришел в себя, то обнаружил, что лежит на тротуаре, прислонившись к стене дома. Какие-то сердобольные прохожие уже успели избавить его от груза кошелька. Радостно сверкали в ночном небе звезды. Они словно подмигивали. Никаких признаков костра не было и в помине. В душе купца царила какая-то мертвенная пустота, только одно все время стояло перед глазами — обгоревшие детские ручонки. Да еще дикий крик «Папа!» гремел в ушах. Он с ужасом осмотрелся, пытаясь понять, что случилось. И только потом сообразил — привиделось...

— Слава богу, это неправда! — простонал купец. — Всего лишь показалось. Господи, вразуми раба своего верного! Что же делать мне, Господи?! Я не могу отдать дочь на костер! Господи, это выше моих сил, прости меня, Спаситель!

Дионисий медленно встал, в глазах потемнело, ему было очень плохо. Пошатнулся и оперся о стену. Так, держась за нее, он и вернулся домой. Марфа, тихо подвывая, сидела на полу перед дверью. Казалось, она уже ничего не замечает вокруг. Дионисий медленно обошел ее и поднялся наверх, направляясь к комнате дочери. Чего он не ждал, так это наткнуться здесь на Варфоломея. Да еще и с обнаженным мечом в руках. Слуга с нескрываемой злобой смотрел на Дионисия, и купец даже остановился — в этом взгляде читалась готовность убивать.

— Ну, и где ищейки инквизиции? Сдал уже дочь?

Дионисий отшатнулся, пораженный яростью, звучащей в словах вечно спокойного управляющего. Хотя,

убедившись, что купец пришел один, Варфоломей тут же успокоился и с облегчением прислонился к стене, опустив меч. Его лицо было все в поту, такое ощущение, что он приготовился к чему-то очень страшному.

— Спаситель с тобой, Варфоломей, какие ищейки инквизиции? — сделал удивленное лицо купец, отчетливо понимая, что Варфоломей все знает.

— Какие? Прежде чем говорить о серьезных вещах, надо убедиться, что под дверью никто не стоит. Я все слышал. — И тут же с отчаянием протянул: — О, Господи, я ведь убеждал малышку не показывать свои таланты, скрывать их! Но она же совсем еще кроха! Она же еще ничего не понимает!

— Ты слышал? — Дионисий в ужасе отшатнулся, но тут до него дошло, что сказал Варфоломей. — Убеждал?! Ты знал?!

Варфоломей вдруг осунулся.

— Однажды заметил. Мы тогда возвращались с прогулки, и она увидела цирковых акробатов. Жонглеров. Малышке понравилось. Она схватила яблоки и начала ими жонглировать. Ей же два годика всего было! А она жонглировала! При этом яблоки даже не касались ее рук, хотя Еленка увлеченно вертела ими. Кажется, она даже не понимала, что делает...

Купец медленно опустился на пол.

— Так ты все знал?!

— Да. Я убедил ее больше так не делать. Говорил об опасности. Но она же ребенок! Она порой сама не сознает, что делает. Я надеялся, что успеет подрасти. Успеет понять, насколько опасно ее умение. А сейчас...

Варфоломей с тоской посмотрел на свой меч. Потом достал кинжал.

— Если бы вы поднялись не один, я бы умер. Здесь. Сражаясь за вашу дочь. Но перед тем успел бы убить ее. Лучше так, чем попасть в руки инквизиции. Пусть бы

она умерла от руки человека, который любит ее больше жизни, чем на костре. Я бы убил ее, а сам постарался захватить с собой как можно больше церковников, прежде чем они добрались бы до меня. Пусть в аду будет как можно больше душ поганых святош для растопки!

Дионисий попятился.

— О чем ты говоришь? Это святотатство!!!

— Да? А разве не сдать ведьму — не святотатство? Или ты все-таки сдал дочь, а Ищущие придут позже?

Купец опустил глаза.

— Почему? — тихо спросил он.

— Что почему? — Варфоломей недоуменно посмотрел на него.

— Почему ты не сдал ее? — Дионисий не понимал, в чем дело, он ведь знал, что никто не защищает ведьм, и не мог поверить слуге, просто не мог. — Еще тогда не сдал почему?

— Почему? — криво ухмыльнулся управляющий и потер шрам на щеке. — В свое время я тоже верил в Святую Церковь. Пока сам не попал в инквизицию... Там уж я насмотрелся на всех этих «ведьм и колдунов». Я видел, как добываются их признания. Я же не колдун! Я не умею колдовать! Меня обвинил сосед, чтобы заполучить мой дом — это я узнал позже, куда позже. Если бы не вы, то и я признался бы в том, что продал душу Зверю. Обязательно признался бы. Не признаться там невозможно. Там признавались все, даже самые святые. Вы спасли меня тогда. Да, я знаю, что это вышло у вас случайно, но тем не менее. Вы помогли мне. Я за это верно служил вам. И я люблю вашу дочь как свою. У меня ведь тоже была дочь. Чуть постарше Еленки. Она умерла, умерла с моей душой вместе, умерла там, в камере. Дочь колдуна!!!

Варфоломей вдруг всхлипнул, опустился на пол, при-

слонился к стене и закрыл глаза. По щеке пробежала слеза, руки продолжали судорожно сжимать меч.

— Я не знал, — пробормотал Дионисий, никогда не приходилось ему видеть этого всегда веселого и жизнерадостного человека в таком состоянии, да и кто мог знать, что за ад он носит в душе...

— Да, — отозвался Варфоломей. — Я не рассказывал. Никому и никогда. Не хотел это вспоминать. Но сам не могу забыть, как она молила о глотке воды, а господа инквизиторы напоили ребенка уксусом, чтобы я признавался побыстрее... Не забуду... Именно поэтому я и хотел убить Еленку. Это лучше, чем тот ад. Много лучше...

Некоторое время оба сидели напротив друг друга и молчали.

— Я не смог отдать ее им, — наконец заговорил Дионисий. — Я не могу. Как представлю костер... Как она кричит, зовет меня... Я же человек!

— Надо уехать, — отозвался Варфоломей. — Уехать подальше от Инквизиции и Ищущих. Еленка еще совсем мала. Она не понимает, что можно, а что нельзя. А если мимо вашего дома случайно пройдет Ищущий как раз в тот момент, когда ей захочется что-нибудь сделать?..

— Уехать? — прищурился купец. — Постой, ты ведь именно потому убеждал меня уехать из столицы все это время? Жаловался, что морской воздух плохо влияет на твое здоровье.

— Да. Еще надо избавиться от слуг. Эти предадут не задумываясь.

— Я... я соберу вещи.

Дионисий резко обернулся на голос. На лестнице стояла Марфа. Похоже, она все слышала.

— Я пойду вещи собирать, — повторила она еще раз по-прежнему каким-то безжизненным голосом, однако на сей раз в нем слышались нотки решимости. Кажется,

женщина готова была на все, чтобы спасти дочь. Обслужить дом без слуг? Справится! Не привыкать, не из богатой семьи вышла.

Дионисий видел, как огонек решимости постепенно разгорается в глазах жены, и чувствовал, как такая же решимость охватывает его самого. Никогда! Никогда и никому он не отдаст дочь! Тем более на такую страшную смерть.

А за стеной в полной тишине и темноте сидела на своей кроватке маленькая девочка, вызвавшая весь этот переполох. Если бы кто-нибудь мог видеть ее в этот момент, то увидел бы, что ее горящие черным светом глаза смотрят в никуда. Ручонки ребенка, казалось, ловили клочья тьмы и играли с ними. Еленке нравилась темнота, она была такая разная и такая интересная. Каждую ночь перед ней открывался первозданный хаос. Ладошки девочки, перемешивающие этот хаос, светились призрачным синеватым светом, но это ей нисколько не мешало. Она всматривалась во Тьму, ощущая, что та тоже начинает всматриваться в нее. Первая из Трех почти неслышно рассмеялась и открыла Тьме свою детскую душу.

В далеком Костваде разразилась гроза.

* * *

Пастух щелкнул кнутом, отгоняя стадо от края поля, и потянулся — спать хотелось неимоверно. А ведь сам виноват — нечего было вчера почти до утра перешучиваться с девками на посиделках. Он вздохнул — хочется ведь, восемнадцать уже, давно жениться пора, хватит бобылем ходить. Староста, хоть баба и суровая, обещалась помочь, дом всем миром поставить, коли невесту найдет. Только вот пока нет никого, кто бы к сердцу припал. Вздохнув, парень досадливо пнул попавшийся по

дороге пенек и погнал стадо дальше — за этими коровами только не уследи, сразу потраву учинят. А кого потом пороть будут? Коров, что ли?..

Что-то на тропинке сбоку привлекло внимание пастуха, и он резко остановился. Идет кто-то, что ли? Так вроде же никто с утра в лес не уходил... Странно. Неужто гость? Парень жадно уставился на приближающегося человека. А ведь точно — кто-то незнакомый! Вот это новость! Эх, в деревню бы сбегать, рассказать, да стадо не бросишь. Увидев черную, пропыленную рясу путника, пастух вообще едва не упал — неужто Совьему Гнезду милость Спасителя выпала, неужто святой отец пришел? Лет пять молодых в деревне не венчали, в грехе жили, дожидаясь, пока батюшка приедет. У многих уже и дети бегали. Отец Ниодий, что в Белой Пуще, в ста милях отсюда жил, давно помер, а нового священника так и не прислали. Оно понятно — кто ж в такую глушь поедет? Но в Совьем Гнезде и остальных деревнях тоже ведь люди живут — и венчать, и крестить, и отпевать их кто-то должен. А некому.

— Доброго вам утречка, батюшка! — поклонился пастух, когда незнакомец подошел поближе. — Мы вас уж так ждем, так ждем...

— Здравствуй, юноша, — простуженным голосом ответил худой старик, тяжело опирающийся на суковатую палку. — Только не батюшка я, рукоположения не проходил. Монах, отшельничаю, место вот себе ищу тихое, чтобы осесть.

— Обвенчать, знать, не могете? — огорчился пастух.

— Отпеть — еще кое-как, — усмехнулся гость, — а вот венчать или крестить — не по чину. Ты мне скажи лучше, юноша, как деревню вашу называют. А то иду куда глаза глядят. Давно людей не встречал, больше декады.

— Совье Гнездо, — со вздохом ответил пастух. —

Зайдите к нам, святой брат, передохните. У нас трактир добрый, женка хозяина, тетка Рива, так готовит, что токо пальцы и облизывать.

— Зайду, отчего ж не зайти, — кивнул монах. — А может, где-то неподалеку и хижину себе срублю, устал я ходить по миру, стар стал.

— Да не утруждайтесь вы сами, святой брат! — всполошился парень. — Вы токо скажите где, чего ж мы, хижину не спроворим? Чай, не безрукие!

— Благодарствую, юноша! — несколько удивленно сказал старик. — Благослови тебя Спаситель!

Он перекрестил наклонившегося поцеловать руку парня и, кряхтя, двинулся по тропинке к деревне. Пастух осуждающе посмотрел ему вслед — и что за люди такие могли отпустить старика ходить по миру в тряпье и босым? Негоже ведь! Сидеть бы ему в теплой келье, отдыхать от трудов праведных, ан нет — пошел отшельничать. Не каждому духу на это достанет. Святой человек!

Увидев впереди первые дома деревни, Стиор остановился еще раз обдумать свою легенду. Он ощущал неподалеку родившегося, похоже, он в этом забытом Богом Совьем Гнезде. Четырехлетний путь подходил к концу. Теперь главное узнать, проснулся ли у мальчишки дар, а маг уже уверился, что это мальчишка — видел его в трансе. Старик с трудом сдержал смех, посмотрев на свою драную рясу, — придется играть роль одного из тех, кого он ненавидел больше всего на свете. Но никому, кроме монаха, крестьяне лесной деревни не поверят, а значит, деваться некуда. Впрочем, если родившийся уже стал магом, то быть монахом ему недолго — заберет ребенка с собой в Чернолесье. И пусть ищут... скорее небо на землю рухнет, чем инквизиторы там что-то найдут. А вот если дар мальчишки еще не проснулся, придется селиться неподалеку и следить за ним, чтобы не упустить момента инициации.

Трактир маг узнал по нарисованной на двери пивной кружке. А ведь большая и богатая деревня, около трехсот дворов по первому впечатлению. Странно, что она так далеко от остальных, наверное, когда-то была основана беглыми рабами. Королю и нобилям Коствада плевать — подати крестьяне платят, и ладно. Зато и Инквизиции можно почти не опасаться, вряд ли кто-нибудь из Ищущих заберется в такую глушь в поисках ереси. Но если узнают, что здесь скрывается маг, обязательно явятся.

Вздохнув, старик толкнул дверь и вошел. Его взгляду открылось довольно приятное помещение с чисто выметенным глиняным полом. Однако потолка не было — над головой виднелись голые стропила и черепичная крыша, да еще три балки держали стены. В левом углу скучал за стойкой дородный лысый мужик в вышитой рубахе. Перекрестившись на иконы, Стиор поздоровался.

— Ой, батюшка! — вскочил трактирщик. — Поздорову вам! Радость-то какая!

Скривившись, маг объяснил, что он не священник, а всего лишь монах-отшельник. Устало сев на скамью, он спросил:

— Как тебя зовут, человече?

— Да дядькой Михлом все кличут, — буркнул огорченный трактирщик.

— Дай-ка мне попить чего-нибудь горячего. Есть?

— Как не быть? Ягодный отвар. Из тиваники. Щас нагрею.

— Самое то с дороги, — улыбнулся Стиор, бросая на стойку медную монетку. — И поесть.

По ценам Коствада, он на медяк мог есть три дня, но не собирался экономить, уж чего-чего, а денег прирожденный маг всегда добудет. Вон, в половине дня ходьбы от деревни почуял под землей клад, но не стал откапывать, смысла не было. Однако трактирщик вернул моне-

ту, да еще и обиделся, хотя виду не подал, сказав, что в Совьем Гнезде со святых отцов и монахов денег брать не принято. Стиор откровенно удивился — с таким он еще не сталкивался. Обычно трактирщики драли со слуг господних столько же, сколько и с других, если не больше. Впрочем, глушь дикая, тут гости — редкость несусветная.

Девчонка в замызганной юбке, косясь на мага любопытными карими глазами, принесла пинтовую кружку с парящим отваром. Он с наслаждением отпил — давно не пробовал горячего питья. В дороге все больше мясом, жаренным на костре, обходился — дичью Броах обеспечивал наставника исправно. Вот и сейчас дзенн отправился на охоту, не рискуя, понятно, показываться людям на глаза. Реакция была бы вполне предсказуемая.

Не успел маг допить отвар, как служанка принесла свежеиспеченный хлеб, луковую похлебку и пшеничную кашу с отварным мясом, щедро политую маслом. Стиор с удовольствием поел, от души поблагодарив дядьку Михла, — правду говорил пастух, готовят тут очень даже неплохо. Но что-то не давало ему покоя. Чье-то присутствие, чей-то взгляд со спины. Старик резко обернулся и успел заметить тень, метнувшуюся по потолочной балке. Задействовав магическое зрение, он увидел, что наверху, прямо на балке, затаился совсем еще крохотный мальчонка. Лет трех-четырех. И одновременно понял, что этот мальчонка и есть один из Трех. Нашел! Наконец-то нашел!

— Дядюшка Михл! — позвал он трактирщика. — А что это у вас за малец наверху?

— Заметили?.. — удивился тот, подходя. — Вот шельмец! Иногда так спрячется, что никак найти не можем. И что за горе на мою голову?

— А что такое? — заинтересованно приподнял бро-

ви Стиор. — Мальчишка как мальчишка. Резвый только очень.

— Чересчур резвый... — обреченно махнул рукой дядька Михл. — И любопытный слишком. Все ему знать надо, всем вопрос задать... Погодите, он вам еще надоест.

— Да вы садитесь, расскажите, — маг показал на скамью напротив, и трактирщик, снова вздохнув, опустился на нее. — Разве же это грех — стремление к знаниям? Чей он?

— Вам виднее, грех али нет, святой брат, — неуверенно отозвался трактирщик. — Токма если энто любопытство не в ущерб делу. Я так полагаю. А то заинтересуется чем, усядется и часами смотрит, про все забудет. Порой так и хочется отшлепать хорошенько, так рука не поднимается. Сирота ведь.

— Сирота? Я думал...

— Нет-нет, святой брат, не мой он. Подкидыш, — хмуро ответил трактирщик. — Четыре года тому, зимой это было. Ночью меня собаки разбудили, как сбесились, выли, а не гавкали. Ну, я и вышел. Гляжу, а на пороге лежит чего-то. Пригляделся, а оно — баба мертвая с младенем на руках. И младень — живой, пищал еще. Она, видать, доползла до порога, а сил постучать уже не осталось, так и померла перед дверью. Ну, я младеня, ясно, в тепло, женку свою разбудил, чтоб обиходила — не звери ж мы, дите на морозе оставлять? Мамку его назавтра схоронили, как положено, но в лесу, не на погосте — кто ж ее знает, крещеная она там али нет. Ничо при ней не нашли, токо одежку ветхую, так и не знаю, откель она сюды пришла. А младеню было дня два, не боле. В лесу рожала, что ль? Ума не приложу...

— И это?.. — поднял взгляд кверху Стиор.

— Тот самый младень и есть. Шустрый... коли что не заинтересует его! Как подрос и ходить выучился, так и не словишь его — то на крыше, то по деревьям лазит, то

еще где. И вечно шкоду чинит! Вчерась вон горшок большой расколотил. Зачем, спрашиваю. А, говорит, интересно было, откель горшок упасть должен, чтоб разбиться. Ну, и че с ним делать? И кем токо вырастет?

— Надо такое дело найти ему, чтобы он свое любопытство на пользу обратил, а не во вред, — уголками губ улыбнулся Стиор — знал, кем вырастет этот мальчишка. Черным магом!

— Ну, какое тут дело... да штоб с пользой и любопытством... — дядька Михл озадаченно поскреб затылок. Было видно, что эта задача не по нему. — А может, вы попробуете, святой брат? — с надеждой уставился он на мага. — Мы с женкой уже отчаялись, а староста требует, чтоб приучили к порядку. Токо как?!

— А почему бы и нет? — маг сделал вид, что задумался. — Все равно где-то неподалеку буду себе хижину строить, думал дальше пойти, но сил нет. Да и зима скоро.

— Оставайтесь, святой брат! — обрадовался трактирщик. — А хижину мы уж поможем построить, да и дрова понадобятся.

— И, правда, оставайтесь, святой брат! — заставил Стиора вздрогнуть низкий женский голос.

Он резко обернулся — позади стояла высокая худая женщина лет сорока с чем-то. От нее веяло властностью, силой и уверенностью в себе. Взгляд недовольных серых глаз требовал чего-то от всего мира, казалось, его обладательница свято уверена, что все вокруг ей должны.

— Здравствуйте, матушка Пилагма! — подхватился со скамьи трактирщик. — Это наша староста, святой брат!

— Рад видеть, уважаемая! — Стиор тоже встал и поклонился.

— Жаль, что вы не святой отец, — грустно сказала Пилагма. — У нас уже больше тридцати пар невенчанными живут! Детей некрещеных куча...

— И рад бы помочь, да нельзя... — развел руками маг. — Хотя...

Он задумался, а потом неуверенно сказал:

— Читал я в «Поучении» старца Амфитистокла, что коли нет рукоположенного святого отца, то и мирянин крестить может, ибо негоже детенку некрещеным быть. Главное, чтобы с искренней верой!

— Правда? — обрадованно спросила староста. — Спасибо вам, святой брат!

— Ну, я еще могу новопреставленного раба божьего отпеть, молитвы все нужные знаю. Детишек Божьему Слову поучить. Но венчать — нет, невместно то монаху...

— Что ж делать, — грустно вздохнула Пилагма. — А вы грамоте обучены? Говорили, что читали там чего-то...

— Обучен, — кивнул Стиор.

— Может, напишете нам прошение в Синод, чтобы нам святого отца прислали? А я с оказией отправлю.

— Напишу, отчего ж нет. Пергамент или бумага найдется?

— Найдется! — заверила староста. — Так, может, и в самом деле у нас останетесь, святой брат?

— Только не в деревне, — поспешил поставить границу маг. — Я — отшельник. У меня с собой грамота приора Святого Синода, дающая право на отшельничество. Потому среди людей жить не могу, где-то в стороне — да, можно. Только место для хижины удобное найти надо.

— Сыщем место, — улыбнулась Пилагма, но улыбка на ее лице почему-то смотрелась неестественно, казалась фальшивой.

Стиор отметил это и дал себе зарок соблюдать в отношениях с этой женщиной величайшую осторожность — тот еще фрукт, судя по первому впечатлению. И себе на уме, выгоды не упустит. Сейчас ей кровь из носу нужен священник или хотя бы монах, чтобы дер-

жать односельчан в ежовых рукавицах. Что ж, он сыграет эту роль, все равно придется оставаться здесь — просветив быстро составленным заклинанием Подкидыша, Стиор понял, что дар мальчишки еще спит. Надо дождаться, пока он проснется, а до этого может пройти и десять, и двадцать лет.

Избу крестьяне и в самом деле поставили очень быстро. Уже через пять дней Стиор вошел в новенькую пятистенку, из которой еще не выветрился запах свежесрубленного дерева. Печник проверил работу печи и ласково погладил ее по боку.

— Замечательно, — похвалился он. — Жар даст такой, что в самые лютые морозы не замерзнете. А они у нас зимой могут быть такие...

— Благослови вас Господь за помощь...

— Благодарю, святой брат, — поклонился ему в пояс печник. — Для нас в радость помочь вам.

Стиор, стоя у окна, проводил взглядом закончивших работу людей и покачал головой. Наверное, только в такой глуши могли сохраниться столь бесхитростные и искренние люди, не испорченные цивилизацией. Но тревожило Стиора сейчас вовсе не это. Судя по словам трактирщика, Подкидыш, которого на самом деле звали Раором, личность крайне любопытная. Однако за все время, пока деревенские ставили Стиору дом, мальчишка здесь так и не появился. Почитай, все дети из деревни побывали. Кто просто поглазеть на святого отшельника, кто помощь предлагал, кому было интересно послушать о далеких городах и странах. А Раор не пришел ни разу. Вряд ли дядька Михл сказал неправду о характере мальчонки. Что же помешало ему прийти? Надо будет обязательно сходить в деревню. Сегодня уже не получится — сказал, что проведет день в молитвах, прося Господа благословить всех добрых людей. Другого кре-

стьяне от монаха и не ждали. Что ж, терпения тому, кто ждал всю жизнь, не занимать.

Маг еще раз внимательно оглядел окрестности из окна. Убедившись, что его никто не видит, закрыл глаза и осмотрелся уже истинным зрением. Отлично. Люди далеко. Хоть Раор еще и не инициирован, но рано или поздно это случится. А значит, надо подготовить место, где их занятия не засекут другие маги или Ищущие. Да и иные меры предосторожности лишними не окажутся. Стиор на всякий случай осмотрелся еще раз, а затем начал заговаривать деревья и кусты вокруг дома. Магия легкая, словно дуновение ветерка. Не каждый разглядит, зато теперь всегда будет известно, кто находится рядом с домом, чем занимается и с чем пожаловал. Конечно, все это можно было сделать и быстрее, и с меньшим напряжением сил, но есть вероятность, что кто-то почувствует магию. Да, сейчас он у Зверя на хвосте, но рисковать все равно не нужно. Кто знает, где могут мотаться Ищущие. Особенно сейчас, когда все службы Церкви активно ищут его. Нет, рисковать, когда нашел одного из Трех, точно не стоит...

Стиор устало прошел к скамейке и сел. Прикрыл глаза. Да, одного нашел. Но есть еще двое. Как быть с ними? Эх, если бы мальчишка уже инициировался, можно было бы поискать и остальных, но так... Правила... Не положено магам Тьмы брать в ученики еще не инициированных людей. Если бы не это правило, он бы ухватил Раора в охапку и бежал отсюда со всех ног. Но нельзя. Значит, придется сидеть здесь и наблюдать. Пытаться наладить отношения с будущим учеником. А остальные... что ж, остается только надеяться, что с ними все будет хорошо. Маг вздохнул и поднялся — надо продолжать работу. Потихоньку, не торопясь, он подготовит себе место. А когда придет срок, можно будет начинать

обучение, не опасаясь чужих взглядов и поисковых сетей Ищущих.

Утром Стиор с трудом заставил себя встать. Вчерашний день выдался не из легких. Да, он не творил сложных заклинаний, но мелкие, особенно когда их много, выматывают сильнее, чем самая сложная магия. Быстро приведя себя в порядок, он доел то, что вчера оставили крестьяне, и отправился в деревню. Пора налаживать контакт с местными жителями. Впрочем, вряд ли в Совьем Гнезде сейчас будет кто-нибудь, кроме малых детей и стариков. Лето — горячая пора. Как поработаешь, так и поешь зимой. Но это даже к лучшему.

У деревни мага встретили собаки. Одна из них вдруг ощетинилась и оскалила зубы. Стиор поймал собачий взгляд. Мгновение продолжалась невидимая борьба, а затем пес заскулил, опустился на брюхо и пополз к магу, глядя на него печальными глазами. Стиор чуть улыбнулся и опустился на корточки, ласково потрепав пса по загривку. Тот радостно взвизгнул и перевернулся на спину, подставив брюхо и усиленно виляя хвостом.

— Что ж ты, дружище, на людей-то бросаешься? — попенял ему Стиор.

Собака на мгновение виновато поджала хвост, но тут же снова замахала им, глядя на мага невинными глазами, словно говоря: «А что я? Я ничего. Просто показалось».

— Да ладно тебе, подлиза. Давай, беги.

Пес вскочил, мгновение колебался, а потом бросился догонять остальных. Стиор глядя вслед стае, покачал головой. Ему очень не понравилось то, что он прочитал в эмоциях животных. Собаки всегда были самыми близкими спутниками человека, и им передавались все чувства хозяев. А здесь налицо явный страх. Не тот, когда живут под угрозой инквизиции, а какой-то... бытовой, что ли. С этим надо разобраться, и обязательно.

Как и предполагал маг, в деревне почти никого не было. Дети, слишком маленькие для работы в поле, присматривали за скотиной. Женщины готовили еду мужчинам. Стиор неторопливо прошел по улочке и подошел к трактиру. Михл колол дрова. Раор крутился рядом с приемным отцом, оттаскивая нарубленные дрова в поленницу. Правда, делал это весьма своеобразно — смастерив себе что-то типа подпруги, он грузил поленья на небольшие санки, впрягался в них и тащил. Заинтересованный необычным способом, Стиор стал наблюдать за мальчиком. Трактирщик, увлекшийся работой, отшельника пока не видел, а мальчонка просто не обратил на гостя внимания.

Устав, дядюшка Михл выпрямился, смахнув пот со лба, и увидал гостя. Тотчас расплылся в улыбке и приглашающе замахал рукой.

— Проходите, святой брат, проходите. Нечего стоять у порога.

— Спасибо, почтеннейший, — поклонился Стиор. — Я просто мимо шел, но не смог не обратить внимания на оригинальную конструкцию, которую использует ваш воспитанник.

Михл недовольно покосился на подкидыша.

— Это, што ль? — он махнул рукой. — Дык ведь сам смастерил, теперь пользует. Баловство одно. Сколько раз просил выкинуть, дык ни в какую. Уперся — и все. Мне, грит, удобней. А что тут удобного?

Стиор подошел к саням, нагнулся и осмотрел. Раор, набычившись, молча наблюдал за ним, не выказывая неудовольствия или нетерпения.

— Летом, конечно, неудобно будет, — важно кивнул Стиор. — А вот зимой, наверное, самое то.

— То-то оно то, — кивнул Михл, с силой опуская колун в колоду и оставляя его там торчать. — Токмо ведь

мал он еще. По пояс в снег проваливается. И чего ему по дорогам не ходится?

Раор еще сильнее набычился, но продолжал упрямо молчать.

— Можно ведь снегоступы сделать, — предложил маг, искоса наблюдая за мальчонкой. И не разочаровался. Впервые на его лице промелькнула тень заинтересованности. Значит, правильно разгадал характер ребенка. Стиор даже улыбнулся про себя. — Тогда можно и санки тащить, и в снег не проваливаться.

Михл озадаченно почесал затылок.

— У нас лыжи есть, дык велики ему. Кто ж будет их делать такому мальцу? А снегоступы... отродясь о таком не слыхивал.

— Мне пришлось много путешествовать. И меня учили делать такие вещи. А летом можно колеса сделать...

— Конечно! — впервые заговорил малец, возмущенно взирая на трактирщика. — Я так и говорил! А мне: «Не дам портить вещь!»

— Ну, зачем портить? — спокойно отозвался Стиор, внутренне ликуя. — Правильно говорит твой отец. Что ж ты, каждый раз будешь переделывать их? Сломаешь быстро, и все. Но если сделать специальную тележку, на которой закрепить твои санки, то все очень просто. Установил санки, закрепил — и ездить можно. Убрал колеса — готовы санки.

Михл неуверенно посмотрел на детские санки. Раор же, загоревшись новой идеей, наседал на мага с требованием описать, как сделать такую тележку. Стиор сел на корточки и принялся чертить в пыли. Михл, предчувствуя новые шкоды в процессе творчества шустрого ребятенка, печально вздыхал. Маг понял причину вздохов трактирщика и быстро встал.

— А дальше?! Как крепить-то?!

— Слушай, Раор... тебя ведь Раором зовут? — Мальчик

настороженно кивнул. — Говорят, ты вчера кувшин разбил?

Короткая внутренняя борьба, но ребенок ответил честно:

— Ну да. Не очень прочный был. Всего два локтя высоты выдержал.

— То есть ты специально его разбил?

— А как еще можно выяснить его прочность? — удивленно поинтересовался мальчик, глядя на мага.

— М-да, действительно, — пробормотал про себя Стиор. — На самом деле есть много способов.

— Правда?! А вы расскажете про них?

— Ну... наверное, ты отцу нужен как помощник. А я не могу каждый день приходить в деревню...

— Да пусть он к вам приходит, — замахал руками Михл. — Вам же на первых порах много чего понадобиться может. Заодно поможет по хозяйству. Раор — малец работящий, коли глупость очередную не удумает. Ну, а ежели вы сумеете его на путь истинный наставить, я вам по гроб жизни благодарен буду. А то ж спасу нет с этих шалостей.

Стиор сделал вид, что задумался, наблюдая за одинаковым выражением лиц мальчишки и трактирщика. Оба напряженные, оба ждут, и оба надеются на один ответ, хоть и по разным причинам. Маг порадовался про себя — похоже, сумел наладить отношения с малышом. Теперь бы еще справиться с его бурными творческими опытами. Ну, ничего. Сам таким был в свое время.

«Сумел же учитель как-то справиться со мной? — мелькнула мысль. — Значит, у меня получится...»

...Как и обещал трактирщик, Раор появился в доме у мага на следующий день поутру, волоча за собой на санках чугунок и глиняную посуду, которую крестьяне выделили отшельнику. Стиора продолжала поражать

щедрость местных жителей, однако настораживал подспудный страх, висящий над деревней.

Стиор вышел на крыльцо и наблюдал, как мальчик, пыхтя, тянет санки. Видно было, что ему тяжело и неудобно, но Раор все равно не сдавался — тащил. Лишь бы доказать всем вокруг, что его придумка полезна. Вот он подтащил поклажу к крыльцу и устало опустился на него, тяжело дыша. Маг молча ждал.

Раор чуть обернулся, глянул исподлобья на взрослого.

— Ну, и как мне колеса приделать? — вроде бы безразлично спросил он.

— А ты хочешь так сразу и сделать? — удивился маг. — Это тебе не упряжь сплести. Тут и умение, и знания нужны.

Мальчик нахмурился, прикусив губу. Потом сердито засопел.

— Думаешь, я тебя обманывал, когда говорил, что все можно сделать? — улыбнулся маг.

Раор подумал и кивнул.

— Что ж... Как хочешь. Для начала давай посмотрим, какого диаметра должны быть колеса... Знаешь, что такое диаметр?

Теперь уже Раор задумчиво разглядывал облака, вздыхал и сопел.

— Нет, — наконец признал он.

— Понятно. Придется попроще. Какого размера должны быть колеса?

Раор поднялся, подошел к санкам, что-то прикинул и показал себе на колено.

— Вот такие.

— Да? А почему?

— А чтоб катились.

— Да... Катиться будут любые колеса. Но давай посмотрим. Если сделать колеса такого размера, как ты говоришь, то их диаметр составит примерно локоть. Что ж, разумно, если считать только санки. А учли ли вы, моло-

дой человек, высоту подставки под санки? Ну-ка, посчитайте мне, на какой высоте окажутся санки с учетом тележки и ваших колес.

Раор сердито засопел. Потом развернулся и посмотрел магу прямо в глаза.

— Вы обещали научить, а вы смеетесь!

— Я смеюсь? — Маг смотрел совершенно серьезно, и мальчик это понял. Но странные слова, которые тот говорил ему, не походили на то, что обычно говорили взрослые. Раор их просто не понимал и растерялся. Стиор решил ему помочь, спустился с крыльца и сел на ступеньку. Похлопал рядом с собой. Мальчик немного поколебался, но все же подошел и тоже сел.

— Говоришь, я смеюсь? Зря. Ведь это самая простая задача, которую должен уметь решать тот, кто посвятил себя придумыванию новых вещей. В мире есть много наук, которые надо освоить, прежде чем у тебя получится что-нибудь полезное.

— Наук? — удивился Раор, услышав новое для себя слово.

— Да. Все в мире происходит по определенным законам. Есть люди, которые посвящают свою жизнь тому, чтобы постичь эти законы. Их называют учеными. Где-то их уважают за ум и мудрость, где-то преследуют, считая злом.

— А они — зло? — тут же спросил мальчик.

— Не думаю, — усмехнулся Стиор. — Люди, видя, что человек знает больше них, склонны оправдывать свое невежество, считая мудрецов злом. Ты ведь тоже посчитал, что я смеюсь над тобой, когда услышал новые слова, вместо того чтобы узнать их значение.

Мальчик задумался. Думал он старательно, морща лоб и усиленно сопя. Маг едва сдерживался, чтобы не рассмеяться, но понимал, что нельзя — этим он смер-

тельно обидит ребенка, и только-только установившийся контакт будет потерян.

— А Господь это одобряет? — вдруг серьезно поинтересовался Раор.

— С чего такой вопрос? — удивился маг.

— Тетя Пилагма говорит, что все дела должны быть благословлены Господом. Без этого никакого проку в них не будет.

— Что ж, ваша староста мудрая женщина. А ты сам как считаешь? Ведь если бы Господь не хотел такого познания, смогли бы люди хоть что-нибудь узнать?

— Наверное... нет.

— Однако люди познают и применяют свои знания. Ты носишь одежду. А ведь кто-то когда-то придумал стричь овец, прясть пряжу, а потом делать из нее ткань. Кто-то придумал, как шить обувь. А колун, которым твой приемный отец рубит дрова? Кто-то в давние времена тоже сделал его впервые. Все это и есть познание мира. Если хочешь, я могу научить тебя видеть этот мир, познавать его. Ты узнаешь много нового. Познаешь чудеса геометрии и тайны математики. Узнаешь, что такое минералы и из чего они состоят.

По мере перечисления глаза мальчонки разгорались азартом все сильнее и сильнее. Под конец он даже рот открыл от восторга.

— И вы правда-правда можете всему этому меня научить?

— Смогу, — серьезно кивнул Стиор. — Если, конечно, сам захочешь. Только учти, тебе придется постараться. Науки не любят ленивых. Если не заниматься самому, я не смогу тебя ничему научить. Но если ты готов тяжело трудиться, если готов ради познания отказаться от многих благ мира, я буду учить тебя.

— Я... Конечно!!! Спасибо!!! А можно прямо сейчас?

— Сейчас? — Маг улыбнулся. — Почему бы и нет? Но

для начала давай-ка расставим все, что ты принес, по местам. Заодно я дам тебе первый урок.

— Первый урок?

— Да. Бери кувшин. Как он тебе? Тяжелый?

— Не очень, — пропыхтел мальчишка.

— Хорошо, — маг забрал его у Раора и отнес в дом. — А теперь бери чугунок. Что легче поднять?

— Кувшин.

— Правильно. А как ты думаешь, почему одна вещь тяжелее другой, даже если по размеру они одинаковы?

Раор озадаченно замер. Почесал нос. Было видно, что такой вопрос никогда не приходил ему в голову и сейчас сильно его озадачил.

— Потому что один материал жестче, чем другой? — несмело предположил он.

— Почти угадал, — улыбнулся Стиор. — Все дело в плотности материала. Любой материал состоит из маленьких частиц. Таких маленьких, что мы не можем их увидеть.

— А откуда тогда известно, что это так, — удивился мальчик, — раз мы не можем их видеть?

— Из опытов. Помнишь, я тебе говорил, что не обязательно разбивать горшок, чтобы проверить его прочность?

Раор опять задумался.

— А вы научите меня, как это делать?

— Если захочешь, как я уже говорил. И если будешь усердно учиться. Учение — не самый легкий труд. А пока помоги-ка мне в доме. Надо обживаться на новом месте.

Мальчик работал усердно и старательно. Не стонал и не отлынивал. Стиор специально нагружал его самой тяжелой работой, которая только может быть по силам четырехлетнему ребенку, и тайком наблюдал, как малыш справляется. Ближе к обеду он вымотался так, что

почти падал от усталости, но отдыха не просил. Упрямо поджав губы, старательно мел пол, выносил мусор, протирал пыль. Поняв, что переупрямить ребенка не удастся, Стиор довольно кивнул.

— Молодец! — похвалил он мальца. — Давай сейчас поедим, а потом отдохнешь.

— А как же история?!!

— Гм... если ты готов ее послушать... Ты уверен, что не устал?

Раор усиленно замотал головой.

— Ну что ж, тогда давай к столу.

После обеда маг все-таки заставил ребенка лечь на скамью, укрыл его оставленной кем-то из крестьян лежалой волчьей шубой и сел рядом.

— Историю ты заслужил. Если не устал, слушай. В одном далеком-далеком королевстве жил человек, который, как и ты, любил изобретать... — История лилась плавно и неторопливо. Раор, распахнув глаза, слушал внимательно, хотя периодически и клевал носом, но тут же вскидывался и продолжал слушать. — И стал он знаменитым ученым, который позднее понял, как можно совершать дальние плавания и не заблудиться.

Стиор встал, поправил шубу на уснувшем мальчике и вышел на крыльцо. Немного постоял, отошел от дома и облокотился о плетеную ограду.

— Ну, и как тебе малыш? — спросил он словно в пустоту. Кусты невдалеке встрепенулись, мелькнула тень, замершая в паре шагов, но осталась скрытой кустами так, что разглядеть ее было практически невозможно.

— Я буду счастлив служить ему, — прошелестела тень.

— Служить, — усмехнулся Стиор. — Ты так ничего и не понял, Броах. Один из Трех не нуждается в служении. В помощнике, спутнике, друге, защитнике, но не в слуге.

— Я буду его защищать, учитель... Могу я ему показаться?

Стиор на мгновение задумался.

— Пока еще нет. Не забывай, что он совсем еще ребенок. Может испугаться. Да и воспитывали его люди со всеми присущими им предрассудками. Малыш примет тебя за чудовище.

— Тогда что мне пока делать?

— Защищай мальчика, но если его жизни не грозит прямая опасность, не вмешивайся. Мальчишкам полезно иногда получать синяки в драках, отстаивая свою правоту. Но постарайся не попадаться на глаза местным жителям. Когда я закончу накладывать заклинание вокруг дома, ты сможешь находиться здесь, не боясь, что тебя заметят. Но на весь лес я не смогу его распространить.

— Я вырос в лесу. Меня не заметят.

— Очень надеюсь. Пока способности ребенка спят, мы не можем покинуть это место.

— А почему, учитель? Почему бы нам не взять мальчика и не уйти в Коствадские леса? Там нас точно никто не найдет, а здесь могут появиться ищейки Церкви.

— Не положено магу Тьмы брать в ученики того, кто не пробудил в себе магию!

Стиор чувствовал, что не убедил Броаха, но подобрать нужных слов не мог. Как объяснить дзенну установленные многими веками правила и традиции?

— Я понял, учитель. Пойду поохочусь.

— Счастливой охоты, Броах.

Кусты всколыхнулись, но тут же успокоились, и в лесу воцарилась тишина, нарушаемая только обычными для такой глуши звуками: простучал свою дробь дятел, прокуковала кукушка... Стиор некоторое время прислушивался, пытаясь определить, в какую сторону ушел Броах. Поняв, что не получается, маг покачал головой. Пора

бы уже привыкнуть, что дзенн в лесу — как рыба в воде. Однако каждый раз способность Броаха двигаться совершенно бесшумно поражала его, как ребенка.

Следующие дни для Стиора практически слились. Чтобы обжиться на новом месте, зная, что оставаться здесь придется долго, требовалось много сил. Была бы возможность использовать магию, все проблемы решились бы дня за два, а так... В этот момент Стиор очень жалел, что раньше практически ничего не делал руками. Привык, что в империи магия — обычное дело, и никто на нее не обращает внимания. Он обнаружил, что бытовых навыков у него практически нет. Чтобы вскипела вода, приходилось рубить дрова, разжигать печь, орудовать ухватом. И дрова колоть надо колуном, а не составив соответствующее заклинание. В первые дни жизнь в лесной избушке стала для него сущим мучением. Особенно Стиор проклинал всех Ищущих на свете в тот момент, когда вместе с чугунком достал из печи кучу углей и высыпал их себе на ноги. Ух, как пришлось поскакать по дому... а потом еще выливать готовые щи на разгорающийся на полу огонь — что может быть страшнее огня в деревянном доме? Конечно, изба только поставлена и дерево не успело высохнуть толком, но...

Полная неприспособленность мага к бытовым делам не могла укрыться от наблюдательного ребенка. Сначала он просто удивлялся, потом, когда Стиор опрокинул на себя ведро с водой, прямо спросил. Маг отговорился тем, что давно уже не занимался такими вещами.

— В дороге я не мыл полов и не разжигал печь, — отозвался Стиор. — Отвык за столько времени. Ну, ничего, я быстро вспомню.

Мальчика объяснения удовлетворили, и больше вопросов он не задавал. Правда, с тех пор сам выступал

учителем, помогая магу освоить нехитрые работы по дому. Много позже Стиор понял, что ничего лучшего для сближения с мальчиком он и придумать не мог. Раор, обучая взрослого дядю очевидным вещам, которые в деревне умеет делать каждый, уже не чурался его, охотно делился своими проблемами. Совместная работа по дому сблизила их, и стена отчужденности, которую Стиор постоянно ощущал раньше, постепенно исчезла.

— Неправильно, дядя Арсений, — Стиор счел нужным представиться в деревне другим именем, а уже наладив контакт с мальчиком, попросил называть его дядей Арсением, а не святым братом. Раор отобрал у него нож и заготовку. — Смотрите, как надо выстругивать. А так вы — только ложку испортите.

Наблюдая за ловкими движениями мальчика, Стиор удивился:

— Где ты так ножом орудовать научился?

Мальчик печально вздохнул.

— В чулане, — неохотно отозвался он.

— В чулане?!

— Ну, когда дядя Михл наказывал меня, то обычно запирал в чулан. А там скучно, вот я и спрятал нож и чурки. Теперь как запрут — что-нибудь делаю.

Стиор не выдержал и усмехнулся. Раор сразу насупился.

— Смешно, да? А вы меня учить ведь обещали! Говорили про эти... как их... геометрию... биологию.

— А ты хочешь все и сразу? Так бывает только в сказках. В жизни же приходится всему учиться постепенно, познавая шаг за шагом. Помнишь, я тебе говорил про труд и старания?

— Помню, — буркнул мальчик.

— Вот. А ты еще и читать толком не научился. Как же ты хочешь изучать другие предметы? Давай-ка повтори алфавит...

5

Вихрь ощущал себя так, будто ему в душу нагадили, хотя никакой видимой причины для этого не было. Сотрудничество с Церковью оказалось довольно выгодным, к границам империи за прошедшее время тайно доставили больше полусотни драконов с подрезанными крыльями, мучавшихся до сих пор в зоопарках и цирках Фалнора. Бедняги долго не могли поверить, что отныне свободны — равные среди равных, и никто не будет преследовать их всего лишь за то, что они драконы.

Впрочем, причина для плохого настроения все же имелась — поиски хранителей, несмотря на все усилия Очищающих и Конторы, не давали никаких результатов. Это не говоря уже о попытках найти кого-нибудь из Трех. Магистры Ассамблеи постепенно проверяли детей в школах империи, даже нашли несколько природных талантов со скрытым даром, но тех, кого нужно, обнаружить не смогли. Да и поди обследуй все школы. Только в столице, Над-Аноуре, их больше пятисот. А магов не так много, как хотелось бы.

Еще одно плохо — император при смерти, а значит, Стиргену скоро всходить на престол. Должность начальника департамента контрразведки становится вакантной. Кого поставить? Кто способен потянуть? Нет таких. Да, молодой принц, сын Стиргена, которого обычно, чтобы не путать с отцом — имена-то одинаковые — называли Стиром, обещает со временем стать контрразведчиком не хуже отца, но это со временем. А что делать сейчас? Да и Навру замену надо подыскивать — он сейчас все свое время тратит на дело Ушедшего, носясь по миру вместе с бер Сааном, а есть ведь и другие важные вещи. Похоже, придется назначить Лиго Стомски из Инзиура заместителем сатира, этот пронырливый анзалонец справится. Но опять же, без руководителя остается контрразведка...

Досадливо буркнув что-то себе под нос, Вихрь решил передохнуть и начал снижаться, выискивая внизу какой-нибудь город или селение. Он много времени провел на острове Киноур, копаясь в дзеннском архиве, немало там накопал и хотел накопать еще больше, но Стирген срочно вызвал его в столицу, вот и пришлось лететь. И что это принцу неймется? Случилось что-нибудь? Так ничего же не сказал толком — прилетай, и все тут.

Вдалеке показался какой-то городишко. Тинасса, если не ошибается. Вихрь сорвался в пике, выровнявшись недалеко от земли. И где тут, интересно, драконья площадь, на которой обычно отдыхают гонцы и почтальоны? А, вон она! Крылья дракона подняли тучу пыли, и он устало опустился на камни мостовой.

— Здравствуйте, уважаемый господин! — поспешил к прилетевшему служитель. — Вы из какой службы?

— Орид Тангерд, тайный советник, — представился Вихрь, предъявляя свой медальон.

Под этим именем он значился в официальных документах, чтобы не вызывать ненужных подозрений.

— Чего изволите? — поклонился служитель, недоумевая про себя: нечасто столь высокопоставленные особы баловали своим присутствием их городишко. Из драконов только почтальоны раз в день прибывали сюда, да изредка еще перевозчики важных грузов — основные воздушные трассы империи проходили в стороне от Тинассы.

— Мяса, чаю и место для сна, — потребовал Вихрь. — Через три часа разбудите.

— Как прикажете! — поклонился служитель и куда-то убежал.

Не прошло и десяти минут, как дракону принесли несколько вареных бараньих туш и большой котел травяного чая. Он с удовольствием поел, вспомнив, что тре-

тий день маковой росинки во рту не было — заработался. Однако не успел Вихрь насытиться, как на площадь опустился еще один дракон, а вернее — дракона.

— Почтовая служба империи! — сообщила она служителю и устало опустилась на живот, вытянув хвост во всю длину и распластав крылья. — Здравствуйте, мастер Дирит. Для Тинассы восьмой тюк, распорядитесь, чтобы забрали. Ну, и поесть там, попить дайте, пожалуйста.

Вихрь замер — он сразу узнал эту драконочку. Это была та самая черная дикарочка, так поразившая его воображение чуть больше года назад. Она подняла голову, увидела, что не одна на площади, и вежливо оскалилась. Вдруг в ее глазах появилось удивление, и драконочка, забыв об усталости, вскочила и бросилась к Вихрю.

— Здравствуйте! — радостно выкрикнула она. — Как хорошо, что я вас встретила! Я вас искала, но никто не сказал, где вас можно найти, только руками разводили...

— А зачем вы меня искали? — нахмурился Вихрь, сразу заподозрив неладное, однако быстро опомнился. — Здравствуйте. Вижу, устроились в почтовую службу работать?

— Ну да, — смущенно сказала Дина. — Не все ж на чужой шее сидеть, да и без дела скучно. А зачем искала? Мне тогда показалось, что я вас чем-то обидела... Хотела извиниться...

— Нет-нет, вы меня ничем не обидели, — поспешил заверить он, удивляясь про себя. — У меня просто слишком много работы, ни на что нет времени.

Дина смотрела на некрасивого желто-зеленого дракона и постепенно понимала, что не зря искала его, совсем даже не зря. Рядом с ним было так тепло и уютно, она чувствовала себе защищенной, как никогда. Многие за прошедшее время пытались ухаживать за юной красавицей, но ни с кем другим не возникало этого чувства

защищенности. Господин тайный советник казался каменной глыбой, за которой можно спрятаться от всего мира и ничего больше не бояться.

— А как ваш братик, выздоровел? — поинтересовался Вихрь.

— Слава Всевышнему! — улыбнулась Дина, но тут же погрустнела: — Только летать не может... Доктора ничего толком не говорят, обещают, что перерастет, что крылья восстановятся, но Стиг им уже не верит. Он после всего этого такой мрачный стал... Мне с ним порой говорить страшно...

Драконочка всхлипнула.

— Не надо плакать, — осторожно дотронулся до ее крыла шеф Конторы. — А малышу время нужно, для ребенка все это было страшным шоком. Советую найти хорошего молодого дракона и замуж выйти, мальчику полезно мужское общество.

— Да не нужны они все мне! — досадливо буркнула Дина. — Кроме одного... А он...

Она опустила голову.

— Внимания не обращает? — удивился Вихрь. — Ах, он негодяй такой, да разве можно на такую красивую девушку внимания не обращать?

— А вы женаты? — неожиданно спросила драконочка, почему-то смутившись.

— Нет, — горько усмехнулся он. — И никогда не буду.

— Почему? — изумилась Дина.

— Вы же видите, как я выгляжу... Ну, кому я могу понравиться? Никому. Да и неважно это, есть долг — и он превыше всего.

— Неправда! — возмутилась драконочка. — Неправда, вы очень красивый!

— Издеваетесь? — помрачнел дракон.

Он хотел сказать что-то еще, но не успел. Дина вдруг подошла ближе, вытянула шею и положила ему голову

на плечо. Если бы Вихрь не лежал на животе, он бы уселся на собственный хвост от потрясения — такого просто не могло быть, потому что не могло быть никогда! Именно так молодые драконочки клали головы на плечи своим избранникам, давая тем понять, что избраны. Это что же, черная красавица избирает его? Чушь! Тоже пару нашла — желто-зеленого в синюю крапинку урода! Да еще и старше нее на полторы сотни лет!

— Мне больше никто не нужен... — едва слышно шептала Дина. — Я это еще тогда поняла... А вы ушли куда-то... Я вас так искала...

Вихрь молча разевал рот, пытаясь что-то сказать, но у него перехватило дыхание. Невозможно! Но так хотелось обнять ее, прижать к себе и никому не отдавать... Так что же делать? А может, грех отказываться от того, что посылает Всевышний? Сколько лет мечтал об этом, только надежды не было. И вдруг... Но не ловушка ли это? Придется на всякий случай проверить девочку по всем каналам, мало ли — врагов у шефа Конторы хватает, кто-нибудь из них вполне мог узнать тайну его личности и подослать агента.

Вот ведь параноик несчастный! Дракон едва заставил себя отвлечься от идиотских мыслей — да какой из этой девочки агент? Она же наивна, как ребенок! А вдруг притворяется? Одновременно Вихрь понимал, что до конца жизни не простит себе, если откажется, если обманет ее доверие, — не каждая вот так решится подойти первой и сказать о своих чувствах. Обычно ждут инициативы от мужчины. Видимо, каким-то шестым чувством Дина поняла, что от Вихря этой инициативы она не дождется никогда.

Тайный советник притянул к себе драконочку, нежно облизал залитую слезами морду, а потом тихо спросил:

— Пойдешь за меня замуж?

— Да! — вскинулась Дина. — Да! Да! Да! Да!!!

— Вот и хорошо, — Вихрь поцеловал ее в нос.

— Только...

— Что?

— У меня же Стиг, он маленький, я его не брошу...

— А мы его усыновим, — успокоил ее шеф Конторы. — Согласна?

— Конечно!

Крепко прижав к себе Дину, Вихрь продолжал потерянно думать о внезапно свалившемся на него счастье. Не ждал и ждать такого не мог, давно смирился с одиночеством, с отсутствием любви и душевного тепла. Привык тянуть лямку, ни на что не надеясь. Но внезапно получил то, о чем так мечтал, Всевышний почему-то помиловал его и отменил приговор. Вся жизнь теперь изменится. А может... Представив, что по заброшенному саду не так давно пожалованного императором особняка скачут маленькие дракончики, его дети, Вихрь мечтательно прищурился.

— И что за трогательная картина?.. — прервал его размышления чей-то язвительный голос. — Шеф, скотина ты желто-зеленая, где тебя дзенны носят?! Я уже обыскался, слава богу, местный маг сообщил в столицу, что господин тайный советник изволили остановиться на отдых в Тинассе.

— Стирген, а хвостом по башке не хочешь? — Вихрь повернул голову к принцу, соскочившему со спины небольшого синего дракона. — Каким образом ты так быстро от столицы сюда добрался?

— Пришлось просить магов телепортировать.

— Что-нибудь случилось? — встревожился тайный советник, хорошо знающий, как дорого стоит телепортация.

— Отец умирает... — помрачнел Стирген. — Лекари сказали, что до утра не доживет.

— Проклятие! — Вихрь хлестнул хвостом по мостовой. — Как не вовремя!

— А это бывает вовремя? — скривился принц. — Теперь мне корону на голову пялить придется. Ну, ничего, устрою нашим обленившимся сановничкам жаркие деньки, попляшут они у меня.

— Когда коронация? — деловито спросил Вихрь, прокручивая в голове, что необходимо сделать в ближайшее время в связи со сменой императора.

— Через неделю после похорон. Отцовские прихлебатели уже разбегаются из дворца, как крысы, знают, как я к ним отношусь.

— Отловим! — осклабился дракон. — Несколько показательных казней никак не помешают. А то в стране дзенн знает, что делается, полный бардак. Я понимаю, император тебе отец, но то, что он творил в последнее время...

— А то я не знаю! — раздраженно буркнул принц. — Пытался ему глаза открыть — и слушать не пожелал. Если бы не наши усилия, так князья и империю бы по кускам растащили. И почему это возле трона всегда жадная сволочь в стаи сбивается?

— Полагаешь, что ты таких к себе не подпустишь? — хитро прищурился Вихрь. — Я вот не уверен, они хорошо маскироваться умеют.

— Ну, я все-таки контрразведчик, кое-чему научился, — волчий оскал Стиргена не сулил ничего хорошего пекущимся о своей выгоде за счет государства. — Кстати, а кто это с тобой?

— Позволь представить тебе мою невесту, Дину Арант, — с ехидным видом сказал дракон.

— Шеф, ты чего, женишься?!. — глаза принца стали не круглыми, а скорее квадратными. — Ты серьезно?! Или издеваешься?

— Вполне серьезно. Но, понятно, недели через две

после твоей коронации, не раньше. Только не вздумай устраивать мне пышную свадьбу, не погляжу, что император, хвостом отхожу.

— Поздравляю... — восторженно протянул Стирген, пританцовывая на месте, так ему не терпелось сообщить в Конторе невероятную новость. — Ну, ты даешь...

— Да вот, как-то само собой вышло... — скромно потупился Вихрь, искоса поглядывая на прижимающуюся к нему смущенную Дину. — Я, в конце концов, тоже живой.

— Ладно, об этом позже, — стал серьезным принц. — Летим в столицу, времени терять нельзя — нас телепортируют. Я сегодня один заговор раскрыл, все князьям нашим дорогим неймется.

— Летим... — вздохнул дракон, потом повернулся к драконочке: — А ты, маленькая, прилетай через три недели в Над-Аноур. Вместе с братом. К императорскому дворцу, я предупрежу стражу. Скажешь, что ты к тайному советнику Тангерду.

— В императорский дворец?! — удивилась Дина. — Но...

— А ты разве не поняла, с кем я говорю? — улыбнулся Вихрь. — Познакомься, это Стирген, наследный принц, будущий император.

— Рад знакомству с вами, сударыня, — вежливо поклонился тот.

— Я тоже рада, ваше высочество... — дрожащим голосом сказала драконочка.

Еще долго после того, как ее жених с принцем улетели, она растерянно стояла и смотрела им вслед. Это за кого же она выходит замуж, что он с будущим императором на ты? Но, в конце концов, не имеет значения. Главное, что дракон, о котором Дина мечтала бессонными ночами, предложил ей стать его женой. И пусть будет что будет!

Собравшиеся в тронном зале негромко гудели, пытаясь понять, с какой целью император собрал их. Все расы Танра, наверное, были представлены здесь. Люди, драконы, орки, дварфы, грифоны, эльфы, гномы. И не просто — главы больших, богатых и уважаемых родов, серебряные и золотые князья, высшие аристократы Нада. Кроме тех, понятно, кто дожидался казни в подземных камерах столичной тюрьмы — имелись и такие. Большинство недоумевало — какого дзенна им понадобилось устраивать заговор. Неужели мечтали свергнуть династию арн Над? Глупо, если не сказать больше. Или побоялись воцарения жесткого и сильного императора? Тоже возможно — Стирген VIII пугал многих, и пугал до темноты в глазах. Это где же видано, чтобы наследник престола служил в контрразведке, а потом и вовсе возглавил ее? Кошмар! Он ведь слова каждого трижды проверять станет, лесть для него только повод внимательнее присмотреться к самому льстецу. А аристократия во времена правления отца Стиргена привыкла к вседозволенности. Отвыкать будет непросто, но у нынешнего императора не забалуешь — сразу на голову укоротит, без лишних разбирательств.

Всех замаранных участием в заговоре взяли на следующий день после смерти Стиргена VII. Аресты шли по всей империи, только немногим удалось чудом бежать в Фалнор. Однако это им не помогло — через несколько дней произошло событие, потрясшее аристократов Нада до глубины души. Святая Инквизиция передала бежавших заговорщиков в руки оперативников Конторы и любезно предоставила протоколы допросов. Вывод отсюда следовал только один: в отношениях Церкви и Империи что-то сильно изменилось. Теперь в Фалноре не спрячешься, хотя раньше там охотно предоставляли убежище противникам императора. Значит, придется сидеть тихо и не давать повода для подозре-

ний, не то быстро в подвалы Конторы угодишь. А попадать туда не хотелось никому.

Двое гостей вызывали недоумение у остальных, однако ничего говорить они не рискнули, только удивленно поглядывали на стоящую у самого выхода молодую черную дракону и того же цвета драконыша лет пяти. Не по-детски серьезного. Глава гномьего клана Каменных Топоров даже спросил у одного из присутствующих драконов, серебряного князя Олбиурского, кто это. Тот не знал, ни к одной из известных драконьих семей эти двое не принадлежали. Да и украшений на себе не имели, чего никогда не допустил бы уважающий себя дракон-аристократ. Значит, не аристократы. Но что тогда они здесь делают?!

Стиг исподлобья наблюдал за толпой, запоминая каждого, кого видел. Дракончик уже не боялся двуногих, хотя в первое время по прибытии в империю при виде любого человека, орка или гнома забивался в угол и криком кричал от ужаса. Но однажды понял, что не все они убийцы, хотя понять это оказалось не так просто.

Дине с братом выделили дом в небольшом городке Нартин, недалеко от столицы провинции, Цоен-Аноура. Жители городка страшно гордились тем, что у них поселили дракона, и буквально вились вокруг Дины и Стига, постоянно принося им что-нибудь вкусное, справляясь о здоровье, стараясь чем-нибудь помочь. Страх дракончика постепенно сошел на нет, однако воспоминания не давали ему спать, ночами он просыпался с воплями. Стиг долго дичился соседских детей, не выходя из дому, но когда сестра начала работать в почтовой службе, стало скучно сидеть в одиночестве. Он даже подружился с одной девочкой, с тех пор проводя с ней почти все свое время. Вспомнив, как это случилось, дракончик улыбнулся.

Дина должна была вернуться только через три дня, и

Стигу стало совсем невмоготу. Были, конечно, книги — читать он научился во второй месяц жизни в Нартине, — но они надоели, страшно хотелось с кем-нибудь поговорить. Но с кем? Соседки, конечно, заходили проведать оставшегося в одиночестве ребенка, готовили еду, но говорить с ними оказалось совершенно не о чем — все, что их интересовало, были дом, дети и хозяйство. Стиг с тоской вспоминал погибших брата и сестру. Он не осознавал, что куда взрослее своего возраста и думает о вещах, о которых никак не пристало думать четырехлетнему ребенку. Впрочем, о своих размышлениях дракончик никому не рассказывал, а прежде всего — сестре: стоило с ней заговорить, Дина тут же начинала сюсюкать, что безмерно раздражало Стига.

Выйдя во двор, дракончик вытянулся на траве, он всегда любил подремать на солнышке. Так бы и уснул, если бы из-за забора не раздался восторженный девчоночий голос:

— Какой красивы-ы-ый...

Это кто там красивый? Стиг завертел головой во все стороны, но никого не увидел, только из-за забора выглядывала любопытная мордашка человеческой девчонки лет пяти-шести. И она в упор смотрела на него самого. С восхищением смотрела. Это он-то красивый? Какое там! Вечно эти девчонки что-нибудь как выдумают, так хоть стой, хоть падай!

— И никакой не красивый! — обиженно пробурчал Стиг.

— Красивы-ы-ый! — возразила девчонка. — Я лучше знаю!

— Да врешь ты все!

— А вот и не вру!

Слово за слово, и она перелезла через невысокий забор, принявшись болтать с дракончиком обо всем на свете. Большей частью — о всякой чуши, но Стигу поче-

му-то было интересно, он уже не чувствовал себя одиноким и никому не нужным. Правда, вскоре пришла мать девочки, разохалась и увела непослушную дочку домой. Однако назавтра новые друзья снова были вместе, придумали веселую игру.

Постепенно компания приятелей росла, вскоре к ней присоединились Лергас, юный эльф, Дорк, дварф, и Инесса, маленькая грифона. И чего только они не выдумывали! Стиг почти забыл о своем горе, только ночами ему все еще снились кошмары с участием охотников Церкви. Однако новая жизнь постепенно брала свое, дракончик ожил, даже снова начал улыбаться, чем сильно порадовал Дину. Одно только не давало ему покоя — искалеченные крылья не могли поднять Стига в воздух. Врачи невнятно бормотали, что они должны отрасти через несколько лет, драконья регенерация и не такое залечивала, но хотелось летать сейчас, а не когда-нибудь потом.

Недели три назад Дина вернулась домой совершенно счастливая и сообщила младшему брату, что выходит замуж. Что жить отныне они будут в столице, Над-Аноуре. Дракончик сперва сильно удивился, помнил едкие характеристики, которыми сестра награждала своих ухажеров. С некоторыми был даже согласен, а золотого Ветра вообще на дух не переносил. Неужто Дина за него выходить собралась? Тогда хоть из дому сбегай, золотой своими нравоучительными историйками жизни не даст. Однако узнав, что мужем сестры станет тайный советник Тангерд, он несколько успокоился — помнил этого желто-зеленого дракона. Чем-то он сильно отличался от остальных, в нем чувствовался стальной стержень, непоколебимая уверенность в своих силах. Стиг даже себе не мог объяснить своих ощущений, но был уверен, что с советником Тангердом они найдут общий язык.

Жаль было расставаться с друзьями, Стиг даже поплакал ночью, но считал, что Дина заслужила свое счастье, что он не имеет права мешать сестре. Дракончик слишком много пережил и понимал то, чего дети обычно понимать не желают.

Полет в столицу обернулся немалыми сложностями — Стиг не мог летать, а для сестры был уже слишком тяжел. Ей пришлось просить помочь коллег из почтовой службы. Как оказалось, такие случаи нередки, и для них все предусмотрено. Утром назначенного дня к их дому прилетели два дракона — синий и красный. Они принесли с собой сеть, сплетенную из стальных тросов, куда и загрузили Стига. Дина застеснялась — это что же, они до самой столицы собираются нести ее младшего брата? Однако драконы только посмеялись, сказав, что помогать женщинам и детям — святое дело, да и до Над-Аноура каких-то пять часов лета, было бы о чем говорить.

Оказавшись в воздухе, Стиг забыл обо всем, едва не плача от радости. Как давно он не испытывал этого невероятного ощущения, когда земля медленно удаляется, и как мечтал о нем. Неужели он так никогда и не взлетит сам? Взрослые драконы несли дракончика, сильно взмахивая перепончатыми крыльями. А он смотрел на проплывающие мимо облака и тихо плакал, стараясь делать это незаметно — не хватало только нарваться на утешения, от которых станет еще тоскливее.

По прилете в столицу начались чудеса. Приземлившись на огромной дворцовой площади, Дина несмело двинулась к воротам, охраняемым двумя серебряными драконами с офицерской перевязью, говорящей о принадлежности к личной гвардии его величества. Она уже начала сомневаться и пыталась понять, не обманул ли ее господин Тангерд. Не посмеялся ли над наивной провинциалкой?

— Здравствуйте, уважаемая госпожа! — приветствовал ее один из стражников. — Что вам угодно?

— Я... — растерялась Дина. — Я это... К советнику Тангерду...

— Вы госпожа Аррант?

— Да...

— Его величество предупредил нас и приказал отвести вас по прибытии в тронный зал. Прошу следовать за мной.

— Его величество?! — от изумления драконочка едва не уселась на свой хвост.

— Именно, — подтвердил офицер, едва заметно усмехнувшись.

— Но я не одна... — Дина растерянно показала на выпутывающегося из сети Стига. — Со мной младший брат...

— Ничего страшного, — заверил он. — Берите малыша, и идемте. Церемония скоро начнется.

Дина не решилась спрашивать, что за церемония, она выпутала разъяренно шипящего Стига из сети, самостоятельно он этого сделать не смог. Потом поблагодарила коллег за помощь и поспешила за офицером. Поначалу, правда, ее привели в какую-то большую комнату, где пришлось оставить вещи, а только потом они с братом оказались в тронном зале. Пренебрежительные взгляды роскошно одетых вельмож смутили драконочку, она уже не понимала, что здесь делает. Хотелось плакать, но Дина сдерживала себя. Из последних сил.

Стигу тоже было не по себе, но он старался выглядеть безучастным, только не очень-то выходило. Слишком явно изливалось на них с сестрой презрение вельмож. Особенно отличался этим молодой синий дракон, весь увешанный драгоценными побрякушками. Стиг ответил ему взглядом, из которого смотрела сама смерть, и удовлетворенно оскалился — аристократ шарахнулся

в сторону. Надо же, ребенка испугался! Почему-то большинство собравшихся не вызывали у дракончика ничего, кроме гадливости. Переполненные спесью бурдюки! Но ведь советник Тангерд явно не из таких. Тогда почему он вызвал сестру сюда? Что-то странное во всем этом, но что — Стиг понять не смог.

— Внимание! — выступили вперед герольды. — Его императорское величество Стирген VIII! Встречайте!

Придворные склонились в низком поклоне. Зазвучали трубы, и в зал вошел высокий худощавый человек в золотистых одеяниях, сопровождаемый шестью огромными орками в черных ливреях. Не слишком молодой, лет пятидесяти, однако подтянутый и мускулистый. Он окинул собравшихся взглядом спокойных темно-серых глаз. Заметив неподалеку от входа Дину, император направился к ней.

— Здравствуйте, госпожа Аррант, — сказал он, подойдя. — Очень рад вас видеть.

— Здравствуйте, ваше величество... — пролепетала драконочка, сразу узнав человека, встречавшегося с советником Тангердом в Тинассе. — Но зачем я здесь?..

— Скоро узнаете, — улыбнулся Стирген. — Надеюсь, вас никто не обижал?

— Нет, что вы! — заверила Дина.

— Пусть бы только попробовали... — Волчий оскал императора до колик перепугал придворных, до того поглядывавших на драконочку с пренебрежением.

Не говоря больше ни слова, Стирген направился к трону и уселся на него, мрачно уставившись на толпу. Каждый, на ком останавливался его взгляд, вздрагивал. Знали, что император из-за заговора в ярости. Не дай Создатель навлечь его гнев на себя! Мало не покажется. Были прецеденты.

— Тайный советник Тангерд! — объявил церемониймейстер.

В тронный зал стремительно ворвался желто-зеленый дракон, выглядящий разгневанным до крайности. Придворные опасливо потеснились, освобождая ему дорогу, слишком хорошо знали, какое влияние советник имеет на императора. И никто не знал, почему его величество так относится к этому клоуну. На него же без смеха смотреть невозможно! Только пробовать посмеяться над ним желающих не находилось — сразу в ссылке или где похлеще окажешься. Дракон подошел к трону и выпустил из ноздрей две струйки дыма, видно было, что он вне себя от гнева.

— Ну, и зачем тебе это понадобилось? — мрачно спросил Тангерд.

Вельможи замерли в предвкушении: обратиться к Стиргену VIII на «ты»?! Похоже, сейчас господин тайный советник слетит с пьедестала, с которого его давно хотели столкнуть. Очень многие хотели. Но ничего не случилось, император просто не обратил на оговорку Тангерда внимания. Он рассмеялся.

— Так надо, друг мой, — сказал его величество, — позже сам поймешь.

— Вот мне где твои идеи сидят! — дракон чиркнул себя когтем по шее. — Ладно, куда тебя денешь...

Он зло щелкнул зубами, отошел в сторону и стал там, мрачно глядя перед собой.

— Дамы и господа! — встал император. — Мы хотим сообщить вам о радостном событии. Наш дорогой друг, тайный советник Орид Тангерд, сегодня женится. В честь этого мы жалуем советнику Тангерду титул серебряного князя империи и положенные к титулу угодья. Отныне он — князь Данвиурский!

— Что?! — от возмущенного вопля дракона у придворных заложило уши. — Ну, знаешь... Это уже слишком.

— А что тут такого? — поинтересовался ехидно ухмыляющийся Стирген. — Хватит тебе нетитулованным ходить.

Тангерд в ответ так посмотрел на него, что стражники схватились за мечи и магические жезлы, опасаясь, что императора прямо сейчас начнут убивать. Медленно и со вкусом.

— Тихо, вы! — цыкнул на них его величество. — Так надо, дружище.

— Делай, что хочешь! — обреченно дернул хвостом дракон.

— Также мы жалуем невесте нашего друга, леди Аррант, титул графини Норбургской, — продолжил Стирген. — Подойдите, сударыня.

Дина не сразу поняла, что император имеет в виду ее. А поняв, едва подобрала отвисшую челюсть и двинулась к трону, все еще не веря своим ушам. Удивленный Стиг последовал за ней, пытаясь разобраться в происходящем, но не смог. Однако все запомнил, чтобы поразмыслить на досуге. Раз ему придется жить здесь, то нужно понимать, что к чему.

— Итак, друг мой! — улыбнулся Стирген. — Подойди к своей невесте. Готов ли ты венчаться прямо сейчас?

— Венчаться?! — едва не упал от такого известия Вихрь. — Но я же дракон!

— И что с того? — хитро прищурился император. — Согласно изданной неделю назад булле первосвященника Церкви Спасителя, драконы имеют души и могут не только венчаться, но и все остальное. Охота на драконов признана преступлением против веры. Сам архиепископ Варградский прибыл из Фалнора, чтобы крестить вас с Диной, а затем обвенчать.

— Кто?! — взревел Вихрь. — Архиепископ Варградский?!

— Он самый, — ехидно ухмыльнулся император.

Итан бер Саан приехал, чтобы обвенчать их с Диной?! Весело... И Церковь знает, кто такой Вихрь. Впрочем, ничего удивительного. Им ведь сообщили, что ди-

ректор Конторы — дракон, а уж вычислить, какой именно дракон, — нетрудно. Люди в команде бер Саана собрались далеко не глупые, их следует уважать хотя бы как профессионалов.

— Да уж, умеешь ты удивить... — с трудом выдавил Вихрь.

— Работа такая, — хохотнул его величество.

Драконы встали рядом, из-за трона вышел одетый в расшитые золотом алые одеяния архиепископ Варградский. Придворные тихо удивлялись про себя: его преосвященство все это время ждал там? Или привели по тайному ходу? Второе более вероятно, императорский дворец испещрен этими ходами, как мышиными норами. Всех их не знал никто, императоры никому не доверяли этой тайны, только наследникам престола.

Вихрь задумчиво смотрел на аскетичное лицо Итана бер Саана и ежился — все изменилось за последние годы, абсолютно все. Еще недавно они были лютыми врагами, а теперь делают одно дело и помогают друг другу. Интересно, кто из этих двоих — Матфей или Итан — уговорил первосвященника изменить отношение Церкви к драконам? Скорее всего, оба руку приложили. Пресвятой отец при смерти, но ум его по-прежнему цепок, не стал бы он делать что-нибудь невыгодное для себя. Значит, какая-то выгода для церковников в этом есть, надо только выяснить, какая именно. Да и в самом Фалноре кое-что начинает меняться. Пока мало, но такие изменения быстрыми не бывают. Здесь если поспешишь, не людей насмешишь, а море крови прольешь. И успеха не добьешься.

Никто не обратил внимания на скребущего коготками по мраморному полу маленького Стига. Как он удержался, чтобы не завыть от отчаяния? Удержался, хотя это немало ему стоило. Драконы объявлены Церковью равными другим, церковники признали, что они тоже

имеют души! Почему сейчас?! Почему не раньше на два года? Тогда... Тогда бы мама, папа, Дирг и Сана остались живы! Почему в этом проклятом мире все так несправедливо?! Однако Стиг взял себя в руки, дав зарок когда-нибудь отыскать виновников гибели родных и воздать им по заслугам. Не убить, нет — смертью за такое не воздашь, они всего лишь умрут. Лучше заставить корчиться от отчаяния, когда все, чем они жили, превратится в прах.

Как оказалось, все было готово к обряду крещения. Принесли лохань со святой водой — драконы слишком велики для купели, поэтому решили обойтись обливанием. Архиепископ начал речитативом читать молитвы, затем побрызгал водой на Вихря и Дину. Заодно крестили и Стига, который отнесся к этому совершенно равнодушно. Хотят крестить? Пусть их, он все равно останется самим собой, ничего не забудет и ничего не простит.

— Венчается раб божий Орид с рабой божьей Диной! — голос Итана бер Саана торжественно гремел под сводами тронного зала.

Венчание, конечно, должно происходить в церкви, но драконам в дворцовую церковь просто не пройти — двери слишком узки. Император отметил про себя: завтра же надо отдать приказ расширить. Он был уверен, что драконы Нада скопом бросятся креститься — крылатым никогда не нравилось, что, кроме империи, они нигде не могут жить. После буллы первосвященника ситуация кардинально изменилась — теперь перед ними открывался весь мир. Даже Фалнор, судя по намекам посла, собирается организовывать драконью почтовую службу — нет более быстрой на Танре. В империи письма в другой конец страны доставляются в течение дня, тогда как в странах Церкви то же самое занимает недели, а то и месяцы. Только экстренную государственную

почту возили грифоны, но их не хватало для такой большой страны.

Архиепископ возложил на наклонившиеся к нему головы двух драконов венчальные короны и объявил их мужем и женой. Придворные вежливо похлопали, не испытывая никакого энтузиазма — позиции ненавистного тайного советника укрепились. Ни разу до сих пор в Над не приезжали фалнорские архиепископы! А ради этого желто-зеленого клоуна приехал не кто-нибудь, а сам Итан бер Саан, глава ордена Очищающих. Что-то это да значит. Но что? Не предательством ли тут пахнет? Князья решили, что портить отношения с Тангердом пока не стоит. Ничего, придет еще время его падения. Придворные ждать умели, тем более что собрать на неугодного компромат несложно. Пусть только совершит ошибку, а они уж сумеют ею воспользоваться.

Свадебного пира, по настоянию Вихря, не устраивали — в небольшом зале собрались только свои во главе с императором и гостем из Фалнора — архиепископом Варградским. Обслуживали их вместо лакеев служащие Конторы, а гвардейцы у дверей не пускали никого лишнего. Однако безопасники не называли шефа привычным прозвищем, только официальным именем — он решил, что незачем жене и приемному сыну знать, кем он работает. Лишние знания не приводят к добру. Дракон не обратил внимания, что за всем происходящим наблюдают внимательные глаза маленького Стига. Он еще многого не понимал, но кое-какие выводы для себя уже сделал.

* * *

В резиденции покойного первосвященника царила траурная тишина. В большом зале собраний обсуждали кандидатуру нового. Каждый слуга Господень понимал, что от выбора архиепископов зависит будущее Фалнора, и не только Фалнора — всего мира. Претендентов

было трое — Матфей, Диоран и Рагота — архиепископы Фалинградский, Стибангский и Станградский соответственно. Последние двое относились к предпочитающим жить по-старому, отрицая саму возможность и право думать самостоятельно, считая, что все должно идти по древним канонам. Особой разницы между ними не видел никто, разве что первый ратовал за одно толкование какого-то псалма, а второй — за другое. Если кто-нибудь из них станет первосвященником, все пойдет так же, как сотни лет до того.

Ненавидящие Матфея и Итана бер Саана священнослужители не желали перемен, проклятые выскочки сидели им костью в горле. Жили себе спокойно, сыто, удобно — и вдруг! Из ниоткуда появились эти двое и все поставили с ног на голову, даже Светозара каким-то образом убедили в своей правоте. Первосвященник после этого как с цепи сорвался! Сколько уважаемых людей было казнено или сослано! А ссылка в дальние северные монастыри тоже означала смерть, только медленную и мучительную. Мало того, пошла откровенная ересь. Это где же видано, чтобы слуг Зверя — драконов — признавали имеющими душу и крестили? Чтобы еретиков, пойманных Святой Инквизицией, отпускали, а не отправляли на костер? Как жить, зная, что заветы Спасителя попраны? Оставалось только надеяться, что новым первосвященником станет кто-нибудь из верных сынов Церкви, а не бледная архивная поганка.

Зато молодые и нестандартно мыслящие мечтали об избрании Матфея — если этого не случится, они снова станут никем и ничем. Снова Мать-Церковь превратится в кормушку для корыстной сволочи. Старцы, как называли в среде молодых любителей жить по канонам, все им припомнят. Такой откат пойдет, что и представить страшно.

Матфей в нетерпении дожидался выхода двенадцати архиепископов Святого Синода из запертого покоя. Их

не выпустят, пока они не примут решение. Рядом стоял Итан, сверля взглядом желтых глаз остальных двух претендентов, забившихся в угол и обильно потеющих. Боялись они бывшего тарского пирата, он был непонятен, от одного вида этого страшного человека Диорана с Раготой трясло. Чем занят его орден Очищающих, Ушедший его побери?! Тайна за семью печатями, за одну попытку узнать можешь оказаться в подвалах Чистых, детища Матфея.

— Все, надеюсь, предусмотрено? — наклонился к уху друга Итан.

— Как будто все, но ты же сам понимаешь... — нервно поежился тот. — Любая случайность может испортить игру. В случае неудачи власть придется брать силой, а это нелегитимно. Неизбежен раскол и бунт паладинов.

— Неизбежен, — согласился глава Очищающих. — Я на всякий случай расставил своих людей вокруг казарм самых буйных полков. Каждый отряд сопровождает сильный маг.

— А магов-то ты откуда взял? — ошарашенно отступил на шаг Матфей.

— Вихрь одолжил, — криво усмехнулся Итан.

— Ясно, — кивнул архиепископ Фалинградский. — Как вообще съездил? Какое впечатление на тебя произвел Вихрь?

— На первый взгляд — несерьезный клоун, выглядит по-идиотски. Но только пока в глаза не посмотришь... Знаешь, меня многие боятся, но от взгляда этого дракона мне стало не по себе. Такое ощущение, что он тебя насквозь видит.

— Он гений, — вздохнул Матфей. — То, чего мы достигаем тяжким трудом, к нему приходит в виде озарений.

— Работать он тоже умеет, — возразил Итан.

— Я и не сомневаюсь. Гениальность наложилась на

бешеную работоспособность и личную заинтересованность, вот и получился Вихрь, которого мы знаем.

— Возможно. Мне сейчас важнее наши дела. Если архиепископы не внемлют голосу разума, то...

— Внемлют страху, — цинично усмехнулся Матфей.

— Ты?.. — приподнял брови Итан, в его глазах запрыгали смешинки.

— А то как же! Не мог же я оставить им хоть один шанс? Надеюсь, не переборщил с запугиванием, а то кто-то от отчаяния может и на рожон полезть.

— Я...

Договорить Итану не дал громкий стук, раздавшийся из запертых покоев, где решалась судьба Фалнора. Стучать архиепископы могли только тогда, когда решение было уже принято. И решение единогласное. Матфей переглянулся с другом и махнул дюжим монахам из Чистых. Те отодвинули засов и распахнули створки. В дверях показался бледный, как сама смерть, архиепископ Духоявленский. Он затравленно оглянулся, потом нашел взглядом Матфея, скривился, но двинулся к нему. Подойдя, он поклонился и глухо выдавил:

— Ваше святейшество...

— Извольте говорить внятно! — резко приказал Матфей.

— Согласно единогласному решению конклава архиепископов Святейшего Синода, новым первосвященником избран архиепископ Фалинградский... — В глазах говорящего горела бессильная ненависть. И страх.

— Да здравствует его святейшество Матфей I! — провозгласил Итан, в его голосе слышалось торжество.

Диоран и Рагота, услыхав о выборе Синода, мертвенно побледнели — понимали, что глава Чистых не пощадит людей, пытавшихся свалить его. Взгляд нового первосвященника говорил о том же. А при виде «дружелюбного» оскала бер Саана Рагота вообще потерял соз-

нание, а Диоран сполз по стене на пол, уставившись перед собой обреченным взглядом.

— Взять! — коротко бросил Матфей, кивнув на них.

Злорадно скалящиеся Чистые подхватили архиепископов под мышки и потащили в свои подвалы, откуда ни один виновный еще целым и невредимым не выходил. Их глава, их кумир — первосвященник! Теперь все изменится! Теперь ни одна сволочь не уйдет безнаказанной!

Над собором резиденции первосвященника грянули колокола, возвещая о случившемся. Скоро глашатаи объявят населению столицы, а затем и остальных городов и селений Фалнора об избрании архиепископа Фалинградского. По совету Итана Матфей решил устроить грандиозные гуляния для простонародья — именно на простой народ, а отнюдь не на «верных сынов Церкви» он собирался опираться в дальнейшем. Но об этих его планах не знал пока еще никто, даже бер Саан: слишком рано.

Стремительно ворвавшись в секретариат, Матфей направился к кабинету Светозара, теперь уже — его кабинету, отметив про себя низкие поклоны секретарей, писцов и служек — знают. Откуда, интересно? Официально еще не объявляли, а эти проныры в курсе дела. За его святейшеством следовали Итан и отец Марк. Последний чуть задержался и приказал принести вина. Приказание исполнили в мгновение ока, знали тяжелый характер нового первосвященника: сердить его опасно для здоровья. Собственного.

— Ну, будем, братие! — Матфей залпом выпил бокал вина. — Свершилось!

— Поздравляю, друг мой! — последовал его примеру Итан, Марк выпил молча. — Но как ты ухитрился так запугать архиепископов?

— Да все просто! — хохотнул первосвященник. — Светозар перед смертью открыл мне кое-какие секреты.

В том числе и секрет тайных ходов резиденции. Архиепископы думали, что они в полной безопасности, но вскоре поняли, что каждый их шаг контролируют Чистые. Жить им хочется, вот и проголосовали как нужно.

— Грязно, но правильно, — вздохнул Итан. — Однако теперь их надо по-тихому убрать. Чтобы не болтали лишнего. Нам сомнения в легитимности твоего избрания не нужны.

— Уберем, — криво усмехнулся Матфей. — Невелика сложность. Меня больше беспокоит, как приступать к запланированным реформам. В этом деле одну ошибку совершишь — кровью умоешься.

— Есть у меня одно предложение, — заговорил Марк.

— Какое?

— Школа для умных, талантливых, выбивающихся из общего уровня. Нам страшно не хватает нестандартно мыслящих людей, а сейчас в школах таких давят изо всех сил. Перевоспитывают, ломают, пытаясь сделать из них обычных серых ничтожеств.

— Вот и займись, — согласно кивнул Матфей. — Возьми перстень голоса первосвященника и разошли от моего имени приказ сообщать обо всех необычных, задающих неприятные вопросы детях. Пусть таких переводят в твою школу.

— Отлично! — улыбнулся Марк. — А вот то, что мы раньше обсуждали... Не спеши. Иначе нас просто сметут, тогда все еще хуже, чем было, станет.

— Да, — скривился первосвященник.

— По-моему, мы даже с драконами поспешили. Если в столице это еще кое-как приняли, то в провинции — нет. Фанатиков не перевоспитать, придется ждать естественной смены поколений. И новое поколение должно вырасти совсем иным. Считаю это самой важной своей задачей.

— С драконами мы не могли поступить иначе, — вздохнул Итан. — От этого зависят отношения с импе-

рией, Конторой и лично Вихрем, ты сам знаешь, почему они так важны. Новое поколение — дело, конечно, хорошее, но если мы не остановим Зверя...

— Вот именно, — добавил Матфей. — Занимайся школами и университетами, Марк. Создавай, реформируй, преобразовывай, как сочтешь нужным. Полномочия я тебе дал. И не бойся расправляться с ретроградами — они все твои начинания погубят, если слабину покажешь.

— Да понимаю я... — нахмурился тот. — Не ребенок. Тошно только...

— Выбора нет, — грустно улыбнулся ему Итан. — Есть люди, с которыми нельзя быть добрым, иначе сразу на голову сядут. Со своими — можно и нужно, но не с этими...

Он не нашел, как назвать стремящихся урвать лишний кусок любой ценой, только нервный тик выдал всю глубину его отвращения.

Марк понурился — друзья правы, но как больно это осознавать. Ведь Матфей, скорее всего, войдет в историю как один из самых страшных и кровавых тиранов. Но как иначе сдвинуть с места эту окаменевшую махину — Церковь? Никак. Только кровью. А ведь Создатель за все спросит... За каждую пролитую каплю. И как понять, прав ты или нет? При жизни понять, а не после смерти! А ничего не делать тоже нельзя — за это спросится еще строже. Да и не потому, что спросится, нужно делать, а потому, что самому невозможно вынести окружающую беспросветную действительность.

Фалнор трясло. Да, избрание Матфея было вполне ожидаемым событием, но никто не думал, что его святейшество буквально на второй день начнет перетряхивать сами основы. Открывались древние архивы, их материалы изучали, классифицировали и помещали в публичные библиотеки. Или уничтожали. Громом уда-

рила весть о канонизации Светозара, предшественника Матфея. Такого еще никогда не случалось, обычно до канонизации проходило не менее ста лет после смерти. Однако даже это отступило перед обнародованием завещания святого Светозара.

Влетев в приемную первосвященника, Итан отшвырнул с дороги попытавшегося что-то вякнуть секретаря и ворвался в кабинет Матфея. Тот изучал какие-то древние документы. При виде взволнованного друга он вопросительно приподнял брови.

— А предупредить не мог?.. — устало спросил Итан, падая в кресло. — Ты понимаешь, чем чревато это завещание? Ты уверен, что мы справимся с последствиями?

— Уверен, — холодно сказал первосвященник. — А не предупредил? Извини, ты бы не согласился, слишком рискованно.

— В том-то и дело! На улицах толпы народа, такое творится, что не дай бог!

— Знаю... — Матфей откровенно забавлялся, глядя на Итана.

— Ты что-то задумал?.. — прищурился тот.

— А как же! Стобер с тобой?

— Куда он денется, — проворчал архиепископ.

— Зови, пора нам познакомиться, — глаза первосвященника горели злым весельем. — И обсудить кое-что.

— Так-так-так... — сплел пальцы Итан. — В опасные игры играешь, друг мой.

— В очень опасные, — согласился Матфей. — Но в случае выигрыша... В общем, зови.

Архиепископ некоторое время задумчиво смотрел на него, затем молча вышел. Вернулся он минут через двадцать в сопровождении сатира с умными глазами и обломанным правым рогом.

— Рад наконец-то познакомиться лично, господин Стобер! — встал навстречу ему первосвященник. — Добрый день!

— И вам здоровья. — Сатир сел без разрешения. — Что это такое вы задумали, интересно? Столица на грани взрыва.

— Так и должно быть, — усмехнулся Матфей. — Еще не поняли?

— Канонизация предшественника, как первый этап... — сузились глаза Навра. — А затем — его завещание. Отсюда следует, что вы не по своей воле изменяете неизменяемое, а всего лишь выступаете душеприказчиком, и вас не обвинишь в ереси — выполняете волю пусть только что канонизированного, но все равно святого. Умно. Но завещание слишком шокирующее, его не примут, не поверят, что Светозар мог оставить такое.

— Вот тут-то мне и требуется ваша помощь.

— Моя? В чем?

— Чудо нужно.

— Чудо?.. — растерялся Навр. — Стоп, а это не то, о чем вы писали Вихрю?

— Именно, — ехидно осклабился Матфей. — Пусть маги иллюзию над столицей соорудят.

— Много я видал наглецов, но этот... — ошарашенно выдохнул Итан. — Ну, знаешь...

— Знаю. Но я хочу, чтобы народ верил нам, а не кликушам. И если ради этого я погублю душу, то так тому и быть.

— Интересная идея... — сатир почесал обломанный рог. — И вполне выполнимая. Мне даже любопытно, что из всего этого выйдет. Какая именно иллюзия нужна?

— Архангел Михаэль, первый после Бога. И его подтверждение правильности идей святого подвижника Светозара.

— А не слишком ли? — прищурился Навр. — Может, кого поменьше?

— Нет, — качнул головой Матфей. — Мне нужен сильный удар по подсознанию толпы.

— Ладно, сделаем, — согласился сатир, доставая из кошеля дымчатый кристалл связи.

Первосвященник с архиепископом переглянулись — один этот кристалл стоил больше, чем за год собирали налогов в крупном городе. И слишком мало их было, во всем Фалноре — всего три, да и те разряженные. Маговто своих нет, а идти на поклон к империи из-за такой мелочи не хочется. Однако со связью надо что-то решать, курьерская служба работает слишком медленно, грифонов не хватает, а драконы когда еще согласятся работать на Церковь. Века безжалостной охоты забыть и простить нелегко.

Отдав магам нужные распоряжения, Навр снова уставился на первосвященника. Не ждал от него такого, если честно — Матфей действует на грани фола, слишком рискует. Хотя именно такие рискованные комбинации чаще всего и дают результат. Замысел неплох, если все получится, то народ отшатнется от фанатиков, увидит еретиков в них, а не в думающих людях, как было до сих пор.

На главной площади Фалинграда было не протолкнуться. Люди что-то возмущенно кричали, их гнев поддерживали и умело раздували десятки фанатичных монахов, радуясь про себя, что архивный червь так подставился. Еще немного, и толпа ворвется во дворец первосвященника, круша все на своем пути. Можно будет забыть и об Очищающих, и о пугающих до онемения Чистых. А то совсем жизни не стало верным слугам Господним! Шага без опаски не сделаешь, только ошибешься немного — и все.

— Бей еретиков!!! — взвыл брат Симон, монах ордена аристанцев. — Защитим святые заветы Спасителя!

Толпа угрожающе качнулась вперед, глухо загудев. Монахи радостно переглянулись — еще немного уси-

лий, и люди ринутся вперед. Но их ожидания не оправдались. С небес зазвучала осанна. Нечеловеческие, пронизывающие до глубины души голоса затянули: «Аллилуйя!» Покрытое тучами небо светлело с каждым мгновением, на его фоне медленно проявлялась гигантская крылатая фигура в белоснежном одеянии. Люди ошарашенно замолкли, многие пали на колени, осознав, что видят архангела божьего. А знатоки по регалиям поняли, какого именно архангела — сам Михаэль, правая рука Всевышнего, стоял перед ними.

Ангел благословил стоящего на балконе Матфея, указав на него, и провозгласил: «Избран!» Затем вознесся в небо и исчез. Гробовая тишина воцарилась в Фалинграде. Люди истово молились, умоляя Всевышнего простить их, уверяя в своей верности заветам Спасителя.

— Бейте проклятых! — резанул по нервам визгливый женский голос. — Это они во всем виноваты! Вон они, паскуды, бегут! Бейте их!

Толпа разом вскочила — монахи в ужасе пытались кто спрятаться, а кто убежать: в глазах людей они теперь прокляты Богом.

Кто-то настиг брата Симона, дернул за рясу и опрокинул на мостовую. Взметнулись палки, ножи, камни, раздался отчаянный вой, но звучал он недолго. Вскоре люди побежали дальше, оставив позади кровавые ошметки. Ни один из проповедовавших на площади монахов и священников не ушел живым, их разорвали в клочья, вымещая пережитый ужас.

То же самое происходило по всему городу. Несколько монастырей разгромили, монахов, не успевших спрятаться, перебили. Божьи слуги забивались в любую щель, молясь о спасении, никто из них больше и не помышлял о противостоянии Матфею. Паладины дружно принесли клятву верности благословленному архангелом первосвященнику и выступили наводить порядок. Командиры отрядов получили из секретариата резиден-

ции запечатанные пакеты со списками еретиков и начали аресты. С арестованными не церемонились — сложить на ближайшей площади костер под радостное улюлюканье толпы недолго. К утру почти все высокопоставленные святые отцы приказали долго жить.

Из окна резиденции за буйством толпы наблюдал Матфей. Он криво усмехался и сжимал кулаки. Знал, что совершил страшное, что не имел права так поступать, что Бог спросит с него за этот день, но не видел иного выхода. Многих сволочей успели убрать раньше, но далеко не всех, самые опасные остались на свободе, притворяясь верными заветам, а на деле гадя, как только могли. Ничего, их больше нет.

— Вот теперь можно приступать и к настоящему делу, — прохрипел он, оборачиваясь к молчаливому Итану. — Вот теперь нам уже никто не помешает.

* * *

Завалы бумаг пугали, сотни непрочитанных донесений загромождали стол, а до утра осталось совсем немного. Итан с Навром терли красные глаза, пинтами пили акту[1] и упорно продолжали просматривать свиток за свитком. Прошлым вечером в столицу со всего Фалнора грифоньей почтой доставили доклады школьных учителей и инквизиторов об отличающихся от сверстников детях. Хотелось надеяться, что среди них найдется кто-нибудь из Трех. Доверить поиски кому-либо другому сатир с архиепископом не решились: не дай бог, что-нибудь просочится — неизбежна паника, а ее допускать нельзя.

Навр понемногу зверел, читая отчеты, — почти в каждом случае талантливого ребенка давили изо всех сил,

[1] Акта — аналог кофе на Танре, готовится из растертых в порошок мелких веточек акатовых кустов.

наказывали за смелые вопросы и сомнения в общепринятых истинах. Целенаправленно растили фанатика, верящего, а не думающего. Сатир то и дело косился на мрачного Итана и хмыкал про себя — архиепископ явно испытывал те же чувства. Странно, но факт. Значит, что-то здесь все же изменится — именно такие люди сейчас получили власть в Церкви.

К сожалению, ничего по-настоящему важного им так и не попалось — да, многие дети обещали вырасти талантливыми, а то и гениальными учеными, сказителями, лекарями. Но не магами. Никаких намеков на магические способности. Вот взять хоть этого мальчика. В семилетнем возрасте разработать собственную логическую причинно-следственную систему?! Пусть наивную и даже смешную с точки зрения взрослых, но все равно — такое не каждому дано. Надо будет обратить на этого малыша внимание Марка, и сатир отложил свиток в сторону, куда они откладывали самые необычные отчеты.

Лениво взяв следующий свиток, Навр углубился в чтение. А дочитав, замер.

— Итан, есть... — с трудом выговорил он через некоторое время.

— Что есть?

— Сам глянь.

Архиепископ выхватил из рук сатира свиток и впился в него взглядом:

«Согласно поступившей 18/09/1878 директиве 23/16, отчет штатного инквизитора школы № 2 города Благинска, Погнинской губернии.

Проверка детей младшего возраста (5—8 лет) и опрос учителей начальных классов выявил следующее:

1.Необычных детей не замечено, провоцирующих вопросов учителям никто не задает.

2.В подготовительном классе иногда происходят странные события, а именно:

а) без всякой причины падают вещи;

б) мяч во время игры ведет себя неадекватно — летит не в сторону удара;

в) в класс во время уроков то и дело влетают бабочки, причем бабочки тропические, не водящиеся в наших краях, проверено у знающих людей.

г) самопроизвольно загораются свечи.

В совокупности все вышесказанное позволяет заключить о возможном наличии у кого-то из детей магических способностей, о чем заявлено в городское отделение Святой Инквизиции. Учителю вынесено порицание за недоношение.

22/09/1878

Аракасий Ирканас,
штатный инквизитор школы № 2 города Благинска».

— Они же сожгут ребенка! — вскочил Итан, отшвырнув свиток.

— Думаю, еще не успели, — буркнул Навр. — Письмо, по счастью, доставили грифоны, отправлено всего три дня назад.

— За три дня провинциальные инквизиторы такого могут натворить...

— Значит, не будем терять времени. Надо ехать. Но еще ночь.

— У нас ночь, а в Погнинске уже утро, — отмахнулся Итан. — Хуже, что туда скакать неделю!

— Со мной маг, — довольно оскалился Навр.

— И что с того?

— Не просто маг, а один из телепортаторов!

— Отлично! — просиял архиепископ. — Сколько людей он сможет перенести?

— У него надо спросить, — проворчал сатир, доставая кристалл связи.

Вскоре в комнате появился трущий глаза плотный человек средних лет в непримечательном костюме фалнорского горожанина. Повезло, что команда Навра ночевала в том же здании, иначе пришлось бы посылать за магом, а это заняло бы драгоценное время. Узнав, что от него требуется, телепортатор нахмурился.

— Ну, и как я перенесу вас в этот самый Благинск? — спросил он. — Я там хоть раз бывал? Нет. А без ориентиров...

— А в Погнинск?

— Туда могу, на главную площадь. Только переполох же поднимется, здесь не империя.

— Да плевать! — Итан едва не приплясывал от нетерпения. — Скольких можете захватить с собой?

— Не больше пяти человек, — недовольно буркнул маг, которому очень хотелось спать. — Без лошадей. С лошадьми — двоих.

— Что будем делать? — повернулся к Навру архиепископ.

— В Погнинске есть Очищающие?

— Естественно, — недоуменно пожал плечами Итан. — Они везде есть.

— Значит, отправляемся вдвоем, отряд возьмем в Погнинске — и галопом в Благинск.

— Пожалуй, так будет лучше всего.

Солнце не так давно взошло, стражники у входа в ратушу Погнинска незаметно зевали, с нетерпением дожидаясь смены. Совсем недолго осталось, но внимания ослаблять нельзя — по слухам, новый первосвященник очень строг, да и чудо какое-то после его избрания случилось — чуть ли не ангел в столице появлялся. Так оно или нет, но слухи ходили разные. Паладины свирепст-

вовали — арестовали и в тот же день сожгли трех епископов, чего не случалось еще никогда. Что уж тут говорить о простых служаках? Походя прибьют и пойдут дальше, если что не так будет. Лучше не рисковать.

Сгустившийся у фонтана густой туман заставил стражников удивленно переглянуться — солнце ведь уже вовсю светит, какой туман? А из тумана между тем выехали трое всадников. Колдовство! В святом Фалноре! Стражники в ужасе перехватили покрепче алебарды — надо срочно звать отцов-инквизиторов!

— Внимание и повиновение! — рявкнул ехавший впереди колдун. — Я голос первосвященника!

Увидев перстень, который до сих пор видели только на рисунках, стражники окончательно растерялись. Голос первосвященника! Человек с таким перстнем имеет право весь город сжечь, и никто ему слова не скажет. Они униженно закланялись, уверяя важного господина в своей преданности и уже не помня, что тот выехал из тумана.

— Где резиденция ордена Очищающих? — прервал их приезжий.

— А вон за тем углом, — показал один из стражников. — Рядом, шагов триста, там увидите.

Не говоря больше ничего, колдун пришпорил коня и галопом рванул с места, остальные двое поскакали за ним. Стражники облегченно выдохнули и перекрестились, благодаря про себя Спасителя за то, что смилостивился. Страшные желтые глаза незваного гостя заставили их ощутить неслышную поступь смерти.

Подъехав к большому трехэтажному зданию с двумя открытыми ладонями, символом Очищающих, над входом, Итан резко осадил коня, спрыгнул на мостовую и заколотил в дверь ногами. Открыли не сразу, минут через десять.

— Чего надо?! — злобно спросил небритый, заспан-

ный верзила, показавшийся на пороге. — Я вот щас кому-то как постучу!

— Ты это мне говоришь?.. — оскалился Итан.

— Господин бер Саан... — пролепетал Очищающий, не узнать желтые глаза тарца было невозможно. — Простите, не признал сразу...

— Боевая тревога по отряду! — приказал архиепископ. — Чтобы через полчаса полсотни экипированных бойцов с запасными лошадьми были здесь! Среди них — не менее пяти Ищущих. А нам принесите по чашке крепкой акты.

— Будет сделано, ваше преосвященство! — поклонился верзила, что-то сказал человеку, стоявшему за спиной, и опрометью ринулся прочь.

Войдя внутрь, Итан, Навр и маг сели на ближайшую скамью. Не прошло и пяти минут, как им принесли кружки с актой. Сатир с интересом наблюдал за творящимся вокруг беспорядком — туда-сюда носились люди, кто-то с опаской выглядывал из-за дверей, слышалась ругань сержантов, собирающих бойцов. Давно глава ордена не баловал своим присутствием Погнинский филиал, его никто не ждал, и визит стал неприятным сюрпризом. Итана бер Саана боялись по всему Фалнору — и не зря. К недобросовестным архиепископ Варградский жалости не ведал.

— Люди построены! — доложил давешний верзила, на сей раз чисто выбритый и аккуратно одетый. Судя по перевязи, именно он и был старшим офицером филиала.

— Хорошо. — Итан отставил в сторону недопитую кружку с актой. — По коням!

— Есть!

Кавалькада галопом вырвалась из предусмотрительно распахнутых стражниками ворот и понеслась в сторону Благинска. Архиепископ в нетерпении пришпори-

вал коня — провинциальная инквизиция порой творила такое, что в голове не укладывалось. Только бы успеть!

Работающие на полях крестьяне с опаской поглядывали на проносящихся мимо всадников — привыкли, что ничего хорошего от слуг Господа ждать не приходится. Очищающие на ходу перепрыгивали на запасных лошадей, чтобы не терять времени на остановку. Они удивлялись про себя, не понимая, с какой стати бер Саан так спешит. И куда? В никому не нужный задрипанный городишко, где нет ничего интересного.

Отряд оказался в Благинске, только когда перевалило за полдень. Итан, проезжая площадь, показал Навру подготовленный, но еще не разожженный двойной костер, вокруг которого суетились какие-то люди. Тот облегченно выдохнул — кажется, успели! Очищающие осадили лошадей у обшарпанного старого здания городской инквизиции. Архиепископ ворвался внутрь, буквально сметя по дороге стражников, вознамерившихся спросить, кто это осмелился потревожить покой господ инквизиторов.

— Вы кто такой?! — встал навстречу Итану худой человек с усталыми глазами. — Кто вас пропустил?!

— Голос первосвященника! — продемонстрировал перстень тот. — Внимание и повиновение!

— Голос первосвященника?! — вытаращился инквизитор, не понимая, что могло привести в Благинск столь важную персону.

— Да. Я — архиепископ Варградский Итан бер Саан, глава ордена Очищающих.

— Ваше преосвященство! — низко поклонился инквизитор. — Я — Ивас Шольвин, старший инквизитор Благинска. Но что привело вас к нам?!

— К вам поступал сигнал инквизитора школы № 2 о необычных событиях? — опустился на стул Итан, Навр

встал за его плечом, игнорируя растерянные взгляды местных, удивленных, что архиепископ привел с собой животное.

— Поступал, ваше преосвященство... — Шольвин не решился сесть, поедая высокое начальство взглядом.

— Какие были предприняты действия?

— Обычные... — еще сильнее растерялся инквизитор. — Мы попросили проезжавшего через город Ищущего из Корграда проверить детей в подготовительной группе. Повезло, иначе пришлось бы месяц дожидаться следственной группы из Погнинска. Колдун выявлен и вместе с матерью подвергнут интенсивному допросу. Вина установлена, суд приговорил обоих к сожжению. Примерно через час казнь.

— Интенсивному допросу? — блеющим голосом переспросил Навр. — Пятилетнего ребенка?

— Ваше преосвященство, что здесь делает это животное?!

— Отвечайте на вопрос! — гневно бросил Итан.

— Так положено... — буркнул Шольвин, избегая смотреть на сатира, в глазах которого горело нечто такое, что ему стало не по себе. — Да и не понадобилось его пытать сильно, пару ожогов — и в камере вещи летать начали.

— Но он жив? — наклонился вперед архиепископ.

— Да.

— Слава Всевышнему! — облегченно выдохнул Итан. — Успели! Очищающие забирают у вас это дело.

— Но суд уже состоялся, приговор вынесен! — осмелился возразить инквизитор.

— Как голос первосвященника, я отменяю решение суда! Приведите сюда мальчика с матерью и упакуйте материалы следствия.

— Как скажете... — сгорбился Шольвин. — Но что мы сделали неправильно, ваше преосвященство?!

— По закону все верно, — тяжело вздохнул бер Саан. — До вас еще просто не дошли новые правила. С позавчерашнего дня малолетних колдунов запрещено судить и казнить на месте обнаружения, их в обязательном порядке следует отправлять в столицу.

— Ясно, — немного расслабился инквизитор, не знавший, что ему и думать. — Но прошу вас отдать письменный приказ. Губернская инквизиция меня с грязью смешает, если я передам вам колдуна без оснований.

— Хорошо. Бумага есть?

— Только пергамент.

— Давайте.

Итан быстро черкнул несколько строк, подписался и приложил свой перстень к воску со свечи, накапанному Шольвином на край листа. Инквизитор бережно спрятал пергамент в сейф и распорядился привести арестованных.

Вскоре в кабинете появилась понурая молодая женщина, прижимающая к себе хнычущего черноволосого мальчишку лет пяти-шести. Она была вся избита, покрыта синяками и ссадинами, синие глаза смотрели затравленно и обреченно: решила, что все — на костер.

— Крен, — Навр повернулся к скромно стоящему у двери магу, — проверьте.

Тот молча подошел и положил руку на голову дернувшемуся мальчику. Немного постояв, он мрачно сказал:

— Маг. Прирожденный. Инициировавшийся. Но... не черный.

— Кол Ушедшему в глотку! — в сердцах выругался Итан. — Не тот!

— Жаль, конечно, — вздохнул Навр, — я уже понадеялся, что нам повезло... Но прирожденный — тоже неплохая находка, сам знаешь, как их мало. Думаю, надо отвезти мальчишку к Марку.

— А кто им займется?

— Я пришлю опытного наставника. А с остальным и Марк справится.

— Ладно, не будем терять времени, работы невпроворот, — буркнул Итан, поворачивая голову к дрожащей женщине: — Идемте, госпожа!

— Помилуйте! — взвыла она, падая на колени. — Ну за что же?!

— Успокойтесь, — поморщился архиепископ, только женской истерики ему сейчас и не хватало. — Решение суда отменено, вас с сыном отправляют в столицу.

— Так мальчика везут туда не для казни? — вдруг спросил Шольвин.

— Наступают иные времена... — усмехнулся Итан. — И многое изменится.

— Ну, и слава Господу! — облегченно улыбнулся инквизитор.

— А что так?

— Я, конечно, поступил по закону, но чувствовал себя гнусно. В чем виноват ребенок? Он же таким родился! Нет его вины в этом.

— Задумывались, значит, о справедливости? — в глазах архиепископа появилась некоторая заинтересованность. — Это хорошо.

— Задумывался, — подтвердил Шольвин. — Можете отправлять меня в ссылку, ваше преосвященство, но что-то у нас не так. Мы же людей защищать поставлены, а вместо того...

Он обреченно махнул рукой.

— Что не так, понимает и его святейшество, — криво усмехнулся Итан. — И ему нужны такие люди, как вы, способные непредвзято взглянуть на происходящее. Вот что. Пойдете к нам, в орден Очищающих? Мы настоящим делом заняты, а не запугиванием простолюдинов.

— Отчего ж не пойти, если делом? Пойду.

— Тогда приезжайте в столицу, в главную резиденцию ордена, я предупрежу секретариат.

— Если отпустят... — тяжело вздохнул Шольвин. — Глава губернской инквизиции меня скорее в ереси обвинит и на костер отправит, чем к вам пойти позволит. Слишком не любит Чистых и Очищающих. Удивительно, что он еще не здесь.

— Почему же не здесь? — возразил Навр, смотревший в окно. — Вон как раз приехал.

Действительно, на площадь галопом вылетел отряд инквизиторов в парадной форме. За ними несся возок, в котором восседал надменного вида толстяк в алой шелковой рясе. Он, кряхтя, вылез из остановившегося у здания возка и презрительно уставился на вышедшего на порог Итана.

— По какому праву?! — завизжал толстяк. — Почему мне не доложились?!

— Это я вам обязан докладываться? — изумился Итан. — А кто вы вообще такой?

— Как — кто?! Старший инквизитор губернии Дектерий Морис! Убирайтесь отсюда! Никакие столичные выскочки не имеют права что-либо делать в моей епархии без моего разрешения!

— Кто вам это сказал? — издевательски заломил бровь архиепископ.

— Да его собственная спесь, — проблеял из-за его плеча сатир.

— А-а-а!.. — распахнулся в гневе рот толстяка. — Хватайте поганого козла! Четвертовать и сжечь!

— Стоять! — рявкнул на двинувшихся вперед инквизиторов Итан. — Это видели?

Он показал перстень голоса первосвященника, и они замерли.

— Плевать я хотел на твои перстни, выскочка! — за-

махал кулаками Дектерий. — Здесь моя епархия! Хватайте козла, я сказал!

— Бунт против первосвященника? — оскалился архиепископ. — Да, вижу, в провинции давно пора наводить порядок.

— На твоем месте я бы вот это уродище вздернул, — негромко сказал сатир.

— Вздернул бы? — усмехнулся Итан. — А что? Мысль интересная. Как голос первосвященника Единой Церкви Спасителя, смещаю Дектерия Мориса с должности старшего инквизитора Погнинской губернии и обвиняю в ереси. Кто-нибудь хочет выступить в его защиту?

Инквизиторы скромно промолчали, глядя на бывшего начальника с плохо скрываемым злорадством — многих, видимо, успел достать до глубины души. А до того только сейчас начало доходить, во что он вляпался и на кого полез.

— Да кто ты такой?!. — взвыл он.

— Итан бер Саан.

Услыщав это страшное имя, Дектерий только открыл рот, пытаясь что-то сказать, но не смог. Узнав, что в город прибыл какой-то столичный выскочка и не представился, как положено, отправившись в Благинск, он загорелся гневом и приказал лучшим инквизиторам ехать следом, чтобы проучить наглеца. Но почему никто не сообщил, что это был сам архиепископ Варградский?! Знай это Дектерий, он бы предпочел тихо сидеть дома — понимал, кто такой бер Саан и чего от него ждать.

— Значит, защитников нет, — констатировал Итан. — Приговариваю еретика и бунтовщика к смертной казни через повешение. Приговор привести в исполнение немедленно.

— Слышали? — проблеял сатир, весело скаля зубы. — А ну-ка, быстренько вздернули начальничка, господа инквизиторы!

— Слышали приказ? — желтые глаза Итана загорелись гневом. — Выполнять!

Двое инквизиторов тут же подхватили воющего толстяка под мышки, еще один вынул из седельной сумки моток веревки и полез на ближайшее дерево. Несколько минут — и Дектерий Морис закачался в петле, немного подергался и затих.

— Времена изменились, — криво усмехнулся архиепископ. — Запомните это. Работать и жить по-старому вам никто не позволит. А кто попробует — того ждет судьба этого вот недоразумения. Вам все ясно?

— Так точно, ваше преосвященство, ясно! — в один голос рявкнули инквизиторы, косясь на мертвого начальника. Спорить с этим желтоглазым? Особенно после столь убедительного доказательства, что спорить с ним не стоит? Нет уж, им еще жить охота.

— Свободны! — бросил Итан. — Нового начальника пришлют из столицы, предупредите в Погнинске, чтобы ни одна сволочь и не пыталась добиваться этой должности. А теперь — вон!

Забравшись на коней, инквизиторы потянулись с площади. Немного подумав, архиепископ отправил домой и Очищающих — в Фалинград лучше возвращаться через портал. Магу, конечно, придется переносить их и женщину с мальчиком в два приема, но ничего, справится.

Едва оказавшись в столице, Итан приказал заложить карету, чтобы ехать в школу Марка, расположившуюся в роскошном доме одного из недавно казненных архиепископов, неподалеку от резиденции первосвященника. Появившийся следом Навр попросил слугу принести кувшин акты и принялся поить дрожащую мать юного мага. Она покорно выпила чашку, но дрожать не перестала, затравленно глядя на сатира.

— Да не бойся ты! — вздохнул он. — Никто ни тебя,

ни твоего сына казнить не собирается. Наоборот, теперь будете жить безбедно. А малыша будут учить в специальной школе.

— Как скажете, барин... — покорно отозвалась женщина, ничуть не поверив.

— Барина тоже нашла, — недовольно пробурчал Навр. — Зовут как?

— Настасьей.

— А где отец мальца?

— Нету у него отца... — съежилась Настасья.

— Это как же? — озадачился сатир. — Непорочное зачатие, что ли?

— Что вы, барин! — перепугалась откровенной ереси женщина. — Господа паладины снасильничали... Много их было, не знаю я, от кого Михел.

— Тьфу, паскудство! — зло сплюнул Навр. — Слушай, Итан, а не пора ли ваших паладинов хоть немного к порядку призвать?

— Поди призови... — скривился тот. — Основная военная сила страны, привыкли, сволочи, к безнаказанности. Их пока трогать нельзя, взбунтуются.

— Бардак у вас тут! — скривился сатир. — Попробовали бы у нас военные кого-нибудь изнасиловать. Мало бы им не показалось.

— Могу только позавидовать...

Вскоре мальчика с матерью отвезли в школу Марка, где их поселили в роскошных покоях, накормили так, как едва сводившая концы с концами мать-одиночка, зарабатывавшая штопкой старой одежды, и не мечтала. Михел вскоре забыл о страхе, познакомился с другими детьми и носился вместе с ними по огромному дому. И никто не ругал его за летающие вещи и красивых бабочек, наоборот, хвалили. Настасья долго не могла поверить, что случилось чудо и вместо того, чтобы сжечь, ее сына обучают магии, но это и в самом деле было так.

6

— Еленка! Где ты, негодница?! Вот я тебе!

С дерева раздался радостный детский смех.

— А вот и нет, мамочка! Ты же не умеешь по деревьям лазить!

— Ничего, сама слезешь, как только проголодаешься! — покачала головой Марфа, искренне не понимая, кто у нее уродился — девочка или отчаянный сорванец. — Вот тогда тебе и попадет.

— Это нечестно, мамочка. Я тогда играть уже не буду.

— А ну, быстро ужинать, игрунья! Темнеет уже.

Небольшая фигурка девочки быстро заскользила по стволу дерева, и вскоре перед матерью уже стоял скромный и послушный ребенок восьми лет. Прямо-таки маленький ангелочек. Но это по первому впечатлению. Стоило приглядеться внимательней, как сразу бросались в глаза многочисленные ссадины и синяки на ногах и руках, грязные коленки, выглядывающие из-под короткого платьица. Таким же грязным было и лицо. Волосы, только утром уложенные в аккуратную прическу, растрепались и лежали в полнейшем беспорядке. Зеленые глазенки сверкали отчаянно и бесшабашно.

— О, Господи! — воскликнула Марфа. — Где ты успела так извозиться? И волосы... Елена!!! Ты же, в конце концов, девочка!!! Посмотри на свой вид!

— Да ладно, мам, — отмахнулась дочь. — Просто мы бегали на озеро, смотрели щук. Озеро обмелело, и те бьются в иле. Мы их водой поливали. Говорят, завтра дождь будет, и озеро снова наполнится. Ой, скорее бы... Мам, ты представляешь...

— А ну цыц, балаболка! — рассмеялась женщина. — Помолчи хоть минуту. Уже голова болит от тебя.

— Мам, а почему дожди идут? Мы тут поспорили, и нам объяснили, что это Илья Громовержец едет в своей колеснице по небу. Она гремит и сверкает. Идет дождь.

Но я вот подумала, неужели он такой злой? Ведь рыбе в озере плохо! Почему же он не проедется здесь на своей колеснице? Неужели он не чувствует страдание рыб?

Марфа помрачнела. Опять эти вопросы. Однако постаралась ответить.

— Так ведь то рыбы. Не люди...

— Но люди тоже страдают от этой жары, — удивленно распахнула глаза девочка. — Пахари говорят, что земля пересохла. Знаешь, мне кажется, что никакой Илья Громовержец тут ни при чем. Если бы дождь зависел от него, он бы наверняка сжалился и послал дождь, а его все нет.

Марфа испуганно оглянулась. Все-таки ее дочь излишне любопытна. Всегда хочет знать ответы на все вопросы. Никаких недомолвок не признает и изводит этими вопросами всех, до кого может дотянуться. Каких трудов стоило научить ее опасаться незнакомых людей! Марфа тихо вздохнула, вспомнив об этом. Раньше девочка могла пристать со своими расспросами и рассуждениями даже к священнику на улице, что было чревато последствиями, и далеко не приятными. Хоть бы понять: зачем ей это нужно? А вопросы сыпались из нее... Очень странные порой вопросы, никто из знакомых не интересовался ничем подобным. Только из-за них на девочку могла обратить внимание Святая Инквизиция. Но легче было ответить, иначе до такого додумается... Нет, за Еленкой требовался постоянный присмотр. Слава богу, она подросла и уже понимает, что применять ведьмовские штучки не стоит. При воспоминании об этом Марфа помрачнела — как было бы хорошо, если бы их дочь была самым обычным ребенком... Без всех этих чудовищных способностей к колдовству...

— Иди, умывайся, горе ты мое, — вздохнула мать. — И прекрати болтать хоть на минуту.

К столу вышел сущий ангелочек — вымытый, приче-

санный, тихий. Девочка благовоспитанно кивнула и села. Отец усмехнулся в бороду — уж он-то знал, каков ангелочек из его дочери. А она прочитала короткую молитву и приступила к еде. Быстро поев, встала, пожелала всем спокойной ночи и вышла.

Вернувшись в свою комнату, Еленка разделась и быстро забралась в постель. Закрыла глаза и притворилась спящей. Вот послышались на лестнице шаги родителей. Отворилась дверь. Вот мама поправила на ней одеяло. Наконец родители ушли. Можно заняться своими делами, теперь ее до утра никто не потревожит. Как порой надоедало постоянное прилипчивое внимание, но тут ничего не поделать. Девочка любила папу с мамой и уже научилась принимать их такими, какие есть. А родителей изумляла ее недетскость, ее интересы и понимание окружающего, недоступное большинству взрослых.

Девочка вскочила с кровати и быстро подошла к окну. Ей всегда нравилось ночное небо с его многочисленными огнями.

— И вовсе вы не приколочены к небесному своду, — прошептала она, как бы продолжая с кем-то спорить. — Разве вы можете быть приколоченными? Вы же звезды! Такие, как Солнце. И у вас тоже должны быть планеты...

Думать так Елене было гораздо приятнее, чем о каком-то там небесном своде, к которому гвоздями прибиты блестки. В своих мечтах она неслась сквозь многообразную темноту к новым, невероятным мирам. Она играла этими звездочками, держа их на ладонях. Тянулась к ним всей душой. Проникала в какую-то запредельность и не могла иначе, было в звездном небе что-то настолько притягательное, что девочка справиться с этим не могла.

Насмотревшись на небо, Еленка нехотя отправилась в кровать.

— Спокойной ночи, звезды, — пожелала она, натягивая на голову одеяло.

Завтра ее ждал новый день с новыми вопросами и ответами, с необычайными открытиями.

Проснувшись, Еленка поежилась. Идти на занятия не хотелось. В свое время она так мечтала об этом, но после двух лет обучения в школе поняла, что знания — это то, что получить в школе невозможно. Вот предрассудки, тугодумие и верность идиотским церковным догматам — это да, этого там вдоволь. С самого первого дня в школе, куда определил ее отец, начали преподавать церковные законы. И изо дня в день продолжали талдычить и толковать их, вдалбливать в головы детей четко определенный набор истин. Учителя утверждали, что это вот — такое, а вот это — иное. Только так, и никак иначе. Увы, остальные дети искренне верили в этот бред! Еленка же категорически отказывалась понимать, почему одно считается злом, а другое добром. И никто даже не спрашивает почему, все принимают голословные заявления за чистую монету и верят им потом всю жизнь. Самое страшное, что никто даже не пытается подвергнуть обветшавшие истины сомнению!

Раньше девочка была уверена, что другие люди, как и она сама, стремятся узнавать новое. Но это оказалось вовсе не так... Почему все уверены, что Солнце вращается вокруг Танра, не приводя никаких доказательств этому? Нет, Еленка не думала, что учителя ошибаются. Знала, что так оно и есть. Ее бесило полное отсутствие доказательств в их объяснениях. Девочка спрашивала об этом, но ей отвечали только, что так записано в священных книгах. Единственное доказательство! Еленка добросовестно прочитала все эти книги, не просто прочитала, а подробно изучила и их, и все доступные толкования. Действительно, написано, но опять же, все объяснялось божественным вмешательством, поместившим

планету в центр вселенной. Девочка снова попросила доказательств, а ее наказали. Так с тех пор и пошло. Какие бы вопросы она ни задавала, учителя почему-то считали их проявлением гордыни и наказывали. Ни разу, ни на один вопрос не ответили внятно и логично!

Еленка не могла так больше, она же не тупой болванчик и не попугай, чтобы повторять за невеждами их глупости! А в школе от учеников хотели только этого и изо всех сил старались отучить думать. Девочка не могла понять, кому это нужно, разве могут сделать что-нибудь хорошее неумные, слепые и глухие люди? Не могут ведь! Такие способны нести в мир только то самое зло, о котором талдычат церковники, почему-то отождествляя его с Тьмой. С тьмой, которая такая разная, интересная и добрая... Даже поделиться своими мыслями ей было не с кем, кроме Варфоломея. Еленка уже понимала, что за многие из них вполне можно попасть на костер.

— Мама, ну пожалуйста... — безнадежно попросила девочка.

— Еленка, да что с тобой? Помнишь, как ты хотела учиться?

— Я хочу, мама, но ведь мне ничего не объясняют. В этой школе ничему нельзя научиться!

Мать в ужасе от таких слов замахала на нее руками. Однако Еленка и сама понимала бессмысленность спора. Назвался груздем — полезай в кузов, ничего уж тут не поделаешь. Она нехотя встала, заправила кровать, оделась и спустилась к столу, где уже ждали отец, мать и Варфоломей. Последний все это время был единственным слугой в доме. Больше никого не держали, и соседи вокруг шептались о жадности богатого купца. Но для Еленки Варфоломей был намного больше, чем слугой — другом, единственным, с кем можно поделиться тайнами, у кого можно что-нибудь спросить. И кто ответит как взрослой, аргументируя свою позицию, ниче-

го не утверждая наверняка. Даже матери порой Еленка не говорила того, что рассказывала Варфоломею. Нет, она и маме пробовала задавать вопросы, рассказывать, как она находила ягоды, прося кустики поднять листочки. Но очень быстро поняла, что и ее вопросы, и ее рассказы почему-то повергают маму в ужас. Та бледнела, испуганно крестилась и просила перестать заниматься ЭТИМ. Слово «этим» она как-то по-особому подчеркивала, не решаясь сказать: магией. Зато Варфоломей всегда слушал ее с улыбкой, хвалил, если считал, что она сделала что-то хорошее. И пытался объяснить, чем является то или иное, всегда называя вещи своими именами. Ему девочка не боялась высказывать свои самые сокровенные и еретические мысли, которые никому иному доверить уже не рискнула бы. Знала, что управляющий не предаст и поможет разобраться, если она совсем уж запуталась.

Еленка поспешно выбралась из-за стола, подхватила сумку, чмокнула отца с матерью в щеки и помчалась к выходу. Здесь ее уже ждала карета, поскольку школа находилась в небольшом городке Роерк, а семья Дионисия жила за городом, в деревне. Пешком идти довольно далеко, и отец специально для дочери нанял карету. Еленка пыталась отказаться от нее, ведь городок очень бедный, такого не мог себе позволить больше никто, но отец остался непреклонным.

Карета стремительно выехала со двора и направилась в сторону школы.

В классе уже собрались почти все. На Еленку многие поглядывали с завистью и враждебностью. Еще бы, дочь купца, всегда одета чисто и богато, ездит в карете. Сейчас-то уже немного привыкли — видят, что она вовсе не кичится своим богатством, да и друзья появились, а как ее донимали в первый год... Девочка поежилась от воспоминаний. И быстро нашла в классе несколько дру-

желюбных взглядов. Однако поздороваться не успела — вошел учитель, сухой, высокий старик с узкой седой бородкой и холодным взглядом. Поговаривали, что одно время он служил в Инквизиции, а потом его перевели в школу для просвещения молодежи. Наверное, так оно и было. Этот старик всегда наводил на Еленку ужас.

— Собрались, значит? — сурово осведомился учитель, окидывая детей безразличным взглядом. — Сегодня мы приступаем к изучению новой темы, посвященной абсолютному злу. Вы уже достаточно большие и должны научиться отличать зло в любом обличье. Этому я и буду вас учить.

Еленка не считала такое умение необходимым — кому нужно понимать то, что считает злом замшелый и ни на что не годный ретроград? — но промолчала. Ее давно не интересовали церковные определения добра и зла — они были насквозь лживы и голословны. Зло девочка предпочитала отличать сама, особенно после одного случая.

В деревне, недалеко от которой стоял их дом, жил вредный мальчишка, которого звали Николаем. Дрался со всеми, а девчонкам так и вовсе прохода не давал. Довести кого-нибудь до слез было его любимым развлечением. Еленке он довольно долго казался воплощением того самого зла, про которое им столько рассказывали в школе. Но однажды, когда Ник в очередной раз подкрался к ней и дернул за волосы, девочка, вместо того чтобы завизжать или заплакать, развернулась и съездила шутнику промеж глаз палкой, которой разгребала листву, ища грибы. Палка переломилась, а Ник, опешив от удара, уселся на пятую точку и ошарашенно захлопал глазами. Выглядел он настолько забавно, что Еленка рассмеялась. Потом, сообразив, что мальчишке может быть больно, ойкнула и опустилась перед ним на колени.

— Ты как? — испуганно спросила она.

Ник смешно свел глаза к переносице. Потом посмотрел на нее. Удивительно, но в его взгляде не было злости — только восхищение.

— Надо же, как звезданула! — восторженно воскликнул он. — Я уж думал, мне конец.

Эта его восторженность вывела Еленку из себя. Девочка гневно вскочила и затопала ногами.

— Шутник дзеннов! А если бы я убила тебя?! — Еленка вдруг опустилась на землю и расплакалась. Но тут же с удивлением почувствовала, что Ник присел рядом и обнял ее за плечи.

— Ну, что ты плачешь? — неожиданно заботливо спросил он. — Все обошлось. А ты молодец! У тебя есть характер.

С тех пор они и подружились. Николай оказался замечательным парнем. Но девочка никак не могла понять, зачем ему нужно издеваться над другими. Мальчишка долго мычал в ответ и отнекивался, но новая подружка оказалась настойчива. Выяснилось, что он терпеть не мог тех, кого считал слабаками, и поэтому доводил их, желая добиться одного — чтобы ему хоть раз дали отпор. Если же кто-то давал, то все. Больше этого человека Ник не донимал. А уж коли он кого уважал, то не было преданней друга. Саму Еленку после драки он именно зауважал. Еще бы, первая девчонка, которая осмелилась дать отпор.

Мальчишка показал новой подружке в лесу поляну, на которой росли самые вкусные в лесу ягоды. Учил ходить по лесу без карты. Учил искать съедобные коренья. И учил драться. Еленка отбрыкивалась, как могла, но Ник только смеялся. Как ни странно, он стал самым лучшим ее другом. С тех пор девочка очень осторожно судила о людях и предпочитала делать выводы сама, да и то не сразу, а пообщавшись с человеком хоть какое-то

время. Очень легко ведь объявить кого-то или что-то злом, не разбираясь. Да, она понимала, что существуют злые люди или злые явления. Но не считала, что можно объявить злом целый народ, расу или группу людей. Или существ. Отдельные личности или явления могут быть злыми, да и то не целиком, а объявлять злом весь народ или вид — подлость и глупость!

— Вы должны научиться отличать зло! — вещал учитель, его глаза пылали фанатичным огнем. — Только научившись избегать его, вы заслужите право на рай! Спаситель говорил, что люди должны избегать соблазнов. А сейчас... — Старик сурово оглядел класс. — Я покажу вам зло! Настоящее зло. Подойдите к окну!

Дети встали и опасливо подошли к окнам. На школьном дворе стояла клетка на колесах с впряженной в нее парой быков. В клетке же находился... Елена задохнулась. Дракон. Вернее, дракончик. Меднокожий и совсем еще маленький. Видно было, что его недавно поймали. Дракончик поднял голову и посмотрел на окна, к которым прильнули дети. Еленку резанула боль, что, казалось, пронизывала несчастное существо. Девочка ощутила, что ему очень плохо. Плохо не от ссадин или ран, нет. У дракончика болела душа. Он не понимал, что случилось, почему и за что убили его маму с папой. В глазах горел отчаянный и бессмысленный вопрос: «За что?!» У края этих глаз блестели слезинки, но Еленка поняла, что совсем еще малыш сдерживает плач, что он не хочет показать врагам свою слабость. А вокруг радостно улюлюкали и хохотали одноклассники. Еленке хотелось зажать уши, чтобы только не слышать их смеха.

«Разве вы не видите, что ему больно?!!» — рвался из души крик.

Но девочка молчала. Молчала и смотрела на дракончика. Вдруг он вздрогнул и нашел ее взглядом. Нашел среди всех окон и всех детей, что смотрели на него.

Еленке показалось, что какая-то искра пронзила пространство между ними. Весь мир померк. И осталось всего двое: она — человек, и он — дракон. Словно какие-то непонятные нити опутали их, связали отныне и навсегда. Это, кажется, понял и дракончик. Девочка видела, как распахнулись от изумления его глаза. Что-то связывало их, но не их. Как это объяснить, Еленка не знала, не умела, тут было что-то настолько запредельное, что она растерялась. Просто чувствовала, что между ними существует какая-то связь, но не напрямую. Тонкая ниточка уходила куда-то вдаль и терялась в далеких морских просторах. И через нее девочка ощущала несчастного дракончика. Даже не совсем так. Он был связан с кем-то, кто ей ближе всех на свете, даже ближе мамы с папой. Невероятно, но факт. И через этого кого-то стал близок и маленький осиротевший дракончик. Еленка снова с болью посмотрела на него, сама едва сдерживая слезы, и вдруг дракончик ей улыбнулся, ободряюще улыбнулся. Девочка ощутила эту улыбку всем сердцем и пожелала новому другу выпутаться из всех его бед.

Клетка дернулась, и ее неторопливо выкатили со школьного двора.

— Вот оно — настоящее зло! — громко сказал учитель, провожая дракончика наполненным ненавистью взором.

— А по-моему, он красивый, — задумчиво сказала Еленка. К счастью, учитель ее не услышал. Зато услышал Питер, сын деревенского трактирщика, довольно тупой малый, но уверенный в обратном.

— Ты чего, рехнулась? — удивился он. — Да погляди на этого урода!

— Верно! — услышал их учитель. — Только он урод не телом, юноша, а душой! Запомни это! Служители Тьмы

все уроды душой! Они выбрали для себя служение злу и продали свои души!

— А почему служение Тьме считается служением злу? — вдруг спросила Еленка.

Она и сама не поняла, что заставило ее заговорить, но просто не смогла молчать, слушая проповедь ненависти ко всему, что не походило на самого проповедующего.

— Потому что они продали душу, — категорично отозвался учитель, в его глазах медленно разгорался огонек фанатизма.

— Значит, этот дракончик тоже продал душу?

— Да! Драконы прокляты от рождения!!!

— А как его поймали? — вдруг спросил кто-то.

— Дракона? Наши доблестные охотники отыскали его в Кадаире. Слуги ада думали укрыться там и свили гнездо зла! Но это не спасло их!

— Значит, — тихо проговорила Еленка, — драконы просто прятались? Просто жили там, никого не трогая? Но пришли охотники и просто так, ни за что, убили их, а ребенка посадили в клетку... Так кто же тогда продал душу? Кто служит злу?

Елена говорила тихо, как бы про себя, но как раз в этот момент все замолчали — и ее слова прозвучали неожиданно громко. Учитель застыл, его лицо пошло красными пятнами.

— Ах ты дрянь!!! — завопил он. — Как ты смела усомниться в чистоте наших славных охотников, которые, не жалея жизни, спасают мир от скверны?!! Вот из-за таких, как ты, зло и ходит по земле!!! — Старик вдруг ухватил девочку за руку и выволок из класса.

Вот тут Еленка испугалась. Она вовсе не хотела ничего такого говорить. Слова будто сами вырвались. Кто же знал, что их услышит учитель? А старик тем временем тащил ее прямо к «углу позора», где наказывали

очень сильно провинившихся учеников. Этот угол представлял собой небольшой закуток в главном коридоре. Там стоял довольно широкий, но низкий ящик с горохом.

— На горох! — взвизгнул учитель. — Немедленно на горох! — Он с силой толкнул девочку к ящику. — Пять часов!!!

Пять часов?! Еленка едва не задохнулась от ужаса. Даже отъявленных хулиганов не наказывали больше чем на три часа. Да и то только после одиннадцати лет. До одиннадцати школьными правилами разрешалось наказывать только часом гороха. Но этот учитель — бывший инквизитор — обладал в школе огромным влиянием. Еленка знала, что никто не осмелится оспорить его приказ. Да никому и нет до этого дела. Она пыталась понять, за что ее наказывают, но не могла. Неужели за то, что не способна безоглядно верить чужим словам и требует доказательств? В который раз случалось так, а девочка все не могла поверить, что взрослые люди могут быть настолько ограниченными и жестокими.

— Ну, живо!!!

Еленка вздрогнула от этого крика. По щекам покатились слезы. Но тут же одернула себя. Николай бы не сдался! Он бы только посмеялся! Значит, и она способна выдержать. Девочка через силу улыбнулась сама себе. Потом опустилась на колени прямо на горох.

— Юбку!

Еленка вздохнула и вытащила юбку из-под колен. Учитель кивнул, потом повернулся к присматривающему за наказанными.

— Пять часов! — повторил он.

Присматривающий испуганно кивнул. Когда учитель ушел, он с жалостью посмотрел на девочку, стоящую на коленях в ящике с горохом. Ему хотелось как-то подбодрить ее, но разговаривать с наказанными запрещалось. И присматривающий знал, что никогда не ос-

мелится нарушить приказ бывшего инквизитора. Знал — и был противен самому себе из-за этого жалкого страха. Он отвернулся, только чтобы не видеть малышку с решительными глазами.

К карете Елена самостоятельно дойти не смогла, ее вынесли из школы на руках. А потом еще долго слабо стояла на ногах. Рядом с ней все это время сидел мрачный отец, сжимая и разжимая кулаки. Его чуть ли не за руку держала Марфа, опасаясь, что муж кинется в школу разбираться. Едва узнав о наказании дочери, отец словно окаменел и с тех пор не произнес ни слова. Именно этот молчаливый гнев заставлял Еленку терпеть боль и не плакать. Она понимала, что если заплачет, отец помчится в школу, и чем все может закончиться, знает один Спаситель. В любом случае девочке не хотелось, чтобы папа ругался с тем страшным стариком-инквизитором. И она терпела. Терпела и улыбалась, шутила.

Отец с матерью сидели рядом с ней до самого вечера. Мрачный и злой Варфоломей стоял здесь же.

— Больше ты в эту школу не пойдешь! — твердо заявил Дионисий. — Нечего тебе там делать.

Еленка страшно обрадовалась этому. Ради такого подарка она готова была еще пять часов простоять на горохе. Каким-то шестым чувством девочка ощущала, что обычная школа — вовсе не то, что ей нужно. Не даст она того, чего хочется.

На следующий день Дионисий куда-то уехал и пропадал около недели. Через неделю он привез большую стопку книг.

— Вот, дочка. Купил самые лучшие учебники.

С этой поры для Еленки начались счастливые дни. Никто больше не висел у нее над душой с постоянными замечаниями и нравоучениями. Никто не изрекал Истины. Нельзя сказать, что учеба давалась легко, восьмилетней девочке довольно трудно разобраться самостоя-

тельно во множестве новых вещей. Но это было ей в радость. Она читала, подчеркивала то, что не понимала, и пыталась разобраться в непонятном позже или в спорах с Николаем, которому часто пересказывала свои книги, убежав на реку или в лес, где предпочитала заниматься вдали от людской сутолоки. А совсем уж непонятные вещи девочка спрашивала у Варфоломея. Тот старался разъяснить ей в меру своего понимания, а если чего-то не знал, то не стеснялся признаться в этом.

* * *

Класс негромко шумел в ожидании учителя, ученики делились впечатлениями о вчерашнем грандиозном празднике дня тезоименитства. Весь город пел, веселился и танцевал. А какой фейерверк устроили маги после того, как стемнело — это было нечто, мало кому доводилось видеть что-либо подобное. Император праздновал свое пятидесятипятилетие с размахом, денег не жалел.

Но не всем праздник был праздником, многим он обернулся немалой головной болью — Стиг видел, как носился приемный отец, сколько ему добавилось забот. Его величество плевать хотел на свою безопасность, забывая, что многие мечтают увидеть его в гробу до срока. Дракончик давно догадался, кем является тайный советник Орид Тангерд, но держал свои догадки при себе. Позже пригодятся — он не видел для себя иной судьбы, кроме службы в Конторе. Жаль только, еще мал — восемь недавно исполнилось. Кто же возьмет восьмилетнего ребенка в службу безопасности?

— Здравствуйте, дети! — ворвался в класс учитель, рассеянный пожилой дварф в очках. Он нес под мышкой несколько свернутых в рулоны карт.

— Доброе утро, мэтр Рохен! — дружно поздоровались ученики.

Учителя истории в гимназии любили, он очень интересно рассказывал, даже самые отпетые шалуны забывали на его уроках о баловстве и слушали, открыв рот. Второму классу, правда, еще не читали историю, и Стиг дожидался этого с нетерпением — хотел понять, почему сейчас все так, а не иначе. По каким причинам это вышло. Он оглянулся — в классе кого только не было. Еще трое драконят, два юных грифона, дети гномов, сатиров, людей, дварфов, даже одна эльфийка. Драконы и грифоны занимали правую половину класса, где для них оборудовали подходящие учебные места. В империи Над очень серьезно относились к образованию молодых и средств на это выделяли немало. Даже в бесплатных государственных школах имелось все необходимое, не говоря уже об элитных гимназиях, в одной из которых и учился Стиг. Насколько он знал, приемный отец платил за год около двадцати тысяч золотом — не всякий аристократ мог себе такое позволить. Зато и учили здесь, как больше нигде. Преподавали большей частью университетские профессора, соблазнившиеся огромным жалованьем. Вот и мэтр Рохен был таким, и не просто, а действительным членом Императорской Академии Наук.

— Итак, второй класс, познакомимся! — потер руки учитель, свалив карты на стол. — Меня, вижу, вы уже знаете. Назовитесь. Начнем хотя бы с вас, юная госпожа.

Его палец указал на эльфийку, та встала.

— Лоралиэль Элтаэноль, — разнесся по классу серебристый голосок.

Стиг недовольно поморщился — не любил он эту задаваку, вечно строит из себя невесть что, ни с кем говорить нормально не желает. На любого, кто ею не восхищается, смотрит как на ничтожество. Дракончик несколько раз осаживал Лоралиэль, и та этого не забыла. К сожалению, язык у девчонки оказался острый, ее под-

колки и ехидные шутки порой заставляли Стига тихо шипеть от ярости. В общем, друзей в классе он так и не завел. Остальные драконята были детьми аристократов и воротили нос от приемного сына тайного советника, которого люто ненавидели их родители.

Зато Стиг подружился с младшим сыном Навра Стобера, Гортом, и внуком императора, Кирланом, — тот, хоть и был принцем, совершенно не заносился. Трем приятелям часто доставалось за проказы, но они не унимались, носясь по огромному городу в поисках новых развлечений. Стирген VIII, когда ему жаловались на проделки внука, обычно только смеялся и говорил, что кто в детстве не шалил, тот жизни знать не будет. Правда, за приятелями незаметно ходили лучшие «тени» Конторы, дракончик их не раз замечал, отличаясь хорошей наблюдательностью, но никому об этом не рассказывал — люди свое дело делают, незачем их подводить.

— Стиг Тангерд, — назвался он, когда дошла очередь.

— Тангерд? — взметнулись вверх кустистые брови мэтра Рохена. — Вы родственник советника Тангерда?

— Сын. Приемный.

— Ясно, — учитель окинул довольно крупного для своих лет черного дракончика, достигшего уже половины человеческого роста, заинтересованным взглядом. — Ну что ж, приступим к уроку. Для начала я дам вам краткий обзор общей истории Танра, а затем перейдем к истории отдельных стран. Кто-нибудь может назвать три коренных народа нашего мира?

— Позвольте? — приподнял крыло один из грифонов, Мэл Колар.

— Прошу.

— Эльфы, — он покосился на тут же вздернувшую нос Лоралиэль, — дзенн и драконы.

— Отлично! — одобрительно улыбнулся мэтр Рохен. — А кого первым привели на Танр младоэльфы?

— Нас, орков! — встал один из орчат, Хрыг Урумай. — Но почему младоэльфы? Кто это такие?

— Так в имперской исторической науке принято называть группу молодых эльфийских магов, непонятно зачем открывших Дорогу Миров, — объяснил учитель. — Ни один историк так и не нашел логичных причин для их поступка. Зачем им понадобилось призывать на Танр группы разумных, находящихся на грани гибели? И ведь после первого раза они не остановились, продолжали и продолжали. Результатом стало разрушение Дороги Миров и отсечение Танра от остальной вселенной. Дзенн тогда потеряли связь со своими колониями в космосе. Вновь открыть Дорогу не удалось больше никому, даже тому, кого много позже назвали Ушедшим.

— По голове некому было настучать этим младоэльфам! — не выдержал Стиг.

— Думаю, потом нашлось кому. Только это ничем помочь уже не могло. Однако продолжим. Помимо орков, на Танр пришли дварфы, гномы, сатиры, грифоны и... — учитель вздохнул, — люди. Последних оказалось больше всех, несколько десятков тысяч. Возможно, даже сотен тысяч — точных данных не сохранилось.

Немного помолчав, дварф продолжил:

— Историки до сих пор гадают, из одного ли мира пришли люди. Я лично думаю, что да. Но из разных племен и народов, а возможно, даже из разных времен — маги Ассамблеи считают, что Дорога Миров пронизывает все времена и пространства. Почему я допускаю такую возможность? Сохранилось несколько древних хроник, в которых дзенн описывали пришельцев. Разные группы людей называли себя по-разному: немцы, французы, испанцы, англичане, русские, поляки, древляне, ромеи и евреи. Но среди называющих себя одинаково и говорящих на одном языке четко выделялись группы разного уровня развития. Одни имели стальное

оружие и цельные доспехи, другие знали только бронзу. Большинство людей исповедовали единобожие, называемое ими христианством, что тоже говорит о происхождении из одного мира, однако немало было и язычников. Правда, продержались последние недолго, христиане подмяли их под себя за два-три поколения.

— А что такое христианство? — спросила Лорали-эль. — Мы же в Спасителя верим!

— Иисус Христос — предыдущее воплощение Спасителя, по мнению богословов, — пояснил мэтр Рохен. — Видимо, он приходил в тот мир, откуда родом люди. Так это или нет, я сказать не могу, а доступа к архивам Церкви мы не имеем. Знаю одно — наша вера совсем не похожа на христианство, за исключением нескольких ключевых моментов. Еще до прихода Спасителя первоначальная религия на Танре сильно изменилась. Изначально разные группы людей молились Христу по-разному — были так называемые православные и левославные христиане. Чем они отличались? Почему объединились? Что послужило причиной объединения? Кто был в этом заинтересован? Опять же — не сохранилось точных данных, мы можем только строить предположения.

Учитель развернул одну из карт и повесил ее на доску. Это оказалась карта северной части материка Корваг, где ныне располагался Фалнор. Немного помолчав, он снова заговорил:

— По моей теории, главную роль в объединении религий и создании Единой Церкви сыграли монахи-рыцари, называвшие себя тамплиерами или храмовниками. Поселили их примерно вот здесь, на северо-востоке Корвага. Храмовников изначально пришло на Танр совсем немного, однако это были подготовленные и умелые воины, быстро подмявшие под себя окрестные племена французов, немцев и испанцев. Дзенн не сразу по-

няли, что происходит, — у них не существовало понятий войны и насилия, — а поняв, запретили людям воевать. Но поздно — первое человеческое государство на Танре было создано. Невдалеке от него вскоре возникло другое — его основали русские, ромеи и древляне-язычники, назвав Русией. Поначалу две страны подозрительно наблюдали друг за другом, однако постепенно начали сближаться. Как я уже говорил, неизвестно, почему так случилось. Знаем только, что глава ордена храмовников и русинский князь вместе с патриархом зачастили в гости друг к другу. Около ста лет шло сближение, а затем храмовники и русины объединились, создав Единую Церковь. Думаю, уже тогда она имела к принесенному предками из родного мира христианству очень малое отношение — было пересмотрено все, что не отвечало реалиям Танра. Тому имелось несколько причин...

Мэтр горестно вздохнул.

— Первой и самой главной стала ненависть людей к древним расам, — очень тихо сказал он. — Еще до объединения главы обеих Церквей объявили дзенн исчадиями ада и предали анафеме. Почему? Не могу понять. Наверное, никогда и не пойму. Ведь именно дзенн отдали людям незаселенные земли, именно дзенн помогали им во всем, именно дзенн с радостью делились с ними своими знаниями и умениями. Я еще могу понять отношение дикарей к драконам — боялись, а дикари всегда стараются уничтожить то, что их пугает. Впрочем, я отвлекся. Второй причиной, как мне кажется, стало то, что книг с собой люди на Танр не принесли и восстанавливали Святое Писание по памяти, из-за чего оно сильно отличалось от настоящего. Наверное, в архивах Церкви можно найти хроники тех времен, но нам их не прочесть, Церковь свои секреты хранить умеет.

— А дальше что было? — Стигу не терпелось узнать,

как и почему погибли мудрые дзенн, а драконы стали преследуемыми изгоями.

— А дальше — на следующем уроке, — развел руками мэтр Рохен. — Наше время истекло.

И в самом деле — не успел он договорить, как прозвенел звонок. Стиг разочарованно вздохнул, но быстро повеселел — приемный отец обещал появиться вечером дома, можно будет попробовать уговорить его на рассказ о дальнейших событиях. Да и следующий урок истории уже завтра, недолго ждать. Интересно рассказывает профессор!

Выйдя из гимназии, Стиг задумался, куда пойти. Может, в библиотеку, самому поискать книги по истории? Почему-то не хотелось. Лоралиэль, проходившая мимо в сопровождении своих прихлебателей, крикнула что-то обидное, но дракончик не обратил внимания — глупо обращать внимание на обделенных разумом.

Его внимание привлек тихий свист — из-за ближайшего угла высунулась козлиная мордочка Горта. Так, раз сатир здесь, то где-то рядом и принц — поодиночке эти двое ходят редко. С чего это друзья выловили его прямо у гимназии? Явно что-то задумали. Теперь не до библиотеки, это уж точно. Но что они задумали? Вчера ни о чем не договаривались... Происшедшее следом заставило Стига усесться на мостовую и расхохотаться.

Лоралиэль не спеша шла в сторону ближайшего трактира — там для детей готовили очень вкусный молочный коктейль, дракончик сам часто лакомился им. Эльфиечка благосклонно слушала излияния двух своих самых ярых поклонников, Нита Кельсита и Ровина Сорка, когда из ближайшей подворотни ей прямо под ноги выплеснули ведро помоев. Поскользнувшись, Лоралиэль уселась на пятую точку и разразилась гневной тирадой, поминая происхождение всех родственников некоего черного дракончика.

Стиг удивился — он-то здесь при чем? Сидит себе в сторонке, никому не мешает, никого не трогает. А затем эльфийка попыталась встать и... не смогла. Только тут стало ясно, что вылили ей под ноги вовсе не помои, а клей, и теперь отодрать гордячку от мостовой будет непросто. Кирлан, конечно! Только внуку императора могло прийти в голову такое — его неуемная фантазия не раз поражала Стига. Вчера как раз пожаловался друзьям, что в гимназии достают, вот они и решили помочь. Спаси Создатель от таких помощничков! Хорошо хоть все вокруг видели, что он не виноват в конфузе Лорали-эль, а то бы вообще жизни не стало — слишком многие ее обожают. Теперь главное, чтобы Кирлану с Гортом хватило ума тихо смыться с места происшествия, а не злорадствовать.

Хватило! Состроив серьезную морду, Стиг обошел продолжающую ругаться эльфийку и двинулся к углу, за которым видел сатира. В спину ему неслись изощренные проклятия троих пострадавших, хотя Нит с Ровином и отделались легче, чем Лорали-эль, — у них всего лишь приклеились ботинки.

— Привет! — налетели на дракончика друзья, едва он успел показаться из-за угла. — Как мы ее, а?

— Смешно, — буркнул Стиг. — Вот только уверен, что виноватым меня объявят.

— Кой там дзенн! — отмахнулся Кирлан. — Все видели, что ты к этой девице и близко не подходил. Пусть теперь попробуют ее отодрать от мостовой! Этот клей ни один растворитель не берет.

— А что за клей? — заинтересовался дракончик.

— Им каменные плиты между собой скрепляют, схватывается мгновенно и навсегда. Я у мэтра Лонгема, главного строителя дворца, целое ведро стащил. Еле донес, тяжелое!

— А узнают?

— И что? — отмахнулся довольный собой Кирлан. — Ну, деда поругает, так не впервой. Папе не до меня, у него в Конторе дел хватает. А мама...

Он помрачнел. Стиг с Гортом сочувственно переглянулись — матери у принца, считай, и не было. Никто не понимал, как сына императора угораздило жениться на очень красивой, но абсолютно безмозглой кукле. Для нее не существовало ничего, кроме балов, поклонников, сплетен и драгоценностей. О том, что у нее есть сын, принцесса Кларисса благополучно забыла, едва оправившись от родов, и, если ей приносили ребенка, устраивала истерики. Мальчишка рос на попечении гувернера, отставного сыщика Службы Безопасности.

Кирлан все свои первые годы провел среди оперативников, сыскарей и бойцов Конторы, первой его игрушкой вместо погремушки стал кинжал, а затем — специально выкованный маленький меч. Там же он и познакомился с Гортом. Только когда дед взошел на престол, мальчика поселили во дворце, что ему очень не понравилось — от чопорных придворных Кирлана тошнило. Вот принц и начал сбегать в город. Сперва из-за этого поднимался переполох, а затем император приказал, чтобы ребенка тайно сопровождали «тени», не мешая ему постигать мир.

По привычке Кирлан часто навещал главную резиденцию Конторы, где его знал каждый курьер, и ходил по кабинетам, расспрашивая следователей и оперативников, чем они заняты. Те ничего не скрывали от будущего императора — зачем? Если, конечно, дело не было слишком важным, чтобы говорить о нем с ребенком. Но и тогда они придумывали что-нибудь интересное для Кирлана — любопытного мальчишку в Конторе любили. В главной резиденции принц однажды и встретился со Стигом, пришедшим проведать приемного отца. Почему-то они понравились друг другу с первого взгляда

и с тех пор редко расставались. Сын Навра Стобера тоже не имел ничего против третьего в их компании.

— Так что ничего страшного, — повеселел Кирлан. — Слушайте, чего я придумал. Маги сегодня все в инзиурской Ассамблее заседают.

— И что? — почесал себя между рожек Горт.

— Я слыхал, что у Армлания Колеха есть куча редких артефактов, только он их никому не показывает!

— Ты хочешь забраться в башню самого архимага?! — изумился Стиг. — Вот как шарахнет защитой по башке, сразу про такие идеи забудешь.

— А я хитрый! — возразил принц. — Я амулеты Эрлайля у деда из сейфа спер, вот! С ними никакая защита не страшна.

— Ох, и попадет же нам... — обреченно вздохнул дракончик.

— Ну, и попадет! — презрительно цокнул копытом юный сатир. — Зато можно будет шапками-невидимками разжиться, говорят, у архимага они есть. А может, и еще чего интересного найдем.

— Да дзенн с вами, пошли! Но что-то у меня плохие предчувствия...

В квартале магов никого не было — все отправились в Инзиур, город магов, на отчетное заседание Ассамблеи, где архимаг обязан был подтвердить свою квалификацию, если хотел сохранить за собой должность. Простые горожане старались пореже захаживать сюда без приглашения, побаивались всяких колдовских штучек. И не зря — вокруг каждой башни висели в воздухе кружева защитных заклинаний. И тут уж каждый изощрялся, как мог. Незадачливый вор, решивший обокрасть мага, мог ожидать всего, что только мог себе представить, и даже больше. Однако наиболее распространенными заклинаниями все же оставались «мясорубка» и «огненный вихрь». Еще немалой популярно-

стью пользовалась создаваемая телепортаторами за немалые деньги ловушка, сразу переносящая незваного гостя в подвальные камеры столичной тюрьмы, где его с распростертыми объятиями встречали тюремщики и штатные палачи. О попытках проникновения в башни магов в Над-Аноуре даже слухов не ходило — воры тоже хотели жить.

— Вот мы и на месте, — едва слышно сказал Кирлан, добравшись до подножия гигантской башни архимага империи Над.

Стигу было сильно не по себе, но и показать себя трусом в глазах друзей он не мог. Предчувствие неприятностей становилось с каждым мгновением все сильнее, иногда ему казалось, что он видит возле башни клубки переплетенных разноцветных нитей. И дотрагиваться до этих нитей совсем не хотелось: они вызывали очень неприятное чувство — даже зубы ныли и чешуя дыбом вставала.

Раздав друзьям украшенные мелкими рубинами белые пластинки амулетов Эрлайля, Кирлан решительно толкнул дверь и вошел в башню. Ничего не случилось. Амулеты сработали! Решившись, Стиг двинулся за принцем, последним был сатир. Внутри оказалось светло, хотя источников света дракончик и не увидел. Похоже, светился сам воздух. Стены украшали бесчисленные гобелены, горел камин, расставленные у стен мягкие кресла навевали мысли об уюте. В центре зала вокруг толстого столба вилась спиральная лестница, уводящая куда-то вверх, в темноту. Рабочие кабинеты магов, где они хранили самые ценные артефакты, обычно располагались на самой верхотуре.

— Полезли? — Горт старался казаться невозмутимым, но его била дрожь.

— Ага! — радостно согласился принц. — Пойду первым.

— Может, я? — предложил Стиг. — Драконы живучее людей.

— Да ничего не будет! — отмахнулся Кирлан, ступая на лестницу.

— Ой ли... — укоризненно покачал головой дракончик, но тоже начал подниматься.

Лестница казалась бесконечной, друзья поднимались в полной темноте уже целую вечность, они громко разговаривали, пытаясь заглушить страх, но это не очень-то получалось — каждого колотило. Вокруг то и дело раздавались протяжные стоны, вздохи, шуршание. Что-то живое и очень страшное наблюдало за незваными гостями, но почему-то не трогало их. Стигу мерещились вьющиеся вокруг лестницы склизкие щупальца, огромные пауки, непонятные монстры. Он едва не пищал от ужаса, проклиная про себя Кирлана вместе с его «гениальными» идеями.

— Уф, взобрались! — облегченно выдохнул принц, ступая в пятно света.

Они оказались в библиотеке. Хотя не совсем библиотеке — чего только не было в бесчисленных шкафах! Забыв о страхе, друзья бросились рассматривать диковинки. Их взглядам предстали статуэтки разных существ, разноцветные склянки, пробирки, резные жезлы, чучела невиданных зверей. Под потолком висела гигантская змея, кажущаяся живой — так и прыгнет сейчас.

— Да где же тут у него эти дзенновы шапки? — недовольно буркнул Кирлан, открывая очередной шкаф. — А это еще что?!

Из глубины шкафа навстречу ему потянулся голубоватый туман, пронизанный золотистыми искорками. Принц отшатнулся, но поздно — какая-то сила взметнула его вверх. Стиг с Гортом бросились на помощь, однако тоже оказались висящими в воздухе. Друзья не могли

даже пошевелиться — что-то невидимое крепко держало их.

— Влипли... — уныло констатировал дракончик, убедившись, что попытки вырваться ничего не дают. — И что делать станем?

— Архимага дожидаться... — не менее уныло ответил принц.

— Надавать бы тебе по шее!

Когда на груди затрепетал медальон, сообщающий, что в его башню проникли воры, архимаг настолько изумился, что выронил бокал с вином. Он уже подтвердил свою квалификацию, провел отчетное собрание и праздновал это в узком кругу друзей. И вдруг — воры! Мало того, эти дзенновы воры были пойманы заклятием Торана, оставленным на всякий случай в хранилище артефактов. Но как они добрались до хранилища?! По дороге незваных гостей поджидали десятки ловушек, призрачные и реальные стражи. Пройти через все это просто невозможно, если не имеешь амулета Эрлайля, а этих амулетов — полдесятка в империи. И все в личном императорском владении! Придется срочно возвращаться в столицу. Если одни проникли в башню, то смогут и другие. Эти-то хоть попались. Надо самому взглянуть, кто оказался настолько наглым, чтобы попытаться обокрасть архимага.

Извинившись перед друзьями, Армланий переместился в хранилище — благо, был одним из немногих телепортаторов империи. Его взгляду предстала изумительная картина — под потолком барахтались в воздухе трое детей. Мальчишка, сатир и дракончик. Присмотревшись, архимаг сразу узнал их и выругался сквозь зубы.

— И кого это мы видим перед собой? — устало спросил он. — Все та же неугомонная троица. Кирлан арн

Над, Горт Стобер и Стиг Тангерд... Ну и что мне с вами делать, сорванцы?

— Простите, дядя Армланий... — жалобно попросил принц. — Мы только шапки-невидимки хотели найти...

— А подойди и попросить — трудно было?! — схватился за голову архимаг, его холодный пот прошиб при мысли, что какое-то из его защитных заклинаний могло сжечь единственного внука императора.

— Мы не подумали...

— Не подумали они! — раздраженно рявкнул Армланий. — И что за наказание? Не дети, а дзенн знает что!

Немного подумав, он подошел к огромному хрустальному шару на подставке и активировал его для поиска императора. Тот как раз сидел в своем кабинете, изучая какие-то документы. Стирген немного удивился, когда перед ним на стене вдруг появилось лицо архимага, но виду не подал.

— Ваше величество! — поклонился Армланий. — Ваш внук перешел все границы!

— А что случилось? — насторожился император.

— Сторожевой амулет сообщил мне, что в моей башне — воры. Я переместился туда и кого, как вы думаете, там обнаружил?

— Этих трех оболтусов... — тяжело вздохнул Стирген. — И что ж им неймется?

— Мало того, они каким-то образом сумели добраться до хранилища артефактов, обойдя все ловушки. Я подозреваю, что у мальчишек амулеты Эрлайля. Иного способа остаться невредимым в моей башне для чужака нет.

— Эрлайля?.. — нахмурился император. — А ну-ка, погодите минутку.

Он резко встал и направился к сейфу. Открыв его, проверил наличие амулетов, не нашел их и расхохотался.

— Спер! — сквозь смех выдавил его величество. — Спер, свиненок эдакий!

Немного успокоившись, он укоризненно покачал головой и спросил:

— Ты меня слышишь, Кирлан?

— Слышу, деда... — уныло отозвался висящий под потолком принц.

— На сей раз ты легко не отделаешься и отведаешь ремня. Ясно? Родителям твоих приятелей я посоветую сделать то же самое. Пора вам, дорогие мои, учиться отвечать за свои поступки.

— А чего мы такого сделали?!

— Вы погибнуть легко могли, идиоты малолетние! — рявкнул император. — Счастье, что я распорядился позавчера зарядить амулеты заново — они уже ни на что не годились. А не распорядился бы? Что бы от вас осталось, полезь вы в башню с незаряженными амулетами, а? Три кучки золы?!

— Они просто не смогли бы войти, ваше величество, — поспешил возразить архимаг, не желая, чтобы его обвинили в установке смертельных ловушек без надлежащих мер безопасности. — Сторожевое заклинание остановило бы их у входа и держало до прибытия стражи.

— Не суть важно! — отмахнулся Стирген. — Я тебе многое позволял, Кирлан. Но ты никак не желаешь умнеть, а значит, придется заняться тобой вплотную. Хватит уже творить дзенн знает что!

— Я больше не буду, деда! — испугался таких перспектив принц.

— Переправьте этих трех разбойников во дворец, архимаг, — не обратил внимания на его слова император. — В мой кабинет. Буду вам очень за это благодарен.

— Конечно, ваше величество, — поклонился Армланий. — Сейчас сделаю.

Шар погас. Архимаг некоторое время разглядывал понурых друзей, как каких-то диковинных насекомых,

затем вздохнул и нараспев прочел заклинание переноса. Вокруг принца, сатира и дракончика сгустился серый туман, что-то зазвенело и... они оказались стоящими перед разгневанным императором.

— Ага, вот и наши красавцы, — раздраженно буркнул его величество. — Делать мне больше нечего, кроме как вашим воспитанием заниматься, стервецы! Вы двое — бегом домой, и чтобы выходить до завтра не смели! Родителей я уже предупредил. А ты, Кирлан, снимай штаны и залезай на стол.

— Не надо, деда... — заплакал принц, которого еще никогда в жизни не били.

— Как шкодить, так он первый, а как отвечать — так не надо?.. — проворчал император, доставая откуда-то сложенные вдвое вожжи. — А вам двоим повторять надо? Брысь отсюда!

Стиг с Гортом вылетели за дверь как ошпаренные, успев услышать свист вожжей и отчаянный визг Кирлана. Стражники проводили их понимающими взглядами, ухмыляясь в длинные усы — гордость каждого уважающего себя орка.

— Допрыгались... — буркнул дракончик, оказавшись за дворцовой оградой. — Что ж дома-то будет, а?

— И не говори... — поежился сатир. — Мамка точно выпорет, папка-то в Фалноре. Он бы пожалел, а мамка... Эх-х-х...

— Сами виноваты! Ну, кто нас просил туда лезть?!

— Никто... Но кто ж знал, что так выйдет?

— Самим пора учиться думать! — отрезал Стиг.

Друзья попрощались и разошлись. Дракончик старался не спешить, но через час все же добрался до дома, как ни старался оттянуть этот момент. В гостиной его встретил мрачный взгляд Вихря, удобно устроившегося на возвышении перед камином. Стиг обреченно вздохнул и поплелся к нему. Предстоял неприятный разговор.

Настроение оставляло желать лучшего — разговор с приемным отцом оказался не просто неприятным, а очень неприятным. Стыдно было так, как никогда в жизни. И ведь возразить нечего — сам виноват! Кто мешал оттоворить друзей от такой глупости, как забираться в башню архимага? Нет же, наоборот, побежал за ними, как щенок несмышленый. Вспомнились последние слова Вихря:

— Был бы ты моим родным сыном, надавал бы по шее. А так не считаю себя вправе. Но знаешь, ты сегодня потерял мое уважение, и вернуть его будет непросто. Иди и подумай над своим поведением!

Слышать это было больно — терять уважение этого дракона Стиг совсем не хотел. Сам безмерно уважал его. Что теперь делать? Как доказать, что не полный оболтус? А дзенн его знает! Хотелось рвать и метать, драконч ик едва удержался, чтобы не огреть хвостом попавшееся на дороге дерево.

Войдя в класс, он сразу обратил внимание, что Лоралиэль нет. Настроение немного улучшилось. Гордячка явно больной притворяется — небось уязвленную гордость лечит. Вскоре пришел мэтр Рохен — история сегодня была первым уроком. Дварф выглядел очень расстроенным.

— Здравствуйте, дети! — не сразу заговорил он. — Хочу сообщить вам грустную новость. Ваша одноклассница Лоралиэль Элтаэноль нескоро вернется в гимназию. Кто-то вчера вылил на нее едкий клей, разъевший бедняжке кожу на ногах. Даже маги-целители не обещают быстрого выздоровления. Ей теперь не меньше месяца пластом лежать. Не знаю, кто так жестоко «подшутил» над девочкой, но пусть ему будет стыдно...

Стиг едва не задохнулся от ужаса. Ой, мама, да что же это такое?! Да чем Кирлан думал, когда вылил такой клей?! Ну почему любая шалость оборачивается так страшно?!

Одноклассники начали поворачиваться к ошеломленному, посеревшему дракончику. Их укоряющие взгляды буквально стегали его.

— Это не я... — потерянно пробормотал Стиг. — Не я... Все же видели, что я в стороне стоял...

— Не ты, так твои дружки! — запальчиво выкрикнул Нит Кельсит. — Гады! Конторщики вонючие!

— Тихо, дети! — остановил зарождающийся конфликт мэтр Рохен. — Не обвиняйте никого, не имея доказательств, молодой Кельсит. А вам, юный Тангерд, если вы знаете, кто это сделал, советую передать ему вот что: трусливо прятаться, сделав гнусность, — последнее дело. Виновен — признай свою вину.

Немного помолчав, он сказал:

— А теперь приступим к уроку.

Ну, и что теперь делать? Впрочем, Стиг знал — что. После урока он пойдет во дворец, добьется встречи с Кирланом и расскажет ему все. И если принц не признается после этого, значит, у него больше нет друга. Иначе поступить нельзя, или сам в сволочь превратится. Пытаясь как-то отвлечься от горьких мыслей, дракончик вслушался в рассказ учителя и неожиданно увлекся. Умел мэтр Рохен рассказывать.

— В прошлый раз мы остановились на возникновении Единой Церкви. Сегодня я хочу рассказать вам о Спасителе и его роли в дальнейших событиях. От слияния до рождения Спасителя прошло около пятисот лет, но подробно мы будем рассматривать этот период позже. А если коротко, то за это время Фарусия, основа будущего Фалнора, укрепилась. Языки многих народов слились, породив фалнорский, ставший со временем языком межнационального общения, так называемым всеобщим. Обычаи тоже стали едины. Но мало того — религия Единой Церкви, как степной пожар, покатилась по человеческим племенам Танра. Каким образом

она пересекла океан и добралась до Арбадона, неизвестно, но это произошло. Не принял ее только народ, живущий на крайнем юге этого материка — там верили в некоего Пророка. То ли Махамада, то ли Мохемодда, то ли Махмуда — о правильном произношении его имени ученые и богословы спорят до сих пор.

— А сейчас? — спросил кто-то. — Разве в Кадаире не признают Спасителя?

— Признают, — заверил учитель. — Но так было не всегда. В свое время немало крови пролилось из-за этого. Однако, в конце концов, в Кадаире согласились с тем, что Спаситель — новый Пророк. Не знаю, почему им позволили молиться по-своему и устанавливать свои каноны, но так было. До сих пор кадаирские обычаи кажутся дикими любому иноземцу. Подробно войны Пророка мы будем изучать в пятом классе, тогда и рассмотрим возможные причины случившегося. А пока вернемся к ситуации перед рождением Спасителя.

Он повесил на доску карту.

— Смотрите сюда. Тогда граница между землями людей и дзенн проходила по реке Лучезарной. Однако контактов между этими двумя народами не было. По вине людей — они ненавидели древних так, что даже темные сущности, ранее называемые демонами и чертями, начали звать дзеннами. Это стало настолько привычным со временем, что и теперь мы посылаем к дзенну, а не к черту. Древние отступили, они не понимали, за что их ненавидят, и просто перестали показываться людям на глаза, отгородив свою территорию магической границей. Надеялись, что со временем бессмысленная ненависть пройдет. Зря надеялись...

Мэтр Рохен горестно вздохнул и продолжил:

— Как вы знаете, современное летосчисление идет от рождения Спасителя. Он родился тысяча восемьсот восемьдесят один год назад. По крайней мере, по утвер-

ждению отцов Церкви, проверить которое мы не в состоянии. Канонический вариант его биографии вы будете изучать на уроках богословия. Я же дам только общие вехи, от которых мы сможем оттолкнуться. Итак, Горгий Кратис родился в деревне Марковка неподалеку от города, который мы сейчас знаем под именем Фалинград. По одним данным, его отец был ромеем, а мать — русской. По другим — наоборот. Трудно судить, сейчас названия древних народов помнят только такие книжные черви, как я. Да и неважно это — другое имеет значение. То, что сделал этот человек.

— Уничтожил великий народ и отбросил Танр в варварство! — не выдержал Стиг.

— С каких-то позиций вы, вероятно, правы, — вздохнул учитель. — Но судить о деяниях предков со своей колокольни легко, особенно считая, что знаешь больше них. Вот только — умно ли? Надо постараться понять причины происшедшего — ведь каждая сторона была права по-своему. Поэтому продолжу. О детстве Спасителя известно немногое, разве только то, что он отличался большой набожностью и часто сбегал из дому в церковь, проводя там дни и ночи в молитве. По утверждению его жизнеописателей, именно в юношеские годы с ним заговорил Бог и повелел очистить Танр от слуг Тьмы. Я не считаю себя вправе отрицать это или соглашаться. Кто-то верит, кто-то нет — каждый имеет право на свое мнение, по крайней мере, в империи. В восемнадцать лет Горгий Кратис принял постриг в монастыре Сынов Господних. Не знаю, каким образом, но из простого монаха он к тридцати двум годам стал первосвященником, который тогда почему-то назывался Папой Ромейским. Почему? Не спрашивайте меня об этом — какая-то принесенная из родного мира традиция. Проповеди Кратиса сводили людей с ума, лидера с такой харизмой среди людей Танра еще не рождалось.

Еще через несколько лет он объявил себя вновь родившимся Иисусом Христом, пришедшим спасти мир от скверны. И ему поверили! Как это ни невероятно — поверили. А неповеривших фанатики рвали в клочья. И тогда...

Мэтр Рохен опустил голову, его голос стал глухим:

— Тогда Кратис объявил о смене основной политики Церкви, о том, что нельзя отказываться от знаний, если их предлагают. К сожалению, это была только надводная часть айсберга, истинные намерения первосвященника знали только его ближайшие соратники. Через эльфов, с которыми люди все же иногда контактировали, в отличие от остальных рас, Кратис направил к дзенн послание с просьбой принять на обучение талантливых юношей и девушек. Древние этому очень обрадовались и открыли границы — они решили, что люди образумились... Увы, это оказалось не так. Спаситель решил одолеть врага его же оружием. На обучение отправлялись только молодые фанатики, считающие, что идут на подвиг во имя веры. Их было много, люди за прошедшие столетия успели расплодиться немерено. Через несколько лет дзенн обнаружили среди них тех, кого много позже назовут прирожденными магами — их невероятные способности привели древних в восторг. Постепенно люди проникали во все структуры дзенн, они показали себя умными и умелыми учениками и помощниками. Им передавали все знания, ничего не скрывая, с радостью. А эти так называемые помощники постепенно выясняли слабые стороны древнего народа. Главной слабостью оказалась неспособность убивать разумных — дзенн легче было самим умереть, чем убить. И они умерли...

Учитель сгорбился и устало опустился на стул.

— Хроники Дня Крови страшны... — почти неслышно сказал он, но его услышали, в классе царила такая

тишина, что слышно было бьющуюся об стекло муху. — Тридцать лет люди копили силы, использовали полученные знания, чтобы придумать оружие. В конечный период подготовки восстания они проникли во все города и селения дзенн, даже мельчайшее не осталось без их внимания. В назначенный день десятки тысяч человек достали припрятанное оружие и начали убивать. Первыми погибли маги древних — на стороне Церкви выступили человеческие маги, еще не знающие, какую судьбу эта самая Церковь уготовила им самим. А затем люди начали резать всех подряд, не жалея ни женщин, ни детей. Они радостно, со смехом, убивали тех, кто делил с ними хлеб, кто учил их всему, что знал сам, кто никогда не причинял им зла. Дзенн было не особенно много, по моим подсчетам — не более трехсот тысяч, они считали, что нельзя допускать перенаселения, и жестко контролировали рождаемость. Почти все они погибли в течение одного дня. Только несколько тысяч смогли скрыться в спешно созданных последними выжившими магами порталах. В отличие от людей, среди которых телепортаторов очень мало, дзенн почти все были таковыми. Но неизвестно, сумели ли спастись бежавшие — больше никто и никогда не видел на Танре древних.

— А Ушедший? — спросил кто-то из орков.

— Ушедший... — повторил учитель. — Великий фанн'э Тан'Оннэ Ант'Оррэ. Не было за всю историю Танра более великого мага. И по мудрости, и по силе. Поняв, что его народ гибнет, фанн'э сплел какое-то заклятие непредставимой мощи. Магический эфир несколько дней не мог успокоиться после его применения. Но что это было за заклятие? Никто так и не узнал этого. Но когда в его дом ворвались паладины, Ушедший активировал это заклятие и расплылся в воздухе кровавым туманом. Но перед этим сказал: «Я ухожу. Но я вернусь, и вы за-

платите за содеянное страшную цену, неблагодарные звери!»

Стигу показалось, что его ударили. Почему-то слова давно мертвого дзенна потрясли его до онемения. Что-то в них было очень важное, для него самого важное. Но что?! А перед глазами вставала тьма. Нет, Тьма, которую огульно объявили злом. С дракончиком что-то происходило, он ничего не видел и не слышал, понимал только, что сейчас что-то в нем самом меняется необратимо и навсегда.

— Продолжим на следующем уроке, — как сквозь вату донеслись до него слова мэтра Рохена.

Стиг довольно долго сидел, пытаясь прийти в себя. Он не сразу обратил внимание, что остальные ученики тоже остались на своих местах, требовательно глядя на него. Не сразу стало понятно, чего они хотят.

— Кто это сделал, Тангерд? — нарушил молчание Ровин, сын золотого князя Сорка. — Кто искалечил Лоралиэль? Ты знаешь.

— Знаю... — вздохнул дракончик. — Но тебе это знание ничего не даст, он тебе все равно не по зубам. Да и не хотел он ничего плохого, только спесь с нее сбить немного. Не тот клей взял. Сейчас я пойду к нему и потребую, чтобы он пошел к отцу Лоралиэль виниться.

— Так он и пойдет...

— Пойдет, — в глазах Стига появилось что-то такое, что одноклассники ему поверили и разошлись.

Поежившись, дракончик решительно вышел из класса, украдкой выбрался за ограду гимназии и двинулся в сторону императорского дворца.

— Ну и зачем же тебе так срочно понадобился мой внук? — император исподлобья смотрел на черного дракончика, чувствующего себя из-за этого очень неуютно. — Переполох на весь дворец поднял — подайте

ему Кирлана сию секунду, и все тут. Разве тебе не говорили, что он «болеет»?..

— Говорили, — мрачно буркнул Стиг. — Но мне нужно ему кое-что важное сказать. Ваше величество, прошу вас, поверьте — это действительно очень важно! И для меня, и для него.

— Еще чего-то натворили? — ехидно прищурился Стирген.

— Вы правы, натворили... — понурился дракончик. — И такого, что по сравнению с этим проникновение в башню архимага — мелочь! Но я не могу вам сказать, Кирлан сам должен решить: признаваться или нет. А я должен понять — имею ли я право оставаться его другом.

— Во как! — приподнял левую бровь император, он с некоей заинтересованностью оглядел хмурого Стига и похмыкал. — Что-то ты слишком серьезен, малыш.

Дракончик чуть приподнял крылья и опустил — словно плечами пожал.

— Я сегодня понял, что любой забаве должен быть предел... Что думать о последствиях надо.

— Надо же! — удивился Стирген. — Не ждал, и рад за твоего отца. И... Если сумеешь заставить понять это моего непутевого внука, буду очень благодарен.

— Или заставлю, или... он мне не друг! — Стиг говорил очень тихо, но император услышал.

Его величество довольно долго пристально смотрел на приемного сына Вихря и размышлял. Малыш на удивление решителен. Что же они там наделали, раз он задумался над такими вопросами? Видимо, и в самом деле что-то серьезное. Но пускать или не пускать его к Кирлану? Тот ведь сейчас лежит на животе и хнычет, считая себя невинно пострадавшим. Стиргену, когда наказывал внука, было едва ли не больнее, чем самому мальчишке. Но как иначе заставить сорванца задуматься? Император не знал. Вчера он, услышав, что Кирлан мог легко

погибнуть, перепугался до смерти. И рассердился. Потому, наверное, и решился выпороть принца.

— Что ж, иди, — вздохнул его величество. — Он в своей спальне.

— Спасибо! — поклонился Стиг и опрометью вылетел из кабинета, сопровождаемый невеселым смешком императора.

Где расположена спальня принца, дракончик знал, во дворце тоже ориентировался неплохо, хотя мало кто полностью знал этот безумный лабиринт. Его строили по найденным в древних гномьих архивах чертежам замка Ушедшего. Гномы и строили. А затем каждый император добавлял что-то свое — достраивал, перестраивал, изменял.

Войдя в спальню, Стиг подошел к кровати с балдахином и уставился на Кирлана, лежащего на животе, дрыгающего ногами и что-то читающего.

— О, привет! — обрадованно повернулся к другу принц, заметив, что уже не один. — А как тебя пустили? Дед обещался, что неделю никого ко мне не пустит, только учителей.

— Он разрешил, — хмуро сказал Стиг. — Поговорить я пришел. Ты вчера такое сотворил, что...

— Дед мне за это уже выдал, — помрачнел Кирлан.

— Да я не о башне архимага! — раздраженно стукнул хвостом по полу дракончик. — Я о Лоралиэль.

— Подумаешь, приклеил задаваку задницей к мостовой! — удивился принц. — Нечего было нос кверху драть.

— Ты бы сперва узнал, какой клей ты взял... — понурился Стиг.

— Я же говорил, у главного строителя спер.

— А что он очень едкий, не знал?! Ей всю кожу на ногах и выше разъело! Даже маги не обещают быстрого исцеления. Месяц, как минимум, пластом лежать! Представляешь, как ей больно было?..

— Представляю... — ошарашенно выдавил принц. — Ой, мама... Я же...

— Что ты? — Стиг едва не плакал. — Знаешь, наш учитель, мэтр Рохен, вот что просил передать тому, кто это сделал: «Прятаться, сделав гнусность, — последнее дело. Виновен — признай свою вину!»

— Последнее дело... — вздрогнул Кирлан. — Но я же не хотел такого!

— Я тоже виноват, нечего мне было рассказывать вам, что надо мной в гимназии смеются! — буркнул дракончик. — Должен был понимать, что вы с Гортом этого так не оставите. Но ты...

— Что?

— Слишком это, ясно?! Я все тебе сказал. Одно только еще... Промолчишь — ты мне больше не друг!

Резко повернувшись, Стиг вышел из спальни, оставив растерянного Кирлана в одиночестве. Принц долго лежал и пытался понять, что же теперь делать. После вчерашней экзекуции он уже знал, что такое настоящая боль, и вполне мог представить, каково пришлось бедной эльфиечке, пока клей разъедал ей кожу. Этот дзеннов клей ведь никакой растворитель не брал! Наверное, только маг и сумел снять едкую корку. Впервые в жизни Кирлан задумался о том, что от его действий другим может быть больно. И ему стало стыдно, до такой степени стыдно, что он забыл про собственную боль. Немного поплакав, принц закусил губу и встал — он принял решение.

— Вот, значит, как... — тихо сказал император, выслушав сбивчивый рассказ внука. — Ты хоть понимаешь, что сделал род Элтаэноль врагами короны?

— Понимаю... — съежился Кирлан. — Деда, я должен пойти к отцу девочки и... повиниться. Я не хотел такого! Я...

— Не подумал, — закончил за него Стирген, укориз-

ненно качая головой. — В кого ты только таким недумающим уродился, а? Неужто в мать?.. Жаль, коли так.

— Нет! — обиженно вскинулся принц — мать, после того как увидел ее развлечения, он презирал всей душой. — Я теперь всегда буду думать, деда. Обещаю.

— Дай-то бог... — недоверчиво посмотрел на него император. — Что ж, иди. И учти, что если князь Элтаэноль пожелает наказать тебя за искалеченную дочь, то будет в своем праве. Я возражать не стану, только велю проследить, чтоб не до смерти. Ты понял, Кирлан?

— Понял... — едва слышно ответил тот, опуская голову. — Я согласен.

Он повернулся и уныло побрел к выходу из дворца. Стирген смотрел ему вслед и размышлял. Неужто глупый мальчишка начал умнеть? Признал все же свою вину, не струсил. И не побоялся пойти к отцу Лоралиэль. Может, еще и вырастет толковым императором. Если и в самом деле научится обдумывать каждое свое действие и каждое слово.

Серебряный князь Орилас Элтаэноль мерил свой кабинет нервными шагами. Мысли прыгали, он никак не мог понять, кому понадобилось калечить его несчастную девочку, кому он встал на дороге. На Контору грешить не стоит — всегда соблюдал верность империи, не участвовал ни в одном заговоре, и в СБ это хорошо знают. Да и не мог он иначе — куда податься потомку изгнанного из Эльвидара рода? Кроме Нада — некуда! Значит, не Контора. Кто тогда? Неужто род Хорван решил вспомнить о давней вражде между гномами и эльфами? А смысл? Выгоды в этом нет никакой, император не допустит кровавой междоусобицы и жестоко накажет ее инициаторов. Скорее всего, Хорван тоже ни при чем — гномы всегда отличались здравомыслием, хотя обид не забывали и не прощали никогда.

Князь устало опустился в кресло и налил себе вина. Слава Создателю, что Лорализль все же выздоровеет — целители заверили, что через месяц и следа от ран не останется. Так что это происшествие больше похоже на предупреждение. О чем же его предупреждают? Чтобы не становился кому-то на дороге? Но кому?! Или хотят заполучить часть владений рода Элтаэноль? Так ни писем, ни требований ни от кого не поступало. Если кто-то хочет чего-нибудь от Ориласа добиться, то почему не сообщает о своих претензиях? Странное что-то во всем этом. Как понять? Надо будет, пожалуй, завтра сходить на прием во дворец и там внимательно прислушаться к намекам других князей. Может, что-нибудь и прояснится.

— Ваше сиятельство! — заставил его вздрогнуть голос камердинера. — К вам с личным визитом его высочество Кирлан арн Над.

— Зовите! — вскочил на ноги князь.

Его удостоил визитом сам наследник престола?! Но... Но наследника престола зовут, как и отца, Стиргеном! А кто тогда Кирлан арн Над? Не сразу до Ориласа дошло, что это внук императора, восьмилетний мальчишка. Поняв, кто пришел, он окончательно растерялся. Что нужно от рода Элтаэноль ребенку?

— Добрый день, ваше высочество! — поклонился эльф вошедшему, просто, но добротно одетому темноволосому мальчику.

— Здравствуйте, ваше сиятельство! — наклонил голову тот.

— Садитесь, пожалуйста, — пригласил князь.

— Нет-нет, я лучше постою! — поспешил отказаться принц, с явно заметной опаской покосившись на кресло.

Орилас, которого отец в свое время воспитывал довольно жестко, сразу понял причину такого поведения его малолетнего высочества, но улыбку сдержал, хоть и

с трудом. А принц опустил голову, немного помолчал и заговорил, голос его звучал глухо:

— Ваше сиятельство, это я виноват в случившемся с вашей дочерью... Это я вылил ей вчера под ноги тот проклятый клей... Но я не специально, я не знал, что он едкий!

— Но зачем же вы это сделали?.. — ошарашенно спросил Орилас.

— Хотел чуток проучить, чтобы нос так не задирала... — всхлипнул Кирлан. — Чтобы приклеилась, а над ней посмеялись... А вышло...

Он закусил губу и опустил голову, шумно сопя.

Серебряный князь смотрел на понурого принца и испытывал невыразимое облегчение. Не предупреждение, не месть, не шантаж, а всего лишь детская шалость! Пусть с тяжелыми последствиями, но всего лишь шалость. Одного он не мог понять: почему его высочество пришел сюда? Почему признался? Император заставил? Скорее всего. Ничего удивительного — его величеству не с руки ссориться с богатым и влиятельным родом без серьезной причины. Он, хоть и тиран, человек очень практичный.

— Это его величество прислал вас ко мне? — сухо поинтересовался князь.

— Нет! — обиженно вскинулся Кирлан. — Я сам решил, когда обо всем узнал, а дед согласился, что так будет правильно. И... это...

— Что?

— Он еще сказал, что... если вы решите меня наказать, то будете в своем праве... Я тоже так думаю! Я виноват! Простите меня... Накажите и простите...

Он снова всхлипнул. Видно было, что мальчику очень хочется разреветься, но он держится. Только губы дрожат, выдавая его истинное состояние.

Эльф устало смотрел на Кирлана — ну не идиот же

он, чтобы наказывать ребенка, который когда-нибудь станет императором? Запомнит ведь. Да и поступок его вызывал уважение — не стал скрывать, пришел и признался, даже готов понести наказание. Это помимо того, что явно был выпорот. Хороший, дзенн возьми, император растет!

— Я не стану вас наказывать, ваше высочество, вы, как я вижу, и сами себя вполне достаточно наказали, — негромко сказал князь. — А вот простить?.. Если вас простит Лоралиэль, то прощу и я. Просите прощения у нее.

— А можно?.. — поднял на него глаза принц. — Я думал, ее нельзя беспокоить.

— Можно, — тяжело вздохнул эльф. — Камердинер вас проводит.

Оказавшись в спальне, где лежала Лоралиэль, Кирлан судорожно вдохнул, сгорая от стыда, — девочка выглядела такой бледной, несчастной и заплаканной, что ему стало не по себе.

— Здравствуйте, ваше высочество, — вежливо поздоровалась она. — Папа сказал, что вы хотели меня видеть. Но не сказал — зачем. Ведь мы не представлены...

— Здравствуйте, — опустил голову принц. — Простите меня, это я вчера вылил тот клей... Но я не знал, что он едкий! Честное слово, не знал! Думал просто посмеяться...

— Но почему?! — приподнялась на локтях Лоралиэль. — За что?! Что я вам сделала?!.

— У вас в классе мой лучший друг учится, Стиг Тангерд, — сгорбился Кирлан. — Вы над ним все время смеялись, задирали, вот я и решил вас проучить... Но я не хотел такого! Я не подумал...

— А почему он так ко мне! — вспыхнула эльфиечка. — Как к пустому месту!

— А вы как? — поморщился принц. — Словно вы

главная на всем белом свете, а остальные вами восхищаться должны. Снобы — они все ничтожества, гроша ломаного не стоят, мне деда говорил! Вы... мою мать напоминаете! Она себя так же ведет!

Об отношении при дворе к принцессе Клариссе Лоралиэль слышала, подслушивая разговоры взрослых, поэтому очень удивилась. Девочке вовсе не хотелось, чтобы к ней относились с таким же брезгливым презрением. Но разве она себя похоже вела? Видела однажды ее высочество, та строила из себя дзенн знает кого, манерничала, постоянно требовала от всех вокруг внимания и восхищения, при малейшем несогласии с ней падала в обморок, то и дело визжала, будто ее резали.

— Хотите, покажу, как вы со стороны выглядели? — в сердцах предложил Кирлан.

— Покажите... — растерянно согласилась Лоралиэль, она никак не могла поверить, что ее считают похожей на «эту пустоголовую куклу», как выразилась однажды мама.

Принц имел немалые артистические способности, поэтому легко сыграл эльфийку, семенящей походкой идущую от гимназии к трактиру, милостиво кивая поклонникам. Он медленно цедил слова сквозь зубы и выглядел при этом настолько отвратительно, настолько надменно, что девочка расплакалась. Да не могла она себя так вести! Неужели со стороны ее поведение именно так и выглядит?! Ой, мамочка...

— Но я все равно не должен был... — опомнился Кирлан при виде ее слез. — Это слишком. Умоляю простить меня. Я не знал, что за клей вылил на вас...

— А если бы это был простой клей? — едва слышно спросила Лоралиэль.

— Тогда я ни за что не пошел бы извиняться! — упрямо набычился принц. — Пусть бы хоть втрое сильнее пороли! Считал бы, что все по заслугам.

— Но я ведь...

— Вот я — принц. Но я же не деру нос перед всеми? Нет! Вы... очень красивы... но разве это ваша заслуга?

— Нет... — тихо признала Лоралиэль. — Папы с мамой...

— Вот то-то и оно, — вздохнул Кирлан. — Моя мать тоже красива, хоть и человек. Но вы, думаю, слышали, что о ней говорят.

— Слышала... — вздрогнула эльфийка. — Я не хочу, чтобы и обо мне так же...

Она снова тихонько заплакала.

— Не плачьте! — забеспокоился Кирлан. — А чтобы не говорили... Не надо нос кверху драть. Не будете — и говорить не будут.

— Не будут... — повторила Лоралиэль, вытерла слезы и задумалась. — Я попробую.

— И простите меня, пожалуйста... Я перед вами очень виноват.

— Я прощаю, ваше высочество, — растерянно сказала девочка. — И... спасибо вам.

— За что? — удивился Кирлан.

— Вы показали меня со стороны...

— Не за что, — поклонился принц. — Это я благодарен за то, что вы меня простили. Я кое-что очень важное для себя понял.

— А что?

— Никогда нельзя делать чего-либо, не подумав, что можешь этим сделать больно тому, кто этого не заслужил.

Немного постояв, Кирлан сказал:

— Искренне желаю вам побыстрее выздороветь. Еще раз простите и... до свидания.

— До свидания, ваше высочество.

Серебряный князь перехватил заинтересованный взгляд, брошенный Лоралиэль в спину уходящему Кирлану. Его девочка, кажется, задумалась о том, чтобы со

временем стать императрицей? Что ж, против такой партии он ничего иметь не будет, несмотря на то что принц — человек. Да только поди попробуй найти в империи подходящего жениха-эльфа достаточно знатного рода. Не слишком много перворожденных живут в Наде, только изгнанники из Эльвидара, а аристократов среди них немного. Но это все отвлеченные размышления — пока Лоралиэль с Кирланом всего лишь дети, нескоро еще вырастут.

Когда Стиг вошел в класс, остальные ученики сразу замолчали и уставились на него. Дракончик насторожился: еще что-то случилось? Не дай Создатель!

Нит Кельсит подошел к нему и хмуро сказал:

— Извини, я это... не прав был...

— В чем? — растерялся Стиг.

— Не верил, что ты уговоришь своих дружков признаться. Я вчера вечером у Лоралиэль был, она рассказала, что к ней приходил извиняться...

— Не говори кто! — резко прервал его дракончик. — Не стоит. Ты знаешь, она знает, я знаю. И хватит.

— Ну, наверное... — почесал затылок Нит. — Никогда бы не подумал, что это он.

— Ты его не знаешь... — обреченно вздохнул Стиг. — Угадай, куда мы с ним вчера после уроков по дурости забрались?

— Откуда ж я знаю?

— В башню архимага.

— Брешешь! — выдохнул Нит, его глаза полезли на лоб.

— Если бы... — поежился дракончик. — Ох, и влетело же нам!

— Меня б батя вообще прибил за такое... — поежился Нит.

— Тот, кто извиняться приходил, до-о-олго сидеть не сможет.

— А его-то кто? Он же...

— Дед. Своей рукой!

— У-у-у... — уважительно протянул Нит, покачав головой. — А ты?

— А мне отец сказал, что я его уважение потерял... — понурился Стиг. — Лучше бы выпорол! Как теперь ему доказать, что чего-то стою, а?

— Мой батя на меня только орет... — вздохнул Нит.

— Здравствуйте, дети! — заставил их вздрогнуть голос мэтра Рохена. — Прошу садиться.

Когда класс успокоился, пожилой дварф некоторое время с интересом смотрел на Стига, из чего тот заключил, что слухи о визите Кирлана к князю Элтаэнолю все же пошли. Он тихо радовался про себя — друг не струсил, не смолчал, оказался настоящим. Не каждый осмелится пойти к отцу пострадавшей по его вине девочки и признаться. Может, и хорошо, что так вышло — после случившегося принц начнет сначала думать, а потом только делать. А то ведь далеко зайти можно...

— Сегодня у нас последний из вступительных уроков, — заговорил учитель. — На нем мы рассмотрим краткую историю возникновения и становления нашей страны, империи Над. А затем начнем подробно изучать историю древнейших времен.

Дварф повесил на доску две карты — материка Танир, где сейчас располагались Эльвидар, Ксанир и Крон Арингар; и южной части материка Корваг, где находились Ландзад и Над. Однако карты отображали не нынешнее время, а далекое прошлое, когда империи еще не существовало.

— Наверное, вы спросите, почему мы пропускаем больше тысячи лет. Отвечу. На трех вступительных уроках я обычно даю самые важные вехи истории нашего

мира. В свое время мы будем подробнейшим образом рассматривать пропущенное сейчас. Пока скажу только, что после смерти Спасителя Церковь заняла главенствующее положение в мире, начав подминать его под себя. Поколение сменялось поколением, Танр постепенно принимал современные очертания. Святые отцы добивались, чтобы все шло по указке Фалнора, как назвали бывшую Фарусию, объединенную с землями дзенн. Знания древних были преданы анафеме и забыты, книги большей частью сожжены, только кое-какие сохранились в закрытых архивах. Постепенно церковники подчинили себе немало стран, возникших за последние столетия. Прошла тысяча лет со времен Спасителя, и Фалнор сильно разросся, заняв половину Корвага. Однако полностью освоить материк фалнорцы не смогли — просто не хватило населения, слишком велика оказалась территория. Многие из государств материка Арбадон тоже перешли под протекторат Церкви. Анзамен, Туаг и Лодун, например. Почти все нечеловеческие расы были признаны исчадиями ада, их усиленно уничтожали. Дварфов оставили в живых только потому, что искуснее корабелов найти трудно, а корабли нужны всем. Сатиров терпели, как дурной пример для остальных. Эльфов блокировали на трети их прежних владений, и перворожденные замкнулись в себе, почти ни с кем не контактируя.

— А драконы? — спросил Стиг.

— С ними Церковь очень долго не могла ничего поделать — слишком они были могучи даже без редких магов своей породы. Тогда святые отцы договорились с грифонами, воспользовавшись их исконной ненавистью к драконам. Грифонам предоставили фалнорское гражданство, затем из них создали летучие отряды, уничтожившие почти все драконьи поселения до последнего ребенка. С тех пор ни один драконий ареал не

чувствовал себя в безопасности, их количество начало стремительно сокращаться.

— Я помню... — прервал учителя дракончик, забыв обо всем, прошлое снова властно заявило о себе. — Я помню, как они нас убивали! Папу, маму, Дирга, Сану... Как зверей... Просто убивали... За что?!.

Мэтр Рохен закусил губу, подошел к трясущемуся, как в лихорадке, Стигу и положил ему руку на спину.

— Прости, что напомнил, малыш... — негромко сказал он. — Прости. Постарайся успокоиться, прошлого все равно не вернуть. Надо жить, для чего-то ведь Создатель дал нам всем жизнь. Просто помни их, не забывай.

— Не забуду... — с трудом выдавил из себя дракончик, глотая слезы. — Они, как живые, перед глазами стоят...

Только минут через десять Стиг сумел взять себя в руки и перестать плакать. Остальные дети потрясенно смотрели на него — далеко не все из них знали, что довелось пережить однокласснику. Многие пытались представить себе смерть родителей — и не могли. Им было страшно.

— Продолжим урок, — сказал дварф, убедившись, что дракончик немного успокоился. — Никто не мог противостоять Церкви, пока на политической карте Танра не появилась империя Над. Ее возникновению предшествовала цепочка совершенно невероятных событий. На первый взгляд, случайных. Но каждый раз, когда я вспоминаю о них, у меня возникает уверенность, что за всем этим стояла какая-то невидимая сила. Наверное, Создателю зачем-то было нужно, чтобы наша страна возникла. Иного объяснения у меня нет.

Он ненадолго задумался, покачал головой и продолжил:

— Итак, все началось примерно через тысячу двести лет после эпохи Спасителя. В одном из университетов Ксанира, тогда еще полностью гномьего государства,

принявшего власть Церкви и веру в Спасителя, учился юноша по имени Стирген Над — люди в Ксанире тоже жили. По официальной версии, Стирген был седьмым сыном небогатого аристократа из Ворама — а так ли это в действительности, знают только представители рода арн Над. С самого детства будущий император не понимал, почему орки объявлены вне закона, чем провинились перед людьми эльфы, ради чего нужно убивать драконов и держать в рабстве дварфов, почему все, кто не похож на большинство, объявляются еретиками и безжалостно уничтожаются. При этом Стирген хорошо осознавал, что, выскажи он свои мысли вслух, святые отцы, в конце концов, доберутся и до него.

— Только за то, что думали не так, убивали?.. — растерянно спросил Нит. — Разве такое бывает?..

— Во многих странах Церкви и сейчас сожгут заживо, если ты осмелишься засомневаться в общепринятых догмах, — горько усмехнулся мэтр Рохен. — Увы, это правда, дети. Однако не буду отвлекаться, у нас осталось не слишком много времени. Окончив университет, будущий император решил посмотреть мир и пустился в путь, нанимаясь матросом то на один корабль, то на другой. Однажды шхуна, на которой служил Стирген, потерпела крушение, и он с трудом спасся, найдя убежище на небольшом необитаемом острове. Но вскоре выяснилось, что остров очень даже обитаем — там скрывался старый дракон со своей семьей, решивший, конечно, устранить опасность, убив человека. До сих пор неизвестно, как будущий император сумел найти с ним общий язык, однако нашел и рассказал о своей мечте создать страну, где все были бы равны, и каждый мог реализовать себя, где нашлось бы убежище для всех гонимых. Мудрый дракон выслушал безумные фантазии и задумался, его заинтересовал наивный юноша, так непохожий на остальных людей. Трудно сказать почему,

но он решил помочь. Наверное, тоже хотел, чтобы на Танре появилось место, где драконы чувствовали бы себя в безопасности.

Дварф жадно выпил стакан воды, подошел к окну, окинул взглядом панораму столицы Нада и улыбнулся.

— Посмотрите, дети! — показал он. — Все это было построено на голом месте вашими предками. Мне страшно представить, сколько труда и сил пришлось положить на это. Однако Стирген арн Над и дракон Шторм, основатель рода золотых князей Аноурских, все же добились своего. Хотя лично я считаю, что чудом. Они долго думали, где можно создать новое государство, чтобы не привлечь к себе внимание Церкви раньше времени. И нашли — крайний юг материка Корваг, где тогда жили немногочисленные племена орков, люди-кочевники, а в пещерах под Роваурским хребтом скрывалось одно из трех колен гномов, о котором в Фалноре просто забыли. Через двадцать лет Стирген и Шторм сумели собрать под свою руку орков и кочевников. Мало того, им удалось договориться с подземным народом, и впервые за всю историю Танра на поверхность вышли боевые хирды гномов-рованров, принеся клятву верности императору. Империя Над была создана!

— А Церковь? — подался вперед Стиг. — Неужели она смирилась?

— Нет, конечно, — улыбнулся мэтр Рохен. — Святые отцы, едва узнав о возникновении новой страны, тут же попытались наложить на нее руку, желая заставить жить по своим законам. Только не вышло. Стирген I был гением, он сумел создать необычную, но при этом отлично работающую социально-экономическую модель. Также, понимая, что, не изменив людей, не изменишь мир, его величество разработал с помощью драконов систему воспитания молодого поколения, почти полностью исключающую любые проявления ксенофобии. Поддав-

шись уговорам Шторма, больше девяноста процентов драконов Танра поселились в империи и взяли на себя охрану границ. Впервые столкнувшись с тем, что драконы организовались, Церковь растерялась. Это дало время на создание сильных армии и флота. Тысячи беженцев из преследуемых народов потянулись в империю — почти все дварфы, орки и больше половины гномов вскоре стали подданными Стиргена. Нечеловеческие народы потрясло, что их здесь считают равными среди равных. Они впервые ощутили, что чего-то стоят сами по себе, и за одно это готовы были сражаться до последнего. Но главным и самым умным ходом императора Стиргена I стало признание магии достойным делом и распространение слухов об этом по всему миру. Выжившие маги буквально ринулись в Над. Через несколько лет была создана Ассамблея Магии в Инзиуре, и вскоре в имперскую армию влились боевые маги. Опомнившаяся Церковь ничего не смогла сделать — силы паладинов были разгромлены за какой-то месяц. Святые отцы предали анафеме нашу страну, но мы только посмеялись над их наивностью. Однако войны не прекращались более тридцати лет, Фалнор нападал раз за разом, но всегда оказывался разбит.

— Они и сейчас не успокоились... — скрипнул зубами Стиг. — Их надо раздавить раз и навсегда!

— Это не так-то просто сделать, юный Тангерд, — вздохнул дварф. — Да и нужно ли? Я не могу сказать. Сейчас ведь Церковь начала меняться. В Фалноре признали равными людям все остальные расы.

— Силой не сумели, так хитростью своего добиться хотят! — отрезал дракончик. — Нет веры убийцам!

— Вы просто слишком молоды, — грустно улыбнулся мэтр Рохен. — Не судите поспешно. Простыми методами ничего не добьешься, как ни жаль. Даже Церковь сумела это понять. Надеюсь, со временем поймете и вы.

Прозвенел звонок, учитель собрал карты, попрощался и вышел. Одноклассники Стига тоже не стали засиживаться в классе. Но сам дракончик остался на своем месте. Перед глазами стояли улыбающиеся папа с мамой, и он глотал слезы, зная, что никогда не увидит их улыбок наяву. Наверное, именно в этот момент Стиг понял, к чему должен стремиться и чего добиваться. Его долг — остановить убийц. А если получится, то уничтожить саму Церковь. Ради этого ничего не жаль.

Прошел месяц, и в гимназию вернулась Лоралиэль. Первым делом эльфиечка подошла к изумленному Стигу и принялась болтать с ним обо всем на свете, совершенно не задирая нос. Дракончик долго не мог поверить, что она так изменилась, но, в конце концов, поверил. Так и вышло, что вскоре в компанию трех неугомонных шалопаев влилась четвертая.

* * *

За прошедшие четыре года Стиор постепенно обжился и привык. Даже завел себе козу, которую откуда-то приволок Броах. Для местных это послужило лишним поводом увериться в святости отшельника — кто-то ведь привел ее? Не Зверь же помог святому отшельнику? Впрочем, маг старался бывать в деревне как можно реже и только при крайней необходимости. Сказывалось и прошлое затворничество, когда он почти все время был один, и желание избежать ошибок, которые вынудили бы его раскрыться прежде, чем пробудится дар ребенка. С Раором удалось установить доверительные отношения. Мальчик, которого прежде ругали за его неуемную тягу к изобретательству, впервые встретил человека, который не только не ругал за это, но и поощрял. При этом не просто одобрял, но обязательно

предлагал, как улучшить, рассказывал интересные истории, собранные со всего света. Дядька Михл тоже был доволен — Раор больше не шалил в доме, не проводил экспериментов с разрушительными последствиями.

— Вот оно — влияние святого человека! — как-то сказал он односельчанам. — Я сразу увидал, что не простой это человек! Пускай и не рукоположен как священник.

— Прекрати балаболить! — отрезала зашедшая в трактир Пилагма.

Староста была еще одной причиной, по которой Стиор старался как можно реже бывать в деревне. Его первое впечатление о ней полностью подтвердилось. Пилагма оказалась суровой женщиной, держащей в крепком кулаке всю деревню. Возможно, в этой глуши иначе и не выжить, но, как обычно и бывает, абсолютная власть повлияла на старосту не самым лучшим образом. Когда-то она была хозяйственной женщиной, искренне заботившейся о благе Совьего Гнезда. Не просто так ведь люди выбрали ее старостой и доверили свои жизни. Не так уж часто женщины могли занять такой пост. Для этого нужно было быть очень незаурядной личностью. Но с годами сладкий яд под названием «власть» подточил душу и преобразил человека. Все в деревне отныне делалось под присмотром и по повелению этой железной женщины. Ослушников наказывали сурово. Нет, не казнили — это слишком расточительно в глуши. Их делали общественными рабами, выполняющими самые грязные работы в деревне. Стиор как-то встретился с парочкой таких. Они пребывали в рабстве уже давно и за это время потеряли почти все человеческие чувства. Остались только самые примитивные инстинкты — страх, голод, жажда. По сути, они ничем не отличались от домашней скотины, только были немного умней. Стиор, хорошо познавший человеческую сущность, не смог

даже сразу понять, как такое удалось сделать с людьми. Потом, внимательно наблюдая за жизнью деревни, сообразил. Если к человеку относиться как к скотине, вести себя с ним соответственно, постоянно наказывать за провинности, а хвалить — удовлетворяя самые низменные желания, то, в конце концов, скотиной человек и станет.

На этом и произошло первое столкновение Стиора и Пилагмы. Староста недаром так обрадовалась появлению монаха. Без благословения Церкви ее власть оставалась непрочной, а тут такая удача. Она ни на миг не усомнилась, что ей удастся переманить отшельника на свою сторону, и никто уже не сможет выступить против нее. Но не тут-то было. Стиор подчеркнуто устранился от вмешательства во внутренние дела деревни. Крестил детей, отпевал, проповедовал, пытаясь потихоньку приучить людей думать самостоятельно, но и только. Все силы он сосредоточил на воспитании Раора.

Пилагма устроила Стиору истерику, о которой магу даже спустя несколько месяцев неприятно было вспоминать, но, в конце концов, отстала, довольная хотя бы тем, что отшельник хоть и не встал открыто на ее сторону, но и не выступил против. Между ними установился некий нейтралитет, где каждый с подозрением поглядывает на другого, но одновременно понимает, что выступить против равносильно самоубийству. Стиора это просто не интересовало, да и не было у него в Совьем Гнезде достаточного влияния, чтобы опрокинуть власть старосты, сурово правящей деревней вот уже почти два десятилетия. Пилагма же не могла открыто выступить против представителя Святой Церкви, авторитет которой в деревне незыблем, — всего ее влияния не хватит, чтобы повергнуть Стиора.

Маг сдвинул брови и подергал себя за бороду. С этим надо что-то делать, но что? В последнее время эти не-

приятные мысли посещали его все чаще. Деревня как таковая не интересовала его, хотя он и вынужден был играть роль священника. Как бы сделать, чтобы упрямая староста поняла, что Стиор не собирается оспаривать ее власть? Пожалуй, лучше всего оставить все, как есть, не вмешиваться, решил маг, подходя к окну.

А вот и Раор. Он шел по сугробам, переваливаясь в новеньких снегоступах, сооруженных взамен сломавшихся недавно. Стиор улыбнулся, наблюдая, как мальчик упрямо продирается сквозь снег. Только он здесь и интересовал Стиора. Только он. Что ж, наверное, действительно лучше будет оставить все, как есть. В конце концов, эта упрямица должна понять, что маг ничем ей не угрожает. В этот момент Стиор, сам того не подозревая, совершил самую большую ошибку в своей жизни. Слишком презирал церковников, слишком свысока смотрел на них и совершенно не понимал, какую роль выполняют приходские священники в таких вот отдаленных деревушках, где их слово равнялось слову самого Бога. Пройдет немного времени, и маг будет локти кусать себе от злости, что упустил этот момент. Упустил, когда мог реально изменить жизнь в деревне. Смягчить нрав старосты, что-то сделать для людей, облегчить их нелегкую жизнь, утешить. Увы, но за своей целью он не разглядел этих людей. Забыл про них. Они его не интересовали, и в этом была его ошибка. А за ошибки приходится платить...

— Дядя Арсений! Дядя Арсений! — ворвался мальчик в сени. — Я решил вашу задачу! Решил! Должно получиться пятнадцать грибов! Я прав?! Я правильно решил?!

— А ну тихо! — прикрикнул Стиор, изображая суровость. — Ишь, разошелся. Ты сначала разденься с улицы, сними снегоступы. Потом уже проходи в комнату, садись за стол и хвастайся.

— Я сейчас! — Раор заскакал на одной ноге, отстеги-

вая снегоступы. Быстро избавился от них, от шубы — шапку скинул еще раньше. Плюхнулся за стол и достал листок бересты. — Вот, смотрите. Я правильно решил?

Маг наклонился над листом. Погладил свою бороду.

— В целом правильно. Но выбрал не самый простой путь. Понимаешь, найти решение порой недостаточно. Надо еще и сделать это самым простым способом. Вот смотри, ты тут решал методом подбора значений. В конце концов, нужное ты нашел...

— Ну! А разве не правильно?

— Гм... Я же сказал, что правильно. А как ты будешь решать задачу посложнее? Тоже методом перебора вариантов? Тебе может и жизни не хватить тогда. Пока ты еще только учишься, я даю тебе не очень сложные задания. А дальше как?

Мальчик нахмурился. Почесал нос.

— А как тогда надо?

— Ты не думаешь! — уже непритворно рассердился Стиор. — По-твоему, я вчера целый день распинался об уравнениях с одним неизвестным просто от скуки?

— Но ведь я же не понял ничего, — всхлипнул вдруг Раор.

Стиор на миг замер, затем мысленно обругал себя. Мальчику ведь едва восемь исполнилось, а он с ним говорит как со школьником империи. Только ведь Раор, когда они встретились, даже читать не умел. И требовать от малыша умения решать уравнения, пусть даже такие простые...

— Так... — Стиор поднялся и потер виски. — Раор, мальчик, ты не виноват. Не надо плакать. Это я, старый дурак, дал тебе больше, чем ты мог освоить.

— Ты не дурак, дядя Арсений, — робко возразил Раор, утирая слезы.

Стиор улыбнулся.

— Спасибо. Но тем не менее я дал тебе больше, чем ты способен освоить.

— Я могу это понять! — упрямо возразил мальчик. — Только... объясните еще раз.

— Что ж. Давай посмотрим на твоем примере. Если у нас в задаче есть некая неизвестная величина, которую надо вычислить, мы условно называем ее какой-нибудь буквой, полагая, что потом, в процессе решения, сможем эту абстрактную букву... знаешь, что такое абстрактно?

— Ага. Ты рассказывал.

— Хорошо. Итак. В твоем случае нам требуется вычислить, сколько грибов было в лукошке крестьянина первоначально, если он нашел после этого еще шесть грибов и три потерял...

— Чиф, — прокомментировал Раор. Маг растерянно моргнул.

— Что?

— Чиф, говорю. Ну, кто этот крестьянин после этого? Ротозей. А мы зовем таких чифами. Соня-растеряха.

— Гм... понятно. А почему так зовете?

— Не знаю, — мальчик беспечно пожал плечами. — Всегда звали, если человек все теряет.

— Что ж... понятно. Но в данном случае это неважно. Итак. Задача. У крестьянина в лукошке было некоторое число грибов. По дороге он нашел еще шесть и три потерял. Когда он вернулся домой, то выложил на стол восемнадцать грибов. Сколько грибов было первоначально? Запиши задачу уравнением с неизвестным значением.

Раор старательно засопел над листом бересты, выписывая формулу заточенным угольком. Стиор, глядя на него, покачал головой. С этим надо что-то делать. Углем писать неудобно и долго. Да и исписывается он слишком быстро. Береста тоже не слишком хороший

материал, но бумагу в этой глуши достать вряд ли удастся, зато чернила... Придется немного поколдовать, но самую малость. С перьями проблем тоже быть не должно. А писать пока придется на бересте. Позднее надо будет что-то придумать и с этим.

— Вот. — Раор пододвинул листок.

Маг глянул:

— Правильно. А теперь тебе надо решить это уравнение. Давай сделаем так, чтобы твое неизвестное значение вышло после равно, а там уже можно сделать обычные арифметические действия, кои ты неплохо освоил.

Напрочь отказавшись от помощи, Раор, высунув от усердия язык, старательно выводил записи, сердито сопя, когда нужный результат не получался. Раор видел, что и здесь мальчик пытается действовать методом подбора, но пока молчал. Потом сел рядом, взял чистую бересту и быстро набросал правила перехода знаков плюс и минус в уравнениях. Пододвинул Раору. Мальчик сначала глянул мимолетно. Потом заинтересовался и прочитал внимательнее. Посмотрел на свою задачу, на лист перед ним. Старательно сверяясь с ним, выполнил преобразование, подсчитал и радостно рассмеялся.

— Получилось! У меня получилось!

— Вот видишь. Оказывается, все не так уж и сложно. Если бы ты меня внимательно слушал вчера, то решил бы задачу и быстрее. Ну что ж, давай реши еще несколько таких же задач, а потом поговорим о стилях языка.

— Дядя Арсений, а зачем мне все это надо знать? Ну, зачем мне знать эти вот уравнения, стили?

— Хотя бы для того, чтобы вырасти образованным, умным человеком...

— А зачем это мне здесь?

— Гм... — И что тут ответить? Сказать правду? Мальчик еще не готов к ней. И не ответить нельзя — сразу потеряешь репутацию всезнающего и умного наставни-

ка. — Понимаешь, если тебя удовлетворяет жизнь здесь, тогда тебе действительно это не надо. Когда сеять рожь, когда убирать, как правильно держать серп — вот и вся наука, которая нужна. Но мне казалось, что тебе интересно что-то делать, придумывать...

— А как стили языка помогут придумать новую вещь?

— Придумать не помогут. Тут ты прав. Но! Кроме как придумать, тебе надо будет объяснить свою придумку людям. Зная язык, его стилистику, ты будешь понимать, когда, как и что надо говорить, чтобы тебя поняли. Образованный, умный человек всегда сможет подобрать такие слова, что его поймет каждый. А если человек не умеет владеть своим языком... ну, что он тогда сможет объяснить?

— Наверное, ничего, — задумчиво кивнул мальчик. — Наверное, я был очень необразован... Когда я пытался объяснить дяде Михлу свою задумку, он ничего не понимал. Только ругался. Он не злой, но...

— Вот видишь. Давай решим несколько задач, потом поможешь мне убрать снег перед крыльцом, и займемся стилями. Неплохо бы тебе еще другие языки выучить...

— Ой, а вы знаете другие языки? Какие? Сколько?

— Хорошо знаю пять, — улыбнулся Стиор. — Мне приходилось много путешествовать. Если хочешь, будем учить их.

— Конечно, хочу!

7

Весна вступила в свои права неожиданно и бурно. Еще вчера лежал снег, и морозец щипал щеки, а сегодня уже вовсю светило солнце. Радовались долгожданному теплу птицы, устроившие гвалт на улице. Молодой человек с ослепительной улыбкой на лице, казалось, готов был присоединиться к этим трелям. Он чуть ли не скакал по лужам, размахивая букетом цветов. Прохожие

провожали молодого человека удивленными взглядами, но его улыбка так заразительно действовала на них, что все, кто мог ее видеть, тоже улыбались. А он вдруг замер, поднял голову и закричал:

— Сын!!! У меня сын!!!

— Ну, зачем же так кричать? — поинтересовалась какая-то бабушка, но было видно, что она искренне рада за мужчину и сделала замечание скорее для проформы. Тот вместо ответа рассмеялся и обнял старушку. Та попыталась отпихнуть его, потом тоже разулыбалась.

С радостной улыбкой молодой человек влетел в приемный покой, где его уже ждала жена. Он прямо с порога кинулся к ней и плюхнулся на колени, протягивая букет цветов. Выглядящая усталой женщина, изображая средневековую барышню, чинно присела, принимая букет. Потом не выдержала, расхохоталась и повисла на шее у мужчины.

— Я люблю тебя, Слава, — прошептала она.

В этот момент показалась медсестра с ребенком на руках. Мужчина, увидев сына, развернулся и вдруг охнул от ужаса — медсестра, занятая ребенком, наступила на брошенную кем-то на полу доску, попыталась удержать равновесие и рухнула вперед, выпустив ребенка из рук. Младенец полетел вперед под испуганными взглядами трех взрослых людей, осознавших, что ничего сделать не могут. Еще немного, и маленький комочек живой плоти врежется в стену и... что случится потом, страшно даже подумать. Слава рванулся вперед, понимая, что все бесполезно. Он отчаянно потянулся, но вдруг... сверток с агукающим младенцем замер буквально в паре сантиметров от стены. Немного повисев в воздухе, он плавно опустился на пол, прямо под ноги подбежавшему отцу. Еще не сообразив, что произошло, тот подхватил ребенка и ощупал. Малыш радостно улыбался ему беззубым ртом. Позади причитала медсестра, с испугом ко-

сясь то на родителей малыша, то на него самого. Потом вскрикнула и бросилась прочь.

— Что это было? — испуганным шепотом спросила жена Славы.

— Ты о чем, Ира? Все в порядке!

— Нет! Что произошло? Я хочу знать?! Он же летал!!! Мой ребенок летал!!!

Мужчина замер, вдруг что-то вспомнив. Он едва не подпрыгнул и с ужасом уставился на младенца.

— Кто же наш сын, Слава? Кто?..

Ошеломленные родители долго смотрели на радостно улыбающегося малыша и молчали, пытаясь как-то осознать то, что произошло на их глазах.

* * *

Еленка, удобно устроившись в тени под кустом, читала трактат древнего философа Линга Хорвайта. Николай куда-то убежал с остальными ребятами. Что случилось потом, она сперва не поняла, это было нечто такое, с чем девочка никогда не сталкивалась. Она словно перенеслась куда-то вдаль и стала наблюдать за жизнью совершенно незнакомых людей. Вернее, не людей, а мальчишки, примерно ее ровесника, загорелого и щеголяющего в одной набедренной повязке. Почему из привидевшейся толпы детей Еленка обратила внимание именно на этого худого паренька, она не знала. Просто чем-то он привлек внимание. Может, отчаянной решимостью, которой сверкали его глаза... и страхом, который окутывал его. Как она вообще сумела рассмотреть все это на огромном расстоянии, — в том, что это происходит очень далеко, Еленка не сомневалась — слишком уж необычна была растительность вокруг. Да и жарко там очень. Еще девочка ощущала, что связана с полуголым мальчишкой намертво, навсегда, что между ними

протянулась нить, похожая на ту, что в свое время связала ее с дракончиком. Однако задумываться над тем, как все это происходит, времени не было. Человек шесть детей подступили к мальчишке с явно враждебными намерениями. Они смеялись. Мальчишка огрызался, но как-то неуверенно. Вся его решимость куда-то медленно исчезала. Вот один из нападающих отвесил мальчишке подзатыльник. Тот резко обернулся и тут же получил подзатыльник от второго. Еленка чувствовала, что он растерялся. Чувствовала его отчаяние и боль, его обиду.

— Да возьми себя в руки!! — не выдержала она.

Мальчишка вздрогнул. Он словно услышал ее и заозирался.

— Возьми себя в руки! — повторила Еленка, совершенно не задумываясь над невозможностью происходящего. — Сожми кулак! Вот так. Теперь внимание...

Еленка видела, как один из обидчиков подкрадывается к мальчишке со спины, норовя отвесить новый подзатыльник. Словно не понимая, что ее видеть не могут, махнула кулаком, как учил Николай. И, о чудо, мальчишка в точности повторил ее движение. Подкрадывающийся обидчик получил сильный удар в нос, прижал ладони к лицу и захныкал. Мальчишка взбодрился от этой победы и бросился в бой уже без участия невидимой помощницы. Раздавая удары направо и налево и сам получая их, он весь отдался борьбе. Казалось, его силы выросли вдвое. Вскоре обидчики удирали во все лопатки.

— Молодец! — крикнула Еленка, и в тот же миг видение исчезло.

Она снова была в лесу с трактатом в руке. Только сейчас девочка задумалась над происшедшим. Кто этот мальчишка? Где он живет? Почему она его увидела? И тут Еленка вспомнила: между ними пролегла нить. Такая же,

как в свое время с драконом. Только там она уловила чужую нить, а здесь — ее собственная. Ее и того мальчишки. Какие-то узы связывали их. Связывали намертво и навсегда. Но какие?! Как сейчас жалела Еленка, что не занималась магией серьезно. Отец с матерью даже слышать об этом не хотели, а самостоятельно... Разве разберешься в этом самостоятельно? Однако она многому научилась, находя нужные решения интуитивно, путем проб и ошибок. Правда, уходила для занятий далеко в лес и ограждала себя придуманной ею завесой, что такое святая инквизиция, понимала уже очень хорошо. Девочка не знала, что совершила считавшееся невозможным — полностью оградила себя от Ищущих, чувствующих магию на любом расстоянии. Никто не мог скрыться от них, кроме нее... Если бы Еленке кто-нибудь рассказал об этом, она бы простодушно удивилась, будучи уверена, что скрываться от наблюдения могут даже самые слабые маги.

О своем видении Еленка никому не рассказала, а через месяц оно повторилось. Вернее, это поначалу она думала, что повторилось, но на сей раз она очутилась совсем в другом месте. Да и мальчишка был постарше. Нет, поняла она, к своему огромному удивлению, не мальчишка — юный эльф. Ему было лет четырнадцать, и Еленка снова почувствовала невидимую нить, связывающую их. Такую же, как с юным дикарем. Потом девочка долго размышляла о случившемся и поняла, что с этими людьми, точнее, с человеком и эльфом, она будет накрепко связана всю жизнь.

Подросток стоял навытяжку перед взрослым эльфом, и на этот раз Еленка слышала разговор. Она знала, что он ведется на каком-то незнакомом языке, но каким-то образом прекрасно все понимала. Понимала, даже не задумываясь над этим.

— Но почему, отец? — в отчаянии вопрошал подрос-

ток. — Как можно двигаться вперед, не пытаясь ничего познать?!

— Далталас! — сурово отчитывал его взрослый эльф. — Не смей сомневаться в мудрости предков! Она помогла выстоять в неравной борьбе с Тьмой. Сомневаясь в этом, ты сомневаешься в Свете.

— Отец, мудрость предков не помогла нам выстоять! Да посмотри же вокруг! Неужели это ты называешь жизнью?! Даже люди, церковники меняются, а мы по-прежнему следуем правилам трехтысячелетней давности! Все новое тут же подвергается анафеме!

Старший эльф стукнул кулаком по столу.

— Не смей! Все равно не позволю тебе заниматься магией!!! Наша семья издревле занималась только строительством! И ты тоже будешь строителем, что бы ты там себе ни напридумывал.

— Отец! Я прирожденный маг! Это все говорят! А Эльдарс? Он вынужден заниматься строительством, хотя замечательно поет. Он мог прославить нашу семью как замечательный менестрель, а вместо этого мы имеем скверного строителя.

— Вон!!! Я сказал — вон!!! И выбрось эту дурь из головы!!! Я сказал — нет, значит — нет!!! И не смей сомневаться в мудрости предков!!!

У подростка заметно задергалась губа. Еленке стало жаль его, она целиком была на стороне этого неугомонного юноши. Он чем-то напоминал ее саму. Такой же упрямый, целеустремленный. Тоже ищет новых знаний. Только ей, в отличие от него, повезло с родителями. Девочка попыталась подбодрить его. И снова произошло чудо. Молодой эльф словно уловил ее молчаливую поддержку. Он вздрогнул, выпрямился, в глазах появилась мрачная гордость.

— Я все равно буду магом, — пробормотал он.

Еленка послала мысленный сигнал одобрения, после чего видение пропало.

Затем видения стали появляться все чаще. Еленка видела то человеческого мальчишку, то эльфийского подростка. Она была в курсе переживаний и боли каждого из них, поддерживала обоих в меру своих сил. Постепенно девочка поняла, что видения появляются в тот момент, когда одному из ее далеких друзей больно и одиноко. Оба они стремились к познанию нового, и это стремление приносило им только боль и одиночество. И Еленка — единственная, кто в такой момент готов поддержать их. Они не знали о ее присутствии, но чувствовали чью-то поддержку, когда им было особенно плохо.

Еленка постепенно привыкла к своим видениям. Она жила как бы тремя жизнями и постепенно начала воспринимать мальчишек как родных братьев. Именно мальчишек, поскольку Еленка больше не делила их на эльфа и человека. Но девочку огорчало, что она не могла почувствовать третьего — дракона, которого видела во дворе школы. Он-то ведь наверняка страдает, так почему же она его не чувствует? Может, все дело в том, что дракон связан не с ней? Ведь тогда Еленка ощутила его через чужую нить! Видимо, в этом все дело. Девочка поклялась себе, что рано или поздно разгадает тайну этих странных видений. А пока надо было заниматься. Заниматься еще больше, чтобы познать весь этот мир. Узнать его тайны и разговаривать с ним на равных.

Ночью, после очередного видения, Еленка долго не могла заснуть. Наконец она встала и подошла к окну. Вид звезд ее успокоил. Девочка мысленно потянулась и почему-то совсем не удивилась, когда ее мысль, казалось, приобрела материальность и воспарила к небесам. Она взлетала все выше и выше. Еленка замерла от восторга, такой красоты вид открывался отсюда. Она

обернулась и увидела Танр. Планета сверкала в лучах Солнца. Еленка поднялась еще выше. Теперь она видела, как Танр несется сквозь пустоту вокруг звезды. Всего лишь вокруг одной из множества звезд. Теперь она поняла, что Солнце — это действительно всего лишь звезда, каких много. И что именно Танр совершает вокруг нее неутомимый бег, а совсем не наоборот. Девочка окончательно убедилась, что церковники лгут, чтобы сохранить свою власть.

— Это великолепно! — прошептала Еленка. — Это потрясающе! Почему люди никогда не видят этого?!

Она потянулась вперед и внезапно окунулась во Тьму. Это оказалось совсем не страшно. Здесь не было зла. Как же страшно ошибаются утверждающие, что Тьма — это зло. Тьма — вовсе не зло. Это всего лишь хаос — строительный материал, из которого можно лепить что угодно. Создавать миры. Ведь даже вселенную Господь создал из Хаоса, вспомнилась Еленке прочитанная книга. В этот момент девочка поняла, что это именно так. Что Тьма — ее судьба и ее боль, ее жизнь и ее смерть. Что эта сила — это то, что способно изменить мир, изменить к лучшему, сделать не таким страшным и жестоким. И еще она осознала, что с этих пор обязана молчать, сохранять все в себе, не делясь ни с кем и никогда. Ни с кем, кроме тех, кто был с ней в видениях. Еленка твердо знала, что на нее возложена какая-то задача, очень тяжелая и почти неразрешимая. Откуда она это знала? Да кто его ведает! Знала, и все. И намерена была приложить все свои слабые силы для выполнения этой задачи.

— Ты великолепна! — Еленка протянула руку и ухватила кусочек Тьмы.

И Тьма словно ожила. Девочка рассмеялась и быстро задвигала руками, придавая той форму. И вот у нее на ладонях лежал щенок. Маленький щеночек. Еленка

тронула щенка за ухо. Тот не пошевелился. Чего-то не хватало. Что-то должно было быть еще, чтобы вдохнуть в него жизнь.

— Я найду, чего тебе не хватает, Пушок. Я буду искать и найду. И оживлю тебя.

Девочка вернулась в свое тело и открыла глаза. Перед ней на подоконнике сидела сотворенная ею кукла щенка. Кукла выглядела как живая, но тем не менее оставалась всего лишь куклой. Еленка вздохнула, закрыла глаза и тут же провалилась в сон. А где-то высоко в небе всколыхнулась Тьма, почувствовав появление творца. Впрочем, всколыхнулся и Свет, ожидая, что новоявленный творец обратится и к нему, но этого не произошло, и вскоре все успокоилось. Лишь на уровне Сил осталось легкое недоумение, исходящее непонятно из какого источника. Девочка даже не подозревала, что все прирожденные маги Танра вскинулись — они поняли, что в мире появился еще один из них, и настолько сильный, что дрожь пробирала. Но где он, не смог определить никто. Вихрь довольно долго после того, как ему донесли о случившемся, не слезал с Ассамблеи, однако маги так и не сумели найти того, кто всколыхнул Силы.

На следующее утро Елена встала с каким-то радостным чувством, сама не понимая, с чем это чувство связано.

— Какой замечательный вчера был сон, — потянулась она.

Тут взгляд девочки упал на окно, где на подоконнике по-прежнему сидел маленький симпатичный щенок.

«Так не бывает...» — прошептали задрожавшие губы.

Еленка недоверчиво встала с постели и подошла к окну. Осторожно потрогала щенка. Тот слегка покачнулся и чуть не упал. В последний момент Еленка подхватила куклу и прижала к себе.

— Значит, это был не сон?.. — потрясенно спросила она сама у себя.

— Дочка, ты встала? — Дверь раскрылась, и в комнату вошла мама. — Ой, откуда у тебя такая замечательная кукла? Надо же, прямо как живой щенок!

Еленка нахмурилась.

«Он не как живой! — захотелось ей сказать. — Он живой!»

Девочка чувствовала в щенке жизнь. Чувствовала ее слабое биение. Просто этой жизни чего-то не хватало, чтобы стать настоящей. Что-то требовалось еще, чтобы щенок соскочил на пол, преданно посмотрел на нее и завилял хвостиком, требуя внимания и заботы. И девочка знала, что все равно найдет это что-то. Пусть не сейчас, не сегодня, но найдет.

Однако матери Еленка ничего не сказала. Понимала, что если заговорит, то придется объяснять все. И про ночной полет, и про множество планет, вращающихся вокруг Солнца, и про Тьму, из которой можно лепить все, что захочется. Девочка прекрасно знала, как на это отреагирует мама. Опять начнет креститься. Опять будут слезы и причитания. Как ни жалко, но есть вещи, о которых родителям лучше не знать.

— Да, мамочка, уже встала. А куклу мне вчера подарили ребята. Я просто не успела показать.

Мама немного полюбовалась щенком и поставила его на шкаф.

— Давай его вот сюда поставим. Смотри, какой симпатичный.

Еленка радостно кивнула, а потом бросилась маме на шею.

— Мамочка, как же я тебя люблю!

— Я тебя тоже, Леночка!

Варфоломею Еленка рассказала все. Он был единственным человеком в доме, который не пытался заста-

вить ее стать такой же, как все, не пытался навязать своего мнения. Он же оказался единственным, кто слушал девочку, не крестясь после каждого слова. Да, он мало чем мог помочь, не мог дать никаких советов, поскольку в магии ничего не понимал. Варфоломей просто слушал. И это было уже немало, Еленка ценила это свойство старого слуги, ценила, что он ничего не отвергал сразу и огульно, а пытался понять в меру своего разумения.

Следующий день стал самым счастливым для нее. Девочка и сама не могла найти объяснения радости, переполнявшей ее. Хотелось поделиться этой радостью со всеми, и друзья, словно заразившись хорошим настроением, были счастливы, как никогда.

Постепенно Еленка привыкла к коротким ночным путешествиям, но больше ничего не творила. Она решила, что пока не разберется с тем, чего не хватает щенку, не будет этого делать. Творить псевдоживое не хотелось. Однажды, после такого путешествия на свой двенадцатый день рождения, Еленка проснулась с щемящим чувством тоски и одиночества. И тотчас же на нее нахлынуло видение. Знакомый эльфийский подросток стоял перед собранием взрослых эльфов, за руку его держал тот, кого он называл отцом. С того раза, как Еленка увидела эльфа впервые, он сильно вырос. Сейчас ему было уже лет шестнадцать-семнадцать. И именно от него исходило чувство невообразимого одиночества и беспросветного отчаяния. Прислушавшись к тому, что говорилось, девочка поняла причину.

— Достойные! Вы только посмотрите, что творится! — с гневом в голосе говорил, нет, почти кричал отец Далталаса. — И это мой сын?!

Эльф бросил на пол какой-то свиток. Еленка пригляделась и поняла, что это трактат по магии.

— Я застал его за этим непотребным занятием! Мой сын... нет! Не мой сын!!! Я отрекаюсь от него!!! Отныне у

меня нет сына, если он пренебрегает волей родителей и мудростью древних!!! Он постоянно доставлял одни неприятности! Всегда хотел узнать то, что его никоим образом касаться не должно!!! Он предает Свет!!! Достойные, я выношу это дело на ваш суд!

Отца Далталаса слушали внимательно и молча. Когда он закончил говорить, воцарилась тишина. Все взоры обратились на старого эльфа, сидящего на возвышении. Словно почувствовав, что остальные ждут его решения, тот встал. Пристально посмотрел на понурого Далталаса.

— Ты знал, что нарушаешь закон?

— Знал, — не поднимая головы, отозвался Далталас. — Но, достойный, я же маг! Прирожденный! А меня заставляют заниматься тем, в чем я ничего не понимаю, что мне неинтересно! Ведь как маг я могу быть куда более полезен!!!

Эльфы зашушукались. Многие стали гневно посматривать на подростка.

— Значит, — обманчиво ласковым голосом спросил Старший, — ты считаешь, что лучше знаешь, где можешь послужить нашему народу?

— Нет, достойный. Просто мне этим заниматься интересно.

— Ах, вот как! Значит, древние законы для тебя ничто?

— Достойный, наши законы мешают нам развиваться! Неужели никто не видит, что у нас уже тысячелетие не было ни одного нового открытия! Даже Церковь позволяет своим гражданам думать, если это не противоречит их догмам. Мы же не даем думать, даже если это в рамках Закона!!! Закон заменил нам жизнь.

Тут вскочил еще один эльф.

— Вы слышали?! — гневно вопросил он. — Вы слышали, что он говорит?! Я настаиваю на праве отстаивания чести!!! Легенды и история нашего народа прерога-

тива только нашей семьи!!! Мы занимаемся легендами, и только мы!

— Я не претендую на вашу прерогативу! — попытался оправдаться Далталас. — Вы занимаетесь. Так ответьте мне, сколько за последнее тысячелетие было открытий в магии, в строительстве, в науке? Сколько было создано великих музыкальных произведений? Сколько было написано замечательных книг? Ответьте!

— Я знаю, что за последнее тысячелетие мы удержались на Свету, в то время как весь мир погружается во Тьму!!!

— Чушь! — гневно воскликнул Далталас. — Мы остались не на Свету! Мы на псевдо-Свету! Вспомните, что говорилось в древних книгах...

— Вот!!! Он читал древние книги, в то время как только мы имеем право на их чтение!

— Поэтому никто и не знает правды! — Кажется, юноша сообразил, что здесь его никто не услышит, и боролся уже от отчаяния, хотя в душе уже сдался. — Вы скажите, что там написано про Три силы? И скажите, что там написано про то, что случится, если в мире останется только одна!

Тут, прерывая спор, поднялся Старший.

— Все ясно. Юноша, обуянный гордыней, посягнул на Закон, который позволил нам выжить в этом мире. Выношу приговор: изгнание. Кто за?

Отец Далталаса первым поднял руку...

Еленка плакала. Плакала навзрыд. Впервые в жизни ей было так горько. Никогда, никогда до сих пор она не сталкивалась с предательством. И в тысячу раз горше быть преданным близким человеком. Человеком, которому верил и которого любил. Отцом! Родным отцом! Теперь понятно, почему Далталасу было так одиноко и так больно. Если бы ее предал отец, она, наверное, испы-

тывала бы то же самое. Изгнание! Это значит уйти из дома, где вырос, погрузиться в незнакомый и чуждый мир. Не знать, что с тобой будет и где приклонить голову. Еленка представила себе это и решила, что не пережила бы подобного.

Как могла, она пыталась подбодрить своего друга, но быстро поняла, что все бесполезно. Тот сейчас находился в таком горе, что просто не мог, не способен был воспринимать ничего.

— Я тебя не оставлю! — пообещала она. — Я всегда буду рядом! И обещаю, что найду тебя!

Легкий ветерок неожиданно возник в закрытой комнате, унося слова обещания. Еленка не знала, что в этот день ею был сделан первый шаг на пути исполнения пророчества древнего дзенна.

* * *

— Сти-и-и-г!!! — радостный вопль Линки заставил дракончика обернуться.

Малышка изо всех сил махала крохотными крылышками, путалась в густой траве, но все равно сломя голову неслась к дяде, которого считала старшим братом. Ее сестренка двигалась следом. Стиг рассмеялся и пошел навстречу. Вот ведь две баловницы! Кататься небось хотят. Что ж, можно и покатать их немного, а то еще плакать начнут.

Сестрам-близняшкам недавно исполнилось по три года, они различались только цветом — одна уродилась черной, а вторая — темно-зеленой. Обе обещали вырасти красавицами, но до этого было еще долго. А пока две юные драконочки с удовольствием переворачивали вверх дном поместье отца. Тот настолько обожал долгожданных дочурок, что в буквальном смысле позволял им ездить у себя на голове. Линка с Тинкой лезли всюду, куда только могли забраться, порой их вытаскивали из

таких мест, что все вокруг только руками разводили: как они там оказались?

Стиг захихикал, вспомнив вчерашний вечер. Какой переполох поднялся в поместье — дети пропали! Найти драконочек удалось далеко не сразу, да и найти смог только он. В дальнем конце парка недавно поселился толстый барсук, вырыв себе просторную нору. Линка и Тинка нашли ее, пришли в восторг, дружно полезли туда и застряли. Наружу торчали только два подрагивающих хвостика — черный и зеленый, по которым Стиг и определил, что это его ненаглядные племянницы. Обозленный барсук забился в глубь норы и яростно шипел оттуда на незваных гостей, даже не думая нападать, — драконий запах напугал его до полусмерти. Малышек с трудом вытащили наружу, против чего они бурно протестовали, стремясь увидеть барсучат.

— Кататься! — запрыгали вокруг двенадцатилетнего дяди две озорницы. — Стиг, кататься!!!

Вздохнув, дракончик поставил сумку с книгами на траву — все равно ведь не отвяжутся, лучше покатать. Он был уже немного больше среднего человека и годам к двадцати обещал вырасти настоящим гигантом. Поднять двух крохотных драконочек труда для него не представляло. Линка и Тинка, не теряя времени, вскарабкались Стигу на спину и вцепились коготками в чешую. Дракончик распахнул крылья, разогнался и взлетел. Как следует летать он начал всего два года назад — врачи оказались правы, драконья регенерация сыграла свою роль, выздоровел, в конце концов. Стиг плавно кружил над поместьем, слушая восторженный визг племянниц, обожавших кататься, как и все маленькие драконята. Кульбитов он не выделывал, несмотря ни на какие просьбы, — не дай Создатель, малышки свалятся. Лучше не рисковать.

Увидев внизу приемного отца, дракончик пошел на

снижение и вскоре приземлился у входа в дом. Советник Тангерд кивком поздоровался с ним. Линка и Тинка скатились со спины Стига и с визгом понеслись к папе. Он со смехом придержал озорниц хвостом и облизал замурзанные мордашки. Немного потетешкал дочек, но недолго — отдал прибежавшим нянькам, и малышек, несмотря на все их протесты, унесли обедать.

— Ну, как успехи? — поинтересовался советник.

— Все экзамены за пятый класс сдал на отлично! — похвастался Стиг. — Каникулы начались.

— На отлично, говоришь? — прищурился желто-зеленый дракон. — А остальные из вашей компании?

— Тоже.

— Значит, твердо решили стать стажерами Конторы? — советник задумчиво смотрел на приемного сына.

— Да! — гордо выпрямился Стиг.

— Но ведь это грязное, жестокое, кровавое и порой подлое дело.

— И что с того? Именно Контора оберегает нашу страну! Да и...

— Что? — советник как-то загадочно улыбался.

— Учитывая, кто мой приемный отец, мне другой дороги нет. Ведь вас зовут Вихрем!

— Откуда ты это взял? — Тангерд откровенно забавлялся, он давно понял, что мальчишка разгадал его секрет.

Тяжело вздохнув, Стиг начал рассказывать, приведя в пример кое-какие оговорки советника, давшие ему пищу для размышлений. А затем выдал всю цепочку своих рассуждений, вывод из которых следовал только один — его приемный отец и есть загадочный шеф Конторы, неуловимый Вихрь.

— С друзьми не делился своими мыслями? — словно бы безразлично поинтересовался Тангерд.

— Я же не идиот! — возмутился Стиг.

— Надеюсь, — оскалился взрослый дракон. — Не буду говорить тебе ни да, ни нет, но против стажировки вашей шебутной четверки в Конторе ничего не имею. Только учти, дисциплина у нас — строжайшая! И учиться придется так, что учеба в гимназии игрой покажется. Сколько языков на данный момент знаешь, помимо родного?

— Пять! — гордо сообщил дракончик. — Это которые хорошо. Еще на двух читаю со словарем.

— Надо же, — несколько удивился Тангерд. — Какие?

— Драг-анн, понятно. Всеобщий, он же фалнорский, дзенн-анн, квэнья, над-анн[1] и урук-хее. Читаю на роваурe и аринrape.

— Неплохо, малыш, — улыбнулся взрослый дракон. — Займись еще кадаирским. Вскоре понадобится. Среди слуг Пророка начинается какое-то подозрительное шевеление, и мне это очень не нравится.

— Займусь, — заверил Стиг.

— Что ж, обрадуй друзей. Раз уж вы так хотите служить в Конторе, то вам решили пойти навстречу. С сегодняшнего дня все четверо зачислены в число стажеров Службы Безопасности империи Над, его величество вчера подписал ваши прошения, хоть и долго ругался. Не опозорь меня, сынок.

— Да я... — дракончик едва не заплакал от радости, не верил, что их возьмут. Стажерами в Контору брали обычно не раньше четырнадцати лет, и отбор был очень жесткий. Друзья подали прошения, даже не надеясь на успех, но все равно подали, как делали уже три года подряд. И вот — взяли! Да, будет трудно одновременно учиться в гимназии и стажироваться в СБ, но дело того стоит.

---

[1] Над-анн — государственный язык империи Над. Искусственно создан во времена первого императора и внедрен насильно.

— Вижу, будешь стараться изо всех сил, — рассмеялся Вихрь. — Но учти и друзьям передай, что если проштрафитесь, то вылетите со свистом в тот же день и больше никогда не сможете вернуться. Попытка у вас есть только одна. Ясно?

— Да! — яростно закивал Стиг. — Мы не проштрафимся!

— Не зарекайся! — укоризненно посмотрел на него взрослый дракон. — Советую, пока не наберешься опыта, с любой своей проблемой идти к наставнику, а не пытаться решать ее самостоятельно. Слишком самостоятельные часто вылетают.

— Какой же это оперативник без инициативы?.. — растерялся дракончик.

— Во всем нужно знать меру, — снова засмеялся Вихрь. — И вот эту меру вам предстоит определить самостоятельно. Считайте это первым экзаменом.

— Ясно, — вздохнул Стиг, не понимая, как определять эту самую меру.

— Сегодня можете гулять, а завтра с утра чтобы были в Конторе. Четвертый этаж, кабинет № 78. Спросите старшего оперуполномоченного отдела внутренних расследований Грыкха Хорбогана.

— Орка?

— Да, одного из лучших контрразведчиков империи. Тому, чему вас научит он, не научит больше никто.

— Спасибо! — просиял Стиг, вспомнив, что о Хорбогане он слышал. Попасть к нему в ученики — большое везение. Хотя, говорят, орк отличается несносным характером... Что ж, придется терпеть его придирки.

— Беги, друзья небось уже заждались, — отпустил приемного сына Тангерд. — Расскажи им новости.

Дракончик радостно засмеялся и, забыв свою сумку на траве, одним прыжком взметнулся в воздух и понесся куда-то к западной окраине Над-Аноура. Вихрь с

улыбкой проводил его взглядом и покачал головой. Не слишком он хотел малышу такой судьбы, но Стиг уперся, ни о чем, кроме Конторы, и слышать не хотел. Что ж, пусть с головой окунется в грязь и кровь, может, передумает. Хорбоган предупрежден, покажет стажерам самые неприглядные стороны службы. Если не сломаются, что ж — пусть служат. А сломаются... Значит, не их путь.

Стиг летел, как, наверное, никогда в жизни. Он вопил, словно безумный, и выделывал дикие кульбиты в воздухе, распугивая стаи птиц, которых над столицей всегда хватало. Завидев вдалеке ворота поместья князя Элтаэноля, дракончик сорвался в пике, с трудом выйдя из него над самой землей — едва перепонки не порвал. Остальные трое уже дожидались его. Поднятый крыльями Стига ветер превратил прическу Лоралиэль в дзенн знает что, вызвав возмущенный вопль эльфиечки. Она накинулась на дракончика и принялась колотить его кулачками по спине.

— Сдурел, что ли?! — отплевавшись от пыли, возмутился Кирлан.

— Давно по ушам не получал! — вторил ему Горт, отряхивая шерсть. — Скотина крылатая!

— Да ладно вам! — Стиг едва не танцевал, так не терпелось сообщить друзьям новости. — Чего летом делать будете, надумали?

— А дзенн его знает, — пожал плечами принц. — Могу попробовать уговорить деда отпустить нас в Ландзад, там есть на что поглядеть. Только сомнительно, что согласится...

— Зато я знаю! — гордо задрал нос дракончик. — Наши прошения приняли! Твой дед их вчера подписал!

— Брешешь!!! — потрясенно выдохнул Кирлан.

— А вот и нет, мне советник Тангерд только что об этом сказал. Завтра утром нам предписано явиться в

Контору к старшему оперуполномоченному Грыкху Хорбогану.

— Йо-о-о... — восторженно протянул Горт, переглянувшись с Лоралиэль. — К тому самому Хорбогану?! Который Волчью секту до последнего адепта выловил?

— К нему, — важно подтвердил Стиг. — Я сам, как услыхал, не поверил. Но советник бы врать не стал.

Эльфиечка хмуро смотрела на него и думала, что скажет отцу: она подавала прошение за компанию с друзьями, даже не думая, что император может удовлетворить его. Князь Элтаэноль, как и остальные золотые и серебряные князья империи Над, относился к Конторе очень настороженно, слишком часто эта жутковатая организация громила заговоры аристократов и была при этом безжалостна. Да и компания единственной дочери не слишком нравилась эльфу. Если бы в этой компании не верховодил принц крови, он бы запретил Лоралиэль водиться с детьми «конторских», как презрительно называли в среде аристократии выскочек, возведенных в дворянское достоинство нынешним императором, плюющим на все традиции. В конце концов, девочка упрямо топнула ногой и решила, что все равно поступит по-своему — ее жизнь, сама будет решать, что и как делать. И отец тут не указ!

Немного поспорив, друзья двинулись на пляж и до самого заката плескались в теплом море. Столичные пляжи славились по всей империи — белый песок, чистая вода и ограждение в двухстах метрах от берега, делающее купание безопасным. В других местах неосторожным купальщиком могли пообедать акулы или другие крупные хищные рыбы, которых в южном океане водилось достаточно. Хотя в Аноурскую бухту они заплывали и редко, но все же заплывали, поэтому сетки устанавливались вокруг всех пляжей.

Покосившись на нервничающих друзей, Кирлан осторожно постучал в дверь кабинета № 78. Все четверо ночью почти не спали, не находя себе места от волнения. Лоралиэль, кроме того, пришлось выдержать целую войну с отцом. Услышав, что его ненаглядная доченька принята стажером в Контору, серебряный князь пришел в ужас. Что скажут в свете?! Это же позор! Но девочка уперлась. Пришлось эльфу, скрепя сердце, смириться.

— Войдите! — рявкнул из-за двери чей-то хриплый голос.

Кирлан осторожно приоткрыл створку и просочился в кабинет, за ним последовали остальные. Их встретил хмурый взгляд огромного орка со шрамом, пересекающим все лицо. Его желтые глаза смотрели исподлобья.

— Чего надобно?

— Мы... это... стажеры... — пролепетал принц.

— А... — оскалил клыки орк. — Ну, заходите. Стулья вон стоят.

Порывшись в ящике стола, он достал четыре медных жетона. Друзья радостно переглянулись — такие жетоны выдавались только сотрудникам Конторы, подделать их было совершенно невозможно — маги заговаривали на конкретного носителя. Значит, им уже и служебные жетоны подготовили? Вот здорово!

— Итак, — орк открыл тощую папку и подождал, пока все сели. — Как меня зовут, знаете?

— Да, мастер Хорбоган, — ответил Стиг.

— А ты, значит, Тангерд?

Дракончик кивнул. Орк некоторое время изучающе смотрел на него. Затем повернулся к Кирлану.

— Рад, что уже третье поколение императоров службу в Конторе проходит, — внезапно добродушно улыбнулся он. — Твой дед в свое время тоже со стажера на-

чинал. До начальника департамента дорос! Сам, а не потому, что принц. Ты это, малец, учитывай.

— Я тоже сам хочу! — гордо выпрямился Кирлан.

— Молодец, это по-нашему! — одобрительно кивнул Хорбоган. — Кто у нас тут еще? А!.. Сыночек Навра, чтоб ему провалиться, образине козломордой. Гляди мне, коли батины шуточки повторять станешь, зубы пересчитаю.

— Да я чо, я ж ничо... — застеснялся Горт, лукаво поглядывая на орка из-под прикрытых век.

— Вижу... — скривился тот. — Яблочко от яблони далеко не падает. Твоему папане в молодости частенько морду бивали. Коли что — и тебе набьют. Но ладно. Кто последний? Надо ж, эльфя малолетняя, да еще и благородная... И чего ты, девка, тут забыла?

— Мы все вместе! — насупилась Лоралиэль.

— А, за компанию... — покивал Хорбоган. — Тады ясно. Но ты это зря, работа у нас не бабская. Небось в обморок на первом же допросе упадешь.

— Не упаду! — храбро пискнула эльфиечка.

— Да-а-а?.. — радостно осклабился орк. — Щас проверим! Вот ужо я поржу над твоей зеленой мордой. Лады, держите жетоны и идем. Поглядим, чего вы стоите.

Стиг по очереди посмотрел на остальных троих, взглядом требуя выдержать все. Затем пошел за орком, двинувшимся куда-то в глубь коридора. Мастер Хорбоган, похоже, собирается отвести их в подвальные допросные камеры, где опытные палачи убеждают несговорчивых поделиться информацией. Странно, что так сразу. Неужто решил на слом проверить? Не зря приемный отец вчера говорил, что работа в Конторе жестока и кровава. Он никогда не хотел, чтобы Стиг шел по его стопам, отговаривал изо всех сил, но дракончик упрямо стоял на своем. Вихрь мог и попросить орка показать стажерам самые неприглядные стороны службы. Теперь важно и в самом деле не сломаться, несмотря ни на что.

Главная проблема — Лоралиэль. Девочка все-таки, может не выдержать. Вон, уже вся белая.

Мастер Хорбоган долго вел стажеров куда-то узкими проходами, здесь Стиг никогда еще не бывал, хотя до этого дня считал, что хорошо знает главную резиденцию Конторы. Они часто спускались по узким лесенкам, проходили через большие и малые комнаты, пока не оказались у диковинки — механического лифта, ведущего на подземные уровни. Дракончик успокоился — это место он знал, хотя в лифт его в свое время не пустили. Надо будет позже как следует изучить резиденцию, чтобы не плутать.

Ржавая платформа медленно опускалась куда-то под землю, и друзьям было не по себе. Возникало ощущение, что перед ними открывает свои врата сам ад. Лифтер, старый дварф с огромными седыми бакенбардами, казался проводником на тот свет. Впрочем, для многих узников, так никогда и не вышедших из подвалов Конторы, он таковым и был.

— За мной! — скомандовал орк, сойдя с платформы, и бодро потопал по освещенному факелами ходу, выложенному гранитной плиткой.

Оставив позади восемь дверей, Хорбоган несколько раз стукнул в девятую. Она сразу же открылась. Войдя, Стиг понял, что они в пыточной камере — об этом говорило множество весьма специфических приспособлений. На стене был распят трясущийся обнаженный человек с наполненными ужасом глазами. Около него стоял, то и дело сплевывая через губу, рослый гном с заплетенной в толстую косу бородой. Явно не роваур, они бороды никогда не заплетали. Насколько знал дракончик, так делали только уроженцы Ксанира. Интересно, как здесь оказался ксанирец? Беженец, наверное.

— Молчит? — опустился на скамью Хорбоган.

— Молчит, паскуда, — подтвердил гном. — А это чего за мальцы? На хрена ты их сюда припер?

— Стажеры, — неохотно буркнул орк. — Хай поглядят, чего служба стоит.

— Ну, нехай... — осклабился палач. — Только коли мне камеру изгваздают, сами мыть будут. Вон ведро, коли тошнить станет, туда, а не на пол. Уяснили?

— Да... — нестройным хором ответили стажеры.

— А в чем этот человек провинился?.. — через некоторое время решился спросить Кирлан.

— Да прихватили его на шпионаже, — осклабился Хорбоган. — Уж больно императорской охраной интересовался, подкупить даже кое-кого пытался. Это орковто из Белой Сотни, клятву личной верности дававших! Они его тут же и сдали. Снова, похоже, заговор зреет. Никак наши сволочи благородные не успокоятся, все чего-то крутят. Казалось бы — все есть, денег по уши, земель тоже, токо радуйся жизни. Не, им мало, власти хотят. Ну, на то мы есть, чтоб растолковывать непонятливым, чего делать не надобно. Этот дурной князенок мало того, что попался, так еще и молчит. Коли б раскололся, никто б его пытать не стал. А раз так, сам виноват. Давай, мэтр Орви. Поработай чуток. Для начала легонько, не калечь пока.

— Отчего ж не поработать? — хохотнул гном. — Будешь говорить, парень?

Прикованный отчаянно замотал головой. Он плакал, но молчал. Пожав плечами, палач снял с жаровни широкие щипцы и прихватил ими несчастного за руку. Завоняло паленым мясом, вопль боли разнесся по камере. Лоралиэль позеленела, рванулась к помойному ведру и склонилась над ним. Стигу с Кирланом тоже было не по себе, хотелось последовать примеру подруги, но они держались. Только Горт привычно скалился, делая вид, что все в порядке, хотя и ему было тошно. Гном ра-

ботал над прикованным князенком деловито, после каждой пытки спрашивая, будет ли тот говорить. Надолго мужества у пытаемого не хватило, через десять минут он уже пел, как птичка, закладывая и родичей, и друзей, и подельников.

Как оказалось, несколько человеческих аристократических родов решили, что их обделили землями, что нелюди в слишком большой чести, обиделись и решили устроить переворот. Сидевший в нише писец, которого друзья до сих пор не замечали, заскрипел пером, записывая показания. Стиг ошарашенно слушал, пытаясь понять, на что надеялись эти идиоты. Да разве это заговор? Это же чистой воды глупость! Хорошо, пусть бы им каким-то чудом удалось убить императора. Так на престол взойдет его сын, который тут же воздаст убийцам по заслугам!

Однако услышанное дальше заставило дракончика сцепить зубы. Планировалось вообще устранить императорскую семью, в том числе и Кирлана, а затем короновать главу их клики, золотого князя Верасского. Даже Лоралиэль слушала о планах заговорщиков с ужасом — они считали, что нелюдей в Наде вообще быть не должно, а значит, их всех надо вырезать под корень. Принц застыл у стены, сжимая кулаки. Стиг задыхался от гнева — снова влияние проклятой Церкви, снова уверенность, что только люди имеют право на жизнь. Откуда только берутся такие твари? Нет, этих не жаль. Их надо отлавливать и давить, как вшей, без малейшей жалости.

— Он правду говорит?.. — глухо спросила Лоралиэль.

— Спроси у писца, у него с собой кристалл Истины.

— Правду, юная госпожа, правду, — заверил из своей ниши тот. — Когда врут, кристалл красным загорается, я бы мэтру Орви сразу об этом сказал.

— Святой Создатель... — простонала эльфиечка. —

Они же у нас дома с визитами часто бывали, улыбались, а тайком планировали нас перерезать... За что?!

— Чтобы не мешали, — оскалился орк. — Токо не выйдет у них, передушим паскуд. Не передумала еще у нас служить? Грязи, как вишь, хватает.

— Нет, — глаза Лоралиэль горели гневом. — Теперь — точно нет. Лучше знать, что на самом деле есть, чем думать, что все хорошо, когда... А с такими, — она плюнула в сторону прикованного, — еще и не то делать нужно! Гады! Ну, что мы с папой им сделали-то? Что?! За что нас убивать?! Только за то, что эльфы?!

— А за что такие, как они, убили моих папу с мамой?.. — подошел к подруге Стиг. — Вот потому я всегда и хотел служить в Конторе — против них бороться. А ты все спрашивала — почему. Вот тебе ответ.

— Ты был прав... — едва слышно прошептала эльфиечка. — До сегодня я не понимала...

— Не все так просто, — положил ей руку на плечо Хорбоган. — Ненависть к не людям — только прикрытие, чтобы признание Церкви получить. Только эти господа не в курсе, что Инквизиция в последние годы нам их с потрохами сдает, стоит им только высунуться. В Фалноре тоже кое-что поняли — им сейчас невыгодна смена власти в империи. Почему — вам знать еще рано.

— Так мы что, со святошами сотрудничаем?! — у Стига перехватило дыхание. — Они же убийцы!

— Первосвященник толковый в Церкви власть взял, понял, что старым курсом идти — гибель для всех, — криво усмехнулся Хорбоган. — С таким можно и посотрудничать.

— Они уже один раз всех обманули! — выдохнул дракончик. — Даже дзенн! И где теперь эти дзенн?!

— Мы — не дзенн, — осклабился орк. — Не боись, каждое слово святош по десять раз проверяют. Вот эти, — он показал на прикованного, — сейчас куда опаснее

Церкви. Они, чтобы урвать себе чего-нибудь, и в самом деле готовы всех, кто не люди, перерезать.

В камеру вошли несколько подручных, сняли со стены стонущего от боли узника и тут же оказали ему медицинскую помощь, причем довольно профессионально. Затем унесли. Лоралиэль, все еще всхлипывая, проводила его мрачным взглядом.

— Не переживай ты так, малышка... — прогудел гном, отмывая руки от крови в бадье у стены. — Пока Контора сильна, им не победить. Всех отловим и на голову укоротим!

— И часто такое бывает? — поинтересовался Стиг.

— Да раз в десять-двадцать лет где-то, — вздохнул Хорбоган. — Очередных раздавим, остальные на время притихнут. Но потом обязательно снова заговор устроят. Причем только аристократы, чтоб им. Власти паскудам хочется. Император им развернуться не дает, жестко держит в кулаке, вот они и мечтают сами на престол взобраться, чтобы по-своему страной вертеть. Вот так-то, ребятишки. Пошли.

Уже когда они выбрались на поверхность, орк проворчал:

— Неплохо держались. Но все же спрошу: никто не передумал? Это ведь только начало...

Четверо друзей отрицательно покачали головами. Даже Лоралиэль, хоть и была бледной до зелени. Слишком потрясли их планы заговорщиков. До сих пор представить не могли, что есть разумные, готовые ради власти и денег на любую мерзость и любую жестокость. Таких надо останавливать. Неважно, какой ценой!

День шел за днем, неделя за неделей. У стажеров не оставалось ни одной свободной минуты. Чего только им не приходилось делать! Сбор информации, ее первичный анализ, обработка улик, опрос свидетелей, од-

нажды друзей даже взяли на задержание опасного преступника. Заговорщиков из клики князя Верасского арестовали на следующий день после допроса, но еще не отработали все их связи. Мастер Хорбоган носился по всей стране, как раненный в неудобное место гоблин, стажеры носились вместе с ним, привыкнув есть, что подают в деревенских трактирах, спать в дешевых гостиницах или крестьянских домах, использовать для отдыха любую выпавшую возможность. Они тряслись в почтовых каретах, шагали в туманные облачка телепортов, кутались в одеяла на спинах драконов и грифонов, галопом скакали на лошадях и ездовых оленях. Осваивали методы перевоплощения, актерское мастерство, учились говорить на десятках диалектов всеобщего и над-анн, чтобы сойти за своего и для горожанина из бедноты, и для провинциального аристократа, и для купца средней руки.

Как ни странно, нити заговора потянулись за границу, в Крон Арингар. Это было необычно, требовало тщательного расследования, и вскоре мастер Хорбоган отправился туда, в город Фарн, с помощью мага-телепортиста, взяв с собой Кирлана, Горта и Лоралиэль. Стиг, к глубочайшему его сожалению, остался дома — драконы не жили ни в какой другой стране, кроме империи. Но скучать ему не пришлось, орк приказал разобраться в показаниях свидетелей и обвиняемых, а затем свести их в цельную картину. Ох, и нудна же оказалась канцелярская работа! Однако дракончик терпеливо делал ее, ругаясь сквозь зубы.

Через десять дней опергруппа вернулась в империю, выяснив все, что было нужно. Хорбоган похвалил стажеров за неоценимую помощь, особенно отметив успехи Лоралиэль. Эльфиечка, слушая его похвалы, цвела. Друзьям в Крон Арингаре пришлось играть роль беспризорных детей, ходить в лохмотьях и спать на по-

мойках, незаметно наблюдая за несколькими богатыми негоциантами из гномов-аринга́ров. Как выяснилось, заговорщики заручились их поддержкой, пообещав в случае своей победы концессию на самые богатые железные рудники империи. Отследив всех завязанных в этом деле, орк вызвал из Над-Аноура ликвидаторов. Негоцианты умерли в своих спальнях, на груди каждого был кровью нарисован треугольник в круге — черная метка Конторы. Предупреждение для наследников, чтобы не смели лезть в дела империи Над.

После двухдневного отдыха друзей взяли в оборот наставники боевого мастерства, и начался кошмар. Стажеров должны были научить не просто драться, а убивать. Самыми неподходящими для того предметами — от ложки до собственных пальцев. Друзья стонали, у них болела каждая мышца, не думали никогда, что можно тренироваться с такой интенсивностью. Правда, Хорбоган успокоил их, что когда начнется учебный год в гимназии, расписание станет чуть более щадящим — еще же и учиться надо. И не просто учиться, а только на отлично. Другие отметки для стажеров Конторы были попросту невозможны — нерадивых безжалостно выгоняли.

Когда до окончания каникул осталось две недели, мастер Хорбоган вызвал стажеров к себе в кабинет. Подождал, пока они расселись, внимательно осмотрел каждого и сказал:

— Ну что ж, ребятки. Пока вы меня не разочаровали. Но это только пока! Сейчас вас ждет последнее из первичных испытаний. Погляжу, как справитесь.

— Что за испытание? — тут же насторожился Стиг, привыкший ждать от орка неприятных сюрпризов.

— Сейчас расскажу, — поудобнее устроился Хорбоган и отхлебнул чаю из своей разрисованной розовыми кошечками огромной железной кружки, над которой

втихомолку потешалась вся Контора. — Значится, так. Группе стажеров выдаются материалы какого-нибудь старого нераскрытого дела. Висяков в архиве хватает. Предлагается провести самостоятельное расследование. Никто не ждет, что вы это дело раскроете. Раз уж этого не смогли сделать опытные следователи, то куда вам, птенцам желторотым. Интересуют методы, какими вы будете вести свое расследование. Сам подход. Ценится прежде всего нестандартность мышления, учтите. На эти две недели я освобождаю вашу группу от всех других занятий, кроме обязательных утренних тренировок. Работайте. Висяк я вам подобрал довольно интересный.

— Какой? — подалась вперед Лоралиэль, остальные трое тоже с интересом уставились на наставника.

— Лет пять назад в своем доме был убит почтенный негоциант Ирвит Доргин. Убийц так и не нашли.

— А почему эту уголовщину?.. — вытянулось лицо Кирлана. — Почему ее вообще...

— Расследовали мы, а не Стража? — закончил за него орк. — Да потому, что убийство слишком смахивало на ритуальное. Так обычно приносят свои жертвы адепты темных учений. Труп обнаружили посреди гостиной, он лежал в пентаграмме, в груди торчал кинжал из черного обсидиана. Одного этого кинжала было достаточно, чтобы дело передали в ведение Конторы. Маги обследовали место происшествия и обнаружили слабые следы черных заклятий. Как бы не некромантских.

— Неужели так ничего и не нашли? — изумился Горт, знающий, что черная магия в империи — одно из немногих преступлений, не имеющих срока давности. Не говоря уже о некромантии.

— Никаких следов! — развел руками Хорбоган. — Следователи перешерстили все контакты негоцианта, но это ничего не дало. Вполне возможно, что жертва бы-

ла выбрана адептами Тьмы случайно. Да, любопытный штрих — собак во дворе перебили крохотными отравленными стрелками. Явно пользовались духовыми трубками. Причем все проделали так быстро, что ни одна и гавкнуть не успела. Разом подохли.

— Ничего себе... — едва не уселся на хвост Стиг. — Трубками же только дикари с островов Срединного архипелага пользуются! Они-то как в империи оказались?

— А дзенн их знает! — пожал плечами орк. — Да и неизвестно, дикари ли. Может, кто-то жил среди них и научился. Всяко бывает. В общем, занимайтесь. Вот вам материалы дела. Можете подключать любые службы Конторы, но в разумных пределах.

Он положил на стол пропыленную папку. Поняв, что больше ничего от наставника не добьются, стажеры забрали документы и отправились к Лоралиэль — ее отец уехал по торговым делам на остров Ларба и вернется только через месяц. Можно устроить штаб-квартиру в покоях подруги, благо слуги туда без зова не суются. Потребовав у камердинера сока и пирожных, друзья начали изучать пухлую папку.

— Ну, с чего начнем? — деловито спросил принц, когда все прочли ее содержимое. — У кого-нибудь есть идеи?

— У меня — ни одной! — задумчиво почесал себя между рожек Горт.

— И у меня... — вздохнула Лоралиэль.

— Давайте по порядку разберемся, — недовольно дернул хвостом Стиг, одновременно подхватывая языком с подноса пирожное.

Прожевав, он глотнул сока и продолжил:

— Итак, что мы имеем. Прислуга у Доргина была приходящей, вечером горничная видела хозяина живым и здоровым. Она же утром обнаружила труп и вы-

звала Стражу. Кто еще работал у него? Я что-то запамятовал.

— Лакей, конюх и кухарка, — ответила эльфиечка. — Дом небольшой, никак не поместье. Восемь комнат в два этажа. Убитый был не слишком богат, торговал скобяными изделиями с Крон Аринга́ром, Догондом[1] и Дзаг-Фодионом. Имел всего два корабля, да и те кораблями назвать трудно — старые лайбы, едва не разваливающиеся на ходу.

— Ясно, — дракончик ненадолго задумался. — Всех слуг допрашивали?

— И неоднократно, — буркнул принц. — Под заклятием правды даже. Ни один ничего не знает. Ни один не видел ничего подозрительного.

— А команды кораблей? Ведь собак перебили при помощи духовых трубок, а корабли Доргина ходили на остров Ллинь-Тон, значит, не раз бывали в Срединном архипелаге. Могли там кому-то на хвост наступить, вот этот кто-то и прислал убийц в империю.

— Эту версию следователи отрабатывали первой, — вздохнул Горт, теребя себя за шерсть на морде. — Не подтвердилась. Доргин возил на Ллинь-Тон гвозди, торговал только с двумя старыми контрагентами. Назад привозил пряности и красное дерево. Имел неплохую прибыль, но сам годами безвылазно сидел в Над-Аноуре, все дела вели приказчики. Они и перекупили фирму после смерти хозяина, продолжают процветать.

— Стоп! — приподнялся Стиг, ему внезапно пришла в голову идея. — У слуг дети были?

— Дзенн его знает... — растерянно пожал плечами сатир. — В деле об этом ничего нет. А что?

— То самое. Вспомните свою поездку в Крон Арин-

---

[1] Догонд, Дзаг-Фодион и Тирдок — государства, расположенные на большом острове Ллинь-Тон на северо-востоке Срединного архипелага.

гар. Вы там следили за купцами. На вас хоть кто-нибудь внимание обращал?

— Нет.

— Вот и я о чем! — усмехнулся дракончик. — На детей никогда не обращают внимания, где бы они ни лазили. Контора этим давно пользуется. Но почему-то следователям не пришло в голову допросить детей слуг, которые вполне могли заметить что-нибудь необычное. Где живет бывшая горничная?

— На улице Линтхоп, 43, — заглянула в папку Лоралиэль. — Только ты забыл, что пять лет прошло.

— Ничего, расспросить не помешает, — усмехнулся Стиг. — От нас все равно результата не ждут, если помнишь.

— А! — успокоилась эльфиечка. — Тогда пошли.

Идти пришлось довольно долго, на северо-восточную оконечность Над-Аноура, где обычно селились горожане невысокого достатка. Столица была огромна, являла собой дикую мешанину архитектурных стилей, но, несмотря на это, друзей удивил домик горничной, похожий на пряничную треугольную башенку с круглыми окнами. Им повезло, госпожа Дурхоп оказалась дома. Увидев жетоны страшной Конторы, почтенная женщина чуть в обморок не упала, несмотря на то что эти жетоны показали ей дети. Однако Лоралиэль сумела быстро очаровать ее и, мило улыбаясь, выспросила все, что нужно. Да, у госпожи Дурхоп есть трое сыновей, и младшего она в свое время часто брала с собой на работу — не на кого было оставить. Сейчас ему исполнилось двенадцать. Друзья радостно переглянулись — их ровесник, вполне можно найти общий язык.

— Дирти! — позвала госпожа Дурхоп. — А ну-ка, иди сюда, бездельник ты эдакий!

— Чего те, ма?.. — вынырнул из-за угла встрепанный мальчишка с копной соломенных волос.

— А вот молодые господа хотят с тобой поговорить. И гляди мне, чтоб не брехал, не то...

Она погрозила сыну свернутым полотенцем, отчего тот втянул голову в плечи и обреченно уставился на друзей.

— Привет! — подошел к нему принц. — Меня Кирланом зовут. А это — Стиг, Горт и Лоралиэль.

— Дирт, — буркнул мальчишка. — Чего надо?

— Спросить кое-что. Есть тут кабачок неподалеку?

— Чего ж не быть? — пожал плечами Дирт. — Токо там дорого.

— И дзенн с ним! — улыбнулся Кирлан, когда он хотел, то умел быть очаровательным.

Кабачок нашелся совсем рядом, на соседней улице. Там оказалось на удивление чисто, приятно пахло травами, развешанными на стенах. Заказав молочные коктейли и пирожные на всех, друзья сели в углу. Дирт опустился на краешек табурета, опасливо поглядывая на богато одетых господских детей. Он не ожидал от знакомства с ними ничего хорошего, юные господа порой развлекались довольно жестоко. И чего им надо?

Кирлан на удивление быстро нашел с мальчишкой общий язык — хорошо умел внушать доверие. Он «по секрету» рассказал, что они стажеры Конторы и вместо практики должны провести самостоятельное расследование. Глаза Дирта загорелись от зависти, видно было, что ему страшно хочется оказаться на месте кого-нибудь из них. Им ведь тоже всего по двенадцать, а уже настоящим делом заняты! Принцу не составило труда уговорить мальчишку считать себя тайным агентом. И он охотно начал вспоминать, что происходило пять лет назад. Тем более что вспомнить было что. Дирт рассказал, что за домом негоцианта долго следил лысый верзила, напугавший сына горничной до полусмерти од-

ним своим видом. Из-за своего страха он этого верзилу и запомнил.

— Я его вчера в торговых рядах встретил... — понизил голос Дирт, опасливо оглядываясь. — Еще страшнее стал!

— Встретил?.. — вскинулся Стиг. — Можешь показать, где?

— А то! — гордо вздернул нос мальчишка.

— Показывай!

До Восточного рынка добежали быстро — неслись сломя голову. Стиг изнывал от азарта. А вдруг повезет, и удастся раскрыть дело, об которое сломали зубы опытные следователи Конторы? Тогда Вихрь сразу поймет, что его приемный сын чего-то стоит. Вот бы здорово было!

— Я его возле вон той таверны видал... — возбужденно прошептал Дирт. — Там купцы небогатые останавливаются. Ой, да вот же он...

Из таверны и в самом деле вышел огромный лысый мужик под два метра ростом. Выглядел он даже не страшно, а жутко. Один раз увидишь — точно не забудешь. Ушей и носа не было, мутные глаза походили на бельма, щеки украшали по четыре параллельных шрама. От лысого веяло чем-то отвратительным до омерзения, люди шарахались от него и крестились, а то и плевали ему вслед. Он же не обращал ни на кого внимания, отшвыривая с дороги зазевавшихся прохожих.

— Что-то мне этот тип сильно не нравится... — поморщился Кирлан. — Разделяемся. Надо поспрашивать в таверне. Да и проследить за ним не помешает. Кто за что возьмется?

— Я прослежу, — решительно сказал Стиг. — Сверху. Кто там обратит внимание, что в небе драконыш? Для Над-Аноура дело обычное. А вы тут пока повыясняйте,

кто он и откуда. Только осторожно. Может, наставнику расскажем?

— Нет! — возмутилась Лоралиэль. — Нам это дело дали только потому, что считали висяком. А если след появится, сразу отберут! Давай сначала сами сделаем, что сможем, а потом уже доложим.

Остальные, в том числе и Дирт, согласно закивали. Не раз потом друзья проклинали себя за глупую самонадеянность — слишком привыкли, что в столице империи им ничего угрожать не может. Но это потом, а сейчас они быстро разбежались в разные стороны. Кирлан, ничтоже сумняшеся, пошел к хозяину таверны и показал свой жетон, не обратив внимания на сверкнувшую в глазах толстяка ненависть. Горт, увидев неподалеку двух соплеменников навеселе, пристроился к ним, рассчитывая порасспрашивать, — сатиры, хоть и пьяные, обычно замечали все и всегда, только мало говорили об этом. Лоралиэль, сопровождаемая Диртом, отправилась в Таможенный приказ, где регистрировали всех приезжих, а не только купцов, как думали многие. Но знали об этом далеко не все, а лишь те, кому было положено по долгу службы.

Стиг парил метрах в ста от земли. Отслеживать татуированную лысину верзилы оказалось нетрудно, он сильно выделялся из толпы. Дракончику очень не нравилось поведение этого человека — слишком нагл. Нарочито нагл. И никто не решается окоротить. Увидит его страшное лицо — и тут же старается убраться прочь. А лысый довольно скалится. По дороге он заходил то в один дом, то в другой. Говорил то с одним человеком, то с другим. Стиг запоминал каждого его собеседника, абсолютная память позволяла. Последним пунктом в списке остановок верзилы стало небольшое поместье за городом, принадлежащее явно не аристократу — герба на воротах не было. Оттуда он так и не вышел. Когда

окончательно стемнело, дракончик разочарованно вздохнул и полетел к дому Лоралиэль.

Рассказав друзьям о результатах слежки, он выжидательно уставился на них.

— Хозяин таверны ничего толком не знает, — вздохнул Кирлан. — Какой-то купец, вроде бы с острова Тсорн. Приезжает в империю раз в пару лет на месяц-другой, останавливается обычно в его таверне. Чем торгует, хозяин не интересовался. Платит лысый исправно, а больше его, мол, ничего не интересует.

— Зато я имя выяснила, — усмехнулась Лоралиэль. — Описала в Таможенном департаменте внешность этого «купца», так письмоводители сразу его вспомнили — такого поди забудь. Странное у него имя. Черный Волк. Действительно, с острова Тсорн — по документам. Но его документы вызывают подозрение, слишком похожи на поддельные. Я, от имени Конторы, потребовала провести полную проверку.

— И, похоже, не зря... — скривился Горт, яростно почесывая между рожками. — Я там поспрашивал у своих, от этого типа все шарахаются. Чуть что не по нему, нож достает. На купца непохоже. Но Стражу никто почему-то вызывать не решается, боятся лысого так, будто он сам Ушедший.

— Звериными прозвищами иногда называют себя тарские пираты... — задумчиво сказал дракончик. — Не из них ли этот тип?

— Все возможно, — пожал плечами принц. — Давайте-ка спать идти, народ. А с утра продолжим.

— Пожалуй, — согласился сатир. — Я тоже устал как собака. Здесь останемся?

— Ага, неохота через весь город домой переться. Только предупредить надо.

Кристалл связи в доме серебряного князя, конечно же, нашелся. Друзья по очереди сообщили родителям,

что остаются у Лоралиэль, и, зевая, разошлись в приготовленные слугами спальни.

Стиг удобно устроился на огромной пуховой перине и закрыл глаза, собираясь погрузиться в сон. Но не заснул — случилось нечто неожиданное. Дракончику вдруг показалось, что он куда-то провалился, перестал ощущать свое тело и очутился в совершенно незнакомом месте. Вокруг возвышались мачты множества недостроенных кораблей, от крохотных яхт до огромных четырехмачтовых ландеров. Столь гигантских верфей Стиг никогда еще не видел, над-аноурские рядом с этими не стояли — были раз в десять меньше. Растерянный дракончик смотрел то в одну сторону, то в другую в попытках понять, куда и каким образом он попал. Внимание привлекли раздающиеся слева крики — дородный, богато одетый человек избивал кнутом скорчившегося на мерзлой земле оборванного мальчишку-дварфа лет десяти-двенадцати. Тот был уже весь в крови, почти не шевелился, только слабо дергался от ударов и глухо хрипел. Невдалеке стояли на коленях трое взрослых дварфов. Двое мужчин и женщина. По ошейникам Стиг понял, что это рабы.

— Пощадите, господи-и-и-н... — к богато одетому тянула руки женщина, не вытирая стекающих слез. — Умоляю ва-ас...

— Ладно, так и быть, — тот выпрямился и пнул скрючившегося мальчишку. — Еще раз увижу, что эта паскуда малолетняя от работы отлынивает, — собакам скормлю! Вечерние пайки седня не получите. И коли к послезавтра грот-мачта на «Грозном» не будет установлена...

Хозяин не договорил, но так гнусно осклабился, что дварфов передернуло. Они закланялись, уверяя, что все сделают, хоть и понимали, что теперь двое суток спать не придется. Но лучше не спать, чем под горячую руку господина Нерандера попасть — он жалости не ведал.

Вон как беднягу Ди избил. И за что? Да практически ни за что! Мальчишка был художником от бога, то и дело что-то рисовал, просто не мог иначе. Вот и сегодня нашел кусок угля и изобразил на стене сарая кораблик. А хозяин заметил...

Семья Два-Варх была продана в рабство три года назад. За долги. Братья Два-Варх много лет считались лучшими корабелами Квана, но жили небогато, работая в кораблестроительных компаниях, принадлежащих богатейшим негоциантам Тсорна. Платили им очень мало, несмотря на все мастерство, да и тем попрекали, говоря, что поганые нелюди совсем зажрались — раньше, мол, за миску похлебки пахали и рта открыть не смели. Когда все это окончательно надоело, братья решились создать свою компанию, забыв, что, по неписаным законам острова, дварфы не имеют никаких прав. Возмущенные «наглостью нелюдей», владельцы основных верфей сговорились и быстро разорили новоявленных конкурентов. Сумма долга после банкротства оказалась такой, что в рабство продали не только самих братьев, но и всю семью. Ее купил Леви Нерандер, давно ненавидевший строптивых мастеров. С того дня их жизнь превратилась в ад. Но Два-Варх не роптали — раз так сложилось, то это воля Всевышнего.

Откуда все это узнал Стиг? Откуда-то узнал. Мало того, ощущал боль и отчаяние юного дварфа как свои собственные. Ведь бедняге предстояло до самой смерти оставаться рабом. И как ни истерзано было сейчас его тело, но душа болела сильнее. Ди мечтал умереть, он не видел смысла жить дальше. Ну, зачем мама упросила господина смилостивиться?.. Лучше бы насмерть забил! Больше мучиться не пришлось бы...

«Не смей сдаваться, слышишь! — не выдержал Стиг, не надеясь, что его услышат. — Дерись до последнего!»

Однако его услышали. Ди удивленно вскинулся и

принялся оглядываться, пытаясь понять, кто сказал ему эти слова, но никого не увидел. Он снова сжался на земле, не обращая внимания на ласковые руки матери, промывающие ему раны. Но твердо решил про себя, что рабом все равно не будет. Сбежит, как только сможет. Поймают и казнят? Пускай! Это все равно лучше, чем всю жизнь быть рабочей скотиной.

Стиг отчаянно хотел помочь дварфу, давно уже он не испытывал такого гнева и такого возмущения. Снова люди угнетают другие расы! Снова! Да сколько же можно?! С каким бы наслаждением дракончик прибил этого самого господина Нерандера, до полусмерти избившего мальчишку всего лишь за то, что тот нарисовал на стене кораблик. И не просто прибил бы, а заставил долго кричать от боли. Что ж, если этот подонок раньше не сдохнет сам, то когда-нибудь Стиг до него доберется. Дракончик был уверен, что все это происходит на самом деле. Проверить, правда, не помешает, что вовсе не сложно. Остров Тсорн, город Кван, верфи Нерандера. Завтра же надо будет зайти в информационный отдел Конторы, жетон стажера дает на это право. Там мэтр Корнут работает, чудный старикан и тоже дварф. Он быстро подберет компромат на Нерандера, у любого крупного негоцианта рыльце в пушку, на каждого в Конторе заведено дело. На этого, скорее всего, тоже.

Видение погасло, и Стиг очнулся на своей перине. Его душу переполняли ледяная ярость, ненависть, горечь и обида. Не должен существовать мир, где возможно такое! Сам не понимая, что делает, дракончик устремил ничего не видящий взгляд в никуда, всей душой потянулся туда. Бездна в ответ сама посмотрела на него, оценивая, достоин ли этот юный наглец ее внимания. Достоин! Мир незримо содрогнулся от ужаса, ощутив поступь неумолимо приближающегося судии. Стиг Тангерд сделал свой первый шаг во Тьму.

Следующие три дня не принесли ничего интересного. Стиг продолжал следить за шляющимся по всему городу лысым верзилой. За загородным поместьем наблюдали по очереди Горт с Кирланом. Лоралиэль засела в архивах, прорабатывая все, даже случайные, связи лысого. Постепенно начала вырисовываться любопытная картина. Черный Волк ничего не продавал и не покупал, однако исправно посещал конторы нескольких имперских торговых домов, причем встречался там с одними и теми же людьми. И все эти люди вели себя после таких встреч очень странно, да и выглядели пришибленными. Они часами ходили по городу, интересуясь домами одиноких людей высокого достатка. Каждый такой дом заносили в список, затем снова встречались с лысым и передавали эти списки ему. Горту удалось подобраться совсем близко и стать свидетелем передачи списков — на отирающегося неподалеку мальчишку-сатира никто не обратил внимания. А он замечал все.

В поместье часто приходили неприметного вида люди, и Стиг очень жалел, что не имеет возможности узнать, что им там нужно. Проследить за гонцами не удавалось, после ухода они бесследно исчезали, как сквозь землю проваливались. Возникло даже подозрение, что друзья наткнулись на следы какой-то операции Конторы. Дракончик на всякий случай спросил об этом у наставника, не желая мешать коллегам. Орк в ответ проворчал, что тайные агенты Службы Безопасности не такие неумехи, чтобы их заметили какие-то там стажеры. Но адрес поместья все же записал и пообещал навести справки.

Свое видение Стиг, как и намеревался, проверил. В Кване действительно существовали принадлежащие некоему Леви Нерандеру верфи, одни из самых крупных в мире. Мэтр Корнут, услышав, как на этих верфях обращаются с его соплеменниками, был очень возму-

щен и начал собирать информацию, с помощью которой можно будет прижать жестокого негоцианта. Дракончик же намеревался попросту раздавить эту сволочь. Правда, использовать служебное положение в личных целях... Оставалось надеяться, что Нерандер чем-то задел интересы империи. В конце концов, можно и провокацию организовать, подбросив приманку, на которую он обязательно клюнет — слишком жаден. После чего попадет под раздачу. Только спешить не стоит, чтобы самому не влететь. Да и с приемным отцом полезно сперва посоветоваться. Вихрь обязательно что-нибудь подскажет, а прежде всего объяснит, куда соваться не следует.

На четвертый день наблюдения в поместье привезли что-то тяжелое, громоздкое и очень хорошо упакованное — понять, что это было, друзья не смогли. Стиг сверху с удивлением видел, что двенадцать дюжих грузчиков едва справились, затаскивая непонятный предмет в подвал. Вскоре удалось выяснить, что его доставили с восемнадцатой пристани торгового порта, куда пришвартовалась шхуна с острова Ларба. Долго она не задержалась, только выгрузила упакованное нечто и тут же снова ушла. Горт побывал в портовой таможне, где неохотно сообщили, что шхуна привезла плиту черного мрамора по заказу почтенного негоцианта Черного Волка. Все нужные пошлины уплачены. У сатира после этого визита возникло подозрение, что таможенникам хорошо заплатили за молчание. Черный мрамор? Какого дзенна везти черный мрамор с Ларбы? Он там отвратительный, гораздо лучше добываемый в каменоломнях империи в Роваурских горах. И уж всяко в несколько раз дешевле. Что-то в этом не то. Вопросы накапливались, а ответов на них не было.

По прошествии недели стажеры пришли в уныние. Похоже, больше ничего выяснить не удастся. Собран-

ные обрывки информации не давали сделать никакого логичного вывода и никак не желали сходиться в цельную картину. Обиднее всего будет, если Черный Волк и в самом деле просто купец, не замешанный ни в чем предосудительном. Возможно? Вполне.

Поместье принадлежало некоему Мориту Горвену, тоже негоцианту. Судя по данным Таможенного Департамента, он третий год пребывал в торговой экспедиции в Срединном архипелаге и домой еще не возвращался. Кто тогда живет в его доме? Семья? Слуги? Знакомые? В управлении Стражи на вопросы об этом только развели руками — никогда проживающие в этом поместье не привлекали к себе внимания стражей порядка. В Налоговом Департаменте сообщили, что все подати исправно платятся жильцами сразу по получении уведомлений. Согласно налоговым ведомостям, в поместье жили сотрудники негоцианта. Три человека — управляющий, садовник и горничная. Однако Стиг заметил там куда больше людей.

— Ну, и что делать будем? — мрачно поинтересовался Кирлан, когда друзья собрались вечером у Лоралиэль, не было пока только Горта.

— Не знаю... — вздохнул Стиг. — Поглядеть бы, что в самом доме творится.

— Даже не вздумай! — насторожилась Лоралиэль. — Поймают — стыда не оберешься! Представляешь, что тебе наставник скажет, если тебя в Стражу как вора сдадут?

— Бр-р-р... — дракончика передернуло от такой перспективы. — Тогда точно из стажеров вылечу.

— Народ! — влетел в комнату возбужденный сатир. — Чего я седня подслушал!

— Чего? — у остальных троих загорелись глаза.

— Завтра Черный Волк вместе с остальными планирует сделать что-то важное. Он седня встречался со все-

ми своими людьми. Каждому сказал по два слова: «Завтра вечером».

— Знать бы еще, что они там запланировали... — понурился Стиг.

— Думаю, стоит спрятаться возле поместья вечером и понаблюдать.

— Противозаконно... — поежилась эльфиечка.

— Так мы же в дом не полезем! — возразил сатир. — Снаружи последим. Может, чего интересного и увидим.

— А что? — дракончик почесал когтем нос. — Это идея. Но не сверху, ночью все равно ни фига не разглядеть. Возле ворот затаимся.

— И что мы там увидим? — скривилась Лоралиэль. — Ночь же!

— Это разве проблема? — приподнял брови Кирлан. — Я дядю Армлания попрошу, чтобы он нам очки наколдовал хитрые. Он может, я у него такие видел.

— Это какие же? — подергал себя за рог Горт.

— Да чтобы ночью видеть!

— Ух ты! — переглянулись друзья. — А он согласится?

— Почему нет? — усмехнулся принц. — Мы с ним давно помирились после того случая.

Вспомнив, как четыре года назад залезли в башню архимага, Кирлан, Стиг и Горт захихикали. Больше они, конечно, таких глупостей не делали, но вспомнить было о чем. Быстро обговорив, что делать завтра, они разошлись по комнатам — вставать рано, чтобы успеть подготовиться.

Невдалеке от ворот поместья росла небольшая рощица ратанговых деревьев. Друзья уже не раз делали вид, что играют там — пусть живущие здесь привыкнут к виду играющих детей. Те действительно не обращали на стажеров никакого внимания. Мало ли вокруг детей шляется?

Вечером следующего дня друзья затаились в роще,

притащив с собой подзорные трубы. Кирлан все-таки выпросил у архимага ночные очки — тот даже не поинтересовался, для чего они понадобились принцу. Сделал четыре пары, причем разных, — помнил, кто обычно шляется вместе с его малолетним высочеством. Поэтому даже Стиг не остался без очков — ему бы никак не подошли человеческие. Незаметно стемнело, но возбужденные стажеры этого не заметили, наблюдая за воротами, — видели все, как днем. Если уж архимаг империи что-либо делал, то делал на совесть, очки не стали исключением из правил.

Этой ночью в поместье негоцианта Горвена явно готовились к чему-то серьезному. То один, то другой человек внезапно возникал из темноты и стучался в калитку. Произносил какую-то условную фразу, и его впускали. Когда число гостей перевалило за полсотни, Стиг забеспокоился. Похоже, здесь и в самом деле происходит что-то нехорошее. С какой стати в доме отсутствующего купца тайно собирается столько людей? Не очередной ли это заговор? Или, того хуже, сбор агентов чужой спецслужбы? Все может быть. Похоже, придется срочно лететь в Контору и поднимать оперативников. Стоп, а доказательства? Был бы взрослым, поверили бы на слово, своим в СБ обычно верят, но ему всего двенадцать лет...

Однако случившееся затем заставило отбросить все сомнения. К воротам поместья одна за другой подъехали три коляски с колесами, обмотанными тряпками. Да и лошади ступали бесшумно, что тоже дало повод насторожиться. С колясок стащили несколько человек с мешками на головах и увели внутрь. Одной из них, судя по голосу, была женщина, она плакала и умоляла отпустить, но никто не обратил внимания на ее плач.

— Надо звать Стражу... — негромко сказал Кирлан. — Все видели?..

— Не Стражу, а наших! — буркнул Стиг. — Что та Стража? Полетел я.

— Никого вы не позовете, — заставил друзей вздрогнуть чей-то насмешливый голос.

Рощу залил яркий свет, стажеры вскочили на ноги и увидели, что окружены людьми в черных комбинезонах. Их возглавлял одетый в сюртук высокий мужчина с пронзительным взглядом насмешливых черных глаз. Он повернулся куда-то вбок и спросил:

— Волк, не те ли это дети, что следили за тобой?

— Они самые, господин мой, — выступил вперед лысый верзила. — Вот этого сатиреныша узнаю, все неподалеку терся. Да и драконыш надо мной уже неделю летает. Черный, как и этот. А вот этот пацан у хозяина таверны обо мне спрашивал. Девку раньше не видал. О, да это ж эльфя!

— Эльфя? — удивился высокий, уставившись на Лоралиэль. — Точно. Надо же, как повезло! Перворожденные нам еще не попадались. Великая Мать будет довольна.

— Стиг, беги!!! — тонким дрожащим голоском взвизгнул Кирлан.

Дракончик одним прыжком взметнулся в воздух, но далеко не улетел — не успел подняться на несколько метров, как какая-то невидимая сила окутала его и опустила обратно. Только в этот момент он обратил внимание, что свет льется из туманного шара, висящего на высоте человеческого роста. Этот высокий — маг! Святой Создатель! Теперь ясно, как он остановил взлетающего дракона...

При виде рухнувшего на землю Стига Кирлан вскрикнул от ужаса. Попались! И что теперь?.. Похоже, эти люди все же преступники. Внезапно мальчик вспомнил о том, кто он, и гордо выпрямился. Они думают, что так просто справятся с принцем империи? Зря. Ведь за прин-

цем при любых обстоятельствах незаметно следуют лучшие «тени» Конторы! Однако их немного — двое или трое, максимум. Глупо погибнут, если полезут — вон сколько народу вокруг! — а ему стыдно потом будет. Значит...

— Код «АР»! — громко крикнул в темноту Кирлан. — Повторяю, код «АР»!

Этот код значил, что «теням» запрещено идти на помощь принцу — в этом случае его могут убить. Они должны только поднять тревогу и следить за похитителями. У «теней» ведь обязательно есть с собой кристалл связи, а значит, через несколько минут встанут на дыбы Контора, Стража, Гвардия и другие тревожные службы империи. В том числе и лучшие маги, не исключая самого архимага. Похитителям не уйти.

— Код «АР»?! — вскинулся высокий, шагнул вперед и приподнял голову принца за подбородок. — Что это значит, мальчишка?!

— Скоро узнаете! — выплюнул Кирлан с торжествующей улыбкой.

— Да детские игры, — поспешил успокоить хозяина лысый. — Вечно мальцы чего-то выдумывают.

— Хотелось бы, — буркнул тот и быстро обыскал принца.

Найдя жетон стажера Конторы, он резко побледнел.

— Это тоже детские игры?! Идиот! Ты хоть понимаешь, ***чье*** внимание к нам привлек?!

— Но это же дети... — пробормотал растерянный Черный Волк.

— И что?! — мага трясло. — Примерно в таком возрасте и начинают служить в Конторе! Хорошо придумано, с малых лет к делу приучают, годам к двадцати мальцы опытными оперативниками становятся.

Немного помолчав, он приказал:

— Так, этих резвых детишек в алтарный зал, готовьте к обряду.

— Может, лучше потом?.. — неуверенно предложил Черный Волк. — Контора ж не отвяжется... Валить надо, пока не поздно!

— А сколько лет потом придется искать другое место силы? — недовольно поморщился маг. — Мы это чудом нашли! Да и поздно, алтарь уже активирован. Не дадим ему нужного, он нас самих выпьет. Хочешь?

— Не-е-е... — побледнел лысый.

— Тогда идем. Местные маги сквозь мой барьер не пробьются, а Ищущих здесь нет. Успеем все нужное сделать, потом через портал уйдем.

— А алтарь?..

— Придется уничтожить, — сжал кулаки маг. — Ничего, года за два новый сделаем. Знаешь, не был бы ты мне так нужен, я бы тебя сегодня же удавил. Предупреждал ведь, чтобы не вел себя так нагло! Потому, наверное, и внимание на тебя обратили. Но ты за это еще заплатишь. Позже.

Он так многообещающе усмехнулся, что лысого передернуло. Затем махнул рукой. Перепуганных друзей, никак не рассчитывавших на такой конец своей авантюры, быстро связали и потащили внутрь поместья. Но не в дом, а в подвал. Стиг вспомнил, как туда несколько дней спускали плиту черного мрамора. Теперь окончательно стало ясно, что это была не простая плита. Что там маг говорил об алтаре?.. Вот его, похоже, и привезла та шхуна. Но ведь алтарь используют, чтобы приносить жертвы... Ой, мамочка! Неужели их собрались принести в жертву? Если это адепты Тьмы, то вполне возможно.

Подвал оказался огромным, шагов сто пятьдесят в длину. Посреди него на возвышении видна была испещренная незнакомыми символами черная плита, вокруг которой сбились человек семьдесят в серых бала-

хонах. Они раскачивались и что-то глухо пели на незнакомом языке, изобилующем шипящими звуками. Маг прошел к алтарю, накинув на себя расшитую золотом черную мантию.

— Сегодня день, которого мы ждали много лет! — поднял он руки. — Не все дождались его, не все дожили. И многие еще умрут во славу Великой Матери! Но достойные получат Силу вернуть в мир Того, Кто Ушел! Великого Повелителя Зла!

Стигу показалось, будто нечто невидимое в глубине души зашлось от хохота. Одновременно это нечто излучало гадливость. Внезапно он вспомнил прочитанные трактаты дзенн, тайком позаимствованные из кабинета Вихря. Судя по ним, Тьма никогда не была злом, ей не нужны жертвы! Она — всего лишь свобода, право самому отвечать за себя и свои поступки. Магия Тьмы и черная магия — разные вещи! Эти идиоты все перепутали... Каким образом кровавые жертвы могут вернуть из небытия великого фанн'э Тан'Оннэ Ант'Оррэ? Никаким! Все иначе должно быть! Да и объявлять его Повелителем Зла?.. Они что тут, все сумасшедшие? Похоже...

Откуда у дракончика взялись эти знания? Он не понимал да и не думал об этом — совсем иные вопросы занимали его сейчас. Если эти несчастные фанатики обращаются не к Тьме, то к кому тогда они обращаются? Кто получает боль и ужас жертв, давая палачам взамен магическую силу? Неужели Хаос? Об этой силе даже дзенн почти не упоминали, но предостерегали против обращения к ней. Слишком велика была цена, слишком страшна. Что произойдет, если в месте силы принести жертвы Хаосу? Да черный провал откроется, пожирающий саму суть материи!

Новые знания возникали из ниоткуда, Стиг все лучше понимал, что происходит, и приходил во все больший ужас. Самое страшное, что светлые маги не сумеют

остановить этих проклятых адептов, для этого нужны полностью обученные Ищущие Святой Инквизиции. Хоть и ненавидел дракончик Церковь всей душой, но вынужден был признать, что иногда ее Ищущие даже могут оказаться полезны. Вот только где их взять?..

— Начнем же! — провозгласил маг. — Окропим черный алтарь кровью перворожденной! Несите ее!

Трое здоровых мужчин подхватили отчаянно завизжавшую Лоралиэль и потащили к алтарю. Она сопротивлялась, как могла, но куда там... Не прошло и двух минут, как эльфиечка была раздета и привязана к кольцам в углах каменной плиты. Маг начал чеканить заклинание, от самого звучания которого у Стига перехватило дыхание. Это что же, сейчас сумасшедший фанатик просто зарежет девочку во славу своей веры?!

— Нет!!! — вырвался у него хриплый вопль. — Господи, нет!!!

От отчаяния дракончик рвался из пут, как безумный, но связали его крепко. В этот момент произошло кое-что, чего он не понял. Казалось, кто-то невидимый сказал: «Позови меня». Но кого звать?! Едва не сходя с ума, Стиг смотрел, как маг взял в руку широкий кинжал необычной формы и занес его над рыдающей Лоралиэль. Еще мгновение, и все будет кончено... Но этого мгновения фанатик не получил — Стиг понял, кто обращался к нему. Бездна. Тьма. Великая Мать.

— Приди ко мне! — крикнул он, стремясь в никуда и в ничто одновременно. — Я твой!

И Великая Мать пришла к своему сыну. Она окутала его мягким покрывалом, время замедлилось. Стиг ощутил тяжелую, холодную силу, переполняющую тело и душу. Дракончик захохотал, веревки сами собой спали с него, глаза превратились в черные провалы. Маг, мгновенно понявший, кто пришел и к кому, выронил кинжал и в отчаянии взвыл:

— Почему к нему?! Это же я все сделал!!!

Стиг не ответил, он сплел свое первое в жизни заклинание, и маг умер, так ничего и не поняв. А Великая Мать торжествующе смеялась...

Переполох рос и ширился. Над-Аноур трясло, тысячи гвардейцев, стражников и оперативников Конторы окружили поместье негоцианта Горвена. Прибыли маги, но и они не смогли проникнуть внутрь — помешал черный полог, пройти сквозь который способен был только Ищущий полного посвящения. После получения первого сообщения о похищении принца в Конторе не слишком обеспокоились, отправив на место происшествия через портал сотню бойцов. Однако те вскоре связались и сказали, что просто не могут войти. О случившемся сообщили императору. По тревоге подняли Гвардию и Стражу, перекрыли все въезды и выезды из города. Маги раз за разом пытались пробиться, но ничего не выходило — не по силам.

Невдалеке от ворот возникло серое облачко портала, откуда вышли император с архимагом. Последнего далеко не сразу смогли добудиться — спал он крепко и не слышал сигналов кристалла связи.

— Вытащи мальчика, Армланий... — хрипло выдохнул его величество, с ненавистью глядя на недоступное поместье. — Прошу тебя...

— Сделаю все, что в моих силах, ваше величество, — поклонился тот.

Ступив вперед, он задействовал самое сильное из известных ему поисковых заклинаний, начав просматривать структуру черного полога. Много времени, чтобы понять суть защищающей поместье магии, не потребовалось. Архимаг спал с лица и повернулся к императору.

— Это даже не Тьма... — хрипло выдохнул он. — Это

хуже. Магия смерти. Полог смогут пройти только Ищущие!

— И?..

— Надо срочно связываться с первосвященником и просить помощи. Другого выхода я не вижу.

— Не проблема! — вмешался желто-зеленый дракон, в котором архимаг узнал советника Тангерда.

Тот достал кристалл связи, сжал его в лапе и что-то забубнил. Выслушав ответ, повернулся к императору:

— Я сообщил Навру. Он разбудил бер Саана, тот сразу побежал к Матфею. Вы знаете какие-нибудь ориентиры Фалинграда, господин архимаг?

— Могу открыть портал, ведущий на площадь перед дворцом первосвященника.

— Так открывай! — приказал император. — Я сам пойду, мне Матфей не откажет.

— Сейчас сообщу, чтобы нас ждали там, — наклонил голову Тангерд.

Первосвященник Церкви Спасителя кутался в теплый плащ, дожидаясь прибытия императора Нада. Когда Итан разбудил его и сообщил, что империя умоляет о помощи, что там срочно нужны Ищущие, чтобы справиться с черными магами, Матфей сперва просто растерялся. Но услышав, что адептами Тьмы похищен внук Стиргена, быстро опомнился и отдал приказ срочно разыскать лучших инквизиторов.

— Ваше величество! — первосвященник с поклоном ступил навстречу появившемуся из портала одетому в добротный шерстяной камзол человеку лет пятидесяти.

— Здравствуйте, ваше святейшество! — тоже поклонился тот. — Простите, не до церемоний. Империя Над в моем лице официально просит Святую Церковь о помощи!

— Мне сообщили, что похищен ваш внук, — кивнул Матфей. — Это действительно черные?

— Архимаг сквозь установленный ими полог проникнуть не смог, — обреченно махнул рукой Стирген. — Сказал, что только ваши Ищущие способны.

— Отряд готов, — вмешался в разговор бер Саан. — Ваше величество, как вы считаете, этот инцидент имеет отношение к...

— Не знаю! — отрезал император. — Сейчас главное — детей живыми вытащить. Потом будем разбираться. Предлагаю совместное расследование.

— Тогда я сам пойду с вами, — заинтересованно прищурился архиепископ.

— Держи меня в курсе дела, — покосился на него первосвященник. — Ваше величество, когда все закончится, не согласитесь ли вы еще на одну встречу на высшем уровне? Нам многое надо обсудить.

— Хорошо, — буркнул Стирген. — Господин бер Саан, попросите ваших людей быть наготове. Сразу по выходу из портала пусть начинают.

Итан поклонился в ответ и махнул Ищущим. Архимаг снова открыл портал, в который инквизиторы и вошли один за другим, готовясь к нелегкому бою — им редко доводилось сталкиваться с по-настоящему сильными черными магами, не говоря уже о магах смерти. Трудно сказать, кто выйдет победителем.

Едва оказавшись на месте, Ищущие затянули молитву, выстроились в атакующий порядок и двинулись к поместью. Полог заискрился, затем потемнел, с него во все стороны ударили серые молнии, но никому не смогли причинить вреда — ставить защиту инквизиторов учили с первых лет обучения. Они медленно продавливались сквозь черную дымку, как через патоку. По лицам Ищущих было видно, что это нелегко им дается. Двое упали по дороге и больше не встали, но остальные

продолжали упрямо идти вперед. И прорвались. Вскинули свои боевые жезлы и призвали на помощь Создателя. Этого полог уже не выдержал, пошел туманными полосами и схлопнулся.

— Живыми брать!!! — зычно скомандовал император, и лучшие бойцы Нада рванулись к поместью.

Как ни странно, ни фалнорцы, ни имперцы не встретили сопротивления. Снаружи оказалось совсем немного людей, да и те валялись в беспамятстве. Одного пленника быстро привели в чувство и заставили рассказать, где остальные, после чего маги быстрым заклинанием вынесли массивную дверь подвала. Первыми туда спустились инквизиторы — им магия повредить не могла. Однако внутри их ждала такая же картина — пол, усеянный потерявшими сознание людьми. Посреди подвала возвышался алтарь, к которому была привязана плачущая девочка. Эльфийка. Трое других детей — человеческий мальчишка, сатир и дракончик — пытались отвязать ее, но у них никак не получалось, узлы затянули на совесть.

— Живой! — радостно выдохнул мастер Хорбоган. — Живой, непоседа! И остальные тоже! Слава тебе, Господи!

Гвардейцы быстро разрезали веревки и сняли с алтаря трясущуюся, как в лихорадке, Лоралиэль, закутали ее в плащ и вынесли наружу. Стиг, Кирлан и Горт двинулись за ними. Оказавшись во дворе, принц был тут же схвачен за ухо разъяренным императором и взвыл от такой несправедливости.

— Ваше величество! — поспешил ему на помощь орк. — Это не их вина, а моя! Стажеры сообщили мне об этом поместье, я записал адрес и забыл о нем... Не думал, что они нарыли что-то важное. А они нарыли.

— А зачем вообще рыли? — подозрительно спросил Стирген.

— Последнее испытание первичного цикла обучения.

— А-а-а... — протянул император, отпуская распухшее ухо внука. — Я было подумал, что по баловству. Раз испытание, то ладно. Но почему сразу не позвали не помощь?! Почему не доложили наставнику о своих подозрениях?!

— Мы до последнего не были уверены, что тут что-то серьезное, ваше величество... — опустил голову Стиг. — А когда поняли, было поздно. Я хотел взлететь, но их маг не дал. Он маг смерти!

— Но кто тогда с ним справился? — озадаченно посмотрел на него Стирген. — Когда мы вошли, он был уже мертв.

— Не знаю... — съежился дракончик. — Мне кажется, я...

— Ты?! — полезли на лоб глаза императора. — Малыш, может, тебе целителю показаться?

— Это и в самом деле он, ваше величество... — едва слышно сказал подошедший архимаг. — Если бы я не видел этого своими глазами, никогда бы не поверил. Этот дракончик — прирожденный маг. Вполне мог справиться с обычным магом чистым выбросом силы.

— Дракон — прирожденный маг?! — растерялся император. — Разве такое бывает?

— Не бывает, — развел руками Армланий. — По крайней мере, до сих пор не бывало. Но вот он. Спросите господина архиепископа, он тоже должен видеть суть малыша.

— Вижу, — подтвердил не менее удивленный бер Саан. — Маг редкой силы, такой ауры я еще ни разу не встречал. И светлый, ни следа Тьмы.

Стиг в глубине души усмехнулся — никто из взрослых не знал, что Великая Мать ушла из его сознания сразу после гибели мага смерти. А сам дракончик, понимая, что если в нем обнаружат хотя бы следы темной магии, то ничего хорошего не будет, что-то сделал, а что, не знал и сам. Однако теперь любой при взгляде на

него увидит светлого мага. Сам он вообще не хотел становиться колдуном, но выбора не имел.

Одно сильно не понравилось ему. Почему здесь люди Церкви? И не просто, а сам Итан бер Саан, архиепископ Варградский, глава ордена Очищающих! И целая толпа Ищущих в придачу!

— Ваше величество, а что они здесь делают?! — не выдержал дракончик, указав на церковников.

— Что?.. — ехидно осклабился император. — А то, что если бы не они, мы бы не смогли пробиться через черный полог! Ясно?!

— Да, ваше величество, простите... — смущенно пробормотал Стиг, вспомнив, что и сам думал о том, что пробиться в поместье могут только Ищущие. Однако ему все равно не нравилось сотрудничество Церкви и Конторы. Судя по мрачным лицам друзей, они тоже не испытывали от этого особого восторга.

— И что теперь с ним делать? — хмуро поинтересовался Вихрь, покосившись на приемного сына.

— Отдавать в Ассамблею на обучение, — ответил архимаг. — Прирожденных магов слишком мало, чтобы ими разбрасываться.

— Но я хочу в Конторе служить! — возмутился Стиг.

— А кто тебе сказал, что одно мешает другому? — усмехнулся император. — Совсем наоборот. Станешь не просто следователем, а магом-следователем — они в большой цене. Только учиться дольше придется.

— Ну... — растерянно дернул хвостом дракончик. — Как скажете, ваше величество...

— А теперь, красавцы, выкладывайте, как вышли на эту компанию.

Друзья переглянулись и начали рассказывать. Их то и дело перебивали, задавали десятки вопросов, требовали мельчайших подробностей.

— Это что же получается? — повернулся к Вихрю его

величество, когда стажеры облегченно умолкли. — В столице под самым твоим носом много лет действовала шайка адептов Тьмы, а ты ни ухом ни рылом? И если бы не мальцы, то черные спокойно бы принесли жертвы над местом силы и ушли безнаказанными?..

— Так и получается... — уныло подтвердил тот. — Виноват. Буду рыть.

— Если согласитесь принять мою помощь, буду рад помочь, — ступил вперед архиепископ Варградский. — Нам надо прежде всего выяснить, не связана ли эта секта с известным вопросом.

— Согласен, это прежде всего, — резко кивнул Стирген. — Мы уже оговаривали, что расследование будет совместным. Не до разногласий сейчас. Поэтому приступайте немедленно.

— Тогда нам понадобится еще раз допросить стажеров.

— Хорошо.

Стиг, Кирлан, Горт и немного успокоившаяся Лоралиэль уныло переглянулись. Похоже, их теперь оставят в покое еще очень не скоро. Лучшие следователи Конторы будут выдавливать мельчайшие подробности дела. Но никуда тут не денешься. И друзья нехотя поплелись за позвавшим их советником Тангердом.

* * *

Ворочаясь с боку на бок, Еленка никак не могла заснуть. Снова и снова перед глазами вставало лицо Далталаса. Снова и снова ощущала она его отчаяние и боль. Девочка не могла понять, как это возможно — отец предал и прогнал сына всего лишь за любознательность, даже не попытавшись его понять, не попытавшись хотя бы как-то объяснить свою позицию. Просто требовал принимать все так, как хочет он. Требовал, отказывая

сыну в праве на собственное суждение. Это казалось Еленке невероятным, жутким. Но при этом она понимала, что подобных старому эльфу в мире множество. Да, почти все действовали бы так же, и никому из таких не было дела до чужой боли и чужого горя. Она пыталась представить себя на месте юного эльфа и тут же начинала задыхаться от слез. Как же ей повезло с папой и мамой, такими добрыми и понимающими. Девочке вдруг нестерпимо захотелось увидеть их или хотя бы услышать их спокойное дыхание во сне. Она встала и осторожно двинулась к комнате родителей. Как ни странно, но там горела свеча. Еленка растерянно моргнула — никогда не думала, что они по ночам могут не спать. Девочка осторожно подкралась к двери и заглянула в щелку. Отец стоял на коленях перед иконой и молился. Рядом с ним молилась мама. Ошеломленная Еленка замерла... Прислушалась...

— Спаситель, прости наш грех, прошу тебя...

Какой грех? Что должен был простить ее родителям Спаситель? Еленка ничего не понимала. Ее мама и папа, самые добрые люди из всех, кого она знала, всегда помогавшие нуждающимся, никогда не тронувшие ее и пальцем, молят о прощении?! Это оказалось выше понимания девочки. Но услышанное после этого заставило подавить крик и прикусить губу. Из прокушенной губы потекла кровь, но Еленка не обратила на это внимания, да что там, она просто не почувствовала физической боли, слишком сильной оказалась душевная. Она осторожно отошла от двери и вернулась к себе. Некоторое время девочка сидела на кровати, прижав коленки к подбородку, и обдумывала случившееся.

История повторялась. Далталас! Теперь она! Впервые Еленка связала разговоры о мерзких колдунах и своем даре. Так вот почему родители запрещали показывать его... Вот почему боялись, что кто-нибудь ее уви-

дит... Значит, она колдунья? Мерзкая, злобная колдунья?! Еленка недоуменно посмотрела на свои руки. Встала, подошла к зеркалу. Внимательно оглядела. Но она же не такая, она же никому не хочет причинять зла! Она же только хочет узнать все, как оно есть на самом деле. Всего лишь не принимая на веру утверждения других! А дар? Ведь Создатель наградил ее им с рождения, ее саму никто не спрашивал! Так почему же только за этот дар нужно считать ее злом?! Почему? Еленка так и не смогла понять этого.

— Нет, — пробормотала она после довольно долгого молчания. — Никакая я не мерзкая. Неправда это!

И тут, словно ушат ледяной воды, на нее обрушилось понимание... До девочки окончательно дошло, что просил простить Спасителя отец. Он просил прощения за то, что, обнаружив у дочери талант к магии, не сдал ее в Инквизицию, как положено по закону! Еленка замерла. Она иногда видела казни еретиков и колдунов. В их маленьком городке они проходили редко, но тем не менее случались. Всех казненных обвинили в колдовстве. Причем ни у одного из казненных дара не было и в помине. Значит... Значит, она вполне могла разделить их участь? Но за что?! Она же никогда не причиняла никому вреда, наоборот, всегда старалась помочь людям по мере сил. Именно этому всегда учили отец и мать. Так за что же ее должны обвинить? Только за дар?.. Но разве она виновата в том, что получила его?! А может, и правда, этот дар от дьявола?

— Но ведь отец меня не выдал! — заплакала девочка. — Не выдал!!!

А Далталаса? Эльфа предал собственный отец. Предал. Но почему? Почему такое творится в мире, почему родители предают своих детей, а дети — родителей? Как вообще может случиться, что самые близкие и родные люди так страшно предают тебя? Есть ли в мире

место, где можно обойтись без этого? И почему, если кто-то не предает, то считает себя виноватым? Кто завел этот страшный порядок? Кто?!

Ответов не было. Точнее, был один, но Еленка изо всех сил старалась отогнать его от себя. Ибо если он правдив, то все, чему учили ее родители и друзья, — ложь. Ибо ответ на вопрос: «Кто виноват? — был один: «Церковь». И если это правда, то... То придется пересмотреть все, во что ее убедили поверить. Ибо в этом случае ясно, что Церковь — чистой воды зло.

На следующий день девочка встала невыспавшаяся и в очень мрачном настроении. Вяло позавтракала. Пару раз клюнув, отодвинула тарелку и мрачно уставилась в пол.

— Дочка, ты не заболела? — с тревогой спросила мама.

— Нет, мамочка. Я просто задумалась. Мама, почему родители вынуждены предавать детей, а дети родителей? Почему, мама?!!

Отец с матерью побледнели и переглянулись.

— О чем ты, Еленка? — поинтересовался отец.

— Ну... — девочка замялась. — Мне вчера... рассказали историю. Про одного юношу. Понимаешь. Он жил в таком племени... ну, где считалось, что каждый от рождения должен заниматься только тем, чем занималась его семья.

Еленка, сбиваясь и путаясь, пересказала историю своего друга.

— Если у них обычаи такие древние, то, наверное, они знали, что делали... — неуверенно заметил отец. — Парень все-таки нарушил обычай...

— Тогда почему вы не выдали меня?! — вскочила Еленка. — У нас же тоже есть обычай сдавать магов в инквизицию! Почему вы не отдали им меня?!

Варфоломей выронил ложку и ошарашенно уста-

вился на Еленку. Отец с матерью смотрели на нее не менее потрясенно.

— Я вчера... когда услышала историю этого мальчика, поняла, — сбивчиво попыталась объяснить Елена, — что я очень на него похожа. Я ведь тоже хочу познать то, что познавать запрещено. И у меня есть дар, который тоже находится под запретом в нашей стране. Мы действительно очень похожи с ним...

Еленка вдруг выскочила из-за стола и повисла на шее у отца.

— Только мне с родителями повезло... — всхлипнула она.

Дионисий осторожно провел рукой по волосам дочери. Он почувствовал, как стали влажными его глаза.

— Никакое ты не зло, девочка моя! И я не отдам тебя никому. Вот подрастешь немного, и я отвезу тебя в империю Над. Там ты сможешь заниматься своей магией сколько угодно, и никто тебе слова не скажет. Там магов уважают, там они в почете...

Но Еленка уже понимала, что ее судьба — одиночество, что ее мысли и чувства чужды для всех окружающих и вызывают у них, как минимум, настороженность. Ей было до смерти скучно часами обсуждать виды на урожай или удачную торговую сделку, ведь в мире столько интересного и необычного, столько всего невероятного. Ее судьба — небо и звезды, которые каждую ночь звали за собой, ввысь, в невероятное и... запретное.

Позавтракав, Еленка, как обычно, выскочила из дому и умчалась в лес. Там забралась на свою любимую полянку, села под кустом и разложила принесенные с собой свитки. Отец не так давно привез книги, о которых девочка только мечтала, не веря, что они могли уцелеть в Фалноре. Устроившись поудобнее, она углубилась в чтение.

— Вот она, красна девица! Опять за свое чтение, — заставил ее вздрогнуть насмешливый голос.

Еленка проворно увернулась от вороха листьев.

— Ой, Николка, опять ты за свои проделки. Вот сейчас как встану, да как надаю по шее!

Николай ухмыльнулся и показал язык. Еленка радостно улыбнулась в ответ. Несмотря на его глупые шутки, она все равно была рада видеть друга. Тем более что за последнее время девочка редко виделась со своими деревенскими приятелями — по мере взросления они все больше и больше работали на полях. А что делать, в деревнях дети взрослеют быстро и уже в десять лет начинают помогать родителям, а в двенадцать работают наравне со всеми. Крестьянский труд ленивых не любит. Тем не менее они все равно находили время для игр. Правда, только вечерами, когда Еленка уже уходила домой. Так что виделись редко... Но именно сегодня она была, как никогда, рада другу.

— Попробуй, — весело отозвался Николай. — Еще не забыла мои уроки?

Некоторое время они шутливо боролись, при этом видно было, что Николай поддается. Еленка обиделась и надулась. Пришлось парню покупать ее прощение пригоршней сладких ягод.

Еленка рассмеялась и простила. А потом рассказала историю Далталаса. Николай молчал долго, жевал губы, хмурился.

— Я бы от такого отца сбежал. Сам, — вынес он, в конце концов, приговор. — Господь жестоко карает тех, кто предает свою кровь. И отцу твоего Далталаса еще сторицей воздастся за предательство сына! Не может быть правым дело, которое требует от близких людей предательства!

Тут Николай вдруг побледнел и испуганно посмотрел на Еленку.

— Вот наша вера непогрешима, — добавил он.

Еленка замерла. Слишком уж поспешно Николай сказал последнюю фразу. Да и его высказывание, что не может быть дело правым, если оно требует предавать родных... А разве их вера не требует этого? Еленке вдруг стало страшно от этих мыслей. Ведь Николай не зря добавил последнюю фразу, он испугался, что она донесет о его словах священнику... Чего-то он сильно боялся... Девочка как-то по-новому взглянула на своего приятеля. Потом схватила его за руки и встряхнула.

— Ты чего?! — резко спросила Еленка. — Ты не смей ничего такого! Ты понял?

— Да чего такого? Ты что, рехнулась? — Николай непонимающе смотрел на нее.

Девочка и сама не понимала, что с ней происходит. Просто чувствовала какую-то беду. Не просто так, совсем не просто так испугался Николай своих неосторожных слов. Одно успокаивало — не мог двенадцатилетний мальчишка ничего особо страшного натворить. Хотя и признавалась себе Еленка, что это утешение слабое. Инквизиция отправляла на костер и только что родившихся младенцев. Для нее возраста не существовало.

А вскоре Николай вынужден был уйти. Его ждала работа.

Еленка еще долго сидела под деревом со свитком в руке, но смотрела далеко за горизонт. И никто не мог сказать, что она видела в той дали, куда были обращены ее глаза.

Порой отец или мать замечали дочь, забившуюся в какой-то угол и плачущую там. На все расспросы Еленка отмалчивалась. Только однажды бросила непонятно:

— Ну, почему я вижу их только тогда, когда они несчастливы?! Почему, мама?!!

А видела она, как Далталас брел по улицам людского

города под дождем, провожаемый улюлюканьем многочисленных зевак. Видела, как второй ее друг, маленький дикарь, страдал из-за того, что часто смотрел на звезды. Все дети племени высмеивали эту его привычку. Сама Еленка никак не могла понять их равнодушие к звездам. Открыв однажды путь наверх, она почти каждую ночь летала туда. В холод и мрак, который тем не менее не был мраком. Там же так красиво! Неужели люди не видят этого?! Смотрят и не видят?..

Только однажды Еленке повезло увидеть счастливое видение. Девочка хорошо запомнила его, к тому же помнила и о занятных последствиях, вызванных им. Это произошло еще до изгнания Далталаса из дому. Улыбнувшись, Еленка припомнила то давнее видение, до сих пор приводящее ее в хорошее настроение.

Тогда она увидела, что ее маленький друг-дикарь, которому недавно исполнилось двенадцать лет, стоит на деревенской площади в окружении всего племени. Перед мальчиком лежал убитый зверь с каким-то странным закрученным рогом во лбу. Сам же мальчик излучал неподдельную радость. Впервые Еленка видела своего друга не в горе, а в радости. Она вслушалась, пытаясь понять, что происходит.

— Вот ты и стал мужчиной, — заговорил вождь племени. — Ты убил свою первую добычу.

Он подошел к мертвому зверю, воткнул ему в горло каменный нож и вымазал лезвие кровью. Потом подошел к маленькому охотнику. Тот стоял не шелохнувшись. Вождь некоторое время молча стоял, затем повернулся и передал нож шаману. Тот что-то старательно забубнил, после чего подошел к мальчику и быстро рассек ему лоб. Маленький охотник даже не шелохнулся и не поморщился, хотя Еленка, наблюдавшая за этим, вскрикнула. Кровь животного смешалась с кровью человека.

Шаман поднял нож над головой.

— Отныне ты получаешь имя Крученый Рог, — провозгласил он. — Хай-й-я!!!

— Хай-й-я!!! — подхватили крик люди племени.

Мальчик засиял и наконец-то пошевелился, утирая кровь со лба. Он взял нож, подошел к своей добыче и отрезал ей уши. Потом гордо вскинул их над головой. Видение померкло.

Еленка весь день скакала по дому, распевая:

— Он получил имя! Он имя получил! Как я за него рада!!!

В конце концов, сообразив, что ее крики воспринимаются родителями не слишком радостно, Еленка прекратила кричать и помчалась в деревню. Там она поделилась новостью с друзьями. Те уже знали истории девочки, но считали, что она их выдумывает. Еленка не спорила. Пусть считают. Зато можно поговорить о Крученом Роге с Далталасом.

Николай презрительно фыркнул:

— Подумаешь, добычу поймал! Захочу — и тоже поймаю. А имя у меня и так есть.

Еленка обиделась за Крученого Рога.

— Ну, как ты не понимаешь! Тебе имя при рождении дали, а у них имя надо заслужить.

— Вот именно, — отозвался востроглазый Сенька, вечный спутник Ржавой Подковы, как друзья прозвали Голди, еще одного приятеля Еленки. Это прозвище он получил, когда на спор сломал подкову. Николай потом взял эту подкову и со смехом переломил ее еще раз.

— А подкова-то ржавая, — заявил он. — Эх ты, силач — Ржавая Подкова.

С тех пор это прозвище и прилипло к Голди. А Сенька был его приятелем, да к тому же недолюбливал Николая. Вот и вылез:

— Если ты такой умный, то попробуй добыть хотя бы зайца, а потом говори!

— А вот и добуду! — засопел Николай. — Спорим?!

— Спорим! — загорелся Сенька. — Если добудешь зайца, то...

— ...ты пойдешь в полночь на старое кладбище! — отрезал Николай.

Сенька поежился. Подумал. Но отступить уже не мог.

— Идет. А если не поймаешь, то через всю деревню пройдешь на карачках, изображая козла.

Спорщики пожали друг другу руки.

— Ленка, разбей, — велел Николай.

Девочка считала спор абсолютно глупым. Да еще на таких условиях. Но понимала, что в некоторых обстоятельствах встревать с поучениями не стоит. Тем более если спорят два таких упрямца. Она подошла и разбила соединенные руки.

Два дня Николай честно пытался поймать в лесу зайца. Ставил силки. Но ничего у него не вышло, зайцы его силки презрительно игнорировали. Еленке было жаль друга, но помочь она ничем не могла — в охоте понимала еще меньше, чем Николай. Немного подумав, девочка отправилась за советом к Варфоломею, благо тот оказался дома. Старый слуга выслушал Еленку серьезно. Покивал головой, а потом попросил привести спорщика.

Еленка долго уговаривала Николая. Он, смущаясь, пришел. Варфоломей провел мальчика к себе в комнату и показал кое-какие охотничьи принадлежности, рассказал немного об охоте. Николай со сверкающими от счастья глазами слушал внимательно. А получив в подарок специальный силок, был просто на седьмом небе от счастья.

На пятый день спора он гордо приволок домой за уши жирного зайца. На это чудо сбежалась посмотреть

вся деревня. Увидев пойманного зверька, Сенька поежился и побледнел. Еленке стало его жалко. Она ухватила победителя за руку и оттащила в сторону.

— Прости Сеньке спор! — попросила она.

Николай удивленно посмотрел на нее.

— С чего бы это? Я выиграл, пусть теперь идет. Все правильно.

— Ты не сам выиграл, — рассердилась Еленка. — Если бы не Варфоломей, то фиг бы ты победил!

— Зайца поймал я? Я! Что еще надо? Все честно.

— Тогда я с ним пойду!!! — выкрикнула девочка. — Пусть тогда уж нас двоих мертвецы хватают!

— Совсем рехнулась? — вежливо поинтересовался Николай.

— Может, и так! — Еленка сердито уставилась на друга. — Но если ты заставишь Сеньку идти на кладбище, то ты мне больше не друг!

Николай фыркнул.

— Подумаешь, цаца.

Идти Сеньку на кладбище он все-таки заставил.

Еленка выбралась из кровати и тихонько оделась. Убедилась, что в доме все спят, и осторожно выглянула за дверь. Стояла тишина. Сейчас она радовалась, что в доме нет слуг, иначе незаметно уйти было бы невозможно. Девочка быстро закрыла дверь и достала из-под кровати веревочную лестницу. Конечно, она могла бы выйти из дома и через дверь, но через окно ведь куда интереснее. Она решила сделать так, как написано в любимых книжках. Благородный принц спасает заточенную в темнице принцессу.

Еленка вздохнула. Только вот никакая она не принцесса, да и не запирал никто ее ни в какую темницу. И никакой благородный принц не пришел к ней на помощь. Скорее уж, это она идет на помощь «принцу». Еленка проверила узлы и сбросила лестницу из окна.

Немного постояла на подоконнике, собираясь с духом. Даже со второго этажа спускаться было страшновато, но она все равно решительно встала на первую перекладину, затем опустила ногу ниже. Лестница закачалась.

— Ой, мамочка, — прошептала Еленка, с трудом удержавшись от падения. Замерла на мгновение и стала спускаться осторожнее. Вот и земля. Девочка вытерла вспотевшие ладони и быстро двинулась из поместья отца, надеясь, что никто из взрослых не заметит ее. Выбралась за ворота и пошла в сторону старого кладбища.

Вздрагивая при каждом шорохе и постоянно повторяя: «Ой, мамочка!» — Еленка кралась по тропинке. Кто-то ухнул, и девочка едва не завизжала от страха, но поняла, что это всего лишь филин. Осторожно двинулась дальше. И тут увидела маленькую жалкую фигурку, скорчившуюся около большого каменного ангела.

Обмирая на каждом шагу, Еленка подошла ближе. Протянула руку и осторожно коснулась плеча мальчика.

— Сенька, — позвала она.

— А-а-а-а!!!! — тот неожиданно подпрыгнул и заорал.

— А-а-а-а!!!! — завопила Еленка от неожиданности и испуга.

Сенька тем временем обернулся и узнал ее. Он сразу замолчал и ошарашенно уставился на нее.

— Ты?!

Еленка тоже замолчала и растерянно уставилась на него.

— Я, — кивнула она, приходя в себя от испуга. — Я подумала, что тебе тут одному страшно будет...

Некоторое время дети молча смотрели друг на друга. Первым осознал нелепость ситуации Сенька и захихикал. За ним Еленка. Потом уже оба они расхохотались в полный голос.

— Ну, и че ржете? Устроили тут представление, — неожиданно раздался чей-то голос.

Ребята замолчали и испуганно обернулись. Из-за ограды могилы слева вышел Николай. Он был не менее бледен, чем они, и тоже испуган.

— Я тут подумал, что ему страшно будет, и решил прийти, — смущенно объяснил Николай свое появление.

Так втроем они и просидели два часа на кладбище. И с тех пор стали лучшими друзьями.

Еленка едва не рассмеялась сейчас, вспомнив, как они кричали на пару с Сенькой. А потом нахмурилась. Вспомнила, что нет больше Сеньки — вечного весельчака и балагура. Простудился однажды зимой и слег с воспалением легких. Самое скверное, что Еленка чувствовала — в ее силах спасти друга. Могла она это сделать, хватило бы сил, только вот не знала, что для этого надо. Она упросила отца уплатить за лечение, но врач оказался бессилен.

— Если бы этот врач был магом! — прошептала она тогда.

Да, если бы врач был магом, ее друг не умер бы. По-прежнему слышались бы его шутки и смех. Но магию в Фалноре запретили, магов уничтожали, как зло, а люди умирали от болезней, которые можно было бы вылечить. Еленка тогда плакала, не переставая, почти две недели. И горше всего оказалось осознание, что она вполне могла бы спасти друга, если бы не боялась проявить свои способности, если бы знала, что делать. В тот момент Еленка твердо решила, что станет врачом. Станет, чтобы спасать тех, кто обречен без помощи магии. Одновременно она снова усомнилась в мудрости святых отцов, поставивших магию под запрет. Почему из-за этого глупого запрета должен был умереть ее друг? Почему?! Ведь магия может и спасать, а не только губить! Ведь если она дана человеку с рождения, то она от Создателя... Почему же божий дар обязательно нужно объявлять сатанинским наваждением? Почему?!

Своими мыслями она поделилась с единственным человеком, кому могла доверять, — с Варфоломеем. Тот ничего не ответил, а просто посадил ее на колени и погладил по голове. Еленка чувствовала, что ее воспитатель в мыслях где-то далеко, вспоминает что-то свое, сокровенное.

— Мир вовсе не такой, каким нам бы хотелось его видеть, — в конце концов прошептал он.

Затем ссадил ее с колен, ушел к себе в комнату и не показывался оттуда целый день.

Еленка с тех пор стала куда серьезнее и все чаще задумывалась о своем месте в этом жестоком мире. То, что мир жесток, она убедилась, наблюдая за скитаниями Далталаса. Изгнанник никак не мог найти себе место в человеческих странах. Пришлось скрывать, что маг, поскольку магов в людских пределах не жаловали, кроме как в империи Над, куда еще попробуй доберись. А эльф после изгнания оказался в Ксанире, нищей стране, находящейся под пятой Церкви. Жил на подаяния, не будучи в силах найти работу — никто не хотел брать «нелюдя». Но много ли подадут сильному юноше, тем более эльфу? Его гнали отовсюду и везде встречали настороженно. Порой Еленке хотелось все бросить и мчаться на помощь. Единственное, что удерживало девочку, так это понимание, что сейчас она ничем помочь не сможет.

— Ты только выживи! — шептала она, наблюдая за Далталасом. — Главное — выживи, а я найду тебя.

Когда Еленке исполнилось тринадцать, она настояла, чтобы отец взял ее с собой в Светоград — ближайший крупный город. Там заставила его упросить преподавателей гимназии проэкзаменовать ее. Дионисий, мучимый дурными предчувствиями, выполнил просьбу девочки. Однако, к его удивлению, вечно непокорная дочь, на все имеющая собственное мнение, вела себя на

экзаменах тише воды, ниже травы. Закончилось все благодарственной грамотой отцу за правильное воспитание дочери и свидетельством о досрочном окончании школы. Еленка вышла счастливая, похихикивая в кулак.

— Что тебя так развеселило? — поинтересовался Дионисий.

— Пап, ты не представляешь, насколько эти преподаватели невежественны. Они живут какими-то своими представлениями, не имеющими ничего общего с тем, как все обстоит на самом деле. Их измышления записаны в книгах тысячелетней давности! Они не знают элементарных вещей...

Дионисий побледнел.

— Надеюсь, ты не...

— Конечно же, нет, папочка. Я ведь понимаю. Но рассказывать всю ту лабуду, когда я знаю правду, было довольно забавно.

— Дочка, что за слова? Что за лабуда?

— Да ладно, папа, все так говорят. — Еленка хихикнула. — Но их догмы действительно смешны. Зато теперь я получила аттестат и могу учиться на врача.

— Ты все еще не оставила эту дурь?

— Это не дурь, папа! — яростно топнула ногой Еленка.

Дионисий помолчал.

— Это все из-за Сени?

— Не только, папа. Сколько в деревне умерло людей? А ведь я многим могла бы помочь.

— Да? — скептически поднял бровь Дионисий. — Самомнением тебя бог не обделил.

Еленка промолчала. Какой смысл рассказывать про свои силы, если это вызывает у родителей страх, а потом ночные бдения у икон? Она только попросила отца закупить побольше книг по медицине.

С этого дня девочка начала заниматься серьезно.

Она читала книги, изучала анатомические атласы, а потом с них перерисовывала строение человека. С помощью магии она теперь путешествовала не в космос, а в тела своих родителей и друзей. Изучала работу каждой клеточки, а потом рисовала. Углублялась в себя настолько, что порой не сразу могла опомниться. Но это давало неплохие результаты — Еленка постепенно начала понимать, как работает человеческий организм и всю сложность миллионов взаимосвязей в нем. Конспектировала книги и внимательно наблюдала за протеканием болезней у животных. Однако информации все равно не хватало, ведь в Фалноре почти невозможно было достать многие трактаты известных медиков, особенно имперских — Церковь уничтожала все, в чем подозревала хоть малейшее несоответствие своим догматам. Главной трудностью оказалось отсутствие информации по лекарствам и их действию. И однажды девочка решилась на отчаянный шаг...

Еленка пробиралась сквозь заросли, старательно отводя от себя ветки. Скоро должна показаться избушка ведьмы. Ведьма эта была странная. Один Спаситель знает, почему ее не тронула Инквизиция. Ее даже несколько раз проверяли Ищущие, но магии не обнаружили. В конце концов, старухе разрешили поселиться в лесу и оставили в покое.

Девочка вышла к покосившемуся срубу и замерла. Сердце отчаянно колотилось. Она несмело подошла к двери, руками раздвинув висевшие на веревках пучки трав. Тихонько постучалась.

— Кто там? — раздался старческий дребезжащий голос, и на порог вышла опрятно одетая древняя старушка, ничуть не похожая на ведьму. Добродушное лицо, хотя глаза смотрели довольно сурово. — Чего тебе, дитя?

Еленка объяснила. Старушка с удивлением посмотрела на стоявшую перед ней девочку.

— Ишь ты, — удивилась она. — Учиться, значит, хочешь? А не боишься у ведьмы учиться?

Еленка рассмеялась:

— Что вы, какая вы ведьма!

Почему-то, едва увидев эту старушку, девочка сразу поняла, что никакой магической силы у нее нет. Откуда она это знала, Елена сказать не могла, но была уверена в этом твердо. Страх отступил.

— Я же догадываюсь, что вы лечите просто травами. Отварами из них. Никакой магии.

— Хм-м-м... — Старушка с возросшим интересом взглянула на девочку. — Действительно. А не боишься Инквизиции?

Еленка покачала головой.

— Я узнавала. Травниц Инквизиция не трогает. В вашем искусстве нет ничего запретного.

— И это узнала... Вот егоза! А что говорят родители по поводу твоей учебы?

Еленка опустила голову.

— Понятно. Они не знают.

— Я все равно буду учиться, — упрямо повторила Еленка. — С вашей помощью или без.

Старушка вздохнула.

— Что ж, если ты так твердо решила, то приходи. Буду тебя учить. Мне давно пора передать свое искусство кому-нибудь. Но с родителями все же допреж поговори. — Старушка махнула рукой, но Еленка не сдвинулась с места. — Ну чего тебе еще?

— Я сейчас хочу учиться.

— Ишь ты, шустра девка! Шустра. Сейчас, говоришь? В таком случае помоги мне травки сушеной намять. Знаешь, как эта травка называется?

— Молочай, бабушка.

— Ишь, глазастая, углядела. Вот и помоги его намять.

Так началась учеба. Родители, правда, первое время

пытались ее отговорить, но все было бесполезно. Зная характер дочери, Дионисий скоро сдался, только настоял, чтобы больше никто о занятиях не знал. Впрочем, купец беспокоился напрасно. Еленка и сама не горела желанием никому об этом рассказывать. Ее деревенские друзья подросли и почти все время проводили в поле. Только зимой и после страды они могли снова встречаться и играть, как прежде. А других друзей у девочки не было. Да и жили они достаточно далеко от людских поселений. Еленка старательно постигала науку лечения травами, совмещая ее с чтением книг по медицине. Она узнавала, когда какую траву лучше собирать, как сушить. Каким образом готовить отвары, и при каких болезнях надо давать тот или иной настой. При этом девочка быстро разобралась, что баба Марта, как она стала называть старушку, сама не знает, почему та или иная трава действует. Травница просто восприняла опыт своей наставницы и теперь передавала его ученице. Еленка же с помощью магии могла видеть действие, которое оказывают отвары на организм. Видела, как разные мелкие частицы воюют друг с другом. Если побеждали одни, человек выздоравливал. Если другие — умирал. Видела, что отвары усиливают сопротивление «своих» частиц в борьбе с «чужими». Еленка даже ставила опыты на себе, заражая себя разными болезнями, принимая лекарства и отслеживая их действие. Это давало бесценный опыт.

Однажды, собирая в лесу травы, Еленка вдруг замерла. Знакомое видение накрыло ее, но это было видение не с Крученым Рогом и не с Далталасом. По дороге шагало какое-то странное существо. В первое мгновение Еленка даже не разобралась, кто это. Небольшие рожки, копыта и бородка, козлиная морда. Не сразу девочка вспомнила прочитанную однажды книгу. Таких существ там называли сатирами.

Козлообразный шагал по какой-то тропе, закинув

палку с привязанной котомкой на плечо. Выражение его морды было достаточно хмурым. Еленка чувствовала знакомую нить, протянувшуюся от нее к этому существу. Сначала девочка не поняла, откуда он взялся и почему, если ее связывает с ним такая же нить, как и с остальными, она не видела его раньше. Но тут же вспомнила прочитанное о сатирах. Да уж. Этот вряд ли будет несчастлив больше одной минуты и тут же зальет горе вином. Да так, что через миг станет счастливейшим существом на свете. Однако на этот раз сатир выглядел именно несчастным и, судя по всему, выпить успел не слишком много, чтобы это несчастье залить. Еленка почему-то почувствовала отвращение к нему. Странно для нее, но девочка ничего не могла с собой поделать — слишком неприятны были сатиры сами по себе. Существа, не желавшие заниматься ничем полезным, а только пьющие, ворующие и веселящиеся.

— Ишь, не угодил, — бурчал себе под нос сатир. — Подумаешь, невесело им со мной. Ха, что бы там этот старый дурень ни воображал, но я один стою всех этих олухов!

Неожиданно сатир замер и с изумлением посмотрел на Еленку. Девочка готова была поклясться, что сатир смотрел именно на нее, хотя до этого ее не могли видеть ни Крученый Рог, ни Далталас. Хотя и ощущали порой смутно чье-то присутствие.

— Кто здесь? — сердито спросил сатир. — Кто тут подглядывает? А ну, покажись, враг! Впрочем, нет, не показывайся! Раз скрываешься, то твой вид наверняка противен.

— Ничего подобного! — выкрикнула в обиде Еленка, прежде чем успела сообразить, что ее не услышат. Но ее услышали.

— О, кто-то кричит. — Сатир приложил руку к уху. — Чудеса. Что за маг-недоучка тут расподглядывался? А ну кыш!!!

Едва он произнес последнюю фразу, как видение померкло. Еленка растерянно встряхнула головой. Что за чудеса?! Выходит, что этот сатир не только учуял ее, но и услышал! Ее почувствовал тот, кто был крайне неприятен. Короткое видение оставило у Еленки обиду на хама. Сатир оказался просто до ужаса невоспитанным и грубым.

— Ну, почему так?! — с тоской воскликнула Еленка. — Почему я могу разговаривать только с этим противным козлом, а с теми, с кем я действительно хочу поговорить, не могу?!! Почему все так несправедливо? И откуда он вообще взялся?..

Тот, о ком Еленка сейчас отзывалась с таким пренебрежением, еще раз внимательно огляделся. Убедившись, что магический глаз исчез, сатир довольно хмыкнул. Еще ни одному магу не удалось подсмотреть за сатиром так, чтобы тот этого не заметил. Умение чуять магию, направленную на них, у сатиров было врожденным, о чем мало кто знал. А еще меньше было тех, кто обращал на это внимание. Козлообразный народ никого и никогда не интересовал, при виде сатира все вокруг только хватались за кошельки и старались запереть двери покрепче. Сами сатиры, как маги, совершенно не славились, да и не стремились к этому. Все-таки магия требовала такого напряжения внутренних сил, на которое редкий сатир способен. Вернее, способны были многие, только желания не имели растрачивать силы по пустякам. Вот если бы с помощью магии можно было наколдовать бочонок хорошего вина, тогда... О, тогда все сатиры стали бы магами. Причем такими, что прирожденные маги от зависти бы удавились. Увы, магия такого не позволяла. А значит, и тратить на нее силы не стоит.

Итарв Су-Скаб на всякий случай еще раз внимательно огляделся.

— Вот ведь любопытный, сунул свой нос ко мне, — пробормотал он.

При этом сатира совершенно не заинтересовало это происшествие, и он вскоре забыл о нем. Ну, захотел маг посмотреть на него. Подумаешь. Посмотрел, теперь не может. Сейчас Итарв переживал свой позор. Вчера он завалился на пьянку к своему приятелю, где собралось благородное общество, и там его посмели обвинить в том, что он невесел. Он?! Ха, конечно, невесел! Но именно в этом и заключалась шутка. А его не поняли!

Итарв грустно вздохнул. Даже среди соплеменников он слыл экстравагантной личностью. Именно это и заставило его в свое время покинуть резервацию и отправиться бродить по свету. И этот свет, надо сказать, сильно сатиру не нравился. Подумать только, даже не с кем выпить по-дружески. Все какие-то чопорные. И не повеселишься. Однажды он подшутил над каким-то человеком, так тот сразу за инквизиторами побежал. Едва спасся тогда. И вот недавно он встретил другого сатира, живущего в этих краях. Ух, как Итарв обрадовался. Да и тот был рад. Пригласил своих. А дальше... что было дальше, вспоминать не хотелось.

Сатир тяжело вздохнул, поправил палку с котомкой и зашагал дальше. Где он будет ночевать, не знал, наверное, и сам Спаситель. Впрочем, Итарв не верил ни в какого Спасителя и носил крестик, только чтобы удовлетворить церковников. Для них же он выучил и несколько молитв, а то ведь уже доводилось видеть, как собратьев сжигали на костре. Повторять их судьбу не хотелось, вот и пришлось приноравливаться.

* * *

Непосредственность этого ребенка очень нравилась Стиору. Ведь действительно, зачем ему тут знания математики, геометрии, языков? Но тянется ко всему новому. И не радовать это не может...

Когда мальчик ушел домой, Стиор привычно подошел к изгороди.

— Слышал?

— Да, учитель. Малыш очень любопытен. Мне не терпится познакомиться с ним поближе.

— Рано еще.

— Я понимаю, учитель.

— Ты наблюдаешь за деревней? Что там?

— Все по-старому. Староста совсем лютует. Злится.

— Пусть ее. Главное, чтобы мальчика не трогала.

— Мальчика не тронет. Я слышал, как она говорила, что из Раора хороший трактирщик выйдет...

— Трактирщик? — расхохотался Стиор. — М-да. Глупость людская. Впрочем, нас это не касается. Пусть себе думает, что ей угодно. Ты ночевать в доме будешь?

— Нет. Хочу сходить подальше в лес, пока погода хорошая. А в доме мне нельзя. Раор очень любопытный и наблюдательный. В прошлый раз, когда я ночевал дома, мальчик иногда поглядывал в угол, где я спал. Не знаю, что он там увидел, но рисковать не хочу.

— Ты прав. — Маг задумался. — Полагаю, что дело в связи, которая возникла между вами. Ты его спутник. Он чувствует тебя, хотя пока еще не осознает этого. Ты на сколько собираешься уйти?

— На неделю минимум, учитель. Хочу все там исследовать. Надо готовить дорогу к отступлению, когда в мальчике пробудится дар.

— Да рано еще...

— А потом может стать поздно.

— Что ж... добре. Может, это и к лучшему, что ты уйдешь. Я слышал, что крестьяне поговаривают о каком-то звере новом в лесу... Не ты ли это?

— Они меня не могли видеть.

— Надеюсь. Но тебе и правда лучше уйти. Слухи поутихнут. Пусть, пока тебя нет, хоть весь лес обыщут. Счастливо, Броах.

— Спасибо, учитель.

Маг дождался, когда шорох веток за дзенном стихнет, и вернулся в дом. Надо готовить новый урок для Раора. Да, мальчик любопытен и неглуп, все новое схватывает на лету. Надо только не спешить и не давать больше, чем он может освоить, как вчера, например. Иначе это может подорвать веру ребенка в себя. Заскучает и бросит все. Главное, постоянно подбрасывать ему что-то новое для размышления. Пусть постоянно думает, анализирует, смотрит. Стиор на миг замер, потом подошел к печи и остановился перед ней, наблюдая за огнем.

— И с чернилами надо все-таки что-то делать. Уголь не дело. — Маг взял со стола миску, нагнулся к печи и осторожно, боясь обжечься, стал соскребать копоть.

Книга 2
Изменение

1

— Теорема треугольника с прямым углом гласит, — диктовал Стиор, прохаживаясь по комнате и изредка отрываясь от записей, поглядывал на склоненную голову подростка, старательно записывающего за учителем. Сегодня был день Фалнора, поэтому все разговоры в доме велись только на фалнорском. Так Стиор решил обучать мальчика языкам. Когда Раор осваивал первые слова и понятия какого-либо языка, маг выделял день, в который они говорили только на нем. Первоначально мальчик злился, потом возмущался, даже плакал, но маг оставался непреклонен. С дальнейшим изучением языков таких дней становилось больше.

— Записал, учитель.

— Очень хорошо. Теорема гласит, что сумма квадратов длин его сторон, примыкающих к прямому углу, равняется квадрату длины стороны, противостоящей прямому. Математически это записывается следующим образом... — Стиор подошел к обожженной доске и вывел формулу. Мальчик переписал ее к себе на бумагу.

Да, именно на бумагу — после долгих опытов, проб и ошибок старик все же сумел получить пусть и плохого качества, но бумагу. Даже к магии почти не пришлось прибегать. Конечно, до лучших образцов цивилизованных мест ей было далеко, но это все же лучше бересты. Совершенствовать процесс ее производства помогал Раор. В такие моменты маг особенно гордился учеником. Мальчику ведь исполнилось всего двенадцать лет, а

уже такие успехи. Сам Стиор честно признавал, что в его возрасте больше интересовался шалостями, чем учебой. Раор же впитывал все новое как губка. Достаточно было раз объяснить что-нибудь, и он моментально ухватывал суть. А практичный крестьянский ум мальчика моментально подсказывал, где новое знание можно применить на практике.

Единственное, что огорчало, — способности мага у Раора пока не пробудились, а это, в свою очередь, вынуждало задерживаться в ставшей ненавистной деревне. И дело было даже не в обязанностях представителя Церкви, а в людях, которые постоянно шли к Стиору со своими проблемами, казавшимися магу такими пустяками на фоне разворачивающихся событий, но... но он вынужден был их выслушивать, что-то отвечать, решать... к счастью, с каждым годом таких жалобщиков становилось все меньше и меньше. Староста Пилагма предпочитала разбираться с повседневными вопросами жизни деревни сама и за советом к Стиору не бегала, что последнего вполне устраивало. В освободившееся время маг готовил задания к новому уроку с Раором, медитировал, чтобы вспомнить, чему учили в школе его и как подавали материал учителя. Кое-что добавлял от себя, а кое-чему мальчик и сам мог научить своего учителя. Например, жизни в лесу. Почти каждое лето они уходили на несколько дней в самую чащу. Изучали растения, наблюдали за животными, маг рассказывал о разных расах Танра, вызывая живейший интерес ученика.

Однако говорить о необычном Стиор начинал, только углубившись в лес. Здесь гарантированно никто не мог их подслушать.

— Что значит — «нет душ» и «зло»? — ворчал он в ответ на очередной вопрос, поудобнее устраиваясь у костра. — Кто тебе такое сказал? В деревне? Интересно,

мнение тех людей основывается, безусловно, на богатейшем личном опыте?

— Ну... нет, наверное... — терялся мальчик.

— Я встречался за время странствия с многими представителями разных народов, и могу тебе сказать, что некоторые так называемые служители Зверя благороднее и честнее иных людей. Их назвали таковыми просто потому, что они не похожи на нас. Но разве они зло?

— Хотел бы я познакомиться хоть с одним нелюдем...

Стиор искоса взглянул на мальчика.

— Кто знает, как повернется жизнь. Может, и увидишь еще. Ладно, давай отдыхать... и не рассказывай о нашем разговоре в деревне. Сам понимаешь, как там отнесутся к этому...

Мальчик кивнул. Он полностью доверял учителю и никому ничего не сказал. Когда Раор повзрослел, таких бесед стало больше. Стиор уже не рассказывал сказок, а просто вспоминал свои реальные встречи. С пиратами-людьми, с сатирами, драконами. Рассказывал о безжалостных охотах, которые устраивают на драконов люди и грифоны. Раор слушал молча, хмурился, о чем-то размышляя. Однажды не выдержал и спросил:

— Учитель, вы рассказываете о драконах... мне кажется, они вам нравятся, в отличие от людей... а в деревне все говорят, что драконы — порождение Тьмы.

— Тьмы? — Стиор вдруг совершенно неожиданно для Раора расхохотался. Тот ожидал чего угодно: поучительной истории из жизни, предложения подумать самому, но только не смеха. Мальчик вообще замечал, что учитель редко когда не то что смеется, но даже улыбается. И вдруг.

— Учитель? — Мальчик не знал, что и думать. Стиор успокаивающе махнул ему рукой. Попытался замолчать и тут же начал хохотать снова.

— О, Боже, как глупы люди! Порождение Тьмы... надо

же было придумать! О таком пустяке, как то, что драконы старше людей на тысячелетия, все забыли. И драконы никогда не служили Тьме. Слугами Тьмы были дзенны. Драконы служили совсем иной силе.

— А что это за сила? Я ничего не понимаю!

Маг ненадолго задумался. Потом вздохнул:

— Что ж, наверное, пора тебе начать познавать и иные предметы. Только ты должен пообещать, что не станешь говорить об этих занятиях ни с кем в деревне. Обсуждать такие темы мы будем только в лесу или в моем доме. Договорились?

Мальчик удивленно смотрел на учителя и задумчиво наматывал прядь волос на палец.

— А почему? Почему об этом нельзя говорить?

— Хотя бы из-за невежества людей. Сам сказал, что они считают драконов порождением Тьмы. Люди всегда боятся того, чего не понимают. Они даже не подозревают, насколько смешны, рассказывая всякую чушь. Но, даже не понимая этого, они любого объявят служителем Тьмы, не задумываясь, что Тьма и Зло отнюдь не синонимы.

— Разве?

Стиор хмуро глянул на Раора, и тот поспешно прикусил язык.

— Зло, — сердито объяснил маг, — это наши поступки, идущие вразрез с предначертанием Создателя. Тьма же — всего лишь сила. Одна из трех, оставленная Создателем править миром. Только три силы, находясь в постоянной борьбе, обеспечивают гармонию.

— Как так может быть? Если они в борьбе, то какая может быть гармония?

— А подумать?

Раор насупился и обиженно засопел.

— Всегда вы так говорите.

— Потому что ответ, до которого дошел сам, запо-

минается лучше, чем если тебе преподнесут его на блюде. Так вот, ответ ищи сам. Но я тебе немного помогу. Давай отвлечемся от образов и сделаем пример немного нагляднее. Представим Тьму — ночью, а Свет — днем. День и ночь всегда в вечной борьбе друг с другом. День сменяет ночь, и наоборот. А теперь представь, что кто-то из них победил. Все, давай займемся уборкой.

Старательно сметая снег с дорожки перед крыльцом, Раор продолжал размышлять над словами Стиора. Маг видел, что мальчика мало заботит его работа. Иногда он словно застывал, продолжая мести на одном месте минут десять. Потом, встрепенувшись, продолжал как ни в чем не бывало. Затем снова замирал. Маг не торопил и не мешал. Тихонько занимался своими делами. Подбросив пищу для размышлений, он отошел в сторону и теперь терпеливо ждал, когда у ученика возникнут новые вопросы и ему захочется понять и узнать больше. А в том, что это случится, Стиор не сомневался. Слишком жадным до новых знаний был Раор, а разобраться самостоятельно еще не мог — маловато жизненного опыта.

Раор пришел на следующее утро в полузастегнутой шубе, запыхавшийся, возбужденный, но выглядел он не радостным, как обычно, когда находил решение трудной задачи, а скорее растерянным.

— Учитель, я понял, о чем вы говорили. Если победит ночь, растения не смогут расцвести, и все умрет. Люди не смогут жить без света. А если победит день, то Солнце выжжет все живое. Чтобы продолжалась жизнь, день и ночь должны вечно сменять друг друга.

— Верно. И чем ты недоволен? Ты же нашел ответ.

— Но я не понимаю, какое отношение день и ночь имеют к Свету и Тьме? И вы говорили про третью силу. Какая еще третья сила?

— Гм... Отношение... Да в общем-то, не имеют. Это

просто для примера. Аналогия. Понимаешь? Ты пришел к выводу на основании своих знаний, что день и ночь необходимы только вместе, и только тогда идет жизнь. Свет и Тьма... тут все сложнее. О них спорили философы тысячи лет. Тысячи мудрецов пытались найти ответы на эти вопросы. А ты пришел, и хочешь сразу все понять. Нет, мой мальчик, этот ответ тебе придется искать всю жизнь. И каждый раз, когда тебе будет казаться, что ты приблизился к нему, — жизнь подкинет такое, что опровергнет все твои прежние выводы.

— Но зачем тогда искать ответ?

— Потому что в этом вечном поиске и состоит наша жизнь. Каждый человек что-то ищет. Кто деньги, кто знания, кто ответы на вечные вопросы.

Раор печально вздохнул.

— Я не понимаю.

Маг улыбнулся.

— Открою секрет. Я тоже не понимаю, хотя ответ ищу намного дольше твоего. Но я рад этому. Значит, есть еще в жизни что-то, что я могу познать. А значит — я еще жив. Ну а что касается третьей силы... Тут все просто. День и ночь должны сменять друг друга, чтобы могла существовать жизнь. Но с какой скоростью они должны это делать? Если будут меняться слишком быстро, мир не сможет приспособиться к этому. Если медленно — он умрет, не дождавшись восхода, либо заката. Третья сила — это Равновесие, которое поддерживает баланс между Светом и Тьмой. Следит, чтобы они всегда находились в равновесии друг с другом, чтобы мир не начало клонить в ту или иную сторону.

— Кажется, я понял... — Раор замолчал и озадаченно глянул на мага.

Тот задумчиво глядел куда-то вдаль и словно не слышал мальчика, рассказывал, но не ему, а кому-то далекому.

— Очень-очень давно, много тысячелетий назад, по какой-то причине равновесие сил в этом мире нарушилось. Оно качнулось в сторону Света. Качнулось и не смогло выправиться. Равновесие ушло из мира. Тьму загнали в самые глухие уголки Танра. И теперь мир медленно гибнет. Но слепцы не видят этого. Им кажется, что все злое, что творится в мире, — это происки оставшихся адептов Тьмы, и за ними объявлена беспощадная охота. Уничтожаются все, кого заподозрят хотя бы в симпатиях к этой силе. И никто не понимает, что все зло — следствие нарушенного баланса. С каждым уничтоженным служителем Тьмы мир все ближе к краю пропасти.

Тут маг словно очнулся и растерянно огляделся. Он как будто не понимал, где находится. Потом устало провел рукой по глазам.

— Ладно, это пока слишком сложно для тебя. Потом когда-нибудь поймешь. Обещай только никому не рассказывать о том, что услышал от меня. Поверь, это для твоего же блага.

— Обещаю, — прошептал Раор, потрясенно наблюдая за учителем. Ему казалось, что в этот миг с ним говорил не «дядя Арсений», а кто-то неизмеримо более могущественный. И этот кто-то разговаривал именно с ним, двенадцатилетним ребенком. Даже под страхом смерти Раор не осмелился бы передать другим людям слова, обращенные неизвестным и могучим к нему.

После этого разговоры о разных силах на Танре, их адептах и вечной борьбе между ними стали регулярными. Это все оказалось настолько новым для мальчика, что он и про изобретения свои позабыл. Зато нескончаемым вопросам не было конца.

— Пойми, — отвечал Стиор. — Я сам всего не знаю. Много книг погибло вместе с дзеннами. А те, что остались, исчезли в архивах Церкви.

— Дядя Арсений, а ведь вы не священник, — вдруг заявил мальчик.

Стиор на мгновение замер. Потом сел напротив Раора:

— Почему так думаешь?

— В деревне хоть и нет священника, но от последнего осталось священное писание. А вы всегда заставляли меня думать. Я забрал писание и прочел. А потом долго думал. Того, что вы говорите, там нет. Там описана вечная борьба Тьмы и Света, Зверя...

— Зверь. А ты знаешь, кого так называют?

— Врага Бога...

— Ха! Неужели ты думаешь, что у Создателя может быть враг? В любом случае, тот, кого впоследствии стали так называть, на такой титул не тянул. Ни по силам, ни по чему иному. Да и не был он врагом. Просто служитель Тьмы. Один из адептов. Самый великий маг народа дзенн. Людям — да, людям он враг.

— Маг-дзенн? Подождите, учитель, но...

— Неожиданно, да?

— Но вы всегда говорили, что дзенны мудры, а тут... враг людей...

— Мальчик, на его глазах эти самые люди уничтожили практически всех его собратьев. Задумайся об этом. Их убивали те, кого они учили, с кем делились своей мудростью. В один миг привычный мир рухнул. Человеческие маги уже шли к его покоям. Все, кого он знал, погибли. Как ты считаешь, что он должен был чувствовать по отношению к совершившим все это?

Раор задумался. Его передернуло.

— Учитель, мне страшно... А осталась ли у него хоть крупица жалости? Если он вдруг вернется, как говорит легенда, он же...

Маг замер. Руки бессильно упали на стол. Он хотел

что-то сказать, но не смог произнести ни слова. Раор испуганно подскочил к нему.

— Сердце... — прохрипел Стиор. — Там, за печкой, настой... дай.

Раор опрометью кинулся к печи. Прекрасно зная, где что лежит у мага, он быстро отыскал пузырек, зубами вытащил деревянную пробку, обмотанную тряпицей, и влил практически весь настой Стиору в рот. Тот отчаянно закашлялся.

— Не весь же, — выдохнул он. — Ладно, спасибо тебе.

— Вам лучше, учитель?

— Да. Просто... ты сказал нечто... впрочем, неважно. Раор, прости, но сегодня я не в силах вести урок.

— Конечно-конечно, ложитесь, отдыхайте, я рядом посижу...

— Нет. Раор, возвращайся домой.

— Но учитель...

— Возвращайся, я сказал. Со мной все будет хорошо.

— Но ваша болезнь...

— Этого больше не повторится. Иди. Мне надо побыть одному и подумать.

Раор, постоянно оглядываясь, несмело двинулся к выходу. Маг ободряюще ему улыбнулся. Когда мальчик вышел, он устало прикрыл глаза и откинулся на скамейке, прислонившись к стене.

— Прирожденный маг, дзенна в душу... Банальный сердечный приступ пропустил. Но слова малыша...

Слова ребенка были страшны. Сейчас Стиор сам удивлялся, почему эта простая мысль не приходила ему в голову раньше. Воистину, уста младенца... которыми говорит Бог? Что, если так? Маг провел рукой по лбу. Снова стало страшно. А ведь казалось, уже поборол первоначальный ужас, который буквально резанул по нервам, когда он осознал, что сказал Раор. Даже контроль над организмом потерял, вот и получил приступ. А ему

сейчас никак нельзя умирать. Господи, еще лет шесть, и все! Лет шесть, больше ни о чем не прошу! Мальчик еще не готов. Но если ты против... что, если мальчик прав?

— Броах!!! — послал он мысленный зов.

Дзенн явился, как всегда, быстро. Скрипнула дверь, мелькнула тень, и перед магом замерла высокая четырехрукая фигура.

— Учитель?

— Скажи, Броах, как думаешь, Ушедший будет мстить?

Брови Броаха удивленно приподнялись. Правая верхняя рука озадаченно почесала надбровья.

— Люди заслужили свою судьбу, — наконец высказался он.

— Ты даже не сомневаешься, — устало произнес маг. — Я тоже человек. Ты забыл об этом?

— Вы уже не человек. Вы маг Тьмы.

Стиор хмыкнул.

— А Раор?

— Он тоже скоро станет магом Тьмы.

— Об этом я не думал...

Наверное, впервые Стиор засомневался в том, что он делает.

— Скажи, чем же вы тогда будете отличаться от тех же людей? Они почти уничтожили ваш народ, вы теперь хотите уничтожить их. В чем отличие?

— Они первые начали.

Стиор несколько секунд вглядывался в пустоту глаз Броаха. Покачал головой. Нет, он так и не научился читать души дзеннов.

— Люди — это еще дети. Нельзя убивать детей за то, что они побаловались с огнем, сами не зная, с какой опасностью играют. Наказать надо, но убивать...

— Но чего тогда вы хотите, учитель?

— Равновесия! Я хочу восстановить равновесие это-

го мира, Броах! Неужели ты не понял за столько времени, что провел рядом со мной?

Дзенн пожал плечами.

— Мы не служим Равновесию. И никогда не понимали его.

— Да. И чтобы вернуть равновесие, надо для начала вывести из лесов Тьму. Я надеялся, что именно это и буду делать.

— А разве не так?

— Уже не знаю, Броах. Уже не знаю. — Усталый вздох Стиора заставил Броаха слегка отстраниться. В таком состоянии он мага еще ни разу не видел. Дзенн неуверенно потоптался, сжимая копье в одной из рук.

— Что-то случилось, учитель?

— Мальчик быстро учится. Он уже задает вопросы, на которые я не могу ответить.

— А разве не к этому вы стремились?

— Да. Он хороший ученик. Ладно, иди, Броах. А то люди могут прийти. Я слышал, в деревне ждут чьей-то скорой смерти. Могут попросить отпеть. Не дело, если тебя увидят.

Броах поклонился и исчез. Скрипнула дверь. Маг с трудом поднялся и подошел к окну. Долго вглядывался в небеса, словно пытаясь найти там ответ.

— Осталась ли у тебя хоть капля жалости, или все выела ненависть? — вопросил он в пустоту.

Ответа не было.

Знакомство Раора с Броахом состоялось примерно через полгода, совершенно неожиданно для Стиора, хотя он исподволь и готовил мальчика к встрече. После слов Раора о ненависти маг сделался задумчивым. Подолгу сидел на берегу реки, рассматривая небо, словно желая что-то спросить у него, но не осмеливаясь. Он пытался поделиться своими сомнениями с Броахом, но

дзенн просто не понял их. Наверное, впервые со времени знакомства между учителем и учеником пробежала трещина непонимания и недоверия. Броах считал, что вернуть Ушедшего надо в любом случае. Стиор же впервые стал задумываться о последствиях, но и повернуть назад уже не мог. В один из вечеров, когда маг захотел поделиться своими размышлениями с Броахом и снова натолкнулся на стену непонимания, он не выдержал:

— Да что же хорошего в этом?! Скажи, тебе ведь не нравится, как живет твой народ? Почему же ты хочешь такой же судьбы другим?

Спорить было трудно. Броах оставался невозмутимым и отвечал коротко, причем все его возражения сводились к фразе: «Такова судьба». Этот фатализм Стиор терпел с трудом.

— А своя голова у тебя есть? Как ты собираешься служить одному из Трех? Или ты думаешь, что ему нужен попугай?

— Я думаю. Я вам сказал результат своих размышлений.

Стиор вздохнул. Да, Броах сильно изменился с того времени, как он с ним встретился. Сейчас, глядя на невозмутимого, уверенного в себе взрослого дзенна, он вспоминал прежнего озорного юношу, почти мальчишку. Это ли цена, которую стоит платить за исполнение древнего пророчества существа, на чьих глазах погиб его народ?

В этот момент распахнулась дверь, и в дом ворвался Раор. В его неожиданном появлении был виноват сам Стиор, настроивший сигнализацию на ученика. Надо было оставить хотя бы предупреждающий сигнал, тогда мальчику не удалось бы застать мага врасплох, но...

— Учитель!!! Дядя Арсений!!! Я сейчас такое видел... — Что он видел, Раор сказать не успел, так как заметил дзенна. Тот попытался дернуться, чтобы сбежать, но со-

образив, что уже поздно, замер. Впервые Стиор заметил растерянность на лице Броаха. Можно было бы порадоваться, что не все чувства у него умерли, только вот ситуация, в которой это выяснилось...

Стиор лихорадочно размышлял, что бы ответить, как оправдаться. Если мальчик сейчас в ужасе выскочит и умчится в деревню — будет беда. Стиор на всякий случай приготовил обездвиживающее заклинание. Рискованно, но... А дальше что делать? Трудно убедить парализованного человека, что не желаешь ему вреда. Тем более что Раор отличается редкостным упрямством. Кому другому можно было бы и память подправить, но мальчик — прирожденный маг, пусть пока и с непробудившимися способностями. Так что это может и удастся, но сил уйдет... да и результат не гарантирован. Ну, не убивать же, в самом деле, того, кого учишь?

— Раор, мальчик мой...

Тот вдруг подпрыгнул, указал пальцем на замершего дзенна и завопил:

— Это он!!! Учитель, это он!!! Я сегодня его видел!!! И вас! И ему было очень грустно! Очень-очень!

Стиор устало опустился на лавку, покосившись на неподвижного Броаха.

— Раор, начни сначала, пожалуйста, — попросил он. — Я тебя не понимаю.

Разговор принимал какой-то идиотский характер. Мальчик вместо испуга радостно кричит, что уже где-то видел дзенна. Сам дзенн вдруг демонстрирует чувства, хотя маг был уверен, что их у него не осталось. Но поделать ничего Стиор не мог, поэтому оставалось только плыть по течению.

Раор попытался взять себя в руки. Успокоился. Отдышавшись, тут же зачастил:

— Вот его видел! Я уже собирался спать ложиться, когда вдруг передо мной появился он. Вот он! Он смот-

рел на вас и что-то говорил! Точнее, отвечал вам. И ему было очень плохо! И грустно. — Раор вдруг замолчал и уставился на дзенна. — Мне показалось, что ему грустно, — уже не так уверенно заметил он. — Наверное, вы ссорились, и это очень ранило... это существо. — Раор неуверенно взглянул на дзенна, потом на Стиора. — А кто он?

Броах остался невозмутимым, предоставив вести разговор магу. Тот вздохнул.

— Это долго объяснять. Ты лучше скажи, как здесь оказался.

— Так я же сразу вскочил, как увидел его у вас дома. Уж ваш дом я завсегда узнаю. Прыгнул в окно и — сюда.

— По крайней мере, одна загадка разрешилась. Что же касается твоего вопроса... Я думал, ваше знакомство произойдет позже. Но раз так случилось... Раор, познакомься — это Броах. Охотник народа дзенн.

— Очень прия... Дзенн?! Но учитель, вы же говорили, что этот народ истреблен!

— Я такого не говорил. Я говорил, что была уничтожена цивилизация дзенн, а не народ. Остатки народа нашли приют в Коствадских лесах. В своих далеких путешествиях я случайно познакомился с ними. Броах вызвался сопровождать меня в странствиях.

— А почему я его видел?

М-да. Умеет мальчик думать, и думать быстро. Сразу задал главный вопрос. С другой стороны, значит, не зря его учил. Это ли не лучшая похвала учителю?

— Точного ответа я не знаю, но предположение есть. Однако! — Стиор властно поднял руку, останавливая готового лопнуть от нетерпения мальчишку. — Этот разговор очень долгий и очень серьезный. И начинать его вот так с бухты-барахты не стоит. Ты сейчас отправишься домой и хорошенько выспишься. А завтра, когда придешь ко мне, мы и поговорим. И не волнуйся,

раз уж ты уже познакомился с Броахом, он никуда не денется и тоже будет тут.

— Но учитель...

— Никаких «но»! Это не тот разговор, который можно вести наспех. Хочешь, чтобы родители заметили твое отсутствие?

Раор сник.

— Но завтра вы правда все расскажете?

Стиор молча взглянул на мальчика, и тот заерзал.

— Понял. Понял я. Только... скажите, а потом? Потом можно будет рассказывать об этом?

— Когда узнаешь правду — сам решишь, — серьезно ответил Стиор.

Несколько минут после ухода мальчика в комнате царило молчание.

— Все совсем не так, как должно быть, — вздохнул Стиор. — Что-то в мире идет не так, как следует.

— Учитель...

Стиор поднял руку, останавливая дзенна.

— Прости меня. Я должен был понять, что мои сомнения причиняют тебе боль. Но ты очень умело скрывал чувства...

— Учитель...

— Знаю, что хочешь сказать. Но давай все отложим до утра, раз уж так получилось. Мальчику тоже лучше послушать. Меньше потом повторяться. И... знаешь, наверное, ты прав. Пусть все идет, как идет.

Броах повернулся к двери и заколебался.

— Мне уйти?

— Зачем? Ложись в доме. Чужой не появится, а от Раора скрываться уже бессмысленно.

Броах кивнул, улегся рядом с печкой прямо на полу, свернулся там и тут же уснул. Стиор поглядел на него и вздохнул. Есть чему позавидовать. Никаких сомнений и тревог. Сам маг давно так не мог. И дело не только в воз-

расте, хотя и он давал о себе знать. Есть еще огромная ответственность, которую взвалил на него учитель. Только сейчас Стиор по-настоящему начал ощущать ее тяжесть. А ведь основное решение будет принимать уже не он. Дальше этот неподъемный груз понесет мальчик, прибежавший этим вечером к нему в дом. Справится ли? Какое решение примет? И что делать ему?

Стиор осторожно провел рукой по кресту на груди, к которому привык и который раньше никогда не носил. Презирая Церковь, маг не терпел никаких ее атрибутов. Надел по необходимости и незаметно как-то свыкся. Поднял крест и внимательно рассмотрел вычеканенный профиль распятого человека.

— Интересно, а что бы ты сказал на это? — пробормотал он. — Одобрил бы действия своих последователей или отвернулся от них? И каково твое реальное Слово было, а не то, что нам рассказывают сейчас в переделке Второго Спасителя? И почему тебя изображают на этом кресте?

Стиор поежился. С каких это пор его начали интересовать такие вопросы? Однако сейчас он готов был отдать что угодно, только чтобы покопаться в архивах Церкви. В них ведь должно было сохраниться изначальное Слово первого Спасителя. Может, там нашелся бы ответ на его сомнения? Странно... Маг вздрогнул. Давно ли он начал искать ответы у Церкви, которую всю жизнь ненавидел? Однако, поневоле играя роль приходского священника в богом забытой дыре, он не мог не проникнуться этим духом.

— Что ж... — Маг поднялся. — Раз так, посмотрим. — Он снял распятие и аккуратно пристроил его на выступе печи. Повернулся к нему и перекрестился. — Тяжкие времена грядут, и ты знаешь об этом. Обращаюсь к тебе, первому Спасителю! Будь судьей нам и всем детям твоим! Предаюсь в руки твои! Да будет все по воле твоей!

Стиор вздрогнул, уловив какое-то магическое дуновение. Настолько мимолетное, что он даже сначала принял его за галлюцинацию, вызванную напряжением чувств. Если бы не следы, оставленные в сигнальной сети вокруг дома, он так и решил бы в конце концов. Но здесь... Здесь было нечто иное. Внезапно Стиор почувствовал громадное облегчение. Словно огромный груз сняли с его плеч. Он вздохнул и расправил плечи.

— Значит, ты услышал меня... Ну что ж... пусть будет как будет...

Когда Броах проснулся утром, он не узнал учителя, настолько тот изменился. Исчезли тревога и тоска из глаз, разгладились морщинки. Маг словно стал выше ростом. И больше не было той раздвоенности в его ауре, которая раньше росла с каждым днем и так пугала дзенна.

— А, встал? Тогда помоги стол накрыть. Скоро наш юный друг явится.

Броах вскочил. Замер. Недоверчиво повертел головой. Он радовался изменениям в учителе, но... но за ночь... это пугало. Что же произошло этой ночью? Маг, похоже, уловил его сомнения и повернулся к ученику. Нахмурился. Потом понимающе хмыкнул:

— Удивляешься? А ты знаешь, что чем дольше живешь, тем больше понимаешь, что ничего ты, в сущности, о мире не знаешь?

— Мир большой, — в свойственной ему манере отозвался дзенн, еще не понимая, радоваться перемене в учителе или нет. А тот, будто не замечая тревоги ученика, хлопотал вокруг стола, раскладывая небогатые припасы.

Вскоре Стиор понял, что с такими «разносолами» много не сделаешь. Хлеб, картошка, овощи и мясо, добытое Броахом. Он нахмурился, потом махнул рукой.

— Один раз, ради такого случая, можно, — пробормотал маг. Прикрыв глаза, сосредоточился. Да, давненько он не прибегал к высшему мастерству.

Эта магия не требовала столько времени, но Стиор рисковать не хотел и сейчас пытался замаскироваться, рассеяв свое заклинание. Пусть ищут источник на площади в несколько сотен миль.

Вот заклинание сплетено... Стол подернулся дымкой, послышались частые хлопки. Когда дымка рассеялась, стол оказался заставлен такими изысканными яствами, что дзенн и названия многим подобрать не смог.

— Пусть побесится, — весело хмыкнул Стиор.

— Что, учитель?

— Говорю, пусть побесится теперь.

— Э... кто?

— Аббат Григена. Это городок, через который мы проходили, когда искали Раора. Был там один толстый аббат, очень противный. Я ему на всякий случай сюрприз оставил. Теперь вот пригодился. Да-а, я и не предполагал, что у него такие обеды. Интересно, а как насчет воздержанности? Впрочем, ладно, поголодать хотя бы денек ему точно не помешает.

— Учитель, вы хотите сказать...

— Ну да. Прямо со стола. О! Зайчатина даже не остыла еще. Так, а это уже кто-то ел. — С легким хлопком блюдо исчезло. — Не будем угощать нашего молодого друга этим. Вдруг его аббат пробовал? Еще отравим Раора.

Броах узнавал и не узнавал Стиора одновременно. Тот словно сбросил несколько десятков лет. И этот его последний поступок... на грани провала, какое-то мальчишеское озорство, так не похожее на всегда сдержанного, осторожного и продумывающего каждую мелочь черного мага. Стиор, делая вид, что не замечает недоумевающего дзенна и что-то насвистывая под нос, хлопотал вокруг стола.

— Так, это сюда, — пробормотал он, ставя шикарную супницу из фаянса в центр.

Еще раз задумчиво оглядев еду, маг покачал головой и щелкнул пальцами. Вокруг стола образовалась тонкая пленка.

— Ну вот. Теперь не остынет.

— Учитель, но магия...

— Ничего. Я хорошо потрудился за эти годы. Не бойся, никто не заметит... если, конечно, не держать «покрывало» слишком долго... А долго держать не придется. Вот и наш друг.

Раор, запыхавшийся от быстрого бега, влетел в комнату и остановился, опершись руками о колени и тяжело дыша. При этом смотрел только на Броаха. Похоже, боялся, что вчерашний день окажется всего лишь сном. Богатый стол он не заметил.

Убедившись, что ему не померещилось, мальчик опустил голову, судорожно дыша.

Стиор подошел к нему и слегка коснулся спины. Раор вздрогнул и выпрямился, удивленно хлопая глазами. Его дыхание стало ровным, колотье в боку тоже пропало.

— Вовсе не обязательно было так нестись, — укоризненно покачал головой маг. — Тебе лучше?

— Да... но... а как вы это делаете?

— Чему только не научишься в странствиях, — усмехнулся Стиор. — А сейчас — давай к столу. Там и поговорим.

Раор обернулся и замер, ошарашенно рассматривая богатую сервировку. Он бывал в доме отшельника почти каждый день, знал здесь каждую щелочку, каждый уголок. И готов был поклясться, что такой посуды здесь отродясь не водилось. А еда... как, интересно, называется вон то блюдо? Что-то запеченное и политое каким-то белым соусом.

Опасаясь, что все это только мираж, мальчик осто-

рожно коснулся стола и тут же отдернул руку. Потом коснулся уже более уверенно. Но стол знакомый. Каждая трещинка на нем изучена. А вот еда... Мальчик тронул одну из тарелок. Коснулся ложки.

— Не бойся. Все настоящее. Присаживайся.

Голос Стиора вывел Раора из ступора, но смелости не прибавил. Сам не зная чего, мальчик испугался. Он вдруг понял, что с сегодняшнего дня его жизнь сильно изменится. Непонятно — как, непонятно — к добру ли, но изменится точно. Какие у него были планы? Ну, вырасти, жениться, а когда приемный отец умрет, занять его место трактирщика. Втайне мечтал смастерить нечто такое, от чего все вокруг ахнут. Только до встречи с этим странным святым братом его чаще ругали за изобретения, чем хвалили. Потому Раор и ухватился за предложение Стиора, когда тот пообещал его многому научить. И ведь научил. Никто в деревне не дал бы таких знаний. Мальчик по-настоящему уважал своего учителя. Да и познавать неведомое оказалось очень увлекательно. Каждого нового урока Раор ждал как какого-то чуда. Новые знания помогли ему сделать действительно полезные вещи. Он даже заставил приемного отца иначе переложить печь, и теперь трактирщик не мог нахвалиться на нее. И все благодаря Стиору.

— Ну, что ты, садись, не бойся.

— Но... откуда это все? — смог наконец вымолвить Раор.

Стиор, подавая пример, сел напротив мальчика, пододвинул к себе тарелку с супом. Следуя его примеру, рядом сел и дзенн. Честно говоря, мальчик был не уверен, что четырехрукому понравится эта еда, но тот, вопреки ожиданию, начал есть с заметным удовольствием. Раор растерянно огляделся. На него, похоже, никто не обращал внимания. Сообразив, что пока не поест, учитель разговаривать не будет, мальчик осторожно сел

на краешек стула и растерянно оглядел стол. Потом аккуратно придвинул к себе то блюдо, что привлекло его внимание. Снова осмотрелся. Деревянной ложкой, которой он привык орудовать, есть будет неудобно. На всякий случай мальчик все-таки поковырялся ею. Нет, зацепить очень трудно. Блюдо представляло собой что-то, нарезанное кружочками, которые были обильно политы... расплавленным сыром, сообразил Раор. Сыр тянулся и никак не давал набрать в ложку хоть немного. Мальчик попытался краем ложки отпилить сыр, но едва не опрокинул тарелку себе на колени. Расплескал стакан с непонятным напитком.

— Кажется, у нашего друга есть один пробел в образовании, — заметил Стиор, наблюдая за попытками Раора попробовать незнакомое блюдо.

— Его же этому не учили, — заметил дзенн.

Он впервые заговорил при мальчике, и тот удивленно глянул на него — был уверен, что дзенн если и говорит, то никак не на человеческом языке.

— Броах, будь добр, покажи, как надо.

Тот удивленно глянул на учителя, потом что-то сообразил и кивнул. Встал из-за стола, обошел замершего на стуле Раора, который боялся даже пошевелиться. Дзенн испуга ребенка словно и не заметил.

— Смотри, — он взял напрягшуюся руку мальчика и заставил того поднять нож. В другую руку чуть ли не силой впихнул непонятный инструмент с четырьмя зубьями. — Теперь сядь прямо. — Третья рука дзенна уперлась мальчику в спину, заставляя его выпрямиться. — Вот так. Инструмент с зубьями называется вилкой. Им ты придерживаешь еду, а ножом аккуратно отрезаешь кусочек такой величины, чтобы его можно было целиком положить в рот. Отрезал? Теперь накалываешь его на вилку и... вот так. Пока жуешь, больше ничего не де-

лаешь. Сначала глотай, а потом только отрезай новый. И не торопись. Никто твою еду не украдет.

Первый испуг прошел, и Раор, сам себе удивляясь, даже сумел огрызнуться:

— Конечно, никто! У нас дома пять человек. Если зевать будешь — без еды останешься.

Стиор едва не подавился, с трудом сдержав смех.

— Все верно, — кивнул он. — Когда ешь из одной тарелки — зевать не приходится. Но здесь, как ты заметил, у каждого своя тарелка. Никто в нее, кроме тебя, не полезет. Поэтому торопиться не стоит. Жуй медленно и тщательно. Это, кстати, и для здоровья полезнее.

— А когда поешь, возьми салфетку и аккуратно промокни губы, — добавил Броах. — Не всем приятно созерцать соус на твоем подбородке.

Раор насупился. Глянул исподлобья.

— Это новый урок, да?

— Правильно, — кивнул Стиор. — Называется — «этикет». И, кажется, я много упустил, когда не обращал внимания на эту сторону воспитания.

Раор хмуро вывернулся из рук дзенна, отбросил салфетку и отодвинулся от стола.

— Я ведь не это хотел услышать! И вы мне не это обещали показать!

— Зато так понятнее. Но если ты больше не хочешь есть... — Раор демонстративно сложил руки на груди. Стиор хмыкнул. Слегка махнул рукой. Стол подернулся дымкой, а когда она рассеялась, взору мага предстали совершенно круглые глаза мальчика и девственно чистый стол.

— Колдовство... — прошептал Раор.

Стиор поморщился. Потом выдвинул скамейку и сел так, чтобы видеть ребенка.

— Можно, конечно, и так сказать... если не вкладывать

в это слово эмоций. На самом деле это обычная магия. Мы ведь об этом уже говорили, помнится.

Раор наморщил лоб. Потом кивнул своим мыслям.

— Но... — он замолчал и испуганно взглянул на Стиора. Потом нахмурился. Морщины испуга разгладились, и тут же мальчик снова нахмурился. Стиор в этот миг мог прочитать его мысли по одному лишь выражению лица. Вот он вспоминает то, что говорили о магах в деревне, и сжимается. Но тут же на память приходят рассказы и уроки самого Стиора, и он расслабляется, но новые тревоги одолевают его. Сомнения, тревоги, воспоминания... Маг не спешил ученику на помощь, дав ему время самому делать выводы. Раор изредка поглядывал на учителя, ожидая хоть какой-нибудь помощи, но тот молчал. Смотрел внимательно, выжидающе, но молчал. Он всегда так молчал, ожидая, когда Раор сам отыщет решение какой-нибудь трудной задачи.

— Но я же ничего не знаю!!! — вдруг отчаянно вскрикнул мальчик. — Учитель, расскажите мне все!

Стиор улыбнулся.

— Знаешь, а все-таки не зря я тебя учил все это время. Не бежишь от неизвестного и непонятного, а пытаешься узнать сначала. Я хотел рассказать тебе об этом позже, когда станешь немного взрослее... но раз так сложилось... тебе многое может быть непонятно, не стесняйся, задавай вопросы. Если ты чего-то не поймешь и станешь действовать... ладно, в общем, спрашивай.

Раор серьезно кивнул. Сел напротив Стиора, покосился на дзенна, неподвижно замершего около печи, и приготовился слушать.

— Вот теперь ты все знаешь, — закончил Стиор, устало вытерев лоб.

Разговор выдался не из легких. Все-таки слишком рано Раор узнал правду, не готов он еще к ней. Маг вы-

нужден был подбирать слова так, чтобы двенадцатилетний мальчик хоть что-нибудь понял. Даже не понял, а осознал. Но при этом он не должен был испугаться грандиозности задачи. Впрочем, о последнем не стоило и волноваться: Раор пришел в восторг. С огромным трудом магу удалось убедить мальчика, что это не сказка и не легенда, где для героя все и всегда заканчивается хорошо. Еще труднее пришлось Стиору, когда он отвечал на бесконечные вопросы ученика, требующего пояснить то одно, то другое. Из-за этого разговор и затянулся почти до пяти часов вечера.

— Все равно трудно поверить, — Раор озадаченно чесал в затылке. — Магия, пророчество, темные силы, светлые...

— Да не силы темные и светлые! — устало отозвался Стиор. — А магия Тьмы и магия Света.

— Нет, это я понял. Но вы ведь говорили, что магия Тьмы — это не зло?

— Зло не в магии, а в людях. Кто-то владеет мечом, кто-то магией, кто-то словом. Но как и куда направить свое умение — решают только сами люди.

— Но в темноте удобнее творить преступления!

— Решил пофилософствовать? Думаешь, у тебя есть шансы в споре со мной? Ну что ж, хорошо. Темнота действительно неплохо скрывает преступника. Удобно прокрадываться в чужие дома, грабить прохожих. Но ведь это мелкие пакости. Нет, если в ночи убили человека, то для него самого, понятно, вопрос уже не мелкий, но вот для мироздания — ничего не изменилось. Зато самые страшные преступления, потрясавшие основы мира, всегда замышлялись и творились при свете.

Раор недоверчиво взглянул на мага.

— Не веришь? Ну что ж. Вот тебе примеры. Помнишь, я рассказывал о том, как в этом мире появились новые расы?

— Конечно.

— Как ты считаешь, доброе дело сотворили те эльфы? Сколько крови стоило их решение?

— Но ведь они и людей сюда привели. Разве мы, люди, можем осуждать их за это?

— Хороший вопрос. Спроси об этом у дзенна, чей народ был почти полностью уничтожен теми самыми людьми, которых привели по Дороге Миров.

Раор испуганно вздрогнул и покосился на неподвижного Броаха, который все время разговора так и простоял, не меняя позы. Он словно окаменел.

— Вот-вот. Кстати, если уж на то пошло, то план атаки на дзеннов Второй Спаситель и его иерархи тоже вряд ли разрабатывали по ночам. Так что — решай сам.

Раор сидел нахохлившись, обдумывая новую для него информацию. Было видно, что с таких позиций он проблему не рассматривал, хотя обо всем этом маг и рассказывал. Стиор сочувственно смотрел на мальчика, на которого разом вылилось столько необычного.

— Раор, думаю, тебе надо немного отдохнуть. Давай продолжим завтра? Ты к тому времени успеешь и обдумать спокойно, что узнал.

Вопреки ожиданиям, мальчик спорить не стал. Безропотно поднялся и направился к выходу. У порога остановился.

— Я, наверное, пока никому не стану говорить об этом.

— Надо было его хотя бы накормить, — вышел из неподвижности Броах. Стиор озадаченно глянул на него, потом хлопнул себя по лбу.

— Конечно! Раор же прибежал сюда с утра, чуть позавтракал...

— Ворованной едой.

Стиор сердито хмыкнул, но отвечать не стал.

— А потом разговаривали, и поесть забыли.

— Мальчику простительно. А вот на вас это не похоже.

Стиор встал и подошел к окну, пытаясь что-то разглядеть в сумерках.

— Знаешь, тебе в это будет трудно поверить...

— Учитель...

— Да-да. Ты полагаешь, что тебя уже нечем удивить. Но поверь мне, в жизни всегда найдется место сюрпризу. Я намного старше тебя. Очень намного. И знаний у меня больше. Однако вчерашний вечер доказал, что сколько бы я ни познал в этой жизни, остается намного больше того, чего я не знаю. По самонадеянности ли, или по неверию, я обратился к силам, о существовании которых даже не подозревал... — Стиор отошел от окна, снял с груди распятие и подошел с ним к свече, разглядывая изображение на кресте. — И, кажется, они мне ответили.

— Учитель...

— И знаешь, Броах, мне на самом деле стало легче.

— А что это за силы?

— Силы? Ты никогда не задумывался, откуда пришли люди? И почему их святого называют Вторым Спасителем? Значит, был и Первый?

— Возможно. Но какое это имеет отношение...

— К нам? Действительно, какое? — Стиор кинул распятие Броаху. — Как думаешь, почему этот человек изображен на кресте?

Броах внимательно изучил крест и пожал плечами:

— Не знаю.

— Вот и я не знаю. Но ведь в этом должен быть какой-то смысл? Мне кажется, мы повторяем ошибки людей. Они отказывались понимать другие расы, объявляя их злом. Мы же отказываемся понимать Церковь. Но если людей можно оправдать тем, что они, по сути, еще дети, то мы этим не оправдаемся. Ха! Знаешь, забавно.

Я говорю «мы», подразумевая и дзенн, и себя как адептов Тьмы, а про людей говорю как о другой расе, хотя и сам человек. Теперь понимаешь, о чем я?

— Не совсем, учитель.

— Вот и я — не совсем... — Стиор устало опустился на скамейку. — Похоже, я тебя запутал. Но ведь я и сам уже ничего не понимаю. Однако ты сказал очень мудрые слова. Пусть все будет так, как будет. Мы сами выбрали себя орудием пророчества.

Броах за время совместных странствий научился безошибочно определять состояние учителя. Именно поэтому его так тревожила раздвоенность, появившаяся у Стиора, когда тот начал сомневаться в истинности пророчества. Сейчас он тоже сомневался, но раздвоенности не было. Это не могло не радовать, но... что же произошло вчера вечером? Что так сильно повлияло на мага? Броах еще раз изучил распятие. Кто этот человек на нем? Может, и вправду зря они не пытались узнать людей? Как поступили дзенн, когда те впервые появились на Танре? Отвели земли, предложили помощь в учебе... Но попытались ли сами узнать пришедших? О таких попытках Броах не знал. Это не значит, что их не было, но если бы такую цель ставили, то должно было бы остаться больше свидетельств в архивах. А он изучал все доступные материалы. Все, что нашлось про людей, дзенны начали постигать уже после Катастрофы. Не прав ли учитель? Можно осуждать детей за жестокость и отказ понимать других. Но взрослые виноваты больше, ибо упустили этот момент в воспитании. И кто тогда прав? Люди? Дзенны? Ушедший?

— Учитель, еще один момент. Мы забыли, почему Раор прибежал сюда посреди ночи. Он сказал, что видел меня и вас.

— Ах, да. Со всеми проблемами об этом мы действительно забыли. А ведь этот момент важнее всех прочих,

пожалуй. Надо будет обязательно обсудить его с Раором в будущем.

— Но почему он вас увидел?

— Не меня. Тебя. Не забывай, что ты один из тех, кто призван быть ему помощником. Как мне кажется... да, я почти уверен, дело именно в этом. Когда в следующий раз я расспрошу Раора подробнее, полагаю, он подтвердит мое мнение.

— Но ведь раньше он меня не видел, хотя я уже не один год живу рядом. Почему только вчера?

— Хороший вопрос, — Стиор задумался. — Опять-таки, могу всего лишь высказать предположение. Мне кажется, дело в том, что только вчера наш с тобой спор приобрел эмоциональный характер. Мы с тобой в корне разошлись во взглядах на пророчество.

— Но какое это имеет отношение к тому, что видел Раор?

— Прямое. Ты ведь уважаешь меня? За время странствий мы с тобой стали настоящими друзьями.

— Вы мой учитель. Я готов за вас жизнь отдать, — Броах сказал это просто, без эмоций и не рисуясь, отчего его слова приобретали еще больший вес.

— Вот видишь. И, естественно, наши разногласия причиняли тебе боль. Ты не мог со мной согласиться по своим убеждениям, и не мог без боли смотреть на мой разлад. Поэтому и сам испытывал муки. Раор увидел тебя именно в такой момент. Кажется, только в период наивысшего эмоционального напряжения между вами устанавливается ментальная связь. Тут, полагаю, вопрос равновесия. Вы трое должны стать спутниками мальчика. Должны будете защищать его, помогать исполнить пророчество. Но и он должен помогать и защищать вас. Кажется, именно это и называется — «делить и горе, и радость». Вот он и разделяет их с тобой. Только, — Стиор вдруг хмыкнул, — ты ужасно не эмо-

циональное существо. Всегда спокоен и уравновешен. А поскольку не было всплеска эмоций, он тебя и не видел.

Броах задумался. Потом медленно кивнул:

— Вы правы. Но тогда он должен был видеть и остальных двух. Но Раор нам этого не говорил.

— Это значит, что либо те двое еще не приняли себя в качестве его спутников, либо, как и у тебя, еще не произошло эмоциональное объединение. С ними должно случиться что-то очень неприятное, или, наоборот, чтобы всплеск эмоций привел к ним Раора. И, полагаю, пророчество постарается, чтобы такой всплеск произошел в нужное время. У кого-то раньше, у кого-то позже. Ладно, в любом случае, сейчас — это всего лишь мои догадки. Точнее смогу сказать, когда поговорю с Раором. Сегодня это было не очень удобно, но завтра обязательно расспрошу его.

— Я тоже подумаю, учитель.

Несмотря на то что дзенн был почти уверен в правоте Стиора, сомнения все равно не покидали его. Поняв, что сейчас все равно ничего не решит, Броах прошел к лавке и лег. Размышления, которые невольно вызвал у него учитель разговорами о последствиях исполнения пророчества, долго не давали ему уснуть. Может, и впрямь они неправы? Может, есть иной выход? Неужели только война?

— Люди должны заплатить за свою жестокость, — пробормотал он.

А должны ли?

Постепенно жизнь вошла в привычную колею, если можно назвать привычными бесконечные вопросы Раора, которыми он сыпал с удвоенным старанием. Стиора иногда поражало, насколько легко мальчик все воспринял. Как будто так и должно быть. Себе маг объяснял это тем, что тот еще не понял всей важности происходяще-

го. Однако кое-какие вопросы Раора доказали, что все он прекрасно понял.

Вопреки страхам, и с Броахом не возникло проблем. Мальчик сдружился с дзенном как-то быстро и незаметно. И вскоре эта парочка уже моталась по лесам, добывая пропитание. Дзенн обучал мальчика премудростям лесной жизни и охоты. После обеда они шумно вваливались в дом, хвастаясь добычей и рассказывая о своих приключениях. Броаха и не узнать было. Всегда молчаливый и сдержанный, сейчас он мало чем отличался от непоседливого Раора. Стиор с улыбкой наблюдал за ними. Раньше он боялся, что — настолько разные — они не найдут общего языка. В те дни, когда мальчик по какой-либо причине не мог прийти, дзенн снова замыкался в себе и становился прежним — сдержанным и холодным. Стиор часто ловил себя на том, что тоже скучает и с нетерпением ждет следующего дня, когда у порога раздастся радостный крик:

— А вот и я! Чему будем сегодня учиться?

И Стиор с энтузиазмом принимался за обучение ребенка. Математика и биология, языки, логика, химия и — теперь уже обязательная — теория магии. Однако пока дар не проснулся, все эти знания были умозрительными, и мальчик относился к ним недоверчиво.

— Я правда смогу все это делать? — поражался он.

— Обязательно. Надо только дождаться, чтобы твой дар проснулся. Уже недолго ждать. А пока давай-ка повторим методы плетения защитных чар...

— Не понимаю, зачем это надо? Вы же сами говорите, что у прирожденных магов магия — как для обычного человека дыхание.

— Верно. Только не забывай про расход энергии. Можно, конечно, использовать и тупую силу. Возьми листок. Взял? А теперь вспомни формулу, про которую мы неделю назад говорили. Рассчитай-ка мне расход энергии при таком подходе.

Мальчик долго сопел, но задачу решил. Потом почесал лоб, недоверчиво глядя на результат.

— М-да.

— Вот тебе и «м-да». Сколько ты сил на это потратишь? Не говоря уже о том, что такой выброс энергии почувствует самый плохонький маг на расстоянии сотен километров, и это не принимая в расчет Ищущих.

— Учитель, а почему Церковь объявила магию злом? Вы ведь говорили, что с ее помощью можно лечить людей, спасать поля от засухи...

— Потому что не понимают. Люди всегда объявляют злом то, чего не понимают. И пытаются это непонятное уничтожить, вместо того чтобы познать.

В последнее время Стиор не вспоминал о предсказании и своей миссии. Он просто наслаждался каждым днем. Жил так, словно другого дня и не будет. А Раор полагал, что так и должно быть. Но Броах, знавший учителя намного дольше, поражался таким изменениям. Да и магию Стиор стал применять гораздо чаще, хоть и принимая все меры предосторожности. Он мечтал, чтобы эти дни растянулись до бесконечности. Впервые в своей долгой жизни старик был по-настоящему счастлив.

2

Ветхий пергаментный свиток медленно прокручивался между барабанами читальной машины. Худощавый черноволосый подросток лет четырнадцати-пятнадцати то и дело останавливал барабаны, перечитывая кусок текста, привлекший его внимание. Однако того, что он хотел найти, в книге не было. Уже который день юный маг искал ответ на вопрос: по какой причине младоэльфы открыли Дорогу Миров. Сам не знал — почему, но ответ на этот вопрос казался очень важным, не давал покоя, от него зависело что-то такое, что аукнется

всем жителям их мира, кем бы они ни были — гномами, драконами или кем еще. Ах, если бы младоэльфы не открыли эту проклятую Дорогу... Не случилось бы дальнейшего кошмара, на Танре не появились бы люди, будь они неладны! Однако эльфы сделали это и, мало того, неоднократно. Дооткрывались до того, что планета оказалась напрочь отрезана от остальной Вселенной!

Прокрутив свиток до конца, подросток осторожно вернул его на место, активировал заклинание сохранности и тяжело вздохнул. И здесь нет ответа. Казалось бы, чудом наткнулся на самую, наверное, древнюю библиотеку на Танре. Но того, что хотелось узнать, не обнаружил. Жаль, очень жаль. Зато на полках полно учебников по высшей магии. Черной и белой! В них такие заклинания даются, что у Стига после первого прочтения глаза на лоб полезли. Никогда не верил, что такая информация могла где-нибудь сохраниться. Однако сохранилась — повезло. Узнай об этой библиотеке недоумки из Ассамблеи — тут же прикажут сжечь большую часть свитков и древних фолиантов, вопя о кошмаре Тьмы. Дурачье убогое! Из-за них приходилось соблюдать величайшую осторожность при посещении Хранилища — не дай Создатель привести за собой хвост.

Подросток криво усмехнулся: никто не подозревал о его способности превращаться в человека. Даже ближайшие друзья. К сожалению, такие превращения возможны только при помощи магии Тьмы, никак не Света. Сообщи Стиг хоть кому-нибудь, что умеет это делать, всем сразу станет ясно, какой силой он пользуется. Придется спешно бежать, а к побегу еще не все готово. Обидно и горько, но иного выхода, кроме бегства, юный дракон давно не видел. Ему хотелось служить своей стране, служить в Конторе, обеспечивая безопасность империи, но куда там. Стоит однажды проколоться, и та же Контора начнет за ним охоту. Ведь Стиг по законам На-

да — преступник. Просто потому, что обладает способностями к магии Тьмы! Но в чем он виноват? Таким уродился!

Кому же понадобилось огульно объявлять Тьму злом? Ведь кому-то понадобилось, кому-то это оказалось выгодно. И не Церкви, все это началось еще с младоэльфов, открывших Дорогу Миров. Фанатики дзенновы, чтоб им провалиться! Как можно было не понимать, что Свет, Тьма и Равновесие — это всего лишь силы, необходимые для жизни любого мира? Не может ни одна из них превалировать! Не должна! Это видно хотя бы по заклинаниям высшего уровня — в них используются все три силы. Вот только магов, способных сплетать такие заклинания, на Танре просто не осталось. Кроме самого Стига.

Черному дракону приходилось тщательно маскировать любое свое заклинание, накидывая на него Вуаль Света, создавать которую он научился, прочтя обнаруженную в Хранилище книгу «Начала». И эти невероятные умения предки полагали началами... Их преподавали одаренным детям эльфов, дзеннов и драконов! А нынешние маги, даже высшие, и доли того, что описано в детском учебнике, не знают и не умеют. Обидно и горько, что магия так деградировала.

Теперь Стиг смог бы почти на равных схлестнуться даже с самим архимагом в случае надобности, но, понятно, не показывал наставнику своих особых умений. Дядя Армланий — человек умный, ему одного намека будет достаточно, чтобы обо всем догадаться. После этого судьба свежевыявленного служителя Тьмы будет не слишком веселой — опыта у архимага всяко больше. И проживет Стиг очень недолго — дня два максимум, пока Ищущих из Фалнора не привезут. Но обратной дороги у дракона не было, отказаться от самого себя невозможно. Вскоре придет время приниматься за «Ос-

новные преобразования Света и Тьмы», которые тоже нашлись в древней библиотеке. Стиг два года назад краем глаза заглядывал в эту книгу, но мало что понял, слишком много там оказалось высшей математики. Однако теперь — совсем иное дело: освоил и математику.

Вспомнилось, как он нашел библиотеку. Вот уж чудеса... Это случилось месяцев через восемь после того, как дракончика отдали на обучение в Ассамблею. Ох, и тяжко же пришлось в эти месяцы! Ведь занятий в гимназии и стажировку в Конторе никто не отменял. Стиг тогда спал часа по четыре в сутки, сходил с ума, пытаясь все успеть. Так и мучился, пока Вихрь не научил его планировать свой день и четко придерживаться выработанного плана. Стало полегче, но все равно трудно. Об играх и прогулках по городу пришлось забыть. Впрочем, остальным из их компании приходилось ничуть не проще, хоть магии они и не обучались — император после случая с Черным Алтарем приказал загрузить шебутную четверку так, чтобы на шалости не оставалось ни сил, ни времени. Наставники охотно сделали это. Друзья стонали, но не сдавались — гордость не позволяла. Теряли сознание на тренировках от переутомления, но, очнувшись, снова тренировались до изнеможения. И это со временем дало результат. Уже через полгода любой из них без особых проблем мог справиться с несколькими вооруженными взрослыми людьми. Даже хрупкая Лоралиэль.

В тот вечер Стиг допоздна засиделся в библиотеке Ассамблеи: архимаг сказал, что через два дня ему предстоит экзамен по элементарным преобразованиям стихий. Вот дракончик и зарылся в книги, лихорадочно перечитывая все, что смог найти по данной теме. Спать хотелось неимоверно, он то и дело клевал носом, но каждый раз встряхивался и заставлял себя продолжить чтение, хоть и понимал, что толку от этого немного.

Снова едва не уснув, Стиг осознал, что дальше так дело не пойдет, надо хоть немного передохнуть. Представив, что сейчас придется полчаса подниматься на поверхность, а потом еще лететь домой через весь город, он поежился. Нет уж, все равно с утра снова к экзамену готовиться. Лучше прямо здесь поспать несколько часов. Благо архивариусы уже ушли, оставив позднего посетителя в одиночестве и взяв с него слово, что все будет в порядке. Другому бы, конечно, такого не позволили, но личному ученику самого архимага, приемному сыну тайного советника Тангерда? Разрешили, конечно, хоть и не слишком охотно.

Над-аноурская библиотека Ассамблеи располагалась на глубине трехсот метров, в древних катакомбах, где было на удивление сухо — совсем не похоже на подземелья. Кто построил эти катакомбы, так и не выяснили, их обнаружили лет через триста после основания города, разведали какую-то часть и вскоре начали использовать. Как склады, большей частью, — там почти ничего не портилось, не позволяла какая-то странная магия, суть которой лучшие маги Ассамблеи так и не поняли. Однако махнули на это рукой, не обнаружив в катакомбах ничего темного (Стиг долго смеялся, прохаживаясь по поводу слепых и глухих невежд), да и место для библиотеки оказалось идеальным. Вот ее туда и перевели.

Дракончик удобно устроился на полу у двери, свернулся в клубочек и тут же уснул. Однако спустя некоторое время его разбудило что-то неуловимое. Какое-то странное предчувствие. В недоумении Стиг зажег заклинанием небольшой светящийся шар и принялся обследовать библиотеку. Будучи рационалистом до мозга костей, он не верил в привидения и презрительно фыркал, слыша очередную страшилку — Лоралиэль обожала такие истории и часто пичкала ими друзей, искренне не понимая их реакции и обижаясь. Но в эту ночь

Стигу стало не по себе, он готов был уже поверить и в привидения. Что-то или кто-то звало его, настойчиво звало. Зов то стихал, то усиливался — в зависимости от того, куда дракончик двигался. По его усилению Стиг и понял, куда надо идти. Почему-то очень хотелось узнать, кто и зачем его зовет.

Вскоре он оказался у дальней стены, где зов и стих. Ну, и что здесь такое? Стиг с недоумением оглядел при свете шара ровную каменную поверхность. Странно, но больше ничего нет. Что же тогда позвало его сюда? Чушь какая-то! На всякий случай дракончик внимательно обследовал стену, но все так же ничего не нашел. Он уже собрался было плюнуть на все и вернуться к выходу досыпать, когда часть стены внезапно покрылась изморозью.

— Дитя Тьмы? — раздался прямо в голове чей-то холодный вопрос. — Наконец-то! Почти две тысячи лет ожидания...

— Кто вы? — Дракончика слегка потряхивало от страха и одновременно любопытства. Никак не рассчитывал столкнуться с темной сущностью в библиотеке Ассамблеи Светлой Магии.

— Дух мага, хранящий книги и хроники для одного из Трех.

— Одного из Трех?.. — растерялся Стиг. — О чем это вы? О ком?

— Уже ни о чем и ни о ком. Ты пришел, только это важно. Информацию будешь искать сам, в Хранилище ее хватает — идущему во Тьме никто не станет облегчать пути. А мне пора в белый канал. Слишком устал ждать этого, слишком долго ждал. Напоследок скажу одно. Раз ты здесь, то и остальные двое тоже вскоре станут теми, кем должно. До исполнения предначертанного осталось совсем немного времени. Поэтому открываю

тебе доступ в Хранилище. Учись, дитя! Стань достойным возложенной на тебя миссии!

— Какой еще миссии?! — возопил дракончик. — Да что здесь вообще творится, дзенна в душу мать?!

— Узнаешь со временем, — невозмутимо ответил мертвый маг. — А теперь — прощай!

Ощущение чужого присутствия исчезло, изморозь испарилась. Проклятый призрак больше не откликался, как Стиг ни звал его. Однако стена, у которой замер ошарашенный дракончик, стала чем-то отличаться от остальных. Но чем? Цвет и фактура камня выглядят по-прежнему. Вспомнив слова мага об открытии прохода, он осторожно дотронулся до стены лапой. И лапа не встретила сопротивления!

Некоторое время Стиг стоял, набираясь смелости, а затем решительно шагнул вперед. В глазах на мгновение потемнело, и он оказался в большом зале, освещенном магическими светильниками, уставленном каменными стеллажами с бесчисленными свитками и фолиантами. Судя по виду, очень старыми. Зачарованный такими сокровищами, дракончик двинулся мимо стеллажей, забыв обо всем на свете. Да, библиотека однозначно древняя — он заметил книги только на дзенн-анн, драг-анн и квэнья. На человеческих языках не нашлось ни одной. Не люди их собирали, явно не люди.

Однако как отсюда выбираться? Стиг поискал выход, но вскоре понял, что такового не имеется. Решив не поддаваться панике, он принялся внимательно обследовать Хранилище. Раз его сюда пустили, то обязаны были предусмотреть также возможность свободного входа и выхода. Некоторое время дракончик бесцельно рыскал по древней библиотеке, а затем обратил внимание на стеллаж, возле которого появился в ней. Там, на третьей полке, лежали небольшой кулон и свиток, объясняющий, как попадать в Хранилище и покидать его.

Все оказалось очень просто. Существовали четыре так называемые точки контакта в укромных местах побережья Аноурской бухты. Даже карта ее нашлась. Старая, конечно, города на ней не было. Однако Стиг быстро понял, что одна из точек расположена шагах в трехстах от над-аноурского торгового порта. В скалах, куда даже ребятня редко забиралась, — ничего интересного там не было. Чтобы перенестись туда или обратно, нужно всего лишь произнести слово-активатор. Однако кулон телепортировал в Хранилище только магов Тьмы. В руках других он оставался бесполезным украшением.

Немного успокоившись, Стиг спрятал кулон в поясную сумку, где обычно носил разные нужные мелочи, и задумался. Один из Трех? Что имел в виду мертвый маг? И почему ничего толком не объяснил? Открыл хранилище — и тут же сбежал. Что все это значит? Слова о какой-то там миссии очень не понравились дракончику. Не собирался Стиг исполнять никаких миссий! У него своя жизнь. Да, он — маг Тьмы. От рождения. Однако это еще не означает, что он намерен стать ручной собачонкой этой самой Тьмы! Пусть простит Великая Мать, но Стиг сам, и только сам будет решать, что, как и когда делать. И никак иначе!

Но выяснить подробности все же следовало. И чем скорее, тем лучше! Необходимо четко понимать, что с тобой происходит, а то можно в такие дебри забрести... Дракончик тяжело вздохнул и начал осматривать полку за полкой, разыскивая хоть что-нибудь, что поможет ему понять. Долго искать не пришлось. На верхней полке того же самого стеллажа, на котором он нашел кулон, прямо посредине лежала одна-единственная рукописная книга. Стиг взял ее, удобно устроился на полу и принялся за чтение.

Как выяснилось, три Хранилища создали ценой жизни последние маги народа дзенн. Их души не ушли на

новое перерождение, а остались охранять знания Тьмы, чтобы они не достались врагу. Это случилось вскоре после уничтожения великого народа Церковью. Одно располагалось там, где сейчас находится империя Над, его и обнаружил Стиг. Второе — на одном из малых островов Срединного Архипелага. Третье — на материке Арбадон, в Ворамских джунглях. Однако это оказалось далеко не все! Три других черных мага, человеческих, хранили еще какое-то наследие древних и обязаны были передать это наследие Трем по первому требованию. Только вот кто эти самые Трое, и что они должны совершить, осталось неясным, в книге об этом почти ничего не было. Нашлась только легенда о том, что придет время и родятся три величайших за всю историю Танра мага Тьмы. За каждым последуют три мага послабее. Все вместе они станут чем-то непредставимым и вернут народ дзенн-анн-в'иннал из небытия. Никакой конкретики, чтоб им всем провалиться!

Стиг недоуменно дернул хвостом. Ну, какое ему дело до давно мертвых дзеннов, если разобраться? Жаль, конечно, уничтоженный невежественными и жестокими людьми мудрый народ, но тратить на его возрождение свою единственную и неповторимую жизнь? Нельзя сказать, что это умно. Был бы он дзенном, еще стоило бы подумать над этим. Но он — дракон! Поэтому ничем подобным заниматься не собирается. К сожалению, вскоре Стиг получил подтверждение, что действительно является одним из Трех. Как выяснилось, обычный маг Тьмы тоже не смог бы проникнуть в Хранилище. Только Трое могут приходить сюда, больше никто в мире. Так уж сплели свои предсмертные заклятия последние маги дзеннов.

Зато прояснилось кое-что, давно не дававшее Стигу покоя. Причина видений, в которых дракончик наблюдал за горестными или радостными моментами жизни

Ди Два-Варфа. Именно таким образом каждый из Трех наблюдал за своими ведомыми, которых в книге звали Девятью. Значит, этот дварф — тоже маг Тьмы, но еще не осознавший себя. И они связаны. Хочет Стиг того или нет, но он отвечает за Ди. Значит, придется приложить все силы, чтобы вытащить беднягу из рабства. Нелегкая задача, но вполне решаемая. Однако остальных двоих дракончик еще ни разу не видел. Что отсюда следует? А то, что с ними, наверное, еще не случалось ничего такого, что вызвало бы сильный всплеск эмоций.

Глухо выругавшись, Стиг задумался. То, что он один из тех, о ком существует древнее пророчество, совсем не радовало. У «героев» жизнь обычно тяжелая и очень короткая. Нет уж, пусть кто хочет исполняет это дзеннское пророчество, а его увольте. Только события могут повернуться и таким образом, что дракончику просто не останется иного выбора, его согласия никто не спросит — ведь на него обратила внимание сама Великая Мать, Тьма. У Стига до сих пор чешуя дыбом вставала при воспоминании о ее холодном, оценивающем взгляде. Так что, вполне возможно, никуда он не денется, не уйдет от своей судьбы. Но и сдаваться дракончик не собирался. Он будет бороться! Для этого придется стать сильным магом, постичь все, что есть в Хранилище, понять причины происходящего и постараться изменить неизменяемое. Обязательно найдется какой-нибудь выход!

Приняв решение, Стиг дотронулся до кулона и прошептал слово-активатор, мысленно назвав номер точки выхода. В глазах снова потемнело, и он оказался между тремя выветренными скалами. Светало. Невдалеке виднелись портовые пакгаузы, возле которых постепенно собирались грузчики. Все верно, вышел у порта. Запомнив, куда нужно стать, чтобы переместиться в Хранилище, Стиг одним прыжком взвился в небо и полетел до-

мой. Хоть пару часов поспать перед гимназией, а то совсем никакой будет.

С тех пор дракончик жил двойной жизнью. Оно бы и ничего, но перед друзьями стыдно было. Не хотелось от них ничего скрывать, а приходилось. После случившегося в поместье негоцианта Горвена он осознал множество важных вещей. А прежде всего то, что отныне и навсегда принадлежит Тьме — от зубов до хвоста. Лораллиэль же, Горта и Кирлана колотило от ненависти, если они слышали слово «Тьма», слишком хорошо помнили, что с ними собирались сделать ее служители. И не объяснишь ведь, что эти слепые дураки не имели никакого отношения к Великой Матери. Слушать не пожелают, сразу заподозрят неладное.

Еще Стигу очень не нравилось набирающее обороты с каждым месяцем сотрудничество между Конторой и Церковью — их однозначно связывало какое-то важное дело, которому недавние враги отдавали все силы, напрочь забыв о прежней вражде. Но какое дело? Это необходимо было выяснить, почему-то дракончик считал это крайне важным, хотя и сам не понимал, почему — какой-то внутренний зуд не давал покоя. Но за все два с половиной года, прошедшие с момента столкновения с магом смерти, он так ничего узнать и не сумел. Не представлял, что существует такой уровень секретности, и это сильно настораживало. Стиг однажды даже рискнул задать Вихрю вопрос с подковыркой, но тот ничего не ответил, только внимательно и подозрительно посмотрел на приемного сына. Дракончик сразу перевел речь на другое, но неприятный осадок в душе остался. Глава Конторы явно что-то об этом знал, но предпочитал помалкивать.

И Стиг взялся за учебу, взялся так, что света белого не взвидел. Как обычно, собравшие библиотеку дзенны позаботились о подробнейшем каталоге, где описыва-

лось все имеющееся, по темам и предметам. О многих науках дракончик раньше и понятия не имел, особенно о генетике, социально-экономической математике и межзвездной навигации. Как выяснилось, древние дзенны имели десятки колоний в других мирах — еще учитель истории в гимназии говорил об этом, но Стиг тогда пропустил его слова мимо ушей, слишком уж невероятно. Но это было, опять же, до того, как паскудные младоэльфы открыли Дорогу Миров. После отсечения Танра от остальной Вселенной связь с колониями была потеряна навсегда. Да и звездные корабли не могли теперь удаляться от планеты больше чем на половину светового года — дикого, по меркам Стига, расстояния. Он далеко не сразу разобрался в том, что дзенны подразумевали под световым годом. Книги ведь рассчитывали не на таких, как он, полудикарей, а на молодых магов и ученых древнего народа, имевших прекрасное образование.

По мере чтения и осмысления новой информации многое прояснилось. Стиг снова и снова сетовал на то, сколько же знаний потеряли жители родного мира. И во всем виноваты люди! Именно люди! Хотелось рвать и метать, без разбора перебить всех этих паскудных человеков. Но... Но тут Стиг вспоминал Кирлана, других своих приятелей, сотрудников и инструкторов Конторы, да просто горожан, живущих своей жизнью, и ярость сама собой утихала. Они-то в чем виноваты? Пусть даже их предки наворотили дел — но это предки, а не они сами! А ведь если дзенн-анн-в'иннал вернутся, они будут мстить. Невиновным мстить! После осознания этой истины Стигу стало по-настоящему страшно. Он представил, как пылают и рушатся города империи, а над ними медленно вздымается гигантская черная тень с двумя парами безжалостных глаз. Нет! Не будет этого! Слышите, древние?! Он, Стиг Тангерд, не допустит! Од-

новременно пришло на ум, что именно его дзенны избрали одним из трех исполнителей своего пророчества. Дракончик ехидно оскалился: как же! Не дождетесь! Однако знания лишними не бывают, и он продолжил изучать манускрипты из Хранилища.

Год назад произошло еще одно значительное событие. Стиг впервые увидел своего второго ведомого. Им оказался имперский гном-роваур из богатого и знатного рода Каменных Топоров, по имени Доури Ровур. Вот только гном совершенно нестандартный, не желающий иметь дела ни с камнем, ни с металлом, ни вообще с мастерством, не говоря уже о торговле. Его звал за собой в неведомое ветер странствий, грезились дальние плавания, чужие страны и экзотические острова. Он мог ночью выбраться из родных подземелий и часами стоять, мечтательно глядя в небо. Мог сочинять стихи и песни, над которыми потешался весь род. Да, Доури был посмешищем для сородичей, на него с хохотом показывали пальцами, но юный гном, обладая на редкость добродушным нравом, не обижался, сам смеясь над своими недостатками. Потому, наверное, до сих пор Стиг его и не видел — Доури никогда и ничего не принимал близко к сердцу. Однако когда его вызвали на совет рода и поставили ультиматум: забыть о своих странностях или идти на все четыре стороны — принял. Не ждал от родного отца такого предательства.

Стиг не слишком любил гномов, но от ответственности за ведомых никуда не денешься, это он уяснил себе четко и сразу. Поэтому провернул хитрую комбинацию, и вскоре семье Ровур из рода Каменных Топоров было отправлено предписание секретариата Службы Безопасности империи Над о срочной доставке в столицу для стажировки молодого Доури Ровура. Обошлось это дракончику очень дорого, пришлось три раза применять темные заклятия, слегка замаскированные

Вуалью Света. Но цена не имела значения! Сделал, только это и было важно. Через несколько дней Стига накрыло видение...

Доури пришел к отцу, позванный одним из старших братьев. Он уже несколько дней постепенно собирал дорожный мешок, решив уходить куда глаза глядят, — знал, что стать таким, как остальные гномы, не сможет. Неинтересно ему возиться с камнем или железом, как они этого не понимают?! Есть ведь множество иных, не менее нужных дел! Однако не понимают, просто не хотят понимать. От этого молодому гному было больнее всего. Однако отец встретил сына радостной улыбкой, а не недовольной миной, как обычно.

— Что же ты сразу не сказал, глупый мальчишка, что в Контору документы на стажировку подал?! — громогласно взревел старый гном, порывисто ступил вперед и облапил Доури.

— В Контору?.. — растерянно переспросил тот, хорошо зная, что никаких документов в столицу не отправлял. — Но...

— Поздравляю! — прервал его отец. — Ты принят! Первый из нашей семьи, хотя многие в юности пытались! Вот предписание срочно доставить тебя в столицу. Собирайся! Завтра утром — в дорогу. Я договорился со старшим караванщиком Торговой Гильдии, почтенным Гаури Нордом, он возьмет тебя с собой в Над-Аноур. И гляди мне там, не посрами чести рода Каменных Топоров и семьи Ровур!

Молодой гном застыл на месте, ошарашенно хлопая глазами и ничего не понимая. Ну, не подавал он заявления о стажировке в Службе Безопасности, даже не помышлял об этом! Что за чудеса, дзенн их разбери?! Однако сразу понял, что не воспользоваться выпавшим невероятным шансом глупо. Уж кто-кто, а оперативники Конторы по всему миру путешествуют, порой даже с

помощью телепортации, это знали все. Может, и ему удастся повидать иные земли? Узнать, что там — за горизонтом? Хорошо бы...

Сборы, поздравления родных, вечерний пир пронеслись мимо Доури, как дурной сон. Он никак не мог поверить, что это случилось с ним — изгоем, над которым вечно смеялись все вокруг. Давно уже он не решался ни с кем делиться своими мечтами и фантазиями, слишком хорошо знал, что за этим последует. Едкие насмешки. Однако сейчас все стало иначе — сам глава Каменных Топоров посетил пир и поздравил молодого гнома, пообещав ему всемерную поддержку на избранном пути. Мало того, передал рекомендательные письма самым богатым негоциантам столицы и банковский сертификат на огромную, по меркам Доури, сумму — пять тысяч золотых. Со словами, что гном древнего рода, служащий императору, не должен ни в чем нуждаться. И тоже потребовал не посрамить чести Каменных Топоров. Нереальность и невозможность происходящего сводили Доури с ума, слишком привык, что он никто и ничто. И что так будет всегда.

Еще одно не давало покоя. Ощущение, будто кто-то невидимый не сводит с него глаз. И смотрит одобрительно, хоть и немного покровительственно. Почему-то Доури казалось, что этот неведомый кто-то — дракон. Чушь, конечно, но он никак не мог отделаться от этих мыслей, хоть изо всех сил и гнал их от себя.

Далеко в столице его неверие вызвало у Стига грустную улыбку. У гнома все еще было впереди. И понимание, что именно дракон следил за ним. И невероятное известие, что он маг — первый из гномов за многие тысячи лет. И не просто маг — черный маг! Но сразу открываться Доури Стиг не собирался, пусть парень сначала немного пообвыкнет и оботрется в столице, начнет обучение в Конторе. Его обещал взять прежний настав-

ник дракончика — старший следователь Грыкх Хорбоган. А лучшего наставника, чем этот орк, не найти. По крайней мере, глупые иллюзии из гнома он выдавит быстро и навсегда.

Дорога от Роваурского хребта до западного побережья заняла больше месяца. По прибытии Доури в Над-Аноур его сразу взяли в оборот. Ошарашенный гном только глазами хлопал в попытках понять, что происходит. Однако много времени на размышления у него не оставалось — мастер Хорбоган свое дело знал хорошо и начал гонять нового стажера так, что тот вскоре взвыл и проклял все на свете. Только знаменитое гномье упрямство не давало ему сдаться и попроситься обратно домой.

Стиг предпочитал не показываться Доури на глаза, наблюдая издалека. Друзья удивлялись его интересу к судьбе незнакомого гнома из далекой Роваурской провинции, но списали это на чудачества черного дракончика, к которым давно успели привыкнуть. Однако начали внимательнее присматриваться к действиям Стига, и с каждым днем все больше настораживались: тот вел себя очень странно. У него появились собственные тайны, которыми он явно не собирался делиться с остальными. Это было обидно, ведь клялись доверять друг другу всегда и во всем, даже кровь смешали, став побратимами. Особенно поведение Стига не нравилось Кирлану, принц этого не показывал, но на всякий случай начал собственное расследование...

Стиг же тем временем не спеша разрабатывал способы вызволения Ди Два-Варфа из рабства. В таком деле спешить не стоит, можно хорошенько влететь. К сожалению, компромата на Леви Нерандера в закромах Конторы почти не нашлось — владелец самых больших верфей мира оказался на удивление осторожен и практически не оставлял следов своих незаконных опера-

ций. Пришлось озаботиться продумыванием провокации. Ловушку Стиг подготовил такую, что жадный негоциант в нее обязательно попадется, просто не сможет не попасться. А уж тогда...

Юный дракон осклабился в предвкушении — обожал, когда сволочи получают по заслугам. Как они визжат и корчатся, как умоляют и стараются обелить себя, крича, что ни в чем не виноваты, и оправдывая любые свои действия, даже самые омерзительные. Только не поможет, Контора всегда полагалась только на факты, более ни на что. Снова вспомнив, что в СБ ему не служить, что вскоре придется бежать куда глаза глядят, он помрачнел. Будь прокляты дзенны вместе со всеми их пророчествами! Какое ему дело до них?! Вся жизнь из-за них рушится...

А бежать все равно придется. Хотя бы потому, что в последние несколько месяцев всплесками темных заклятий заинтересовался архимаг, сумел уловить их отголоски, невзирая на Вуаль Света. Да и неудивительно — Армлания Колеха следовало уважать, мага сильнее него, если не считать самого Стига, на Танре просто не было. Да и Стига он легко сделает за счет огромных знаний и опыта. Если архимаг поймет, кто связан с Тьмой, то пощады от него ждать нечего. Не посмотрит, что это его личный ученик и приемный сын директора Конторы, с землей смешает. Вихрь повздыхает, но защищать Стига не станет. Или станет? Может, самому признаться?

Неожиданная идея заставила юного дракона задуматься. Он начал крутить ее так и эдак, обдумывая с разных сторон. Ведь должен же приемный отец понять, что Стиг не желает зла империи, совсем даже наоборот — готов жизнь за нее отдать! Да, он черный маг, но его вины в этом нет. Родился таким! Так за что же его убивать? Не лучше ли использовать? Однако по здраво-

му размышлению Стиг решил не спешить, но сделал зарубку в памяти. Вполне возможно, что стоит попробовать — уж с магом его уровня Вихрь не справится никоим образом. Если разговор пойдет плохо, уйти он сможет легко, набросив на отца парализующую сеть. Тем более что вплотную подошел к заклинаниям телепортации. Если их удастся освоить, то перед ним откроется весь мир.

Времени практически не осталось, скоро встреча с друзьями возле кабачка «Веселый сатир» на западной оконечности Над-Аноура, недалеко от торгового порта. Хорошо хоть, что выход из Хранилища тоже рядом, не придется нестись через весь город сломя голову. Юный дракон убрал на место книги и активировал телепортационный кулон, предварительно проверив, что в конечной точке никого нет.

Взмахнув руками, Стиг понял, что все еще в человеческом обличье. Глухо выругавшись, он быстро превратился в дракона и взметнулся в воздух.

В своей башне настороженно вскинулся Армланий Колех — снова кто-то применил замаскированное Светом заклятие Тьмы! В который уже раз! Однако, несмотря на все усилия, проклятый колдун оставался неуловимым, слишком хорошо маскировался. Ни одно поисковое заклинание не смогло отыскать его. Пожалуй, придется обратиться к Вихрю, пусть поищет своими способами. Оперативники Конторы не раз уже отлавливали черных магов. Можно будет еще попросить Итана бер Саана (с ним архимаг за последние два года сошелся накоротке и сильно зауважал этого необычного человека), чтобы прислал опытных Ищущих. Эти любого колдуна без проблем отловят и нейтрализуют.

— Привет! — Стиг опустился на мостовую рядом с дожидающимися его друзьями.

— Явился наконец, — недовольно буркнул Кирлан. — Где тебя носило, зараза крылатая?

— Ты бы еще часик погулял, — язвительно добавила Лоралиэль.

— Ну, извините... — смущенно повел крыльями дракон. — Виноват.

— Ладно, чего уж там, — поцокал копытами по камням Горт. — Пошли уже, жрать хоцца — сил нет! Столик я на веранде заказал.

В желудке Стига в ответ на эту тираду заурчало. Он и сам не прочь был основательно перекусить, последний раз ел вчера вечером, утром проспал, и на завтрак времени не осталось. Пришлось спешно хватать сумку и нестись в гимназию. Поднявшись на веранду кабачка, юный дракон удивленно дернул хвостом. Надо же, не зря это место так хвалили — даже для взрослых драконов места есть, не говоря уже о таких, как он, подростках в полтора человеческих роста. Меню порадовало еще больше — все, что душа пожелает. Правда, цены кусались, поэтому горожане невысокого достатка предпочитали кабаки попроще. Однако служащим Конторы, даже стажерам, платили вполне достаточно, чтобы столоваться здесь каждый день, не замечая облегчения кошелька.

Каждый заказал себе что-нибудь по вкусу. Заказ принесли на удивление быстро, только горячего пришлось немного подождать. Запеченные с овощами горные козлята оказались настолько вкусны, что Стиг едва не подавился, попытавшись проглотить слишком большой кусок мяса. Друзья не отставали, весело зубоскаля над огрызающимся Гортом, — как и все сатиры, мяса он не ел, обходясь овощами и салатами. Однако когда принесли роскошный огромный торт, все дружно накинулись на него, забыв о шутках.

— Фу-у-ух... — Кирлан откинулся на спинку кресла, с сожалением поглядывая на недоеденный кусок торта. — Да, теперь я наших понимаю. Ради такой кухни можно

и на другой конец города смотаться, дзенн с ним, со временем. Зато сколько удовольствия! Жаль, больше не лезет...

— И не говори... — согласился отдувающийся Стиг. — Надо же было так обожраться! Не знаю, смогу ли взлететь.

— Ладно, поели, пора и делами заняться, — стал серьезным принц, сатир и эльфийка поддержали его кивками.

— Это какими такими делами? — подозрительно уставился на них дракон. — Вроде мы на сегодня свободны...

— Да так, с тобой давно по душам поговорить хочу, — ехидно ухмыльнулся Кирлан. — Глянь-ка эту папочку. Чем ты все это объяснить можешь?

Он пододвинул Стигу принесенную с собой серую папку. Тот некоторое время смотрел на друга, затем открыл ее. После прочтения дракону стало не по себе — принц отследил почти все его комбинации по подготовке к освобождению из рабства Ди Два-Варфа. И мало того, что отследил, расписал все связи. Впрочем, ничего удивительного, у одного наставника обучались. Из Кирлана, похоже, растет хороший контрразведчик, тогда как сам Стиг скорее оперативник, точнее — оперативный координатор. Но что теперь делать? Друзья смотрят недоверчиво, даже обиженно. Куда ни ткнись, с их точки зрения, он неправ.

А что, если сказать полуправду? Пришедшая в голову идея была достаточно безумной, чтобы сработать. Признаваться в том, что он черный маг, нельзя. Ни в коем случае нельзя! Зато в том, что помогает дварфу и гному, — вполне! Тем более что только подготовку к этой помощи Кирлан и отследил, ничего больше.

— Договаривались же доверять друг другу, — принц с укоризной смотрел на Стига.

— Вы бы все равно не поверили, посчитали сумасшедшим... — неохотно пробурчал тот.

— А ты расскажи, там поглядим, — Кирлан сцепил руки под подбородком.

— Вот именно, расскажи, — поддержала его Лорали-эль.

— Ладно, — тяжело вздохнул дракон. — Понимаете, еще до того, как нас отловил черный маг, мне начали сниться странные сны о мальчике-дварфе с острова Тсорн, Ди Два-Варфе. Рабе на верфях некоего Леви Нерандера. Причем сны настолько яркие, что я сразу понял — это правда. Проверил через информационный отдел Конторы. Все подтвердилось. И верфи эти существуют, и такой малолетний раб на них есть!

— И что с того? — удивленно спросил Кирлан.

— Что?.. — ехидно осклабился Стиг. — А ты знаешь, каково живется рабам?! Я ведь ощущаю все горе и всю боль бедняги Ди, как свои собственные! А значит, обязан ему помочь! И наказать подонка Нерандера. Это такая тварь, что вы себе представить не можете! Он так над рабами издевается, что у меня слов нет.

— Но какое отношение к дварфу имеет гном, которого ты сюда вытащил? — Горт недоуменно теребил шерсть на морде.

— Он мне тоже снился, когда ему было плохо, — буркнул дракон. — Парня из дому собрались выгонять за то, что не такой, как все. Но с гномом проще было, он наш, имперский. Вот я и организовал ему вызов на стажировку, подделав кое-какие документы. И то, что Доури приехал, подтверждает — мои сны правдивы!

— Согласен, подтверждает, — задумчиво кивнул Кирлан. — Но подделка документов... В Конторе?! Ты соображаешь, что натворил?! Ты же служебным положением в личных целях воспользовался! Знаешь, что за такое бывает?..

— Да, воспользовался! — вскинулся Стиг. — А что мне было делать?! Скажи, что?!

— На твоем месте я бы тоже подделал, — тяжело вздохнул принц. — Но лучше бы ты нам все рассказал и помощи попросил, может, вместе придумали бы другой способ. Ведь если я докопался, то и наставник может докопаться. Что тогда?

— Может, — уныло согласился дракон. — Тогда мне кранты...

— Эх, дурья твоя башка! — в сердцах хлопнул ладонью по столу Кирлан. — Скажи спасибо, что у тебя друзья есть! Подчистил я за тобой хвосты. Только больше так не делай.

— Не буду... — понурился Стиг. — Но Ди мне все равно надо из рабства вытаскивать!

— Вытащим, — заверил принц. — Вместе и вытащим, не делая глупых и поспешных шагов. Давай, колись, чего ты еще успел наворотить, помимо того, что я нарыл.

— Не так и много... Постепенно готовлю разорение Нерандера. Через наших агентов среди тарских пиратов.

— Ох, ни дзенна ж себе! — схватился за голову Кирлан. — Да если ты их засветишь, тебе дед лично голову отвертит, и прав будет! Забыл, чего стоило Конторе вообще заслать на остров Тар агентов?! Как ты вообще о них узнал? Я сам знаю только потому, что дед рассказал, да и то двумя словами. Откуда ты взял их контакты, пароли и шифры? Без них ведь...

— У отца в сейфе порылся. — До Стига только сейчас дошло, что он едва не натворил.

— У отца?! — изумился принц. — А у него откуда?! Он же обычный тайный советник! Хотя погоди-ка...

Он прищурился и о чем-то задумался.

— Ой, блин... — простонал дракон, сообразив, что только что раскрыл друзьям тайну личности директора Конторы. — Ну я и придурок...

— Так вот, значит, кто у нас Вихрь... — довольно усмехнулся Кирлан. Лоралиэль изумленно приоткрыла рот, а Горт едва не свалился со стула от такого известия. — Хорошо спрятался, на самом виду. И не нервничай ты так, мы никому не скажем. Только знаешь...

— Что?

— Ну, ты и наглец... Рыться в сейфе самого Вихря? И мало того, пользоваться его агентурой для своих целей? Да уж, у меня бы духу не хватило...

— Деваться некуда было, — смутился Стиг. — Подсмотрел однажды, как отец сейф открывает, и запомнил код. Когда припекло, залез.

— Ну, ты даешь... — помотал головой Горт. — Чокнутый!

— Точно, что чокнутый! — возмущенно согласилась Лоралиэль. — Додумался тоже!

— А что было делать?

— Что угодно, только не это! — отрезал Кирлан. — И не бойся, вытащим мы твоего дварфа, раз он тебе так важен. Найдем способ. Рассказывай, что ты там придумал.

Вздохнув в который раз, Стиг коротко обрисовал план разорения Леви Нерандера и освобождения Ди. Ему было нестерпимо стыдно перед друзьями, страшно хотелось рассказать им все без утайки, но он не мог. Понимал, что черного мага они поддерживать не станут ни в коем случае. Но хоть какую-то часть рассказал, и то лучше, чем ничего.

— А что, неплохо, — одобрил принц, когда дракон замолчал. — Но придется обойтись без использования тарской агентуры, слишком рискованно. У меня есть на примете несколько толковых людей на Тсорне, они не откажутся подзаработать. Да, ты выяснил, Нерандер наступал кому-нибудь на мозоли? Имеются в виду богатые и влиятельные люди.

— Да он всем наступал, если считал, что останется безнаказанным, — скривился Стиг. — Говорю же, такая паскуда...

— А конкретно?

— Дома у меня есть подборка документов.

— Вот и надо, чтобы копии этих документов попали в руки заинтересованным лицам, — усмехнулся Кирлан. — Пусть заимеют на Нерандера зуб. Забыл основной закон коммерсантов? Падающего подтолкни. А уж если этот падающий раньше толкал тебя самого...

— Это мысль, — задумался Стиг. — Но этого мало.

— Мало, — согласно кивнул принц. — Поэтому слушай сюда.

Выслушав замысел друга, дракон огорченно зашипел сквозь зубы. И почему ему самому такое в голову не пришло? Как просто и элегантно, а главное, не надо использовать агентов отца, своими вполне можно обойтись — а агентов Стиг, как и каждый толковый стажер Конторы, за прошедшие годы завел немало. Прихватывал кого на чем. Особенно иностранных купцов — у этих господ всегда рыльце в пушку, важно вовремя заполучить компромат и прижать купца так, чтобы и пошевелиться без разрешения не мог. Один минус: для реализации плана принца нужны деньги, очень большие деньги — как минимум несколько миллионов золотых. А откуда их взять?

— Не беспокойся, — отмахнулся Кирлан, когда Стиг спросил об этом. — Я все-таки принц, к четырнадцатилетию дед подарил мне коды к нескольким счетам в самых крупных банках мира. Сказал, что могу распоряжаться средствами на них, как считаю нужным. Проверяет, зараза старая. Явно ждет, что я приумножу семейное состояние. А с Нерандера можно немало поиметь.

— Это, если твой план сработает, — озабоченно почесал рог Горт. — А я вот не уверен в успехе, слишком

много случайностей должно сыграть в нашу пользу. Можно, наоборот, свои деньги потерять. Что тебе тогда дед скажет?

— Не потеряем, — возразил принц. — Главное, не лезть на рожон и продумывать каждый шаг до мелочей. Тогда Нерандер обязательно сунется в ловушку, просто не сможет не сунуться — слишком жирный кусок, негоцианты такого не упускают. Так что никуда он не денется, разорим.

— Послушайте, а почему сразу разорять? — возмутилась Лоралиэль. — Что вам сделал этот Нерандер? Давайте просто выкупим Ди вместе с семьей и привезем в империю. Здесь хорошим корабелам будут рады.

— Ты думаешь, он продаст? — скептически оскалился Стиг. — Я уже раз пять разными способами пытался выкупить. Куда там! Рогом уперся!

— И все же надо дать человеку шанс! — упорствовала эльфийка. — Последний! А потом уже идти на крайние меры.

— Последний шанс, говоришь? — прищурился Кирлан. — Ладно, дадим. Это будет даже интересно. И я знаю, кому поручить навестить Нерандера.

В последний месяц вокруг «Верфей Нерандера» началось какое-то странное шевеление, что владельцу компании, понятно, сильно не нравилось. Однако что это за шевеление и кто в нем заинтересован, Леви узнать так и не смог, все его шпионы только разводили руками. Взятки должностным лицам Тсорна тоже ничего не дали. Никто ничего не знал. Но Нерандер печенкой чуял, что надвигаются большие неприятности. Какие? Откуда? Никакой достоверной информации не было. Мало того, многие богатые люди, до того называвшие себя его друзьями, вдруг отвернулись и прервали с негоциантом все контакты. Почему? Узнать о махинациях Ле-

ви они никак не могли, концы надежно упрятаны в воду, вместе с людьми, участвовавшими в деле.

— Господин Нерандер, — прервал размышления хозяина голос секретаря, молодого человека с прилизанными волосами, вызывавшими у Леви брезгливость. — К вам посетитель.

— Никого не принимаю сегодня, — буркнул негоциант. — Гони в шею!

— Его такие люди рекомендовали...

— И какие же? — скептически приподнял брови Леви.

Секретарь назвал несколько имен. Негоциант с досадой выругался — посетителя с такими рекомендациями хочешь не хочешь, а придется принять: игнорировать желания этих людей глупо — не забудут и не простят. Что ж, надо узнать, чего ему надо. А услышав, как зовут гостя, Леви насторожился еще больше. Кори Дорвет, известный всему Тсорну кризисный посредник. Он вступал в дело, когда война между торговыми домами доходила до открытой резни, что было не по вкусу совету негоциантов острова — по их мнению, все конфликты должны решаться тихо, чтобы не привлечь внимания сильных стран, для которых захватить Тсорн — раз плюнуть. Дорвет брал за свои услуги очень дорого, но дело знал. Год назад ему даже удалось помирить дом Ровага с домом Морета, что все вокруг считали совершенно невозможным — слишком много крови стояло между этими домами. Однако посредник своего добился, война прекратилась, каждый в чем-то уступил, в чем-то выиграл. Вот только Дорвет приходил к кому-либо в самых крайних ситуациях. Неужели кто-то собирается объявить дому Нерандера торговую войну? Но кто?! Никому из опасных людей вроде бы не становился на дороге.

— Зови! — хрипло каркнул Леви.

На пороге кабинета появился высокий худой человек в прекрасно пошитом сюртуке из фалнорской чер-

ной шерсти, что сразу говорило о высоком уровне доходов. От оценивающего взгляда льдисто-серых глаз гостя Нерандеру стало не по себе. На память пришли слухи о Дорвете. Поговаривали, что он не только кризисный посредник, а некто значительно больший. Что разорение многих недавно обанкротившихся домов — его рук дело. Однако доказать никто и ничего не смог, слухи остались слухами. Да и связываться с этим человеком решался мало кто. Он содержал целую армию хорошо вооруженных головорезов. Для чего? Опять же неизвестно.

— Здравствуйте, господин Нерандер, — наклонил голову гость.

— Добрый день, господин Дорвет, — встал хозяин. — Садитесь.

— Благодарю, — посредник опустился в кресло. — Мне поручено переговорить с вами по очень важному для моего нанимателя вопросу. Прошу учесть, что от вашего ответа будет зависеть очень многое.

— Слушаю вас.

— Так вот, — заговорил после недолгого молчания Дорвет. — Мой наниматель просит вас продать ему семью Два-Варф. Цена — любая. В разумных пределах, естественно.

От возмущения Леви не сразу нашелся, что сказать. Ему давно надоели чьи-то попытки выкупить строптивых мастеров, в свое время они сильно наступили ему на мозоль, и негоциант поклялся, что отплатит. И отплатил! Превратил жизнь дварфов в кошмар. Однако поганые твари так и не стали покорными рабами, несмотря ни на какое давление! Работают хорошо, но осмеливаются сохранять чувство собственного достоинства. Это приводило Леви буквально в неистовство. И продавать мастеров, пока окончательно их не сломает, он не собирался. Дело было уже не в деньгах, а в принципе.

Дварфы должны знать свое место! Хотелось высказать все, что он думал по этому поводу, но ссориться с Дорветом? Глупо. Он всего лишь посредник.

— А чьи интересы вы представляете? — осторожно поинтересовался Леви.

— Мой наниматель предпочитает остаться неизвестным, — в намеке на улыбку приподнял уголки губ Дорвет.

— Пусть так, — взгляд негоцианта потяжелел. — Но дело в том, что эта семья не продается. Ни за какие деньги.

— Что ж, это ваш выбор, — безразлично пожал плечами посредник. — В случае такого ответа мне поручили передать вот что: вам давался шанс избежать всего последующего. Вы им не воспользовались, поэтому не обессудьте. Засим позвольте откланяться. Свою миссию я выполнил.

— Всего хорошего, — холодно попрощался Леви.

Проводив взглядом скрывшегося за дверью Дорвета, он задумался. Итак, кто-то неизвестный объявил дому Нерандера войну. И из-за чего? Из-за нескольких дварфов? Чушь полная! Дварфы только повод. Неизвестный враг явно знал, что эту семью Леви не продаст никогда, вот и выставил их продажу основным условием примирения. Знать бы еще — кто это. Однако из Дорвета имени не выдавишь, тайны нанимателей он никогда не выдаст, потому и имеет столь высокую репутацию. Надежен, как гномий банк. Придется внимательно следить за всем происходящим, может, удастся отследить, чей дом первым начнет финансовую атаку. Хуже, если против него объединились несколько домов, тогда справиться будет нелегко. Но Леви не особо беспокоился — такую махину, как «Верфи Нерандера», просто так с места не сдвинуть, нужны огромные деньги и еще большее влияние на Тсорне. Ему благоволит совет негоциантов, так что пусть враги пытаются что-нибудь сде-

лать. По этим попыткам он быстро поймет, кто они, а затем ударит в ответ. Да так, что от них только перья во все стороны полетят.

Среди негоциантов острова Тсорн постепенно воцарялось недоумение. Кто-то неизвестный неожиданно вбросил на рынок огромные средства, начав покупать и перепродавать компании, тасуя их по какому-то только ему известному принципу. Многие пытались выяснить, откуда поступают деньги, но банкиры хранили загадочное молчание. Никто, впрочем, и не надеялся, что гномы что-нибудь скажут, за это их и ценили. Хотели узнать что-то через другие источники, но тоже ничего не вышло — неизвестные жестко рубили хвосты, и несколько самых любопытных поплатилось головами. Их убрали тихо и незаметно, одним прекрасным утром они просто не проснулись. Стало только известно, что деньги пришли из заграничных банков. Как бы не из имперских, доверие к которым на Тсорне было абсолютным. Однако кое-кто поговаривал о Фалноре и Крон Аринтаре. Какое-то отношение к неизвестным имел также Кори Дорвет, но его расспрашивать было еще более бесполезным делом, чем трясти гномов. А угрожать кризисному посреднику, помня о его зловещей репутации, не решился никто.

Хуже всего, что большинство перекупленных компаний тут же перепрофилировали, а многие вообще ликвидировали. Рвались налаженные связи, прекращались поставки, рос вал неплатежей по векселям. А кто-то тут же скупал по дешевке эти непогашенные векселя. Опять же через контору Дорвета. Через два месяца на остров почти прекратились поставки корабельного леса, медной и железной руды, угля и продовольствия, что вызвало на местной бирже панику. В результате всего этого несколько крупных компаний вскоре объявили о

банкротстве, среди них оказались и верфи основного конкурента Леви Нерандера, Дори Хорнета.

Сам Нерандер пока держался, однако и ему пришлось вывести немало средств в актив и выдать множество краткосрочных векселей, которые негоциант надеялся погасить после получения оплаты за новую партию почти достроенных кораблей. Он не знал, что каждый его вексель тут же выкупается людьми Дорвета за полуторный номинал. Кредиторы охотно продавали, радуясь нежданной прибыли. Не знал он и того, что большинство контрактов на строящиеся корабли тоже перекуплено. Разными компаниями. Что их связывало? Вряд ли кто-нибудь из островитян сумел бы ответить на этот вопрос.

Несмотря на неблагоприятную ситуацию, остаться в стороне, когда с молотка пошли соседние верфи, Нерандер не смог. Слишком уж лакомый кусок. Да, придется влезть в долги, зато контракты Хорнета достанутся ему, а это до сорока кораблей в месяц — огромные деньги. Тем более что до схода со стапелей около полусотни судов осталось всего две недели. Можно и рискнуть.

На состоявшемся вскоре аукционе Леви Нерандер приобрел верфи Хорнета. Заплатил дорого, так как нашлись другие желающие, и перебить даваемую ими цену оказалось непросто. Но дело того стоило, он стал практически монополистом на Тсорне и мог диктовать свои условия заказчикам. Четырехмачтовых грузовых ландеров здесь не строил больше никто, а торговые компании предпочитали именно их из-за вместительных трюмов.

Однако негоциант недолго радовался своему приобретению. Через неделю на его верфях случился пожар, в результате которого сгорели почти все достроенные и большинство недавно заложенных кораблей. На обеих верфях. На следующий же день все до единого вла-

дельцы сгоревших судов, заплатившие в свое время аванс, составляющий обычно до половины стоимости корабля, подали рекламации в совет негоциантов. Одновременно Кори Дорвет выставил к оплате векселя Нерандера на огромную сумму. Негоциант с ужасом осознал, что угодил в хорошо подготовленную ловушку. Наниматель Дорвета сдержал свое слово и разорил его. Леви вертелся как угорь на сковородке, пытаясь добиться отсрочки выплат, но никто ждать не пожелал. Мало того, кредиторы с радостью продали Дорвету остальные его векселя, срок выплат по которым еще не пришел. Всего за половину номинала — понимали уже, что большего с обанкротившегося негоцианта не получишь.

Нерандер продержался на плаву еще месяц, он судорожно пытался справиться с навалившимися бедами, однако не сумел — слишком велика оказалась сумма долга. Вскоре на совете негоциантов он вынужден был объявить о своем банкротстве. Все имущество «Верфей Нерандера» пошло с молотка, в том числе — и их бывший владелец: на острове Тсорн другой судьбы для банкротов не предусматривалось.

Прикованный к рабскому столбу, Леви обреченно следил за торгами. Как он и ожидал, его бывшую компанию приобрел Дорвет. И явно не для себя, у него таких денег отродясь не водилось. Новые владельцы сохранили инкогнито, известно было только, что они из империи, поскольку Дорвет позавчера объявил себя представляющим интересы недавно зарегистрированной в совете негоциантов компании. Зарегистрировали ее четверо граждан Нада, оставшиеся неизвестными. Точнее, совет негоциантов знал, кто они, иначе регистрация не прошла бы, но коммерческая тайна есть коммерческая тайна. За ее разглашение пришлось бы заплатить слишком много, поэтому секретари совета как

воды в рот набрали. Однако всем негоциантам острова было не по себе. Им окончательно стало ясно, что на остров пришла империя. И уже не уйдет. Каждый четко осознавал, что скоро здесь все изменится, везде, где появлялись имперские капиталы, Над устанавливал свои порядки. Быстро и без лишних разговоров. Никто больше не удивлялся разорению Нерандера. Раз он встал на пути имперцев, то еще легко отделался. Кое-кто даже подозревал, что к его банкротству приложила руку всемогущая Контора. Но, естественно, предпочитал держать свои подозрения при себе. С этой страшноватой организацией лучше не связываться, чревато.

— А я ведь вас предупреждал, — донесся до Леви голос Дорвета. — Вы могли легко избежать всего этого.

— Да ну?.. — с трудом поднял он голову. — Не смешите меня. Какое отношение имеют эти паскудные дварфы к моему банкротству?

— Самое прямое. Меня просили напомнить вам о нарисованном кораблике.

— Кораблике?.. — растерялся бывший негоциант.

— Который мальчишка-дварф нарисовал на стене, — любезно пояснил Дорвет. — Вспомните, что вы с ним за это сделали. И не обессудьте. Вас ждет то же самое. Мне поручено продать вас в Тирхомские рудники.

— Тирхомские рудники?! — Леви затрясло от ужаса, уж кто-кто, а он знал, каково живется рабам на этих страшных рудниках.

— Именно, — холодно усмехнулся посредник. — Причина? Ваше отношение к рабам. Тот самый кораблик. Испытайте теперь на своей шкуре, что это такое. Помимо прочего, наниматель попросил меня заплатить надсмотрщикам, чтобы они устроили вам ад на земле. Я заплатил. Вам все ясно, господин Нерандер?

Негоциант ничего не ответил, он глухо завыл от отчаяния. Сказать ему было нечего. Дорвет удовлетворенно кивнул и отошел. Он сделал все, что ему поручили.

Галеон неспешно приближался к гавани. Ди застыл на носу, глядя на незнакомый берег впереди и пребывая в растерянности. Никто не гнал его отсюда! Да и вообще, всю дорогу к их семье относились не как к рабам, а как к обычным пассажирам. Даже каюту выделили, а не заперли в трюме! Это вообще ни в какие ворота не лезло, дварфы ничего не понимали. Происходило что-то странное.

Когда рабы узнали, что Нерандер разорился и верфи купил кто-то другой, они только плечами пожали и высказали робкую надежду, что новый господин будет не так жесток. Однако на следующий день семью Два-Варф по приказу этого самого нового господина доставили в порт и посадили на галеон под ксанирским флагом. Они не ждали от этого ничего хорошего — давно разучились верить в лучшее. Но относились к ним неплохо, кормили от пуза, не били. Мало того, разрешили свободно ходить по кораблю.

Оглянувшись, Ди заметил, что к отцу подошел капитан, и тоже поспешил туда. Кажется, начинается что-то интересное...

— Добро пожаловать в империю Над, господин Два-Варф! — широко улыбнулся капитан.

— В империю?! — полезли на лоб глаза отца Ди. — Но это значит...

— Именно! В империи рабства нет. Вы свободны! Вас не купили, а выкупили.

— Кто?!

— Выкупивший пожелал остаться неизвестным, — развел руками капитан. — Кстати, могу сообщить, что вас встречают владельцы самых крупных верфей Над-Аноура. Они каким-то образом узнали, что знаменитые братья Два-Варф перебрались в Над. Вон, ждут. Приготовьтесь, сейчас начнут напропалую предлагать лучшие условия, только чтобы вы к ним пошли работать. Здесь

корабелы вашего уровня на вес золота ценятся. И никогда не бедствуют!

— Не бедствуют... — едва слышно повторил пожилой дварф, не вытирая стекающих по щекам слез.

Ди слушал слова капитана и никак не мог поверить. Но гавань, над которой гордо реял флаг империи, становилась все ближе. Значит, правда! Ведь в Наде действительно нет рабства! Выходит, он больше не раб?! Он — свободен?! Юный дварф поднял глаза к небу и радостно рассмеялся. Жизнь внезапно повернулась к нему совсем другой стороной. Как жаль, что выкупивший их семью остался неизвестным — очень хотелось ему в ноги поклониться. Но Ди выяснит, кто это был. Когда-нибудь выяснит. Он поклялся в этом себе самому.

Борт галеона коснулся причала, матросы набросили канаты на кнехты, а затем опустили сходни. Семья Два-Варф, все еще не веря в происходящее, ступила на землю империи Над.

С недалекой крепостной башни за дварфами удовлетворенно наблюдали Стиг, Кирлан, Горт и Лоралиэль. Они сумели добиться всего, что хотели! Освободили семью Ди и наказали жестокого негоцианта. Нелегко это далось, но друзья справились. И поняли, что отныне готовы к любому, даже самому сложному делу. Особенно если будут вместе. Вместе ведь и горы свернуть можно!

* * *

Дни шли за днями. Елена по-прежнему много читала и занималась с травами. Ведь сколько всего нужно было узнать, запомнить и разложить в памяти по полочкам. А что самое странное, еще никогда девочка, нет, впрочем, уже девушка, не жила так полно. Так интересно и захватывающе. Но весной, когда Елене исполнилось че-

тырнадцать, умерла баба Марта. Она была еще крепкой на вид старушкой, когда вдруг почувствовала, как что-то укололо в сердце.

— Пойду-ка полежу, отдохну немного, — сказала она ученице, которая готовила отвар из трав.

Когда Елена зашла в комнату, старая травница была уже мертва.

Девушка тяжело переживала эту утрату, успев привязаться к доброй старушке. С помощью магии она быстро установила причину смерти — инфаркт. Опять возникло осознание своего полного бессилия. Он могла бы спасти травницу, если бы... если бы почувствовала болезнь раньше. Елена ведь знала, как можно предотвратить подобное. Читала об этом. Но болезнь прошла мимо ее зрения. Она просмотрела начало болезни! Прохлопала глазами. Но если бы Марта сказала тогда, что плохо себя чувствует...

Варфоломей бросил последнюю лопату земли на свежий холмик, приладил деревянный крест и тактично ушел, оставив девушку одну.

С тех пор Елена еще настойчивей взялась за учебу. Требовала от отца все больше и больше книг. Все чаще и чаще Варфоломей вынужден был ездить по ее заказам. Он ездил, порой удивляясь, что так трепетно относится к любому капризу воспитанницы, которую почитал за родную дочь. Но далеко не всегда удавалось достать то, за чем ездил... Сложность была еще и в том, что часто девушка просила его купить новую книгу, о которой услышала недавно. Варфоломей ехал за ней, и тут оказывалось, что книга уже внесена Инквизицией в список запретных. Это особенно бесило юную целительницу. В такие дни к ней лучше было не подходить.

— Невежды!!! Тупые невежды!!! — повторяла девушка, вышагивая по комнате. Отец и мать следили за ней настороженными взглядами. К таким вспышкам они дав-

но привыкли. — Подумать только, эти идиоты запретили книгу Светозара Олнийского! А ведь этот человек — единственный, кто серьезно занимался проблемой туберкулеза. Ха, они заявили, что книга противоречит вере! А на то, что метод Светозара спас множество жизней, им плевать! Ну конечно, ведь именно это опровергало догмы этих тупиц! Они предпочли спрятать опровергающие их улики, но не изменить догмы!!! Невежды, тупицы, идиоты!!!

Чтобы успокоиться, Елена отправилась в свою комнату, где лежали анатомические атласы, которые рисовала сама. Из-за ее собственных исследований организма с помощью магии атласы были столь подробны и точны, как ни у одного из ученых. Сама девушка, впрочем, об этом и не подозревала... В своем увлечении она не замечала, что родители все чаще и чаще поглядывают на нее с тревогой. Тревогой, усиливающейся с каждым днем. Все чаще по ночам в комнате отца с матерью горел свет, и слышались слова молитвы. Но Елена не обращала на это внимания, живя в своем собственном мире. Поэтому для нее оказалось полным сюрпризом, когда отец заговорил с ней о родственниках, живущих в Корграде.

— Ты о чем это, пап? — не поняла Елена.

— Я говорю, что нехорошо получается. Мы уже почти пятнадцать лет не были у них. Недавно вот письмо получил. Приглашают в гости. Хотят тебя увидеть.

— Но папа, мои опыты...

— Ничего с твоими опытами не случится! А вот тебе самой стоит немного попутешествовать, развеяться, так сказать. Посмотреть мир. Раньше-то мы не хотели тебя брать, мала еще была. А сейчас тебе уже скоро пятнадцать исполнится. Да и посмотришь, как я деньги зарабатываю... не помешает.

Последние слова были ошибкой, это Дионисий понял сразу.

— Что? — яростно вскинулась Елена. — Опять ты за старое? Папа, я не хочу заниматься торговлей! Как ты не можешь этого понять?

— Но ведь на твои опыты нужны деньги, — купец попробовал зайти с другой стороны. — А это дело поможет тебе их получить. К тому же я тебя не заставляю. Просто посмотришь, а заодно и родню навестишь. Через полгода в Корград как раз идет мой караван, тогда и отправишься. А то ведь нехорошо. Твои бабушка с дедушкой ни разу не виделись с внучкой.

Это действительно было нехорошо, с чем Елена нехотя согласилась. Если бы не это обстоятельство, никогда бы отцу не удалось убедить дочь отправиться с караваном и бросить свои дела.

— Ладно, — сдалась наконец девушка после долгих препирательств. — Я все понимаю.

— Вот и умница! — обрадовался Дионисий.

Подготовка несколько затянулась, и караван был готов к выходу только спустя десять месяцев. Так что отправились в путь всего за несколько дней до дня рождения Елены. Это значило, что свое пятнадцатилетие она встретит в пути, хотя до этого планировалось отпраздновать этот знаменательный день уже в Корграде.

— Да не переживай ты, — успокаивал дочь Дионисий. — Не было бы у тебя больших бед!

Он был оживлен и весел, собираясь в дорогу. Рядом суетилась жена, так как чуть ли не впервые в жизни отправлялась вместе с мужем, чему была очень рада. Проверяя, все ли она взяла, Варфоломей упаковывал последние тюки. Сам Дионисий отправился к людям, которых он нанял присматривать за домом в их отсутствие, дать последние напутствия.

— Все взяли? — поинтересовался он у семьи, возвратившись.

— Да, папа, — отозвалась Елена, проверяя свою сумку.

Несмотря на давнишнее нежелание ехать, сейчас девушка испытывала странное возбуждение. Ей даже казалось, что доброжелательная сила, которая с рождения следила за ней, была почему-то очень довольна этой поездкой. В чем-то поездка соответствовала ее, силы, планам. Хоть это и не совсем нравилось Елене, не привыкшей, чтобы что-либо тянуло ее на поводке, но она и сама уже хотела повидать новые места, новых людей. Узнать что-то иное, недоступное прежде. Ну вот, пора отправляться...

— Тогда в путь. — Дионисий махнул рукой караванщикам.

Сам караван был не слишком большой. Два десятка мулов с поклажей и пятнадцать человек охраны. Погонщики защелкали кнутами, и мулы начали покидать двор дома. И никто в этот момент не подозревал, что караван отправился не просто в торговый путь. Нет, этот караван отправился навстречу самой судьбе...

Итарв в приподнятом настроении вошел в город Символ Веры на побережье Студеного моря. Здесь он планировал сесть на корабль и отправиться дальше, навстречу своей судьбе, даже не подозревая, что та уже сделала свой выбор.

Городишко, носящий гордое название Символ Веры, не вызвал у сатира ничего, кроме омерзения. Он не понимал, как люди могут жить среди этих вонючих груд гниющей рыбы. Да, город кормится рыбой, но зачем же сваливать ее в кучи посреди улиц? Неужели обязательно разводить такую грязь? Не понимал сатир, даже будучи полностью сыном своего разгульного и безалаберного народа, как так можно. Неужели людям самим не про-

тивна эта постоянная вонь и гнилая рыбья требуха под ногами?

Итарв поморщился и быстро отыскал взглядом трактир. За годы странствий по свету он научился находить такие заведения с лету. Пересчитав сбережения, сатир радостно оскалился и зашагал вперед.

Трактир встретил его гомоном голосов, которые моментально смолкли, стоило ему появиться там.

— Ого, козел пожаловал! — воскликнул кто-то.

— От козла слышу, — буркнул Итарв себе под нос, благоразумно не повышая голоса.

Трактирщик при виде сатира радостно ухмыльнулся. В свое время он жил неподалеку от резервации козлообразных и успел неплохо изучить этот народец. Они обычно не уходили из-за стола до тех пор, пока у них в кармане оставались хоть какие-то деньги. При этом грязный и потрепанный вид сатира ничуть не ввел трактирщика в заблуждение. Прекрасно знал, что эта публика может экономить на всем, кроме выпивки. Поэтому даже очень богатый сатир может ходить в таком рванье, что не наденет самый небрезгливый нищий.

Едва сатир опустился за стол, как трактирщик тут же поставил перед ним кувшин вина. Итарв раздраженно дернул плечом. Нет, не потому, что ему чем-то не угодили, а именно потому, что угадали его желание. В свое время он от этого и сбежал из резервации. Его постоянно раздражала проницательность остальных разумных существ. Стоило Итарву Су-Скабу где-нибудь оказаться, как каждый норовил тут же поставить ему кувшин с вином. Сначала это забавляло, но постепенно стало раздражать. Неужели нигде к сатирам не относятся нормально? Сейчас он завидовал даже драконам. Этих тварей Церковь боялась. Боялась и ненавидела, потому и уничтожала. К сатирам же... Да-с, к сатирам все относились с пренебрежением, если не сказать с презрением.

Даже Церковь, этот известный ксенофоб, позволила сатирам жить в Фалноре и свободно по его территории передвигаться. Сначала он не понимал почему. Но однажды, когда Итарв был моложе, он подслушал разговор двух инквизиторов. Один спрашивал, почему не трогают сатиров, а другой объяснял.

При этом воспоминании сатир скрипнул зубами и быстро хлебнул из кувшина, чтобы забыть жгучее чувство стыда, которое испытал, услышав ответ. Тот инквизитор объяснил, что сатиров не трогают для примера. Их держат, как животных в зоопарке, только без клетки, чтобы все смотрели на них и видели, как нельзя себя вести, не то станешь сатиром. С тех пор Итарв твердо решил уйти. Уйти в надежде доказать, что не все сатиры столь презренные существа. Он мечтал добиться уважения для своего народа. Но быстро понял, что это не так просто, как казалось. Залил горе вином, а дальше все покатилось как обычно...

— Они правы! — повторял в такие минуты Итарв. — Все они правы! Сатиры самые жалкие существа в мире! И я тому доказательство! — И заливая горе, он пил. Пил так, что горе не успевало вырваться наружу.

Вот и сейчас он собирался залить свое горе. Залить унижение своего народа. Хотя и прекрасно понимал, что виноваты сатиры в таком отношении к себе только сами. Никто ведь не заставляет их вести разгульную и бесполезную жизнь. Просто так уж сложилось за поколения и поколения... Итарв очень бы хотел изменить это, но пока не мог справиться даже с собой.

В трактире тем временем возобновился гам. На сатира перестали обращать внимание. Но трактирщик прекрасно знал, что это дело временное... На трезвого сатира еще можно не обращать внимания. А вот когда сатир пьян, это уже проблематично.

Как трактирщик и ожидал, после второго кувшина

сатир затянул какую-то песню. Довольно веселую, надо признать. Да и пел неплохо. Люди примолкли, обернулись. Кто-то стал подпевать. Трактирщик усмехнулся. Вот так всегда. Стоило где-то появиться сатиру, как там тут же начиналась гулянка. Через десять минут козлообразный был уже в центре всеобщего внимания. Он что-то рассказывал, сам смеялся над своими довольно похабными шутками. Слушатели ржали вместе с ним. Немногие присутствующие дамы краснели, что вызывало новые шутки сатира в их адрес и чрезвычайно нравилось остальным. В общей суматохе никто не заметил трех мрачных типов, которые вошли в трактир, сели в сторонке и стали хмуро наблюдать за происходящим. Вскоре один из троицы махнул своему спутнику и, когда тот нагнулся, показал рукой на одного из посетителей, который только что засмеялся очередной скабрезности сатира.

— Вот он, — сообщил он. — Этот недоносок осмелился захапать больше, чем ему положено. Такого прощать нельзя.

Его спутник прищурился.

— Сейчас? — спросил он.

— Чуть позже. Хорошо бы в драке.

Два человека переглянулись и кивнули друг другу. Через мгновение они уже присоединились к компании и вскоре весело хохотали над шутками Итарва. Мало кто видел, что они изредка бросали взгляды в сторону одного из посетителей в простой рыбацкой одежде. Неожиданно один из вошедших резко выбил стул из-под какого-то пьяного человека, тот не разобрался и заехал в челюсть ни в чем не повинному соседу. Через мгновение вспыхнула драка.

Сатир замолчал и стал философски наблюдать за боем. Его он никоим образом не касался. Сейчас он был целиком поглощен своим кувшином, и поэтому не ви-

дел, как один из недавно вошедших придвинулся к человеку, на которого троица обратила внимание по приходе. Вот он закрыл своим телом его ото всех, вот резко дернул рукой. А когда отошел, рыбак рухнул на пол. Убийца аккуратно вытер нож, махнул своему спутнику и быстро вышел. За ним покинули трактир и они. В общей суматохе никто не обратил внимания на это происшествие. Когда ворвалась стража, то обнаружила одну драку и один труп. Офицеру разбираться в этом деле совершенно не хотелось, поэтому он велел схватить всех драчунов. Арестовали и сатира.

Сам Итарв в этот момент находился на вершине блаженства, потягивая вино. Он немного посопротивлялся каким-то людям, которые хотели его куда-то увести. Получил по шее и примолк. Однако категорически был против того, чтобы у него отобрали кувшин. Он начал тонко повизгивать и даже попытался кого-то боднуть своими рожками.

— Да оставьте вы ему этот кувшин! — раздраженно бросил офицер.

С этим сатир был полностью согласен и сопротивляться тут же перестал. Продолжая отпускать сальные шуточки, он зашагал за солдатами. Так его и бросили в тюрьму вместе со всеми. Но он этого уже не видел...

Итарв медленно открыл глаза. Что было вчера, он помнил смутно. Вспоминалось только, что что-то произошло. Сатиры не страдали похмельем — такова была одна из особенностей их организма. Вполне возможно, что именно она и сделала их такими пьяницами. Поэтому Итарву удалось очень быстро восстановить все, что случилось вчера, и понять, в какую переделку он угодил. Вряд ли стража будет разбираться, кто виноват, а кто нет. Итарв застонал.

— Вот же влип... — прошептал он.

Скрипнула дверь.

— А ну, на выход, мразь! — потребовал кто-то, открыв решетку.

Люди задвигались. Стали неуверенно подниматься и выходить. Итарв поколебался, но решил, что качать права сейчас абсолютно бессмысленно.

Арестованных привели в какое-то просторное помещение и заперли в железной клетке. Отворилась боковая дверь, и в помещение вошел человек в черной мантии судьи с добрыми-добрыми глазами. Он ласково оглядел арестованных и прошел на свое место. Сокамерники сатира издали отчетливый стон. Некоторые побледнели.

— Эстан, черт бы его побрал. Нам хана, — прошептал кто-то. Сатир этого не понял. Ему судья понравился.

Судья еще раз оглядел своими добрыми глазами арестованных и повернулся к офицеру:

— В чем обвиняют этих милейших людей, почтеннейший?

Офицер зло зыркнул на арестованных:

— В нарушении общественного порядка, драке и убийстве.

— Ай-яй-яй, — покачал головой судья. — Как нехорошо получилось. Как же вы так, мальчики? Ну, понимаю, нарушение порядка. Размяться захотелось, с кем не бывает. Но зачем было убивать раба божьего?.. Кстати, кого убили, почтеннейший?

— Рыбака Джонатана, ваша милость.

— О, милейший человек. Как же вы могли так поступить, мальчики?

— Ваша милость, — вскочил Итарв, — но мы, честное слово, его не убивали! — Остальные арестованные посмотрели на него как на сумасшедшего. — Мы не знаем, кто его убил.

Судья покивал, ласково улыбнулся сатиру.

— Да-да, понимаю. Но хочу заметить, что ложь ни в

коем случае не украшает уста такого почтеннейшего существа. Нехорошо, ай как нехорошо. — Судья встал, прокашлялся. Улыбнулся. — Итак, объявляю приговор. Всем убийцам по пять лет каторжных работ в рудниках. А вот этому за ложь еще пять.

Под стоны арестованных судья все с той же милой улыбкой покинул зал. Итарв замер. Только сейчас он по-настоящему осознал, во что влип. От отчаяния сатиру захотелось треснуться головой обо что-нибудь твердое. Да как он мог купиться на все эти ласковые улыбки и вежливые слова? Совсем из ума выжил?! Ведь мог же сообразить, что этого судью справедливость интересует в последнюю очередь!

Итарв ухватился за решетку и в отчаянии завыл. Это вой пронзил пространство и как раскаленная игла вонзился в голову Елене. Она застонала, схватившись за голову. Почти мгновенно провалилась в видение и успела услышать обвинение и вынесение приговора. Отчаяние сатира резало ее голову раскаленными прутьями. Она мало что могла соображать и медленно провалилась в беспамятство, однако продолжала все воспринимать. Видела, как стражники оттащили Итарва от решетки. Сатир ощутил ее присутствие и повернул к ней голову.

— Сделай же что-нибудь! — закричал он. — Ведь я не виноват!!! Не виноват я!!! Помоги мне!!! Помоги!!! Я же не виноват...

Елена отчаянно замотала головой, пытаясь прогнать этот вопль отчаяния. У нее перехватывало дыхание от боли, столь сильным оказалось воздействие сатира. Ни с Далталасом, ни с Крученым Рогом она не испытывала ничего подобного. Те более стойко встречали невзгоды. Тут же... Похоже, для сатира случившееся стало настоящим шоком. Именно потому, что с ним еще никогда не случалось настоящей, большой беды, он просто не мог понять, что это и как такое может быть с ним, драгоцен-

ным. Да, по-видимому, до этого ему не приходилось еще испытывать ничего подобного. Неудивительно, что раньше девушка не видела его в своих видениях. Но, несмотря ни на что, не испытывала к сатиру никакого сострадания. Убийца недостоин жалости. Вскоре, не выдержав напряжения, Елена отключилась, и ее сознание окутала тьма.

Сатир, уловив исчезновение неизвестного мага, сдался и позволил уволочь себя в тюрьму, погрузившись в полнейшую апатию. Ничего больше не интересовало его во внешнем мире. А этот маг? Он же мог помочь! Или не мог? Но даже если и мог, то вовсе не стремился помочь убийце. Это его чувство сатир уловил четко.

— Я же не убийца... — в отчаянии прошептал Итарв. — Я никого не убивал. Почему ты мне не веришь?

Люди, слышавшие причитания сатира, решили, что он сходит с ума.

—Как она?

— Уже лучше. Кажется, очнулась. Доченька... Леночка... Как ты себя чувствуешь?

Елена медленно подняла голову и посмотрела на встревоженных родителей и Варфоломея. Караван стоял. Почти все столпились вокруг нее, отец с матерью были явно испуганы, кто-то из караванщиков прикладывал ей ко лбу влажную прохладную тряпку.

— Это от жары, — сердито выговаривал Варфоломей Дионисию. — Говорил же, нельзя по такой жаре тащиться. Здесь пустыня, девочка непривычна к такой жаре!

Дионисий смущенно сопел, но не возражал. Было видно, что он чувствует себя виноватым. Ведь это именно он хотел как можно скорее достигнуть Корграда и двинулся в путь, несмотря на жару.

— Ничего-ничего. Мне уже лучше, — поспешно отозвалась Елена. Она была рада, что потерю сознания от-

несли на счет жары. Говорить об истинной причине совсем не хотелось. Да и не стоило пугать родителей еще больше, никому от этого лучше не станет. В результате девушку устроили на специальных носилках с навесом, закрепленных между двумя мулами.

Несмотря на сопротивление и уверения, что ей лучше, Дионисий заставил дочь лечь в носилки.

— Я должен был подумать, что ты не слишком привычна к такому климату, — продолжал сокрушаться купец.

Елена прикрыла глаза, сделав вид, что утомлена. Отец, увидев это, моментально замолчал и отошел. А она, оставшись в одиночестве, стала размышлять обо всем происшедшем. Впервые девушка испытала столь сильные эмоции. По какой-то причине сатир до смерти боялся наказания. И что он там кричал? «Я не виноват! Я не убивал!» Сейчас, вспоминая все в спокойной обстановке, она была уверена, что он не лгал. Не мог лгать в тот момент. Но почему он обратился к ней? Ведь в прошлый раз сам прогнал! Отчаяние заставило его сделать это или еще что, Елена не знала. Но что-то в этом сатире было сильно не так, чем-то он отличался от остальных из своего народа. А тут еще связующая нить... Нет, здесь все далеко не так просто, как могло показаться с первого взгляда. Сатир так же связан с ней, как и Далталас, и Крученый Рог. И именно вчетвером они должны будут свершить то, к чему их готовила неведомая сила. Когда до Елены окончательно дошла эта истина — она вздрогнула. Значит, не просто так дан ей магический дар, не случайно? Девушка вся похолодела, она хорошо помнила, что у любого, следующего Предначертанию, страшная судьба. Но сдаваться не собиралась — что ж, пусть страшная, но это ее судьба, и ничья более! И без сатира, похоже, не обойтись...

Елена тряхнула головой.

— Да что мне за дело до него? Нахальный, неприятный, грязный.

Но не убийца, шепнул внутренний голос. Не мог он убить, Елена верила своим чувствам, и только ее антипатия заставляла относиться к сатиру не слишком доброжелательно. Однако она уже привыкла в бесконечных тайных упражнениях с магией подавлять свои чувства и порывы — это было необходимо для сосредоточения. Но чем она могла помочь? Кто будет слушать ее? Елена осознавала свое бессилие. Однако понимала, что если выдастся случай, то поможет Итарву всем, чем только сможет, не пожалев самой себя. Теперь девушке было стыдно, ведь она оттолкнула от себя одного из тех, за кого отвечала. Перед кем отвечала? Этого Елена не знала, но была уверена, что ответственность лежит именно на ней.

В этот момент ее накрыло новое видение. Далталас бежал. Он задыхался от быстрого бега, но продолжал бежать, держась за бок. И этот бок болел, страшно болел, Елена ощущала боль эльфа так же четко, как до того — отчаяние сатира. За ним гналась толпа народа. Впереди неслись с улюлюканьем какие-то молодчики, размахивая палками. И опять ее захлестнула волна отчаяния. Такая же сильная, как и в предыдущем случае.

— Держи ублюдка!!! — раздавались крики. — Хватай его!

Через мгновение толпа налетела на несчастного эльфа и буквально подмяла его под себя. Взметнулись палки.

— Ладно, хватит ему, — заметил здоровенный детина через некоторое время.

Толпа молодчиков отступила. Далталас лежал на дороге, свернувшись калачиком и закрывая голову руками. Его одежда была изорвана в клочья, из многочисленных ран текла кровь. Все тело покрывали ушибы и

синяки. Детина смачно сплюнул на съежившегося эльфа и напоследок еще раз пнул его.

— Будешь знать, остроухий придурок, как на нашу территорию соваться. Надеюсь, этот урок ты надолго запомнишь! Пошли, братва.

Компания удалилась. Далталас попытался встать, но от боли потерял сознание. Вместе с ним провалилась в беспамятство и Елена, успев порадоваться, что лежит на носилках и не упадет с коня.

Когда девушка очнулась, то обнаружила, что вся подушка залита ее слезами.

— За что?! — вопросила она Создателя в беззвучной молитве. — За что все это? Почему?!

В этот момент на Елену навалилось новое видение. В один день — три. Такого никогда еще не случалось. Перед ее глазами появился приземистый юноша. Из одежды на нем была только набедренная повязка, а в руке он сжимал копье. Если судить по росту, то его можно было принять за тринадцатилетнего мальчишку, но стоило посмотреть в лицо, как тут же становилась ясна ошибка. Юноша лет шестнадцати. Он, замерев за кустами, за чем-то настороженно наблюдал, Елена даже не поняла, за чем. Но местность вокруг показалась смутно знакомой. Девушка всмотрелась и вскоре вспомнила. Конечно же — это то самое место, где жило племя Крученого Рога. Вон поляна, на которой любил играть с друзьями маленький дикарь. Но почему же она не сразу узнала эту поляну? И почему ее друг с таким отчаянием смотрит вперед?

Елена проследила за взглядом Крученого Рога. Первое, что она увидела, оказалось белое знамя с огромным красным крестом на нем — символом воинов-паладинов Святой Церкви. Еленка вспомнила однажды прочитанное — там говорилось, что такое знамя паладины оставляют там, где дикари отказались принять истинную

веру. И только потом девушка разглядела все остальное. Селения больше не было. Просто не было... Все дома сожгли начисто. Вокруг валялись трупы. Причем было видно, что многие умерли не сразу. Мужчины, женщины. А самое страшное она увидела немного в стороне — остатки огромного костра и куча обгоревших детских тел. По их позам Елена поняла, что детишек швыряли в костер живыми...

Девушка застонала, ощутив волну боли, исходящую от Крученого Рога. Он тоже не понимал происходящего. Не понимал этой дикой, нечеловеческой жестокости. Помнил, что в их племени не так давно гостили какие-то странные люди, называвшие себя миссионерами. Они проповедовали веру в некоего истинного бога. Над этими глупыми и ничего не умеющими людишками смеялось все племя. Нет, их приняли как следует — в племени Крученого Рога к гостям всегда относились хорошо, однако слушать их никто не пожелал. Те стали рассказывать о своем боге и обещать кары всем, кто не примет истинной веры. Но над ними только посмеивались. В племени было много мужчин, и они не боялись гнева какого-то чуждого бога. И уж совсем не собирались менять свою веру. О чем вождь и заявил миссионерам.

— Вы пожалеете! — пообещали те, уплывая.

И вот, похоже, обещанная кара настигла племя...

Елена без труда разобралась в мыслях и чувствах юноши — в таком страшном он был отчаянии. Ей же хотелось и плакать, и смеяться. Плакать над его горем и смеяться его наивности. НЕ бог — не виновен в этом кошмаре бог. Люди. Всего лишь злые люди, присвоившие себе право творить зло от имени бога. А в том, что сотворенное — зло, Елена не сомневалась ни на мгновение. Она ведь несколько лет наблюдала за жизнью племени благодаря своему другу. Знала радости и горе-

сти многих из этого миролюбивого племени рыбаков и охотников. Не могли они быть слугами зла. Не могли! Так за что же их так? За что?! Только за то, что отказались молиться и креститься так, как указывали отцы Церкви? Только за это?!

— За что?!! — эхом вторя ее мыслям, закричал Крученый Рог.

Убедившись, что убийцы ушли, юноша вышел из укрытия и теперь шагал по головешкам — это было все, что осталось от его родного селения. И столько горя звучало в его беззвучном крике, что Елена в третий раз за этот день потеряла сознание.

Очнувшись, девушка долго вспоминала случившееся, пытаясь найти хоть какое-нибудь оправдание поступкам церковников. Но такового не было... Да и не могло быть — только подлость, жестокость и жажда власти. Только эти причины могли иметь значение для подонков, подобных служителям Церкви. И пусть не утверждают, что это нужно Богу. Разве Богу нужны те, кого силой заставили верить в него? Нет. Люди. Только люди способны на такое. И этих людей нужно остановить любой ценой. Видимо, для этого Создатель и дал ей Дар. Елене стало страшно — осознать и принять, что на тебя возложена такая задача, по силам не каждому взрослому, а ей ведь сегодня исполнилось всего пятнадцать лет... И она — девушка... Но решимость медленно поднималась откуда-то из глубин души. Если бы кто-нибудь сейчас заглянул в ее глаза, то отшатнулся бы. Там бушевала первозданная Тьма. Тьма и боль, рвущие душу на части. Елена уже знала, что пойдет вперед, невзирая ни на что.

— И творя зло, люди будут считать его добром, — вспомнилась прочитанная однажды фраза.

Больше всего пугало, что все эти происшествия случились в один день. Словно кто-то невидимый управлял

ими. Это было непонятно. Это было страшно. Это не могло оказаться случайностью. Беда со всеми тремя, связанными с ней? Какая-то сила свершила это. Осталась она сама... Неужели и с ней что-то плохое должно произойти?

— Внимание! — раздался встревоженный голос караванщика.

Елена осторожно выглянула из-под покрывала. Немного в стороне, вдали виднелись всадники. Кажется, они тоже заметили караван и теперь неторопливо направлялись к нему.

— Спокойно, только спокойно, — дрожащим голосом повторял Дионисий. — Мы в самом центре Фалнора. Здесь не может быть разбойников.

Тем не менее он отдал распоряжение страже быть наготове.

Елена, наблюдая за поднявшейся суетой, отчего-то снова вспоминала сегодняшние события, и ей становилось страшно. Даже не страшно, а жутко. Предчувствие чего-то непоправимого холодной рукой сжало сердце.

Не отдавая себе отчета, девушка внутренне приготовилась к неприятностям. Всадники приближались все так же не спеша, и девушке казалось, что это идет сам рок. Идет по ее душу.

3

Лесные дороги в этой части Туага никогда не отличались безопасностью. Поэтому человек, в одиночестве бредущий по дороге, покрепче перехватил посох и, прежде чем шагнуть под свисающие кроны, внимательно осмотрелся вокруг. Погони он не опасался, понимая, что Лорт ничего не осмелится сделать, если не захочет выставить себя идиотом, что для купца страшнее смерти. Но вот нанять каких-нибудь головорезов он вполне

способен. Человек усмехнулся и подкинул в руке увесистый кошелек.

— А все потому, что некоторые совсем потеряли совесть, — пробормотал он. — Был бы Лорт честен со мной — и тогда в убытке был бы я, а не он.

Однако человек хитрил. Лорт просто не мог остаться честным в ситуации, когда, как ему казалось, деньги сами плывут в руки. Все, что надо, чтобы их забрать, — это обмануть довольно странного партнера, появившегося неизвестно откуда. Чужак. А раз чужак, то надуть его — святая обязанность любого уважающего себя купца. Вот и пострадал. Путник тихонько хихикнул про себя. Но тут же снова осмотрелся — об осторожности забывать не стоило, не хватало нарваться-таки на какого-нибудь «обиженного».

Никаких угрызений совести он не испытывал. Он давал Лорту шанс. Путник всегда давал своим жертвам шанс не только остаться при своем, но даже выиграть. Все, что для этого требовалось, — оставаться честными и следовать договоренности.

Человек неожиданно замер и прислушался, оторвавшись от приятных размышлений по поводу Лорта, обманувшего самого себя. Подкинул посох и перехватил поудобнее, внимательно оглядываясь. И тут же резко сорвался с места и бросился в чащу. Через минуту он удивленно разглядывал сквозь кусты непонятно откуда взявшегося здесь мальчишку лет восьми-девяти. Тот сидел посреди поляны и плакал. Плакал, ничего не замечая вокруг.

Путник недоверчиво оглядел поляну, опасаясь ловушки. Слишком уж неестественно выглядел одинокий ребенок в этом пустынном месте. К тому же его одежда... Как ни пытался, но он так и не смог вспомнить, какому народу может принадлежать эта одежда. Эльфы? Да нет, те вообще не покидают Эльвидар. Да и не носят

они такого. На сатира ребенок тоже не походил. Явно человек.

Мужчина еще минут пять наблюдал за плачущим мальчиком, затем наконец решился.

— Моя доброта меня погубит, — пробормотал он, выбираясь на поляну. Тем не менее бдительности он не терял, хотя был почти уверен, что никакой засады нет.

Мальчик, услышав шаги, вздрогнул и поднял заплаканное лицо. Путник почувствовал, как по его спине забегали мурашки, настолько поразила его недетская серьезность в этом детском взгляде. Тут явно было что-то не то. Пахло неприятностями. Причем такими, от которых благоразумные люди спасаются бегством. Бегством быстрым и по возможности не оглядываясь. Разве только посмотреть, далеко ли погоня.

Путник попятился, намереваясь поскорее скрыться. Но тут мальчик испуганно вскрикнул. Вся его серьезность испарилась, и на поляне снова сидел смертельно напуганный ребенок. Он сжался в комок и с ужасом наблюдал за человеком. Тот ругнулся. Не успел. Не успел убежать! Теперь уже не сможет просто так бросить беззащитного малыша. Можно было бросить ребенка с пугающе взрослым взглядом, но бросить этот испуганный комок...

— Спаситель, помоги мне. Я знаю, что делаю глупость, но я не могу его оставить. Он же погибнет один. — Путник прочитал короткую молитву для храбрости и шагнул к мальчику. Заметив, что тот испуганно попятился, остановился и опустился на корточки.

— Ну что ты, глупыш? Чего ты испугался?

Мальчик с недоумением посмотрел на него. Путник сообразил, что его просто не поняли. Он осторожно приблизился. На этот раз мальчик не стал пятиться. Кажется, ему даже удалось взять себя в руки. И тут он впервые заговорил, что-то спросив. Путник разочарованно

вздохнул: язык оказался совершенно незнаком, хотя он знал около десятка языков и наречий.

— Прости, не понимаю, — путник развел руками. — Давай попробуем так. — Он начал произносить фразы на разных языках, но мальчик только удивленно моргал.

Тут он, видно, решил, что настала его очередь, и снова заговорил. Мужчина мигом уловил, что на этот раз звучит совершенно другой язык, не тот, на котором говорил ребенок в первый раз, но и эту фразу он тоже не понял. Мальчик понял это и тяжело вздохнул. Потом с какой-то растерянностью посмотрел вокруг. Обвел вокруг себя рукой и опять что-то спросил.

— Ты спрашиваешь, что это? Эта страна называется Туаг.

Человек сообразил, что так они далеко не уедут. Он решительно встал и быстро подошел к ребенку. Мальчик не успел отодвинуться и испуганно посмотрел на мужчину. Но тот просто опустился перед ним и коснулся себя рукой:

— Меня зовут Сельф ан Сельфин ибн Грэд. Но можешь называть меня просто Сельф или Грэд.

— Сельф ан Сельфин ибн Грэд. Сельф. Грэд, — старательно повторил мальчик. Потом, копируя жест мужчины, дотронулся до себя: — Володя.

Путник удивленно моргнул.

— Как? Впрочем, неважно, — тут же поправился он. Но последнее мог бы и не говорить — мальчик его все равно не понял. — Я не знаю, где носят такие имена, и знать не хочу. И вообще, мне пора идти.

Он поднялся. Мальчик тоже вскочил и доверчиво посмотрел на него. Сельф вздохнул:

— Где твои родители, чадо?

Мальчик вздрогнул, словно поняв вопрос, и провел рукой по лицу, размазывая слезы. Только сейчас Сельф внимательно изучил его. Володя был одет в брюки из

какого-то странного плотного материала синеватого цвета. Темно-синяя рубашка, явно мягче, чем брюки. На груди — два кармана. Сельф непонимающе покачал головой: кому могла прийти в голову мысль пришить карманы на грудь рубашки? Это же прямое приглашение ворам! По одежде Сельф ничего не смог сказать о мальчике. Странно. Обычно по еле заметным швам он умел не только определить родину человека, но даже город. А тут впервые спасовал. Одежда Володи поражала одновременно своей роскошью и бедностью. Ни один нищий не напялит на себя такое, но любой богач отдаст что угодно за материал, из которого она пошита.

Сельф снова вздохнул и присел перед ребенком. Достал платок и начал старательно вытирать заплаканное, грязное лицо.

— Вот уж свалилось на меня счастье! И откуда ты только тут взялся? Пошли уж, горе. Где ты хоть живешь?

Не дождавшись ответа, Сельф покачал головой и двинулся к дороге. У края поляны обернулся — мальчик доверчиво шел следом, не отставая и не обгоняя. Сельф попытался изобразить руками контуры дома:

— Я тебя спрашиваю, где ты живешь?

Мальчик покачал головой и пожал плечами. Сельф нагнулся, поднял прутик и нарисовал на земле домик. Ткнул в него прутиком, а потом красноречиво посмотрел на ребенка. Тот понял. Но реакция у него оказалась вовсе не та, на которую рассчитывал Сельф. Мальчик вдруг часто заморгал, потом всхлипнул и разревелся.

— Ну вот, — растерянно взмахнул руками Сельф. Потом опустился рядом с Володей и обнял его за плечи. Посидел так немного. — Ты меня извини, дурака, — пробормотал он. — Ведь мог бы догадаться, раз ты тут один. Никто такую кроху не отпустит одного. Но как ты здесь оказался все же?

Сельф погладил успокоившегося мальчика, поднял

его на руки и зашагал через кусты, продираясь к дороге. Володя доверчиво прижался к нему и задремал.

— Бедняга, — сочувственно заметил Грэд. — Кажется, тебе пришлось немало пережить. Но все же, откуда ты взялся?

Спустя два дня на ту же поляну стремительно ворвался отряд всадников. Возглавлял его невысокий полный человек с орлиным профилем. Осадив коня, он привстал в стременах и осмотрелся.

— Это здесь!

Тотчас к нему подъехал еще один всадник.

— Вы уверены, мой господин?

Герладий пристально посмотрел на спросившего, отчего тот медленно побледнел. Потом бледность перешла в серость.

— Прошу прощения, Ищущий... — пробормотал всадник.

Герладий еще несколько мгновений презрительно смотрел на всадника, затем отвернулся.

— Это здесь, — повторил он: Постояв несколько мгновений, Ищущий двинулся к центру поляны.

Сам Герладий в этот момент проклинал весь белый свет и магов, из-за которых вынужден был скакать дзенн знает куда, трясясь в седле. Он считал себя мудрым человеком и имел свой взгляд на жизнь. Да что греха таить, давно избавился от юношеской увлеченности и отпускал еретиков за деньги, карая только тех, кто не мог откупиться. Свою совесть Герладий успокаивал тем, что Спаситель всепрощающ и понимает, что его слугам тоже надо жить. А то, что еретики расстанутся с деньгами, — это им и так достаточное наказание. Герладий уже решил, что жизнь ему нравится. Нравится тайная власть, нравится, что от одного его слова зависит

жизнь и смерть других людей. Даже самых высокопоставленных.

Да, Герладий был доволен своей жизнью. Доволен до тех пор, пока на горизонте не появился этот проныра Матфей. Откуда он взялся, никто не знал, но то, что началось потом, Герладий вспоминал с ужасом. Было даже время, когда он просыпался по ночам в холодном поту, ожидая, что вскроются его проделки. Но Спаситель миловал. Герладий усилил свою деятельность, пытаясь доказать, что по-прежнему борется с врагами Церкви. Усилия заметили, и вскоре он подчинялся непосредственно одному из Очищающих — ближайшему помощнику самого архиепископа Варградского, Меальнору — и выполнял важную работу. Правда, важную по их мнению, сам Герладий так не считал. Однако приходилось приспосабливаться и делать вид, если хотел выжить и сохранить свое привилегированное положение. Эти домыслы вышестоящих, чтоб им пусто было... Ему бы власть, так не занимался бы всякими глупостями. Уж точно не занимался бы.

Герладий считал происходящее в последние пятнадцать лет идиотизмом и втайне думал, что его святейшество просто сошел с ума, поверив в непонятного Зверя, Троих и каких-то Девятерых. Да еще и матрицы Тьмы приплелись. Но вслух благоразумно такого не говорил, ведь ничего дороже собственной шкуры в этом мире он не знал и намеревался сохранять ее целость любыми способами. Ну, да чем бы старец ни тешился... Увы, после смерти Светозара первосвященником стал проклятый Матфей, и жизни вообще не стало. Думать о случившемся тогда не хотелось.

Получив инструкции от нового начальства, Герладий занялся привычным делом — поиском темных магов. Занялся, добывая доказательства так, как привык, и... Что было потом, лучше не вспоминать. Подобного раз-

носа он не получал давно. Ищущий даже не верил, что в живых останется. Всех пойманных им «магов» отпустили сразу после допроса в Инквизиции. А потом приплыл этот дзеннов эльф Меальнор и выговорил ему, как какому-то сопливому мальчишке. При мысли об этом унижении Герладий заскрипел зубами от злости.

Солдаты испуганно отпрянули от внезапно рассердившегося Ищущего. Все знали, что этому человеку под горячую руку лучше не попадаться. Но Герладию в этот момент было не до солдат.

«Мне, человеку, посмел приказывать какой-то эльф, полуживотное! — злобно думал он тогда. — Ишь, не устроили их мои маги! Им настоящих подавай! А где их взять, настоящих? Ведь не найдешь, так объявят, что плохо служил Церкви!»

Вот и сейчас Герладий вынужден был покинуть уютный дом и тащиться дзенн знает куда, только потому, что какому-то идиоту-магу вздумалось поколдовать. Ну ничего, вот найдут эту сволочь, и тогда уже он поколдует. Так поколдует...

Герладий внимательно осмотрел поляну, настраиваясь на следы магии. Настроился и вздрогнул. Он не чувствовал мага. Такого просто не могло быть... но было.

— А ну отойдите!!! — рявкнул Герладий солдатам, полагая, что те каким-то образом мешают настроиться.

Те мигом отъехали. Но и это не помогло. Ищущий чувствовал магию, чувствовал, что здесь произошло что-то такое, что выходило за рамки его воображения. Он чувствовал неимоверную мощь вырвавшихся на свободу сил. Даже спустя два дня после происшедшего следы были довольно сильны, но тем не менее Герладий совершенно не чувствовал того, кто это сделал. Такого просто не могло быть! Даже всемогущие в прошлом дзенны не умели прятать своих следов, как ни пытались.

— Похоже, здесь действительно что-то случилось, —

пробормотал Герладий, но никакой радости от этого открытия не испытал, поскольку оно сулило все, что угодно, только не покой. А именно покой он считал для себя главным в жизни. Выход был только один — как можно быстрее отыскать проклятого мага и отправить в Фалнор. Пусть там с ним Очищающие разбираются. Но как искать мага, который научился заметать следы?

Герладий несколько мгновений размышлял. От его святейшества исходил довольно четкий приказ докладывать обо всем, что выходит за рамки обычного. Сегодняшнее дело именно таково, а значит, надо немедленно сделать доклад. Но с другой стороны, в этом случае примчится кто-то из верных псов первосвященника, а тогда покоя уж точно не видать как своих ушей без зеркала. Лучше разыскать неизвестного мага самому. И как можно быстрее! Тогда и покой будет, да еще, глядишь, и наградят. Дорога тут одна, а значит, никуда поганый колдун не денется.

Он оглянулся и холодно посмотрел на сжавшегося офицера.

— Мы отправляемся дальше. Маг был здесь и уехал по дороге. Мы должны догнать его.

— Как прикажете, Ищущий, — поспешно склонился офицер.

Герладий пришпорил коня и снова выехал во главу отряда, продолжая размышлять.

Отряд ворвался в небольшой городок на рассвете, когда люди еще спали, распугав кур, спокойно бродящих по улице. Об убогости городишки говорило еще и то, что у него не оказалось даже крепостной стены, только частокол. Часовые, стоявшие у ворот, разглядев вымпел Ищущего, поспешно распахнули ворота. По уставу, этого делать не следовало, однако солдаты предпочли нарушить устав, но не сталкиваться с Ищущим. Тем бо-

лее с разъяренным Ищущим, каковым тот выглядел, когда промчался мимо. Но тут же остановился и вернулся.

— Кто главный смены? — прорычал он.

— Капитан Мордок, господин Ищущий! — поспешно отозвался один из солдат. — Он вон в той избе.

Герладий из-под руки рассмотрел убогий деревянный домишко, развернул коня и двинулся к нему. Около дома соскочил и пинком распахнул дверь, войдя внутрь.

— Кого там еще несет?! — гневно спросил кто-то в доме. — Я вот сейчас выйду!!!

Из комнаты показался плотный мужчина в рубашке нараспашку. Было видно, что он спал, но шум заставил подняться. И это не доставило ему никакой радости.

— Ты Мордок? — спросил Герладий.

— А ты кто такой, чтобы спрашивать? — Мужчина сощурился, пытаясь в темном коридоре разглядеть говорившего.

— Кто я? — язвительно спросил Герладий, выходя на свет. — Сейчас узнаешь.

Мордок разглядел цвета Церкви на одежде и посерел.

— Прошу прощения, Ищущий. Я не узнал вас. Что угодно? — Поведение офицера изменилось мгновенно. Вмиг пропала вся его важность. Он сразу как-то осунулся и сгорбился. Кажется, даже стал меньше ростом.

Герладий усмехнулся. Сколько раз он замечал такие преображения людей при виде него, но все никак не мог к этому привыкнуть. Сильные, важные, уверенные в себе господа мигом теряли весь задор, стоило им увидеть изображение волка — эмблему Ищущих — на рукаве его сутаны. И каждый раз при виде их унижения Герладий испытывал радость. Нет ничего слаще, чем видеть, как сильный человек превращается в испуганного, в чем-то оправдывающегося труса.

«Все они одним миром мазаны! — со злобной радостью думал Герладий, разглядывая униженно склонив-

шегося Мордока. — Все смелые и важные, пока не столкнутся с настоящей силой».

Насладившись триумфом, Герладий счел нужным немного успокоить офицера.

— Внимание и повиновение! — рявкнул он. — Требую помощи.

С неким злорадством Ищущий наблюдал, как на лице офицера проступает облегчение — была произнесена стандартная формула помощи, а к нему лично претензий нет. Мордок выпрямился и стукнул себя кулаком в грудь.

— Повинуюсь, господин! Приказывайте!

— Отлично. Мне нужно знать все о людях, которые пришли в ваш город за последние два дня. Вряд ли их было много. Обо всем докладывать мне лично. А я пока займу эту комнату. Исполнять! И можешь взять в помощь моих людей!

Мордок поспешно выскочил наружу, даже не возмутившись беспардонностью гостя, по сути, выгнавшего его из собственного дома. Герладий проводил офицера стражи насмешливым взглядом. Потом закрыл дверь и расслабился. С облегчением стащив сапоги и ослабив ремень, он устроился в мягком кресле и вытянул ноги. Довольный тем, что удалось свалить свою работу на других, Герладий погрузился в томную полудрему. Так работать ему нравилось.

В расслабленном состоянии Герладий пребывал около часа, пока в дверь кто-то осторожно не постучал. Ищущий нехотя поднялся, оправил одежду.

— Войдите, — разрешил он.

Мордок несмело вошел и замер под пристальным взглядом Ищущего.

— Ну, — раздраженно поторопил его Герладий. — Мне что, из тебя слова клещами вытаскивать?

Мордок побледнел. Слова о клещах явно пришлись

ему не по душе и напомнили об одном из излюбленных инструментов палачей инквизиции.

— Господин, мы опросили солдат и проверили остановившихся на постоялых дворах. Около дома ждут все, кто прибыл в город за последние два дня и еще не уехал.

— Много тех, кто покинул город?

— Шестеро, господин. Двое купцов. Один жонглер. Остальные крестьяне. У всех были дзорбы.

Герладий недовольно поморщился. Вполне возможно, что маг — один из этих шести. А может, он даже не заглянул в этот дзеннов городишко, и сейчас только попусту тратится время. Но необходимо проверить и тех, кто остался. Иначе его могут обвинить в недостаточном рвении на службе Матери-Церкви.

— Говоришь, кто-то остался здесь?

— Мы собрали всех, господин. У нас ведется строгий учет прибывающих и убывающих.

— Хоть что-то в вашем городе делается нормально.

Он пренебрежительно хмыкнул и отвернулся, направляясь к выходу. Потому и не видел, как за его спиной побелел от гнева Мордок, как сжались его кулаки. Офицер, однако, быстро взял себя в руки и последовал за Ищущим.

Герладий вышел на крыльцо и лениво оглядел испуганную толпу. Плакали дети, прижавшиеся к юбкам матерей, голосили женщины. Мужчины с молчаливой покорностью дожидались приговора. Отряд всадников окружал толпу. За ними стояли солдаты Мордока. Герладий еще раз прошелся взглядом по толпе и разочарованно вздохнул: магами здесь и не пахло. Но все равно надо осмотреться.

— Постройте их, — сквозь зубы процедил он.

Солдаты мигом подняли хлысты и стали сгонять людей в сторону, где заставили выстроиться в шеренгу. Раздавались стоны, всхлипы, слышались звуки ударов

плеток. Вскоре всех выстроили. Герладий быстро сбежал с крыльца и не спеша пошел вдоль строя, внимательно вглядываясь в лица людей. Те, не выдерживая взгляда его холодных глаз, опускали головы, пытались отвернуться. В этом случае шедший сзади солдат коротко бил человека по спине и хватал его за волосы, заставляя смотреть на Ищущего. Люди пробовали вырываться, но под взглядом Ищущего покорно замирали. С некоторыми случилась истерика. Герладий мрачно улыбался — вот она, настоящая власть, которая и королям не снилась.

И тут он словно на стену налетел. Герладий даже пошатнулся, встретившись взглядом с каким-то ребенком, одетым в дзенн знает какое тряпье. Как будто пугало ограбил. Впрочем, судя по всему, так оно и есть. Но его взгляд... Это был серьезный, абсолютно недетский взгляд. И мальчишка не опустил глаз, как все. Он смотрел спокойно, казалось, он видит человека насквозь. Видит все тайные мысли и желания, стремления и страхи. Никогда еще Герладий не сталкивался ни с чем подобным. Никто не мог смотреть спокойно на Ищущего. Тем более встречаться с ним взглядом, а уж выдержать его...

Герладий попытался взять себя в руки и присмотрелся к ребенку. Колодец... Он словно в колодец рухнул, колодец с чистейшей родниковой водой. Такой же чистоты была и душа этого мальчишки. Но настолько чистой душа бывает только у блаженных! И ни капли магии. Герладий облегченно вздохнул и тайком вытер пот. Вот и объяснение. Блаженный. Поэтому и не испугался, просто не умеет бояться. Стоявший рядом с мальчиком прилично одетый господин отвесил ребенку крепкий подзатыльник и заставил поклониться. Мальчик некоторое время сопротивлялся, но все же послушался. Герладий посмотрел на мужчину.

— Кто такой?

Мужчина испуганно икнул. Герладий криво усмехнулся: здесь все идет как должно.

— Да не бойся. Говори.

Мужчина опять неуверенно икнул.

— Путешественники мы... — промямлил он. — Вот и ходим-бродим. А это сиротка. Подобрал его недавно. Не бросать же убогого? Спаситель ведь завещал заботиться о сиротках...

— Заткнись! — поморщился Герладий.

В честные намерения этого прохиндея он не поверил ни на йоту. Ищущий вообще не верил в честность людей. Весь его опыт говорил, что люди в массе своей или негодяи, или скоты. Первые делают подлости вторым, а те покорно принимают валящиеся на их головы беды. И если не подличают в ответ, то только потому, что просто боятся. Быдло, одним словом. Этот, судя по виду, из негодяев. Подобрал сироту, а теперь продаст — либо в евнухи в гаремы Кадаира, либо рабом в каменоломни Лодуна. И там, и там ему дадут неплохие деньги. Но все это Герладия совершенно не интересовало, поскольку магом никто из них не был. Никаким. Ни белым, ни черным.

Герладий еще раз посмотрел на ребенка и снова едва не вздрогнул под его пронзительно ясным взглядом. И еще он готов был поклясться, что во взгляде мальчика отчетливо видно было презрение и... жалость. Ищущий рассвирепел. Он, казалось, налился яростью. Презрение? Жалость? К нему?! Повелевающему людьми? Да что этот сопляк себе позволяет?! Ищущий набрал было воздух в легкие, чтобы отдать приказ схватить обоих — и этого мальчишку, дзенново отродье, и этого негодяя, решившего на нем заработать. Но тут же поспешно проглотил слова, поняв, что едва не совершил самую крупную ошибку в жизни. Ошибку, которая могла стоить ему головы. Ведь ясно, что эти двое — никакие не

маги. Арест их невольно отвлечет от поисков настоящего мага. Герладий и так совершил непростительное, когда сразу не доложил в Фалнор о случившемся. Если же там узнают, что он отвлекся от основной задачи ради каких-то ничтожных червей... Этого точно не простят. Ищущий бессильно скрипнул зубами. Как ни хотелось преподать урок червям, но, увы, времена изменились. В Инквизиции нынче требовали не обвиненных, а виноватых.

— Пошли! — раздраженно рявкнул Герладий, не заметив быстрого взгляда Мордока, который тот бросил на мужчину рядом с мальчиком. — Здесь нет тех, кого мы ищем. Наверное, маг успел удрать из города. Или вообще сюда не заходил.

Сопровождающие Ищущего всадники без слов вскочили на коней. Вскоре только пыль, клубящаяся в воздухе, напоминала о них. Но вот рассеялась и пыль. Солдаты гарнизона облегченно вздохнули и погнали людей прочь. Впрочем, те и сами не желали оставаться у ворот.

Мордок осторожно отошел в сторону и быстро нырнул в переулок. Почти бегом обогнав уходящих, он некоторое время наблюдал за ними из укрытия. Увидев тех, кого искал, удовлетворенно кивнул.

— Это он, — пробормотал офицер себе под нос. — Я не мог ошибиться.

Словно придя к какому-то выводу, Мордок прошел еще немного, а потом пристроился позади невысокого человека в одежде обедневшего купца, с которым недавно говорил Ищущий. Рядом с человеком шагал мальчик в рваной одежде.

— Здравствуй, Артист, — негромко поприветствовал человека Мордок.

Тот даже не вздрогнул, но чутьем опытного воина Мордок уловил легкое напряжение спины собеседни-

ка — человек готов был начать действовать мгновенно. Вот он медленно обернулся:

— Это вы мне, господин офицер? Простите, но вы, кажется, меня с кем-то перепутали.

— О да, — усмехнулся Мордок. — Возможно, и так. Но сдается мне, что это все-таки ты. О, конечно, ты изменился. В прошлый раз у тебя была роскошная борода. Да и волосы длиннее. Детей у тебя тогда тоже не имелось. — Офицер с интересом посмотрел на ребенка, спокойно наблюдавшего за ним.

Мужчина несколько секунд молчал. Потом вздохнул:

— Ладно, Мордок. Чего ты хочешь? Выдать меня?

— Выдать? Ха. Если бы я хотел тебя выдать, то сделал бы это, еще когда Ищущий проверял вас. Глядишь, мне чего и перепало бы от щедрот святой Матери-Церкви.

— Почему же не выдал? — Артист заинтересованно посмотрел на офицера.

— Этой жирной крысе?! — Глаза офицера полыхнули яростью. — Я бы ему не выдал самого Зверя, даже если бы знал, что он стоит рядом!

Артист встревоженно оглянулся.

— Опасные слова говоришь, офицер. Тем более незнакомцу.

— Брось. Я кое-что слышал об Артисте. Никому другому я бы этого не сказал. В общем, лучше тебе уехать, чувствую, что Ищущий по твою душу приезжал.

— С чего бы это? — В голосе Артиста было такое искреннее удивление, что Мордок даже усомнился в своих выводах.

— Давай посмотрим. — Теперь уже Мордок опасливо оглянулся по сторонам, но переулок был пуст. — Два дня назад все чувствительные к магии ощутили всплеск силы. Да-да, мне об этом многие докладывали, как старшему офицеру гарнизона. Я, как положено, сделал доклад в столицу и забыл об этом. Через два дня в городе

появляешься ты. Тогда я тебя не узнал, но дело не в этом... Скажи, у твоего молодого спутника часто случаются истерики?

— Ты к чему, Мордок? — Из голоса Артиста исчезли угодливые нотки, в нем отчетливо зазвенел металл. Но офицер, казалось, этого не заметил.

— А к тому, что у обычных детей не случаются истерики при виде города. А мне солдаты доложили, что он еще на подходе вел себя странно. И все время смотрел так, будто никогда городов не видел.

— А может, это действительно так?

— Может. Но это же не повод устраивать истерику прямо на улице? Где ты его подобрал, Артист, и кто он? Я ведь видел, что и Герладий обратил на него внимание.

Артист задумался.

— Ты поверишь, если я скажу, что случайно нашел?

— Тебе поверю. Но мой тебе совет, бросай мальчишку и беги отсюда. Чувствую я недоброе. Что-то нехорошее происходит кругом. А тут еще неизвестный маг под боком.

— Ну уж, мальчишка — точно не маг. Ищущий от нас в этом случае так просто не отстал бы. Они же магов носом чуют.

— Именно поэтому я и не приказал схватить его, как намеревался раньше. В общем, так, Артист. Я не знаю, с кем ты там связался и какую пакость собираешься провернуть, но не желаю, чтобы в этом оказался замешан мой город. Если до вечера вы его покинете, то я вас и дальше продолжаю не узнавать. Если нет... еще не поздно вернуть Герладия. У меня на разные неприятности нюх, ты знаешь. А сейчас я чувствую не неприятность. Я чувствую настоящую беду.

— Как скажешь, начальник, — Артист заговорил каким-то странно шутливым тоном. — Я и сам намеревал-

ся отваливать. Засиделся я что-то в вашей гостеприимной стране.

— Вот-вот, — кивнул Мордок, словно не замечая тона. — Точно, что засиделся.

Как только Мордок удалился, насмешливое выражение вмиг исчезло с лица Артиста, он с тревогой посмотрел вокруг.

— Хотел бы я понять, что здесь происходит. Что понадобилось этой змее Герладию? Его же калачом из особняка не выманишь! С чего вдруг такая прыть? — Артист покосился на ребенка, стоявшего рядом с ним. — Это ведь по твою душу, малыш. Не знаю, почему, но чувствую, что прав. Кто же ты такой? Откуда ты взялся?

Мальчик что-то ответил. Артист вздохнул.

— Да-да, я тебя тоже не понимаю. Но я тебя все равно не отдам им. Церковь уже давно не служит Богу, что бы они там ни говорили о своей святости. Недаром ведь Спаситель говорил, что устами младенца глаголет истина. Был бы ты старше... Нет, не отдам я тебя им. Пошли.

Мальчик ухватил Артиста за руку и зашагал рядом с ним. Тот от такой доверчивости растерялся, но тут же справился с собой.

— А для начала надо купить тебе хорошую одежду. Та, что мы сняли с пугала, никуда не годится.

Артист, он же Сельф ан Сельфин ибн Грэд, задумчиво зашагал в сторону ближайшей лавки. А подумать ему было над чем. Еще на подходе к городу он решил сменить на найденном мальчике его странную одежду, чтобы не привлекать лишнего внимания. Но вот беда, както не догадался захватить с собой одежду для ребенка. Предусмотрительным человеком был Сельф ан Сельфин, но такого поворота предусмотреть не мог даже он. Пришлось изворачиваться. Вот и ограбил ближайшее пугало. Кое-что добавил из своих запасов. Мальчик тогда сильно удивился переодеванию. Грэд до сих пор

помнил его искреннее недоумение при виде грязных тряпок. Грэд как можно нагляднее, с помощью жестов, объяснил, что в его одежде входить в город не стоит. Мальчик недоуменно оглядел себя, внимательно рассмотрел одежду Грэда, удивленно поморгал. Потом с отвращением взглянул на предлагаемые ему лохмотья. Из этой немой сцены Грэд сделал вывод, что такого тряпья ему носить не доводилось. Мальчик вообще не выглядел уличным оборванцем. Одежда необычная, да, но аккуратная. Сам ребенок тоже был причесан, чист. Нежная кожа. Нет, этот мальчик нужды не знал.

Грэд все-таки сумел нарядить ребенка в тряпье, потом старательно испачкал ему лицо и руки. Тот захихикал, словно вспомнив что-то смешное. Казалось, он понял необходимость слушаться старшего. Да и заметно успокоился. Даже начал изредка улыбаться. Тем более неожиданной оказалась для Сельфа реакция мальчика при виде города. Когда они вышли из-за деревьев и увидели частокол, Володя вдруг резко замер. Сельф даже выскочил вперед, прежде чем сообразил, что невольный спутник за ним не следует. Грэд обернулся и замер, настолько ошеломленным выглядел мальчик. Более того, он был напуган. Широко раскрытые глаза смотрели куда-то поверх плеча Грэда. Сельф резко обернулся, перехватывая посох, но за ним никого не было. Пустынная дорога и городок вдали.

— Ты что, малыш? — недоуменно спросил Грэд. — Городов никогда не видел? Да, с непривычки они кажутся большими, но, поверь, это не самый крупный город.

Решив, что разгадал причину испуга ребенка, Грэд ухватил мальчика за руку и зашагал к городу. Тот вынужден был идти следом, но Грэд чувствовал, что ребенок находится едва ли не в шоке. При виде же стражников он вообще впал в прострацию, а потом с ним случилась истерика. Самая настоящая. Вспоминать дальше Грэду

не хотелось. Он как мог успокоил Володю, что-то объяснил людям, рассказывая, что это от переутомления, говорил что-то солдатам... Сельф даже не мог вспомнить, что именно. В конце концов ему удалось отнести мальчика на ближайший постоялый двор, уложить в постель и заставить выпить чая, куда добавил кое-какие травки из своих запасов. Мальчик, всхлипывая, заснул. А на следующий день у него поднялась температура. Грэд понимал, что это не болезнь, а скорее нервное перенапряжение. К тому же он разглядел на голове мальчика седую прядь. Седина на голове девятилетнего ребенка произвела на Грэда самое сильное впечатление за всю его жизнь. Он ни на минуту не покидал комнату мальчика, пока тому не стало лучше. Из-за всего этого пришлось задержаться в городе на больший срок, чем рассчитывал. И уже собирался уходить, но тут дзенн принес Герладия, устроившего переполох и искавшего какого-то мага. Грэд был умен и быстро сумел сложить два и два. Поляна в глухом лесу, неизвестно как оказавшийся там ребенок в странной одежде. А потом Ищущий, идущий по следу мага.

— Встретился бы я с тем магом, что оставил ребенка одного в лесу, сказал бы ему пару ласковых, — процедил сквозь зубы Грэд. — Но тут — либо спасать мальчика, либо искать мага. Жизнь ребенка важнее. Что ж, малыш, пора нам в путь.

Володя радостно кивнул, словно понял, о чем говорил Грэд.

Последние события навалились неожиданно и совсем сбили с толку. Володя не понимал, где он, как сюда попал и что ему делать. Единственная надежда была на этого надежного и доброго человека, который неожиданно встретился в лесу и куда-то повел. Можно ли ему доверять? Такой вопрос у мальчика даже не возникал.

Он всегда чувствовал людей. С самого рождения. Первым воспоминанием были люди в масках, которые тащат его за голову откуда-то, потом слова и радостное, улыбающееся лицо женщины.

— Это твоя мама, малыш, — говорит чей-то голос.

Потом его унесли, и стало скучно. Слово «мама» понравилось, хотя он еще и не знал, что это такое. Потом его еще не раз приносили к той женщине. Теперь мальчик понял, что такое мама. Это слово теперь ассоциировалось с теплом мягких и нежных рук, с сытостью, с лаской. Он пока еще не понимал их, но запомнил. Если бы мальчику кто-нибудь сказал, что он не должен все это помнить, что обычные люди начинают четко помнить происходящее лет с четырех, он просто не поверил бы и не понял.

А потом случилось что-то, что разрушило его мир. Мальчик это событие помнил так же отчетливо, как и все остальные. Его несли к маме. Он радовался этому и с нетерпением ждал встречи. Тем более, как он слышал, должен прийти еще папа. Он не совсем понял, кто это, но ожидал, что этот папа окажется таким же приятным, как и мама. Но тот, кто его нес, вдруг упал, и мальчик почувствовал, что летит. Ему стало весело, полет очень понравился. Но тут же он ощутил испуг людей вокруг. И больше всего испугались мама и папа. Они почему-то не хотели, чтобы он продолжал лететь, а то может стукнуться об какую-ту стенку. Что это значит, мальчик не понял, но доверился маме. Раз та не хочет этого, значит, это неприятно. И он впервые просто НЕ ЗАХОТЕЛ стукнуться об эту стену, пожелал остановиться, и остановился. Немного повисел в воздухе. Но поняв, что это почему-то тоже не нравится папе и маме, опустился на пол.

После этого он постоянно ощущал какое-то странное напряжение, когда мама брала его на руки. Мальчик еще не знал, что такое страх, и не мог выразить свои ощущения. Не понимал, почему мама его боится. Но

она прятала свой страх, и он делал вид, что ничего не замечает.

Взрослея, Володя начал понимать, что его жизнь не совсем такая, как у других. Родители почему-то постоянно переезжали с места на место. Знакомясь с другими детьми, он узнавал, что они, оказывается, всю жизнь живут на одном месте, и им не надо никуда ехать. Мальчик считал это удобным, ведь только он успевал с кем-то познакомиться, как снова надо было уезжать. Он спросил у мамы, почему так происходит, но она почему-то расплакалась, а потом объяснила, что у них с папой работа такая.

Слово «работа» звучало не очень приятно, но мальчик быстро понял, что именно она дает все те вещи, которые его окружают. В том числе и игрушки. Что ж, ради игрушек можно потерпеть и работу. Но почему мама плакала? Может, ей работа не нравится?

Еще Володя заметил, что родители почему-то начинают нервничать, когда он делает самые обычные вещи. Например, захотелось попить, и он мысленно приказал кувшину прилететь из кухни. Мама испугалась и заплакала. Мальчик попытался ее успокоить и объяснить, что на кухню идти далеко, а так — быстрее. И от дел не отрывает. Но мама почему-то не успокоилась. Пришлось пообещать, что больше делать такого он не будет. Потом мальчик понял, что этого не умеет никто из его знакомых, и удивился. Он-то считал, что так делают все дети, и только взрослым это недоступно.

Из-за частых переездов у Володи не было друзей. Приходилось в свободное время чем-то заниматься. Поэтому мальчик рано выучился читать и буквально проглатывал книги, обнаруженные в домашней библиотеке. Он быстро прочитал детские и взялся за отцовские, но практически ничего не понял из прочитанного, хотя память старательно все сохранила. Однажды

отец застал малолетнего сына за чтением учебника физики. Мальчик почувствовал испуг папы, но тот постарался его скрыть. Володя уже знал, что реагировать следует на чувства, которые люди стараются показать, и не замечать те, что они скрывают.

— Ты что-нибудь понял? — спросил его тогда отец.

— Нет, — честно ответил Володя. — Я тут даже некоторые буквы не узнал. Но я прочитал, и когда-нибудь пойму.

— Ты запомнил всю книгу? — Это они с родителями уже проходили, но те по-прежнему отказывались верить своим глазам.

— Да, папа.

— А какие еще книги ты прочитал?

Мальчик подошел к столу и вытащил оттуда три книги. Две по философии и одну художественную. Отец раскрыл первую попавшуюся книгу наугад и назвал номер страницы и номер абзаца.

Володя вздохнул, недоверие родителей обижало. Ну зачем это они, ведь он действительно помнит. Однако папу огорчать не хотелось, и мальчик старательно рассказал текст по памяти. С этого дня он с отцом стал заниматься английским и французским языками.

Вечером приходила мама. Она садилась рядом с ним и говорила. А потом открывала большую книгу и начинала читать. Рассказы в ней мальчику нравились, но он многого не понимал. К тому же мама вкладывала в чтение этой книги какой-то особый смысл. Володя никак не мог понять, в чем дело, пока не узнал, что эта книга называется Библией, и не прочитал значение этого слова в словаре.

— Мама, ты читаешь мне эту книгу, потому что боишься, что мою душу забрал дьявол? — бесхитростно спросил он. — Не бойся. Я ее никому не давал. Честное слово!

Мама замерла, а потом против воли улыбнулась:

— Нет, малыш. Я хочу, чтобы ты научился доброте. У тебя непонятные силы. Непонятные нам с папой. И я боюсь, что ты применишь их во зло.

— А что такое зло? Вот ты читала книгу про Бога. Там сказано, что Бог добр и любит всех. А я читал про рыцарей. Они во имя Бога убивали. Если Бог добр, то разве он может допустить, чтобы его именем убивали?

— Ты еще слишком мал, малыш, чтобы понять это. Это не Бог хочет, чтобы его именем убивали, а люди оправдывают свои плохие поступки таким образом. Они считают, что если скажут, что убили во имя торжества Бога, то это будет добрый поступок.

Мальчик задумался.

— А-а, ясно. А то я никак не мог понять, почему в некоторых книгах люди одной веры пытались силой навязать свою веру другим. Я все думал: неужели их Бог настолько жалок, что ему требуются верующие, обращенные таким образом? А это тоже люди, да, мама?

— Да, малыш. Не верь тем, кто говорит, что творит зло во имя Бога.

— Хорошо, мама.

Такие разговоры велись почти каждый вечер и ужасно нравились Володе. Но он по-прежнему не понимал необходимости постоянных переездов, а папа с мамой отказывались объяснять причину. Но постепенно мальчик привык и даже начал получать удовольствие от путешествий. Ведь можно узнать столько нового! За свою короткую жизнь он уже успел повидать немало. Видел красивые башни из красного кирпича и с восторгом слушал бой часов, которые папа называл курантами. Потом они переехали в город поменьше, где оказалось не так интересно, зато был лес. Потом еще один город. Потом еще. В каждом было что-то свое, каждый отличался от другого. На него произвел сильное впечатле-

ние огромный монумент женщины с мечом на горе. Видел и стальную стелу, на которой стоял большой дядя, держащий над головой крылья. Папа показывал адмиралтейский шпиль и небольшой домик, в котором когда-то жил царь, этот домик построивший. Но разве цари что-то строили? У них же слуги есть. Можно им приказ отдать, а они уж построят все, что нужно. Это заинтересовало Володю, и он решил почитать о странном царе. Потом был дальний город на море. Мальчик с интересом наблюдал, как в порт входят огромные океанские суда и как большие краны начинают разгружать их.

Он приходил в восторг во время полетов на самолетах, наблюдая с высоты за землей. Иногда, ради развлечения, наблюдал за людьми на земле. Это оказалось интересно и смешно.

Потом они довольно долго жили в деревне. Там он доил корову, а потом с другими мальчишками уходил в «ночное». Володя был самый маленький, и старшие товарищи брали над ним «шефство». Один мальчик даже учил его ездить верхом. Обещал сделать из него казака. Кто такой казак, Володя в то время не знал, но все этому радовались, радовался и он. Ходили в лес по грибы. Собирали ягоды. А потом — снова переезд, и пришлось покинуть друзей и полюбившееся место. Тогда он плакал, а мама его утешала.

Но вскоре случилась беда. За свою жизнь мальчик редко встречал зло. Нет, он, конечно, дрался с другими мальчишками, но понимал, что тут не зло, а «принципиальное выяснение вопроса», как называла это мама, когда он приходил домой с синяком. Но сейчас Володя ощутил именно зло. Он понял это сразу, как проснулся. Мальчик поспешно встал и оделся. Потом осторожно выглянул из комнаты. В зале он увидел папу и маму, которые встревоженно о чем-то говорили.

— Ты уверен, дорогой? — спрашивала мама.

— Да. Я узнал его. К сожалению, он меня тоже. Это тот самый Кривой. Боюсь, у нас мало времени! Надо срочно уходить.

— Но мы еще не подготовились...

— Поздно уже готовиться. Быстро собирай вещи. Если уж они узнали, что мы в этом городе, то найти нас труда не составит.

— Хорошо, дорогой, — испуганно выдохнула мама.

В этот момент входная дверь от мощного удара слетела с петель, и в квартиру ворвалось несколько мужчин с пистолетами в руках.

— Вот они, птички, — ухмыльнулся один из них. — Долго же вы от нас бегали. Говорил я тебе, Слава, что все равно найдем вас. Лучше бы ты тогда согласился.

Папа был испуган, но мальчик видел, что он старается держать себя в руках.

— Чего тебе надо, Петро?

— Ты же знаешь! Зачем спрашиваешь? Мне мальчик нужен. Где он? С его талантами мы сможем такие дела проворачивать, что никакая ФСБ нам не угроза.

— Вы не получите моего сына! — заговорила мама. — Вы уже ничего не сможете с ним сделать!

— Утю-тю! — насмешливо протянул мужчина. — Мальцу всего восемь. Все будет тип-топ. Эй, Кривой, бери его.

— Нет! — вперед вышел папа.

Мужчина задумчиво посмотрел на папу.

— А эти нам не нужны. Только мешать будут.

Тот, кого мужчина называл Кривым, ухмыльнулся и быстро достал пистолет. Мальчик сразу узнал его. Именно так его рисовали в книгах. Он даже узнал глушитель. Володя замер. И этого мгновения замешательства хватило Кривому, чтобы дважды нажать на курок. Мальчик видел, как папа пытался загородить собой маму, как у

него на лбу появилась кровь, как он падает. А потом сверху на него упала мама. То, что родители мертвы, Володя понял сразу, по мгновенно оборвавшей связи, которую он всегда ощущал где-то внутри себя.

— Не-е-ет!!!! — закричал он, с ужасом глядя на происходящее.

Зло повернулось на крик. Да, теперь он знал, как выглядит зло! Это было именно оно!

— Нет! — повторил он. — Нет!!!

— Ну что стоишь, Кривой? — досадливо поморщился Петро. — Хватай мальца. Где там хлороформ?

Убийца шагнул к нему, но Володя уже не боялся. Он накапливал гнев. Гнев и обиду. Зрачки мальчика вдруг полыхнули пламенем, и убийца с воплем отшатнулся, закрыв глаза руками. Из-под пальцев у него выступила кровь. С пола взлетела дверь и со стуком встала на место, отрезая убийцам путь бегства. Петро, самый сообразительный, кинулся к ней, но, несмотря на все старания, так и не смог открыть. Володя ждал. Он ощущал, как страх охватывает зло. Он ждал, когда этот страх станет сильней. А потом обрушил на убийц всю обиду восьмилетнего ребенка, оставшегося без родителей. Зло закричало. Его крик резал уши.

— Зло будет, но, борясь с ним, не становись таким же, — неожиданно вспомнил мальчик слова мамы из давнего разговора.

— Я не хочу!!! — закричал он, но крик утонул в испуганном вое зла. — Замолчите!

От испуга и растерянности он потерял контроль над своей силой. Вспыхнули обои и мебель. Раздался взрыв. Мальчика отшвырнуло в комнату.

— Я не хочу, — прошептал он. — Не хочу... не хочу... Мама-а!!! Помоги мне!! Спаси!!!

Затем была тьма и яркий тоннель, уходящий куда-то вдаль. Ужас и испуг прошли сами по себе. Неожиданно

Володя успокоился. Вокруг струился какой-то странный свет, от которого стало легко и радостно. Боль проходила. И тут он увидел маму и папу. Они стояли впереди и грустно смотрели на него.

— У тебя тяжелая судьба, сынок, — сказал папа.

— Папа? Мама? — недоверчиво спросил он.

— Возьми. — Папа протянул руку — и в воздухе повис медальон, переливающийся белым и черным светом одновременно. — Надень это, сынок. Он тебе пригодится. И не плачь. Ты ведь у нас мужчина. Ничего не бойся.

Мама ласково улыбалась. Затем фигуры родителей медленно растаяли. Дальше мальчик ничего не помнил, очнувшись в лесу. Он даже не задумался, каким образом оказался в этом лесу и далеко ли до дома. Впрочем, дома у него уже нет. Ведь дом — это не стены. Дом — это люди, которые тебя окружают. А вот их-то и не стало. С ним оставался только тот сон.

В этот момент Володя увидел в своей ладони тот самый медальон, который протянул ему папа во сне. Мальчик недоверчиво посмотрел на него. Потом потрогал. Медальон оказался настоящим. Но он недолго пролежал на ладони — засветился и медленно погрузился в руку. Только на коже остался едва заметный рисунок двух сплетающихся капелек. Черной и белой.

— Я сберегу его, папа, — пообещал он. — Я сберегу твой последний подарок.

Неожиданно за спиной затрещали ветки, и на поляну выбрался мужчина в довольно странной одежде. Но в тот момент мальчик на одежду не обратил внимания. Он решил, что за ним пришли убийцы. Володя посмотрел на человека, а потом испуганно закричал и заплакал, постаравшись зарыться в траву. Но его никто не трогал. Решившись, мальчик приоткрыл один глаз. Незнакомец сидел на корточках неподалеку и с жалостью

смотрел на Володю. Подходить он и не пытался. Мальчик почувствовал, что этот человек не желает ему зла. Вернее, сознательного зла. Мужчина заговорил. Мальчик не знал этого языка и растерянно посмотрел на незнакомца. Потом несмело спросил:

— Кто вы, и где я нахожусь?

То, что его не поняли, мальчик сообразил сразу. Тогда Володя повторил свой вопрос на английском. Но и в этом случае его не поняли. Мужчина развел руками и что-то сказал. Потом тоже попробовал говорить на разных языках, но все они оказались незнакомы. Он разочарованно вздохнул, резко встал и подошел. Мальчик слегка отодвинулся.

— Сельф ан Сельфин ибн Грэд, — отчетливо проговорил незнакомец, коснувшись себя рукой.

Володя понял, что это имя собеседника. Необычное и довольно смешное имя. Мальчик старательно повторил его, а потом показал на себя пальцем.

— Володя, — представился он.

Теперь уже удивился Грэд. Он что-то сказал, потом махнул рукой, встал и зашагал к лесу. Мальчик тоже встал и пошел следом. Он и сам не мог сказать, почему решил идти с этим человеком. Почему-то незнакомец показался ему хорошим. Не злом.

Грэд остановился и обернулся. Что-то спросил. Потом нагнулся, нарисовал на земле домик и вопросительно посмотрел на мальчика. Это напомнило Володе о родителях. Воспоминание накатило неожиданно, а проклятая абсолютная память заставила пережить все вновь. Володя опустился на землю и разревелся. Он чувствовал, как мужчина присел рядом с ним. Чувствовал, как его берут на руки и куда-то несут.

Дальше он шел вместе с этим странным человеком, который называл себя Сельфом ан Сельфином ибн Грэдом. Он не совсем понял, зачем Грэд снял с него одеж-

ду, а вместо нее заставил напялить тряпки, снятые с пугала. Но посчитал это какой-то игрой. Дал себя измазать в грязи, захихикав от щекотки. Однако вся его веселость испарилась при виде места, куда они шли. Таких городов не было в мире. Их нигде не могло быть! А эти странные люди в доспехах и с мечами? Что случилось дальше, Володя уже не помнил...

Очнулся он в постели. Рядом сидел Грэд и встревоженно смотрел на него. Володя улыбнулся, пытаясь показать, что все в порядке. И тут ворвались солдаты. Они заставили его встать, Грэд помог одеться. Володя чувствовал, что тот встревожен, но внешне этого заметно не было. Их согнали вместе со всеми остальными постояльцами и выстроили у стены. Володя никак не мог понять, что происходит. И тут ужас накрыл его буквально со всех сторон. Люди сжались, боясь поднять голову, даже Грэд присел и опустил глаза, хотя мальчик чувствовал, что тот не столько испуган, сколько насторожен.

Володя быстро понял причину всеобщего страха. Люди боялись полного человека в рясе, вышедшего на крыльцо. Он с какой-то кривой ухмылкой наблюдал за ними. И был доволен. Он наслаждался унижением других. Володя растерялся, никак не мог представить кого-то, кому чужие унижения доставляли бы такую радость. Мальчик пристально посмотрел на человека и понял, что тот таким образом прячет свою слабость. В глубине души он понимает, что не заслуживает ни уважения, ни своего места, ни даже страха. Унижая людей, он просто самоутверждался. Он был из тех, кто возвышался над людьми не потому, что поднялся туда своим трудом, а потому, что опускал людей ниже себя. Володя испытал глубочайшее презрение. И это презрение только усилилось, когда по приказу инквизитора людей начали бить плетками.

Вот тот двинулся вдоль строя. Глаза мальчика и жес-

такого человека встретились. Володя показал свое презрение к нему, проник глубже и тут... вдруг понял, что не презрения заслуживает этот несчастный, а жалости. Пытаясь возвыситься, унижая других, он унижал себя. Он загнал себя в ловушку и не может разобраться в своей душе. И тогда Володя сделал то, чего никогда еще не пытался сделать раньше. Он вложил человеку в душу осознание того, что нет плохих черт, с которыми стоит бороться. Борьба внутри себя — это саморазрушение. Не надо бороться, надо просто признать все части своей личности и принять их, а приняв, направить на созидание. Нет зла даже в самых темных участках души. Это часть человека, и без нее он неполноценен, как неполноценен и без светлых черт. Нельзя избавиться от чего-то одного, не разрушив своего «я».

Но это объяснение почему-то рассердило инквизитора. Володя даже испугался, что накликал беду. Но все обошлось. Поговорив с Грэдом, тот что-то приказал воинам за спиной, вскочил на коня и уехал. Володя же попытался обдумать случившееся. Потом вздохнул — нет, он ничего не понимал. Еще очень мало знал, и его попытка помочь вполне могла навредить. В следующий раз, решил мальчик, прежде чем что-либо делать, надо будет подумать. И хорошо подумать. К тому же совершенно непонятно, куда он попал. Ясно одно — это не Земля.

Где-то на постоялом дворе Ищущий Герладий проснулся в холодном поту от собственного крика. Ему снились глаза. Глаза того самого мальчика из забытого Богом городишки. Глаза, полные жалости и понимания. Герладий выругался и быстро прогнал видение. Если бы он сам не проверил этого сопляка, то решил бы, что тот навел на него порчу. Подумав, что все это от переутомления, Ищущий встал и рявкнул на командира отряда,

вбежавшего на крик. Потом приказал быть готовыми отправляться дальше. Офицер поклонился и быстро вышел. Герладий еще немного посидел, успокаиваясь, и вышел следом. Солдаты встретили его глубокими поклонами. И впервые в жизни унижение других людей не доставило Ищущему никакого удовольствия.

* * *

Видение настигло Стига, когда он прикорнул после обеда прямо в саду, на небольшой полянке, где любил читать и размышлять. Частенько он забирался сюда с книгой, потом согревался на солнышке и засыпал — садовники и слуги, видя, что молодой хозяин отдыхает, предпочитали его не тревожить, если не было ничего срочного. Дракон все-таки, еще спросонья хвостом огреет, мало не покажется.

За прошедшие после прибытия Ди Два-Варфа в империю полгода видения не посещали Стига, но он и так знал, чем и как живут его подопечные. В последний месяц черный дракон размышлял, как подтолкнуть юного дварфа, чтобы он подал документы на стажировку в Конторе — так наблюдать за ним будет проще. Однако Ди и думать ни о чем таком не желал — он с горящими глазами носился по столице Нада, быстро найдя себе приятелей и наслаждаясь свободой. Ну и, конечно, помогал отцу, дяде и старшим братьям на работе, а матери и тетке с сестрами и кузинами — по дому. Единственно, что пришлось посещать вечернюю школу, в империи образование было необходимо как воздух, а Ди не умел даже читать. Да и над-анн толком не знал, не говоря уже о всеобщем — на острове Тсорн говорили на тсариге, не похожем ни на один другой язык Танра.

Братья Два-Варф согласились стать бригадирами на императорских верфях, где строились в основном военные корабли — барки, корветы, фрегаты и линкоры.

Наученные горьким опытом дварфы не пожелали иметь дело с частными владельцами, предпочли им государство. И не ошиблись. Хотя жалованье оказалось и поменьше, чем в других местах, зато император бесплатно выделил мастерам большой двухэтажный дом в трех кварталах от верфей и помог с обустройством. Ведь у бывших рабов ничего не было, кроме драной одежды, все пришлось бы покупать, если бы не помощь его величества — от ложки до штанов. А где взять денег? Снова в долги влезать? Очень не хотелось, слишком свежа была память о том, чем это кончилось в прошлый раз. Да, Над — это, конечно, не Тсорн, здесь в рабство не продадут, но все-таки. Лучше не нарываться. Так что предложение старшего мастера императорских верфей пришлось очень кстати.

Несколько месяцев назад агенты Конторы каким-то образом раздобыли чертежи скоростных пиратских бригов с острова Тар. Теперь лучшие корабелы Нада пытались построить хоть несколько. Пока не слишком-то получалось, видимо, в украденных чертежах чего-то не хватало, однако постепенно становилось ясно, что еще немного усилий — и удача улыбнется имперцам. Братья Два-Варф, поскольку были куда опытнее, быстрее других мастеров разобрались, в чем секрет этих бригов, и сейчас на стапелях над-аноурской императорской верфи под их руководством строились три скоростных четырехмачтовика. Дварфы испытывали профессиональный азарт, надеясь, что им повезет — помимо всего прочего, премия за постройку этих кораблей даст семье полную финансовую независимость. Пятьдесят тысяч золотых! Гигантская сумма.

Ди немало времени проводил на верфи, отец с дядей охотно передавали ему секреты мастерства. Юный дварф не мыслил для себя иной судьбы, кроме как стать корабелом. Это несколько раздражало Стига, который

хотел видеть своего ведомого служащим Конторы. Дракон даже начал подумывать о том, чтобы открыться Ди и рассказать ему все, но никак не мог решиться. Ведь тот может перепугаться и сдать его, что вовсе не желательно. В конце концов Стиг решил пока оставить дварфа в покое. Вот проснется у него дар черного мага, тогда можно будет и поговорить. Тогда Ди придется принять свою судьбу, хочет он того или нет.

С гномом тоже все было в порядке, упрямство помогло ему втянуться в тяжелый ритм учебы и тренировок. Постепенно Доури становился одним из лучших стажеров, мастер Хорбоган нахвалиться на него не мог. Но, понятно, хвалил не в глаза, чтобы тот, паче чаяния, не загордился и не позволил себе расслабиться. В глаза — только ругал. Стиг надеялся, что вскоре способности мага проснутся и у гнома. Главное — не упустить момент инициации!

Однако видений не случалось давно, да и не нужны они были. Поэтому Стиг сильно удивился, оказавшись неизвестно где, никак не рассчитывал, собравшись подремать после обеда на солнышке, что снова увидит ведомых. Неужели с Ди или Доури случилось что-то плохое? Не дай Господи! Однако перед его глазами оказался не гном и не дварф, а совсем иное существо, при виде которого дракон насторожился. Тело льва, голова орла и крылья. Грифон, будь он трижды неладен! Это что же получается, его третий ведомый — грифон?! Вот ведь паскудство!

Несмотря на то что даже в его классе учились двое существ этой расы, Стиг их не слишком любил и старался избегать — так и не смог забыть роли грифонов в гибели родителей, брата и сестры. Умом понимал, что не могут все они быть убийцами, но это умом, отнюдь не душой. Хорошо хоть местные грифоны не ненавидели драконов, в свое время императорам удалось свести

на нет эту бессмысленную ненависть. Зато фалнорские... Учителя в гимназии рассказывали, что фалнорские орлоголовые все готовы отдать, чтобы убить хоть одного дракона. Почему? Трудно сказать, однако ненависть к драконам была присуща грифонам Танра изначально, причем — ненависть лютая, безумная, нерассуждающая. Причины ее не знал никто.

Неизвестный грифон летел над морем и хрипло клекотал от отчаяния, его чувства буквально захлестывали Стига. С беднягой явно случилось что-то очень нехорошее. Но что? И куда он летит? Вскоре дракон понял, что Птер, как звали орлоголового, и сам этого не знает. Несется в неизвестность, не думая, что с ним будет. Бежал из дому. Интересно, почему? В отличие от предыдущих случаев, знание о жизни Птера Ла-Прата не пришло к Стигу из ниоткуда. Он продолжал с недоумением следить за полетом юного грифона, а тот действительно был совсем юн. Лет шестнадцати, вряд ли больше.

«За что?! — билось в голове Птера. — За что они так со мной?! Только за то, что не согласен ненавидеть без причины?! Святой Создатель! Да как же это?! Неужели мое желание понять — это такое страшное преступление?!»

Впереди показался какой-то крохотный островок, и грифон понял, что должен немного передохнуть, иначе вскоре от усталости рухнет в море. По счастью, на островке нашелся небольшой источник, и Птер смог напиться, жажда не давала дышать. А напившись, немного успокоился и задумался о том, что делать дальше. Юный грифон бежал из Оринграда внезапно, не выдержав издевательств и побоев товарищей по казарме. Бежал, сам не зная куда и зачем. Слышал когда-то, что далеко на юго-западе есть некий Срединный архипелаг, где хватает необитаемых островов, на которых можно спрятаться.

«Почему же так вышло?» — в отчаянии спрашивал себя Птер и не знал, что ответить. Вышло, и все тебе тут...

В Фалноре, в отличие от империи, грифоны семей никогда не имели и с раннего детства жили в казармах. Их отбирали у матерей совсем маленькими, годовалыми, и воспитывали, умело подогревая извечную ненависть к драконам. Воспитывали только для одного — служить транспортным средством для охотников. Изредка еще грифоны возили срочную почту, но только престарелые или искалеченные, уже не способные охотиться. Самым близким существом для грифона являлся его охотник. И друзья по казарме. Самок орлоголовые видели раз в году, во время весеннего спаривания — тех содержали в закрытых вольерах, подрезая крылья, чтобы не улетели. Грифоны не протестовали, искренне веря в свое великое предназначение — избавить мир от адских чудовищ, проклятых Спасителем крылатых ящеров. А ради этого можно и потерпеть. Так их воспитывали, эти истины вбивались в головы молодняка с первого дня в казарме.

Чем больше драконов было на счету охотника, тем сильнее гордился носящий его грифон, тем выше был статус этого грифона в казарме. Далеко не всем из охотников, правда, удавалось пережить даже одну охоту, проклятые чудовища сопротивлялись изо всех сил, не желая умирать во славу Спасителя. Последнее обстоятельство приводило грифонов буквально в неистовство. Да как эти адские звери смеют сопротивляться?! Как смеют убивать благородных рыцарей неба?! А тех гибло много, очень много, однако желающих заняться этим кровавым ремеслом было еще больше. Порой грифон за год менял пятерых-шестерых охотников.

Несмотря на все это, фалнорские грифоны большей частью были довольны своей судьбой — никогда не знали иной и считали, что только так и должно жить.

Искренне верили, что делают нужное дело — избавляют мир от зла. Да, гибнут при этом, но ради святой цели и жизни не жаль!

Все изменилось одиннадцать лет назад. Булла первосвященника, приравнивающая драконов, этих чудовищных тварей, к остальным разумным, запрещающая их убийства, оказалась для охотников и грифонов полной неожиданностью. Они внезапно оказались не у дел, из героев стали преступниками. И постепенно уверились, что их просто предали, что власть в Церкви оказалась в руках врагов дела Спасителя. На долю грифонов осталась только почтовая служба, что крылатых совсем не удовлетворяло — слишком хорошо помнили, как их раньше чествовали после каждой охоты в городах и селениях Фалнора. А теперь? Теперь они стали всего лишь почтальонами. За это хорошо платили, но разве в деньгах дело? Нет, отнюдь...

Мало того, грифоны внезапно получили полную свободу. Даже самок отпустили, перестали подрезать им крылья, разрешили создавать семьи и жить где хочется. Однако... крылатые не знали, что им делать с этой самой свободой, никогда ее не имели, вот и продолжали жить привычным образом, в казармах. Уже сами отбирали у самок детенышей и воспитывали по-старому, в ненависти к драконам. И не только к драконам — бывшие охотники умело раздували возмущение крылатых, направленное на нового первосвященника и его окружение. Но не спешили, слишком боялись Чистых, которые быстро отслеживали любые признаки нелояльности.

По прошествии нескольких лет в небе Фалнора стали изредка появляться драконы. Некоторые даже поселились в ранее недоступной для них стране, став работниками почтовой службы. Это оказалось последней каплей, и как-то раз несколько десятков грифонов напали на одного такого дракона, везущего почту из Оринтра-

да в Символ Веры. Напали и разорвали в клочья, их было слишком много. Пользы это нападение не принесло, совсем наоборот — вскоре прибыли опытные следователи из ордена Чистых и быстро выявили виновных. Те, впрочем, и не скрывали ничего, искренне гордясь своим поступком. Остальные восхищались подвигом «героев». Однако в героях убийцы проходили недолго: их казнили всех до единого — перед строем. Этот случай вызвал у крылатых горестное недоумение и лютую обиду. Они затаились, окончательно осознав, что с новой властью им не по пути. Но что делать — не знали. Кое-кто даже поговаривал, что нужно скопом улетать в Срединный архипелаг, создавать там свою страну и продолжать войну с драконами. Им с чешуйчатыми бестиями в одном мире не жить! Это фалнорские грифоны знали твердо.

Птер с раннего детства отличался от других грифонят, интересовался вещами, которые больше никого не занимали, поэтому чаще всего был один. Его просто не понимали, его вопросы вызывали или смех, или недоумение у остальных. А наставники ничего не объясняли, они продолжали вбивать в головы детям то, что считали непреложной истиной, — ненависть. Лютую ненависть к зверям из ада, драконам. С десяти лет грифонят начали обучать воздушному бою. Птер охотно учился, просто из интереса — обожал летать. Однако ненависть воспринимать не хотел, сам ее не испытывал и не понимал, почему нужно ненавидеть тех, кто ничего плохого грифонам не сделал. Однако высказывать свои сомнения наставникам не решался.

Жизнь шла своим чередом, и вскоре Птер узнал, что, согласно новым законам, никто не имеет права насильно держать его в казарме, что он может лететь куда угодно и жить где захочет. Однако страшно было сразу рвать с привычным бытом, с приятелями — настоящих дру-

зей он так и не завел, слишком коробили юного грифона их ненависть и злоба. Еще он не знал, куда податься в большом мире и как заработать на кусок хлеба. Кажется, можно служить почтальоном, но так ли это? Наставники содержали молодежь за свой счет, но за это требовали быть полным их подобием. Учили убивать. Учили не испытывать сомнений. Учили верить в великое предназначение народа грифонов — очистить Танр от зла.

С каждым днем Птеру от происходящего в казармах становилось все более тошно. Он много думал, пытаясь понять причины ненависти, задавал осторожные вопросы, но в ответ получал только голословные утверждения, что драконы — это просто чудовища, что очистить от них мир будет великим благом. Но почему они чудовища? Что плохого они сделали грифонам? Увы, никто не объяснял этого. Ненавидь, убивай и не смей ни в чем сомневаться! Больше ничего он от наставников так и не услышал.

Пять дней назад Птер сглупил и поделился своими сомнениями с лучшим приятелем, Кретом. Тот выслушал и недоуменно щелкнул клювом.

— Как это — почему?.. — растерянно переспросил он. — Да потому что они адские твари!

— Откуда ты знаешь?! — возмутился Птер. — Только со слов наставников? Вспомни, драконы никогда не нападали на нас первыми. Никогда! Наоборот, это мы отыскивали их где угодно и убивали. Всех убивали, даже детей!

— И что с того? Их вообще не должно быть!

— А почему? Что они нам такого сделали? За что мы их ненавидим?

— За что?.. — растерянно отступил назад Крет. — Да за то, что они звери! За то, что они вообще существуют! Их Господь не создавал! Их Ушедший создал! Они чудовища!

— Откуда ты все это знаешь?! — яростно выкрикнул Птер. — Откуда?! Наставники сказали?!

— Да, наставники! И я им верю!

— А я — нет! Для ненависти должна быть веская причина, а не чьи-то голословные утверждения! Факты! Если драконы что-то плохое сделали нам в прошлом, то пусть скажут, что именно! Так нет же — ненавидь просто потому, что они есть! Не могу я так! Тем более что Святая Церковь признала — они не бездушные твари, у них есть души!

— Это предатели признали! — гневно распушил перья на голове Крет.

— А может, это мы со своей глупой ненавистью — предатели?.. — едва слышно спросил Птер.

— Ты просто чокнутый! — Приятель некоторое время возмущенно клекотал, затем решительно повернулся и двинулся прочь. — Знать тебя не хочу!

Юный грифон с горечью посмотрел ему вслед и внутренне проклял себя за недомыслие. Нельзя было высказывать свои сомнения вслух, если хотел оставаться в казарме. Теперь придется уходить. Да и пусть! Не мог уже Птер каждый день слушать оголтелую проповедь ненависти. Однако решил задержаться на несколько дней. Как выяснилось, зря.

Наутро старший наставник, пожилой ветеран серостального цвета по имени Фрат Ла-Ртаг, собрал молодых грифонов всех возрастов на центральном плацу казарм. Немного помолчав, он обвел строй сердитым взглядом и хрипло прокаркал:

— Говорят, у нас тут ренегаты завелись. Так ли это?

Молодежь ошарашенно молчала. Обвинение было слишком серьезным.

— Птер Ла-Прат, выйти из строя! — скомандовал наставник.

Юный грифон, поежившись, ступил вперед.

— Мне тут передали, что ты не знаешь, за что нам ненавидеть адских тварей, — язвительно сообщил старший наставник. — Так ли это?

— Да, не знаю! — решительно подтвердил Птер, поняв, что Крет все рассказал. — Но очень хочу узнать! Что они нам сделали?! Скажите, наставник! Умоляю!

— Тебе сотни раз говорили! — разъяренно рявкнул тот. — Неужто недостаточно?!

— Все, что нам говорили, — это просто слова! — распушился юный грифон. — Ни разу не сказали, что конкретно нам — грифонам — сделали драконы! Они же на нас никогда не нападали первыми!

— Потому что трусы! — звонко щелкнул клювом Фрат. — Потому что твари Тьмы! Пойми, мальчишка, они несут зло одним своим существованием. За это мы их и ненавидим! Любой, кто считает себя верным Спасителю, обязан драться с ними до конца! Отыскивать, где бы они ни прятались, и безжалостно уничтожать! Только тогда ты грифон, а не драконья подстилка!

— Не понимаю... — с тоской сказал Птер. — Не понимаю, наставник!

— Чего ты не понимаешь? — растерялся тот. — Я тебе достаточно сказал.

— Недостаточно! — упрямо мотнул головой юный грифон. — По вашим словам получается, что драконы нам никогда и ничего плохого не делали. Получается, нам не за что им мстить! Просто кто-то взял и объявил их злом, потому, что ему это было выгодно!

— Да ты с ума сошел, мальчишка! — изумленно распахнул клюв Фрат. — Я такого не говорил!

— Такой вывод автоматически следует из ваших слов, — Птера трясло. — Доказательств того, что драконы — твари Тьмы, нет. Вы их не приводили, вы только утверждали, что это так. А значит, их просто объявили таковыми и приучили нас их ненавидеть!

— Ты мне не веришь?! — Старший наставник от неожиданности даже отошел на шаг. — Мне?!

— Не верю! — буквально выплюнул юный грифон. — Никому не верю! Любое утверждение должно быть доказано!

— Да, говорил я, что книги до добра не доведут... — укоризненно покачал головой Фрат. — Вот вам и результат... Надо же! Мальчишка смеет сомневаться в словах наставника!

— Потому что ваши слова — всего лишь проповедь бессмысленной ненависти! — не сдержался Птер, и тут же мысленно выругал себя за это.

— Ну-у-у, зн-а-а-е-е-шь... — От возмущения у Фрата перехватило дыхание.

— Это уже слишком! — подхватил кто-то из других наставников.

— Вы говорите, что драконы — зло? — Юный грифон окончательно понял, что терять ему больше нечего. — Только потому, что кто-то и когда-то объявил их этим самым злом, хотя они нам ничего не сделали? Так кто тогда зло? Ведь это мы ищем живущих своей жизнью драконов и убиваем всех, кого найдем! Даже детей! Просто так, ни за что! Кто тогда зло, наставник?! Может, мы?!

Фрат некоторое время потрясенно смотрел на него, его буквально колотило от гнева. Да как этот юнец смеет заявлять такое?! Грифоны — зло?! Неправда! Это именно грифоны борются со злом! Нет, его наглость требует примерного наказания. Чтобы другим неповадно было.

— В карцер!!! — рявкнул старший наставник. — Темный! Пусть подумает там о своем поведении! Наглый мальчишка! Да как ты посмел?!

Птера схватили, накостыляли клювами по бокам и оттащили в карцер — темное и тесное помещение, откуда не видно неба — страшное наказание для любого

крылатого. Он только горько усмехнулся, оставшись наедине с собой. Дурак! Чего же он ждал, пытаясь доказать им что-либо? Иначе и быть не могло... Ведь он осмелился подвергнуть сомнению привычные с раннего детства догмы. А такое не прощалось никогда и никому, если судить по прочитанным в библиотеке учебникам истории. Если бы сам Птер не любил читать, то, наверное, тоже вырос бы обычным фанатиком, люто ненавидящим все, на что указали наставники...

В размышлениях о смысле жизни, вере, Боге, любви и ненависти незаметно прошли два дня. Юному грифону темнота не причиняла никаких неудобств, наоборот, лучше думалось. Именно в карцере он окончательно понял, что полностью прав — нельзя жить во имя ненависти к кому бы то ни было. Жаль только, что с остальными грифонами ему больше не по пути. Что ж, как только окажется на свободе, придется уходить.

На следующее утро нарушителя канонов решили выпустить из карцера — больше двух суток никто из грифонов пытки темнотой и тишиной не выдерживал, сходил с ума — и очень удивились, обнаружив его сладко спящим. Обычно из карцера, стоило его открыть, вылетал надрывно воющий комок вспушенных перьев и катался по полу под ногами у наставников, клятвенно обещая, что никогда больше... А этот спокойно спит. Что за чудеса? Наставники с недоумением смотрели на мирно сопящего Птера, ничего не понимая. Что вообще происходит? Почему этот наглец не корчится от ужаса? Только Фрат сразу все понял и злобно прошипел:

— Книги-и-и... Снова проклятые книги-и-и...

Действительно, в соответствии с новыми законами, наставникам пришлось позволить обучать молодых грифонов грамоте и содержать библиотеку из присланных Синодом книг. Они охотно сожгли бы все эти книги на костре, но библиотека охранялась гвардейцами-людь-

ми. Идти на открытый конфликт наставники пока не решались, вот и пришлось, скрипя клювами от гнева, разрешить детям читать. Слава Спасителю, любителей чтения среди них оказалось совсем немного. Однако этот наглец как раз был одним из самых активных гостей библиотеки, шастал туда в любую свободную минуту, не обращая внимания на слова взрослых грифонов о том, что книги — дар Зверя. Неужели эти паскудные книги помогли ему справиться со страхом темноты? С одиночеством и отсутствием неба над головой? Другой причины нет. Похоже, придется обратить пристальное внимание на остальных любителей чтения, появления еще одного такого допускать нельзя. Ведь кое-кто из молодых уже задумался после его выступления, опытные наставники обратили внимание, что многие их подопечные не похожи на себя. Вместо того чтобы весело носиться в небе, сидят где-то в уголке с мрачным видом. А это плохо, еще надумают чего лишнего. И так множество грифонов ушли в обычную жизнь, навсегда покинув казармы. Это надо остановить!

— Вставай! — растолкал Птера старший наставник. — Можешь идти. Только сразу предупреждаю — держи свой поганый клюв на замке, не то хуже будет.

Юный грифон, ничего не говоря, вышел из карцера и двинулся к выходу во двор. Фрат проводил его задумчивым взглядом. Что ж, не вышло наказать его таким образом — пусть. Можно ведь и иначе...

Знай Птер, что его ждет, он бы сразу бежал куда глаза глядят. Но он и представить не мог, что в казармах такое в принципе возможно. Поэтому спокойно устроился на крепостной стене — погреться на солнышке и решить, как поступить. Остальные были на занятиях. Юный грифон досадливо повел крыльями, услышав, как где-то невдалеке хором скандируют:

— Убей! Убей! Убей! Смерть адским тварям!

Вскоре двор заполнился молодыми грифонами, вышедшими на перемену. И началось... Никогда до сих пор Птер подумать не мог, что его сородичи настолько жестоки, настолько бесчувственны и злы. Сперва с их стороны понеслись вопли «Драконья подстилка!», пожелания нажраться драконьего дерьма и тому подобное. А затем... Затем туча грифонов взметнулась в воздух и сбила Птера с крепостной стены. Взлететь он не успел — по спине замолотили десятки крепких клювов. От боли бедняга закричал, попытался куда-то спрятаться, но прятаться оказалось некуда. Избиение продолжилось.

Наставники, обычно сразу останавливающие любую драку, не вмешивались. Только переглядывались с довольными ухмылками. Главное — не допустить убийства, следователи из столицы им здесь совсем ни к чему. Но наглядный урок наглецу, осмелившемуся сомневаться в святых истинах, преподать необходимо.

— Хватит! — рявкнул Фрат, заметив, что жертва уже не шевелится. — Хватит, я сказал!

Грифоны неохотно разлетелись в стороны, оставив потерявшего сознание Птера на камнях. Самые «смелые» еще облили его сверху полужидким пометом, вызвав общий хохот. Кто-то из наставников подошел и брезгливо дотронулся лапой до спины избитого, тот дернулся.

— Живой, — удовлетворенно констатировал Фрат. — Ну, пусть отдохнет на свежем воздухе.

Он весело пощелкал клювом и гордо удалился. Вслед за старшим наставником потянулись остальные, даже не оглянувшись на распластавшуюся на камнях в луже крови фигуру.

Птер очнулся поздно ночью. Все тело пронизывала боль, казалось, он не сможет сдвинуться с места. Однако сдвинулся, заставил себя. Вот, значит, как? Что ж, ко-

гда-нибудь придет и его время. За все заплатят! Разом! В этот момент юный грифон и познал истинную ненависть. Ненависть к собственному народу. Он не знал, что в то же мгновение Тьма открыла глаза и всмотрелась в него из бездны. И, похоже, осталась удовлетворенной.

Надо немедленно бежать, это Птер понял сразу. Он попробовал взмахнуть крыльями. Как ни странно, получилось — крылья ему каким-то чудом не переломали. Бог миловал. Понюхав себя, юный грифон брезгливо сморщился. Сволочи, какие же они сволочи! Несколько резких взмахов, отозвавшихся болью в избитом теле, — и площадь осталась далеко внизу. Ночами грифоны редко летали, плохо видели в темноте. Вполне возможно, что это вообще был первый опыт такого рода. Но Птер четко осознавал, что терять времени нельзя, придется лететь наобум, надеясь, что не натолкнется на что-нибудь. А если даже и натолкнется? Плевать! Кто о нем пожалеет? Он хрипло заклекотал и понесся вперед. Куда-то в неизвестность.

Рассвет застал Птера над каменистой равниной. Куда это, интересно, его занесло? Определиться грифон смог только ближе к полудню, когда увидел внизу узкую полосу реки Утиной. Надо же, на северо-запад забрался, на Утиный Нос. Снизившись и рухнув в воду, Птер принялся яростно отмываться. Одновременно он размышлял, куда двигаться дальше. Ни на север, ни на восток, ни на юг нельзя — там явно будут искать. Старший наставник вряд ли захочет мирно отпустить еретика — ведь тот может пожаловаться властям. Что остается? Запад. Но если лететь на запад, то это остров Ллинь-Тон. Никто не знает, как там встретят грифона, поэтому лучше не рисковать. Жаль, нет возможности добраться до империи Над — там, говорят, любого принимают. Увы, слишком далеко. Значит, придется двигаться на юго-за-

пад, по направлению к Срединному архипелагу. И тоже неизвестно, долетит ли. Если по дороге не попадется островков или рифов для отдыха, то сомнительно.

Вымывшись, Птер взлетел, поднялся повыше и что было сил понесся на юго-запад, определив направление по солнцу. Он жаждал побыстрее оставить позади Фалнор — за его пределами наставники не решатся преследовать беглеца. Как оказалось, он очень вовремя спохватился. Уже на подлете к границе заметил позади несколько десятков грифонов. Они что-то кричали вслед, но Птер не слышал, что именно, да и слышать не хотел. Что еще, кроме оскорблений, они могут кричать? Он полетел быстрее и вскоре с облегчением увидел внизу пограничные галеры. Одинокого грифона они трогать не стали, зато при подлете большой стаи выпустили вверх тучу стрел, заставив преследователей повернуть обратно.

Радостно рассмеявшись, Птер задними лапами показал жест презрения и двинулся дальше. С тех пор прошло два дня, он вымотался до предела, но продолжал упрямо двигаться вперед. Даже ночами! По счастью, попался этот крохотный скалистый островок с источником. Иначе точно упал бы в море. Немного повозившись, грифон устроился поудобнее и заснул, не обращая внимания на камни под боком. Наутро его снова ждала дорога.

...Стиг очнулся и хрипло выдохнул. Таких долгих и ярких видений, как сейчас, у него еще не бывало. Казалось, он несколько дней пробыл грифоном и теперь никак не мог ощутить себя снова драконом. Да, теперь он многое понимал. Вот, значит, в чем дело? Гнева Стиг, как ни странно, не испытывал — его душу жгло горестное недоумение. Выходит, грифоны даже не знают, за что ненавидят его народ? Ненавидят просто потому,

что их научили этому? Как же страшна такая вот бессмысленная ненависть...

И еще одно дракон знал твердо. Он обязательно должен найти Птера и помочь ему. Вот только как это сделать — не знал. Ведь в Срединном архипелаге тысячи и тысячи островов, островков и островочков. Как узнать, на каком из них нашел себе приют одинокий грифон? Остается только дожидаться следующего видения. Как ни жаль.

4

Роман Реков быстрой пружинистой походкой шагал по коридорам станции, направляясь в учебные кабинеты. Проходя мимо причальных залов, где скапливались только что прибывшие пассажиры, он мимоходом выделил тех, кто оказался на станции впервые. Их легко было отличить по широко распахнутым глазам и открытым ртам. О, вот еще один заблудился в мерцальнике... Роман даже остановился посмотреть на это, картина того стоила. Расплывающаяся человеческая фигура появлялась то в одном кристалле, то в другом. То нога высовывалась наружу, то рука, но полностью новичок никак не мог выпутаться из телепорта. Многие, уже пообвыкшиеся с дзеннскими штучками, останавливались и с улыбкой наблюдали за метаниями запутавшегося — вспоминали, наверное, как сами когда-то так же паниковали. Слишком отличалась эта станция от привычных земных космических станций. Она даже снаружи походила на клубок обрубков корней, переплетенных со щупальцами, ничем не напоминая строгие металлические конструкции землян. Кто-то наконец сжалился над новичком и вывел его наружу. Роман прыснул — тот был не то что бледный, а вообще зеленый в крапинку. И чего перепугался, спрашивается? Знает же, что ни

дзенн, ни их техника не способны нанести ни малейшего вреда ни одному разумному существу...

Немного в стороне за происходящим наблюдала стайка ребятишек — новых учеников, которые должны были начать обучение на станции. Проводив взглядом новичка, которого уводили по коридору с добродушными смешками, Роман усмехнулся. Давно ли он сам был таким вот мальчишкой, как эти птенцы, впервые попавшие на настоящую космическую станцию, тем более чужую. Впрочем, если честно, оказаться здесь он никогда не хотел. Роман рос, что называется, шалопаем, на которого давно махнули рукой и учителя, и родители. Шалопаем, который постоянно вытворял что-нибудь уж вовсе несуразное, с точки зрения взрослых.

— Ничего путного из тебя не выйдет, — вспомнилось раздраженное ворчание отца, убирающего «воспитательный инструмент».

Выведенный из себя шалостями сына, он впервые в жизни применил в этом качестве ремень, и теперь чувствовал себя не в своей тарелке. Чадушко же во время экзекуции только тихо напевало себе под нос: «Врагу не сдается наш гордый «Варяг», пощады никто не желает...»

— Современная педагогическая наука отвергает применение насилия для воспитания детей, — обиженно отозвался наказанный отрок после отбытия наказания. Нельзя сказать, что его это сильно обидело. Даже наоборот. Потом он с друзьями устроил игру в гестапо и очень гордился тем, что единственный из всех побывал в руках «гестаповца», ничего не выдав. Но вскоре об этом узнал отец...

Роман едва сдержал смех, вспомнив лицо добропорядочного родителя, узнавшего, как поименовал его собственный ненаглядный отпрыск. Да, давно это было. Сколько ему тогда стукнуло? Кажется, восемь. А потом были еще игры и еще шалости. Небольшой городок на

Земле, где их семья жила с момента его рождения, стоял почти у самого леса, что открывало огромный простор для человека с фантазией. А фантазия у Романа была, еще и какая... Учителя в школе только мечтали обуздать воображение воспитанника, ибо направлялось оно совсем не в ту степь... Порой его довольно злые шутки доводили молоденьких учительниц до слез, что очень удивляло самого мальчишку — ведь он не хотел ничего плохого, просто в школе было слишком скучно, слишком запрограммированно.

Все изменилось, когда ему исполнилось тринадцать. Из-за чего возник спор, Роман сейчас не помнил, но он тогда пообещал, что выучит дзенн-анн — язык союзников людей. И выучит его самостоятельно.

Дзенны, с точки зрения землян, — странная раса. Они никогда не воевали, но держали боевые корабли, и эти корабли изумляли людей больше всего остального: у них не было двигателей в земном понимании этого слова, двигателями служили сами дзенны, их невероятная психическая сила. Это потом, значительно позже, появились с их подачи и люди, способные на такое.

Еще сильно удивляла невозмутимость древних. Ни один из них никогда не волновался, не смеялся, не плакал — по крайней мере, на глазах землян. Они всегда были спокойны, уравновешенны и совершенно непробиваемы.

Активной экспансии в космосе дзенны тоже не вели. За все время своего почти трехтысячелетнего периода космических экспедиций они колонизовали всего сорок шесть планет. Земляне же за двести лет заселили почти пятьдесят. Когда земные корабли впервые столкнулись с дзеннами, никто первоначально не знал, чем все это может обернуться. О первом контакте говорили много, но... в жизни всегда есть место неожиданности. И первой неожиданностью стало то, что древние ниче-

го не собираются скрывать от молодой расы, только недавно вышедшей в космос. Казалось, оживают страницы древних фантастических книг о великом братстве разумных рас, «Великом кольце». А затем дзенны предложили обучать людей.

Привыкнув настороженно относиться к слишком уж заманчивым предложениям, люди и к этому отнеслись с прохладцей, однако соблазн оказался слишком велик. На Земле долго сомневались, долго отбирали кандидатов. Сто десять лет назад первые тридцать человек отправились на Тоэн-Дз'энн'э — главную планету народа дзенн-анн-в'иннал. Видимо, все они были агентами различных разведок, но даже агенты смогли научиться многому и вернулись домой совсем другими. С иными интересами и иным мировоззрением.

Какой крик тогда поднялся на Земле... Но ничего, со временем привыкли. Тем более что никакой «пятой колонны», о чем в то время много писали, не оказалось.

Роман, вспоминая все это, продолжал наблюдать за новенькими. Ребятишки с интересом осматривались, шушукались. Вот один оглянулся, понял, что его не видят, и тихо улизнул в сторону. «Ага... — рассмеялся про себя юноша. — Нашего полку охламонов прибыло. Будет теперь охране головной боли». Правда, на сей раз нарушителя спокойствия, по неопытности, отловили довольно быстро и за ухо препроводили к квохчущей сопровождающей.

Вскоре группу увели, и Роман снова погрузился в размышления. Ради забавы он как-то перечитал почти всю прессу первых десяти лет после контакта. «Подготовка вторжения», «Кадры для захвата»... Какого только бреда не писали после возвращения обученных дзеннами спецагентов! А ведь в конце концов люди, подготовленные «древними» — эта кличка вскоре намертво прицепилась к дзенн, — заняли достойное место на Земле.

Руководители отделов, дипломаты, военные, конструкторы — именно они потом составили гордость планеты. И даже самые ярые сторонники самобытности Земли не могли заметить в их действиях ничего, говорящего о том, что они хотят разрушить земную культуру и насадить дзеннские порядки. Скорее наоборот, порой именно эти люди стеной вставали на защиту той самой самобытности — и не от дзеннов, нет, от людей. От людей Земли, которые ради сиюминутных выгод жаждали разрушить все старое. Но и консерваторами они тоже не являлись. Они готовы были рассмотреть любую идею и, даже если та казалась совершенно бредовой, старались найти в ней рациональное зерно.

Именно ученики дзеннов стали инициаторами перемен, превративших Землю из свалки промышленных отходов с загазованной атмосферой в цветущий сад. Не сразу, далеко не сразу это произошло, несколько поколений сменилось, прежде чем удалось достигнуть этого, очень трудно оказалось повернуть в другую сторону мышление миллиардов людей, привыкших только хищнически хапать. Но это было сделано, и только тогда многие поняли, как умно и тонко действовали древние. Они не делились оборудованием, не посылали свои корабли для очистки. Нет, они всего лишь подготовили людей, для которых родная планета стала небезразлична. А уже эти люди сумели сплотить человечество единой целью и совершить невозможное. С тех пор наборы детей для обучения у дзеннов стали ежегодными. Но как правительство Земной Федерации ни старалось, оно так и не смогло уговорить древних принимать больше тысячи человек в год. Это было очень мало, это была капля в море, ведь обученные дзеннами люди ценились на вес золота, но те всегда отвечали, что время еще не пришло. Никакие доводы не могли пробить невозмутимость древней расы. Людям пришлось смириться.

Все это Роман проходил на уроке истории в школе, в то время он даже не думал, что именно ему суждено будет изменить устоявшиеся отношения. А ведь началось все с обычного спора... Глупого детского спора.

— Врешь ты все! — напирал Лерка. — Целые институты до этого не додумались, а ты — нате, нашел ключ.

Ромка мрачно смотрел на приятеля.

— А вот и нашел.

— Ха, нашел он. А почему же у тебя по дзенн-анн сплошные пары?

Пары были вполне заслуженны и проистекали от абсолютной неспособности Ромки заниматься чем-либо, что ему неинтересно. Дзенн-анн преподавали во всех земных школах. И те, кто знал язык древних лучше других, получали шанс отправиться на недавно построенную станцию, куда пять лет назад дзенны перевели всех обучающихся у них людей. Станция была совместным проектом, да и от Земли находилась ближе, чем Тоэн-Дз'энн'э. Древние пошли навстречу людям и вели занятия так, как это было принято на Земле. Многие мечтали попасть на обучение к этим странным существам и старательно зубрили дзенн-анн. Вот только выучить по-настоящему этот непохожий ни на один из земных язык не удавалось почти никому. Он оказался настолько сложен, что земные лингвисты даже после сотни лет его изучения продолжали теряться. Слова имели порой до нескольких тысяч значений, большое число модификаторов сразу меняло смысл фразы, и однозначно понять сказанное часто было просто невозможно. Поэтому до сих пор приходилось полагаться лишь на память и запоминать гигантское количество слов и выражений, подходящих к каждому случаю.

— Вот в этом-то и ошибка! — сердился Ромка. — Нельзя дзенн-анн выучить зубрежкой! Самое глупое за-

нятие — подходить к инопланетному языку с земной точки зрения.

На беду Ромки, его услышал учитель.

— Вот как, молодой человек? — хмуро спросил он. — Значит, вы считаете, что земные институты, разработавшие методики изучения дзенн-анн, неправы, а вы правы?

Ромке спорить не хотелось, он понимал, что все равно окажется неправ в глазах преподавателя. Но и уступить тоже не мог.

— Я такого не говорил. Просто они подошли к нему как к обычному земному языку. А это ошибка.

— Раз ты так думаешь, то тебе совершенно незачем посещать мои занятия! — сердито отрезал учитель.

Дзенн-анн являлся необязательным предметом, и его посещали по желанию. Но не было еще никого, кто отказался бы изучать язык древней расы. А уж чтобы учитель кого-то выгнал... Это позор. Это перечеркивало все шансы попасть на Станцию. Ромка сморщился, обида обожгла его, как кислота. А изнутри, сквозь обиду, медленно поднялась решимость. Они так? Хорошо! Сквозь злые слезы он посмотрел на учителя.

— Ну и ладно! Я сам выучу дзенн-анн. И буду говорить на нем лучше вас всех!

— Эй, постой...

Но Ромка уже убежал.

Учитель не ожидал такой реакции. Бросая в пылу спора слова, он вовсе не хотел отлучать мальчишку от занятий. Просто пытался поставить его на место. Но тот оказался упрям...

После этого случая Ромка перестал ходить на занятия, хотя учитель и намекал, что не будет его прогонять.

Через полгода мальчишка отправился в столицу, в Институт Языка, где потребовал, чтобы его проэкзаменовали по дзенн-анн. Увы, там его произношения не

поняли. И посмеялись, что было естественно. Ромка разозлился, начал доказывать свою правоту, доказывать с пеной у рта. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы в этот момент в Институте Языка не появился дзенн из посольства. Он почему-то заинтересовался, нижняя пара глаз прищурилась, все четыре руки сложились на груди, и древний перестал обращать внимание на вьющихся вокруг секретарей и преподавателей. Некоторое время молча слушал, как профессор доказывает мальчишке, что он неправильно расставляет слова в предложении, и как тот спорит, говоря, что по его методу гораздо правильнее, чем написано в книгах. Все вокруг были в ужасе и чуть ли не силой пытались вытолкать взашей неизвестно откуда взявшегося упрямца, позорящего институт. Но упрямец не желал ничего слушать и продолжал доказывать свое:

— Да подумайте, ведь так гораздо логичней. Фраза и короче получается, и информативнее!

— Вздор!!!

— Ах, вздор?! Ну, послушайте! — И тут мальчик выдал фразу...

— Вот я и говорю, что неправильно... — начал было седой профессор, но замолчал, увидев дзенна, который неожиданно сдвинулся с места и прорвался сквозь окружающих мальчишку людей.

— Повтори, — потребовал древний.

Ромка испуганно ойкнул, увидев, что на него обратил внимание дзенн, потом осторожно повторил. На полукруглой морде древнего появилось удивленное выражение, нижняя пара глаз сощурилась до щелочек, верхняя, наоборот, широко распахнулась. Он ответил какой-то сложной фразой, имеющей на первый взгляд около двадцати смыслов и шестидесяти подтекстов, как потом определили прослушивавшие запись знатоки дзенн-анн. Ромка радостно кивнул и быстро заговорил, на-

столько быстро, что вокруг никто не смог разобрать ни слова. Профессора-лингвисты ошарашенно следили за странным диалогом, в котором ничего не могли понять.

Дзенн долго слушал Ромку, одобрительно похлопывая себя верхней парой рук по ладоням нижней, затем замолчал, а через несколько минут вновь повернулся к замершим в удивлении людям:

— Народ дзенн-анн-в'иннал будет вам очень благодарен, если этот детеныш отправится на Станцию для обучения. Мы возьмем его сверх лимита. А кроме того, в этом году можете направить на Станцию еще тысячу учеников. Дополнительно.

При всеобщем ошеломленном молчании древний покинул зал. Люди еще не скоро обрели дар речи. Никогда... Никогда до сих пор дзенны ни о чем не просили людей. А тут... «Мы будем благодарны, если...» Обычно это люди благодарили их за обучение.

Ромка мгновенно стал знаменит. Человек, за полгода с издевательской легкостью изучивший дзенн-анн! Лучшие лингвисты изучали его десятилетиями, но знали лишь малую часть... Да что говорить, прошедшие обучение у дзеннов знали язык хуже, чем этот тринадцатилетний мальчишка. А уж сколько всяких ехидных слов высказали в адрес лингвистов и языковедов... Пресса только об этом и писала, издеваясь над беднягами как могла.

Так Ромка неожиданно для себя попал на Станцию, куда вовсе не стремился. С тех пор прошло пять лет.

Вспоминая все это, Роман понимал, как ему повезло. Не появись тогда в институте лингвистики дзенн, мальчишку бы просто обсмеяли, а потом выставили за дверь, как нашкодившего кутенка. Подрасти, мол, сперва, а потом уже учи. Странно все-таки, что люди до него не замечали определенную закономерность в символах дзенн-анн. Он-то эту закономерность заметил почти сразу, и

именно она помогла разобраться в остальном. В некотором смысле дзенн-анн был даже проще многих земных языков. Но, не заметив этой простоты, его стали усложнять до невозможности. Вот и получилось, что приходилось заучивать порой по сотне значений на один символ, хотя язык ведь вовсе не иероглифический. Зачем и кому это понадобилось?

Роман осторожно подошел к двери:

— Разрешите, Учитель?

— Заходи, человек. — Юноша до сих пор не мог понять, почему дзенны во время занятий никогда не обращались к людям по именам. Конечно, они занимались с каждым по отдельности, помнили о своем подопечном все до мелочей, но все же... По имени не называли. Это удивляло, тем более что во всем остальном они следовали правилам землян.

Роман осторожно прошел в центр комнаты и опустился на небольшой ковер, скрестив ноги. Учитель сидел напротив, изогнув ноги так, что, будь он человеком, у него не осталось бы ни одной целой косточки. Вообще, дзенны были высокими по сравнению с людьми, к тому же имели не одну пару рук, а две. На округлой морде Учителя было обычное насмешливое выражение, верхняя пара глаз прикрыта, нижняя внимательно смотрела на землянина. В каждой из четырех рук он держал какие-то предметы, которых Роману еще ни разу не доводилось видеть.

— У тебя есть вопросы? — неожиданно спросил дзенн, открывая глаза.

Роман замялся.

— Учитель, я давно хотел спросить. Что вы получаете от нашей учебы? Вы же даете нам знания... Почему? Ведь мы вполне можем стать вашими соперниками.

— Ты не понял, человек. Мы не даем вам знания. Мы не ваши волшебники из сказок. Знания надо заслужить.

— Но... — растерялся юноша.

— Ты хочешь сказать, что многие из тех, кто прошел обучение у нас, сделали открытия, прославились как ученые и конструкторы, — усмехнулся Учитель.

Впервые за все время обучения дзенн перебил его. Да не один раз, а два. Необычно. Очень необычно. Они всегда давали собеседнику возможность высказаться, задать вопрос полностью, а только потом говорили сами. Юноша задумался, внимательно перебирая все, что помнил о своем обучении. А ведь древний прав... Никогда ни о чем не было дано точной информации. Ни разу. Никогда не было сказано ни о чем, что это так и только так, что иначе и быть не может. Всегда предлагалось находить собственные ответы на собственные же вопросы. Его учили выходить за рамки, никогда не принимать ничего на веру. Только сейчас Роман осознал это и изумился, как он раньше не понимал этой простой истины.

— Верно, Учитель, — кивнул юноша.

— Тогда вспомни, что еще больше было тех, кто ничего не открыл, ничего не изобрел. Мы не даем вам знаний, — повторил дзенн. — Мы просто помогаем искать путь. Вы, люди, странный народ. Для нас странный. Даже непонятный. Вы каким-то образом способны одновременно служить и Свету, и Тьме, и Равновесию. Может, именно поэтому вы уцелели, будучи одинокими. Мы так не можем. И в этом наша беда...

Учитель замолчал. Роман тоже молчал, вспоминая его рассказы. По ним выходило, что раньше древние жили на одной планете, где существовали еще две расы. Дзенны служили Тьме, эльфы — Свету, а драконы — Равновесию. Когда Роман услышал об этом впервые, он просто не поверил.

— Не веришь? — спросил тогда Учитель. — А почему? Или ты считаешь, что на Земле понятия «дракон» и

«эльф» появились случайно? В мире нет ничего случайного, человек. Любая случайность — это всего лишь еще не понятая вами закономерность.

Роман смутился, но все равно остался при своем мнении и воспринял рассказ дзенна как легенду. Слишком уж глупым и сказочным получалось совпадение. Постепенно он привык не принимать на веру ничего и никогда, привык сомневаться в самых непреложных, казалось бы, вещах. Однако многое походило на правду. Например, рассказ о том, как древние с помощью магии осваивали космос и как неожиданно прервалась связь с их родным миром, даже лучшие навигаторы не смогли найти дорогу домой. Как будто планета Танр просто исчезла из этой Вселенной...

— Мы до сих пор не знаем, что там случилось и почему мы не можем найти дороги туда. Мы потеряли Свет и Равновесие. Да, только Тьма дает развитие, но это развитие неправильно, оно не охватывает всего многообразия мира.

— Но вы живете и так неплохо, — попробовал возразить Роман.

— Что ты знаешь, человек? — печально вздохнул дзенн. — Утратив связь, мы едва не погибли. Мы нашли в себе силы удержаться на краю пропасти, но ценой страшной трагедии. У нас началась гражданская война. Страшная. Только чудом мы тогда спаслись. Нет ничего хуже.

— Да, — сочувственно покивал Роман. — У нас тоже были гражданские войны. Наверное, много погибло?

— Много, человек. Трое дзеннов погибло тогда.

— Много... — ошарашенно кивнул Роман, вспоминая о миллионах погибших в гражданских войнах землян.

— Ты не понимаешь, человек. Никогда... Никогда до того ни один разумный не погибал от руки дзеннов. Тем более мы никогда не убивали друг друга. А теперь...

Теперь мы вынуждены содержать боевые корабли. Потеряв свою целостность, мы вынуждены нести эту ношу. И это страшная для нас ноша. Стань старше, и ты, возможно, поймешь.

Роман действительно тогда мало что понял. Только почувствовал страдание существа, которое стало его Учителем.

Учеба проходила довольно странно. Учитель ничего не объяснял, ни на чем не настаивал. Он просто рассказывал, а потом слушал вопросы. После таких бесед Роман сам бежал в библиотеку, чтобы проверить то или иное утверждение Учителя или подготовить лучший аргумент в родившемся споре. Дзенн не уклонялся от споров. Наоборот, настаивал на том, чтобы Роман высказал свое мнение по проблеме и аргументировал его. А затем, словно издеваясь, с легкостью разбивал все приведенные аргументы. Роман только чесал голову, соглашаясь с мнением Учителя. Но тот уже поддерживал точку зрения, которую юноша высказывал раньше, и находил доказательства, которые в свое время пропустил сам Роман и которые опровергали все, что говорил Учитель.

— А все потому, что ты ищешь одну истину. Такого не может быть. Рассмотри все стороны вопроса, и в каждой ты найдешь свою правоту.

Учитель действительно не делился знаниями. Он всего лишь умел ставить задачи. И решая поставленную задачу, человек сам делал открытия. Сам, без подсказок. Если дзенны чему и учили людей, так это магии.

— Это же экстрасенсорика, — хмыкал Роман. — Какая же это магия?

— А в чем разница? — невозмутимо вопрошал дзенн. — И там, и там — управление энергией силой мысли. Вы, люди, обладаете огромным потенциалом, но пользоваться предпочитаете почему-то только малой частью своего мозга.

— Но заклинания?! Это же Средневековье!

— Почему? Заклинание — это всего лишь вербальная формула, инициализирующая использование твоим мозгом определенных сил. И нужно оно лишь на первых порах. Если разумный не успокаивается на достигнутом и идет дальше, то эти формулы очень скоро перестают быть ему нужны.

Роман с трудом оторвался от воспоминаний и снова посмотрел на Учителя. И тут заметил его пристальный взгляд. Сразу же мелькнула догадка...

— Снова навеянные воспоминания? — поинтересовался Роман.

— Ты же хотел знать, почему мы вас учим. И чему. Я тебе ответил.

Роман подумал. Покачал головой:

— Может, я глупый, но я все-таки не понял. Разве только то, что вы учите нас думать по-настоящему, самостоятельно.

— Ты не глупый, ты опять отказываешься думать. Пойми, при учебе учится не только ученик, но и учитель. Уча вас, мы и сами учились. Ты не представляешь, человек, сколь многому мы научились от вас. Вы поразительно разнообразны.

— Да-да, мы служим и Свету, и Тьме, и как там еще... Равновесию.

— Ты шутишь, а напрасно. Но ты еще поймешь это. Со временем.

— Надеюсь, Учитель. И... я буду вспоминать вас.

— Вспоминай, человек. Я дал тебе все, что ты смог взять. Скоро ты отправишься домой.

— Да. Через неделю мне исполняется восемнадцать.

В это время учеба заканчивается и... Эх, если бы можно было заглянуть в будущее. Что ждет его там?

— А зачем, человек? Что ты хочешь там увидеть?

— Ну... не знаю. Учитель... Но все-таки. Вот вы сказа-

ли, что учитесь и у нас. А вы ведь подготавливаете себе соперников. Мы же только вышли в космос и будем вам мешать. Многие ваши бывшие ученики теперь отстаивают интересы Земли перед вами.

Впервые за пять лет Роман видел улыбку на лице дзенна.

— Молодежь... — с усмешкой проговорил тот. — Только не надо обижаться. Я не о тебе. Я имел в виду всю вашу расу. Вы еще очень молоды и только начали свое восхождение к истинной мудрости. А ученики... Так ведь это же лучшая похвала учителям. Значит, мы хорошо их обучили. И вы не соперники нам. С высоты своей молодости вы судите обо всем по-своему, мы же видим, что в будущем мы с вами пойдем по одной дороге. А неудобства?.. Что значат эти мелкие неудобства, когда впереди ждут все тайны Вселенной? Но пока вы молоды, дерзайте. Решайте свои проблемы, которые сейчас кажутся вам важными.

Задумавшись, Роман вышел из комнаты Учителя. Он понял, что дзенн вовсе не хотел сказать ничего плохого, когда говорил, что сегодняшние проблемы только кажутся людям серьезными. Аналогия ведь проста: когда он сам был ребенком, у него были проблемы, которые тогда казались самыми важными в жизни. Неразрешимыми. Но когда немного подрос, новые проблемы заслонили старые, и прежние уже выглядели какими-то несерьезными, ребяческими. Да, проходит время, и появляются новые проблемы, оттесняя старые. Колька стащил у него рогатку. Ух, какая трагедия была. Сейчас же Роман только усмехался, вспоминая тот случай. Так и здесь. Много проблем у землян, но с высоты мудрости дзенн видно, что это просто детские шалости. Так стоит ли обижаться на детей? Главное — правильно воспитать их. Научить решать свои проблемы, а научившись, они

смогут решать и более серьезные, которые обязательно встанут перед ними в будущем.

Воспитать!!! Вот оно! Роман окончательно понял, что дзенны просто помогали людям познать самих себя. Помогали, чтобы однажды люди поднялись до мудрости древних. Но поднялись сами, пройдя свою дорогу, совершив свои ошибки, сделав свои открытия. Ведь если поднять их за шкирку, то это будет просто плохое подобие дзеннов. Именно плохое подобие, а не самобытный народ, пришедший к мудрости и пониманию через свою боль и свои заблуждения.

— Что ж, возможно, наши проблемы и кажутся вам детскими, но это наши проблемы, — кивнул Роман своим мыслям. — Наши дети или внуки, может быть, достигнут вашего уровня, а пока мы будем решать эти детские проблемы.

— Правильно, человек. Только идя по пути, можно дойти до его конца. Я доволен тобой. Вот теперь наша учеба точно окончена, — раздался в голове Романа голос Учителя.

— Вот хитрец, — хмыкнул юноша. — Все-таки подслушивал. А я-то надеялся, что уже научился экранироваться.

День прошел весело. Роман отыскал приятелей, у которых занятия тоже закончились, и они мотались по станции в поисках приключений. Земная служба безопасности сбивалась с ног, пытаясь призвать к ответу многочисленных юнцов, считающих своим долгом обязательно залезть туда, куда лезть вовсе не стоило. В свое время Роман тоже доставил этой службе немало хлопот.

— Ромка!!!

Он обернулся на крик и махнул своему другу — сержанту СБ. Сержанту было лет пятьдесят, и дружба между ними выглядела довольно странно. Но однажды тот вытащил юношу из таких неприятностей, что Роман был

обязан ему по гроб жизни. Он улыбнулся и быстро подошел к сержанту.

— Дейв, разве ты сейчас не на дежурстве?

— Нет. А что, есть какие-нибудь предложения?

— Конечно! Я же окончил обучение! Сегодня — последний день.

— Вот как? — усмехнулся сержант. — Поздравляю. Наконец-то Станция от тебя избавится. Я тут с самого момента ее постройки, но только ты доставлял нам столько хлопот. Вот объясни, за каким лешим тебя понесло в реакторный зал?!

— Дейв, хватит меня пилить! — рассмеялся Роман. — Молод был, глуп. Вот и поперлись с друзьями. Так как? Свободен?

— Свободен, свободен. Будешь угощать?

— А как же! Я ведь обещал, что тебе первому поставлю.

— Виски! — поднял большой палец сержант.

— Тьфу! Как вы можете пить такое дерьмо? Водка — вот лекарство для души.

— Ага, но лично я думаю, что ваша водка... — Продолжая давний спор, друзья направились в бар Станции.

Глаза открылись с трудом. Так, похоже, вчера посиделки закончились довольно поздно... Вроде они ничего не разнесли. Станция тоже на месте. Пошатываясь, Роман встал.

— О-о-о, — простонал он, хватаясь за голову. — Говорила мне мама: не пей помногу...

Но ведь не так уж и много. Пять бутылок на троих — разве это много? Правда, там еще как будто литра по три пива на брата было, а потом на спор пили шампанское. А потом.... Потом все терялось в винных парах.

— О, нет, еще и вино! — Роман схватился за голову. — Мамочка, как же я добрался до комнаты?

Он встал и, пошатываясь, направился в ванную. Там

его ждал сюрприз. Сюрприз лежал в ванне прямо в одежде и мелодично похрапывал.

— Микель! — Роман некоторое время смотрел на приятеля, пытаясь вспомнить, как тот здесь очутился. Потом до него дошло, что их компания постепенно расширялась. Значит, Микель тоже был с ними.

Растолкав приятеля, Роман вытащил его из ванны.

— Что, уже на занятия? — сонно спросил тот.

— Ага. Давай вставай, товарищ дорогой. Труба давно зовет.

Микель приоткрыл один глаз.

— Какая труба? Ромка, ты, что ль? Где это мы?

— Мы, — ехидно отозвался Роман, — у меня в комнате. Вернее, у меня в ванной.

Микель открыл второй глаз и недоуменно посмотрел на него.

— А что мы делаем у тебя в ванной?

— Лично я собираюсь умываться. А ты здесь спал.

— Что, серьезно?! — Микель резко встал и застонал. — Черт, я же помню, как мы с Дэном вроде...

— Так здесь еще и Дэн?

Тот отыскался в шкафу, где ему, видимо, показалось удобней, чем в ванне. Микель и Роман некоторое время смотрели на приятеля, потом переглянулись и расхохотались.

— Провожальщики, мать вашу, — выругался Роман. — Вас самих бы кто провожал.

— Ром, не понимаю. Мы же выпили всего ничего.

— «Всего ничего» — это сколько?

— Ну, помню, Серж угощал виски. Ты просил сравнить с водкой... мы дегустировали... разбирались... пиво... мамочка, сколько ж мы выпили?! Мне же сегодня на занятия!!! Мама родная! Кажется, сегодня впервые в истории дзенн убьет человека... Я побежал! Если паду к ногам Учителя, может, моя смерть не будет такой жестокой! —

Микель оправил помятую рубашку и выскочил из комнаты.

Роман вздохнул. Замечательно, один убежал, а второй, очевидно, собрался провести в шкафу еще энное количество времени. По опыту прошлых попоек Роман знал, что разбудить Дэна после того как тот перебрал — занятие неблагодарное и бесполезное. Легче пешком до Земли дойти.

— Если и у тебя сегодня занятия, то объясняться будешь без меня! Я умываю руки.

Дэн даже не пошевелился. Роман вздохнул и отправился приводить себя в порядок, а потом за «лекарством» от похмелья. День обещал быть тяжелым.

Часов через пять Дэн все еще спал. Плюнув, Роман написал ему записку, оставил электронный ключ от комнаты и вышел. Некоторое время он думал, куда бы пойти, а затем решил отправиться в оранжерею и побродить в лесу. Коридор мелькал за коридором, юноша не слишком обращал внимание на то, где он сейчас, идя на автомате. Неожиданно резкий сигнал тревоги заставил его подскочить на месте.

— Внимание всем! Разгерметизация корпуса! Третий уровень, пятый отсек! Разгерметизация корпуса! Всем срочно покинуть опасную зону!

Роман похолодел. Третий уровень — причальные доки, пятый отсек — гостиничные номера. А вчера как раз прибыли новые ученики с Земли. Это же малышня! Они же еще ничего не знают на станции! Конечно, с ними должны были провести инструктаж, но инструктаж и реальная опасность — несколько разные вещи. А маршрут... по всему выходило, что Роман ближе всех к пробоине. Спасательным службам нужно некоторое время, а он уже в техническом отсеке — по старой привычке сократил таким образом путь до оранжереи.

Юноша заметался. Необходимо что-то предпринять,

но у него нет даже элементарной воздушной маски. Доверить все аварийным службам? Но неизвестно, какой сложности авария, вполне возможно, что любое промедление может оказаться гибельным.

— Эх, залетные! — Роман бросился к пятому отсеку. Еще в коридоре он ощутил ток воздуха. — Кажется, серьезно...

Автоматика при разгерметизации должна была немедленно изолировать технический уровень — люди здесь появлялись редко. И если бы это было сделано, то никакого тока воздуха в коридоре ощущаться не должно.

Едва выскочив из-за поворота, Роман понял причину несрабатывания автоматики — дверь в отсек оказалась основательно покорежена мощным взрывом. Похоже, что именно этот взрыв повредил и внешнюю обшивку. К тому же начинался пожар, и кругом все застилало дымом. Что-то щелкнуло, и Роман почувствовал, как его ноги отрываются от пола. Похоже, автоматика засекла возгорание и отключила в отсеке гравитацию, чтобы потушить огонь. При невесомости никакое горение невозможно, огонь должен потухнуть сразу, как только сожжет вокруг себя кислород. Так оно и случилось бы, если бы не пробоина. Вырывающийся в космос воздух создал постоянный приток кислорода — образовалась тяга, в результате чего огонь разгорелся еще сильнее.

Ругаясь всеми известными ему словами, Роман оттолкнулся от стены и влетел в отсек. Если немедленно не заделать пробоину, не исключен новый взрыв, а внизу — гостиничные комплексы. Если и эту обшивку прорвет... что будет в этом случае, не хотелось и думать. Задыхаясь и кашляя, Роман проскочил дальше и увидел рваную дыру в обшивке и звезды. Только тут он понял, что поступил крайне опрометчиво. Оттолкнувшись, юноша лишил себя опоры, и теперь его потоком воздуха

несло точно к дыре. Роман закрыл глаза, мысленно потянулся.

— Как там Учитель говорил... представить... раз.

Аварийный комплект сорвало со стены и бросило прямо в руки. Роман перехватил его, раскрыл и быстро достал металлоткань. Она мгновенно распрямилась в довольно жесткое полотно. Закрывшись им, Роман подлетел к дыре. За спиной что-то грохнуло, добавив ему ускорения. Стараясь не обращать на это внимания, юноша сосредоточился. Потоком воздуха его поднесло к дыре... Роман резко бросил лист металлоткани. Она прочно закрыла собой пробоину, выгнулась под давлением атмосферы, но выдержала. Юноша же тут же стал крепить заплату к стене специальным клеем. Сзади ощутимо начало греть спину. Слышались чьи-то крики. Но для него в данный момент ничего не существовало.

Все. Роман обернулся и попятился — во весь проход бушевало пламя. Похоже, поток воздуха все же сыграл свою роль, раздув огонь. Но сейчас-то он должен потухнуть! Тока воздуха уже нет! А раз огонь не тухнет, значит, горит что-то, выделяющее кислород. Роман оглянулся. Так, заплата долго не выдержит. Это ведь все-таки временная мера... Что же делать?

— Эй!!! — что есть силы закричал он, стараясь не дышать — дым уже заполнил весь коридор. Роман не задохнулся только благодаря занятиям с дзеннами, научившими его не дышать по несколько часов. — Есть там кто?!!

Потом прислушался.

— Кто здесь?!! — крикнули из-за пламени.

— Какая разница!!! — рассердился Роман. — Кидайте аварийный комплект!

Люди на той стороне понимали, что сквозь пламя им пока не пробиться, а заплату надо ставить обязатель-

но. Если времянку сорвет, поток воздуха раздует пламя и внутренняя обшивка не выдержит.

— Лови!!!

Сквозь огонь полетели инструменты для работы в невесомости, стационарная заплатка и магнитные подошвы, которые Роман тут же прикрепил к ботинкам. Работать приходилось на ощупь, в дыму, слезились глаза. Юноша закрыл их — все равно пользы от зрения сейчас ноль. Так, обмазать герметиком вокруг дыры, прижать заплатку, надавить, зафиксировать. Роман работал яростно, не замечая, что языки пламени уже подбираются к нему, что огонь уже коснулся одежды. С той стороны кто-то включил пенные гидранты, и огонь начало заливать.

— Кажется, все, — с облегчением пробормотал он, — успел.

В отсек ворвались люди в тяжелых защитных скафандрах.

— Боже мой, да парень же в обычном комбезе! Как он работал в этой духовке?! Здесь мясо жарить можно! И дышать нечем... — эти слова Роман успел услышать...

А затем перед ним возник странный светящийся коридор, и юношу потянуло по нему куда-то. Вокруг завертелся хоровод разноцветных огоньков. Затем они вдруг сошлись в одну точку, и перед Романом возник белый медальон с символом инь-ян. Сам не зная зачем, Роман протянул руку и крепко сжал этот медальон в кулаке.

— Не хочу умирать, — прошептал он, последним усилием воли борясь с надвигающейся тьмой. — Не хочу...

Какая-то липкая слизь довольно шустро ползла по своим делам, выбрав его руку в качестве моста через небольшой ручеек.

— Микель, прибью, — пообещал Роман. — Опять на какую-то вечеринку затащил...

Постепенно голова прояснялась, и до юноши начало доходить, что он не на вечеринке: возвращалась память о последних событиях. Вместе с памятью пришла боль. Спину жгло неимоверно. Синтетическая одежда, в которую был одет Роман, не горела, но нагревалась. Теперь он мог испытать на себе все прелести этого качества. Похоже, вся спина сейчас — сплошной ожог. В голове стучало, и казалось, весь мир вращается вокруг в безумном хороводе.

Роман застонал. Усилием воли подавив боль, он приподнялся. Здесь его ожидало новое потрясение, от которого юноша даже забыл про боль. Он находился в лесу. В настоящем лесу, но очень странном! Огромные деревья в три обхвата уходили ввысь, прелая листва вокруг, а на стволах деревьев — белесая плесень, от одного вида которой тянуло блевать. Такого леса на станции не было — это Роман мог сказать точно, в свое время излазил ее вдоль и поперек. К тому же трудно представить дизайнера, способного придумать такую вот плесень. За подобный дизайн следовало просто бить морду!

Еще не понимая, что происходит, Роман встал и пошатнулся — боль в спине снова напомнила о себе. Чисто инстинктивно он поднял руку к затылку и тут же отдернул. Пальцы наткнулись на голый затылок — волосы сгорели, а кожа обожжена. Легкое прикосновение вызвало такую боль, что не спасала никакая блокировка. Но, хоть и не сразу, он сумел справиться с ней, а затем осторожно осмотрел себя — закопченная одежда, ожоги на руках, что творится на спине, юноша представлял, но думать об этом не хотелось. По всему выходило, что с такими ожогами не живут. Но о случившемся напоминала только боль, а ее можно было терпеть. С трудом, но можно.

— Да что же творится, черт возьми?!! — Роман осторожно лег на живот.

Взгляд упал на руки, и он замер — ожоги прямо на глазах затягивались, вместо сгоревшей вырастала новая кожа. Прислушавшись к своим ощущениям, Роман понял, что и спина болит уже не так сильно, да и затылок... Затылок? Он снова коснулся его. Боли не было, а под рукой обнаружились вновь проросшие волосы. Невозможно, только маги высочайшего уровня способны регенерировать, но это брало у них столько сил, что... Но ведь рядом никого нет! Что за идиотизм?

— Я что, в раю? — Роман недоуменно огляделся. — Скорее в аду, — поправился он.

Это мрачное царство на рай никак не походило. Никаких тебе ангелов с крылышками и арфами, никаких тебе облачков. Даже неба не видно сквозь листву. Впрочем, на ад это место тоже не похоже. Здесь хоть и сыро, но не жарко. Серой тоже не пахнет. Да и чертей с котлами и вилами что-то не видно. Лес, просто очень странный.

В аду он или в раю, но что-то делать надо. Роман огляделся, пытаясь понять, как отсюда выбираться.

— А все-таки, где я?

Неизвестность и абсолютная непонятность происходящего действовали на нервы больше всего. Никаких вразумительных объяснений для себя Роман не находил. Недавно он накладывал заплату в секции Станции, огонь уже почти подобрался к нему, потом услышал, как ворвались спасатели и ремонтники, потом... что было потом, Роман помнил обрывочно. Медальон! Он схватил какой-то медальон! Но это, скорее всего, бред. Роман поспешно встал и тут, к собственному ужасу, увидел четкое изображение этого самого медальона на своей ладони. Но это же было в видении! Или нет? Он дотронулся до символа инь-ян на руке и вздрогнул, ощу-

тив под пальцами что-то твердое — кажется, медальон каким-то образом врос в кожу, стал ее частью. И как его теперь оттуда выковыривать? Не сразу юноша обратил внимание, что символ медленно бледнеет, а затвердение рассасывается. Вскоре ничего не напоминало о медальоне, полученном столь странным образом.

— Я схожу с ума, — решил Роман, хватаясь за голову.

Не сразу он сообразил, что ожоги совсем перестали болеть. Конечно, юноша знал, что у него, как прошедшего обучение у дзеннов, повышенная регенерация, но не до такой же степени!

— Так, спокойно, спокойно. Всему есть логическое объяснение! Спокойно, Рома! Я брежу. Лежу в палате и просто брежу. Или это очередные глюки после пьянки. Нет, все же скорее бред.

Роман размахнулся и ударил кулаком по дереву. После чего, матерясь, долго очищал руку от противной белесой гадости, ощущая к тому же боль от удара.

— Значит, не сон, — печально констатировал он. — Но что тогда?!

— Человек, ты сейчас умрешь! — услышал Роман за спиной чей-то шипящий, полный ненависти голос, говоривший на дзенн-анн, причем на дзенн-анн странном, с каким-то еще никогда не слышанным акцентом.

— Хоть какое-то разнообразие, — буркнул себе под нос Роман. — Одно утешает: если грозят убить, значит, я еще не умер.

Роман медленно поднял руки и повернулся, после чего замер, совершенно ошеломленный. Напротив него стоял дзенн. Обычный дзенн, к каким юноша привык за пять лет на Станции. Необычным в нем было то, что этот конкретный дзенн держал в руках копье. Самое настоящее копье с острым железным наконечником. И он явно знал, как с ним обращаться. А вот это уже ни в какие ворота не лезло. Насколько Роман знал, древние —

ярые противники любого насилия. Увидеть вооруженного дзенна... Да невозможно это. Тем более вооруженного столь архаичным оружием. Что, обучение не окончилось, и Учитель решил провести еще какой-то психологический эксперимент? Очень похоже на то... Дзенн с оружием. Надо же было такое придумать!..

— Что случилось, мудрый? — недоуменно поинтересовался Роман на дзенн-анн.

Дзенн замер. За время учебы Роман научился читать эмоции по обычно невозмутимым лицам древних, и теперь готов был поклясться, что тот ошарашен. Да не просто ошарашен, а изумлен до онемения. Судя по всему, произнося свою сакраментальную фразу, тот никак не ожидал, что его поймут, а тем более ответят.

— Человек, откуда ты знаешь наш язык?!

— Откуда знаю? — удивленно переспросил Роман. — Выучил. Я же на Станции учился...

Тут Роман вспомнил кое о чем, опустил руки и протянул их перед собой, сложив пальцы в древнем жесте просьбы о помощи. Конечно, у него только одна пара рук, но дзенны научили его подавать этот знак и с помощью двух рук. Впрочем, число рук тут играло далеко не первую роль. Можно сказать, вовсе не играло роли. На самом деле секрет этого жеста заключался в коротком мысленном импульсе, как бы посылаемом с помощью рук. Но горе тому, кто прибегал к этому сигналу, затаив враждебные намерения по отношению к тому, кому адресован знак. Мысленный импульс резонировал с его враждебностью, скачкообразно усиливая ее и вызывая каскадное перенапряжение мозговых структур. Если человек после этого оставался жив, то мог позавидовать мертвым. Чаще всего такой просто сходил с ума, и вылечить его было уже невозможно.

При виде жеста просьбы о помощи дзенн вдруг мелко задрожал:

— Кто ты?! Откуда знаешь этот древний знак?! Отвечай, человек!

Роман начал понимать, что окончательно запутался. Ситуация одновременно была абсурдной, странной и абсолютно невозможной. Вооруженный дзенн, не узнающий обучающегося на станции. Это с их-то абсолютной памятью! Некоторое время они с древним молча смотрели друг на друга. Кажется, дзенн пытался понять, кто этот человек, стоящий перед ним, а Роман усиленно размышлял о своих галлюцинациях. Потом проклял про себя экспериментаторов, ставящих человека в столь глупую ситуацию. Не иначе, хотят посмотреть, как он выпутается. Ну-ну... И это сразу после ранения! Именно это и настораживало — его ранение. Роман знал, что гуманизм для дзенн превыше всего. Именно с раненым любые эксперименты были бы попросту невозможны. Но что тогда происходит?! Молчание затянулось, и Роман решился прервать его:

— Мудрый, но ведь это вы научили меня этому знаку.

Казалось, дзенн даже посерел от страха. Да не от страха, а от смертельного ужаса. Он нервно оглянулся.

— Что ты говоришь, человек?! Ты лжешь! Я ничему тебя не учил!!!

— О, не конкретно вы... — Роман растерялся. — На Станции... там... Меня учил фанн'э Рон'эннэ из рода Ид'дзэнг.

Дзенн некоторое время размышлял, с удивлением глядя на юношу всеми четырьмя глазами.

— Долих, почему человек еще жив? — раздался голос еще одного дзенна, вышедшего из-за какого-то невообразимо толстого дерева.

— Я не могу его убить, Мастарх! Он подал древний знак помощи и гостеприимства.

— Да что ты говоришь? Это же человек! Он не мог

подать знака. Даже если где и подсмотрел, то не сумел бы сделать его правильно!

Тот, кого назвали Долихом, зашипел:

— Ты считаешь меня идиотом, мастер-охотник? Я что, по-твоему, не могу отличить правильный знак от неправильного?

Оба дзенна вдруг прервали спор и уставились на Романа. Тот понял, чего от него ждут, и не стал их разочаровывать, снова сложив руки в ритуальном жесте. Мастарх слегка попятился. Он был изумлен ничуть не менее своего товарища.

— Это действительно знак, — недоуменно пробормотал он, словно еще не веря собственным глазам.

Роман тоже не верил. Где вековая мудрость дзенн? Где их вошедшая в легенду невозмутимость? Эти двое похожи скорее на дикарей, обсуждающих новую игрушку, а никак не на представителей мудрой расы, которая на тысячелетия старше земной цивилизации. Обращение к ним с приставкой «мудрый» звучало какой-то издевкой. Непонимание и растерянность все сильнее овладевали им.

— Надо отвести его к тинху, — задумчиво сказал Долих.

Юноша вспомнил, что тинхом у дзенн называли правителя. В переводе это звучало примерно как «принимающий решения». Даже Станцией управляли тинх и фанн, Руководитель Учебного Центра и Наставник Духа. Именно последний и являлся Учителем юноши, став фанном примерно два года назад. Трудно было забыть имя самого близкого на тот момент существа и обращаться к нему только «фанн» или «Учитель».

— Надо, — согласился Мастарх. Он повернулся к Роману и что-то сказал.

Роман недоуменно развел руками:

— Простите, э-э... мудрый, но я не понимаю языка, на

котором вы сейчас говорите. Прошу вас, говорите на дзенн-анн, я пойму.

Мастарх подпрыгнул и с еще большим удивлением уставился на Романа. Верхняя пара глаз стала совсем круглой. Он схватился за свое копье всеми четырьмя руками и потряс головой, явно пытаясь избавиться от наваждения.

— Забыл сказать, что мы говорили с ним на дзенн-анн, — невинно заметил Долих, ехидно оскалившись.

Мастарх со злобой посмотрел на соплеменника, потом снова повернулся к Роману.

— Следуй за нами, человек. Мы отведем тебя к тинху. Иди по следу, и горе тебе, если сойдешь с тропы.

Роман молча поклонился. Находясь в этом кошмарном месте, он благоразумно решил не спорить и довериться дзеннам. Тем более что они, кажется, знали, что делать. Пять минут спустя он уже не был в этом так уверен. Древние вели его какой-то кошмарной тропой, если ее вообще можно назвать тропой. С трудом сдерживая порывы рвоты, Роман шагал по мерзкой слизи, устилающей землю, старясь не смотреть на нее и не прислушиваться к чавканью, раздающемуся при каждом шаге. Дзенны, похоже, не обращали на это внимания. Своими копьями четырехрукие привычно раздвигали ветви высохшего кустарника — они давно уже ушли с относительно открытого места и углубились в самую чащу. Гигантские деревья, уходящие кроной ввысь, закрывали солнце, и даже в самый ясный день внизу царил полумрак. Едва войдя в чащу, дзенны достали небольшие деревяшки и сильно их потрясли. Те медленно разгорелись призрачным зеленоватым светом. От этого света сделалось даже более жутко, чем без него.

Несколько раз Роман пытался заговорить со своими провожатыми, но те на все вопросы отвечали только одно: придем к тинху, он все объяснит. В конце концов

Роману это надоело, и он отстал. К тому же лес вокруг не располагал к доверительной беседе. Надоел ему зеленоватый полумрак, зловещая чаща, слизь под ногами и белесый мох на деревьях.

— Ну, ладно! — сердито пробормотал юноша. — Не хотите по-хорошему — будет по-моему. Как там говорил Учитель? Сосредоточиться, представить, что ты хочешь. Так, хочу свет.

Роман поднял правую руку, на которой в то же мгновение вспыхнул огонь. Он пылал довольно ярко и сразу разогнал полумрак. Пламя было прохладным и ничуть не обжигало ладонь. Роман удивился, насколько легко все получилось. Никогда еще экстрасенсорные эксперименты не проходили у него с такой легкостью. Тем более пирокинез... Еще он удивился тому, что ветки старых сухих кустов вдруг сами собой выпрямились, освобождая тропинку. Этого он не хотел... вернее хотел, но как-то отстраненно. Юноше давно надоело продираться сквозь мертвый кустарник, и он пожелал, чтобы тот освободил дорогу, но эта мысль была мимолетна. Роман прекрасно знал свои силы и понимал, что на такой подвиг его не хватит. И вдруг... Кустарник, казалось, уловил даже неуверенные мысленные пожелания и четко выполнил их. Но удивление Романа было ничем перед потрясением дзеннов. Они остановились и повернулись к Роману, замерев перед ним.

— Маг! Почему не сказал?.. — прошипел Мастарх.

— Да какой я маг? — неуверенно возразил Роман. — Так, балуюсь.

Мастарх посмотрел на пылающий огонь в ладони человека, на кусты, предусмотрительно раздвинувшиеся перед ним.

— Это баловство?.. Ну и ну... Ладно, тинх разберется. А теперь... — дзенн неожиданно выпрямился в полный рост и навис над Романом. — Немедленно прекрати все

это, или я не посмотрю на твою просьбу о гостеприимстве и помощи! Нам только не хватало привлечь сюда ищеек Церкви!

Кто такие ищейки Церкви, Роман не знал, однако сообразил, что это что-то неприятное. Видно было, как оба дзенна при этих словах вздрогнули, в их ментальном фоне появился страх. Поэтому он быстро потушил огонь и нехотя отпустил кустарник. Галлюцинация все вокруг или нет, но хочешь не хочешь, надо следовать здешним правилам. Если это всего лишь его бред, то хуже от этого не будет, можно даже позабавиться. Если же все реально, то тем более следует прислушаться к мнению местных жителей. Они-то лучше разбираются в происходящем. Поэтому Роман решил больше не выкидывать никаких фокусов, предварительно не посоветовавшись с проводниками.

Вскоре кошмарный путь закончился, они вышли из полумрака на солнце. Вокруг зеленела трава, нормального размера деревья стояли по сторонам. Лес неожиданно отступил куда-то в сторону. Как это произошло, Роман не понял. Ведь они только-только вышли на опушку, и вдруг он оказался где-то вдали.

— Быстрее, человек, — поторопил Долих. Роман вздохнул и решил оставить загадку леса на потом. Но это происшествие лишний раз подтвердило, что все происходящее является бредом.

Перед ними находилось огромное дерево, настолько огромное, что казавшиеся гигантами остальные просто терялись перед ним. Мастарх подошел к необъятной толщины стволу и что-то сделал. Ствол заскрипел и вдруг раскрылся. Долих подтолкнул Романа, и он вошел в узкий проход. Довольно долго они спускались вниз по узкой лесенке, пока не вышли куда-то. Юноша едва не протер глаза — огромный подземный город, он улавливал знакомые очертания городов дзенн, но что-то здесь

было не так. Потолок над городом светился мягким рассеянным светом, здания были деревянными и живыми, как обычно у древних. Роман по привычке послал городу импульс дружелюбия и радости встречи. Тот отозвался доброй улыбкой и волной теплоты, принимая гостя. Это уже напоминало что-то привычное, и Роман несколько расслабился.

Мастарх и Долих тем временем вели юношу куда-то мимо соразмерных и радующих глаз зданий. Похожих на что угодно, но только не на дома. Роман вспомнил, какими мертвыми и даже жуткими показались ему земные города после года на Станции, где он привык, что все вокруг живое. Особенно там, где жили сами дзенны. Но этот подземный город казался чем-то совершенно невероятным, он был едва ли не разумным! Роман ощущал его, чувствовал любопытство к своей персоне, юноша даже попытался передать кое-что из случившегося с ним в простейших символах. И город ответил, постарался успокоить и сообщить, что он дома, что ему здесь рады.

Два дзенна и человек долго шли по висячим мосткам, сотни которых связывали здания в единый ансамбль, дикий для взгляда непривычного разумного. Роман видел, что они постепенно приближаются к огромному волокнистому шару в центре. Там явно находилась администрация города. Хотелось бы все же знать, где это самое поселение находится, но всему свое время. За три мостка от входа в шар его остановили. Роман оглянулся и только тут заметил, что его провожает только один дзенн, второй куда-то исчез.

— Долих пошел рассказать все тинху, — сказал Мастарх, словно прочитав его мысли.

Роман кивнул, отвернулся и продолжил с интересом рассматривать город. Сизоватая дымка не давала увидеть ничего вдали, но он ощущал весь город, чувствовал

его протяженность, как никогда ранее, ни на станции, ни в мирах дзенн. Юношу несколько настораживали происходящие с ним изменения, иногда возникало ощущение, будто что-то невидимое меняет его тело и разум, подстраивая их под свои нужды. Такое ощущение должно бы было напугать его до полусмерти, но Роман почему-то не боялся. Что самое непонятное, он явно находился на планете, а не в космосе. Так, по крайней мере, казалось. Впрочем, об этом можно будет судить только после встречи с теми, к кому его привели. Роман продолжал мысленно исследовать город, смотря глазами лишь на то, что мог увидеть. Время неспешно текло, человек спокойно стоял на мостках нечеловеческого города, ожидая непонятно чего.

— Иди за мной, человек, — неожиданно прозвучал у самого уха голос Долиха. Роман едва не подпрыгнул. Долих же остался невозмутимым. — Тинх и фанн ждут тебя.

Роман молча поклонился и последовал за ним. Мастарх остался на месте.

Тинх, Принимающий Решения, молча стоял напротив окна дза'тиун'йеннэ, Зала Осознаний, и наблюдал за человеком, идущим к входу в сопровождении охотника.

— Это уже второй за пятнадцать лет. Второй. И поисковые отряды Церкви активизировались. Раньше их в Чернолесье было не затащить и на аркане, а сейчас постоянно заходят. Один за другим. Мы еле успеваем их отваживать. Один отряд гибнет, а вслед за ним тут же идет по другому маршруту следующий...

Высокий дзенн, стоящий в темном углу, молча склонил голову. Было видно, что это старик, причем старик глубокий. Немногие доживали до такого возраста.

— Да. Говорят, что этот человек тоже маг.

— От этого мне не легче. Фанн, что мне делать? Я чув-

ствую, как что-то меняется. Ты ведь помнишь ту ночь пятнадцать лет назад? Мы хорошо научились защищаться, но и мы ощутили ЭТО.

— Да, — кивнул старик. — Древнее пророчество сбывается. Скоро наш народ возродится. Уже близко время.

— Тогда кто этот человек? Кто?! Он не может быть одним из Трех, мы уже знаем каждого. Может, один из Девяти?

— Возможно, он просто случайно оказался здесь.

— Ты веришь в такие случайности? Не смеши меня, старый друг.

Тинху не надо было оборачиваться, чтобы понять, насколько фанн не верит в свои слова.

— Пока мы не побеседуем с ним, мы ничего не узнаем. Возможно... Возможно, нам придется убить его, если он каким-то образом может помешать исполнению пророчества.

На этот раз тинх резко обернулся:

— Ты в своем уме, старик?! Он подал знак! Проклятье падет на не внявших просьбе!

— Проклятье давно пало на нас! — гневно ответил фанн. — Потому мы и сидим в этом лесу! Людей все их понятия о гостеприимстве не останавливали, когда они убивали нас!

— Мы не люди! И советую хорошенько это запомнить! — Принимающий Решения почти выкрикнул эти слова.

— Тинх, опомнись! Ты будешь следовать какому-то древнему ритуалу, даже если под угрозой окажется будущее твоего народа?

— Это не какой-то древний ритуал! Тебе ли не знать этого? Показавший знак не может держать в сердце зла.

— Люди коварны, повелитель! А что касается человека... Он может и не знать, что замышляет зло.

— Довольно. Все равно, пока не поговорим с ним, ничего не узнаем.

Фанн склонил голову, спрятав блеснувшие злобой глаза. Будь его воля, никакие древние ритуалы не спасли бы этого человека. Тинха, с того момента как его сын стал одним из Девяти и ушел с человеческим магом пятнадцать лет назад, словно подменили. Он начал задумываться о вещах, о которых не должен был задумываться. Давно пора сменить такого вождя, да где найти второго столь же мудрого? Фанну тяжело было осознавать это, но его народ дичал, дичал с каждым поколением, родившимся в этом проклятом лесу. Многие нынешние дзенны были ничуть не лучше людей, как ни горько это признавать. Но и не признавать духовный вождь народа тоже не мог. Иллюзии никогда еще не приводили к хорошему результату.

Тут, прерывая спор, заволновались белесые щупальца у двери, и в помещение вошел человек. Тинх сразу понял, что тот еще очень молод. Кажется, даже бриться начал только недавно. Насколько он знал, именно это у людей считалось признаком зрелости. Человек внимательно осмотрелся. Кажется, обстановка в дза'тиун'йеннэ произвела на него сильное впечатление, хоть и непонятно, почему. Но было видно, что он ожидал чего-то другого.

Тинх и фанн молча разглядывали гостя. Тот, в свою очередь, наблюдал за ними. Неожиданно он сложил руки в ритуальном жесте, затем вдруг подошел к стене, у которой висел на живом отростке шар Познания, привычно — видно было, что привычно — положил на него руки. Фанн несказанно изумился, уловив посланный человеком импульс радости встречи и готовности к познанию. Хуже всего, что дза'тиун'йеннэ ответил ему. Ответил и принял как равного, как мастера Осознаний. Это было совершенно невозможно, ему еще не удалось

найти ни одного из молодых дзеннов, кто сумел бы добиться того же. Как, ведь это же всего лишь человек?! Откуда он может знать и понимать такое?! Но глаза и чувства не обманывали старика. Рядом стоял в не меньшем изумлении тинх, тоже уловивший ответный посыл шара Познания. Человек снова сложил руки в жесте просьбы о помощи и спросил:

— Куда я попал, мудрые?

Тинх услышал, как крякнул фанн при виде этого жеста. Человек снова все сделал правильно, и на этот раз никакого недопонимания быть просто не могло. Старика раздражало, что от пришельца так и лились волны дружелюбия. Он действительно не хотел никакого зла для дзеннов!

— Человек, ты не знаешь, где находишься?

— Ну... Где-то я определенно нахожусь, только никак не пойму — где, — лицо человека выражало растерянность. — Пожалуйста, передайте фанну Станции, что его ученик здесь. А если это просто эксперимент, то так поступать некрасиво. Я все-таки был ранен...

— Ты находишься в южном Костваде, в Чернолесье. И я незнаком с фанном Станции. Здесь фанном являюсь я.

— Ага. Спасибо. А где это — Костваd?

— Ты не знаешь, где находится Костваd? — удивился тинх.

— Ты хочешь сказать, что не знаешь, где Костваd, человек? — одновременно с ним поинтересовался фанн.

Тот пожал плечами.

— В последние пять часов я вообще ничего не понимаю. Была авария на Станции. Я оказался ближе всех и занялся ремонтом. Думал, мне уже конец, обгорел, потерял сознание, а очнулся уже здесь...

— Что такое Станция? Где она находится? — спросил

тинх, пришелец рассказывал странные и непонятные вещи.

— Как — что такое? — изумился человек и с недоверием уставился на дзеннов, явно подозревая, что над ним смеются. — Космическая станция, совместный проект дзеннов и людей. Находится в космосе. Вам дать точные галактические координаты? Не надо со мной так шутить, мудрые! Я понимаю, что у вас специфическое чувство юмора, но все-таки...

— Нет!!! — Фанн вдруг резко вскочил и уставился на человека во все четыре глаза. — Ты лжешь!!! Ты не мог пройти по Дороге Миров!!! Она давно уже недоступна!!! Тысячи лет!

И тинх, и человек с одинаковым недоумением уставились на него. Но он, казалось, даже не заметил этого.

— Невозможно, — все повторял старик. — Это просто невозможно, но он сделал это. Это знак, но чего?! Знать бы, чего?! Это не может быть случайностью! Но почему же я ничего не почувствовал? Так не бывает, так просто не бывает...

— Мне кажется, вы что-то знаете о том, где я нахожусь? — сухо поинтересовался человек.

Фанн, прерванный на полуслове, сердито покосился на него. Некоторое время он разглядывал незваного гостя, как какую-то непонятную букашку. Тот ответил ему таким же взглядом, что крайне не понравилось старику и очень позабавило тинха.

— Ответы будут даны в свое время, — ответил фанн, сам еще ничего не понимая.

— Вот теперь узнаю дзеннов с их вечными недомолвками, — сердито пробормотал человек себе под нос.

Тинху это показалось странным. Где этот человек мог еще встречаться с дзеннами? Да и ранее допущенные им оговорки... Фанн Станции, ученик фанна, знания о том, как вести себя в живом городе дзенн. Да про-

сто великолепное владение высшим дзенн-анн, наконец! Однако тут возникало и множество других вопросов. Но пока...

— Назови свое имя, человек.

Тинх проигнорировал сердитый взгляд фанна, хоть и понимал его. Ведь спросив имя гостя, он давал понять, что, согласно обычаям, тот считается принятым в городе и находится под защитой. До этого момента он был всего лишь чужаком. После его знака причинить ему вред не имели права, но отказать в убежище могли запросто.

— Мое имя Роман, мудрые. — Тинх заметил, что человек еле заметно расслабился.

Судя по всему, он прекрасно знал их обычаи, и это заставляло вождя задуматься. О знании обычаев дзенн-анн-в'иннал говорило еще и то, что человек не стал спрашивать их имен, — эту ошибку допускали все люди, которые попадали сюда. Этот же совершенно точно знал, что у его собеседников не было имен с тех пор, как один стал тинхом — повелителем, другой фанном — верховным магом. Нынешний гость явно необычен. И это подтверждало мнение тинха о том, что человек долго жил среди дзеннов. Значит, его народ не мертв, значит, еще кто-то спасся? Но тинх, несмотря на свой громадный жизненный опыт, все же никак не мог разобраться в госте. Было в нем что-то очень странное. Видно, что прекрасно знает обычаи его народа, но не знает самых обычных вещей. В частности, совершенно не представляет, где находится Коствад. Хотя... Ведь фанн что-то там говорил про Дорогу Миров. Где-то он это уже слышал. Какая-то легенда... Древняя-древняя легенда... Тинх замер, широко распахнув все четыре глаза от удивления. Вспомнил! Он вспомнил легенду! И если фанн прав... Что же это?..

Он медленно прошелся по комнате и опустился в

кресло, потрясенно уставившись на человека. Сейчас тинх уже жалел, что спросил об имени. Если бы он вспомнил легенду раньше, то вряд ли пригласил бы человека оставаться под их защитой. Что-то надвигалось. Что-то, чего не было в пророчестве Ушедшего. Что-то, что могло либо спасти, либо окончательно погубить их народ. И эту проблему должен решить он. Он и фанн. Тинх покосился на старика. Тот думал. Думал напряженно. Потом поднял голову и посмотрел на гостя.

— Ты можешь остаться, человек Роман, — медленно проговорил он. — А что касается твоего вопроса... Я отвечу тебе. Ты сделал то, что давно уже считалось невозможным. Ты прошел по Дороге Миров. Сейчас ты находишься на планете Танр. Я не знаю, где ты был до сих пор, но теперь ты далеко оттуда. Очень далеко.

— Другая планета?! — ошарашенно отозвался человек. — Вы хотите сказать, что я перенесся просто так на другую планету?! Без корабля?!

Некоторое время он недоверчиво разглядывал дзеннов. Потом, кажется, сообразил, что те не шутят. Тогда он медленно опустился на пол и обхватил руками голову, уже ни на что не обращая внимания. Поднял мутный взгляд на своих собеседников и едва слышно прошептал:

— Мама моя, ну я и попал... — и потерял сознание.

Фанн мрачно смотрел на вождя, дожидаясь, пока вызванные охотники унесут человека.

— Что скажешь?

Тот долго молчал.

— Этот человек необычен. И... — фанн снова замолчал. — Странен, — наконец закончил он. — К тому же он — не маг. Я не почувствовал в нем магии, хотя специально искал. Он явно не заметил моего поиска, а такое заметит любой новичок. Или...

— Или? — поторопил фанна тинх, раздраженный его долгим молчанием.

— Или он тоже нашел способ маскировать свою магию, как и мы. Судя по словам тех, кто его нашел, этот человек все же маг. И очень сильный. Но мне непонятна его роль. Поэтому предлагаю убить. Ради возрождения нашей расы мы не имеем права оставлять такого врага в живых.

— Он еще не враг.

— Он человек.

Тинх и фанн замолчали и долго смотрели в глаза друг другу. Затем Принимающий Решения усмехнулся и покачал головой.

— Ты совсем ослеплен ненавистью, друг мой. Ты даже не обратил внимания на важнейшие вещи, сказанные пришельцем.

— На какие именно?

— Фанн Станции, ученик фанна, знание дзенн-анн и умение обращаться с шарами Познания. И эта их Станция в космосе... Подумай немного, без ненависти, хладнокровно.

— Но... — попробовал было возразить старик, но тут же замолчал — до него начало доходить.

Он молчал довольно долго, потом поднял наполненные изумлением глаза на тинха и прошептал:

— Ведь у наших предков были колонии в других мирах... Значит, наш народ не погиб? И не потерял могущества там, в космосе? И они, несчастные, продолжают, на свою голову, обучать людей?!

— Очень похоже на то... — хмуро согласился тинх.

— Ты прав, — бессильно упал в кресло фанн. — Убивать чужака нельзя. Мы должны выяснить все и предупредить наших братьев о людях! Иначе ответственность за их смерти падет на наши головы...

5

Однажды утром в одном из постоялых дворов Поданера, столицы Лодуна, появились двое странников — обычное дело здесь, мало кто обратил внимание на слепого старца и мальчика-поводыря. Люди поспешно крестились и старались как можно скорее выкинуть их из головы, не желая думать о неприятном. Владелец постоялого двора нехотя провел гостей в небольшую пристройку, где обычно останавливались пилигримы и странники. Денег с них не возьмешь, а убытки гарантированы. Но и отказать убогому хозяин не рискнул — не принято.

— Вот здесь можете отдохнуть, — недовольно буркнул он.

— Спасибо, добрый человек, — прошамкал старик.

Хозяин с отвращением взглянул на слепца и поспешно закрыл дверь. Однако если бы он немного задержался, то крайне удивился бы преображению путников. Старик вдруг выпрямился и, как-то неуловимо изменившись, стал выглядеть много моложе.

— Ну что, ловко мы их провели? — усмехнулся он. Голос его звучал звонко и явно принадлежал не старику.

— И кого ты теперь хочешь ограбить, Сельф? — насмешливо поинтересовался мальчик.

Это была их дежурная шутка. С тех пор как Володя узнал, чем занимается его спутник, он постоянно подшучивал над этим.

— Сколько раз тебе говорил, Владислав, — с нарочитой сердитостью ответил «старик», — я не занимаюсь воровством. Не смей оскорблять меня жалким словом «вор»! Я Артист! Мастер! И я не граблю всех подряд. Эх, если бы только люди были со мной честны! Если бы были! — Он мечтательно возвел глаза к небу.

— Тогда ты бы умер с голоду, — ехидно отозвался мальчик. Сельф спорить не стал.

— Ладно, не время мечтать. Давай, быстро переодевайся.

Мальчик усмехнулся и расшнуровал свой мешок. Сельф с каким-то непонятным выражением наблюдал за ним. Прошло почти полгода с того момента, как он нашел этого странного ребенка в лесу в Туаге. С тех пор он так и не узнал о нем ничего нового. Как только начинал спрашивать, мальчик тут же мрачнел и замыкался в себе. В таком состоянии из него невозможно было вытянуть ни слова. А ребенок оказался смышленым. За эти полгода успел выучить два языка Танра и уже болтал на каждом из них так, будто оба были для него родными. Сельф не переставал поражаться своему юному спутнику. Он моргнул, выходя из задумчивости, и начал поспешно переодеваться.

Вскоре из пристройки вышел обедневший купец, одетый в потертую, но некогда богатую и нарядную одежду. С сыном. Мальчик тоже выглядел более опрятно. Он осторожно выглянул из-за угла сарая.

— Нас никто не видит.

— Отлично, Владислав. Уходим. — Купец перехватил свой посох и быстрым шагом двинулся прочь от сарая. Достаточно удалившись, он резко замедлил ход и двинулся дальше независимой походкой никуда не торопящегося человека.

— Знаешь, я уже привык к тебе с бородой, — неожиданно сообщил мальчик. — А сейчас ты мне кажешься немного смешным.

— Смешным? Я? — возмутился «купец». — Быть того не может. А вообще, чем смешнее человек выглядит, тем меньше его принимают всерьез.

— И тем легче ему воровать...

— Сколько раз я уже говорил, что я не вор!

— Моя мама называла то, что ты делаешь, воровством.

— Твоя мама, безусловно, мудрая женщина. Но я не вор.

— А разве ты не ограбил того прохожего?

— Тот прохожий сам виноват. Если бы он не захотел обмануть меня, то и я бы его не тронул.

— Вор у вора украл.

— Именно, малыш, именно. У воров и разных негодяев я и предпочитаю воровать. А вообще-то по призванию я — Артист. Игрок на пороках человеческих душ. И чем порочней человек, тем с большим наслаждением я его обчищу. Можешь считать это наказанием за грехи. А ведь я всегда даю людям шанс. Им просто надо проявить свои лучшие качества. Что ж, в следующий раз, глядишь, они и задумаются, прежде чем кого-то обмануть.

— Это как? — заинтересовался мальчик.

— Э-э... Вообще-то это легче показать, чем рассказать. Посмотри вон туда. Что ты видишь?

Мальчик проследил взглядом за посохом своего спутника, которым тот показывал куда-то в сторону. Там, около дровяного склада, расположилась компания, окружившая небольшой столик, за которым сидел довольно представительный мужчина. Он что-то объяснял окружающим. Вот один из зрителей положил на стол несколько монет. Мужчина присоединил к ним свои. Потом показал шарик, положил его на стол и закрыл непрозрачным стаканчиком. Рядом поставил еще два таких же стаканчика. И вдруг с невообразимой быстротой завертел их по столу, затем, резко остановив, выстроил стаканчики в идеальный ряд.

— Наперсточники, — ответил мальчик. — Там, где я раньше жил, таких людей называли наперсточниками. Или шулерами. Мама говорила, что у них невозможно выиграть.

— Хм, наперсточники... смешное слово. Но то, что они

шулеры, верно. В обычной игре действительно нет шансов их обыграть. А теперь смотри. — Сельф целеустремленно зашагал к столику, остановился перед ним и стал со все возрастающим интересом наблюдать за игрой.

Мальчик подошел следом и немного растерянно посмотрел на своего спутника. Внешне тот выглядел полностью увлеченным происходящим, хотя Володя ощущал, что на самом деле его друг собран как никогда и не упускает ни единой мелочи в игре.

— А можно мне попробовать? — несмело спросил «купец», словно решившись, увидев, как один из зевак ушел с солидным выигрышем.

Мужчина, сидящий за столиком, внимательно оглядел говорившего:

— Можно, почему нет? У нас никому не запрещено пробовать.

«Купец» залез в кошелек и вытащил монету. Несколько секунд рассматривал ее со страдальческим видом, потом нерешительно положил на столик. Играющий усмехнулся и присоединил к монете свою. Потом быстро задвигал стаканчиками. «Купец» помялся, потом ткнул пальцем в один из стаканчиков. Шарик оказался там. Напряжение с его лица тут же исчезло.

— Смотри, — с улыбкой повернулся он к мальчику. — Мы выиграли! Попробуем еще?

Не дожидаясь ответа, «купец» снова положил на столик монету. И снова выиграл. Третью партию проиграл. Раздосадованный, он потребовал возможности отыграться и выиграл. Дальше пошел настоящий хоровод. Выигрыш сменял проигрыш, «купец» все больше и больше входил в раж, а горка монет перед ним росла. Заинтригованные происходящим, вокруг начали собираться зеваки, подбадривая «купца». Но тот в поддержке не нуждался — закусив губу, он весь отдался игре.

— Эх, — вдруг раздосадованно воскликнул игрок. —

Сударь, вы меня обыграли. Я не могу больше продолжать. Поэтому — последняя партия. Играю на все. — Он решительным жестом высыпал из своего кошелька стопку золотых монет. — Поддерживаете?

«Купец» некоторое время размышлял. Было видно, как на его лице сменялись различные чувства: от страха проиграть до жадности и надежды. Вдруг повезет? Жадность победила.

— Идет. — «Купец» с отчаянной решимостью придвинул к монетам весь свой выигрыш и кошелек.

— Папа, — мальчик дернул его за одежду. — Это же наши последние деньги! Ты же хотел на них товар купить! Если ты проиграешь, мы разоримся...

«Купец» на мгновение застыл. На его лице появилось удивление, но он так быстро взял себя в руки, что этого никто заметить не успел, и беспечно отмахнулся:

— Отстань. Ты смотри, сколько мы сейчас выиграть можем! Я играю.

Игрок кивнул и быстро закрутил стаканчиками. «Купец» внимательно наблюдал. Стаканчики замерли. Зрители затаили дыхание, «купец» даже вспотел от напряжения. Он дергал руку то к одному, то к другому стаканчику. Наконец решился. Быстро протянув руку, он поднял средний. Зрители ахнули — под ним лежал шарик... «Купец» издал радостный вопль, и за этой радостью никто не заметил потрясенного взгляда игрока, который неверяще смотрел на шарик. А купец быстро поднял два оставшихся стакана, словно желая насладиться победой.

— А здесь ничего!!! — еще громче завопил он. — Я выиграл!!! Выиграл!!!

Игрок посмотрел на толпу вокруг, кисло улыбнулся и развел руками. «Купец» быстро сгреб деньги, по дороге сунул по монете каждому нищему и зашагал прочь от столика. Отойдя подальше, он чуть повернул голову к мальчику:

— Малыш, с чего это ты решил мне помочь? Мне казалось, что тебе не нравится то, что я делаю...

Мальчик серьезно посмотрел на своего спутника:

— Сельф, они плохие. Они грабили всех, но в основном тех, кто не мог им ничего сделать. Только я все равно не понял, где тут у них был шанс. Ведь тот шарик ты подложил?

— Верно, — усмехнулся Сельф. Он взмахнул рукой, и на его ладони оказались еще несколько похожих шариков разных цветов. — Я всегда ношу их с собой. На всякий случай. А шанс... Если бы он играл честно, то, подняв два других стакана, я всем бы показал на столе еще два шарика. Мой обман раскрылся бы, и я проиграл бы все деньги. А то и побили бы.

— Это еще впереди. Будет и проигрыш, и побьют, — посулил мальчик, глядя поверх плеча Сельфа, присевшего рядом с ним.

— Надо же, — удивился Сельф. — Видать, сильно разозлил. Я ожидал их позже.

— Ты ждал этого? — удивился мальчик.

— Ха. Конечно. Все мошенники одинаковы — достойно проигрывать не умеют. Ты думаешь, зачем я в этот переулок зашел? Чтобы разом решить все проблемы. — Сельф медленно выпрямился. Незаметно размял кисти рук и ухватился за посох. Повернулся. Напротив, загораживая выход, стояли четверо. И выглядели они очень недружелюбно.

— Что вам надо, ребятки? Вы же сами говорили, что это была последняя игра? Все закончилось.

— Щас мы тебя закончим, — мрачно пообещал игрок. — Думал, самый умный здесь?

— Дети мои, — смиренно заговорил Сельф. — Как завещал Спаситель: «Прощайте врагам вашим, и будет прощено вам». Я прощаю вас за попытку обмануть меня, и, надеюсь, вы последуете моему примеру.

Четверка недоуменно переглянулась.

— Он что, больной? — поинтересовался один из них. — Слышь, ты, юродивый. Считай, что уговорил не убивать тебя. Просто верни деньги и катись отсюда!

— Дети мои, но ведь это мой выигрыш. Мы честно обманули друг друга, и я оказался хитрее. Простите уж мне этот грех, и ступайте себе с Богом. Я верю, он вам поможет. Искренне надеюсь, что вы не забудете этот урок, и в следующий раз честность возобладает над нечестивым желанием заработать презренный металл, что развращает души людей почище любого Зверя.

— Да он чокнутый! — сделал вывод третий из компании. — Ладно, хватит болтать.

Четверка разом достала ножи и шагнула вперед.

— Последний раз предупреждаю вас, дети мои...

Закончить Сельфу не дали. Все четверо разом бросились на него, размахивая ножами. Тотчас посох в руках лжекупца превратился в жужжащий круг. Один из нападавших отлетел к стене со сломанной рукой, второй получил по лбу, третий между ног. Четвертый, сообразив, что здесь что-то не то, попытался убежать и заработал удар по затылку. Сельф с жалостью оглядел стонущую четверку.

— Да простит вам Спаситель грехи ваши, как я прощаю вас. — Сельф перекрестил их, потом себя и, читая покаянную молитву, вышел из переулка.

— Мне кажется, ты был искренен, — недоуменно заметил мальчик. — Ты действительно переживал за них и совершенно искренне желал им раскаяться. Я тебя не понимаю.

Сельф покосился на мальчика.

— А я тебя. И откуда ты знаешь, что я был искренен? Может, я просто издевался над ними?

Мальчик смутился и замолчал. Отвернулся. Объяснить? Но что? Что он может видеть людей? Именно ви-

деть их внутренний мир. С того момента, как Володя, или Владислав, как стал называть его Сельф ан Сельфин, попал в этот мир, больше всего его поражала чудовищная раздвоенность людей. Казалось, они устроили внутри себя настоящую гражданскую войну. Одни чувства сражались с другими, одни мысли с другими. Человек раздваивался, терял целостность. А теряя целостность, начинал ненавидеть всех, кто эту целостность сохранял. Ах, ты не каешься в грехах? Значит, не веришь в Спасителя! Вот этот уж слишком спокоен, значит, душу продал!

Дома в людях тоже была раздвоенность, но Володя никогда не думал, что человек может настолько потерять себя. Два раза он попытался помочь людям обрести себя, примирить два враждующих лагеря внутри них. Первый — тому самому Ищущему, Герладию. Второй — офицеру Мордоку. Сельф с самого момента бегства не переставал удивляться поведению своего старого знакомого. Он никак не мог понять, почему Мордок не выдал их инквизиции. Значение этого слова мальчик узнал на следующий день, наблюдая сожжение «ведьмы». Сельфу потом с трудом удалось успокоить его. И снова та же раздвоенность личностей у людей. Причем у тех, кто сжигал, она была больше всего. Володя «объяснил» Мордоку, что не стоит страшиться темной стороны своей натуры, ибо она, как и светлая, подчиняется разуму. Разум управляет ими, и только от него зависит, чтобы темная сторона превратилась в силу, уверенность, целеустремленность, а светлая стала бы смягчать эту силу, не давая уверенности превратиться в самоуверенность, целеустремленности — в фанатизм.

Сам Володя не понимал этих темных и светлых сторон. Он просто видел, что Мордок страшно боялся какого-то греха, который почему-то ассоциировался у него с инквизицией. Страх перед грехом делал его неуве-

ренным и мешал исполнять долг, который Мордок считал основой своей жизни. А не имея возможности исполнять долг, он, опять же, считал это грехом. И выхода из этого порочного круга не видел. Показав, что не стоит пугаться греха, что и темную сторону можно обратить на пользу, мальчик устранил эту раздвоенность в душе офицера. Именно тогда Мордок и понял, что долг перед жителями города велит ему отпустить этих людей.

О цене вмешательства мальчик в тот момент не думал. Он просто искренне хотел помочь человеку разобраться в самом себе. Он не понимал, что, если бы долг тогда велел стражу выдать их инквизиции, он сделал бы это без колебаний. Володя ведь не управлял человеком. Не заставлял его принимать то или иное решение. Да и не понимал тогда, какое решение нужно. Вернув целостность человеку, он просто сделал его Личностью. Личностью, которая осознает саму себя, которая познала себя полностью, со всеми достоинствами и недостатками. Признала и поняла. И эта личность просто стала Человеком.

— Нет, — вздохнул Володя. — Ты не издевался над ними. Ты действительно верил в то, что говорил. И ты необычный. Ты цельный. В тебе нет раздвоенности.

До Сельфа не сразу дошло, что сказал ребенок. Но когда дошло... Он замер, а затем медленно повернулся к мальчику.

— Маг?! Но это же невозможно! Тебя же проверял Ищущий! Он должен был понять... Но... невозможно. — От растерянности Сельф опустился прямо посреди дороги и ошарашенно уставился на мальчика, который не менее удивленно смотрел на него.

Герладий раздраженно ходил из угла в угол небольшой комнаты. Полгода! Уже полгода прошло, а он даже не нащупал следов проклятого мага! Он тогда две неде-

ли ездил по всем дорогам этого Спасителем проклятого Туага в поисках хоть каких-то зацепок. Бесполезно! Все бесполезно! Никаких следов! Пришлось возвращаться и делать доклад в Инквизицию. В ответ пришло неожиданное сообщение от самого Итана бер Саана. Глава Очищающих лично заинтересовался его докладом и сообщил, что присылает одного из своих агентов. Раньше такое сообщение повергло бы Герладия в шок, в панику. Но сейчас он был на удивление спокоен. Анализируя свои чувства, он понял, что просто не боится. Никак не мог понять причину своего спокойствия, когда, казалось, должен пребывать в ужасе, и это непонимание приносило куда больше беспокойства, чем грядущий приезд одного из Очищающих. А все началось с того самого чертова рейда за непонятным магом.

Маг скрылся, и это был вызов. Герладий, едва вернувшись домой, тут же потребовал аудиенции у короля, получил у того приказ оказывать ему всяческую помощь и организовал широкомасштабные поиски. Это тоже было странно. Опять он не понимал себя. Раньше, не сумев быстро добиться необходимого результата, Герладий постарался бы забыть обо всем, успокоить руководство якобы незначительностью событий и снова погрузиться в привычные развлечения. Сейчас же он сам поднял тревогу. Сам доложил обо всем наверх и сам настаивал на приезде Очищающих. А потом сам же, по своей инициативе организовал поиски.

— Ищущий, к вам вестник. — В кабинет несмело вошел слуга.

— Проси, — коротко приказал Герладий, поворачиваясь к двери.

Вестник вошел быстрой, но неуверенной походкой. Он дрожал и с ужасом смотрел на Герладия. Казалось, бедняга приготовился к самому худшему.

— Ищущий, — запинаясь проговорил он. — У меня плохие вести.

— Да говори же ты! — раздраженно рявкнул Герладий. — Не зверь я!

Не зверь? Герладий нахмурился, вспомнив кое-что. Это случилось лет десять назад. Тогда к нему тоже пришел вестник и сообщил какую-то неприятную новость. Сейчас он даже не помнил, какую именно. Кажется, крестьяне освободили преступников и похитили несколько бочек вина, принадлежащих лично ему. Герладий вспомнил свою ярость в тот момент. Он просто проткнул гонца мечом, а потом вызвал слуг, чтобы вынесли «мусор».

Боже, почему это вспоминается сейчас? Такая же ситуация, вестник и неприятная новость. Герладий покосился на меч. Гонец заметил этот взгляд и мертвенно побледнел.

— Господин... — пролепетал он.

— Да говори же ты!

— Никаких следов. На севере тоже ничего не обнаружили.

Герладий сжал кулак. Проклятье! Последняя надежда. Как можно найти мага, который не оставляет следов? Постояв несколько мгновений молча, он повернулся к гонцу.

— Что стоишь? Иди на кухню. Скажи, что я велел тебя накормить. И вот тебе за весть. — Ищущий кинул ему кошелек.

— Господин?! — Глаза вестника полезли на лоб и уверенно там обосновались. — Но ведь моя весть не слишком хорошая! За что же...

— За смелость. Не побоялся. Иди. И ты не виноват в том, что весть плохая. Извини, если напугал.

— Господин... — Глаза вестника забрались еще выше. — Но... вы... извиняетесь... Да я... я за вас... — Вестник выскочил за дверь.

Герладий ошеломленно уставился на закрывшуюся

дверь. Спаситель, да что же происходит? Что со ним? Он извинился?! Перед кем?! Перед каким-то там вестником, солдатом, быдлом?! Извинился перед тем, кто доставил плохие вести?! Да он никогда перед такими не извиня... Герладий замер.

— А перед кем я вообще извинялся?

Не было такого. Если он в чем-то оказывался неправ, то предпочитал свидетелей своей неправоты закапывать как можно глубже. А потом валил всю вину перед руководством на них. Так и делал карьеру. Сейчас же Герладию даже и в голову не пришло свалить вину за провал на поисковый отряд. Получив известие о неудаче, он начал думать не о том, как оправдаться, а о том, что делать дальше для поиска неизвестного мага.

Тут Герладий вспомнил, что уже около трех месяцев не бывал в квартале развлечений. А раньше не проходило и дня, чтобы он не появился там. Однако в последний раз ему так опротивели шлюхи, готовые выполнить любую прихоть клиента, что он сбежал, и больше там не появлялся. А ведь прежде Герладию нравилось доказывать свою силу. Порой весьма жестокими способами. И никто не смел ему ни в чем отказать. Люди ползали перед ним на коленях, плакали, унижались, только бы отвести от себя гнев Ищущего. Он же, унижая других, доказывал и утверждал свое превосходство. Сейчас даже вспоминать об этом было тошно.

— Обед готов, господин. — Камердинер осторожно вкатил в комнату столик.

Как он поднимает эту тяжесть на второй этаж? Ведь Лурду, бессменному слуге еще его отца, исполнилось уже, дай Спаситель памяти, почти девяносто.

— Спасибо, Лурд.

Герладий увидел, как мгновенно напряглась спина камердинера.

— Господин... — испуганно пробормотал он.

— Что?

Лурд выпрямился, и Герладий обратил внимание на совершенно белое лицо старика.

«Дзенн, неужели они все теперь будут так реагировать? Я что, раньше никогда никому и спасибо не говорил?»

«Не говорил!» — честно признал Герладий.

— Иди, — несколько раздраженно бросил он. Лурд поспешно выскочил из комнаты.

Ищущий некоторое время сидел молча. Потом встал и прислонился лбом к стене.

— Что со мной происходит? — прошептал он. — Сколько это будет длиться? Почему все от меня шарахаются, как от зачумленного, стоит сказать что-нибудь вежливое? Неужели это настолько необычно?

Герладий со стоном опустился в кресло. Воспоминания захлестнули его. Вот ему семнадцать лет. Еще совсем мальчишка. С каким восторгом смотрел он на стражей Господа, как иногда называли Ищущих. Его вера уже тогда была замечена отцами-инквизиторами и оценена должным образом. А потом — три года учебы, после которых новый Ищущий ступил на путь.

— Берегись, ересь! — таков был тогда его девиз.

Пламенный юноша, горящий праведной страстью. Он образец! Он! А потом только это «он» и осталось. Уж кому, как не самому Герладию, было знать, что уже в тот момент в нем поселился червячок сомнения, начавший подтачивать душу. Он настолько верил, что со всей страстью молодой души боролся с любым проявлением Тьмы в себе. Уничтожал ее в каждом закоулке души, был настолько праведным, насколько это вообще возможно. Вот в этом-то все дело. Насколько возможно. А насколько возможно быть праведным в двадцать лет? И началась бесконечная борьба с самим собой. Бесконечный бой, обреченный на проигрыш, какая бы часть души ни

победила. Но это понятно сейчас, а тогда? Что он понимал тогда? Да и что значит «сейчас»? Он это понял всего лишь месяц назад. Нельзя разорвать себя на части, не став духовным калекой.

А тогда все чаще и чаще Герладий ловил себя на греховных мыслях, все больше находил у себя в душе Тьмы. И чем сильнее боролся с ней, тем больше ее находил. И тогда он впервые усомнился в своем предназначении. Усомнился в самом себе. А усомнившись, отпустил грешника за деньги, испытав облегчение. Ну вот, скоро его разоблачат, и воздастся по грехам его. Но не разоблачили. Герладий даже удивился. И начал брать внаглую, стал презирать людей. Он видел все их грешки и грехи. Или убеждал себя, что видел. Ненавидел людей, в которых не ощущал той же раздвоенности, что у себя. Ему это казалось несправедливым.

Унижение! Вот настоящая власть над людьми. Герладий начал унижать просто чтобы доказать остальным, что превосходит их по всем статьям. Для самоутверждения ему теперь постоянно требовались унижения других. Да, признавался себе Герладий, он дерьмо, грешник, тварь, но и остальные ничуть не лучше. Однако он — Ищущий, а значит, по определению выше других. И если он мразь, то кто тогда все вокруг? И Герладий полностью отдался своим утехам, уже не удивляясь и не негодуя, когда узнавал о продажности очередного епископа или архиепископа. Он, скорее, удивлялся, когда слышал, что кто-то не берет взяток. Удивлялся и не верил, считая такого человека просто более ловким негодяем.

Потом... Потом откуда-то вынырнул Матфей. Герладию уже понравилась его жизнь. Поэтому тогда, почти пятнадцать лет назад, Ищущий впервые испытал настоящий страх. Для него «Я» уже заслонило собой все вокруг. Но Бог или Спаситель миловали. Его не тронули.

Герладий умел вовремя подставить под удар других. По его доносам загребли тогда почти всех высших священнослужителей в Туаге.

Постепенно все эти процессы стали убывать, и все вошло, по крайней мере, для него, в прежнее русло. Герладий получал приказы, как мог исполнял их, не всегда как надо, зато всегда находя себе оправдания. Он привык так жить. И привык не замечать внутренней борьбы.

Так что же с ним случилось? Что? Ищущий вдруг понял, что всю жизнь, уничтожая в своей душе Тьму, он убивал и Свет. Понял, что они — одно целое. Володя не знал причину раздвоенности Герладия. Он просто попытался довериться интуиции, помочь. Но священник-то причину знал! И осознал, что всю жизнь боролся с самим собой. Убей он в себе Тьму, кем бы он стал? Дрожащей тряпкой, боящейся любого решения. Сделать шаг? А вдруг упаду? Можно заболеть! Можно ненароком обидеть кого! Воля, целеустремленность, настойчивость — вот силы Тьмы! А Свет? Свет — жизнь. Убей в себе Свет, и воля превратится в жестокость, настойчивость — в неразборчивость в средствах, целеустремленность — в фанатизм. Доброта и сострадание — вот силы Света.

— Как же я не понимал этого раньше? Я всю жизнь потратил на уничтожение Тьмы в себе, не понимая, что уничтожаю себя! А сейчас, познав в себе Тьму, я гораздо лучше служу Свету. Неужели святые отцы ошибались?

Этот крамольный вопрос возник внезапно. Настолько внезапно, что Герладий не успел подавить его в зародыше. Он вырвался против воли и напугал Ищущего до онемения. Ведь ответ на этот вопрос опрокидывал все, во что Герладий верил. Все, чему служил. Пусть плохо, но служил. Он всю его жизнь делал бессмысленной.

— Нет... — Ищущий застонал. — Нет! Это невозможно! Это не может быть правдой...

Но вопрос был задан, и, к несчастью, Герладий знал на него ответ.

— Нет! — Он с силой ударился лбом о стену. Потом еще раз.

— Господин! Господин! — в комнату вбежал испуганный Лурд. — Вам плохо, господин?

— Лурд? — Герладий поднял на слугу полные боли глаза. — Лурд, я тряпка! Я всю жизнь был тряпкой, а когда наконец стал человеком, понял, что поздно! Господи, как же поздно! Почему этот чертов маг не сотворил со мной этого лет на двадцать раньше? Почему, Лурд?!

— Господин?! — Камердинер с ужасом наблюдал за Герладием, не решаясь к нему приблизиться.

— Лурд, я знаю слугу Тьмы!!! Нет, не Тьмы!!! Самого Зверя! О, теперь я знаю его!!! И он делает добрые дела!!! Лурд, кто сказал, что Зверь не может творить добро? Кто такое сказал? О, он умеет делать добро, умеет и творить его, но поздно! Поздно! И клянусь, я найду этого слугу Тьмы! Найду!!!

Герладий вдруг выпрямился, в глазах полыхнул огонь:

— Лурд, быстро к королю, скажи, что мне нужен отряд всадников, и как можно быстрее. Завтра они должны быть здесь!

Камердинер поспешно выскочил из комнаты.

Герладий вспоминал. Он вспоминал глаза ребенка, которые снились ему почти месяц, с того самого момента, как он увидел этого мальчишку в богом забытом городке.

— Теперь я знаю, как ты выглядишь, Зверь! — прошептал Герладий. — Ты сделал мне подарок на свою беду. Ты излечил мою душу, но теперь берегись!

Услышь в этот момент бормотание Герладия кто-нибудь из его коллег, не миновать бы ему костра. Ибо всем было известно, что Зверь не способен лечить ду-

ши. Он может их только забирать. А думать было не принято. Чтобы думать, есть первосвященник. Остальные должны только верить.

Расскажи все! Легко сказать. Володя уже успел узнать Сельфа и верил ему, но успел убедиться, что там, куда его занесла непонятная сила, полностью доверять нельзя никому. Впрочем, что хитрить, какая сила его сюда занесла, мальчик знал. Он даже несколько раз пытался повторить эксперимент и вернуться на Землю, но у него ничего не получилось. Тайком от Сельфа он даже всплакнул.

Танр все больше поражал и ужасал мальчика. По привычке он скрывал свои способности — на этом всегда настаивали родители. И вот, из-за собственных неосторожных слов, Грэд обо всем догадался...

— Что говорить? — хмуро спросил Володя.

— Вот что, Владислав! — решительно встал с кровати Артист. Он выглянул за дверь сарая, куда они вернулись после того, как надули мошенников и переоделись в старые одежды. Убедившись, что рядом никого нет, Сельф ан Сельфин ибн Грэд присел напротив мальчика. — Если хочешь и дальше оставаться моим другом, выкладывай все без утайки. В противном случае — можешь вставать и проваливать на все четыре стороны. Если ты мне не доверяешь, то с чего тебе должен верить я?

Мальчик хмуро посмотрел на Сельфа. Потом встал и нерешительно направился к двери. Оглянулся. Но на лице того не промелькнуло ни тени жалости. Он просто сидел и ждал. Володя нерешительно потоптался. Вздохнул и вернулся на место.

— Куда мне идти? — хмуро спросил он. — Я тут ничего не знаю.

Сельф молчал.

Володя вздохнул.

— Ты не поверишь, — в последний раз попробовал переубедить Сельфа мальчик. В ответ тишина. — Ну, хорошо, — сдался Володя.

Сельф слушал его, ничем не выдавая своего отношения к рассказу. Ни разу не прервал и не поторопил, хотя часто мальчик сбивался и подолгу молчал, собираясь с мыслями. Только один раз дружески похлопал по плечу, когда Володя рассказал о смерти родителей. Наконец он замолчал. Но Сельф по-прежнему не проронил ни слова. Володя сидел, опустив голову и боясь поднять глаза. Но Артист молчал. Молчал и мальчик. Только губу закусил.

— Ты мне не веришь? — наконец не выдержал он.

— Почему? — совершенно спокойно ответил Сельф. — Верю. Ты слишком мал, чтобы сочинить такую сказку. Хотя, конечно, встречаются гении. Но ты слишком остро переживал. А так не переживают, когда рассказывают выдуманную историю. Нет, я тебе верю, хотя в такое и трудно поверить. Просто размышляю, что нам делать дальше.

— Ты меня выдашь инквизиции? — спокойно спросил Володя.

— Дурак, — так же спокойно отозвался Сельф. — Если бы я хотел тебя выдать, то сделал бы это еще в Туаге. Я ведь уже там понял, что с тобой что-то связано. Что-то необычное. Просто я немного корректирую свои планы. Маг, хм, никогда до этого не общался с магами. К тому же тебя не обнаружил Ищущий. А ведь скрыться от них считается невозможным. Как тебе это удалось?

— Удалось что?

— Ну, скрыть свои способности от Герладия.

— Но я не скрывал. Я даже тогда при нем применил их немного...

— Что?!!! — Сельф подскочил на месте. — ТЫ ПРИ-

МЕНИЛ МАГИЮ перед Ищущим и он тебя НЕ ПОЧУВСТВОВАЛ???!!!

— Но я не применял магию! Папа называл мои способности экстрасенсорными.

Сельф отмахнулся:

— Как волка ни назови, все равно зайцем не станет. — Он вскочил и нервно зашагал из угла в угол. Смотрелось это довольно странно — седой старик с белой бородой почти бегал пружинистым шагом по сараю. — Нет! — Сельф резко остановился. — О таком я еще не слышал. Могу поверить, что Герладий не заметил в тебе магии, если она очень мала, но чтобы Ищущий не заметил магию, которую применяют у него под носом?.. Что ты хоть сделал?

— Я... я не знаю, как это сказать. Он... он боролся с самим собой. Я не знаю. Здешние люди мне все кажутся какими-то раздвоенными. Я просто попытался объяснить ему, что если он не прекратит этой борьбы, то убьет себя. Объяснил, что в человеке не может быть лишних чувств. Нет чувств плохих и хороших. Я не понял, но он называл их Светом и Тьмой.

— Ты читаешь мысли?

— Нет, — Володя затряс головой. — Я не умею этого делать.

— Врешь! Пусть слабо, но это умеют даже самые скверные маги.

— Но я честно не умею! — Володя часто заморгал от обиды. — Я никогда не лгу! Никогда!

— Ну-ну, — несколько растерянно успокоил его Сельф. — Зачем так волноваться? Не можешь так не можешь. А как у тебя это вообще получается?

— Ну как... я просто представляю, что хочу сделать, и делаю.

— Чего?! — Кажется, в этот день находиться в шоке стало для Сельфа нормой. — Просто представляешь?!

Малыш, я, конечно, не маг и всех этих штучек не знаю, но я кое-что читал. Невозможно с помощью мысли что-нибудь сделать!!! Для этого нужны заклинания! Какие-то предметы, или амулеты, Спаситель его знает, как они там называются!

Володя засопел. Потом оторвался от пола и повис на высоте полутора метров.

— Где у меня эти ваши предметы и какие заклинания я шептал? — обиженно спросил он.

— Дзенн его раздери! — Сельф растерянно взирал на парящего мальчика. Потом нервно сглотнул. — А ну-ка, быстро спускайся! Еще не хватало, чтобы нас здесь какой-нибудь Ищущий засек. К тому же силы тратится много.

— Много, но я постоянно заряжаюсь. Я же не свои силы трачу. Я это еще дома понял. Когда только начинал пробовать их, то так уставал... а потом догадался. Ведь мир вокруг — живой. Трава, звери, насекомые, деревья. Все это переполнено энергией. Я просто прошу их одолжить мне немного, и они с радостью это делают. Им не жалко. Честное слово! — поспешно добавил Володя.

Но Сельф на это восклицание не обратил внимания. Он смотрел на мальчика как на чудо-юдо.

— Да-а-а... — протянул он. — А после твоего рассказа я было подумал, что меня уже ничем удивить невозможно. Кажется, я начинаю бояться.

Володя опустил глаза и всхлипнул:

— Моя мама тоже меня боялась. И папа. Они прятали свой страх и любили меня, но боялись. Они не знали, что я вижу их страх. А мама читала мне Библию...

— Библию, — фыркнул Сельф. — Это книгу Второго Спасителя, что ли? Ха.

— А что тебе не нравится? И почему второго? — ощетинился мальчик.

— Мне? Мне все нравится, только непонятно там. В твоем возрасте ты вряд ли что понял. Скорее всего, даже не задумывался.

Володя немного помолчал:

— Мне мама много чего объясняла. Только никакого второго спасителя я не знаю.

— Об этом я и говорю, — хмыкнул Сельф, но тут вдруг задумался. — Хотя... Конечно, откуда же ты можешь знать про Второго Спасителя, если пришел из другого, как ты говоришь, мира. Но откуда же тогда у вас его Библия?

— Библия? Второго Спасителя? — Володя и Сельф с одинаковым недоумением уставились друг на друга.

— Так! — Сельф еще раз выглянул за дверь и осмотрелся. — Давай-ка начни сначала. Библию какого Спасителя читала тебе мама?

— А разве их было несколько? Я ничего не знаю про второго. Вообще, в книгах говорится, что второе пришествие Спасителя состоится в момент Страшного суда.

— Гм... интересно... Впрочем, понятно, что расхождение и должно быть. Но чтобы выжить в этом мире, тебе придется выучить Библию Второго Спасителя. Иначе, боюсь, далеко нам уйти не удастся.

Володя пожал плечами. Честно говоря, ему было совершенно все равно. Володя достаточно равнодушно относился к таким вещам. Да и не собирался отказываться от того, чему учила его мама.

— Я прочитаю эту вашу библию, — вздохнул он.

— Читать мало. Люди здесь изучают ее с самого раннего детства. Чтобы не попасть в беду, тебе придется жить так, как написано в этой книге.

— Сжигать людей за ересь? Об этом там написано?

— Гм... — Сельф, наверное, впервые в жизни растерялся, не зная как ответить на такой вопрос. Потом опасливо огляделся, скорее по привычке, чем всерьез

чего-то опасаясь. — Это не сожжение людей, по крайней мере, так говорил Второй Спаситель, это очищение и спасение их душ от греха.

Володя как-то странно взглянул на Грэда и промолчал. Тот пожал плечами.

— Сам поймешь, когда почитаешь. Я постараюсь объяснить. А пока тебе придется верить мне и делать, как я говорю. По крайней мере, пока не будешь понимать сам, что можно говорить, а что нет.

Володя задумался. Даже лоб наморщил.

— Ладно. Я понимаю. Нельзя ходить в чужой монастырь со своим уставом.

— Верно. Поэтому пока слушайся меня и думай, самое главное — думай, прежде чем что-либо сказать или сделать...

Неожиданный голос из-за двери заставил Сельфа подскочить и поспешно натянуть на глаза повязку. Мальчик тут же сел рядом с ним. Сельф сделал вид, что усердно молится.

Хозяин постоялого двора осторожно заглянул в сарай.

— Осторожно, — поспешно вмешался мальчик. — Святой странник молится за благополучие вашего дома. Он просил не отвлекать его.

Хозяин поспешно перекрестился, поставил миску с едой и быстро ретировался.

Сельф скинул повязку и захохотал.

— Владислав, а еще говорил, что никогда не врешь! Так и я не смог бы сочинить.

— А я разве врал? — невинно спросил Володя. — Ты ведь действительно молился, я чувствовал это. И подумал, что ты не обойдешь благословением дом приютившего нас человека.

Сельф схватился за живот и рухнул на пол от смеха.

— Малыш, ты гений, ты знаешь об этом? Я еще сделаю из тебя человека!

— А кто я сейчас?

— Сейчас ты клопик, которого каждый может сделать таким, каким захочет. Нет, я не допущу, чтобы ты попал в руки церковников, чтобы они там набили тебя разными идиотскими догмами. И империи не отдам. Пусть они там что угодно кричат, но догм у них не меньше, чем у Церкви.

— А что ты хочешь сделать? — Мальчик вдруг стал серьезным.

— Я? Малыш, я буду тебя учить самому трудному в жизни. Возможно, ты не раз проклянешь меня за эту учебу, но я не допущу, чтобы такая светлая голова, как у тебя, служила только обрамлением для желудка. Я буду учить тебя думать. Думать самостоятельно! Думать, несмотря ни на какие авторитеты, веры и догмы. И первое, чему тебе предстоит научиться, это задавать вопросы. И еще. Магия магией, но тебе необходимо уметь защищаться без нее. Как ты успел уже заметить, магия здесь не в чести. Теперь первый урок. Защитись от меня с помощью магии.

Сельф вдруг вскочил, посох, казалось, сам прыгнул к нему в руку. Вот он метнулся вперед и ударил. Но, словно влетев во что-то вязкое, замер буквально в двух сантиметрах от головы мальчика, который с легким недоумением смотрел на все это. Грэд немного подергал посох и, убедившись, что не может сдвинуть его с места, довольно кивнул.

— Что ж, реакция у тебя есть. Очень хорошо. Думаю, из тебя выйдет толк. А теперь отпусти посох.

Володя недоуменно пожал плечами и кивнул. Посох тут же продолжил движение и довольно чувствительно треснул мальчика по голове. Он схватился за лоб, сморщился, намереваясь заплакать, но сдержался. Толь-

ко обиженно посмотрел на Сельфа. Тот невозмутимо кивнул:

— И боль терпеть умеешь. А теперь урок. Ты понял, в чем он? Ты отпустил мой посох. А ведь мог оттолкнуть его. Почему не сделал? Если есть возможность, исключи даже вероятность нападения. Понял?

Володя кивнул, потирая шишку.

— Но бить было вовсе не обязательно, — проворчал он. — У меня память хорошая.

— Так лучше запоминается. В следующий раз, если не захочешь получить еще одну шишку, исключишь даже вероятность такого. Но с магией я тебе не помощник. Увы, не знаком с ней. Ты поел?

Мальчик кивнул, отложив ложку.

— В таком случае вставай. Нам пора уезжать.

— Уезжать? Но разве ты не хотел что-то сделать в Поданере?

— Хотел. Но после того как мы засветились с теми наперсточниками, нам здесь делать нечего. Неужели ты думаешь, что они от нас отстанут? Как бы не так. Так что чем раньше мы покинем этот город, тем лучше. А переночуем в лесу. С дикими зверьми я всегда чувствовал себя в большей безопасности, чем в обществе людей.

Сельф снова завязал себе глаза, проверил, как видно сквозь повязку, после чего положил руку на плечо мальчика. Володя осторожно двинулся к выходу. Следом зашаркал старик, в которого снова превратился его спутник. У порога они встретили хозяина постоялого двора.

— Благослови вас Спаситель, добрый человек, — прошамкал старик.

— Уже уходите? — Хозяин не сумел скрыть радости.

— Да, почтеннейший. Дороги зовут нас дальше. Я бы с удовольствием отдохнул, но не могу.

— Доброго вам пути, святой человек! — искренне пожелал хозяин.

Володя хихикнул, но тут же охнул, настолько сильно сжал его плечо Сельф.

— И вам всего хорошего, — прошамкал «старик», после чего незаметно развернул мальчика и подтолкнул его. Так, ковыляющей походкой, они и направились к выходу из города.

— Ведьма!!! Держи ведьму!!! Колдунья!!!

Им навстречу метнулась перепуганная девушка в разорванном платье. Володя напрягся, и в тот же миг пальцы Сельфа стальным захватом сжали его плечо.

— Только попробуй вмешаться, — прошептал он мальчику. — Ей ты не поможешь, а вот мы можем тоже оказаться на костре.

Девушка попыталась бежать дальше, но запуталась в разорванном платье и упала. Тотчас подбежавшая толпа набросилась на нее.

— Держи ведьму!!! Вот святой отец идет!!!

Толпа расступилась. К лежащей девушке подошел человек в коричневой сутане и наклонился над ней:

— Покайся, дочь моя.

Девушка с отчаянием посмотрела на священника:

— Отец Лионий, ведь вы меня с детства знаете! Я не ведьма! Скажите им!!!

— Зверь коварен и порой прячется в самых невинных на вид людях. Покайся, и тебе прощено будет там.

— Отец Лионий! — Девушка в отчаянии протянула руки к священнику, но наткнулась на ледяной взгляд без капли жалости. — Я не виновата!!!

— Она не раскается, — с сожалением констатировал священник. — Добрые люди, отведите ее в отдел. Там она сознается.

Толпа радостно подхватила кричащую девушку и поволокла куда-то в сторону. На слепого странника и мальчика-поводыря никто не обратил внимания. Никто

не видел, как слепец присел перед мальчиком и вытер ему слезы.

— Когда люди доверяют думать за себя другим, они превращаются в такое вот стадо. Говоря о спасении своей души, они сами не замечают, как теряют ее. Пошли, малыш. Не стоит здесь оставаться.

— Но неужели они... они ее...

— Да, малыш. Да. Возьми себя в руки.

Выходя из города, они увидели столб дыма, неожиданно взметнувшийся откуда-то из середины города. Послышались радостные вопли толпы.

— Благослови тебя Господь, невинное дитя... — прошептал Сельф. — Надеюсь, сейчас тебе хорошо перед престолом Господа нашего... Пошли, малыш.

— Мы могли хотя бы попытаться помочь ей, — всхлипнул Володя.

— Не могли! — отрезал Сельф. — А вот сами на костер только так угодили бы. Или ты собрался против всего города воевать?

— Но ведь не могут там все быть такими? Должен же хоть кто-то понимать...

— Малыш, — Сельф вдруг остановился и присел. — Неужели ты думаешь, что священник верил, что эта девочка — ведьма? Не такой уж он дурак.

— Но почему тогда?..

— Потому! — отрезал Сельф. — Вот подрастешь, поймешь.

— Но ты сам говорил, чтобы я задавал вопросы.

Сельф замер и покосился на мальчишку.

— Связался я тут с юным гением себе на голову... — пробормотал он. — Ну, хорошо, что ты хочешь узнать?

— Почему они объявили ее ведьмой?

— Потому что посчитали, будто она продала душу.

— Как это?

— О, Спаситель, помоги мне и дай терпение! Слушай,

ты что, вообще ничего не знаешь? Тебе мама не рассказывала, как душу продают?

— Не-а. Мама не продавала. Я тоже. Так откуда я это должен знать? Или она?

— Ну, считается, что является сам Зверь...

— А почему зверь?

— О... — Сельф возвел глаза к небу. — А кто там у вас является?

— Считается, что Сатана.

— Сатана? Кто это? Я с тобой совсем запутался.

— Падший ангел, — попробовал было объяснить Володя. — Изгнанный из рая Господом.

— Чушь какая. Что еще за падший ангел? Есть Зверь, верховный правитель проклятого Богом народа дзеннов, с которым боролся Второй Спаситель. Почти победил, но этот самый Зверь успел бежать, и с тех пор жестоко мстит людям, похищая их души, если те неправедны.

— Значит, Зверь делает доброе дело? — бесхитростно поинтересовался Володя. — Ведь он забирает к себе грешников.

— Кха, — Сельф сбился с шага и ошарашенно глянул на мальчика. — И кто кого тут будет учить думать? — пробормотал он. Потом уже Володе: — Не знаю. Так написано в книгах. Он же не самих грешников забирает, а только их души. Сами они остаются на земле, творя зло. И вообще, не перебивай. Короче, является Зверь и требует продать ему душу за что-то там: золото, богатство, знатность, трон, ну и тому подобное. Подписывается договор кровью. Зверь получает душу, а человек просимое.

— А зачем?

— Я же говорил, за золото, титулы или еще за что! Сам я тоже не продавал душу. К тому же я не думаю, что Зверю слишком уж нужны эти души. Что ему, солить их?

— А действительно, зачем?

— Вот и я задаю себе тот же вопрос. — Сельф по-

смотрел на небо. От города они отошли уже достаточно далеко. Людей тоже видно не было. — Если бы я знал ответ на него — стал бы самым мудрым человеком на земле.

— Странный ты. Пытаешься познать Бога разумом. У нас дома был священник, он сказал, что нельзя познать Господа через разум. Его надо просто почувствовать в себе.

— Почувствовать? Что-то я никогда не видел человека, который чувствовал бы в себе Бога.

— Вот это и есть ваша главная беда. Вы не хотите Его в себя пускать. А если вы Его не пускаете, то как Он придет к вам? — вздохнул мальчик. Сельф вздрогнул. Опять на мгновение в глазах ребенка показалась какая-то нечеловеческая мудрость. Показалась и пропала. Но еще долго Грэд не решался заговорить. Молча шел по дороге и размышлял над словами Володи.

— Слушай, что это ты там говорил про то, что люди не пускают в себя Бога?.. — наконец заговорил Сельф и наткнулся на непонимающий взгляд мальчика. — Ну, ты вот недавно сказал, что наша беда в том, что мы не хотим пускать в себя Бога...

— Я? Сельф, но я ничего не говорил. Я просто размышлял над твоими словами, что ты стал бы самым мудрым человеком, если бы знал ответ. Задумался немного. А ты про что вообще?

— Я? Нет, ни про что. Тоже вот... задумался...

— А. Тогда ладно. Будем думать вместе. — Володя улыбнулся и весело заскакал на одной ноге.

Сельф слегка отстал, наблюдая за веселящимся ребенком.

— Кто же ты такой? — прошептал он. — Кто?..

— Сельф, а мы далеко идем? — поинтересовался мальчик, когда нарезвился вдоволь.

— Подальше отсюда, — задумчиво отозвался Грэд. — А куда точно, пока и сам не знаю. Думаю.

— Тогда, значит, навстречу подвигам! — радостно гикнул Володя.

— Каким подвигам? — передернуло Сельфа.

— Ну, папа говорил, что в жизни всегда есть место подвигу.

— Ага. Только твой папа забыл добавить, что от этого места надо держаться подальше.

Володя обиженно засопел. Но тут же улыбнулся:

— А расскажи мне о мире. Сам ведь говорил, что я о нем ничего не знаю, а без этого могу попасть в беду.

— О мире... что ж, тебе действительно стоит узнать его. Слушай...

Герладий снова был в этом городке. Он ненавидел его с тех самых пор, как понял, что именно здесь его пути пересеклись с магом, излечившим ему душу. Но, убрав раздвоенность души, маг породил раздвоенность разума. И сейчас Герладий яростно спорил сам с собой. Одно его «Я» настаивало на том, чтобы немедленно разыскать сопляка, лишившего его покоя, позволив узнать, как много он потерял в жизни, борясь с самим собой. Каких бы высот мог достичь, не будь этой борьбы. А другое «Я» доказывало, что этот человек помог ему и еще не все потеряно. Нужно не злиться, а благодарить его. На колени пасть, ноги целовать за спасение.

— Проклятый сопляк!.. — яростно прошипел Герладий. — Я на колени перед тобой упаду. Ноги буду целовать. А потом сожгу. Обязательно! Ты — зло!!!

— Господин? — Стоящий рядом офицер вопросительно посмотрел на Герладия.

— Ничего, — отмахнулся Ищущий. — Это я так, задумался.

Новостей не было. Вернее, были, но... все-таки пол-

года прошло. Как можно найти двух странников спустя полгода? Мальчик с мужчиной? Да сколько их побывало в городе! Ах, они были здесь полгода назад? Хм-м-м, не помню, господин. Герладий с трудом скрывал нетерпение. Солдаты гарнизона старались не попадаться ему на глаза, опасаясь быть обвиненными в плохом служении Святой Матери-Церкви. Герладий объявил награду, после чего к нему стали приводить всех схваченных мальчишек в возрасте восьми-девяти лет, которым не повезло оказаться в обществе взрослого мужчины. На приметы, понятно, никто не смотрел. Ищущий едва не выл. Вот и сейчас он с тоской смотрел на двух охотников, которые приволокли к нему какого-то мальчишку и избитого мужчину лет сорока. Оба были крепко связаны и стояли на коленях.

— Развяжите их, — приказал Ищущий. — Господи, зачем над ребенком-то так издеваться? — чуть ли не простонал он, увидев, насколько туго охотники спеленали бедняг.

Герладий повернулся к стоявшему рядом Мордоку:

— Прикажи отвести их в трактир, пусть там накормят, за мой счет. Потом отпустите. — Он наклонился и помог подняться мальчику, который никак не мог встать даже после того, как с него сняли веревки. Герладий поймал на себе ошарашенные взгляды окружающих и криво усмехнулся. За последнее время он уже привык к таким взглядам, они больше не вызывали у него никаких чувств.

— Ну, что стоите! — рявкнул он на солдат. Те мигом кинулись помогать подняться мужчине, кто-то взял на руки хнычущего ребенка. Мрачные охотники, сообразив, что попали впросак, поспешно удалились.

Понаблюдав, как солдаты помогают бывшим пленникам, Герладий развернулся и зашагал к дому, кото-

рый снимал здесь. Сел на кровать и задумался. От мыслей его отвлек осторожный стук.

— Кто там?

— Это я, господин. — В комнату осторожно вошел Мордок.

— Какие-то новости?

— Нет. Я просто... я хотел бы знать, зачем вы ищете того мальчишку? Вы же проверяли, он не маг.

Герладий пристально посмотрел на офицера. А ведь он изменился. Во взгляде нет прежней обреченности и прежнего страха. Еще полгода назад такое поведение рассердило бы Герладия до невозможности, и он сделал бы все, чтобы стоящий перед ним человек пожалел о своей «дерзости». А сейчас... Тут, словно молния, сверкнула догадка. Не его одного излечил тот мальчишка. И ведь под носом. Под самым носом! Но как?!

— Он враг Церкви и Спасителя, офицер. Есть подозрение, что мальчишка умеет маскировать свои магические способности. Вы понимаете, что этот секрет не должен получить распространения? Вы можете представить, что будет, если о нем узнают?

Офицер думал. Думал напряженно. Потом резко кивнул:

— Я понял, господин.

«Ни черта ты не понял, Мордок, — чуть не рявкнул Герладий. — Я до ужаса боюсь, что люди узнают: Церковь ошибалась. Ошибалась все время своего существования! Ошибалась, когда объявила Тьму злом, а та оказалась всего лишь одной из сил, необходимых для жизни. Просто одной из. И мне жаль, офицер, что это понял и ты. Что ж, у каждого из нас свой долг. У каждого свой ад».

Через три дня Герладий с отрядом покидал городок, оставляя за собой трех повешенных разбойников, которые осмелились напасть на многоуважаемого капитана Мордока. Суд был скор и справедлив, что отметили все

жители. За убийство офицера казнили через повешение. А в реке вскоре найдут еще один труп — оборванца с перерезанным горлом. И никто не узнает, что именно через этого оборванца трое разбойников получили изрядную сумму денег за убийство командира гарнизона при попытке ограбления. И только этот оборванец мог сказать, от кого он получил те деньги.

6

Накануне своего пятнадцатилетия Раор пришел к магу взъерошенным и сердитым. Отмахнувшись от вопросов, юноша принялся за задачу, которую не смог решить вчера. Однако чувствовалось, что мысли его блуждают где-то далеко. В чем дело, он Стиору так и не сказал. Зато признался Броаху.

— Зверь бы побрал эту старуху! — высказал он все, что накипело на душе.

Броах выслушал всю тираду молча.

— Это ты о ком? — поинтересовался он, когда Раор замолчал.

— Да о старосте нашей. Пилагме... чтоб ей три дня икалось. Представляешь, она вообразила, что я буду счастлив, если мне предложат жениться на ее дочурке. Как же, мне через несколько дней пятнадцать, уже взрослый.

— Логично, — улыбнулся Броах. — Жених видный. Умный, образованный, начитанный. Мастер на все руки. Водяное колесо вон смастерил, которое теперь поливает поля по твоей же системе орошения. Изобрел новую ветряную мельницу. Что еще я забыл?

— Тебе смешно, — хмуро отозвался Раор. — Не тебе ведь на ней жениться...

— А что не так? Видел я ее. Я, конечно, не знаток человеческого понимания красоты, но, как мне кажется, она ничего.

— Смеешься? Да она выше меня на две головы! Худущая, словно неделю не кормили. Но это ладно. С этим еще можно смириться, но она же дура полнейшая!

— Жена и не должна быть умной! — с видом знатока отозвался Броах. — Главное, чтобы готовить умела и дом в чистоте содержала.

Раор подозрительно покосился на друга:

— Это у вашего народа так принято?

— У людей.

Юноша пожал плечами:

— Ну, не знаю. По мне, так я хочу, чтобы мне и поговорить с ней было интересно. В любом случае, если мне предложат — я откажусь.

— А разве еще не предложили?

— Официально нет. Папа намекал. Мол, честь великая оказана. Да видал я такую честь... Поругались мы с ним. Даже возвращаться домой не хочется. Опять уговаривать начнет. Еще бы. Ведь после смерти Пилагмы ее дочурка старостой станет. А поскольку она дура дурой, то, значит, ее муж будет всем заправлять, то бишь я.

— Ну, вот видишь, — рассмеялся Броах. — Станешь местным корольком.

Раор только рукой махнул:

— Да уж. Корольком. Чем тут править-то? Да после ваших рассказов о большом мире я в этой деревне просто зачахну. Нет, раз так, долго я здесь не задержусь. Вот от свадьбы отбрыкаюсь и уйду. За воспитание родителям, конечно, спасибо. Пригрели сироту, родителями добрыми оказались и зря не наказывали... как вспомню кое-какие свои шалости в детстве... я бы такого озорника порол нещадно, а они жалели. Но не место мне тут. А за доброту я уже со всей деревней рассчитался по полной своими изобретениями.

— Наверное, ты прав, — согласился Броах. — Пойду тогда обрадую Стиора. Мы и в самом деле засиделись.

Жаль только, что твой дар так и не проснулся еще. А то бы давно ушли.

— Меня всегда удивляло, что вы сразу меня не взяли и не ушли куда подальше.

Броах взмахнул всеми четырьмя руками и развел их в стороны:

— Ты же знаешь нашего дорогого мага. В некоторых вопросах он поупрямей Церкви будет. Официально он может взять тебя в ученики только после того, как проснется дар. Значит, сейчас ты не его ученик и никакой власти у него над тобой нет.

— Гм-м-м... Тогда он может отказаться уйти?

— Скорее всего, придется его уговаривать.

Раор вдруг улыбнулся:

— Знаю! Через несколько дней я стану по законам деревни совершеннолетним. А значит, волен идти куда захочу. Могу я пригласить в попутчики одного повидавшего свет пожилого человека и его ученика? Нет, если он не захочет, я сильно огорчусь и пойду один...

Броах расхохотался.

— Это сработает, — кивнул он. — Одного он тебя вряд ли отпустит. А ты действительно вырос, мальчик. Ладно, пойду готовить к этой новости нашего дорогого учителя. — Броах зашагал к дому, но вдруг остановился и обернулся: — Раор...

— Да?

— Скажи... а больше у тебя видений не было? Ты никого не видел?

Этот вопрос и Стиор, и Броах задавали довольно часто. Раор покачал головой.

— Нет. Я бы сказал.

Броах вздохнул:

— Вот это и странно. Учитель считает, что оставшиеся двое уже должны были получить предсказание и както проявить себя.

— Знаешь, при воспоминании о том, в какой момент я почувствовал тебя, мне хочется, чтобы они как можно дольше не проявлялись.

Дзенн задумчиво кивнул.

— Наверное, ты прав. Ладно, беги, жених, разбирайся с невестой.

Раор тихо зарычал, вызвав ухмылку дзенна.

Следующие два дня Раор появлялся у Стиора на короткое время и тут же убегал обратно. Стиор все время сидел в доме и готовил новые задачи для юноши, так что вся тяжесть снабжения едой легла на Броаха. Нельзя сказать, что ему это не нравилось, однако он видел, что предстоящее объяснение с предполагаемой невестой, точнее, с ее матерью, сильно тревожит Раора. В это время Броах предпочел бы быть ближе к месту событий, о чем и сообщил Стиору. Тот отмахнулся.

— Ерунда все это. Не забывай, что я тут что-то вроде священника. Против меня люди не пойдут.

Такого отношения крестьян к монахам и священникам Броах не понимал, но не имея опыта общения с людьми, кроме Раора и Стиора, не спорил, полагая, что им виднее. Однако обстановка накалялась — это дзенн понимал по все более мрачному настроению юноши. Сегодня он хмуро прошел в дом, словно не заметив Броаха, сел за стол и мрачно уставился куда-то вдаль. Потом с силой опустил кулак на стол.

— И в чем он виноват? — поинтересовался Стиор.

— Я второго спутника видел, — отозвался Раор. — Проклятье!!! Как можно быть такой мразью?!

Стиор сначала было вскинулся, но тут же озадаченно глянул на ученика:

— Э-э-э... ты о ком?

— Об охотниках. — Тут Раор сообразил, что его не понимают, и снизошел до объяснений. — Второй мой спутник — дракон. Правда... он мелкий какой-то. Никак

не похож на драконов из ваших рассказов. Он лишь чуть больше меня.

— Молодые драконы сначала куда меньше человека, — отозвался Броах. — Годам к тринадцати-четырнадцати они ростом сравниваются с людьми. Но в отличие от людей, их рост не останавливается и после достижения зрелости. К сорока любой дракон во много раз больше человека. Если же он стар, тогда...

— Да нет. В том-то и дело, что этот дракон уже далеко не молод. Как я понял, ему за шестьдесят. Хотя... знаете, если бы не контакт, ни за что не подумал бы, что ему столько лет на самом деле. Принял бы за драгончика.

— Ну, для дракона это даже не зрелость с учетом их продолжительности жизни. Хотя... к этому времени он должен быть достаточно большим... — Стиор покачал головой. — А ты уверен, что ему столько лет?

— Да. Как я понял, из-за этого он и сбежал из своей общины, с которой жил в джунглях Кадаира. Я не совсем разобрался, что там было. Кажется, у него какое-то нарушение в метаболизме, и его рост остановился. Беднягу дома засмеяли, вот он и убрался на край света. По дороге попал в плен к фалнорским церковникам, но через три года сумел сбежать из зоопарка, куда его поместили, на острова Срединного архипелага. Там и жил. А вчера на него случайно наткнулся отряд охотников за беглыми рабами.

— Гм... Обычно эти люди на драконов не охотятся.

— Они и не охотились. Говорю же, случайно на него наткнулись. Решили, что он мал еще. Ведь если судить только по внешнему виду: дракончик и дракончик. Я бы и сам спутал, если бы не слияние. Вот и прихватили как экзотику. А там есть один тип... — Раор гневно сжал кулаки. — Встречу — лично придушу.

Стиор переглянулся с Броахом, и оба решили не выяснять подробности. Стиор сам прекрасно знал, на что

способны некоторые представители рода человеческого, и давно не заблуждался на этот счет, а Броаху многое сказало поведение его всегда веселого друга. Маг поспешил перевести разговор на другое, понимая, что увиденное ночью юноша воспринял слишком близко к сердцу.

— Что ж, можно считать, что моя теория получила подтверждение. В момент стресса, какого-то потрясения между вами действительно устанавливается ментальная связь. Тебя можно поздравить с еще одним товарищем.

— Да в гробу я видел эту связь, раз за нее приходится платить такую цену! — Раор весьма эмоционально выругался. — Учитель, вот скажите, это все следствие вашего пророчества?

— Полагаю, что да, — осторожно отозвался Стиор. — Только пророчество не мое. Я сильный маг, но такого сотворить бы точно не смог.

— Да мне все равно. Я о другом. Скажите, вот обязательно этот Ушедший должен был завязать пророчество на страдание? Если я правильно понимаю теорию магии, которой вы меня усиленно пичкали, он обязательно должен был создать катализатор действия. Почему страдания?

Броах нахмурился. Хотел что-то сказать. Потом как-то неуверенно покачался и замер на месте, прикрыв глаза.

Стиор тоже задумался. Раор терпеливо ждал.

— Ты умеешь задавать сложные вопросы, — наконец вздохнул маг. — Я не знаю. Однако многое станет понятнее, если вспомнить, при каких обстоятельствах было произнесено пророчество.

— То есть раз мне плохо, то пусть весь мир катится в тартарары?

Стиор медленно поднялся и подошел к окну.

— Тебе это не нравится? — поинтересовался он оттуда, не оборачиваясь.

— Да.

— Но ты одно из орудий этого пророчества. Один из Трех. «Трое придут в мир и по Трое будет с каждым».

— Это должно меня подбодрить?

— Нет. Дать пищу к размышлению. Раор, я всего лишь учитель. Моя задача дать тебе знания. Научить всему, что знаю сам, объяснить ситуацию. Но я не могу прожить за тебя жизнь. И я не знаю конечной цели Ушедшего.

Раор поднялся.

— Это я от вас постоянно слышу. — Он решительно развернулся и вышел из дома.

Броах дернулся было следом, но его перехватил маг:

— Оставь парня. Ему лучше побыть одному. Успокоится — сам поймет, что неправ. Давай-ка лучше подумаем, что подарить ему на день рождения. — Стиор загадочно улыбнулся. — Подумать только, через седмицу нашему мальчику пятнадцать исполнится. Совсем взрослым стал. А ведь, кажется, еще вчера под стол бегал.

— Одиннадцать лет прошло, учитель.

— Да... время летит...

Утром в день рождения Раора Стиор накрыл стол и аккуратно водрузил в центр астролябию. Чтобы добыть ее, магу пришлось попотеть и даже пойти на риск быть обнаруженным. Тем не менее, желая сделать подарок ученику, он пошел на этот риск вполне сознательно. О возможностях ориентации в море они говорили с Раором давно, но мальчику все равно трудно было понять, как можно в безбрежном океане (такое количество воды он и представить себе не мог) что-то найти. Астрономии Стиор учил его раньше, и созвездия проходили — разберется.

— А как же днем? Или когда небо затянуто облаками? Что, плыть наугад?

— Ну почему? Раор, я все-таки не моряк, хотя поплавать мне пришлось в свое время. Моряки пользуются специальными инструментами. Компас, астролябия.

— Компас понятно, а что такое астролябия?

— Кажется, с ее помощью определяют положение звезд, время... Как-то мне попалась одна такая вещица. Занятная.

— А как она выглядит? — заинтересовался Раор.

Стиор как мог описал инструмент, чем подогрел интерес ученика еще больше.

— Вот бы научиться ею пользоваться!

— А ты собрался в моряки?

— Да нет... просто интересно. Ведь любопытно, что там другие делают.

Стиор усмехнулся. В мальчике неугасимо сияла звезда изобретателя и механика. И его всегда интересовали механизмы, придуманные кем-то другим.

С тех пор к астролябии Раор больше не возвращался, но маг разговор запомнил и теперь приготовил подарок. Лучшую, какую только сумел отыскать в Империи — а там такие вещи всегда делали намного лучше, чем где-либо еще, поскольку прибегали к помощи магов. Наверное, он выдал себя этой кражей из адмиралтейства. Маги уже, наверное, носом землю роют. Что ж... пусть так. В любом случае он чувствовал, что время ожидания подходит к концу. Значит, и скрываться больше смысла нет. Жаль, что нельзя было стащить инструмент с какого-нибудь корабля. Открыть окно можно только туда, где оставлены специальные метки. В свое время он подготовил немало закладок в империи. В основном они ни разу не пригодились. А многие наверняка были обнаружены магами Ассамблеи. Хорошо, что склады адмиралтейства никто проверить не догадался.

В комнату ворвался Броах:

— Учитель, беда!

Стиор резко поднялся и тут же раскинул сеть поиска. Неужели его предосторожность не помогла и их обнаружили ищейки Церкви?

— Нет-нет! — Дзенн торопливо подошел, останавливая мага. — Что-то случилось с Раором.

— С Раором? — Резко выйдя из режима поиска, маг соображал немного заторможенно. — Что с ним?

— Не знаю! Я просто почувствовал. С ним произошло что-то в деревне. Ему больно!

Броах от волнения сбивался. Если уж всегда спокойный дзенн так волнуется... Стиор натянул через голову сутану, в которой обычно проводил службу в деревне.

— Жди здесь. Пойду разберусь.

Маг торопливо сбежал с крыльца, но на тропинке резко притормозил и дальше двинулся степенной походкой уверенного в своей значимости человека.

На первый взгляд в деревне все было спокойно. И появление «святого брата» тоже мало кого заинтересовало. Ему, как обычно, кивали, крестились и шли по своим делам. Он привычно осенял встречных крестом.

Что же здесь произошло? Стиор недоуменно оглядеался. Ладно, раз с Раором что-то случилось, то его приемный отец должен быть в курсе. Маг неторопливо зашагал к трактиру дядюшки Михла.

В это время здесь, как обычно днем, народу мало. Оно и понятно — мужчины в поле работают, женщины готовят им еду. В трактире люди собираются вечерами.

Миску с кашей подала незнакомая девушка и тут же поторопилась исчезнуть, но Стиор успел ухватить ее за руку:

— Прощения прошу, милая девица, но не подскажете ли, где дядька Михл? Разговор у меня к нему имеется.

Девушка испуганно смотрела на Стиора и молчала. Маг нахмурился, не понимая, чем вызван ее испуг.

— Аль случилось что? — поинтересовался участливо он.

Девушка торопливо огляделась:

— А вы разве не знаете ничего? Ой, конечно, вы же последние три дня молились о дожде... как говорили...

Стиор важно кивнул:

— Да-да. Так что случилось?

— Да сын Михла в холодную угодил. Сам дядька Михл сейчас со старостой Пилагмой. Пытается уговорить ее избавить... ой, куда же вы? А еда?!

Но Стиор уже не слушал — он шел к дому старосты. Вот же вредная женщина! Все-таки достала. Не отдавая себе отчета, маг всегда опасался ее.

К дому Пилагмы он постарался подойти незаметно, чтобы сначала разобраться в случившемся. Сейчас Стиор жалел о своей поспешности. Надо было сначала узнать подробности у девушки, а потом уже бежать сюда. Не разобравшись, он вряд ли сможет помочь ученику. Но интересно, что же Раор такое учудил, что его даже в холодную засунули?

По пути Стиор незаметно считывал эмоции людей, пытаясь разобраться в их настроении. Большинство Раора жалело. Другие злорадствовали, не в силах простить, что приемыш оказался умнее и талантливее их. Но таких было немного. В этот момент Стиор поймал себя на том, что совершенно не знает крестьян. Прожив рядом с Совьим Гнездом десять лет, он, кроме Раора, так ни с кем и не подружился. Даже не сошелся. По необходимости встречался, отпевал умерших, благословлял браки, но радости и печали людей проходили мимо, ничуть его не трогая. Маг знал по именам всех, но на самом деле не знал никого. Стиор даже остановился, осознав это. Тряхнул головой.

— Сейчас не время, — процедил он.

Не время? Но когда время? Мальчик попал в беду, а он даже не знает, с какой стороны подступиться. К кому обратиться за помощью? На кого можно положиться, а кого лучше обойти стороной?

На подворье дома старосты царило оживление. Кажется, здесь собрались все не занятые в поле люди. Сама Пилагма, зажимая один глаз, что-то гневно вещала. Стиор прислушался.

— Доколе?! Доколе будет продолжаться это безобразие?! — гневно вопрошала она толпу. — По доброте приютив сироту, что мы получили в ответ?

— Гм... Ветряную мельницу, оросительную систему, новые колодцы, давильный чан... — неспешно начал перечислять Стиор. Староста подавилась и гневно уставилась на говорившего. Разглядев, кто выступил, она нахмурилась, но тон сбавила.

— А... это вы, святой брат. Давно вас не было в деревне. Что привело вас сюда на этот раз?

— Мой ученик не пришел. Я приготовил ему подарок на день рождения, а его нет. Решил выяснить, что с ним случилось.

— Ваш ученик?! — Ноздри Пилагмы гневно раздулись. — Ваш ученик такое натворил! Избил нескольких уважаемых людей. Видите, даже на меня руку поднял!!! — Староста отвела ладонь от глаза, и Стиор увидел огромный фингал, внутри которого с трудом можно было разглядеть глаз.

— М-да... — Маг озадаченно пригляделся. — Ни за что не поверю, что это сделал мой ученик. Я его воспитывал в правилах уважения к старшим...

— Да не специально он! — крикнул кто-то из собравшихся. Пилагма тут же ощетинилась и резко развернулась, пытаясь высмотреть в толпе смельчака.

— Может, стоит пригласить самого виновного и спросить его? — предложил Стиор.

Судя по всему, это предложение не очень устраивало Пилагму, но спорить она не стала. Только рукой махнула. Через минуту перед толпой выпихнули виновника. Выглядел он, прямо скажем, не лучшим образом. Рваная одежда, весь в ссадинах и синяках. Один глаз заплыл. Стиор оглядел ученика, покосился на старосту и покачал головой.

— Хорош, — буркнул маг. Затем, словно по наитию, достал распятие и вышел вперед, выставив его перед собой. — На колени, сын мой, и рассказывай, как на духу, всю правду.

Раор устало поглядел на учителя. Потом выпрямился, опустился на колени и приложился губами к распятию.

— Как на исповеди глаголь, сын мой. — Стиор осторожно огляделся, пытаясь понять, как отреагировали люди. В глазах дядьки Михла горит отчаянная надежда. Остальные равнодушны. Тех, кто поддерживает старосту, можно узнать по откровенно враждебным взглядам.

Раор начал рассказ. Все оказалось до банальности просто и в то же время непонятно. Похоже, юноша в последние дни находился на взводе и просто не выдержал, когда к ним в дом явилась староста с дочерью и парочкой слуг, чтобы официально сделать предложение. Вот Раор и наговорил лишнего. Староста разозлилась, попыталась первым попавшимся предметом проучить наглеца, но юноша уклонился, а Пилагма споткнулась и налетела на угол стола, заработав синяк под глазом. После этого раскричалась, что подкидыш поднял руку на уважаемых людей, и велела схватить его. Михл попытался вступиться за приемного сына, но досталось и ему. Его жена рухнула на колени, но Пилагма уже завелась. Так Раор и угодил в поруб. Насколько понял Сти-

ор, мальчику грозило стать общественным рабом деревни. А значит, выполнять всю грязную работу, быть абсолютно бесправным... в таком статусе здесь долго не живут. Отношение к таким людям хуже, чем к скотине.

И опять Стиора неприятно кольнула мысль о собственной несостоятельности. Ведь мог разрушить этот институт общественного рабства. Мог... но разве хоть что-нибудь сделал? Пророчества, предсказания, Ушедший, Трое... Ругая людей за невежество, что лично он сделал, чтобы исправить это? Пока не коснулось его ученика, даже не задумывался ни о чем.

— Интересно, — произнес маг, словно в пустоту, но внимательно отслеживая реакцию людей. — Вы все пользовались трудами этого юноши, а сейчас... вы в самом деле думаете, что, превратив его в раба, принесете большую пользу деревне?

— Ниче, мы его заставим все делать, — проворчал один из слуг Пилагмы.

— Да? Хотелось бы посмотреть. Знаете, заставить творить пытались люди посерьезнее вас. Еще ни у кого не вышло. Работать — да, заставить можно. Можно заставить таскать камни с полей и навоз на поля. Заставить спать в яме, трудиться от зари до заката, но творить... Но ладно. Уважаемая Пилагма, как я понимаю, вы уже неоднократно приходили к родителям юноши со сватовством. И юноша вам сразу отказал. Неужели вы готовы были пойти против Божьих заповедей? Неужели хотели привести молодых к алтарю силой? Извините, но я не могу одобрить такой брак. И я призываю к милосердию. Наказание не соответствует проступку...

— Ах, не соответствует?! — внезапно донесся из толпы чей-то злой голос. — Святой брат, а соответствует ли наказание проступку моей дочери, которая всего лишь задержалась в лесу, была обвинена в распутном поведении и отдана в общественные рабы? Она не про-

жила после этого и года! Почему вы не выступили со своим милосердием тогда? Почему выступаете сейчас?!

Стиор почувствовал, как у него уходит почва из-под ног. Он чуть пошатнулся. Прикрыл глаза. Почему? «Почему, почему, почему???» В голове бесконечно звучал один и тот же вопрос. В чем задача священников в таких вот деревнях? Стиор никогда не давал себе труда подумать над этим. Считал, что Церковь старается проникнуть всюду, чтобы контролировать даже мысли людей. Но во что превращаются такие богом забытые места, если нет противовеса местной власти? Зачем гадать — Стиор все видел своими глазами. Видел — и не вмешивался в действия невежественных и жестоких людей. Он смотрел на них свысока. Маг Тьмы. Обладатель знаний, недоступных другим. А ведь мог что-то сделать. Мог помочь. Мог хотя бы в этом уголке мира что-то изменить. А он? Нашел одного из Трех? Воспитал его? А дальше? Дерзай, мальчик, а твой учитель свое дело сделал...

Стиор опустил глаза и увидел распятие, которое он все еще держал перед собой. Маг повернул его к себе. Ему показалось, что изображение распятого человека смотрит на него укоризненно.

— Ты мог изменить здесь что-то. Ты сделал это?

Маг нахмурился. Голос в голове — плохой признак. Жаль, нельзя проверить, почудилось ему или нет. Но сейчас не до этого. Стиор повернулся к толпе. Опустился на колени. Ошеломленная толпа замерла.

— Я не всесилен, и мне не дано знать последствия многих моих решений, — пробормотал маг. — Но не в этом случае. Я знал, что общественное рабство — зло, и ничего не делал, чтобы исправить его. Я прошу прощения у всех, кто пострадал от несправедливости и к кому я не пришел на помощь. — Он поднялся. — Но с этим надо заканчивать. Больше никто не будет отдан в рабы!

Властью, данной мне Святой Церковью, я отныне запрещаю рабство!

Пилагма злобно выругалась, но, вопреки ожиданиям Стиора, спорить не стала.

— Будем считать, что я тоже погорячилась, — буркнула она. — Но в деревне подкидыш не может остаться. После всего. Забирайте его и проваливайте.

Не ожидая столь легкой победы, Стиор даже растерялся. Потом немного склонил голову.

— Я понимаю. Мы сейчас уйдем. — Кивнув Раору, он повернулся и двинулся сквозь расступившуюся толпу, не заметив горящих лютой злобой глаз Пилагмы.

Всю дорогу до дома Стиор был мрачен и молчал. Раор тоже не горел желанием начинать разговор, понимая, что в случившемся и его вины немало.

— Что ж ты так? — уже на подходе к избе поинтересовался маг.

Раор не стал делать вид, что не понял вопроса.

— Да достали уже! Вот и не сдержался. Высказал все, что накипело.

— Хорошо. Ну, и как дальше будешь жить? Думал?

— Думал. Еще раньше думал. Ждал только, чтобы пятнадцать исполнилось. Теперь я вроде как взрослый уже. — Раор вздохнул и честно признался: — Наверное, еще и потому не сдержался.

— Вот как? И что надумал?

— Уходить надо. Тесно мне здесь.

Стиор остановился и внимательно оглядел юношу с ног до головы.

— Вон как ты заговорил. А про нас с Броахом думал? Как нам волноваться за тебя?

Тут Стиор с удивлением увидел улыбку, которая на основательно помятом лице Раора выглядела несколько неуместной.

— Думал, учитель. Вместе с Броахом и думали.

— Ишь ты, — только и нашел что сказать маг. Надо же, ученики успели за его спиной сговориться и все за него решили. — И что надумали?

— Дык ведь вы, учитель, все равно не отпустите меня одного. Не всему еще научили. А мне здесь не хочется задерживаться. Броах меня отпустить тоже не может. Сами понимаете, как крепко мы с ним связаны.

— И когда только успели обо всем сговориться? — повторил свои мысли вслух Стиор. А ведь мальчики взрослеют, подумалось ему. И он им на самом деле уже почти не нужен. Не всему обучил? Многое знает Броах. А остальное... остальному жизнь научит. Она, как известно, учитель гораздо лучший.

Чтобы скрыть свои мысли, Стиор отвернулся и поднялся на крыльцо:

— Ладно уж, заговорщик. Поднимайся. Думать будем, что делать.

— Полагаю, Раор правильно говорит, — послышался из-за дома голос дзенна. — Уходить надо. И чем быстрее, тем лучше. Я бы прямо сегодня и ушел.

— Какой шустрый, — неодобрительно покачал головой маг. — Сегодня бы он ушел. А подумал, с чем? Что есть в дороге будем? Где спать? Такие дела спешно не делаются.

Броах с Раором переглянулись и улыбнулись друг другу. Уговорить учителя отправиться в путь оказалось гораздо проще, чем казалось. Они благовоспитанно замерли перед сидящим на скамье магом, о чем-то глубоко задумавшимся. Стиор тяжело вздохнул и поднял взор:

— Ладно. Чего уж там. Правы вы во всем, нельзя нам здесь больше оставаться. — Маг на мгновение замолчал, и словно туча пробежала по его лицу. — Много ошибок я наделал. Не исправить теперь. Но и поддаваться панике не следует. Подготовиться надо. Да и тебе, мальчик, проститься с родителями следует. Негоже вот так ухо-

дить, словно тать. Аль не жалко? Они тебе хоть и приемные, но воспитали...

Раор помрачнел.

— Жалко, учитель. Но теперь мне тут не место. Кабы не Пилагма... да что тут говорить. Думаю, они поймут.

Маг кивнул.

— Что ж... раз так. Тогда за вами двумя еда и разные мелочи, которые в пути пригодиться могут. Я займусь деньгами и... еще кое-чем. Ты же успеешь проститься с родителями.

Стиор вдруг нахмурился и предупреждающе поднял руку:

— Идет кто-то. — Броах моментально вскочил и скрылся за дверью. Мелькнула тень за кустами и исчезла. Стиор хмуро оглядел пиршественный стол с остывшей едой.

— Чего уж теперь таиться, — пробормотал он. Чуть махнул рукой, и все с него исчезло. Кроме астролябии, которую маг засунул за скамейку и завалил разными тряпками.

В дверь осторожно постучали. Получив разрешение, в комнату вошли. Стиор, продолжая мазать синяки на лице Раора, чуть обернулся и снова вернулся к работе:

— Подождите немного. Сейчас закончу.

Михл, разглядев лицо приемного сына, только вздохнул и осторожно сел на краешек скамейки.

— Ну вот. Теперь быстро заживет. — Стиор оглядел дело своих рук и удовлетворенно кивнул.

— Я это... — Михл поспешно поднялся, едва маг закончил. — Поблагодарить пришел. — Он вдруг опустился на колени и поклонился. Старик растерянно замер. Глянул на потрясенного Раора и кивнул. Тот поспешно подскочил к отцу и помог встать.

— Батюшка... — он жалобно глянул на Стиора, но тот молчал. Михл же вдруг рванулся и обнял мальчика.

— Живой. Главное — живой. — Но тут же отстранился и посуровел. — Ты вот что... пока не ходи к нам. — Трактирщик повернулся к Стиору. — Святой брат, не приютите ли пока непутевого моего? Никак нельзя ему возвращаться.

— Мы думали об этом. А как потом, можно будет?

Михл даже сник.

— Я надеюсь уговорить ее... — Кого «ее», поняли все. — И что ж ты отказал? — все же не выдержал трактирщик. — Ну и что, что глупа? Жене такой и положено быть. Муж за нее думать должен. Эх... Что теперь говорить... Опосля сегодняшнего Пилагма от своего не отступится. Никак не отступится.

— Бать, — Раор вздохнул. — Ты же сам понимаешь, что не будет мне здесь боле жизни.

Стиор глянул на сына, на отца и осторожно вышел за дверь, понимая, что сейчас он здесь лишний. Пусть вдвоем поговорят. На улице он зачем-то рукавом протер перильца, спустился и ткнулся лбом в высоченную сосну, росшую недалеко от дома.

— Ну почему так? — вопросил он неизвестно у кого. — Неужели ради твоей ненависти нужны все эти жертвы? К чему ты толкаешь нас? — Стиор достал из-под рубахи распятие. — Ну а ты что молчишь? Я ведь почти поверил тебе... Что я еще должен сделать? И так, и так получается клин. Не исполнится пророчество, и Церковь рано или поздно подомнет под себя всех...

Стиор, выросший в империи, не преувеличивал ее силы. Как бы то ни было, но ресурсов у неё намного меньше, чем у Церкви, контролирующей две трети мира. Последние относительно спокойные десятилетия помогли жителям Нада нагулять жирок. А когда все спокойно — люди забывают об опасности. Но если пророчество исполнится... Сколько крови будет... И нет выхода. Он думал, что у него еще есть время, а оно вон как

вышло. Теперь уходить надо. Никуда не деться. Стиор вздохнул. Как все сильные натуры, он никогда не позволял себе впасть в отчаяние. Раз решение принято, то так оно и будет. И жалеть о случившемся смысла нет.

Маг выпрямился и вернулся к крыльцу. Осторожно стукнул в дверь.

— Входите, учитель.

Михл сидел на скамейке, уперев взгляд в пол и зажав ладони между коленями. Раор стоял рядом, положив руку ему на плечо.

— Бать...

Михл покачал головой.

— Все понимаю. Все. И знаю, что нельзя тебе тута оставаться. Но... — Он вдруг резко встал. — Да чего уж там. Ты не ходи в деревню. Шибко зла Пилагма. Никто еще с ней так не обходился. Удивлен даже, что легко отпустила вас. Не ходи. А завтра утром я принесу все, что надо. Когда уходите?

— Через седмицу, бать. Пока припасы приготовим в дорогу.

Михл кивнул.

— И еды вам принесу. А ты скажи, что тебе понадобиться может из инструментов твоих, аль записей каких. — Не оглядываясь, он вышел из дома.

Раор молчал.

— Я даже не думал, что он меня так любит...

— Голова ты садовая, — только и сказал Стиор. Потом раскидал тряпки, достал астролябию и положил перед ним. — Вот. Подарок с Броахом тебе приготовили...

Раор глянул на инструмент. Потом сообразил, что это, и рассмотрел уже внимательней. Поднял полные восторга глаза на учителя.

— Какой же ты еще мальчишка, — прошептал тот, глядя на радующегося ученика. — Все время забываю. В империи в твоем возрасте еще в игрушки играют, а

тебе... Да ладно. На сегодня забудем все плохое. День рождения все-таки!

Следующие пять дней прошли в неторопливых, но основательных сборах. Михл по просьбе Раора принес кое-какие его инструменты и чертежи. Последние Раор старательно упаковал в вырезанный из дерева лакированый тубус. Дальше шла сменная одежда, ножи. С точки зрения Раора, они могли уже сегодня отправляться в путь, но Стиор и Броах его отговорили.

— Отправиться мы можем. Но все же лучше еще сделать в дорогу запасы еды и добыть деньги.

— Но ведь отец нам принес еду.

— Твой отец, Раор, — сообщил юноше Стиор, — принес свежей еды, непригодной в дальней дороге. Для первых дней она самое то, а потом что есть будешь?

— Охота...

— А не лучше ли сразу обо всем позаботиться? Вино, конечно, не испортится. Сыр тоже, хоть и высохнет. А вот мясо лучше бы прокоптить или провялить. Овощи тоже не все можно долго нести.

— Ну, хорошо. А деньги?

— В деревне мне деньги не очень были нужны, но сюда я пришел вовсе не с пустой котомкой. Просто припрятал недалеко от греха подальше. Вдруг бы кто наткнулся на золото в доме отшельника? Вот был бы конфуз.

Раор представил такое и усмехнулся:

— Тогда когда мы пойдем?

Стиор задумался:

— Сегодня твой отец еще обещал прийти. Завтра вам с Броахом на охоту идти. Вроде как он собирался. Тебе тоже лучше сходить — быстрее все принесете. Значит... послезавтра.

Юноша вздохнул. Уходить из дома, с одной стороны, не хотелось, а с другой... Уроки учителя помогли ему понять, что мир не ограничивается одним Совьим Гнез-

дом. Поэтому в последние два дня Раор пребывал в крайне возбужденном, но одновременно печальном состоянии. Спроси его кто, он сам бы и не ответил, грустно ему или радостно. И то, и другое одновременно. Так было бы точнее.

За дверью раздалось покряхтыванье Михла. Стиор поднялся и направился к выходу, как всегда делал, когда приходил приемный отец Раора, оставляя их наедине, — понимал, что в эти последние дни вместе им есть что сказать друг другу и без посторонних. Несколько раз приходила и приемная мать Раора с названными братом и сестрой. Маленькая Майка устроила рев, не желая отпускать любимого брата, когда ее пытались увести. Так и ночевала у Стиора. Только под утро ее еле-еле уговорили вернуться домой Михл вместе с Раором. С тех пор ее не приводили. Раор печально вздыхал и только что-то бормотал себе под нос с частым упоминанием Пилагмы и ее дочери.

И вот все решено. Определены сроки. Раор даже почувствовал облегчение — можно уже не волноваться и не ждать. Поэтому и отца приветствовал улыбкой, в прекрасном расположении духа — мечта о странствиях и новых впечатлениях окончательно победила грусть от расставания с родным домом.

Утром Стиор проснулся с каким-то дурным предчувствием. Стараясь не показывать виду, он проводил Раора и Броаха на охоту, а сам, чтобы как-то отвлечься от тревоги, занялся наведением порядка в доме. Вынес мусор и вдруг выпрямился, устремив взор в сторону деревни, словно мог ее разглядеть. Губы тронула грустная улыбка.

— Ах, вот оно что... — пробормотал он. — Ах, Пилагма...

Стиор оглянулся в сторону леса. Позвать Раора с

Броахом? Мальчик, наверное, даже услышит его зов. Он делает успехи, хотя и сам не замечает этого. Но Стиор уже видел оживающие потоки силы внутри него. Остался только толчок, чтобы они вырвались наружу. И хотя Раор еще не отдает себе отчета, но в последние дни он неосознанно пару раз прибег к магии. Если позвать... Нет, не успеют. Да и зачем? Судя по всему, с тем, что готовят в деревне, он и сам может легко справиться.

На мгновение на лице Стиора появился хищный оскал:

— Ну что ж, господа церковники. Посмотрим. — За пять дней Пилагма успела бы позвать только инквизиторов из ближайшего городишки. А в той богом забытой дыре вряд ли найдется кто-нибудь, кто смог бы справиться с прирожденным магом.

Стиор огляделся. Это произойдет не здесь, но кое-какие меры принять все же следует. Так... на всякий случай. Он вынес из дома собранные вещи. Особо позаботился о вещах Раора и его чертежах. Оттащил все это в кусты и тщательно замаскировал. Потом прилепил к росшему рядом дереву магическую метку, настроенную на Броаха или Раора. Кто-то из них точно ее заметит. Затем вернулся к дому и начал мести двор. За этим занятием его и застала пришедшая из деревни толпа. Во главе ее шествовали два важных господина в одеждах инквизиторов, из-за спин которых осторожно выглядывала Пилагма. Стиор первым делом прощупал их и едва не расхохотался. Да уж. Таким воевать с прирожденным магом? Да сейчас ему стоит только рукой махнуть, и от всей толпы даже пепла не останется. Но такой всплеск магической энергии точно засекут. Значит, надо действовать тоньше. Тем более что соперников для него здесь нет.

— Чем обязан? — поинтересовался он, откладывая метлу.

— Вот он! — вылезла из-за спин инквизиторов Пилагма. — Еретик! Он выступал с богохульными речами!

— Гм... — Стиор насмешливо выгнул бровь. — Выступление против рабства и за милосердие считается теперь богохульными речами?

— Довольно, — выступил вперед один из инквизиторов. — Ты, называющий себя братом Арсением, вызываешься на суд Святой Инквизиции по заявлению уважаемой старосты Пилагмы. Ты обвиняешься в использовании проклятой Спасителем магии и смущении умов людей своими богопротивными речами.

Стиор усмехнулся. Ну да, магию он применял, только вот вряд ли Пилагма об этом даже догадывалась. Да и вы в это не верите. Если бы поверили хоть на минуту, что я маг, не рискнули бы даже близко подойти к дому. Стиор прекрасно это видел. Привыкли иметь дело с беззащитными людьми, не способными оказать сопротивления. Где уж им могло прийти в голову, что наткнутся здесь даже не на простого мага, а на прирожденного. Только намекни на это — в тот же миг разбегутся. Но что дальше? Если убивать этих двоих, придется и всех свидетелей... Раньше Стиор не колебался бы ни минуты, но сейчас что-то не давало ему сделать этого. Вот и тянул время, стараясь отсрочить неизбежное. Ну, нельзя оставлять свидетелей! Иначе о случившемся сразу станет известно Ищущим. А сталкиваться с ними хотелось меньше всего.

— А в чем заключаются мои богопротивные речи, можно узнать? Ведь я проповедовал добро и милосердие!

— Проповедовал?!

Стиор повернулся на голос и словно под ледяным водопадом оказался. Спросил тот самый человек, который на суде говорил про свою дочь, отданную в рабство и погибшую спустя год. Как же ее звали... Стиор отчаянно пытался вспомнить, и не мог. Очевидно, что-то от-

разилось у него в глазах, потому что ледяное выражение на лице отца вдруг исчезло, и он как-то растерянно посмотрел на мага. Отвел взгляд. Стиор горько усмехнулся, посмотрел на небо и, не заметив камешка, споткнулся. Распятие вывалилось из-за ворота и закачалось перед глазами мага. Стиор замер. Он вдруг понял многое... Понял, почему человек изображен висящим на кресте. Непонятно, откуда взялось это знание, но маг был уверен в нем. Он вдруг поднял голову и расхохотался.

— Второй спаситель! — сквозь смех выдавил он. — Шарлатан и самозванец! Господи, как же я был глуп! Как мы все были глупы! — Маг уже не обращал внимания на ужас в глазах людей, полагавших, что говорить такое может только безумец. Да еще и в присутствии инквизиторов. — Почему я не понял этого раньше? Не может Спаситель править! Не может. И ведь мне был дан шанс! Давали...

Стиор отсмеялся и уже спокойно взглянул на толпу. Давался ему шанс. У него было одиннадцать лет. Но он ничего не сделал. И теперь маг смотрел в лица практически незнакомых людей, рядом с которыми прожил все это время, так и не узнав их. Но у него была одна идея, одна цель, из-за которой не замечал ничего вокруг. Теперь пришла расплата. И что бы он ни сделал — все плохо. Хотя... Стиор еще раз взглянул на распятие.

— Ну, что вы стоите? Я вам говорю, что не было второго Спасителя, а был только один! Не может никого спасти тот, кто не готов отдать за людей свою жизнь, а отдает чужую. Призывая ненависть, вы отвернулись от истинного Спасителя!

— Заткните его! — взвизгнул один из инквизиторов.

Стиор видел страх в его глазах. Ему вдруг стало легко-легко. Маг с всепонимающей улыбкой смотрел на ринувшуюся вперед толпу, даже не подумав сопротивляться и мысленно плетя свое последнее заклинание.

Он мог бы попытаться объяснить свой поступок, если бы был уверен, что хоть один человек поймет его. Но нет. Не поймут. И он молчал. Только улыбался, глядя на приближающуюся смерть. Ненависть — вот причина всего. Ненависть Церкви к иным расам породила пророчество Ушедшего, рожденное ненавистью же. И теперь она будет вести Троих, сея страдания и смерть. Он мог бы убить всех нападающих... И снова ненависть к «проклятым колдунам» вспыхнет среди людей. Бесконечная война, длящаяся уже много тысяч лет. Может, его жизнь станет первой преградой на пути этой лавины смертей?.. Когда нож второго инквизитора вонзился в грудь старого мага, заклинание вступило в силу, окружив собой людей. Разъяренная толпа кинулась к дому. Полетели факелы, вспыхнула соломенная крыша. Один из инквизиторов сорвал с груди умирающего распятие.

— Надеюсь... я сделал правильный выбор... — вдруг прошептал Стиор.

Инквизитор вздрогнул, но маг был уже мертв. Люди бесновались, и в этой стихии разрушения никто не вспомнил, что в доме, кроме отшельника, должен находиться еще один человек — последнее заклинание бастарда императорской крови, прирожденного мага, сделало свое дело.

Раор собрался бросить копье в удачно подставившего бок оленя, когда его накрыло предчувствие чего-то страшного и непоправимого. Он замер.

— Учитель... Броах! Учитель! Он умер!!! — Непонятно откуда, но Раор знал это. Броах нахмурился.

— Я не чувствую ухода...

— Он умер!!! — Раор развернулся и что есть силы понесся к дому.

Дзенну оставалось лишь последовать за другом. К дому они добежали только через полтора часа, когда от

того остались одни головешки. Потрясенный Раор рухнул на колени. Броах, подбежавший следом, вдруг увидел, как над головой юноши поднимается столб магической энергии.

— Нет!!! — Крик родился где-то в глубине души, вырвался наружу и устремился к небесам. Энергия бурлила вокруг, сворачиваясь во что-то черное и страшное. Если не вмешаться... Броах не раздумывая бросился к Раору и повалил его на землю.

— Прекрати!!! Ты же сожжешь себя! Неужели думаешь, что учитель был бы доволен этим?!

Вряд ли слова дзенна в полной мере дошли до сознания Раора, но упоминание об учителе немного успокоило его. Энергия по-прежнему бурлила через край, но не росла. И не вырывалась неконтролируемым потоком наружу.

— Я убью их!.. — простонал Раор. Он поднял от земли полный ненависти взгляд и поднялся. — Я убью их всех!

Под взглядом юноши вспыхнуло дерево. Броах повис на нем.

— Успокойся! В таком состоянии ты раньше убьешь себя! Лучше посмотри туда! — Дзенн чуть ли не силой привлек внимание юноши к магической метке, в которой отчетливо ощущалась аура учителя.

Когда ветки были разбросаны, Броах и Раор минут десять стояли и смотрели на аккуратно сложенные вещи.

— Мне кажется, учитель не хотел, чтобы ты мстил... — заметил Броах. — Он знал, что за ним идут. Иначе не успел бы вынести вещи. И я не чувствую здесь страха или сожаления. Страха или сожаления учителя, — поправился дзенн. — Прислушайся. Ты теперь можешь.

Раор безучастно кивнул. Вид аккуратно сложенных вещей как-то разом остудил его ярость и желание кого-либо убивать. Скорее машинально, чем сознательно он

раскинул ментальную сеть, пытаясь понять, что здесь произошло. Как ни странно, но Броах был прав. Ни страха, ни сожаления. Только удовлетворение и надежда. Словно Стиор сделал что-то очень важное, добился чего-то такого, чего не добивался еще никто и никогда. Юноша отвернулся, но тут его взгляд упал на астролябию, выпавшую из свертка, и он снова замер. Хотел было просто уйти, но подарок учителя остановил его. Раор вздохнул, собираясь с силами.

— Делим вещи и уходим немедленно, — резко приказал он. — Я не хочу задерживаться здесь ни на минуту. Даже тело не оставили, сволочи...

— Тело они, скорее всего, сожгли, — отозвался Броах. — Не самые плохие похороны.

Вскоре две фигуры — человека и дзенна, нагруженных походными котомками, — растворились в чаще леса. В деревне только на следующий день вспомнили о Раоре и о том, что его не было в доме еретика. Но инквизиторы уже уехали, а искать беглеца самостоятельно никто желанием не горел. Кто-то вдруг почувствовал угрызения совести от содеянного, кому-то было все равно, а кто-то втайне желал мальчишке удачно выбраться из переплета. Только Пилагма осталась недовольной, но утешилась тем, что больше возмутитель спокойствия здесь не появится. Скорее всего, сгинет — человеку в одиночку в лесу не выжить, а уж тем более зимой.

* * *

Всадники приближались неторопливо, белые плащи красиво спадали с их плеч. Несмотря на гнетущее чувство тревоги, Елена не могла без восхищения смотреть на этих сильных и уверенных в себе воинов — Святых Паладинов, Хранителей Веры, Рук Господа и прочее, прочее, прочее. Караван замер, когда всадники прибли-

зились. Люди боялись пошевелиться. Даже Варфоломей сделался словно бы ниже ростом.

Паладины тем временем поравнялись с первой телегой. Один из них начал придирчиво рассматривать товары хозяйским взглядом. Скривился и выкинул несколько тюков материи прямо под копыта лошадей. Елена поморщилась, но смолчала, только искоса взглянула на отца, который как будто и не заметил всего этого. С караваном поравнялся остальной отряд, и несколько паладинов присоединились к товарищу. Некоторые уже подобрали себе что-то и, не утруждая себя мелочами вроде оплаты, грузили в свои сумки. Елена снова посмотрела на отца, но тот стоял, смиренно опустив глаза, и молился. Один из всадников поравнялся с их телегой и потянул ближайший мешок, но, видно, ухватил его не очень удачно. Мешок развязался, на пыльную землю посыпались свитки книг и выкатился щенок, которого Елена сотворила в детстве. Такого отношения к своим трудам девушка стерпеть не смогла и соскочила с повозки, не обратив внимания на попытку Варфоломея ее удержать и ужас, мелькнувший в глазах отца.

— Что вы делаете?! — возмущенно вскрикнула она. — Как вы смеете так относиться к чужому?! Это же книги!!! Вы хоть знаете, сколько они стоят?!

Всадник удивленно глянул на девушку и вдруг расхохотался. Это было настолько неожиданно, что Елена растерялась, не зная, как реагировать. Но тут вмешался отец, выскочивший из телеги, и, торопливо кланяясь, согнул ее в поклоне:

— Простите, господин, мою дочь, она молода еще, не понимает...

— Что молода, я вижу, — усмехнулся всадник. — Эй, красавица, поехали со мной, у тебя будет много этих твоих книг, раз уж тебе так нравятся бумажки.

— Бумажки?! — задохнулась от возмущения девушка,

игнорируя знаки отца и вырываясь из-под его руки. — Ты хоть знаешь, что это такое? Ты хоть можешь представить ценность того, что в этих книгах? Болван! — добавила она.

Теперь всадник не смеялся. Он резко подстегнул коня, свесился с него и наотмашь ударил девушку раскрытой ладонью по лицу. От неожиданности Елена упала, задохнувшись. Даже в школе ее никто не бил. Наказывали, да, бывало, но чтобы бить?..

— Болван, говоришь? — прошипел он. Девушка никак не ожидала такой ненависти и от неожиданности и боли охнула, попятилась. Всадник соскочил с коня и направился к ней, но вперед выскочил Дионисий и рухнул перед паладином на колени.

— Прошу вас, ваше священство, дочка молода еще, глупа, не знает, что говорит. Прошу простить неразумную...

— Не знает? — криво усмехнулся паладин, с интересом разглядывая ошеломленную девушку. — А мне показалось — наоборот, прекрасно она все знает и понимает. Но если вы хотите получить прощение... — Он шагнул к Еленке и ухватил ее за руку, подтянув к себе. Мгновение всматривался в ее лицо, а потом вдруг резко наклонился вперед и поцеловал. Девушка первое мгновение даже не сопротивлялась, настолько все неожиданно произошло, но тут же очнулась и стала с криком вырываться. Однако паладин, не обращая внимания на сопротивление, подтащил ее к коню и забросил поперек седла.

— Я забираю девку себе в качестве извинения, — сообщил он, усмехнувшись. — Думаю, когда будете возвращаться, она успеет мне надоесть, и вы сможете забрать ее обратно.

— Господин!.. — взвыл Дионисий. — Прошу вас! Она же еще слишком молода...

— Тем слаще плод, — отмахнулся паладин.

— Побойтесь Бога!..

— Бояться? Бога?! — расхохотался паладин. — Мы — Его Руки, и иногда он вознаграждает нас такими вот подарками, — он похлопал свисающую с седла девушку по спине. Потом вставил ногу в стремя и собрался вскочить на коня. Но как раз в этот момент Елена, до этого не подающая признаков жизни, резко дернулась и хлопнула коня по боку. Тот отскочил в сторону, и всадник с руганью рухнул под копыта, а девушка уже стояла за спиной отца, мрачно разглядывая паладина.

— Подарки? Посылает? Да как у тебя язык поворачивается говорить такое? Я тебе что, скот, который можно дарить и продавать? — в бешенстве прокричала она. — Как Бог не покарает такого святотатца?!

Разъяренный паладин поднялся, глянул на собравшихся к этому времени вокруг него товарищей и бросился вперед. Дионисий, оттолкнувший Еленку в сторону, еще раз попытался заговорить и упросить взять откуп за дочь. Но паладин уже ничего не слышал. Зарычав, он одним движением выхватил кинжал и отмахнулся им от купца. Дионисий схватился за горло, захрипел и упал. Елена не сразу поняла, что случилось. Она непонимающе смотрела на затихшего отца, ожидая, что тот вот-вот поднимется...

— Нет!!!

В этот момент ее схватил паладин и снова попытался подтащить к своему коню.

— Нет!!! — Елена начала бешено отбиваться, пытаясь подойти к отцу и помочь, хотя, как врач, понимала, что уже поздно... Паладин вдруг отлетел от сильного удара в челюсть. Варфоломей молниеносно вырвал у него из рук меч, кинулся к одному из всадников, всадил ему этот меч под кольчугу, вскочил на коня и рванулся в сторону, по дороге сшибив с седла еще одного. Возможно, ему и удалось бы отвлечь паладинов от каравана, если

бы сумел прорваться. Но те были опытными воинами. Управляющему удалось застать их врасплох, но... Сразу трое вскинули луки, и Варфоломей, так и не успевший далеко отъехать, рухнул с коня. Его нога застряла в стремени, а испуганный конь помчался дальше, таща за собой мертвое тело.

— Так и знал, что здесь гнездо греха! — прорычал паладин, убивший Дионисия. — Да постигнет их справедливая кара! — Лишившись меча, он поднял кинжал и шагнул к Елене, с явным намерением убить. Остальные всадники радостно закричали, воздев мечи к небу и подняв коней на дыбы. Пришпорив их, они бросились к замершему от ужаса каравану.

Елена ошеломленно смотрела на приближающегося человека, понимая, что сейчас умрет, но не в силах даже пошевелиться. Но тут перед ней метнулась еще одна фигура.

— Прошу вас, господин! — закричала мать. — Убейте меня, но не трогайте дочь!

— Тебя? — паладин цинично усмехнулся. — Обязательно. — Он наклонился и вонзил кинжал женщине в грудь. Этот удар болью отозвался в Елене. Так, словно кинжал вонзился в нее.

— Мама, — прошептала она. — Папа... — Шагнула вперед. Посмотрела на улыбающегося мужчину перед собой. И тут закричали за спиной. Всадники с хохотом гонялись за караванщиками среди телег, не убивая сразу, а только раня их.

— Подколем свиней! — неслись отовсюду радостные крики.

— Нет... — прошептала Еленка. — Вы не люди. Вы не можете быть людьми. Вы не можете...

Паладин занес кинжал для удара... Он умер сразу, даже не успев понять, что происходит. Елена была хорошим врачом и знала человеческое тело. Как знала, что

можно сделать, чтобы вылечить человека... или убить. Нагнать кровь в мозг и...

В полной прострации девушка смотрела на лежащего перед ней человека, еще мгновение назад полного жизни и здоровья. Не этого она хотела, когда занялась изучением медицины. Она хотела спасать жизни, а не отнимать их... Елена медленно обернулась. Вот еще один всадник свалился с коня под ее взглядом, а потом еще один. Чувств не осталось, только что-то холодное, как камень, давило душу.

— Я вас ненавижу! Ненавижу... — Последнее слово потонуло в рыданиях, но ни отворачиваться, ни закрываться девушка не стала, продолжая следить за всадниками, уже сообразившими, что происходит что-то не то. Что их товарищи, вдруг по какой-то причине упавшие с коней, не спешат вставать и даже не шевелятся. Еще не понимая почему, они испугались. Призванные бороться с колдовством и злом, как они говорили, паладины на самом деле привыкли воевать с беззащитными людьми, не смеющими сопротивляться, даже когда их убивали.

— Ненавижу, — прошептала Елена, и еще один человек умер. — Ненавижу!!! — вдруг закричала она, подняв залитое слезами лицо к небу. Только после этого на нее обратили внимание.

— Ведьма!!! — понеслось отовсюду. Один из всадников вскинул лук, но тут же выпал из седла. Второй, оказавшийся ближе всех к девушке, умер, замахнувшись мечом.

Елена наблюдала за происходящим словно со стороны.

«Я не хочу убивать! Я не хочу убивать, — твердила она себе мысленно. — Я хочу спасать! Лечить...»

Эти люди, заставившие ее делать что-то вопреки желанию и природе, вызвали у девушки настоящую нена-

висть. Она не могла им простить даже не смерть родителей, а то, что они заставили ее убивать. То, что смогли вызвать в ней такую ненависть. Смерть продолжала косить паладинов, опору и карающий меч Святой Церкви. Оставшиеся в живых вскоре бросились врассыпную, спеша поскорее убраться от страшного каравана.

Наверное, никто из всадников не ушел бы, но в этот момент застонала мать. Девушка вздрогнула.

— Мама... Мама! — Она бросилась на колени и осторожно перевернула Марфу на спину. Дальше она действовала на автомате. Быстрый осмотр магическим взором, убрать самые опасные повреждения. — Все хорошо, мамочка, — шептала девушка. — Раны опасны, но я тебя вылечу. Я уже умею и знаю, что надо делать! Поверь мне, я уже умею...

Марфа с трудом положила ладонь на руку Елене, останавливая ее. Покачала головой.

— Я, — тяжело прохрипела она, — не хочу спасать тело колдовством.

— Мама... — Елене показалось, будто ее ударили. — Мамочка...

— Прошу тебя, откажись от этого... откажись... — Марфа закрыла глаза. — Это наказание Господа... случившееся... если бы мы поступили, как должно... Дионисий... я иду к тебе... я... моя душа... да святится имя тво... — Марфа вздрогнула и замерла... уже навсегда. А рядом осталась сидеть ее дочь, неподвижно, будто неживая, глядя перед собой пустыми глазами. Она не видела, как оставшиеся в живых караванщики поспешно сгоняют в кучу мулов и коней, разворачивают телеги, опасливо косясь на неподвижную девушку и стараясь обходить ее стороной.

Спустя какое-то время Елена очнулась. Глаза были сухи. Девушка, пошатываясь, поднялась на ноги. Огляделась. Вокруг валялись брошенные впопыхах вещи. Сле-

ды от телег, уходящие в ту сторону, откуда они ехали. Елена сделала шаг и тут же споткнулась — под ногами валялись разбросанные свитки и небольшой черный щенок, похожий на куклу, которого она давно, вечность назад, сотворила с помощью магии Тьмы. Некоторое время девушка без всяких эмоций разглядывала все это. Потом, словно что-то вспомнив, осторожно опустилась на колени и стала собирать разбросанные вещи. Щенка немного подержала, но в мешок класть не стала. Забросив котомку за спину, Елена прижала к себе щенка и, не оглядываясь, двинулась в сторону заката.

* * *

День, когда Стигу исполнилось пятнадцать, выдался нелегким, что-то с самого утра не давало ему покоя. Перехватывало дыхание от ощущения надвигающейся беды, всего трясло, тошнило, по шкуре мороз шел, да просто было страшно. Без причины! А перед глазами то и дело вставали два незнакомых лица. Человеческих, юноши и девушки, не старше его самого. Лет четырнадцати-пятнадцати. Почему-то эти двое казались самыми близкими существами на свете. Почему?! Дракон не мог этого понять, но четко знал, что это именно так. А затем до него вдруг дошло, кого он видит. Остальных двух из дзеннского пророчества. Никем иным эти двое быть не могли. Это что же получается? С ними случилось что-то плохое?..

Он был настолько выбит из колеи всем случившимся, что едва дождался окончания вечеринки, организованной друзьями в честь дня его рождения. Кирлан предлагал еще сходить в военный порт, там спускали на воду скоростной бриг, но Стиг сказался усталым и поспешил домой, оставив друзей в некотором недоумении. Он едва сдерживал рвущуюся прочь силу, снова ощущая

на себе оценивающий и слегка насмешливый взгляд Великой Матери. Был почти уверен, что сегодня должно произойти что-то очень значительное, что-то такое, что напрочь перевернет его привычную жизнь. Неужели так и не удастся избавиться от этого гнусного пророчества? Неужели все же придется стать одним из инструментов его воплощения в жизнь? Снова он видел пылающие города родной страны и страшную черную тень над ними. Господи, да как же остановить это?!

Едва успев добраться до своей комнаты, Стиг рухнул на спальную платформу и провалился в беспамятство. Но это оказалось не простое беспамятство. Его накрыло видение. Горькое видение. Инквизиторы в окружении толпы крестьян накинулись на совершенно не сопротивляющегося старика с распятием на груди и жестоко убили его. А затем перед глазами появился юноша, чье лицо не давало Стигу покоя с самого утра. Этого юношу звали Раором. Откуда дракон узнал его имя? Трудно сказать, но узнал, и был полностью уверен в своем знании. А рядом с юношей стоял дзенн. Самый настоящий живой дзенн, сжимающий в руках копье! Не всех, значит, перебили во времена Спасителя? Интересно...

Смерть старика причинила Раору такую боль, что от шока проснулась его спящая до сих пор магия. И Великая Мать всмотрелась в свое дитя, принимая и постигая его. Полностью, от и до. Юноша сходил с ума от горя, кричал, плакал и жаждал отплатить убийцам. Сила уже готова была выплеснуться из него широким потоком и накрыть недалекую деревню, не оставив там никого живого. Однако дзенн остановил юношу, сумев каким-то образом его немного успокоить. Как понял Стиг, погибший старик был учителем Раора, самым близким и дорогим ему существом. В душе юноши после его смерти воцарились мертвенный холод и жажда изменить мир, в котором возможно такое. Дракон всей душой сочувст-

вовал ему, но все же считал, что из-за одного человека нельзя обрекать на гибель миллионы других.

С хриплым воплем Стиг очнулся. И его тут же накрыло новое видение. На сей раз — с девушкой. Паладины Святой Церкви напали на небольшой караван, в котором она ехала. Только теперь дракон знал, как зовут эту девушку. Елена! Увидев, как паладин убил родителей Елены, он едва не взвыл от гнева и боли. Его папу с мамой тоже вот так когда-то убили! Ни за что! Просто так! Как он жаждал в этот момент оказаться рядом с девушкой и отплатить поганым тварям за все! Но Елена и сама оказалась не промах — начала разить «святых воинов» магией. Стиг с радостным рычанием смотрел, как паладины один за другим падают на песок, как выжившие нахлестывают лошадей, стремясь убежать от ведьмы. Так вам и надо, сволочи! Ай да девочка, ай да молодец! Одновременно ему хотелось плакать — знал, что бедняжка сейчас чувствует, как ей горько, больно и страшно.

Видение погасло, когда Стиг с тоской смотрел в спину Елены, уходящей в пустыню. Ему очень хотелось как-то помочь несчастной девушке, но дракон не знал как, не знал даже, где она находится. Пустыня... А где, дзенн побери, эта самая пустыня? Мало на Танре пустынь? От беспомощности ему было очень тошно. Гнев и ярость постепенно нарастали, вскоре они заслонили собой весь мир. А когда достигли предела, случилось еще кое-что.

Какая-то сила вдруг выдернула Стига из тела и швырнула в бездонную пустоту. Дракон ощутил сходящиеся на нем потоки разных энергий. Света, Тьмы и Равновесия. С ним что-то происходило, что-то такое, что меняло его суть раз и навсегда. Если раньше Стиг был черным магом, то сейчас становился чем-то значительно большим. Чем-то страшным для всего мира. Он корчился от боли, рвался изо всех сил, но ничего не мог поделать.

Все закончилось как-то разом. Стиг снова оказался в своем теле, лежащем на спальной платформе. Что это было? Что вообще случилось? И в тот же миг осознал — что. Инициация. Инициация Трех из древнего пророчества! Но если Елена и Раор инициировались сами, из-за случившегося с ними, то Стиг прошел инициацию в режиме отражения, уловив их боль и отчаяние. Одновременно он понял, что нужно срочно бежать — архимаг не мог не уловить активизации черных заклятий такой мощи. Скоро Армланий будет здесь, и лучше, если своего бывшего ученика он уже не застанет. Плохо, что не успел освоить телепортацию. Очень плохо! Значит, выход один: превращаться в человека и сломя голову нестись в порт, покупать место на первом попавшемся судне. Очень не хотелось этого делать, но другого выхода дракон не видел.

Встав, Стиг решительно двинулся прочь. Только на прощание с тоской окинул взглядом свою комнату, понимая, что, скорее всего, никогда сюда не вернется. Он не стал брать с собой ничего, кроме банковских сертификатов на предъявителя — давно подготовил их на всякий случай, зная, что деньги обязательно понадобятся. Теперь необходимо незаметно выскользнуть наружу, минуя слуг, — они обычно убирали дом по ночам, чтобы не беспокоить господ. Перед глазами встали сестра и племянницы. Стиг невольно сглотнул слезы — это ведь и малышек он больше не увидит. Господи, ну за что ему все это?..

Незаметно выйти из дома не удалось. В гостиной горел свет — несмотря на позднее время, приемный отец не спал. Странно, обычно он ложился рано, предпочитая вставать с рассветом. Что-то случилось? Стиг спрятался за створкой двери и удивленно уставился на Вихря, бродящего от стены к стене. Того всего трясло, он что-то лихорадочно бормотал себе под нос. Вслушав-

шись в это тихое бормотание, Стиг уселся на хвост от потрясения. Такого он не ждал, да и ждать не мог.

— Трое... — доносились до его слуха отрывистые, наполненные отчаянием слова. — Снова Трое... Как же искать этих проклятых Троих?.. А ведь двое уже инициировались... Боже, да как остановить этот кошмар?! Боже, умоляю, помоги!!! Я же не ради себя прошу!!! Боже!!!

Вихрь рухнул на живот, распластал крылья по полу и глухо застонал, мотая головой из стороны в сторону. Стиг наблюдал за ним из-за створки с ужасом, никогда не видел этого всегда уверенного в себе дракона в таком страшном отчаянии. Но главным было даже не это, а его слова. Получается, отец знает, кто такие Трое. И знает, чего от них ждать. А ведь сам Стиг не знает этого толком, не понимает, кто и что такое он, Елена и Раор. А знать и понимать это необходимо, иначе не сумеет предотвратить надвигающееся на родной мир. И еще одно заставило его застыть. Вопрос. Всего лишь один вопрос, набатом зазвучавший в голове. Стоит ли его жизнь миллионов жертв? Ох, не стоит. А ведь Контора, похоже, давно ищет Трех. Ищет именно для того, чтобы предотвратить кошмар.

«Ну что? — спросил Стиг сам себя. — Боишься, сволочь? Говорил, что готов за родину жизнь отдать, а теперь боишься? Не смей! Слышишь, не смей!»

В это мгновение он понял, почему сотрудничают Церковь и Контора, и в каком именно вопросе сотрудничают. Они стремятся остановить исполнение древнего дзеннского пророчества, и ради этого идут на все. На любые жертвы. Видимо, знают, что случится, если не справятся. Но что тогда делать ему? А только признаваться. Не бежать, как последний трус, а признаться отцу во всем. Это будет стоить жизни? Что ж, пусть так. Но в ином случае он станет ощущать себя сволочью — клялся пожертвовать во имя империи всем.

— Отец! — Стиг решительно вошел в гостиную, преодолевая страх.

— Ты почему не спишь? — поднял ему голову навстречу взрослый дракон. — Иди спать, поздно уже.

— Не до сна. Если бы я не услышал сейчас сказанного тобой, то бежал бы куда глаза глядят, спасая свою шкуру. Думаю, скоро сюда придет дядя Армланий и все тебе объяснит.

— Бежал бы? — удивленно переспросил Вихрь. — Почему?!

— Потому что я — один из Трех! — заставил себя говорить Стиг, с немалым трудом заставил. — И только что прошел инициацию!

— Ты что несешь, дурака кусок?! — так и подпрыгнул директор Конторы. — С ума сошел?! И откуда ты вообще знаешь о Трех?! Это информация класса два ноля!

Слова Стига ударили по сознанию молотом. Вихрь ошалело помотал головой — что за глупость выдумал мальчишка? Он — один из Трех?! Полная чушь! Обезумел, что ли? Не дай Создатель! Тут на память пришли странности в поведении приемного сына. Странности, которые директор Конторы часто замечал, но над которыми не задумывался. Но нет. Такого просто не может быть!

— О том, что я один из них, я знаю уже около двух лет, — горько усмехнулся Стиг после недолгого молчания. — С тех пор, как нашел древнее дзеннское хранилище знаний. И я — черный маг! Только умею это скрывать.

— Так, давай-ка по порядку, — буркнул Вихрь. — Я...

Его прервал звон и алые вспышки установленного на треножнике у стены кристалла связи. Оба дракона встревоженно уставились на кристалл. Алый цвет вызова означал его крайнюю срочность и важность. Директор Конторы тут же забыл обо всем и активировал связь.

— Орид! — раздался из кристалла взволнованный голос архимага. — Третий инициировался, мои маги на ушах стоят, в магическом эфире дзенн знает что творится!

— Ожидаемое известие... — проворчал Вихрь. — Раз двое сегодня инициировались, то и третий должен был.

— Ожидаемое-то ожидаемое, — вздохнул Армланий, — но вот место инициации... На этот раз нам удалось точно локализовать его.

— И где же оно?

— У нас, в Над-Аноуре.

— Так срочно поднимай людей и организовывай поиски! — рявкнул директор Конторы, тут же выбросивший из головы признание Стига. — Мы не имеем права упустить инициировавшегося!

— Уже, — ответил архимаг. — Твое поместье в три пояса окружено лучшими бойцами и магами империи. Мышь не выскользнет. В воздухе патрулирует Воздушная Гвардия.

— Мое поместье?! — обалдел от такого известия Вихрь.

— Да, твое! Инициация произошла именно на территории твоего поместья!

— Та-а-ак... — сказал директор Конторы, поворачиваясь к насмешливо оскалившемуся приемному сыну. — Знаешь, Армланий, мы с тобой, похоже, два старых идиота.

— Это еще почему? — изумился архимаг.

— Да потому, что один из Трех уже больше десяти лет живет в моем доме. Он только что пришел и признался в том, кто он. А я ему просто не поверил...

— И?..

— Это Стиг.

— Э-э-э... — растерянно протянул архимаг. — Ты здоров, дружище?

— Здоров! — раздраженно рявкнул Вихрь. — Мальчик сказал, что уже около двух лет знает, что он — один из Трех. Так что перемещайся сюда, будем разбираться. Окружение не снимать!

— Сейчас буду, — буркнул Армланий.

Не прошло и двух минут, как из облачка телепорта вышел архимаг в сопровождении императора.

— А ты что тут делаешь, величество? — повернулся к последнему Вихрь. — Опасно же, дзенн тебя раздери!

— О слишком важных вещах пойдет речь, чтобы я мог позволить себе игнорировать их, — отмахнулся Стирген. — Значит, ты утверждаешь, что твой приемный сын — один из Трех?

— Это он утверждает, — вздохнул директор Конторы. — Я уже не знаю, чему верить.

— Дядя Армланий! — ступил вперед Стиг. — Сейчас я сниму с себя Вуаль Света! Посмотрите сами.

Он произнес короткое заклинание, изобилующее шипящими звуками. Архимагу показалось, что дзеннской разработки, только дзенны так небрежно манипулировали векторами сил. А затем он увидел...

— Ну что там?.. — император потеребил за рукав застывшего с приоткрытым ртом Армлания.

— Что? — тот поднял глаза, в которых плавало изумление. — Что... Черный маг невероятной силы. Нет, это уже даже не маг, а нечто непонятное... Похоже, Орид прав. Перед нами один из Трех.

— Весело... — протянул Стирген, укоризненно покачав головой. — Сколько сил и средств затратили на поиски, а он все это время был у нас под носом... Малыш, это как же тебя угораздило?

— Я, что ли, хотел этого, ваше величество?.. — с тоской спросил Стиг. — На меня эта гадость свалилась сама собой! Боялся до сих пор признаться, что я черный, думал, сразу убьют... Но я ведь никому зла не делал! Я не

хочу быть орудием этого паскудного пророчества! Не хочу!!! Я не дзенн, а дракон!

Он уселся на пол и совершенно по-детски расплакался.

— Не стоит так расстраиваться, малыш, — грустно сказал император. — Если ты не хочешь становиться орудием, то никто тебя и не заставит им быть.

— Если бы так, ваше величество... — сквозь слезы выдавил Стиг. — От меня, похоже, мало что зависит. Сегодня я видел в трансе остальных двоих, и узнал, как их зовут. Мы втроем намертво связаны, нас все равно притянет друг к другу. Если бы я еще знал толком, что такое эти самые Трое. Знаю только, что мы маги Тьмы страшной силы, обязанные поднять из небытия народ дзенн-анн-в'иннал.

— Имена остальных? — насторожился Вихрь. — Назови!

— Первого зовут Раор. Я видел его в лесу, возле сожженного дома. Инквизиторы убили его учителя, и Раор от боли и гнева инициировался. Да, кстати, его сопровождал дзенн. Живой дзенн!

— Живой дзенн?! — ошарашенно отступил на шаг архимаг. — Дела-а-а...

— А второй? — поинтересовался император.

— Вторая, — поправил Стиг. — Это девушка по имени Елена. Я увидел ее в пустыне как раз тогда, когда паладины Церкви убивали ее родителей. Опять же причиной инициации послужили боль и гнев.

— А как инициировался ты?

— Их отраженным гневом. Когда я увидел все это, то вспомнил, как церковники убивали моих папу с мамой... Ну и...

— Спасибо, что признался, малыш, — император положил руку Стигу на спину. — Огромное тебе спасибо!

Этим ты всему нашему миру дал шанс на выживание. Понимаешь?

— Дай-то бог... — уныло ответил дракон. — Мне давно не дает покоя видение... Черная тень с четырьмя безжалостными глазами вздымается из бездны над нашими горящими городами... И я ощущаю себя частью этой тени... Не понимаю, как такое может быть, но именно частью...

— Сходится! — Вихрь с досадой хлопнул хвостом по полу. — Все сходится, будь оно трижды проклято! Как раз составными частями Ушедшего вы трое и являетесь!

— Мы?.. — недоверчиво приоткрыл пасть Стиг. — Частями? Как это?

— Аналитики Ассамблеи уже головы себе сломали, пытаясь понять — как, — развел руками архимаг. — Точно известно, что Трое должны встретиться и объединиться в одно существо непредставимой мощи. Согласно пророчеству — это будет сам Ушедший. Но что произойдет с вашими душами? Душа Ушедшего вытеснит их? Или что? Предположений масса, но все они — только предположения.

— Да не хочу я ни с кем объединяться! Еще чего не хватало!

— Сам говорил, что от тебя мало что зависит, — вздохнул Армланий. — Самое страшное, что Ушедший обязательно устроит кровавую баню в попытках вернуть то, что вернуть невозможно.

— Знаю... — Стига передернуло. — Не могу сказать, откуда, но знаю! Как это остановить?! Как?!

— Шанс есть, — успокаивающе улыбнулся ему император. — Почти точно установлено, что если хоть одна из составляющих Ушедшего не будет обозленной на весь мир, то с ним, вполне возможно, удастся договориться. А ты не обозлен.

— Слава Всевышнему, нет, — обнажил боковые зубы

черный дракон. — Хотя Церковь ненавижу всей душой. Ничего не забыл и не простил поганым святошам!

— Познакомишься поближе с Матфеем, Итаном и Марком, сам убедишься, что не все святоши сволочи, — отмахнулся Стирген. — Теперь вот что. Малыш, никто не собирается тебя обижать или тем более убивать. Мы разыскивали Трех, чтобы не дать им вырасти обозленными на весь мир неудачниками.

— Спасибо, ваше величество! — облегченно выдохнул Стиг. — А то я уже...

— К смерти приготовился? — рассмеялся император. — Зря, тебе еще жить и жить. А теперь рассказывай все по порядку. И в подробностях!

Ненадолго задумавшись, Стиг приступил к рассказу. Услышав истинную историю схватки с магом смерти, император укоризненно покосился на Армлания. Тот в ответ раздраженно заявил, что раз даже Ищущие Святой Инквизиции не увидели сути дракончика, то куда уж ему, несчастному. Когда дело дошло до Хранилища, архимаг оживился и начал выяснять, какие книги там есть.

— Дядя Армланий... — простонал Стиг, устав отвечать. — Давайте я лучше вынесу все, что смогу. Но на это дня три понадобится, книг там — немерено.

— Значит, никакой возможности проникнуть в Хранилище нет?

— К сожалению, нет. Оно создавалось таким образом, чтобы доступ имели только Трое. Обычный маг, даже черный, даже телепортатор, не сможет переместиться туда, сгорит к дзенновой матери. Системы защиты там такие стоят, что ой-ой-ой... По тому, что меня туда пустили, я и понял, что один из Трех. Да и мертвый маг об этом говорил. Только одно...

— Что? — прищурился Армланий.

— Книги не уничтожат?.. — хмуро спросил Стиг. — Там ведь уникальные знания...

— Даю слово императора! — вмешался Стирген. — Передай своим ретроградам, Армланий, что за уничтожение хоть одной древней книги лишу имперского гражданства любого. Невзирая на прежние заслуги!

— Знания бывают очень опасными... — тяжело вздохнул архимаг. — Но я и сам понимаю, что нельзя уничтожать. И тоже даю слово, что не позволю. Об этих книгах вообще будет знать мало кто.

— Это правильно, — одобрил император. — Создай группу из исследователей, которым полностью доверяешь, и обязательно привлеки людей архиепископа Варградского, у него есть несколько очень толковых ученых. Постарайся определить, какие знания мы сможем использовать, а какие — нет. Сколько времени это может занять?

— Понятия не имею, ваше величество, — озабоченно буркнул Армланий, о чем-то напряженно размышляя. — Пока неизвестно даже точное число книг. Стиг, ты говорил, что высшие, по нашим меркам, заклинания даются в детских учебниках?

— Именно так, — кивнул тот. — Вуаль Света хоть возьмите.

— Да уж... Выходит, мы многое потеряли.

— Дядя Армланий! — Стиг решился спросить о том, что давно его терзало. — Почему Тьму огульно объявили злом? Ну, почему?! Ведь она — всего лишь одна из сил, необходимых для жизни любого мира.

— Может, это и неправильно... — поморщился архимаг. — Но так уж сложилось. Возможно, надо менять взгляды. Вполне возможно. Но не сейчас же этим заниматься? Сейчас нам бы катастрофу предотвратить...

— Да, вы правы, — вынужден был согласиться Стиг. — Только как ее предотвратить?

— Будем думать. Продолжай.

Напоследок черный дракон рассказал о своих видениях. И вскоре проклял все на свете — ни один уборщик не выжимает так половую тряпку, как выжали его император, архимаг и директор Конторы. Они хотели знать мельчайшие подробности, вплоть до того, как были одеты люди вокруг Елены во время нападения паладинов. Стиг этого не помнил, но послушно напрягал память. Понимал, зачем нужны расспросы — пытаются узнать, где это произошло. Ведь найти остальных двоих все равно необходимо.

Затем он описал старика с распятием, которого убили инквизиторы. По мере рассказа лицо императора вытягивалось все сильнее, а Вихря начало трясти, его хвост заметался из стороны в сторону. Стиг изумленно замолчал, вытаращившись на них. Архимаг тоже выглядел растерянным.

— Думаешь, он?.. — глухо спросил Стирген.

— Почти уверен, — с трудом выдавил из себя Вихрь. — Почти уверен.

— Но он же — прирожденный маг! Почему он позволил себя убить?!

— Не знаю! Слишком мало данных. Важнее выяснить, где это произошло. Я поднимаю своих людей по всему миру. Такой эпизод, как казнь отшельника, обязательно должен быть зафиксирован в архивах Инквизиции. Проверю каждый такой случай. Как там звали паренька?

— Раор, — повторил Стиг.

— Имя воспитанника в отчете инквизиторов тоже должно быть, — кивнул Вихрь. — По крайней мере, надеюсь на это.

— А девушка? — поинтересовался император. — Что думаешь по ее поводу?

— Это какая-то из стран Церкви, — приподнял кры-

лья директор Конторы. — Однозначно, в других паладины такими маленькими отрядами не встречаются. В случае вторжения их бы было не меньше полка.

— Не во всех странах Церкви есть пустыни.

— Да, не во всех. Или это случилось в самом Фалноре, или в Туаге, или в Анзамене.

— Сообщи нашим резидентам там, пусть поищут, — приказал Стирген.

— Только не уверен, что они хоть что-нибудь найдут, — дернул хвостом Вихрь. — Сам понимаешь, свое участие в разбое паладины постараются скрыть.

— Итану нужно передать все это, может, он по своим каналам что-то выяснит, — буркнул император.

— Третий день не могу связаться с Навром, у него кристалл связи явно разрядился, — раздраженно скривился директор Конторы. — Передал магу его группы в Фалинграде, чтобы, как только встретит этого дзеннова сатира, связал его со мной. Ведь где Навр, там и Итан неподалеку.

— Думаю, пора организовать встречу всех заинтересованных лиц, — задумчиво сказал император. — Что-то у меня возникло подозрение, что мы с разных сторон подобрались к одному и тому же. Надо согласовать усилия.

— А знаешь, что-то в этом есть... — прищурился Вихрь. — Такая встреча давно необходима. И прибыть на нее придется всем нам. Да и мальчика с собой захватить не помешает.

Он покосился на мрачного Стига. При мысли о том, какие лица скорчат первосвященник и архиепископ Варградский, узнав, кто перед ними, император, архимаг и директор Конторы рассмеялись. Зрелище обещало быть занятным. Как хорошо, что малыш признался, а не сбежал. Вполне ведь мог. Тогда бы все сложилось значительно хуже. Зато теперь появился шанс предотвратить катастрофу. И шанс немалый!

7

Гонец разыскал Итана бер Саана недалеко от Корграда в небольшой, богом забытой деревушке, даже не имеющей собственного названия. Повезло, встретил по дороге очищающего из отряда архиепископа Варградского, и тот направил его сюда, а то так и пришлось бы скакать впустую до Фалинграда.

— Ваше преосвященство! — Гонец осторожно постучал в дверь.

Поймав на себе насмешливый взгляд очищающего, удобно устроившегося на скамейке с кружкой местного пива, он неожиданно разозлился на самого себя. В конце концов, не по своей прихоти сюда добрался, а выполняя распоряжение самого первосвященника. Гонец подтянулся и стукнул в дверь уже более уверенно.

— Кого там Зверь несет в такую рань?! — раздалось из-за двери недовольное.

— Ваше преосвященство, пакет от первосвященника.

— Да? — За дверью раздался грохот, сопровождающийся руганью. Гонец сделал вид, что ничего не слышал. Дверь наконец открылась, и на пороге показался бер Саан, закутанный в плащ. — Что там?

Гонец достал свиток:

— Доставлено грифоньей спецпочтой в Корград с приказом вручить лично вам в руки.

Итан подошел поближе к свече, взломал печать и углубился в чтение.

— Сам знаешь, что здесь? — поинтересовался он, не отрываясь от свитка.

— Никак нет, ваше преосвященство. Мне вручили это послание в местном отделении ордена Очищающих и не дали никаких объяснений.

— Хорошо. — Итан с хрустом свернул послание и сжал его в кулаке. Костяшки пальцев побелели. — Идиоты! — прорычал он.

Тут взгляд архиепископа упал на перепуганного гонца, он усилием воли взял себя в руки и повернулся к очищающему, сидящему на скамейке.

— Зорг, отведи гонца на кухню и прикажи накормить. За мой счет!

Тот вежливо склонил голову, махнул гонцу и увел за собой. В этот момент приоткрылась вторая дверь, откуда показалась голова сатира. Мгновение он изучал комнату, затем задумчиво почесал себя между рожек.

— Проблемы?

Вместо ответа Итан швырнул в него посланием, которое все еще сжимал в руке.

— О, я понимаю, как вы меня любите, — насмешливо пропел сатир, — но кидаться лучше чем-нибудь более увесистым.

— Если не прекратишь зубоскалить, непременно так и сделаю! Ума не приложу, как ты сумел занять такое положение в империи? У нас бы ты...

— Может, в этом и проблема Церкви? — усмехнулся сатир, поднимая свиток и разглаживая его. — Вы слишком серьезно относитесь к жизни.

— Читай!

— А я что делаю? — удивился Навр. — Так, что тут у нас? Разгромленный паладинами караван... слушай, а весело ваши паладины время проводят... так, что там дальше. Спасшиеся? Есть и спасшиеся? Так... а это интересно... Ведьма в караване... смерти... Это все по показаниям выживших паладинов и задержанных караванщиков... гм... знаешь, если мы хотим выяснить подробности, то лучше поторопиться. Полагаю, что в ваших застенках караванщики долго не проживут.

— Я тогда этих инквизиторов лично закопаю! — Итан даже не пытался скрыть гнев — давно уже понял, что перед Навром бессмысленно притворяться. Тот, казалось, видел любого человека насквозь. Это очень раз-

дражало архиепископа, привыкшего ото всех скрывать свои чувства, но поделать он ничего не мог. Тем более что Навр действительно был профессионалом высокого класса и в недавно проведенной совместной операции оказал Очищающим неоценимую помощь.

— С огромным удовольствием посмотрю на это зрелище. Будет забавно.

Итан сердито глянул на насмешника и скрылся в комнате, с грохотом закрыв за собой дверь. Когда спустя несколько минут он вышел на улицу, то выглядел прежним суровым и немногословным, наводящим ужас на врагов веры, главой ордена Очищающих. Короткий приказ, и отряд взлетел в седла. Итан обернулся к гонцу, вышедшему вместе с остальными.

— Когда поешь, возвращайся обратно. Ты выполнил свой долг. Остальные — за мной.

Через мгновение отряд скрылся в клубах пыли. Только гонец остался стоять, провожая уехавших ошеломленным взглядом. На мгновение ему показалось... Да нет, чушь полная. Откуда среди Очищающих может взяться сатир? Померещилось от усталости. Решив так, он торопливо вернулся в дом, где ждала остывающая чашка вкусной грибной похлебки.

Отряд Очищающих ворвался в небольшую деревеньку ближе к обеду, до смерти перепугав ее обитателей. В деревнях новости разносятся моментально, и крестьяне уже знали о случившемся, как и о том, что в доме погибшего купца проводит обыск Святая Инквизиция. Инквизиторы уже рыскали по деревне, допрашивая всех, не обращая внимания на возраст и пол. От прибытия новых людей Церкви можно было ожидать еще больших бед. Однако всадники, не задерживаясь, проскакали к дому, где совсем недавно жил Дионисий с семьей, и спешились. От них отделились двое и уверенно на-

правились к порогу. Дорогу прибывшим заступил высокий мужчина в плаще инквизитора.

— Этот дом находится под нашим контролем, и это наше дело... — начал было он, но наткнулся на ледяной взгляд и торопливо отошел в сторону, поняв, что еще слово, и его убьют прямо здесь и сейчас.

Итан отвернулся и вошел. Здесь тоже вовсю хозяйничали инквизиторы. Вывороченные на пол ящики с вещами, разбросанная одежда, куча детских рисунков, в беспорядке валяющихся тут и там. Щека Итана непроизвольно дернулась при виде всего этого. За спиной хмыкнул Навр.

— Интересно, они устроили такой разгром для удобства обыска? Или это они создали себе трудности, чтобы потом героически их преодолевать?

— Господа! Как вы вошли сюда?! Здесь работает...

Бер Саан медленно обернулся. Шагнувший к ним инквизитор поперхнулся и замолчал, но тут же взял себя в руки.

— Кто вы та...

— Итан бер Саан, — коротко представился архиепископ. — Мы берем это дело под свой контроль.

— Но...

Итан продемонстрировал перстень первосвященника.

— У вас есть две минуты, чтобы вернуть все взятые вещи на место и убраться отсюда.

— За две минуты не управятся, — опять вмешался с комментариями неугомонный сатир. — Им тут неделю порядок наводить придется.

— Помолчи хоть сейчас! — недовольно поморщился архиепископ.

Инквизиторы слишком хорошо знали, кто такой Итан бер Саан, чтобы осмелиться оспорить его приказ. Через мгновение они торопливо покидали дом, спеша как мож-

но быстрее миновать этого страшного человека и ошарашенно поглядывая на сатира, стоящего рядом с главой ордена Очищающих.

— Да, — задержал Итан главу местной инквизиции, выходящего последним. — После того как мы осмотрим дом, я бы хотел поговорить с выжившими караванщиками и паладинами. Со всеми выжившими караванщиками, — с нажимом уточнил Итан, пристально глядя в глаза инквизитору. Тот нервно дернулся, но взгляда отвести не посмел. — Ведь они все живы?

— О, да... мы еще не успели начать допрос...

— Ваше счастье, — архиепископ отвернулся, и инквизитор облегченно вздохнул:

— Я могу идти, ваше...

— Можете.

Итан прошелся по разгромленной комнате и медленно опустился в кресло. Навр остался стоять в центре, оглядываясь. Потом поднял один из рисунков.

— А у девочки талант, — заметил он.

Бер Саан никак не прореагировал на это замечание, но еще раз оглядел комнату.

— Что будем делать? Как думаешь?

Сатир осторожно разгладил рисунок и аккуратно положил его на стол.

— Неплохо бы расспросить местных, что представляла собой девушка. Какие у нее были интересы, что любила делать. Только... — Навр скептически взглянул на дверь, — боюсь, вашим людям они ничего не скажут. Будут нести верноподданнический бред, прославляя мудрость Церкви и рассказывая, что им сразу показалась подозрительной эта семья.

— Предложения?

— Расспросами займусь я. Пусть только ищейки Инквизиции уберутся отсюда, чтобы под ногами не путались. А вы изучайте дом. Особенно комнату девушки.

Комната всегда многое может сказать о своем обитателе... надеюсь, эти дуболомы не сильно там похозяйничали.

— Разберемся. — Итан поднялся. — Давай к крестьянам. Потом возвращайся сюда.

Он проводил сатира до выхода, после чего вызвал двоих из своего отряда, приказав остальным никого не подпускать к дому, даже если заявится сам Зверь. Оставив вызванных разбираться с бумагами купца, обнаруженными в одном из сундуков, он отправился искать комнату девушки. С третьей попытки архиепископу улыбнулась удача. Повезло еще и в том, что здесь инквизиторы только начали свою разрушительную деятельность, и разбросано было не так уж и много вещей. Итан вышел в центр комнаты и огляделся. Кровать с балдахином, шкаф с книгами... Гм... не совсем обычная вещь в комнате молодой девушки. А тут еще и письменный стол.

Архиепископ подошел к шкафу и осторожно раскрыл его. Выбрал наугад несколько книг и быстро их просмотрел. Озадаченно хмыкнул. Никак не ожидал увидеть столько трудов по анатомии, фармакологии и медицине.

— А тут что? — Итан заметил несколько отдельно стоящих книг. — Гм... алгебра, логический анализ... Очень любопытно.

Всерьез заинтересовавшись девушкой с необычными интересами, он прошел к письменному столу, аккуратно сел за него и положил руки перед собой. Прикрыл глаза, пытаясь понять, что чувствовала хозяйка комнаты, когда садилась сюда. Пошарил руками и снова наткнулся на книги. Эти Елена, — Итан уже знал имя девушки, жившей здесь, — судя по всему, читала перед тем, как уехать из дому. Почти все по медицине, причем — медицине разных рас Танра. Только одна — ху-

дожественный пересказ жития святого Евфрафия. Врача, кстати, при жизни.

Что ж, с интересами Елены ясно — довольно странные для фалнорской девушки. Тем более купеческой дочери. Итан заглянул в ящики стола и выудил оттуда несколько рисунков. Рассмотрев их, едва не выронил от неожиданности. Быстро справился с первым удивлением и стал разглядывать внимательней. Не сразу до Итана дошло, что это подробнейшие зарисовки анатомии человеческого тела и его отдельных органов. На некоторых архиепископ заметил краткие пояснения. Он внимательно изучил один из рисунков, затем приложил руку к груди, ощущая биение сердца. Покачал головой:

— Надо же... А тут у нас еще и записи есть... Интересно...

Итан хотел внимательно изучить комнату девушки, но не заметил, как увлекся чтением записей и пометок с отсылками к разным книгам. Эрудиция Елены просто поражала. Как она осталась незамеченной в школе? Почему ее не отправили к отцу Марку? Давали же распоряжение сообщать обо всех необычных детях в столицу! Архиепископ не надеялся получить ответы на эти вопросы, но, к своему удивлению, нашел их в одном из ящиков. Ответ заключался в короткой записке от инквизитора корвардской школы, в которой тот сообщал, что девочка не прилежна, не слушает преподавателей, задает слишком много глупых вопросов, чем мешает заниматься остальным детям. В конце шел вывод, что она неспособна к учению, и рекомендация родителям поскорее выдать дочь замуж. Все свободное место на листе вокруг текста было изрисовано забавными рожицами с высунутыми языками, обращенными в сторону нелестной характеристики отца-инквизитора. Судя по всему, девушка ею не слишком огорчилась. Итан, глядя на эти рожицы, против воли улыбнулся. Потом еще раз

перечитал текст записки, оглянулся на обширную библиотеку, равную которой можно было отыскать разве что у очень богатых людей Фалинграда. Снова бегло просмотрел рукописи девушки и покачал головой. Затем ядовито усмехнулся:

— Не способна к учению, значит. Ну-ну. — Мысленно он сделал пометку навестить слишком умного инквизитора.

В комнату вошел один из Очищающих, обыскивающих дом. Увидев начальника, попытался ретироваться, но был остановлен Итаном:

— Что там?

Очищающий вытянулся:

— Ничего примечательного. Нашли библиотеку в отдельной комнате.

— Библиотеку?

Заметив шкаф с книгами, он покачал головой:

— Здесь меньше.

— Вот как... — Итан задумался. — Какие книги там, смотрели?

— Целая полка рыцарских романов... для детей, о походах паладинов... — Очищающий осекся, но тут же взял себя в руки и продолжил: — Школьные учебники по разным предметам. Жития святых, описание жизни Спасителя. Официальная история Фалнора. Запрещенных книг не обнаружено, но смотрели мы не очень внимательно. Еще много книг по медицине.

Итан медленно поднялся и встал у окна, глядя на лужайку перед домом. В центре рос могучий дуб, к ветке которого были привязаны качели. Он вдруг ясно увидел девушку, которая радостно выбегала из дома и неслась к этим качелям. Вскакивала на них...

— Вот вы где!

В комнату бесцеремонно ввалился Навр, оттеснив от двери Очищающего. Тот яростно уставился на него,

но, вспомнив приказ главы ордена, не решился высказывать вслух то, что сейчас сказал в адрес сатира мысленно.

Итан жестом остановил Навра и повернулся к подчиненному:

— Все книги в этой комнате аккуратно упаковать и приготовить к отправке в Фалинград. Особенно бережно относиться к рукописным текстам и рисункам... — Архиепископ на мгновение задумался, затем решительно подошел к углу, где заметил походный мешок, и осторожно уложил в него несколько обнаруженных рисунков, блокнот с записями и записку инквизитора. — И надо бы отыскать телеги для погрузки всего этого. Да, обнаруженную вами библиотеку тоже упакуйте. Привлеките местных в помощь. Но ее грузите отдельно. Вещи из этой комнаты тоже отдельно. Все промаркировать. Выполняйте.

Очищающий чуть склонил голову и скрылся за дверью. Итан спустился вниз и оккупировал столовую, где, судя по всему, искать что-либо было уже бесполезно. Навр, шедший следом, при виде разгрома восторженно поцокал языком:

— Бравые инквизиторы обыск начали, конечно же, со столовой. Итан, спорим на десять золотых, что мы здесь не найдем ни одной бутылки вина?

Архиепископ не обратил на слова сатира внимания. Вернул в исходное положение перевернутый стол, выбрал из кучи в углу целый стул и уселся на него.

— Рассказывай.

— А где «пожалуйста»? Ладно-ладно, понял. — Сатир тоже отыскал стул и сел напротив архиепископа. — Ничего важного не узнал. Обычный купец и обычный ребенок. В меру веселая, в меру проказливая. Правда, все ее знакомые отмечают, что очень любила читать. А после смерти от воспаления легких ее друга вообще стала

одержима чтением. Даже пошла в обучение к местной ведьме... гм... как я понял, обычной травнице. Вряд ли ваши люди упустили бы настоящую ведьму.

— Травничество не запрещено Церковью, — коротко бросил Итан.

— Ну, конечно. Не запрещено. А то, что умершего мальчишку мог спасти любой сельский маг-недоучка... это ведь запрещено! — В голосе сатира слышалась странная горечь. Итан с интересом взглянул на него, но тот снова выглядел прежним балагуром и шутником. — Знаешь, я даже нашел ее тайного воздыхателя. Он признался, что полюбил Елену, когда получил от нее по шее. Странные вы, люди. Дашь вам как следует по шее, и вы сразу любить начинаете. Может, мне тебя хорошенько треснуть?

Архиепископ, как обычно, пропустил шутку сатира мимо ушей.

— Думаешь, этот воздыхатель может быть полезным?

Навр поморщился.

— Слушай, очень тебя прошу, оставь несчастного пацана в покое. Он и так от горя места себе не находит. Потому все и выболтал. Ну, чем он нам может быть полезным? Если бы еще эта Елена его любила, тогда да, можно было бы отправить его на поиски нашей беглянки. Возможно, у него получилось бы вернуть девушку... А так...

— Ясно. Дальше?

— А все. Кстати, никто не верит, что она ведьма. Все говорят про ее доброту, рассказывают, как она ухаживала за больными, варила им разные отвары. Единственный лекарь на деревне. А вот тебе еще кое-что для размышления. Я пока путешествовал с вами по Фалнору, ко многому присматривался. Знаешь, кладбища тоже могут служить источником информации, вот я и наведался на

местное, поглядел на недавние могилы. Сторож был очень любезен, и за серебряную монету поведал, кто там лежит.

Итан удивленно выгнул бровь, не понимая, к чему клонит сатир.

— Знаешь, какой вывод я сделал? С момента, когда умер друг Елены, смертность в деревне начала быстро падать. Тут, конечно, надо бы более внимательно все изучить, но, уж поверь моему чутью, девушка приложила к этому руку.

Архиепископ медленно кивнул. Потом рассказал о том, что обнаружил в комнате. Теперь уже сатир задумался.

— Если она та, кто мы думаем... да что обманываться, она именно та, с ее-то силой и знаниями... ничего удивительного, что смертность здесь так резко упала. А что в ее записях?

Итан пожал плечами:

— Что-то про травы и разные болезни. Я мало что понял. Взял с собой, хочу показать в столице одному другу. Лучший из врачей, которых я знаю. Он меня однажды буквально с того света вытащил. Пусть посмотрит, надо узнать мнение специалиста.

Сатир достал записи и тоже их пролистал.

— Логично, — пробормотал он себе под нос. — Я тоже тут мало что понимаю. А это что? Ба! — он расхохотался, изучая рожицы и читая записку. — У девочки неплохое чувство юмора, мы могли бы с ней подружиться. А этот ваш инквизитор... ну ты сам понял, что я хотел сказать.

— Понял. — Итан поднялся. — Здесь и без нас справятся. Люди знают, что делать. А нам не помешает поговорить с караванщиками и расспросить этих... святых паладинов.

Чтобы добраться до здания инквизиции района, пришлось проехать несколько километров до ближайшего небольшого городка. Итан с Навром на полном скаку осадили лошадей у порога инквизиции и соскочили на мостовую, их сопровождали трое Очищающих. Часовые нахмурились и, выставив вперед копья, шагнули вперед, но сунутый Итаном им под нос кулак с перстнем первосвященника заставил стражников испуганно отпрянуть и вытянуться в струнку — вряд ли во всем Фалноре нашелся бы хоть один слуга Господень, не ведающий, у КОГО может оказаться такой перстень. Так же всем прекрасно было известно, что с ЭТИМ человеком лучше не связываться и не вставать у него на дороге. А если вдруг случайно на ней окажешься, надо немедленно прыгать в ближайшую сточную канаву и лучше — с головой, в надежде, что тебя там не заметят. Правда, один из стражников, самый смелый или, что вернее, самый глупый, попытался высказаться по поводу сатира, шедшего позади Итана, но был проигнорирован всеми. На то, чтобы заступить Навру дорогу, смелости у него уже не хватило.

Итан, не задерживаясь, сразу поднялся на второй этаж, в коридоре быстро огляделся по сторонам и уверенно распахнул одну из дверей.

— Я же сказал, меня не беспокоить!!! — поднялся навстречу Навру и Итану полноватый мужчина. — Кто вы такие, Зверь вас разорви?!

Проигнорировав эту вспышку ярости, Итан подвинул ближайший стул к столу и сел напротив инквизитора, мрачно глядя на него. Тот слегка побледнел, но гонора не потерял.

— Я вас спрашиваю, кто вы такие и что здесь делает это животное?!

— Животное? — мило улыбнулся Навр. Инквизитора

передернуло. — Это ты мне повторишь позже, вершина эволюции ты наша.

— Хватит пустых разговоров, — оборвал всех бер Саан, хлопнув ладонью по столу. — Как я понимаю, вы глава местной инквизиции и именно в вашем подчинении состоят молодчики, занявшиеся разбоем на дороге?

— Разбоем?! — У инквизитора, казалось, даже волосы встали дыбом от ярости. — Мои люди не грабители, а служители Святой Матери-Церкви! И они проводили операцию по задержанию опасной ведьмы! И понесли потери! А вот с вами, наглецами, мы поговорим в другом месте!

При всей ярости голову он все-таки не потерял и опасливо косился на мечи вошедших. Однако резко наклонился, схватил колокольчик и что есть силы затрезвонил в него. Навр усмехнулся, а Итан даже не пошевелился, когда дверь в комнату распахнулась, и в нее ворвались четверо паладинов.

— Взять этих наглецов! — закричал инквизитор, указывая на Итана и Навра. — Отведите в подвал, после обеда я лично ими займусь.

Итан медленно поднял руку ко рту и сладко зевнул. Первый подбежавший паладин ухватил его за эту руку и увидел перстень, оказавшийся прямо у него перед глазами. Не узнать герб первосвященника он не мог. Побледнев, как сама смерть, паладин мелко затрясся, с ужасом взглянул на своего непосредственного начальника, потом на товарищей, двое из которых схватили совершенно не сопротивляющегося сатира, продолжавшего ехидно ухмыляться, а третий удерживал вторую руку его противника.

Колени подогнулись, словно сами собой. Паладин рухнул и испуганно заерзал по полу, покрывая перстень поцелуями.

— Ваше преосвященство, бога ради, не казните! Не

узнал вашу милость... — Остальные паладины с недоумением уставились на товарища.

— Горгий, ты что, с ума сошел?! — закричал его начальник, но паладин не обратил на него внимания.

— Все вон отсюда, — коротко приказал архиепископ, поднимая руку так, чтобы перстень увидели все, находящиеся в комнате.

Теперь уже побледнели и остальные паладины. Стремительно отпрыгнув от спутников, они коротко поклонились и выскочили из комнаты, едва не снеся по дороге дверь.

— Никого не пускать, пока мы здесь не закончим, — распорядился Итан им вслед и снова тяжело посмотрел на инквизитора. Тот ни жив ни мертв сидел в кресле и тяжело дышал. Пот заливал ему глаза, но он даже не делал попытки вытереть его.

— Ваше преосвященство... — прошептал он. — Я... я прошу прощения, не узнал...

— Я повторяю вопрос, — холодно прервал его Итан, — вы глава местной инквизиции?

— Да, ваше преосвященство, меня зовут Седоний Маркус.

— Мне нужно поговорить с караванщиками и паладинами, участвовавшими в разбое.

— Осмелюсь поправить, ваше преосвященство, в операции по задержанию опасной ве... — Под ледяным взглядом архиепископа Седоний скис и даже сделался ниже ростом.

— Господин Маркус, хоть сейчас перестаньте лгать, мы не на проповеди. Ваши люди участвовали именно в разбое. И то, что они нарвались на ведьму, было просто большим невезением с их стороны. А сейчас проведите нас к караванщикам. Как я понимаю, вы их задержали?

— Конечно! Как сообщников... — Сообразив, что слу-

шать его никто не собирается, Седоний вздохнул и поднялся.

Лабиринт подземелий, по которым тюремщик вел Седония, Итана, Навра и троих Очищающих, казался бесконечным. По обе стороны коридоров находились двери в камеры. Навр, прикинув, сколько времени они идут, сообразил, что это подземелье гораздо больше самого здания.

— И что, — поинтересовался он, — все эти милые комнаты обитаемы?

Седоний резко вскинулся и гневно обернулся к сатиру, но тут же опомнился и покосился на Итана.

— А что? — невинно посмотрел на него Навр. — Я просто так спросил. О вашем же благе пекусь. Ведь чем свободней тут, тем больший у вас будет выбор — какую занять.

Шуточка сатира явно не очень понравилась инквизитору. Он нервно сглотнул и снова покосился на Итана. Но тот молча шагал вперед, словно ничего не слышал и ничего вокруг не замечал. Седоний на всякий случай решил промолчать. Но сатира с обломанным рогом запомнил. И пусть только их пути когда-нибудь пересекутся! Пусть только пересекутся! А уж его власти хватит на то, чтобы такую встречу организовать. И тогда этот наглый сатир сильно пожалеет о сегодняшнем дне. Пока же придется терпеть это... это животное, которое по какой-то причине путешествует вместе с главой Очищающих.

Седоний забежал вперед и низко поклонился:

— Вот тут они, ваше пресвященство. В этой камере.

— Все там?

Инквизитор замялся:

— Нет, ваше пресвященство. Их же больше десятка. Здесь только пятеро.

Итан обернулся к тюремщику:

— Отпирай, а потом приведешь в эту камеру остальных караванщиков.

— И если кто-то из них вдруг погибнет при попытке к бегству, то кое с кем произойдет несчастный случай, — добавил Навр с неизменной улыбкой и пристально посмотрел на инквизитора. Тот отвернулся, боясь даже самому себе признаться, что это... животное... пугает его почти так же сильно, как Итан бер Саан.

Тюремщик распахнул дверь в камеру и посторонился. Архиепископ Варградский пригнулся и шагнул внутрь. Следом нырнул и Навр. Очищающие остались снаружи.

— Да, у вас пять минут на то, чтобы собрать здесь остальных караванщиков, — из-за двери высунулась голова сатира и тут же снова скрылась.

Камера оказалась вполне обычной: утрамбованный земляной пол, покрытый соломой, небольшое зарешеченное окно почти под потолком, и вонь. Но Итан даже не поморщился. Молча встал рядом с дверью и оглядел испуганных узников, смотрящих на него одновременно с надеждой и страхом. Сатира они тоже заметили, но поспешно сделали вид, что его здесь нет.

Заключенные замерли. Первыми заговорить они не осмеливались, а вошедшие молчали. Воцарившаяся тишина начала уже давить всем на нервы, но никто не нарушал ее. Только Итан, казалось, оставался совершенно равнодушным к происходящему. За дверью раздался звон цепей, и через мгновение в камеру втолкнули остальных караванщиков. Те испуганно огляделись, но, подталкиваемые в спину, прошли к товарищам и встали рядом. Архиепископ отделился от стены и вышел в центр камеры:

— Мое имя Итан бер Саан. — Раздавшийся в ответ испуганный стон показал, что караванщики знают, с кем имеют дело. — И мне нужна правда о том, что про-

изошло с вашим караваном. Если скажете правду, я вас отпущу.

Седоний вскинулся было, чтобы возразить, но тут же сжался и промолчал. Караванщики с безумной надеждой смотрели на своего спасителя. Выбраться отсюда они уже не чаяли, и тут... Возможно, их обманывают, но ведь так хочется надеяться! А правда? Да конечно, расскажут! Что им скрывать? И, перебивая друг друга, они кинулись вспоминать. Вспоминали даже такие подробности, которые вряд ли могли кого-либо заинтересовать. Минут тридцать Итан терпеливо слушал их, потом поднял руку:

— Довольно. Больше меня ничего не интересует. — Он обернулся к Навру. — У тебя вопросы есть?

— Да, парочка. — Навр вышел вперед. Заключенные уставились на странного спутника человека, которым в Фалноре пугали детей. — Скажите, кто-нибудь во время похода получал травмы? Как себя вела дочь купца в этом случае?

Караванщики задумались:

— Было дело. Одного грузчика придавило телегой. Непонятно, как девчушка увидала, только моментально там оказалась. Долго щупала у парня ноги, потом перетянула их какой-то тряпкой и велела не снимать два дня.

— Понятно, — прервал караванщика Навр. Дай тому волю, так он все царапины в караване припомнит. — И еще вопрос. На время забудьте о том, что с вами произошло. Вспомните ваши впечатления о Елене. Как она вам показалась? Считайте, что она не ведьма. Как она вам как человек?

— Но, — после неловкого молчания, неуверенно начал один из узников, косясь на Итана. — Ваша милость, она ведь ведьма, а они не могут быть...

— Забудьте, что она ведьма! — отрезал Итан. — Отвечайте.

— Ну, раз так... Милая девушка. Очень веселая... Всегда помогала нам. А считала, почитай, лучше отца даже. Ему во всем помогала... — Тут караванщик словно опомнился и торопливо закончил: — Да уж, умеют эти ведьмы притворяться.

Навр насмешливо хмыкнул:

— Это точно. У меня больше нет вопросов.

— Хорошо. — Итан поймал взгляд Седония. — Я произвожу суд и объявляю этих людей невиновными в тех преступлениях, в которых их обвиняют. Они оправданы. Я, голос Первосвященника, все сказал!

— Но ваша милость! — взвыл Седоний. — Погибли паладины!!!

— Приговор окончательный и обжалованию не подлежит, — закончил Итан. — Впрочем, если хотите, можете написать первосвященнику. А до этого извольте выполнять постановление церковного суда. Или вы хотите противопоставить себя ему?

— Никак нет, ваше преосвященство! — Седоний отшатнулся. — Эй, расковать этих людей и отпустить!

Тюремщик невозмутимо кивнул и вышел из камеры за инструментом. Похоже, этого человека вообще мало что могло удивить. Отдай ему приказ немедленно убить здесь всех — и он с таким же невозмутимым видом примется за дело. Не человек, а голем какой-то.

С паладинами встречались совершенно в другой обстановке: просторный светлый зал, огромный стол в центре и мягкие кресла вокруг него. Люстры из горного хрусталя, свисающие с потолка на цепях. Хотя было еще светло, в них горели свечи. Итан с порога оглядел поражавший роскошью зал и брезгливо поморщился. Прошел к столу и сел во главе. Навр пристроился за его креслом и стал принюхиваться, делая вид, что ему противны здесь все запахи. Паладины нахмурились. Некоторые схватились было за мечи, но под ледяным взглядом

архиепископа Варградского торопливо убрали оружие подальше. Глава Очищающих оглядел всех присутствующих.

— У меня есть несколько вопросов. Я очень, — Итан особо выделил слово «очень», — прошу вас рассказать мне всю правду.

— Я тоже очень прошу, — поддакнул Навр. — Хоть я и не очень люблю вашу братию, но даже врагу не пожелаю участи, которая постигнет вас, если начнете врать. Господин бер Саан сегодня не в духе.

Один из паладинов вскочил:

— Ваше преосвященство! Почему мы должны терпеть здесь присутствие какого-то животного?! Да еще осмеливающегося что-то тявкать!

— Тявкать? — удивился Навр. — Мальчик, я еще не начал, как ты выражаешься, тявкать. Если начну, вас всех тут сдует! Если бы у вас было хоть чуток мозгов, вы бы сами сумели сообразить последствия ваших действий. Или вы думаете, что мы тут развлекаемся?

— Хватит! — архиепископ легонько стукнул ладонью по столу. — Что произошло с караваном? Правду и подробно!

Паладины вздрогнули и спорить не посмели. Поднялся один, кажется, старший среди них, и неторопливо, обстоятельно начал рассказывать, как они возвращались в Корград и решили проверить встретившийся караван...

— На предмет наличия лишних вещей, от которых караван надлежит облегчить, — понятливо кивнул Навр. — Богоугодное дело. Ведь без лишних вещей они быстрее дойдут до цели, продадут товар, а налоги пойдут на благо Святой Матери-Церкви. Продолжайте, пожалуйста.

Паладин отчетливо заскрипел зубами, но, не найдя поддержки у Итана, встревать в спор не рискнул.

— После начала проверки вдруг появилась ведьма и начала колдовать.

— Ага, — опять влез Навр. — Засверкали молнии, резко потемнело и похолодало.

— Наверное, испугалась, что мы ее почувствуем...

— Ну, конечно! Это ведь обычное дело, когда паладины чувствуют ведьм. Слушай, Итан, на фига вы держите столько Ищущих? Смотри, как ведьмы ваших паладинов боятся. Стоит им только появиться, и все ведьмы сразу кидаются проявлять свои таланты. Господин паладин, простите, не знаю вашего имени, да и не хочу узнавать, объясните мне, почему это ведьма, которая скрывала — и успешно скрывала! — свой талант, вдруг стала швыряться заклинаниями направо и налево? Впрочем, можете не отвечать.

— Да как ты... животное... Да я тебя!!! — Паладин выскочил из-за стола и кинулся к Навру, выхватывая на ходу меч. Но не добежал — невозмутимо сидящий Итан вдруг привстал и сделал какое-то неуловимое движение рукой. Пробегавший мимо человек захрипел, выронил меч, схватился за горло и рухнул. Архиепископ Варградский задумчиво посмотрел на корчащееся у его кресла тело.

— Есть еще желающие высказать какие-нибудь претензии? — холодно поинтересовался он в тишине. Только паладин у его ног продолжал хрипеть. — Я так и подумал. Этого вышвырните отсюда. Жить будет, а вот говорить — уже вряд ли. Впрочем, оно и к лучшему — в мире и без его слов слишком много глупости. Я надеюсь, следующий рассказчик будет придерживаться только фактов и воздержится от проявления эмоций.

Возражений от паладинов не поступило. Хотя и выступать следующий оратор тоже не спешил. Только когда Итан нетерпеливо начал постукивать пальцами по столу, один встал.

— Она не сразу стала проявлять ведьмовские способности, — кашлянул он.

— О! Уже прогресс. — Итан коротко глянул на Навра, тот поспешно поднес ладонь ко рту. — Молчу, молчу, господин.

— Мы прекрасно понимаем, что до Ищущих нам далеко в этом плане, поэтому давно разработали кое-какие сценарии... Мы специально провоцируем людей... Ну, делаем вид, что грабим, угрожаем.

— Но ведь известно, что ведьмы — исчадия Зверя, и им чуждо сострадание, — не смог удержаться сатир от очередного замечания. — Полагаю, их только забавляют эти ваши планы.

Паладин на мгновение задумался, решая — отвечать на вопрос или нет. Покосился на пострадавшего товарища, которого слуги как раз выносили из зала, и решил ответить:

— Как видите, наша провокация сработала.

— Ага. А если бы не сработала, то вы, безусловно, вернули бы все вещи в караван и оживили мертвых... или полагаете, погибшие от рук паладинов сразу попадают в рай, и это для них и их родни должно служить утешением?

— Прокл немного увлекся, — буркнул паладин, отворачиваясь.

Итан, до того молча слушавший, вдруг резко встал. Паладины тоже поспешно вскочили.

— Идиоты! Какие же вы самодовольные идиоты! Даже сейчас ни хрена не понимаете, да? Вы хоть представляете, что натворили? Вы почти подписали приговор нашему миру!

— Господин, но что... ну, подумаешь, девчонка какая-то. Ну, погорячились ребята, — вылез один из паладинов, не слишком умный. — Всего двое в караване и погибло. А сколько эта мразь наших положила!

Навр вдруг потерял всю свою веселость и устало посмотрел на говорившего:

— М-да. Мы тут всего двоих убили, а эта мразь начала наших убивать... нахалка. Как посмела! Слушай, а ничего, что эти двое были ее родителями? Я так и думал. Но даже если бы они были посторонними... Прокл заигрался... Игры у вас. — Навр вдруг подпрыгнул и уселся на стол. — Слышал я как-то легенду, что у Господа есть большая чаша, в которой собирается кровь и слезы людей, страдающих безвинно. Как только чаша переполнится, все это выльется в мир и затопит его. Правда, каждый благородный поступок, чья-то спасенная жизнь, уменьшает количество страданий в чаше. И до тех пор, пока честных людей больше, — равновесие не нарушается. Может быть, пролитая вами кровь была последней каплей в этой чаше?

В полнейшей тишине архиепископ с сатиром покинули зал. Навр был печален, что совершенно не соответствовало его характеру.

— Едем к вашему начальству? — поинтересовался он. — Полагаю, ты захочешь поставить в известность о проведенном расследовании первосвященника. Мне тоже надо рассказать обо всем Вихрю, а мой кристалл связи разрядился, не проследил я за этим как-то.

— Само собой. Только сначала зайду в школу. Очень хочется посмотреть на человека, написавшего, что Елена не способна учиться.

— Думаешь, из-за этого она могла затаить злость?

Итан, вспомнив забавные рожицы на записке, хмыкнул:

— Очень сомневаюсь. Скорее всего, она сама захотела уйти, сообразив, что ничему там не научится. Ты же знаешь эти провинциальные школы. А с деньгами Дионисия можно было замять любой скандал.

В школе появление сатира вызвало настоящий фу-

рор. Дети гораздо честнее взрослых и не умеют прятать интерес. Да еще и появились Итан с Навром не в самое удачное время — на перемене, когда ученики гуляли во дворе. Грозный архиепископ Варградский, чье имя наводило ужас на весь Фалнор, сдался первым и поспешно ретировался с пути малолеток, бросившихся к диковинке. Уже со стороны он насмешливо наблюдал, как сатир отбивался от вопросов, градом сыпавшихся на него со всех сторон:

— А вы правда сатир?..

— А правда, что у сатиров нет души?..

— Вы чудовище?

— Вы зло?

Навр первое время честно пытался отвечать, что он действительно сатир, что никогда не задумывался над тем, зло он или нет, хотя его братья вполне могут с этим согласиться. Особенно после того, как он измазал им стулья клеем, будучи в возрасте спрашивающего. Насчет чудовища, то по утрам после праздника он в зеркале часто видит чудовище. Нет, души он забирать не умеет, а молодой человек действительно уверен, что пятерка по житиям святых важнее его души?

— Что здесь происходит?! — грозно раздалось с крыльца. — Почему вы здесь собрались, и кто привел с собой это животное?

Дети испуганно притихли, а затем бросились врассыпную.

— Где-то я такое уже слышал, — буркнул Навр.

— Сатира привел я, — вышел вперед Итан. — Точнее, он сам пришел со мной. А вы, как я полагаю, тот самый бывший инквизитор, сейчас преподающий в школе? Брат Петр?

— Да. А кто вы? — тот оглядел Итана с ног до головы.

— Очищающий. Хочу задать вам несколько вопросов о вашей бывшей ученице.

— Очищающий? — Петр нахмурился. — С каких это пор Очищающих заинтересовали обычные люди? И кто вас интересует?

Итан протянул записку:

— Вот эта девочка.

Инквизитор быстро прочитал записку и нахмурился:

— Да как она посмела! Да она...

— Это уже не ваше дело, но я рад, что вы вспомнили о ней.

— Вспомнил?! Да это самая бессовестная, самая неусидчивая, самая ленивая из всех учениц, каких я только видел! К тому же начисто лишенная каких-либо способностей.

— Ах да, по поводу способностей и лени. — Итан открыл мешок с вещами Елены. — Вот тут у меня список книг, посмотрите его, пожалуйста.

Инквизитор с отвращением покосился на список, но все же взял. Сначала читал внимательно, а дальше просто листал.

— Этот список составила та самая девчонка.

— Мы знаем, — терпеливо отозвался Итан. — Я хотел услышать ваше мнение об этих книгах. Ведь такой ученый человек наверняка прочитал их все. Если уж их прочла даже такая бесталанная и ленивая, как вы говорите, девчонка, то и вы наверняка их читали. Да, вот еще. Тут некий научный трактат по медицине, автор — тоже ваша бывшая ученица. Хотелось бы услышать ваше мнение.

— Да что она написать может?! Какой трактат? Обычный набор слов!

— Понятно. Мы это учтем. А что вы скажете о книгах?

— О книгах?

— Да. Мы проверили, запрещенных среди них нет.

— А почему она вас вообще заинтересовала?

— Девушка фигурирует в одном важном деле. Ладно, как я понял, здесь вы нам тоже помочь не можете. Что ж, благодарю за информацию.

Итан забрал из руки Петра список, аккуратно вернул все бумаги в мешок и завязал его, затем повернулся и двинулся к выходу со школьного двора.

— Что скажешь? — чуть повернул он голову.

— Напыщенный индюк, воображающий, что только он один знает истину, — заметил Навр. — И очень не любящий признавать свою неправоту.

— Мы не обращали внимания на таких вот «учителей», — после недолгого молчания сказал Итан. — А ведь, похоже, именно с них надо было начинать. Будь он поумнее, он бы разгадал Елену и сообщил о ней в столицу уже давно. Мы ведь во все школы Фалнора рассылали предупреждение, чтобы сообщали обо всех детях, кто ведет себя необычно, задает много вопросов, тем более — неудобных вопросов. Да сам помнишь, как мы мотались по всей стране тогда...

Навр понимающе покивал. Потом вздохнул:

— Судя по всему, в империи мы тоже упустили одного из Трех.

— С чего вдруг такой вывод? — удивился Итан. Даже остановился от неожиданности.

— Простая логика. Родились они одновременно. Значит, и инициацию, как маги Тьмы, должны были пройти примерно в одно время. Инициировалась ли уже Елена, мы, к сожалению, не знаем. Но мне почему-то кажется, что да. Значит, скоро мы услышим и об остальных двоих.

— Тогда надо спешить. — Итан вдел ногу в стремя и одним движением вспрыгнул на коня. — Людей я оставлю сопровождать вещи из дома Елены. Возможно, они нам подскажут что-то о девочке. А мы — в столицу.

Навр согласно кивнул, но почему-то было у него стойкое ощущение, что спеши не спеши, но они все равно опоздали.

Оставив далеко позади сопровождающих, Навр с Итаном, через два дня скачки почти без отдыха, въехали в столицу Фалнора. Сатир мрачно косился на хмурое небо, готовое в любой момент разразиться дождем, и заранее жмурился, предвкушая момент, когда можно будет сесть у камина с бокалом горячего вина. Архиепископ оставался невозмутимым. Даже в городе он не снизил скорости, заставляя прохожих испуганно выпрыгивать из-под копыт. Навру такая манера езды категорически не нравилась, но он был вынужден скакать так же, чтобы не потерять Итана из виду. Он уже хотел было попросить его придержать коня, как тот сам резко затормозил у одного из перекрестков, разглядывая какой-то дом за оградой. Навр поравнялся с ним и тоже уставился на дом, потом перевел взгляд на архиепископа.

— Заедем, — не спросил, а просто констатировал тот. Сатир поморщился.

— Во имя всего благого, что тут делать? Дом, не скрою, кажется шикарным, но...

— В нем живет один из лучших врачей Фалнора, — отозвался архиепископ, подъезжая к воротам и дергая за веревку колокольчика. — Однажды он меня почти с того света вытащил. Потом, правда, я его вызволил из застенков Инквизиции. Там почему-то уверены, что все талантливые люди продают души Зверю.

— То есть у вас взаимная любовь? — ехидно поинтересовался Навр.

Итан нахмурился, косо глянул на шутника, гадая, не перешел ли тот некую грань. Сатир тоже сообразил, что ляпнул лишнее, и всем своим видом выражал искреннее

раскаяние. Архиепископ в его раскаяние не поверил, но говорить ничего не стал.

Подошедший слуга, едва завидев гостя, бросился открывать ворота. Итан дожидаться, когда тот раскроет их полностью, не стал и пришпорил коня. Навру осталось только последовать его примеру.

У входа их с поклоном встретил еще один слуга и принял поводья лошадей, после чего, не говоря ни слова, увел их куда-то за дом.

— А я сомневался, когда мне сказали, что ты приехал, — на крыльце стоял высокий, полноватый и лысоватый мужчина в роскошном бордовом халате. — Я слышал, что ты давно уже не показывался в столице. Все путешествуешь по делам нашей Матери-Церкви? Борешься с ее врагами?

Итан поднялся на крыльцо, и они вдруг трижды обнялись, после чего хозяин дома рассмеялся.

— Вот теперь узнаю старого друга. С чем пожаловал? Да проходите, чего стоять на крыльце. И пусть друг твой проходит. Давно ты завел дружбу с сатирами?

— Времена меняются, — коротко ответил Итан. — Вот и к тебе зашел по делам ненадолго.

— По делам? Опять заболел?

— Нет-нет. Мы тут нашли кое-какие записи... короче, мне нужно твое мнение о них как профессионала.

— Профессионала? Врача? — За время разговора хозяин дома провел гостей в гостиную, где слуги уже заканчивали сервировать столик. При виде поданных деликатесов Навр облизнулся — двое суток на сухом пайке давали о себе знать.

— Да, Марк. Твое мнение врача.

— Гм... ладно, посмотрим... да что мы на ходу разговаривать будем, прошу к столу, вижу, что проголодались.

Навр упрашивать себя не заставил и тут же оказался за столом. Хозяин с интересом взглянул в его сторону.

Итан опустился на кресло напротив, а потом достал из сумки записи Елены и передал их врачу:

— Вот.

Марк взглянул на них, потом взял один листок и углубился в чтение. С первых же слов он насторожился, потом схватил остальные листы и стал лихорадочно их просматривать, раскладывая перед собой в каком-то одному ему ведомом порядке.

Итан не прерывал его, понимая, что Марк сам все скажет, когда закончит читать. Пока же он воспользовался случаем и последовал примеру сатира, перекусить не помешает.

— Где вы это взяли? — поинтересовался врач, не отрываясь от записок. — Ха! Надо же, этот человек сумел по-новому взглянуть на проблему некоторых болезней. А вот отсылка к моей книге. Лестно, весьма лестно...

— Что-нибудь стоящее? — поинтересовался Итан.

— Стоящее? — Марк вдруг нахмурился. — Слушай, я понимаю, что эти записи не просто так к тебе попали, и это как-то связано с твоей работой, но послушай, кто бы ни написал их, он гений. Да вы посмотрите на эти анатомические атласы! Мы пользуемся имперскими, надо признать, они гораздо лучше наших, но эти... они лучше имперских! Не все, конечно, а отдельных органов. Вот, например, сердце. Смотрите, здесь подробнейшее описание его работы! Как в это можно было вникнуть?

— Поверьте, для того, кто писал эти записки, — это не самая большая проблема, — заметил Навр.

— Значит, маг, — вздохнул Марк. — И вы опять отправите его в Инквизицию, не обращая внимания на то, что он одними этими записями уже спас множество жизней. Вы хоть позволите их скопировать? Это же уникальные знания!

— То есть записи — не просто набор слов нахватавшегося медицинских терминов человека?

— Набор слов? — Врач задохнулся от возмущения. — Да вы только гляньте, как он описывает воспаление аппендикса! И ссылается на собственный опыт лечения! Опыт, когда не делается разрез, а аккуратно прокалывается кожа! Маг он или нет, но лечил без магии... ну, разве только пара случаев, — нехотя признал врач. — Вот здесь... — он откопал какой-то из листков, — здесь описывается болезнь усталости сердца. Я не совсем понял, поскольку не знаком с магией, но... тут подробные инструкции...

— Да, — поднялся Итан. — Я верю, что в записях все гениально...

— Ну, не так уж и все, — усмехнулся Марк. — Кое-какие заблуждения есть. Мне кажется, этот человек — самоучка. Он многое познавал из книг и собственного опыта. Не похоже, чтобы у него был учитель.

— Очень хорошо. Спасибо, Марк, ты нам сильно помог. А сейчас извини, дела. Надо срочно к первосвященнику ехать. Как раз по этому делу.

— Значит, скопировать бумаги ты мне не дашь? — вздохнул врач.

Итан на миг задержался.

— У тебя есть время до утра. Завтра я пришлю за ними своего человека.

Лицо Марка осветила счастливая улыбка.

— Спасибо! — но говорил он уже закрытой двери. Впрочем, это мало заботило врача. — Генрих! Генрих, где ты, Зверь тебя раздери! Я у себя в кабинете! Не беспокоить, даже если небо будет рушиться на землю! Меня ни для кого нет!

Аккуратно, но быстро собрав все записи, он стремительно выскочил из гостиной и помчался к себе в кабинет, перепрыгивая через две ступеньки.

Итан неторопливо выехал из ворот и остановился посреди улицы, задрав голову к небу и изучая низкие тучи.

— Что скажешь, дружище? — поинтересовался он, не опуская взгляда.

— Скажу, что мир, похоже, потерял лучшего врача, какого только знал со времени великого Зурфина. Зато приобрел озлобленное и жаждущее мести существо.

— В том-то и дело! Об этом мы и будем говорить на совете у Матфея. Вперед, надо торопиться.

Навр, глядя в спину уносящемуся вдаль всаднику, покачал головой.

— Мне кажется, мы опять где-то ошибаемся, — пробормотал он. — Но где?

Не найдя ответа, он пришпорил коня и поскакал за Итаном к резиденции первосвященника.

8

Город Торрен был самым южным городом Туага. Не очень большой, не очень значительный. Но Сельф ан Сельфин выбрал его не столько из-за малого размера, сколько из-за порта. Хотя в крупном городе и проще затеряться, но там, как объяснил он Володе, всегда много Ищущих и, как правило, располагаются головные офисы Инквизиции. Это бы не сильно испугало Грэда, но вот порт... За портовыми городами Инквизиция приглядывала особенно тщательно, ибо оттуда легче всего сбежать какому-нибудь еретику. Торрен, с точки зрения Артиста, был идеален еще и в том плане, что хоть и обладал портом, но располагался в стороне от основных торговых маршрутов. В нем швартовались в основном каботажники, осуществляющие перевозки грузов внутри страны. Из-за этого службы Церкви уделяли не очень много внимания захудалому городишке на окраине Туа-

га. Этим вовсю пользовались контрабандисты и искатели приключений всех мастей, превратив Торрен в своеобразное место встреч деловых людей для заключения не совсем законных сделок. Понятно, что такое место, не слишком безопасное с точки зрения простого обывателя, лучше всего подходило тем, кто хотел укрыться от длинных рук Святой Матери-Церкви.

— Все равно я этого не понимаю, — вздохнул Володя.

— Поймешь, — рассеянно отозвался Сельф, осматриваясь по сторонам. — Да где же она, Зверь ее раздери...

— Кто?

— Гостиница. В прошлый раз на этом вот перекрестке стояла. И еще, не думай, что я тебе все рассказываю про Торрен просто потому, что мне поболтать захотелось. Напороться на нож здесь очень легко, и никто не будет искать твоих останков. Поэтому зазубри себе все эти правила так, чтобы от зубов отскакивало.

— От чьих? — не удержался от ехидного замечания мальчик.

— Желательно твоих оппонентов, — без юмора отозвался Грэд. — И самое главное правило: здесь крайне не любят любопытных. Поэтому никогда никого не расспрашивай о его прошлом или его делах. Захотят — сами расскажут. Нет — молчи. Излишне любопытных могут принять за шпионов.

— Даже меня примут? — не поверил мальчик.

— Примут, не примут... какая разница трупу? Думаешь, кто-нибудь будет проводить следствие и разбираться, шпионишь ты или так неуклюже пытаешься проявить вежливость? Ага. Вот она.

Грэд, уже не слушая Володю, уверенно свернул в переулок, обогнул дом и вышел на другую улицу, где поднялся на крыльцо с широкими двухстворчатыми дверями. Мальчик прошмыгнул следом.

— Ба!!! Артист! Давненько тебя не было! — приветст-

вовал вошедшего невообразимых размеров бармен, который у стойки неторопливо протирал полотенцем деревянную пивную кружку так, словно та была сделана из дорогого хрусталя. — А это кто с тобой? Неужто сын?

— Отвали, Джек, — беззлобно отозвался Сельф, с непринужденной легкостью обходя многочисленных посетителей, заполнявших зал и располагавшихся не всегда на стульях или скамейках. Многие валялись на полу, вдохновенно похрапывая.

Володя не обладал столь большим опытом трактирного маневрирования и поэтому несколько раз наступил кому на ногу, кому на руку. Впрочем, это не сильно побеспокоило спящих.

Бармен оторвался от своего философского занятия, достал из-под прилавка какую-то бутылку без этикетки, ловким движением налил из нее немного в кружку и подвинул Сельфу.

— Как обычно, — заметил он. — Первая кружка за счет заведения.

Сельф хмыкнул:

— Надо же. Все еще помнишь наш спор.

Володя вопросительно глянул на Сельфа, хотел что-то спросить, но вспомнив давешний инструктаж, промолчал.

— Джек, у тебя есть что-нибудь для мальчика? Поесть, попить. Только никакого алкоголя... знаю я тебя.

— Эй, Артист, ко мне тут приходят выпить, а не умываться...

— Джее-э-эк...

— Ну, ладно-ладно. Посмотрю, что там есть. Молоко подойдет? Ничего другого, извини, не найду.

— Самое то.

Рядом обиженно засопел Володя, на что Сельф не обратил внимания.

Вопреки ожиданию мальчика, бармен никуда не ушел,

а крикнул в сторону двери за стойкой. Через мгновение оттуда выскочил взлохмаченный парнишка лет двенадцати. Выслушал заказ и удивленно глянул на Сельфа. Видно, посчитал, что молоко для него, — Володю из-за высокой стойки он видеть не мог.

— Ты еще здесь? — ласково поинтересовался Джек. Парнишку как ветром сдуло.

Сельф ногой придвинул к себе высокий табурет, поудобнее устроился на нем, отхлебнул из кружки и через плечо оглядел зал.

— У тебя, я гляжу, как обычно, полно народа.

— Не жалуюсь, слава Спасителю.

— Новости есть?

— Вообще или...

— Или.

Володя опять засопел. Ему было скучно, а разговор взрослых оказался совершенно непонятен. Джек рассказывал о каких-то кривых, косых и других инвалидах, которые, слава Спасителю, в городе отсутствовали. Если бы не запрет Сельфа, мальчик давно ушел бы из этого тесного, пропахшего алкоголем помещения. Но тут, к счастью, вернулся парнишка и притащил кувшин с молоком и мягким, сразу видно, что только из печи, хлебом. Бармен одобрительно кивнул и пододвинул все это Володе. Мальчик растерянно глянул на еду, понимая, что просто не дотянется до стойки. Сельф, не говоря ни слова, слез со своего табурета и усадил на него Володю. Налил в протянутую Джеком кружку молоко и отломил кусок еще горячего хлеба. Сам спихнул с еще одного стула спящего человека и сел рядом.

— Так что ты там говорил про Ищущих? — продолжил он разговор, словно ничего не случилось.

— Говорю, что никто ничего не понял. Никогда не видел столько Ищущих разом. Это было... дай Спаситель памяти... — Джек задумался. — Да, лет пять назад. Пере-

рыли весь город, а что искали — непонятно. Мы уж думали — все, накрылась наша Тихая Гавань, но церковники никого не тронули. Как приехали, так и убрались. Перевернули весь город вверх дном — да, но никого не взяли.

— Что, совсем никого? — удивился Сельф. — Не похоже на Инквизицию.

— Слушай, Артист, ты слышишь, что я тебе говорю, или нет? Какая Инквизиция? Я же говорю: Ищущие приезжали. И не просто — из ордена Очищающих! Они многих задержали, но когда уезжали — всех отпустили.

Сельф только головой покачал.

— Что-то тут не то. И мне это очень не нравится.

— Да ладно тебе. Наоборот, радоваться надо. Обычно после таких рейдов Церкви...

— Вот именно. С чего бы такая доброта от Ищущих? Единственное объяснение, которое приходит мне в голову... — Сельф задумался. — Что-то происходит. Недаром вся Церковь уже столько времени на ушах стоит... И в империи неспокойно... — он покосился на Володю, но тут же покачал головой. — Мне это совсем не нравится. Знаешь, Джек, вот плохо так говорить, но ей-богу, лучше бы эти Ищущие совершили обычный рейд. Ведь ясно, что они искали кого-то конкретного. Задерживали всех, похожих на определенное описание. А уезжая, отпустили. Им даже некогда арестованными заниматься было. Сам говорил, что просто повыгоняли из тюрем, и все. Вот мне и интересно, кого это искал целый отряд Ищущих здесь пять лет назад?..

— Да дзенн его знает! Слушай, Артист, ну чего тебе вечно неймется? Тебе больше всех надо?

— Спокойней живется, когда все понимаешь. Но ты прав. Не подскажешь, где здесь можно остановиться?

— Вот те раз. Ты ж всегда у меня останавливался. Или не нравится чего?

— Нет-нет, но на сей раз я не проездом. Боюсь, мне придется задержаться в этом чудесном городке надолго. Сам понимаешь, — Сельф кивнул на сидящего рядом с ним мальчика.

— Понятно, решил остепениться, завести семью, — с ухмылкой кивнул Джек.

Артист оценивающе оглядел свою кружку, потом трактирщика. Тот поспешно поднял руку.

— Понял-понял. Кто хоть он такой?.. Не скажешь? Я так и думал. А поселиться все равно можешь у меня. Неужели ты думаешь, я не дам приют старому другу?

— Спасибо. Я всегда знал, что на тебя можно положиться.

— Конечно. С тебя, кстати, два динара.

— Что? Ты же сказал...

— Я сказал, что первая кружка тебе бесплатно. А ты уже третью допиваешь. Между прочим, это вино очень редкое. Коллекционное. Мальчика я тоже не обещался бесплатно кормить.

Сельф что-то проворчал себе под нос, но расплатился без споров.

В комнате он первым делом осмотрел каждый угол под недоумевающим взглядом Володи. Потом достал из сумки сменную одежду и переоделся. Мальчик поспешно схватил свою сумку, но Сельф его остановил:

— Сиди здесь.

— А?..

— Владислав, тебе придется пока посидеть здесь. Прошу тебя, никуда не выходи. Первое время без меня вообще на улицу не выходи. Поверь, я не шутил, когда говорил, что этот город опасен.

— Но что мне делать? — Володя видел, что Сельф не врет и действительно тревожится за него. Но от этого не легче — заняться здесь совершенно нечем. Даже книг

нет, чтобы почитать, чем обычно он и спасался, когда жил дома.

— Потерпи немного. Что-нибудь придумаю, — пообещал Грэд.

— Конечно... не впервой, — тихо вздохнул мальчик.

Все знакомо, и все как обычно... Володя с тоской посмотрел на закрывшуюся дверь и сел на краешек кровати. Когда он смирился с тем, что каким-то образом попал в другой мир, то надеялся, что хотя бы в этом новом мире не придется прятаться, помирать с тоски, сидя в квартире и опасаясь выйти даже на лестничную клетку. Но нет, похоже, и здесь то же самое. И хуже всего, что даже не знаешь, где может подстерегать опасность. Что ж... все сначала...

Володя подошел к окну и начал наблюдать за прохожими. За неимением других занятий — и это дело. К счастью, окно комнаты выходило на улицу перед главным входом в гостиницу, и здесь постоянно кто-то входил-выходил, мимо проносились всадники, шли люди. Кто-то приезжал, кто-то просто заглядывал в трактир на первом этаже. Неожиданно это занятие увлекло мальчика. Будь это в его мире, это оказалось бы не так весело. Но тут... Люди в странных одеждах, словно сошедшие со страниц книг Стивенсона про пиратов. Вот разряженный купец беседует с похожим на нищего оборванцем. Странное соседство. Однако, судя по словам Сельфа, вполне обычное для Торрена.

За этим занятием и застал его вернувшийся Артист. Володя, услышав звук открывающейся двери, соскочил с подоконника.

Сельф молча прошел в центр комнаты и плюхнул на стол большой пакет.

— Скучаешь?

— Нет. Я за прохожими наблюдал. Интересно. Тут такие разные люди.

— Это ты верно подметил. Но теперь тебе скучать не придется. — Сельф раскрыл пакет и одну за другой вынул из него несколько книг. — Вот. Первые дни мы будем с тобой заниматься историей религии. Без этого — никуда.

Володе сейчас, честно говоря, было абсолютно все равно, чем заниматься, лишь бы не скучать. Но такой выбор его озадачил.

— А почему именно история религии, а не история мира?

— Видишь ли, в чем дело... Не зная истории мира, прожить можно. Многие и живут. А вот не зная истории религии, можно прожить только до встречи с первым священником, Ищущим или инквизитором. Тебе повезло, что ты маленький и никто не обращает на тебя внимания. Будь ты постарше, нам бы не удалось так легко выбраться... — Тут Сельф задумался, а потом честно признался: — Да будь ты постарше, я бы и связываться с тобой не стал.

Его прямота подкупала, но и пугала. Володя поежился, представив себя одного в этом чужом и незнакомом мире, ничего не знающего и не понимающего. Вот уж действительно удача... Удача? Мальчик впервые задумался, как и почему он здесь оказался. И было ли все случившееся удачей?

— А...

— М-да...

Володя и Сельф одновременно посмотрели друг на друга. Артист хмыкнул:

— Для своих лет ты очень сообразительный малый. Действительно, было ли простой удачей, что ты оказался в этом мире, что оказался в нем рядом со мной, и что ты в том возрасте, в котором на тебя никто не обратит внимания? Ни на твое странное поведение, ни на пол-

ное незнание молитв и всего того, что знает любой человек Танра.

Володя под оценивающим взглядом Артиста поежился:

— Я... я не знаю...

— Да уж. Это точно... — Сельф отвернулся. — Вот и я не знаю. А хотел бы... Эти непонятные рейды Ищущих... перетряска всей Церкви... и, как это ни парадоксально, похоже, спецслужбы Церкви и Нада действуют совместно.

— А?

— Не обращай внимания. Просто мысли вслух. Разговаривал сейчас с одним своим старым знакомым. Интересные вещи он мне рассказал. Но не забивай голову. Вряд ли тебе это будет интересно. Давай заниматься. Я принес учебник по религии для младших классов церковно-приходских школ. С него и начнем. Тебе придется наверстывать. Самое главное, обязательно выучи основные молитвы так, чтобы даже ночью мог их прочитать, вздумай кто спросить.

— У меня хорошая память, я уже говорил...

— Вот и включай ее на полную. И пока не выучишь основы — даже за порог не пущу.

— Раньше ты так не говорил, — обиженно буркнул Володя.

— Пока ты не знал языка — говорить о чем-либо было бессмысленно. Потом нам приходилось заметать следы. На всякий случай. А в этот город мы для того и пришли, чтобы решить все проблемы. Так что — за учебник. Для начала вот этот. — Сельф выбрал из кучи одну книгу и кинул ее на кровать, которую отвел мальчику. — Читай.

Володя взял книгу, повертел ее и пожал плечами. От такой скучной вещи, как «история религии», он ничего

интересного не ждал и потому особого вдохновения не испытывал. Сейчас он бы с большей радостью прочитал что-нибудь про пиратов...

— Ну? — Герладий поднял тяжелый взгляд на очередного гонца.

— Никаких следов, господин.

Герладий в раздражении разбил кружку об стену и выругался. Еще два месяца поисков — и ни одной ниточки. Проклятый маг словно специально следы заметал. Но ведь известно, что он — ребенок... хотя кто это утверждал? Известно только, что маг выглядит как ребенок, но является ли?.. Бр-р-р. Герладий потряс головой. Совсем запутался.

— Ты еще здесь? — повернулся он к гонцу. — Ступай на кухню, тебя накормят. Да, и позови там кого-нибудь, пусть приберут здесь.

Когда гонец ушел, Ищущий снова задумался. Какая-то мысль крутилась... никак не ухватишь... Вот! Ведь их двое было! Это установлено достоверно. Мальчишка-маг и его спутник. Почему же он упустил этого спутника? Почему сосредоточился на маге? А может, проще будет отыскать именно спутника?

— Сколько времени потеряно! — Герладий понимал, что винить некого. Действительно, когда он понял, кто помог ему, поймать мага превратилось для него в идею фикс. Он носился с ней как одержимый. И только сейчас, когда немного успокоился, сумел взглянуть на проблему более трезво.

— Проклятье! — Ищущий с силой саданул кулаком по столу. — И тут ты меня обставил! Кто же ты такой?!

— Ваша милость, еще один гонец! — В дверь осторожно заглянул солдат.

— Гонец? — Вроде больше никто не должен приехать. — Зови.

Этот посланник резко отличался от прежнего. Четкие, уверенные движения опытного бойца, внимательный взгляд без тени страха или подобострастия. Знает себе цену. Против воли Герладий заинтересовался. Откуда он такой?

— Ищущий Герладий? — поинтересовался гонец.

— Он самый.

— Вам послание от его преосвященства архиепископа Варградского Итана бер Саана.

Теперь все ясно. От посланцев этого человека другого и ожидать нельзя. Герладий взломал печать и углубился в чтение. Первые же строки заставили его вздрогнуть и вчитаться внимательней. Проклятье! Да что же происходит?! Оказывается, его сообщением заинтересовался лично бер Саан и теперь собирается прибыть сюда, чтобы возглавить расследование. Мысли заметались. Необходимо срочно начинать поиск спутника таинственного мага. Каждый лишний день промедления грозит окончательной потерей следа, если уже не поздно. Но для этого надо проигнорировать приезд главы Очищающих... Такое даже в бреду ни одному служителю Церкви, мечтающему дожить до старости, не придет в голову, однако Герладий в этот момент был близок к тому, чтобы не выполнить прямой приказ архиепископа Варградского. К счастью, опомнился. Значит, придется перепоручить дело. Герладий тяжело вздохнул. Относительно рвения местных служак он не заблуждался. Поначалу разовьют бурную деятельность, а как только он уедет, все спустят на тормозах. Ну, не нашли, бывает. Только его присутствие и постоянный надзор заставляли их шевелиться. Однако делать нечего.

Герладий склонил голову.

— Повинуюсь. Выеду сразу, как соберу своих людей и отдам кое-какие распоряжения местному отделению Инквизиции.

— Что значит — «не так»? — Артист нервно мерил комнату шагами, изредка поглядывая на сжавшегося на кровати Володю с разбросанными перед ним книгами. — Ты считаешь себя умнее Спасителя?

— Да при чем тут ваш Спаситель?! — Володя едва сдерживался, чтобы не расплакаться. — Ваши молитвы я выучил. Некоторые практически не отличаются от тех, что я учил дома. Отче наш, например. Другие чуть-чуть отличаются. Еще несколько я вообще не знал. Но они обращены к вашему второму Спасителю, о котором я ничего не слышал! А ведь Библию я дома читал!!! Мы с мамой ее каждый вечер читали! И я все помню. В вашей Библии есть такие места, которых попросту нет в той, что я читал! А многие настолько переделаны, что у них смысл кардинально изменен!

— Кардинально изменен, — фыркнул Сельф. — Словечки для восьмилетки у тебя. Ты уверен? Может, чего-то не помнишь?

Володя обиженно засопел. Сельф махнул рукой:

— Ладно-ладно, не забыл про твою память. Но как такое может быть?

Артист подошел к кровати и поднял Библию. Повертел в руке:

— Это раритетное издание. Полная копия того, что пришла с людьми на Танр. Ты, судя по всему, из того же мира, откуда все люди. Значит... значит, ваша Библия первична. В таком случае, отличия если и должны быть, то не слишком большие. Это ведь не Библия Второго Спасителя, написанная уже им самим. Я специально разыскал это издание, чтобы тебе легче было. Слушай, а может, ваша неправильная?

Володя пожал плечами:

— Откуда я знаю? У нас ее переводили на многие языки. Кто знает, как там в оригинале? Но мне пришлось много ездить. Точнее, родителям. Мама постоянно во-

дила меня в церковь. Я разговаривал со многими священниками. И мы обсуждали Библию. Спорили даже...

— Спорил со священниками о Библии? — изумился Сельф. — И они не отправили тебя на костер?

— С чего бы? — еще больше удивился Володя. — Мы обсуждали некоторые места. Говорили про Ветхий Завет и Новый. Мне там многое было непонятно.

— Ветхий Завет? Новый?

Володя кивнул на Библию:

— Вот в этой вашей книге очень многое взято из Ветхого Завета, но с переделками. Потому, я думаю, что неправильна именно она. В ней смесь всего и вся. К тому же очень часто упоминаются нечеловеческие расы. В нашей Библии такого нет. На Земле живут только люди.

— А пример можешь привести?

Володя прикрыл глаза:

— Страница сто двадцать шесть. Встреча представителя чужой расы и Спасителя, который одобрительно относится к тому, что люди забросали беднягу камнями. «Истинно говорю вам, бросающий, да спасется, ибо спасает душу, устраняя того, кто без души».

— А что не так?

— Да все не так! В оригинале люди забрасывали камнями грешницу... блудницу, как там было написано... А что такое блудница?

— Гм... — смущенно кашлянул Сельф. — Не отвлекайся, потом расскажу.

— Ну вот. Люди бросали в нее камни, и тут подошел Спаситель с учениками. Он подошел к ней и помог подняться. «Как ты можешь защищать ее, она же грешна?» — стали спрашивать люди. Тогда Спаситель выпрямился и оглядел их: «Пусть первым бросит в нее камень тот, кто сам без греха». И разжимались кулаки у людей. И падали камни на землю.

Сельф некоторое время пристально смотрел на мальчика:

— Ты понимаешь, что сейчас сказал?

Володя постарался отодвинуться подальше и отрицательно покачал головой.

— И я не понимаю, — буркнул Сельф и отошел к окну.

В комнате воцарилась полнейшая тишина. Только Артист тихонько постукивал пальцами по подоконнику. Наконец он принял какое-то решение.

— Вот что. В таком деле я вряд ли смогу все оценить. Жди меня. Я знаю, кто может нам помочь.

Вернулся Сельф минут через сорок в сопровождении полноватого человека в сутане.

— Брат Самуэль, — представил он Володе вошедшего. — А этого мальчика зовут Владислав. Я тебе по дороге рассказал про него.

Священник подошел к кровати и сел рядом с мальчиком.

— Мой друг уверяет, что ты из Изначального мира, откуда пришли все люди?

Володя вопросительно глянул на Сельфа. Тот кивнул:

— Ему можно рассказать. Он сам скрывается. Между прочим, раньше работал в фалинградском архиве и знал самого Матфея.

— Имел такую честь. Правда, не очень близко. А после того, как он поднялся и начались... разные неприятности, я понял, что мне лучше уйти самому.

— Брат Самуэль хочет сказать, — усмехнулся Сельф, — что он продавал книги из архива на сторону. И это открылось.

— Я просто считал несправедливым, что Церковь прячет в своих архивах знания, которые должны быть доступны всему человечеству, — брат Самуэль благочестиво возвел глаза к небу.

— Конечно-конечно, — серьезно кивнул Сельф. — Те золотые монеты, что ты получал за эти знания, совершенно ни при чем.

Володя вдруг засмеялся:

— А знаете, что вы очень похожи?

— Может быть, — хмыкнул Сельф. — Наверное, потому и сдружились. И когда возникла... такой вот спор возник, я понял, что лучше пригласить профессионала. Я ему рассказал все.

Брат Самуэль взял Библию и повертел ее в руке.

— Да уж, раритетное издание.

— Ты можешь что-нибудь сказать?

— Сказать? — Самуэль задумался. — Когда я работал в архиве в Фалноре... знаешь, там была еще одна комната, куда имели доступ только два человека. Догадываешься, кто? Так вот, эта вот ваша библия лежала в общем доступе. А однажды, совершенно случайно, когда первосвященник заходил в тот специальный архив...

— Совершенно случайно, конечно, — кивнул Сельф.

— Не перебивай, а? Ну, какая разница, случайно я там оказался или нет? Так вот. Комната та была не очень большой. И книг немного. Мне стало интересно, что за книги хранятся там. Самое интересное, что в центре комнаты стоял читальный стол.

— Ну, это понятно. Если этот архив так охраняется, то ясно, что из него запрещено выносить книги. А как же иначе читать? Вот и поставили стол.

— Слушай, Артист, ты прекратишь меня перебивать или нет? Полагаешь, один ты такой умный? Я же не о столе речь веду, а о книге, что лежала на нем. Комната ведь маленькая, а зрение у меня хорошее. И при свете свечи вполне успел прочесть название. Так вот, это была Библия. И у меня вопрос: зачем прятать библию в специальное хранилище, если, как утверждается, полная копия изначальной, которую наши предки восста-

навливали по памяти, продается в обязательном порядке в любом книжном магазине? Понимаешь, к чему я веду, Артист?

— Значит, не такая уж это и полная копия.

— Вот-вот. И знаешь, как мне захотелось ее прочитать... Так вот, — Самуэль повернулся к Володе. — Этот вот тип, — тычок пальцем в сторону Сельфа, — утверждает, что ты дословно помнишь все, что прочитал. Это так?

Володя кивнул.

— И Библию ты в своем мире тоже читал?

Снова кивок.

— И эту ты прочитал? — Самуэль поднял книгу с кровати.

— Не до конца. Но она совершенно не похожа. В ней смесь и из Ветхого Завета, и из Нового. И много всего такого, чего нет у нас.

— Понятно. — Самуэль задумался. — Вот что, прочти вслух Библию своего мира, а я послушаю.

— А что именно? Новый Завет?

— Что такое Новый Завет и Старый Завет, о которых ты говоришь?

— Ну... Я не совсем понимаю. Мама говорила, что Старый Завет — это то, что было до Спасителя. А когда пришел Он, то дал Новый Завет.

— Спаситель... Как я понимаю, имеется в виду не второй. Да уж. О первом Спасителе вообще мало что известно. Говоришь, это он дал Новый Завет? А Библия?

— Библия — это Ветхий и Новый Заветы вместе.

— Так. — Самуэль снова поднял книгу. — Ну, ты же сказал, что это и есть смесь Ветхого и Нового?

Володя затряс головой:

— Нет. Библия хоть и включает в себя и Ветхий, и Новый Заветы, но они разделены. Это совершенно раз-

ные времена. До Спасителя и после. У них и смысл порой разный.

— Ну, хорошо. Тогда давай, расскажи мне Новый Завет. Так дословно, как сможешь.

Мальчик кивнул и прикрыл глаза. Потом начал говорить. Медленно, неторопливо, словно подражая кому-то, кто уже однажды читал ему эту книгу. Сельф мало что понимал и потому только наблюдал за Самуэлем. Он видел, как все шире и шире открываются глаза монаха. Судя по всему, его друг испытал сильнейший шок. Видно было, что ему хочется перебить мальчика, о чем-то спросить, но огромным усилием воли он сдерживается и продолжает слушать.

Прошел час, а Володя все говорил и говорил. Но вот он закашлялся и открыл глаза.

— У меня горло болит, — признался он хрипло.

Сельф, проклиная себя последними словами — мог ведь догадаться! — бросился за водой. Володя благодарно кивнул и выпил целую кружку.

— Я никогда так долго не говорил. — Он повернулся к монаху, но тот молчал, все так же сидел, глядя куда-то вдаль. Володя испуганно посмотрел на Сельфа. Тот пожал плечами.

— Кажется, у нашего друга шок. Сейчас. — Сельф набрал из бочонка в углу еще кружку воды и вылил на голову Самуэлю. Тот вздрогнул и уставился на него. Но вот взгляд монаха начал медленно проясняться.

— Это потрясающе! Сельф, это потрясающе! Это действительно она! Меня всегда поражало кое-что в Библии. А тут... Уже первые строки... Сельф, честное слово, это нечто! Ты это, береги мальчика! Слышишь?! Береги! Он ценнее и твоей, и моей жизни! Ну, теперь... Так. Подожди, мне надо подумать... — Самуэль вскочил и нервно заходил по комнате.

Сельф с Володей озадаченно переглянулись.

— Вот что. — Самуэль, видимо, принял какое-то решение. — Насколько я понимаю, вы не просто так прибыли в этот город. Вас преследуют? Хотя, глупый вопрос. Пришествие в наш мир Владислава явно почувствовали... Значит, ищут. Поэтому я предлагаю спрятать мальчика у себя.

— В монастыре? — удивился Сельф.

— Да. Где меньше всего будут искать мага? В монастыре. А мальчик как раз в том возрасте, когда и принимаются послушники. Заодно я научу его всему, что нужно, чтобы не попасться Ищущим и Инквизиции.

— Что ж, логично, — задумался Сельф.

— А ты пока сможешь изучить обстановку и понять, кто вас преследует. А я... я буду писать истинную Библию со слов мальчика.

Сельф вдруг стукнул себя по лбу:

— Так вот что тебе надо! А я все понять не мог, с чего вдруг такая доброта.

— А не все ли тебе равно? — огрызнулся Самуэль. — Главное, что мальчик будет надежно спрятан.

— Я не хочу в монастырь! — вдруг заговорил Володя.

Сельф подошел к Володе и опустился рядом с ним на корточки:

— Я все понимаю, Владислав, но в том, что предлагает Самуэль, — есть смысл. Конечно, у него свои интересы, но в данном случае они совпадают с нашими. К тому же это ненадолго. Максимум на год. Тебе главное спрятаться, пока поиски не затихнут. А я обещаю, что через год вернусь за тобой. Может, даже раньше. Год — это максимальный срок.

Володя отвел взгляд. Тыльной стороной ладони вытер глаза. Сельф даже испугался, но когда мальчик повернулся к нему — его глаза были сухи.

— Хорошо. Но я буду ждать. Слышишь, я буду ждать тебя, Сельф ан Сельфин!

Артист прижал мальчика к себе:

— Я приду за тобой.

На следующее утро Сельф отвел Володю к воротам монастыря, где мальчика принял послушник. Ворота за ним медленно закрылись, но Артист еще долго стоял перед ними. Никогда бы он не подумал, что к кому-нибудь так привяжется. Привяжется настолько, что расставание станет горше полыни. Но и не признать разумность решения Самуэля не мог.

— Я вернусь за тобой, Владислав. Обещаю!

Сельф развернулся и, не оглядываясь, зашагал в сторону города.

* * *

Роман лежал на кровати и думал — старательно, используя все способы анализа, которым обучали его на Станции. А поразмышлять было о чем, слишком уж много свалилось на него за последние два дня. Как на героя читанных в детстве, еще на Земле, фантастических книжек. Роман издевательски ухмыльнулся самому себе, уловив эту глупую аналогию. Ишь ты, герой книжный нашелся. Хмырь ты, а не герой. Влип как кур в ощип. Он снова задумался и попробовал сделать хоть какие-то выводы из того, чему вынужденно стал свидетелем. Выводы оказались очень неутешительны. Впрочем, это с какой стороны посмотреть. Роман слегка вздохнул и подвел итоги своим размышлениям:

— Первое — я на другой планете, и никто здесь не знает ни о Земле, ни о Станции. Второе — судя по всему, эта планета и есть легендарная прародина дзенн, к которой они давно потеряли дорогу, а я, похоже, ее за-

ново отыскал. Ну, почему именно мне всегда так везет? Вечно в гуще событий...

Юноша хмуро оглядел помещение, куда его поместили дзенны после того, как он потерял сознание. Вот и еще одна радость. Никогда до этого Роман не падал в обморок и всегда хвалился своим хладнокровием. А тут... Как какая-то кисейная барышня.

— Так, продолжим, — поспешно переключился он на другую тему. — Как они там сказали? Я прошел по Дороге Миров...

Помнится, учитель как-то говорил о Дороге Миров, но упоминал о ней вскользь, и это не заинтересовало тогда ученика, о чем теперь он сильно жалел. Однако Роман был не из тех, кто долго жалеет об упущенных возможностях. Жалей не жалей, но время вспять не повернешь — надо исходить из того, что есть. А есть не слишком-то много. Вывод: необходима информация, и лежа в постели ее не получить. Он поспешно встал и натянул одежду. Слегка пошатнулся. Все-таки потрясение еще не до конца прошло. Одно успокаивало — все его раны и ожоги успели затянуться, волосы на затылке отросли и теперь были такими же, как и до пожара. Еще юношу поражали собственные возросшие способности. Роман для пробы небрежно махнул рукой. Казалось, некто уловил мимолетный полет мысли, и все светильники в комнате мгновенно вспыхнули. Роман покачал головой, наблюдая за ровным пламенем. Потом снова махнул рукой — светильники погасли.

— Хм, усложним задачу. — Он завел руки за спину и быстро окинул взглядом светильники — те вспыхнули. — Так, значит, мне не нужно махать руками. Как там говорил учитель? Заклинания и пассы требуются только на начальном этапе, а потом можно обойтись и без них. Похоже, я каким-то образом достиг высшего мас-

терства в этой самой магии. Или экстрасенсорике, черт их там разберет.

Роман, все еще держа руки за спиной, посмотрел на постель. Одеяло вмиг взлетело под потолок, простыня разгладилась, выровнялась, подушка легла ровно. В тот же миг сверху спикировало одеяло и идеально ровно опустилось на кровать.

— Что ты делаешь, человек?!! — неожиданно раздался за спиной звенящий голос смертельно перепуганного дзенна. — Не смей больше...

— Все в порядке, Мортон, — раздался еще один голос, в котором Роман узнал голос фанна. — Все в порядке.

Роман оглянулся. В дверях стоял дзенн с копьем, которое довольно недвусмысленно направлял на землянина. В его верхних глазах застыл ужас и в то же время отчаянная решимость. Было видно, что он готов убить человека, несмотря на все знаки, даже зная судьбу, которая постигнет его в этом случае. И не появись в этот момент фанн, неизвестно, чем бы все закончилось.

Роман смутился. Судя по всему, его проверка своих способностей снова нарушила какие-то запреты. Этого юноша совсем не хотел.

— Прошу прощения, древний, — поклонился Роман. — Я не знал, что нарушаю какое-то табу.

Воин изумленно посмотрел на человека. Потом медленно повернулся к фанну.

— Все в порядке, — повторил тот. — Можешь идти.

Мортон ошарашенно поклонился и поспешно вышел. Фанн прошел в комнату, по дороге разглядывая землянина. Сел в кресло. Роман осторожно опустился в кресло напротив. Так они и сидели некоторое время, разглядывая друг друга.

— Ты не нарушил никаких табу, человек Роман, — заговорил наконец фанн. — Просто есть кое-что, чего

ты не мог знать. Видишь ли, любое использование магии вызывает определенное возмущение в пространстве, которое может быть уловлено другими магами. И чем сильнее магия, тем дальше от источника ее могут ощутить. А у нас есть враги, которые хотят уничтожить наш народ окончательно. Они весьма и весьма внимательно следят за любыми всплесками Силы, очень желая нас обнаружить. Именно по этой причине дзеннам, не прошедшим специальной подготовки по маскировке, запрещено заниматься магией.

Роман некоторое время молчал.

— Уничтожить окончательно? — удивленно спросил он. — Но кто хочет вас уничтожить? И я прошу прощения за магию. Я не знал...

Фанн поднял руку:

— Не надо извинений. Как я уже говорил, все в порядке. Дело в том, что ты магически абсолютно невидим. Такого нет ни в каких хрониках. Согласно всему, чему я учился, — такого быть просто не может. Но, тем не менее, это так. С того момента, как тебя поселили в этой комнате, я не спускал с тебя глаз, но узнал, что ты занимаешься магией, только войдя внутрь. Что же касается твоего первого вопроса...

Фанн вдруг встал и медленно прошел к выходу. Но у самой двери обернулся:

— Я еще не готов ответить на него. И мы тоже хотели бы получить кое-какие ответы от тебя. Приходи сегодня вечером после заката в зал Осознания. Там и поговорим. А до этого воздержись от всех вопросов и поисков. Обещай!

Роман недоуменно пожал плечами:

— Обещаю.

— И не выходи из этой комнаты. Что касается магии, то можешь заниматься ею столько, сколько пожелаешь.

Я предупрежу воинов. — После этих слов фанн покинул дом.

Роман осторожно выглянул из-за двери — у входа замерло двое дзеннов с копьями. Гостеприимство гостеприимством, но, похоже, его не собирались оставлять без присмотра ни на минуту. Это было настолько не похоже на обычное поведение древних, что юноше стало неловко.

«Однако, — тут же подумал он, — если дзенны потеряли связь со своей родиной около трех тысяч лет назад, а здесь они что-то вроде беглецов, за которыми идет охота, то вполне могли деградировать и утратить многие знания».

— Нет, только со мной могло такое случиться... — ошеломленно пробормотал Роман.

Однако делать нечего, придется дожидаться назначенного времени. Дзенны могли деградировать, но вряд ли их привычки изменились слишком сильно. А точность была одним из достоинств этой странной расы.

— Что ж, а мы пока займемся магией. Посмотрим, чему я еще научился.

Роман поднял перед собой руки и быстро задвигал ими, сплетая довольно сложное заклинание, которому в свое время учил его Учитель. Но в то время оно получалось у него не очень-то хорошо. Если же здесь его способности возросли, то... Юноша напрягся, завершая заклинание. Вперед!

Фанн довольно мрачно наблюдал за тинхом, который метался по комнате из угла в угол. Неожиданно тинх резко повернулся к нему:

— Говоришь, ничего не почувствовал?

— Именно, я понял, что человек занимается магией, только когда вошел в комнату.

— А ты наблюдал?

На этот вопрос фанн даже не стал отвечать.

— Что же происходит? — Тинх чуть ли не в отчаянии ухватил нижней парой рук верхние.

— У меня есть кое-какие мысли, но их пока рано высказывать. Я должен все проверить.

— А что ты думаешь о самом человеке?

На этот раз фанн задумался основательно. Потом поднял все четыре глаза на тинха:

— Ничего. Слишком рано делать выводы. Но знаешь... я боюсь. Я очень боюсь. Похоже, пророчество выходит из-под контроля, а это значит...

Что это значит, тинх так и не узнал, поскольку фанн замолчал, и по всему было видно, продолжать не намерен.

— Ладно. — Тинх неожиданно успокоился и направился к выходу. — Сегодня вечером нам все станет ясно. — После чего вышел из дома.

Фанн проводил правителя задумчивым взглядом. Лично он был вовсе не уверен в том, что после разговора с человеком все станет ясно. Однако к предстоящему разговору следовало подготовиться серьезно. Поэтому старик тоже поднялся и направился в библиотеку, которую в свое время удалось спасти беглецам. Тут фанн в который раз пожалел, что не имеет полного доступа к дзе'актан — главному Хранилищу Знаний Ушедшего, которое тот соорудил незадолго перед гибелью их народа, словно предчувствуя свою судьбу. Однако за почти две тысячи лет дзенны забыли многие заклинания, которые позволяли входить туда, и теперь им были доступны только четыре первых уровня.

— А что, если... — Фанн замер, поразившись дерзости своей мысли. — Ведь шар Познания полностью принял человека, а значит... Да нет, невозможно... Но если удастся...

Некоторое время старик продолжал спор сам с собой. Дзенны, видевшие своего верховного мага, стояще-

го посреди улицы и что-то бормочущего себе под нос, почтительно обходили его стороной.

— Колдует, — перешептывались они.

Наконец, словно приняв какое-то решение, фанн отправился к тинху. Решение-то он принял, но без одобрения правителя воплотить его в жизнь не мог.

Как и ожидал Роман, едва начало темнеть, за ним пришли. Он, честно говоря, до сих пор не мог разобраться с тем, почему в этом подземном мире происходит смена дня и ночи. Однако она происходила, и, несмотря на все поиски, никаких следов магии обнаружить не удалось. За это время юноша основательно изучил свои возросшие способности и сильно удивился. Еще не было за всю историю контакта с древними человека, способного на самое малое из того, что сейчас играючи проделывал Роман. В связи с этим появилось еще больше вопросов. По всему выходит, что сейчас он должен получить хотя бы часть ответов.

Романа привели в полутемную комнату, в центре которой стоял небольшой круглый стол с тремя креслами, расставленными на одинаковом расстоянии друг от друга. В центре стола горел небольшой светильник, довольно ярко освещающий кресла. Таким образом, каждый, кто садился в одно из них, мог отчетливо видеть тех, кто садился в другие два. Комната тонула в мягком полумраке.

Землянин быстро разобрался в обстановке и осторожно сел в одно из кресел. Тотчас вошел тинх и опустился во второе. Затем появился и фанн.

— Здесь мы можем поговорить, — негромко сказал он.

Честно говоря, юноше не слишком понравилась обстановка. По его представлению, комнату все же следовало осветить так, чтобы можно было видеть не только

своих собеседников. Здесь же все настраивало на какой-то мистический лад. Будь Роман помоложе, он обязательно бы из озорства сейчас плюхнулся бы на колени и отдался страстной молитве. Представив такую картинку, Роман усмехнулся.

— Тебя что-то рассмешило, человек?

«Узнаю дзеннов, — мысленно усмехнулся юноша. — Человек — словно и не знают, как меня зовут».

— Нет, древний. Просто подумалось кое-что... смешное.

— Понятно. А почему ты называешь нас древними?

— Наш народ так называет ваш. Вы же древнее нас. Вот и прижилось это название среди землян.

Роман заметил, как дзенны переглянулись, словно услышав что-то, что подтверждало их мысли.

— Ты сказал — землян... кто это?

— Ну... земляне — это люди. Я, например. Наша планета называется Земля, значит, ее жители земляне. Вы вот говорили, что живете на Танре, значит, вы... — Роман не удержался и хихикнул, — танряне.

— Понятно, — кивнул тинх. — У вас на Земле обитает только одна раса?

Роман нахмурился.

— Мне сложно ответить, — признал он немного погодя. — Понимаете, насколько я понял, у вас на планете живут несколько разумных рас, полностью различных как по внешнему виду, так и биологически. У нас тоже есть несколько рас, но все они биологически идентичны и внешне очень похожи. Различия небольшие.

Древние опять переглянулись. А потом на Романа посыпались вопросы один за другим. Похоже, древние хотели знать все. О встрече землян с дзеннами, о первом договоре об учебе. Роман рассказал и о недоверии, которое испытали люди при этом предложении. О даль-

нейшем развитии отношений и о том, что это дало Земле. О Станции, где он обучался пять лет.

— Понимаете, встреча с вами полностью изменила кое-какие взгляды людей. Вы действительно многому нас научили.

— Магии тебя тоже обучали?

— Да, — кивнул юноша. — Только мне не нравится слово «магия». Это как-то смахивает на сказку. Я предпочитаю называть это экстрасенсорикой.

— А в чем разница? — поинтересовался фанн.

Роман усмехнулся:

— Вы говорите в точности, как мой Учитель. Он точно так же отреагировал на мое высказывание.

— Расскажи нам о своем Учителе, — попросил тинх.

О, на эту тему Роман мог говорить много. Учитель в свое время произвел на него неизгладимое впечатление. Как подозревал Роман, во многом его успешное обучение и было связано с личностью наставника. Неординарная личность. Недаром он впоследствии стал фанном Станции.

— Мне кажется, ты искренне привязан к своему Учителю, — заметил фанн. Ненадолго задумался, прикрыл верхнюю пару глаз, затем сухо спросил: — А если бы земное руководство велело тебе обратиться против дзеннов, что бы ты сделал?

Роман был настолько ошарашен этим вопросом, что удивленно вытаращился на старика. Его рот против воли приоткрылся.

— Простите, что? — переспросил он, подумав, что ослышался.

Фанн так же сухо повторил вопрос.

Роман помотал головой:

— Простите, я все равно не понял сути вопроса.

Старый дзенн открыл все четыре глаза и в упор уставился на него:

— Что тут непонятного? Допустим, ваше руководство посчитает, что ваши учителя представляют опасность для Земли...

— Руководству придется очень постараться, чтобы доказать свою точку зрения, — оборвал фанна Роман. — Но и это не повод начинать войну. Все-таки, я надеюсь, человечество уже вышло из того возраста, когда на малейший призрак угрозы реагировало силой. Мы неоднократно на этом обжигались. Что же касается вашего вопроса... В руководстве Земли очень много тех, кто в свое время прошел обучение у дзеннов. Конечно, я не могу сказать, что у нас нет экстремистов, идиотов всегда хватает. Но, во-первых, они не у власти и, если не произойдет что-либо из ряда вон выходящее, вряд ли там окажутся. А во-вторых, большинство людей поддерживает союз. Никакие правители не осмелятся пойти против их мнения, если не хотят стать политическими трупами.

Романа не перебивали и выслушали молча. Когда же землянин выдохся и замолк, переглянулись. Его начало раздражать это постоянное переглядывание. Его учителя никогда не позволяли себе исключать собеседника из разговора.

— А Бог?

— Что Бог? — опять удивился Роман. Потом тихонько застонал: — Только не надо опять про враждебность...

— Все же я хотел бы уточнить один вопрос, — упрямо повторил фанн. — Разве ваш Бог не настаивал на обращении неверующих?

— Религиозные войны закончились на Земле где-то лет пятьсот назад. Надо обладать колоссальным неуважением к собственному Богу, чтобы его именем силой обращать неверующих или решать, кому жить, а кому нет. Это может решить только сам Бог, и в посредниках он не нуждается. А если кто-то именем Бога начнет об-

ращать других в свою веру... так это верный способ оттолкнуть людей от этой веры. А теперь я могу задать свои вопросы? У меня их, знаете ли, тоже накопилось множество!

Роман окончательно вышел из себя. Эти дзенны оказались совсем не похожи на тех, с кем он привык общаться на Станции. Любой разговор с древними обычно оставлял у него в душе чувство удовлетворенности, а сейчас он просто устал.

Фанн и тинх снова сыграли в «пойми меня взглядом». Потом фанн повернулся к Роману:

— У меня есть предложение получше, человек. Я отведу тебя к дзе'актан — это хранилище всей мудрости народа дзенн, накопленной за тысячелетия. Там ты сможешь узнать гораздо больше того, что можем сообщить тебе я или тинх. Но предупреждаю, попасть туда нелегко. Очень нелегко. Дзе'актан был запечатан древним магом таким образом, чтобы в него мог попасть только тот, кто достоин скрытых там знаний. Кто достаточно мудр, чтобы распорядиться ими с толком. — Фанн опустил глаза и как-то даже сгорбился. — Сейчас не каждый дзенн может войти в дзе'актан. — Он тактично умолчал о том, что и сам может войти только на верхние уровни. Остальные шесть недоступны.

— Готов ли ты рискнуть, человек? — спросил тинх, словно продолжая слова фанна.

Мудрость дзенн?! Да о таком можно только мечтать! Готов ли он? Готов. Сейчас Роман готов был на что угодно, лишь бы получить ответы на мучившие его вопросы.

— Да!

Фанн встал:

— Хорошо. Завтра утром тебя проводят, человек.

Роман понял, что его просят удалиться. Он тоже встал, вежливо поклонился и вышел.

— Что скажешь, тинх?

— Я в тревоге. Этот человек гораздо сильнее, чем мне казалось раньше.

Фанн невесело усмехнулся.

— Могу тебе еще кое-что сказать. Этот человек даже сильнее, чем я думал. В нем есть сила. Сила, чуждая Тьме. Чуждая, но не враждебная.

— Равновесие?!! — распахнул все четыре глаза тинх.

— Да. Равновесие. Перед нами сидел маг Равновесия. Неудивительно, что его магию нельзя уловить. Эта сила настолько чужда остальным, что никто ее не понимает... Кроме тех, кто сам служит ей. А это значит...

Фанн замолчал. Однако на сей раз тинх не дал ему возможности уклониться от ответа.

— Что это значит? — настойчиво переспросил он.

— Это значит, что в дело вмешалась еще одна сила, и пророчество вышло из-под контроля. Теперь уже ни в чем нельзя быть уверенным.

— Выходит, этот человек опасен?! Опасен для нас?

— Да. Этот человек опасен. И для нас, и для пророчества. Все зависит от того, на чью сторону он встанет. Знаешь, тинх, я как-то читал, что в древности силу Равновесия называли иначе, но ее название было настолько страшно, что его изменили.

— Да? — Тинх недоверчиво посмотрел на фанна.

— Да. Название изменили, но суть от этого не поменялась. — Фанн замолчал. Потом мрачно продолжил: — В древности эту силу называли Справедливостью.

Тинх недоверчиво моргнул.

— Да, тинх, Справедливостью. Магов Равновесия всегда двое. Всегда! При любых раскладах и любых условиях. Один со стороны Тьмы, другой со стороны Света. Они сначала познают эти силы, а потом выносят свое решение. И их решения окончательны. Никакая сила —

ни Свет, ни Тьма — не в состоянии изменить приговор, вынесенный двумя магами Равновесия. Впрочем, этих существ и магами-то назвать трудно, они нечто большее.

— Мы можем убить этого... — с ужасом прохрипел тинх.

Фанн печально посмотрел на него:

— Не можем. Вернее, убить-то можем, но... Ты слышал, что я говорил? Магов двое. Всегда. Если один здесь, то второй сейчас тоже где-то бродит по нашему миру. Эти маги всегда приходят со стороны. Они независимые арбитры. Значит, второй — такой же пришелец, как и этот. И тот, второй, — маг Равновесия со стороны Света. Этот человек, Роман, судя по всему, маг со стороны Тьмы. Если мы его убьем, то пойдем против той силы, которой служили всю жизнь. И в этом случае наш народ обречен. Обречен без всяких «если» и «или».

— И что мы можем сделать? — хрипло спросил тинх.

— Только научить этого человека всему, чему он захочет научиться. И дать ему знание мира. Справедливость на нашей стороне. Мы пострадали от предательства.

Тинх промолчал. В отличие от фанна, он не был ослеплен верой в пророчество и понимал, что возвращение Ушедшего в современный мир может быть вовсе не справедливым, а значит, все не так однозначно. Просто раньше он, размышляя о спасении своего народа, предпочитал не думать о том, чем это может обернуться для остальных. Правитель тяжело вздохнул. Мир зашатался под ногами у народа дзенн-анн-в'иннал как раз в тот момент, когда они уверились, что вскоре грядет спасение. Похоже, свое право на существование придется отстаивать в жестокой борьбе. Борьбе, где копья, мечи и даже магия не будут иметь никакого значения. В этой борьбе цену будет иметь только вера — вера в справедливость и свою правоту.

* * *

Одинокая девушка, бредущая по раскаленной пустыне, привела бы в изумление любого человека, встретившегося ей на пути. Только никто и никогда не ходил по этим местам — безводной пустыне Смерти между Корградом, Оринградом и границей Ландзада. Елена сама не сознавала, куда идет и зачем, ни мыслей, ни желаний у нее не осталось. Раскаленный песок и палящее солнце, казалось, не причиняли девушке никакого неудобства. А затем пришла темнота...

Следующее воспоминание — льющаяся на голову холодная вода и озадаченное лицо какого-то мужчины над ней. И снова темнота.

Новое пробуждение. Елена долго пыталась понять, где находится. Как будто пещера. Интересно, как она сюда попала?

— Очнулась? — В пещеру заглянул тот самый человек, которого она видела в предыдущее пробуждение. — Ну и напугала ты меня, девочка. Как ты вообще там оказалась? Если бы я случайно не заметил тебя...

Елена не ответила и отвернулась. Незнакомец задумчиво хмыкнул:

— Не хочешь говорить — не надо. На вот, поешь. Два дня лежала без сознания.

— Зачем вы меня спасли? — глухо спросила она.

— Гм-м-м... А что? Надо было бросить умирать в пустыне?

— Это лучше, чем...

Незнакомец подошел к ее лежанке из веток и опустился на корточки:

— Ты так думаешь? А я вот не могу так... наверно, потому и оказался здесь в одиночестве.

Елена обернулась и посмотрела на него более внимательно:

— Почему?

— Ну... Как-то нехорошо получается. Ты меня выспрашиваешь, а сама ничего не говоришь. Давай так: я рассказываю о себе, а ты о себе. Только честно и без утайки. Договорились?

Девушка понимала, что незнакомцу не столько интересна ее история, хотя и это тоже, сколько он хочет ее разговорить. Заставить выйти из смертельной апатии. Как врач, Елена и сама знала, что долго так не протянет, если что-то не сделает. Только вот делать это что-то не было ни сил, ни желания. Мужчина тем временем едва ли не силой усадил девушку и сунул ей в руку кусок еще горячего мяса:

— Вот. Пока я рассказываю, поешь.

Елена машинально попробовала. И так же машинально стала жевать. Незнакомец на миг задумался:

— С чего бы начать... Мое имя Аскольд. Когда-то я был счастливым человеком, искренне верующим в благие дела Святой Матери-Церкви, и с раннего детства мечтал бороться за победу веры. — Елена вздрогнула, но увлеченный воспоминаниями Аскольд этого не заметил. — Усиленные тренировки и уроки у бывшего меченосца, который жил в нашей деревне. Ему в бою отрубили руку. Воин выжил, но... сама понимаешь. Списали, выделив от щедрот корпуса паладинов содержание... достаточное, чтобы не умереть с голоду. Он и давал мне первые уроки. Меч, копье, вольтижировка... Потом уже учеба в казарме. Действительность оказалась немного другой, чем я ожидал. Я учился воевать с врагами веры, а не с беззащитными крестьянами. Я воин, а не палач! И я был слишком молод и наивен, чтобы иметь глупость заявить такое своему командиру. После чего и начались неприятности. С трудом ушел от ищеек Инквизиции. Но в Фалноре трудно скрыться тому, кто объявлен еретиком. Так я и оказался здесь... — Аскольд вдруг закашлялся. — А ты?

Елена промолчала. Некоторое время разглядывала свод пещеры. Потом пристально изучила собеседника. Тот явно чувствовал себя неловко под этим взглядом, хоть и не понимал почему.

— Вы умираете, — вдруг заявила она.

Апатия по-прежнему владела девушкой, но Елена прежде всего была врачом. И сейчас ей оказалось достаточно одного взгляда, чтобы определить и болезнь, и степень ее запущенности. — Вам нужен хороший лекарь.

Аскольд нервно рассмеялся:

— С чего ты так решила, девица? И если даже и так, где тут возьмешь лекаря?

— Где мои сумки?

Он на миг замер, о чем-то размышляя. Но заметив, что девушка явно оживилась, принес из угла рюкзак. Елена отложила недоеденный кусок мяса и с трудом поднялась. Ее пошатывало. Нет, так не годится. Она закрыла глаза и мысленно потянулась к Солнцу, которое ощущалось где-то там, за сводами пещеры. К Солнцу, к свежему воздуху. Потянулась, начав впитывать энергию. Этого, конечно, недостаточно для полного восстановления, но шатать перестало.

Елена шагнула к мужчине и толкнула его в грудь:

— Ложитесь. — Что-то во взгляде девушки заставило Аскольда проглотить все возражения и покориться. Она нашла свою сумку с медицинскими инструментами, с которыми никогда не расставалась. — Рубашку снимите.

Пока она возилась, раскладывая все перед собой, Аскольд обнажился по пояс. Елена потерла руки друг об друга. Вокруг них на мгновение возникло синее сияние.

— Дезинфекция, — пробормотала девушка. — Теперь инструменты... Так.

Аскольд с интересом наблюдал, как она извлекла

диск из непонятного материала и положила ему на грудь, прижала рукой и чуть прикрыла глаза, к чему-то прислушиваясь. Покачала головой. Легонько постучала сложенными пальцами по диску.

— Очень запущено, — заметила она. — Лучше всего сделать операцию. И чем раньше, тем лучше. Вам надо очистить бронхи. Каждый день промедления только ухудшает ситуацию.

— Эй, подожди... Уж не хочешь ли ты...

— Хочу! — перебила его Елена. — Больно не будет.

Аскольд внимательно смотрел на девушку и не узнавал ее. Непонятно, куда подевались апатия и обреченность. Решительный взгляд, ни тени колебаний.

— Конечно, — немного нервно отозвался Аскольд. — Больно точно не будет. Ты в благодарность за спасение хочешь меня зарезать?

Девушка взглянула на него как на маленького и упрямого ребенка:

— Послушайте, господин Аскольд. У вас очень серьезная болезнь. Если ее не лечить, вы проживете еще максимум месяц. Возможно, у меня и не получится вас спасти, хотя вероятность этого невелика. В любом случае, вы теряете только этот месяц. Зато если все пройдет успешно... Решайте.

Аскольд, честно говоря, даже растерялся. Он еще раз взглянул в решительные глаза девушки и вздохнул. Шарлатан она, вообразивший себя великим лекарем, или нет, но его болезнь вывела ее из апатии. Лечение... Возможно, оно поможет бедняжке окончательно победить себя. Он не все рассказал девушке, имени которой не знал. Не сразу он ушел из паладинов. Он боролся и убеждал себя, что рейды по деревням еретиков и правда необходимы. Верил до того дня, когда в одной деревне, нанося удар по сражавшемуся с ним мужчине, зарубил девушку, ровесницу этой вот лекарки, которая непонят-

но как сумела опередить роковой удар и заслонить собой отца... Еретики? Может быть. Но Аскольд не забыл сказки, которые в детстве рассказывала ему мама. Он мог оценить благородство и силу... и самопожертвование. Не могли погрязшие в грехе люди жертвовать собой даже ради близких. Этот случай потряс всю его веру до основания, заставив усомниться в чистоте помыслов Церкви, благословляющей такие рейды. И когда он убегал от ищеек, то поклялся себе, что посвятит жизнь искуплению совершенных убийств. Даже если ради того придется пожертвовать этой самой жизнью.

Возможно, эта девушка только воображает себя лекарем. Да, скорее всего, так оно и есть — слишком молода. Не похоже, чтобы училась в университете. Но раз его болезнь помогла вернуть ей любовь к жизни... заставила бороться... Что ж, пора исполнить давнюю клятву.

— Ты только не огорчайся, если что пойдет не так, — усмехнулся он. — Я свое отжил...

Елена кивнула.

— Не спешите хоронить себя, — буркнула она.

Потом достала несколько бутылочек с какими-то настойками. Что-то намешала и заставила все это выпить. Аскольд вдруг почувствовал себя необычайно легким, словно он парил над ложем из веток. Голова была как в тумане. Он попытался улыбнуться, но не смог даже пошевелиться. Вот, значит, какое лечение? Яд. Что ж, может, оно и правильно. Чем мучиться от болезни...

Девушка как будто перестала обращать на больного внимание. Она раскладывала перед собой какие-то иглы, ножи, трубочки. Вот она чем-то полила на грудь и старательно ее растерла. Что-то вспыхнуло над головой Аскольда и ярко осветило всю пещеру. Он хотел повернуть голову и посмотреть, что это такое, но опять не получилось. Девушка довольно кивнула, достала скальпель и склонилась над ним. Что она там делала, Аскольд

не видел. Подозревал, что резала тем самым скальпелем, что он успел заметить у нее в руке, но боли, как ни странно, не было. Потом что-то воткнула в разрез и принялась старательно качать небольшой насос, что-то выкачивая из разреза. Иногда она прерывалась и вытирала тыльной стороной ладони лоб, после чего следовала уже знакомая синяя вспышка, и девушка снова возвращалась к лечению. Вот она отложила насос, взяла небольшую железную лопаточку на длинной ручке, зачерпнула ею мазь из баночки и старательно стала что-то мазать. У Аскольда создалось впечатление, что мазали ему чуть ли не в легких, хотя боли он по-прежнему не чувствовал.

Вот девушка отложила инструменты, положила ему руку на грудь и прикрыла глаза. После этого от руки последовали частые вспышки синего цвета. Затем лекарка оторвала от груди больного руку, что-то изучила и повторила процедуру. И так несколько раз. Пот с нее катился градом, и вытираться девушка уже не успевала. Только сердито трясла головой. Затем взяла клубок ниток, иголку и снова склонилась над Аскольдом.

«Штопают, как старый носок...» — подумалось ему почему-то.

Тем временем девушка уже закончила «штопать» и теперь опять чем-то поливала грудь. Потом намазала густой, грязно-серой вонючей мазью, закрыла все ослепительно белой тряпкой и устало откинулась к стене.

— Все, — сообщила она. — В рубашке ты родился, господин Аскольд. Месяц я тебе очень оптимистично дала. Гной почти проник в легкие. Еще день-два — и все. Сейчас я там все почистила. Воспаление тоже сняла. А дальше — обязательная ингаляция два раза в день, настойки... впрочем, все равно тебе ничего не скажут названия. И еще придется кое-что попить. Горько будет, предупреждаю сразу. Да, когда сможешь двигаться, ради

бога, не трогай повязку на груди. Если занесешь туда грязь и умрешь от заражения крови — я тебе этого не прощу! Зря, что ли, почти три часа с тобой тут мучилась?!

Яркий свет вдруг погас. От резкого изменения освещения Аскольду показалось, что он оказался в кромешной темноте. А затем совершенно неожиданно для себя уснул.

Когда он проснулся, то обнаружил мирно сопящую рядом девушку. Свернувшуюся калачиком. Он покосился на нее, потом на себя, заботливо укрытого шерстяным плащом. Хмыкнул, сдернул плащ и укрыл ее. Та во сне улыбнулась чему-то. Аскольд изучил старательно перебинтованную грудь. Побаливает, хотя не так, как обычно. Он поморщился. Попытался встать и чуть не застонал. Обессиленно откинулся на лежанке. Однако и этого тихого звука оказалось достаточно, чтобы девушка проснулась. Мигом сообразив в чем дело, она тут же принялась действовать. Снова укутала Аскольда в плащ, заставила его лечь, после чего несколько секунд водила рукой над его грудью.

— Нормально, — констатировала она. — А что болит, так оно и понятно. Я же тебе там все чистила. Организм реагирует на раздражение. Так что рано тебе еще вставать. Дня два точно проваляться придется. И даже не пикай! — резко оборвала она, заметив, что Аскольд хочет что-то сказать.

— Как тебя хоть зовут, лекарь? — усмехнулся Аскольд.

Девушка нахмурилась:

— Отец называл Еленой.

Почему называл, хотел было спросить Аскольд, но, к счастью, воздержался, сообразив, что это может значить.

— Понятно.

— Где у тебя еда? Надо что-нибудь сготовить. Нам обоим не помешает подкрепиться.

Услышав ответ, Елена решительно закопалась в припасы, выбрала нужное и вышла из пещеры. Вернулась она с котелком, полным бульона. Аскольд даже рот от удивления раскрыл. Он и не думал, что такое можно сварить из его более чем скромных припасов. В последнее время ему стало совсем худо, и воин не мог охотиться как раньше.

Следующие три дня походили один на другой. Елена, решительно прерывая все попытки Аскольда встать, готовила, что могла. Потом кормила больного. Два раза в день заставляла его дышать над кипящим отваром и пить какую-то жуткую гадость. Перевязка и осмотр шва. Снова намазать его и перебинтовать. Каждый раз, наблюдая за суетящейся вокруг него девушкой, Аскольд не мог скрыть улыбки, чем постоянно злил Елену. На второй день, когда боль в груди усилилась, она рассказала свою историю.

— От этого я и сбежал, — заметил воин в ответ, после чего надолго замолчал.

На четвертый день он впервые вышел из пещеры и сидел в тени, наблюдая, как девушка хлопочет у костра. Вот она о чем-то задумалась. Взглянула на Аскольда:

— Ты говорил, что умеешь сражаться... Научи меня.

Просьба так озадачила бывшего паладина, что он даже растерялся:

— Научить? Девочка, да ты же врач! Врач от бога, каких еще поискать! Ты должна спасать других... — Аскольд осекся, увидев невыразимую боль в глазах девушки.

— Мое умение лечить не защитило ни отца, ни мать.

— А как же магия? — Елена вздрогнула. — Хм... Думаешь, я не понял, что ты применяла магию, когда лечила меня?

— И?..

— Что? Как я к этому отношусь? Не мне жаловаться, — усмехнулся воин. — И я давно уже не паладин. На многое теперь смотрю иначе. Видел и церковников, по которым давно ад плачет, и магов, которые, рискуя собой, спасали других людей.

— Магия... — Елена глянула на небо. — Я хочу научиться защищаться без магии. Ее не всегда применить можно.

Аскольд нахмурился. Он чувствовал, что еще миг, и девушка снова рухнет в бездну отчаяния. Пока он нуждался в ее заботе, она боролась. Но бывший паладин пошел на поправку, и все чаще в глазах Елены появлялась прежняя боль. Воин решительно кивнул:

— Хорошо. Только, чур, не пищать!

Елена задохнулась от ярости, услышав такое. Аскольд одобрительно кивнул:

— Вот! Молодец. А к тренировкам приступим сразу после еды... очень уж вкусно пахнет.

Очнувшись, девушка покосилась на котелок, охнула и поспешно сняла его с огня.

С этого дня для нее началась совсем иная жизнь...

9

Роман раздраженно потыкал пальцем во входную мембрану, но тут же взял себя в руки и незаметно глянул на фанна и тинха, наблюдавших за ним, но ничего на их невозмутимых лицах прочитать не смог. Вздохнул:

— Значит, уже двести лет дзе'актан не пускает вас на глубокие уровни?

Тинх и фанн синхронно кивнули.

— Не понимаю. Как такое возможно?

— Замкнутое сообщество, человек. Деградация. Ты должен знать.

— Но ведь можно на уровне генной инженерии... впрочем, что я говорю, ваш народ знает... даже тогда знал больше нашего.

— Знал, человек. Знал. Так ты твердо решил? Ты действительно хочешь узнать все?

— Мы уже говорили об этом! — Роман снова раздраженно ткнул пальцем в мембрану.

— Правда может оказаться неприятной для тебя.

— Но она будет правдой?

Дзенны проигнорировали вопрос.

— Так на какой уровень, говорите, вы можете войти сейчас?

— На четвертый.

Роман покачал головой. Двести лет назад, как ему говорили, они могли попасть на пятый. А сейчас только на четвертый.

— Я попробую.

— Тогда я открываю дзе'актан. — Фанн прошел вперед и осторожно коснулся мембраны. Внутри что-то мелодично звякнуло.

10

Роман несмело вошел внутрь. На Станции он привык с некоторым пиететом относиться ко всему, что связано с хранилищем Знаний, но тут... Для начала ему сложно было представить, что местные дзенны и те, с которыми вступили в контакт земляне, один и тот же народ. Ну, никак не поворачивался у него язык назвать этих дзеннов — мудрыми. Но также юноша понимал, что всему виной какая-то катастрофа, случившаяся несколько тысяч лет назад. Только какая? За те два дня, что он жил в подземном городе, дзенны так ничего ему и не рассказали.

— Все узнаешь, когда спустишься в хранилище, — неизменно отвечал фанн и при этом тяжело вздыхал.

Тинх хмурился и, когда считал, что человек его не видит, как-то оценивающе оглядывал его. Если бы Роман не считал саму мысль о таком абсурдной для дзеннов, то решил бы, что его интерес — гастрономический... Тогда же ему объяснили, что они сами уже не могут погружаться в хранилище глубже четвертого уровня. А ведь Роман ходил на четвертый всего после двух лет обучения на Станции! Что ж, сейчас самое время проверить, насколько он в этом силен. И узнать, что же все-таки здесь происходит!!!

Роман еле сдержал нетерпение, чтобы тут же не ухнуть с головой в неизведанное. Помнил, что хранилище не терпит торопыг и непочтительных.

Дверь медленно закрылась, отрезая человека от внешнего мира.

Юноша неторопливо спустился к стойке и осторожно сел в кресло. Неудобно, конечно, все-таки оно не на человека рассчитано, но ничего... терпимо. Итак... Роман закрыл глаза, положил руки на подлокотники и словно в глубокий колодец ухнул. Вокруг разлился яркий, но совершенно не ослепляющий свет. Роман задумчиво хмыкнул. Его всегда забавлял этот момент — дзенны служат Тьме, а тут кругом все так сияет. Когда юноша рассказал о причине своего веселья Учителю — тот остался недоволен... Конечно, силы — это ведь не банальное светло/темно, но Роман ничего не мог с собой поделать, и этот момент продолжал его забавлять.

— Так, ладно, пора за работу. Для начала первый уровень и история Танра.

Шаг за шагом Роман погружался в историю мира и народа дзенн-анн-в'иннал в частности. Многое для него оказалось новым. На Станции он, конечно, изучал историю древнего народа, но там были неполные данные. Древние действительно многое потеряли после разрыва связи с родиной, о чем Учитель всегда говорил с го-

речью. Сейчас Роман стоял у гигантской сокровищницы и хорошо осознавал, что даже просмотреть все эти данные не сумеет, не говоря уже о том, чтобы усвоить. Слишком еще несовершенен человек. Юноша готов был отдать что угодно, даже обе руки, чтобы здесь оказался Учитель. Как он порадовался бы возвращению утерянного... А то, что это и есть утерянная сокровищница знаний, Роман не сомневался с того момента, как погрузился в нее. Он даже растерялся в первое мгновение и едва не утонул в потоке информации. С огромным трудом удалось взять себя в руки и начать хоть как-то сортировать данные.

— Как мальчишка! — буркнул недовольный собой юноша, огромным усилием воли остановив поток и вытирая пот. — Дорвался, называется.

Теперь он действовал осторожней, и архив как будто начал помогать ему. Роман улыбнулся. Ну вот, теперь больше похоже на дзе'актан. Почти живой. Уловив дружелюбный посыл, юноша принялся за дело уже смелее. Задавал вопросы, спрашивал, погружался в разные слои и выныривал из них, когда чувствовал, что начинает терять связь с реальностью. Время, сама Вселенная в этот миг перестали для него существовать. История незнакомого мира постепенно раскрывалась перед взором. Могучие драконы, мудрые дзенны, величественные эльфы. Зарождение жизни и трех народов на Танре. Разделение сил и познание, заключение договоров... все это проходило перед ним. Росли города, множились знания и умения. Роман только поражался, насколько гармонично развивались взаимоотношения трех рас. Для человека такое вообще непонятно. Возникало ощущение, что они просто не способны конфликтовать, ссориться, воевать. Две силы и третья. Свет, Тьма и Равновесие. Теперь юноша начал если не понимать, то приблизился к пониманию того, о чем говорил Учитель. Да, он был

полностью прав — после разрыва контактов с родиной гармония без двух других рас стала для дзеннов просто невозможна. И тем величественней был подвиг тех, кто нашел в себе силы и сумел преодолеть раскол. Но почему все это произошло? В чем причина?

Роман ускорил восприятие. Пусть сейчас он упустит детали — потом наверстает, если что-нибудь потребуется уточнить. А пока вперед, сквозь годы, века, тысячелетия. Первый выход в космос — совместный проект дзеннов и драконов. Но последние быстро потеряли интерес к космическим исследованиям. Почему-то посчитали такое вторжение нарушением Равновесия. Споры с эльфами и продолжение экспансии. Решение эльфов идти другой дорогой и попытка исследований космоса с помощью магии. Открытие Дороги Миров, когда корабли дзеннов уже основывали колонии в других звездных системах. Интересно, конечно, однако причина катастрофы все так же непонятна. А значит, дальше, дальше, дальше. Быстрее. Века сливаются в минуты. Стоп!!!

Роман словно на стену налетел. Открытие Дороги Миров для других рас? Да кому это в голову взбрело?! Внести в столь неустойчиво-равновесную систему неизвестную величину? Юноша попытался просчитать возможные последствия и утонул в противоречивых выводах. Хотя, что гадать, лучше пройти дальше и посмотреть, чем все закончилось. Правда, с учетом того, что связь с миром Танр прервалась, ничего хорошего из эксперимента не вышло.

Итак, орки, дварфы, грифоны, сатиры, гномы и... люди??? Роман едва не потерял связь с хранилищем от потрясения. Еще больший шок он испытал, когда понял, что люди по Дороге Миров попали на Танр из разных времен. Своеобразная машина времени, чтоб ей провалиться! И, похоже, сами создатели плохо представляли себе, как она работает. Иначе не стали бы проводить та-

ких экспериментов. А уж вносить в это уравнение столь случайную величину, как люди?.. Роман не знал, что вышло бы, даже если бы на Танр попали его современники, а уж его древние предки из времен, которые называют Темными веками даже на Земле... Для дзеннов, эльфов и драконов встреча с ними должна была оказаться настоящим шоком.

Не оказалась. Кажется, никто даже не понял, чем все это чревато...

Рассказ о Катастрофе Роман просмотрел подробно, не прерываясь, основательно экранировав чувства, чтобы не воздействовать на Хранилище. Так же молча выслушал пророчество Трех и легенду о нем. И только потом прервался, но долго еще сидел в кресле, осмысливая полученную информацию. Надо бы выйти, неизвестно, сколько времени прошло во внешнем мире — Роман полностью потерял контроль. Но он чувствовал, что просто не сможет сейчас встать. Но надо. Надо... Иначе могут быть неприятные последствия.

Усилием воли прогнав усталость, Роман встал и шатающейся походкой направился к выходу. Бросившиеся навстречу тинх с фанном взглянули ему в глаза и отшатнулись.

«Интересно, что они во мне увидели? — мысленно удивился Роман. — Явно ничего хорошего».

Не обращая на них внимания, он прошел в выделенную комнату. Изредка попадающиеся ему на пути дзенны спешили убраться с дороги.

— В зеркало взглянуть, что ли?.. — пробормотал юноша, но едва оказавшись в комнате, повалился на кровать и сразу уснул.

Все следующие дни Роман практически не вылезал из дзе'актан. Просматривал кое-какие события подробно, в такие моменты юноша благословлял дотошность

древних, которые собирали и записывали даже незначительные мелочи. Благодаря этому в истории Танра практически не осталось белых пятен... правда, только до Катастрофы, после нее оставшимся в живых было уже не до сбора данных, хотя кое-что и записывалось.

Роман прошел мимо, как обычно, ожидавших его тинха и фанна. Обычно и привычно. Те терпеливо ждали, он, стараясь не встречаться с ними глазами, нырял в хранилище и снова погружался в древние знания. Записывал, анализировал, собирал крупицы, выдергивая их из разных каталогов. Потом возвращался в свою комнату, наскоро ел то, что приносили дзенн, и ложился спать. И снова мелькание событий, изучение заклинаний, теория действующих сил... С дотошностью не хуже, чем у древних, он пытался составить цельную картину мира, понять скрытые причины, приведшие к известным событиям. Почти три недели... Сейчас Роман готов был спорить, что знает историю Катастрофы лучше, чем кто бы то ни было на Танре. Ведь если верить фанну, сейчас ни один дзенн не способен попасть в Хранилище глубже четвертого уровня. А он погружался уже на девятый. И очень много данных почерпнул именно оттуда.

Что ж, пора подбивать итоги. Роман вышел из погружения и откинулся на спинку кресла. Все, что можно было узнать, он узнал. Картина событий составлена. Конечно, постичь все знания мудрой расы за столь малое время невозможно, но на это, в любом случае, не хватит и жизни. Зато юноша узнал многое о магии, заклинаниях и действующих силах. С его внезапно возросшими способностями эти знания оказались очень даже кстати.

— Ты сегодня рано, человек.

Роман взглянул на тинха и вздохнул:

— Я узнал все, что меня интересовало. Дальше можно уже не торопиться.

— Теперь ты понимаешь нас, человек?

— Пожалуй.

— Пожалуй?! — сердито выдохнул подошедший фанн.

— Если вы создаете чудовище, которое потом откусывает вам голову, кто будет виноват в этом — вы или чудовище? — Юноша сейчас спорить не собирался, но все-таки не выдержал. К счастью, вмешался тинх:

— Сейчас не время и не место для таких разговоров. Нашему гостю следует отдохнуть. Потом он, безусловно, поделится с нами своими выводами. Будет полезно выслушать мнение стороннего наблюдателя... — Тинх вдруг осекся, словно сказал нечто важное. Потом тряхнул головой. — Да.

— Со стороны?! — прошипел фанн, когда человек ушел.

Тинх медленно кивнул:

— Да, мой друг. — Он немного помолчал. — Кажется, я начал понимать Равновесие. Это именно взгляд со стороны, взгляд независимого наблюдателя, способного подняться над проблемой и посмотреть на нее без эмоций.

— Он человек!!!

— Он маг Равновесия. А раз так, уже неважно, к какой расе он принадлежит. Вспомни второе название этой силы!

— Справедливость на нашей стороне!

Тинх грустно вздохнул — об этом говорилось уже не раз.

Роман появился в комнате отдыха через пятнадцать минут, в задумчивости налетев на дерево, росшее чуть в стороне от входа. Небольшого размера и непонятного вида, оно всегда интересовало землянина, но только не в этот раз. Почесав лоб, он поморщился и плюхнулся в кресло.

— Вы что-то говорили про созданное чудовище? —

вежливо поинтересовался тинх, когда Роман так и не заговорил.

— И вообще, мы имели в виду то, что сделали с нашим народом люди.

Роман вздрогнул и посмотрел на двоих дзеннов, сидящих напротив. Вздохнул.

— Да уж. Я до сих пор в шоке. Потому и хотел во всем досконально разобраться. Честно говоря, мне совершенно непонятно, за каким... простите, зачем эти ваши остроухие друзья притащили на родную планету разумных других рас?

— Хороший вопрос, — буркнул фанн.

Роман неодобрительно взглянул на него:

— А еще мне непонятно, почему столь мудрый народ, как ваш, даже не попытался понять это. Почему вы самоустранились от событий, почему не подняли вопрос на Совете? Почему не попытались разобраться с теми, кто появился на планете?

— Разобраться как? В стиле людей?

Роман вскочил с места и всплеснул руками:

— Ну, знаете ли! Вы вырвали совершенно чуждые вам расы из привычных мест обитания, перетащили их на вашу планету, бросили их тут, а потом хотите от них адекватного поведения!

— Во-первых, не мы притащили...

— Не вы. Но уже после первого случая надо было поднять шум, отыскать этих долбаных экспериментаторов и надавать им по шее! Вместо этого вы никак не отреагировали. Вообще никак!

— С другими расами, в отличие от людей, не было никаких проблем.

— Да, уважаемый фанн. Да. Я признаю, что люди более воинственны по сравнению с другими народами, но, черт возьми, где же были ваши психологи?! Почему с каждой прибывшей расой не работали? Почему их не

изучали? Почему не проверили на предмет возможной угрозы?

— Ты обвиняешь нас, словно мы виноваты в случившемся, — буркнул тинх.

— Если кто-то поселит у себя дома совершенно незнакомых существ, найденных на другой планете, бросит их, совершенно не интересуясь, чем и как они живут, то кто будет виноват в том, что однажды одно из существ откусит владельцу голову?

— Но... мы пытались их учить...

Роман жестом остановил тинха. Вся его почтительность к мудрой расе испарилась. Эти дзенны — вовсе не те, что были на Станции, не его учителя. Они по поведению мало отличались от людей... лет эдак триста назад. Поэтому Хранилище Знаний и не пускало их глубже четвертого уровня. Древние все свои вещи делали полуразумными, подстраивающимися под того, кто с ними работает. Хранилище чувствовало, что новые дзенны не способны получить доступ глубже, вот и не пускало их туда. Ради их же собственного блага. Спички детям не игрушка. Именно эта земная пословица в данном случае годилась лучше всего.

— Все эти расы по меркам развитых цивилизаций были еще очень молоды... — Роман поднялся и прошелся по комнате. — Знаете, когда мы, то есть люди, освоили дальние полеты к звездам, мы открыли несколько планет с разумной жизнью. Четыре, если быть точным. Все они стояли на разном уровне, но нашего еще не достигли. Дзенны оказались первой расой, которая превосходила нас.

Фанн и тинх переглянулись, но Роман сделал вид, что не заметил их немого разговора.

— Но это сейчас неважно. Так вот. Наши ученые наблюдали за этими цивилизациями, строили математические модели. Изучали. Анализировали. И вот однажды

мы тоже решили помочь. Больно было видеть, как разумные умирают от болезней, которые можно вылечить приемом одной таблетки. Как убивают друг друга в сражениях, как погибают от голода из-за плохих ирригационных систем. Многие были против вмешательства. Многие за. Сошлись на компромиссе, и на одну из планет, самую отсталую, направили экспедицию ученых-добровольцев, которая должна была научить аборигенов по-новому работать на полях, чтобы те давали больше урожая, научить делать лекарства из трав. Думаю, вы понимаете. Вы ведь тоже пытались учить пришедшие расы.

— И чем все закончилось? — против воли заинтересовался тинх.

— В лагере ученых была неплохая защита. Силовые поля, сигнализация. Аборигены приходили к ним, учились. А потом, когда сообразили, что защита не идеальна, — напали на лагерь и убили всех. Экспедиция погибла в полном составе.

Роман прошел к креслу и сел. Фанн и тинх ошарашенно молчали.

— После этого случая, — продолжил юноша, не дождавшись ответа, — Советом Земли был наложен официальный запрет на любую прогрессорскую деятельность среди отсталых народов. Каждый должен идти своей дорогой. Со своими ошибками, победами и поражениями. А когда они осознают ценность знаний — они сами придут. Там, в космосе, ведь не дзенны пришли к нам, а мы к ним. Не они тащили нас, а мы попросили научить нас. Да, они предложили сами, но только потому, что мы уже были способны взять то, что нам предложили.

Роман поднялся и направился к выходу, так и не дождавшись ответа. Но у выхода обернулся:

— Я не снимаю ответственности с людей. И понимаю вас, лишившихся всего. Также понимаю вашу нена-

вись и недоверие ко мне. Я еще не со всем разобрался, но намерен это сделать. Особенно меня заинтересовало одно пророчество, которое, судя по всему, начинает сбываться. — Роман вдруг усмехнулся и мотнул головой. — Вот блин, сказал бы кому на Земле, за сумасшедшего бы приняли. Пророчество, битва Света и Тьмы... Интересно, с какого бока тут я? И ведь не случайно здесь оказался, точно. — И уже обращаясь к дзеннам: — Как я уже говорил, я не снимаю ответственности с людей, но прежде хочу разобраться во всем. Понять, что же на самом деле произошло. Зачем эльфы притащили на Танр столько рас? Хотя на этот вопрос я, кажется, знаю ответ. Но его еще надо проверить. Давайте продолжим разговор завтра?

Только спустя некоторое время после того, как за Романом закрылась дверь, тинх поднялся.

— Тебе нечего ответить на его обвинения? — обернулся он к фанну. — Все еще уверен, что справедливость на нашей стороне?

— Я боюсь того, что он скажет завтра. Но и жду этого.

Однако на следующий день поговорить не удалось, поскольку Роман совершенно случайно наткнулся в Хранилище на данные, которые его настолько заинтересовали, что он не вылезал наружу почти два дня, подобно археологу, по крупицам восстанавливая целостную картину. В коротком разговоре с дзеннами юноша попросил пока его не беспокоить и снова углубился в архив.

На третий день он устало откинулся на кресле:

— Вот, значит, как все было. Зараза! Никогда бы не подумал. Экспериментаторы хреновы, прости Господи!

Роман вскочил и от избытка чувств хорошенько пнул стену. Тут же взвыл, схватившись за ушибленную ступню, и запрыгал на одной ноге. Успокоился и снова плюх-

нулся в кресло. Устало прикрыл глаза и помассировал виски.

— Ну, и что мне теперь делать? — вопросил он в пустоту.

Фанн и тинх ожидали у входа в комнату отдыха. Увидев Романа, они шагнули вперед, но тут тинх что-то увидел в глазах человека и отшатнулся. Юноша поморщился и прошел внутрь. Сел и опустил веки. Он не видел дзеннов, но готов был поклясться, что те стоят напротив.

— Знаете, ваша планета уникальна в галактике. По крайней мере, если оперировать известными нам фактами. Когда я обучался на Станции, то получил доступ к архивам вашего народа, который вел исследования космоса намного дольше нас. Но ни мы, ни они так и не встретили расу, равную по техническому развитию. В основном все найденные нами цивилизации находились на очень низком уровне. В любом случае, ни о каком контакте речи быть не могло. Мы предприняли единственную попытку, о результате которой я вам уже говорил.

— К чему ты... вы... клоните?

Роман открыл глаза и устало посмотрел на тинха:

— Давайте уж на «ты». После всего происшедшего все эти дипломатические вежливости...

— Я понял. — Тинх всплеснул всеми четырьмя руками. — Но я не понимаю, какое отношение к нам имеют твои рассказы об исследовании космоса и других цивилизаций?

— А такое. Больше нигде нет планеты, которую населяли бы три совершенно разные разумные расы, живущие в симбиозе.

Тинх изобразил движение, которого Роман не по-

нял. Только через несколько секунд до него дошло, что тот попытался скопировать человеческое пожатие плечами, но из-за другой анатомии у него это не слишком-то получилось.

— Ну и что?

— А то, что ваш симбиоз и в самом деле уникален! Благодаря ему ваша цивилизация и развивалась столь удивительным образом. Не удивлюсь, если она единственная такая в галактике.

— Комплимент? — сухо поинтересовался фанн.

— Констатация факта. Просто вы еще не поняли, что все ваши сегодняшние беды происходят именно из вашей уникальности.

— Что?! — Фанн даже наклонился вперед. — Ты хочешь сказать, что понял причину происшедшего?

— Да. Я, конечно, не могу быть уверенным абсолютно, но, похоже, моя догадка верна. Дело в том, что я наткнулся на кое-какие документы в вашем Хранилище. Понимаете, уникальность вашей цивилизации не могла не броситься в глаза вашим исследователям, начавшим изучать космос. Обсуждению этого посвящено много записей с заседаний совета.

— Вполне возможно, — признал тинх.

— Но меня заинтересовало не это. Мне повезло. Я случайно наткнулся на одно из заседаний, где выступал эльф... Эльдариор, если я правильно помню имя. Он высказал предположение, что другим народам не нужны симбиотические отношения, поскольку они способны одновременно служить разным силам. Для вас такая идея показалась кощунственной... Насколько я понял, тот совет закончился ничем. Стороны не пришли к взаимопониманию.

— Ну и что? Какое отношение...

— Подожди! — Фанн остановил тинха и вскочил с места. — Человек, говори.

Роман хмыкнул:

— Вижу, вы поняли. Совершенно верно. Именно тогда и родилось движение младоэльфов. Впрочем, вы зря называете его одним именем. Там было несколько течений. Из записей множества заседаний я понял, что разные эльфы хотели разного. Кто-то просто желал привести на Танр немногих представителей других рас и наблюдать за ними. Кто-то хотел попытаться включить их в вашу симбиотическую цепочку, разведя в соответствии с их предпочтениями, — это предлагали те, кто не верил, что другие расы могут одинаково служить разным силам. И чем дальше, тем больше было споров.

— Так вот... Вот что!!! — Тинх вскочил и нервно заходил по комнате. — Но почему наши предки ничего не сделали? Почему они смолчали?!

— Вот именно — почему? Ваши предки просто отказались участвовать в эксперименте и ничего не объяснили. Зная людей, я бы предположил, что такой подход только сильнее раззадорил бы их. Судя по всему, эльфы оказались очень похожи на нас. С какого-то момента они перестали выдвигать какие-либо предложения на общих заседаниях. А затем открылась Дорога Миров...

Тинх и фанн сидели подавленные, хмуро глядя куда-то вдаль. Роман в который раз уже поразился, насколько они не похожи на его учителей со Станции. Хотя... судя по тому, что здесь произошло, — в этом нет ничего удивительного.

— Первые эксперименты оказались не очень удачными. По Дороге прошло не слишком много существ. Во второй раз — больше. Последними по ней прошли люди.

— Подожди, хочешь сказать, что люди оказались са-

мыми многочисленными потому, что прошли по Дороге Миров последними?

— Да. Это понятно сразу, стоит посмотреть на численность каждой расы. Скорее всего, ваши предки это знали, но почему-то не посчитали данную информацию настолько важной, чтобы внести ее в хроники. А вот дальше начинается полнейшая безответственность. После того как новые расы оказались на Танре, к ним перестали проявлять вообще какой-либо интерес. Притащили, поиграли и бросили.

— Нет! Их обучали! Предлагали им нашу мудрость!

— О чем вы, уважаемый фанн? О какой мудрости вы говорите? Пришельцы стояли на очень низком уровне развития! А вы им — мудрость. Да что они с ней делать станут?! Солить?! К тому же, с их точки зрения, вы все — злые демоны, похитившие их из дома!

— Да их ведь спасли! — гневно воскликнул фанн. — Все, прошедшие по Дороге Миров, должны были у себя на родине погибнуть в следующую секунду!

— Это я на себе понял, но попробуйте объяснить такое какому-нибудь безграмотному крестьянину или рыцарю в Крестовом походе. В этом и состоит ваша вина. Вы даже не попытались поставить себя на место пришедших на Танр. Вместо этого предложили поделиться не понятной никому мудростью. Когда все закономерно отказались, посчитали это их правом и бросили.

— Мы не...

— Бросили. Я так и не сумел найти в вашем Хранилище ни одного документа, в котором говорилось бы о проведении каких-либо исследований пришедших рас. Изучении их психологии, стремлений, верований. Все ограничилось одним заседанием, на котором решили, что никто из пришельцев еще не готов к постижению вашей мудрости, когда станут готовы — сами придут.

И все. После этого их для вас словно и не существовало. А потом они все же пришли...

— Ну вот...

— Только каждый пришел со своими целями! Увы, сейчас уже невозможно восстановить цельную картину именно из-за преступного невнимания. Да-да, я не оговорился. Преступного! Я не оправдываю людей, сотворивших, по сути, геноцид вашего народа. Но очень большая часть вины ложится и на вас, как на более мудрых и опытных. Это вы бросили новые расы, ничего не предприняв для их мягкого вхождения в вашу цивилизацию. А должны были это сделать, поскольку именно вы привели их сюда! Не они напрашивались, а вы, не спросив их согласия!

— Не мы, а эльфы...

— Пусть эльфы. Но решать возникшую проблему вы, эльфы и драконы должны были вместе. А что получилось? Драконы самоустранились, заявив только, что надо сделать все, чтобы Равновесие не нарушилось. Эльфы разочаровались в своих идеях и замкнулись в себе. Вы предложили мудрость и, получив ожидаемый отказ, сочли, что большего сделать нельзя, и тоже устранились, дожидаясь, когда пришельцы сами созреют. Дождались.

— Но что еще мы могли бы сделать? — буквально простонал фанн.

Роман пожал плечами:

— Для начала — хотя бы изучить их. Знаете, у нас на Земле один умный человек сказал: «Вы в ответе за тех, кого приручили». Вы же, «приручив» множество народов, просто бросили их, предоставив самим себе.

Роман замолчал, молчали и дзенны. Тягостная тишина длилась минут пять, затем землянин снова заговорил:

— Знаете, наверное, я тоже несправедлив к вам. Я чувствую вину за своих земляков и теперь пытаюсь хоть как-то их оправдать. Возможно, я перекладываю на вас большую вину, чем она есть на самом деле...

Фанн вздохнул и неожиданно даже для самого себя заявил:

— Нет. Ты все правильно говоришь, человек. Все эти годы мы лелеяли свою ненависть и свой гнев, боясь заглянуть правде в глаза. Боясь признать, что в случившемся есть и наша вина. Ты жесток, человек, когда говоришь это. Жесток, но справедлив. Теперь я понимаю, почему Та сила избрала тебя своим адептом.

Следующие дни для Романа слились в один, настолько похожи они были один на другой. После беседы с тинхом и фанном перед ним были раскрыты все архивы, а сами дзенны помогали ему по мере сил. Были тщательно изучены все варианты пророчества Трех, проанализированы доступные материалы. Затем — изучение архивов и занятия... сказал бы кто Роману, что ему придется учить дзеннов, ни за что не поверил бы, но сейчас... Местные сами понимали, насколько деградировал их народ, и, встретив Романа, пусть ученика, только что закончившего обучение, который, как выяснилось, знал много больше их, не смогли удержаться от просьбы о помощи. Роман от такой просьбы опешил, но, хорошенько подумав, согласился, что смысл в этом есть. Вот и пришлось вспоминать свои первые уроки с Учителем. И теперь, начав учить сам, он стал считать своего наставника едва ли не святым.

— И как он нас всех терпел, обормотов? — всякий раз повторял юноша после занятий. — Нет, наверное, мы все-таки такими не были.

На занятия порой приходили тинх и фанн. Сначала изредка, а затем все чаще и чаще.

— Как же много мы утратили... — признался как-то тинх, прикрыв верхнюю пару глаз рукой.

— Мой Учитель сказал как-то, что их народ тоже немало потерял после разрыва контакта с родной планетой. Я тогда его не понял.

— А сейчас?

Роман только вздохнул:

— Уже не знаю. Мне трудно осознать, как можно потерять часть себя. И я не понимаю всех этих сил. Света... Тьмы... Равновесия...

— Ты не можешь не понимать Равновесия. Ты служишь ему.

— А может, потому и не понимаю, что пытаюсь познать все? И Свет, и Тьму. Пытаюсь понять их.

Некоторые время тинх с Романом шли молча.

— Что ты имел в виду? — наконец не выдержал дзенн.

— Я познал Тьму. Сколько бы времени я еще ни провел в Хранилище, я не смогу понять эту силу лучше. Углублю знание о мире, магии — да, но познать... нет. Сколько я уже здесь? Восемь месяцев?

— Ты хочешь уйти? — Тинх не удивился. Словно ждал этого.

— Не сейчас. У меня еще есть долг перед учениками. Да, я не смогу научить вас всему. Тем более не могу вернуть всю прежнюю мудрость. Но я могу показать, как войти в дзе'актан на следующие уровни. Дальше вам придется двигаться самим. Учение в том и заключается, что разумный идет сам. Учитель только помогает. Вам нужен всего лишь толчок.

Фанн вдруг повернулся к Роману и низко-низко поклонился:

— Не думал, что скажу это когда-нибудь человеку, но... спасибо тебе. И еще... я не знаю, какой приговор вы, два мага Равновесия вынесете, но прошу тебя... — голос

старого дзенна прервался, но он взял себя в руки. — Если в этом мире найдется место для нас...

Роман резко замер и жестом заставил его замолчать:

— Я не считаю хорошим мир, требующий каких-либо жертв или чьих-то смертей. Для того чтобы что-нибудь сделать, я должен сначала понять, что именно. И еще... я очень хотел бы найти второго мага Равновесия. Думаю, нам найдется что обсудить.

— Вы обязательно встретитесь. Это неизбежно. Вы встретитесь, даже если бы хотели избежать встречи.

Роман недовольно поморщился:

— Что-то мне не нравится такая предопределенность. Я сторонник того, что человек сам прокладывает себе дорогу и сам хозяин своей жизни.

— Ты просто еще слишком молод, — понимающе усмехнулся дзенн.

— Возможно. Но я в это верю.

Роман тогда не смог убедить фанна — тот, глядя на него, только улыбался. Юношу эта улыбка бесила, и он все глубже закапывался в книги и старые учебники, пытаясь доказать, что прав. Правда, понимал, что такое доказывается не теорией, а практикой. Сумел переломить судьбу и стать ее хозяином — победил. А нет — плыви по течению пророчеств, которые тебя ведут. Именно предопределенность пророчества и древний маг, распланировавший свою месть на несколько тысячелетий, больше всего злили Романа, ибо служили подтверждением слов старого дзенна. И он с упорством, которого сам в себе не подозревал, искал в архивах ключи к проблеме.

Впрочем, Роман пока и саму проблему представлял с трудом. Эх, сейчас бы сюда его Учителя... уж фанн Станции наверняка бы нашел множество путей решения... Но он не Учитель. А значит, придется искать свой путь.

И первый шаг на этом пути — познать мир. Не в библиотеке, по пропыленным книгам, а таким, какой он есть в реальности.

Решение было принято, и теперь осталось только закончить свои дела в Чернолесье, сколько бы времени это ни заняло. Затем в путь. И обязательно надо отыскать второго мага Равновесия. Роман чувствовал, что только вместе они смогут разобраться с тем, что творится с этим несчастным миром. И возможно... чем черт не шутит, им даже удастся выяснить причину изоляции Танра.

— Хм-м-м... — Роман даже замер от такой мысли. Потом хмыкнул: — Спаситель миров, блин. С собой сначала разберись!

Но мысль уже возникла. Может, в этом и есть предназначение магов Равновесия? Вернуть мир на прежний путь, с которого он давно сошел усилиями не очень умных экспериментаторов-эльфов и безответственных драконов с дзеннами? Кто знает... кто знает...

* * *

Архиепископ Варградский недоверчиво повертел в руке отчет инквизиторов. Они с начальником департамента внешней разведки Конторы стояли перед дверьми главного зала заседаний фалинградской резиденции первосвященника Церкви Второго Спасителя. Мимо носились десятки слуг, спешно готовя зал к общему совету.

— Совье Гнездо — это, вообще, где? — поинтересовался Итан.

— На юго-западе Коствада. — Навр усмехнулся. — В диких лесах. Мне пришлось основательно перелопатить атласы, чтобы отыскать это место.

— И что тебя там так заинтересовало, что Контора выкрала отчет инквизиции?

— Ну... не совсем выкрала... скажем так, взаимовыгодно приобрела, — довольно осклабился сатир. — А заинтересовал моих людей не отчет, а вот это. — Он выложил перед архиепископом простое бронзовое распятие. — Наше счастье, что оно недорогое. Иначе инквизиторы вряд ли приложили бы его к делу.

Итан осмотрел крест со всех сторон, недовольно хмурясь:

— И что в нем такого особенного?

— Ничего. За исключением того, что он принадлежал Стиору арн Наду.

— Распятие? У прирожденного мага? — Архиепископ недоверчиво нахмурился.

— Ну... Стиор всегда говорил, что врага надо знать. У него и книг ваших хватало. А вот этого распятия, которое многие у него в свое время видели, после мнимой гибели мага так и не нашли. Логично предположить, что он взял распятие с собой.

— Та-а-ак. — Итан на этот раз самым внимательным образом изучил отчет инквизиторов. — Ничего не понимаю, — наконец заявил он. — Стиор — прирожденный маг. Эти два инквизитора — деревенские, по сути, парни, прошедшие кое-какое обучение. Для прирожденного мага вся эта толпа на один чих. А тут... Узнали, приехали, провели расследование и казнили. Хочешь сказать, что прирожденный маг вот так, от нечего делать, позволил себя казнить?

Навр задумчиво покивал:

— Мы тоже полагаем, что это был не Стиор. Распятие к отшельнику могло разными путями попасть. Маг мог и подарить его, если тот как-то помог ему. Но мы все-таки считаем, что в данном происшествии надо как

следует разобраться. Не помешало бы допросить этих ретивых инквизиторов. Узнать описание отшельника... на всякий случай. Потому и пришел к тебе. Твоим людям проще это сделать.

Архиепископ свернул отчет и убрал распятие в карман.

— Хорошо. Займемся. Только...

— Что?

— Каким образом вы смогли добыть отчет так быстро? — Итан выглядел очень недовольным. — Со дня казни отшельника прошло всего несколько дней! А это ведь дикая глушь...

— Да просто повезло, если честно, — несколько смущенно ответил Навр. — В городке, откуда в Совье Гнездо прибыли инквизиторы, как раз во время их возвращения на несколько дней остановился мой агент. Под видом высокопоставленного слуги Божьего. Он и опознал распятие Стиора, тут же сообщив об этом в Фалинград, Норену, моему резиденту — ты его знаешь. А Норен — маг-телепортатор. Вот он и смотался в тот городишко, Григен, привез отчет вместе с крестом. Сумел через кристалл взять ориентиры, на это далеко не каждый телепортатор способен. За что и ценю!

— Бедные деревенские инквизиторы... — криво усмехнулся архиепископ. — Представляю, как они переполошились из-за появления настоящего мага...

— Да нет, — отмахнулся сатир. — Все тихо прошло. Ищущих поблизости не было, а кто еще мага учует? Он там похожий крест оставил, а отчет просто скопировал. Никто ничего не заподозрил.

— Ясно, — кивнул Итан. — И то хорошо. Кстати, ты с Вихрем-то связывался?

— Нет пока, жду вызова. Норен только сегодня утром передал мне новый кристалл связи и сказал, что дома

что-то серьезное произошло — вся Контора на ушах стоит. Но что именно, ему не сообщили, а на вопросы ответили, что это вне его компетенции.

— Значит, неизвестно, кто еще от вас будет на совете? — нахмурился Итан.

— Увы, — развел руками Навр. — Думаю...

Он не договорил — кристалл связи в кошеле начал звенеть и пульсировать. Срочный вызов. Сатир быстро достал его, активировал и приложил к уху. Архиепископ заинтересованно уставился на него. И с первого же мгновения насторожился. Морда Навра с каждым услышанным словом принимала все более удивленное выражение. Похоже, ему сообщили что-то неожиданное... Но что? Впрочем, не стоит спешить — сам расскажет, когда закончит разговор.

— Весело было нам... — дрожащим голосом протянул сатир, пряча кристалл в кошель. — На заборе мы сидели, весь забор мы... э-э-э... того...

— Ну! — подался вперед Итан. — Не томи!

— Во-первых, на совет прибывают Вихрь, император и архимаг, — неохотно буркнул Навр. — В сопровождении еще кого-то, очень важного. Во-вторых, Трое инициировались, маги утверждают это со стопроцентной уверенностью. Их имена тоже уже известны. Но неизвестно, где они находятся. Кроме одного. О подробностях не спрашивай, я их просто не знаю.

— Так-так-так... — закусил губу архиепископ. — А Елена?

— Да ничего я больше не знаю! — взорвался сатир. — Что сказали, то я тебе и передал. Еще просили обеспечить зал, в котором смогут поместиться драконы.

— Извини, — вздохнул Итан. — Ладно, подожду. А зал? Сейчас.

Он подозвал распорядителя церемоний, ожидающе-

го неподалеку, и отдал нужные приказы. Лицо распорядителя изумленно вытянулось, но сказать он ничего не рискнул и тут же куда-то убежал. Вскоре в резиденции первосвященника поднялся знатный переполох — в подготовленный к совету главный зал драконы явно не войдут. Пришлось срочно готовить другой, на первом этаже. Да и там рабочие вынуждены были проломить стену и спешно навесить на пролом снятые с первого попавшегося богатого дома обитые бронзой ворота. Справились они быстро, старались изо всех сил — а как не стараться, когда за спинами стоят подгоняющие нерадивых инквизиторы с палками в руках?

Матфей в нетерпении прохаживался возле порога своей резиденции, ожидая прибытия гостей из империи. Если верить словам Навра, они привезут множество важных новостей. Надо же, имена Трех удалось выяснить! Итан тоже утверждает, что один из них ему известен. Точнее, одна. Интересно, совпадут ли его и Вихря данные? Если да, сомнений не останется.

Все-таки странно, что император пошел на такой риск — лично прибыть в Фалнор без охраны. В прошлую встречу от нее было не протолкнуться. Почему же сейчас он поступает иначе? Не может ведь не понимать, что окажется в полной власти первосвященника. Архимаг тоже не поможет, Ищущие быстро нейтрализуют его в случае чего. Следовательно, Стирген считает, что сейчас не до разногласий, что беда уже на пороге.

Вздохнув, первосвященник покачал головой — прав его величество, полностью прав. В такой ситуации ссориться с империей будет последней глупостью, на это никто не пойдет. Сейчас главное — остановить Ушедшего, не дать ему уничтожить все и вся. Да и в остальном сотрудничество с Надом оказалось на удивление

выгодным для Церкви и всего Фалнора. Сильна все-таки инерция мышления, раз даже ему приходят в голову подобные мысли. Хорошо в молодости вбили в голову, что империя Над — враг, и только враг. До сих пор не может от этого избавиться.

Долго ждать не пришлось, минут через десять над окруженной паладинами безлюдной главной площадью Фалинграда, с которой заранее удалили гуляющих горожан, сгустилась серая дымка, откуда вылетели два дракона — зеленый с ярко-желтыми в неровную синюю крапинку животом и грудью, и полностью черный. Правда, черный был совсем невелик, явно еще подросток. На спине зеленого сидели два человека, в которых первосвященник сразу узнал императора с архимагом. Прибыли, слава Спасителю! Одно осталось неясным — что это за черный драконыш и почему его взяли с собой в Фалнор. Ведь это, судя по всему, приемный сын Вихря, Стиг Тангерд. Ему здесь делать совершенно нечего! Однако он здесь. А директор Конторы никогда и ничего не делает просто так. Что-что, а это первосвященник знал твердо. Значит, присутствие Стига для чего-то нужно.

— Ваше величество! — Матфей шагнул навстречу спрыгнувшему с приземлившегося дракона императору. — Рад снова вас видеть!

— Добрый день, ваше святейшество! — наклонил голову тот. — Мне тоже приятно вас видеть. Однако хочу заранее попросить, чтобы на совете присутствовали только те, кому вы полностью доверяете. Нам удалось выяснить несколько чрезвычайно важных вещей, которые, кроме нас с вами, не должен знать никто.

— Мне говорили, — наклонил голову первосвященник. — Итан с Навром тоже прибыли не с пустыми ру-

ками. Извините, что спешу, но одну из тех, о ком пойдет речь, часом не Еленой зовут?

— Именно так, — насторожился император. — Ее нашли?..

— Увы, — вздохнул Матфей. — Только следы. Но давайте не здесь и по порядку. Прошу.

Он показал рукой на бронзовые ворота, еще час назад украшавшие собой вход на подворье одного из фалинградских богачей. Слуги тут же распахнули их. Император не спеша направился внутрь в сопровождении остальных. Паладины из оцепления ошалело смотрели на драконов, шествующих к резиденции первосвященника, но молчали, не решаясь нарушить приказ его святейшества. Никогда еще не случалось, чтобы адские твари, как многие продолжали называть про себя крылатых ящеров, чувствовали себя в безопасности в главном оплоте воинствующей Церкви Второго Спасителя.

В небольшом овальном зале успели подготовить места для драконов и поставить большой круглый стол со стульями для людей, эльфа и сатира. На втором столе справа расставили напитки и угощение. Гости и хозяева не спеша расселись и уставились друг на друга. Со стороны Фалнора присутствовали Матфей, Итан, Меальнор и Марк. Со стороны Нада — Стирген, Вихрь, Армланий, Навр и Стиг. На последнего, правда, фалнорцы то и дело бросали недоуменные взгляды, не понимая, что здесь делает подросток.

— Предлагаю поставить над залом полог молчания, — заговорил архимаг, отпив глоток акты. — Речь, повторяю, пойдет о таких делах, посвящать в которые посторонних ни в коем случае нельзя.

— Что ж, ставьте, — согласился первосвященник. — Лишним не будет.

Армланий произнес странновато звучащее для чело-

веческого уха заклинание, и по ушам присутствующих ударила мертвая тишина. Некоторое время царило молчание, а затем встал Матфей.

— Давайте не будем тратить время на церемонии, — предложил он. — Приступим. Значит, одну из Трех действительно зовут Еленой?

— Да, — подтвердил Вихрь. — Однако нам неизвестно, где ее искать. Знаем только, что в пустыне на караван, в котором она ехала, напали ваши паладины и убили ее родителей. Под влиянием горя и гнева девушка инициировалась и магией уничтожила большинство убийц. Потом ушла в пустыню. Но где находится эта пустыня? Увы мне, не знаю.

— Эту историю можем дополнить мы с Навром, — со вздохом сказал Итан. — Как раз ее мы и расследовали в последние дни. И почти уверились, что Елена — одна из Трех. Вы только что подтвердили наши подозрения.

— Не могли бы вы рассказать подробнее? — попросил директор Конторы.

— Хорошо, — кивнул архиепископ. — Пять дней назад нас с Навром нашел гонец...

Он коротко поведал о ходе расследования. Слушали рассказ внимательно, то и дело задавая уточняющие вопросы, на которые Итан порой не знал, что ответить.

— А откуда о Елене и случившемся с ней узнали вы? — поинтересовался он, закончив.

— От него, — Вихрь показал на унылого Стига, усиленно делающего вид, что нашел на полу что-то очень интересное.

— От него?.. — изумился архиепископ. — А ему-то откуда это известно?!

— Что ж, позвольте представить вам Стига Тангерда, моего приемного сына, — как-то очень уж ехидно оск-

лабился директор Конторы. — Кроме всего прочего, одного из Трех.

Его последние слова произвели на фалнорцев и Навра шоковое впечатление. Последний стоил отдельного описания — его челюсть упала на грудь, бородка встопорщилась, глаза стали квадратными и съехались к переносице, шерсть на морде встала дыбом, уши растопырились в стороны.

— Ше-е-еф... — жалобно проблеял сатир. — Это у тебя шутки такие, да?..

— Нет, — шумно вздохнул Вихрь. — Увы, нет. Мне и самому стыдно, если честно. Прошляпил! Столько лет искали, столько средств и усилий потратили, а он все это время жил в моем доме... После инициации мальчик пришел ко мне и во всем признался, так я ему еще и не поверил. Благо Армланий сумел определить место инициации последнего из Трех и приказал окружить его. Это оказалось мое поместье. Дальше, думаю, все ясно.

— Простите, такие утверждения требуют доказательств... — хрипло выдохнул первосвященник, выглядящий не намного лучше Навра.

— Малыш, сними Вуаль Света, — попросил архимаг, повернувшись к ученику. — Господа бер Саан и Меальнор — Ищущие в прошлом. Они сами все поймут.

Стиг едва слышно прошипел какое-то заклинание, и Итан тут же задохнулся. Перед ним находился даже не черный маг, а сама Тьма, по какому-то недоразумению принявшая форму дракона-подростка. Живое воплощение одной из первородных сил. Да, это один из Трех, больше никем этот дракон быть просто не может. Получается, и остальные двое такие же? А что произойдет, если они объединятся? Даже представить страшно...

— Похоже, он! — хрипло выдохнул архиепископ.

Эльф подтвердил его слова ошарашенным кивком, его миндалевидные глаза распахнулись на пол-лица.

— Вот, значит, как... — хмуро пробормотал Матфей. — Выходит, нам просто повезло?

— Выходит, так, — согласился Вихрь, одобрительно покосившись на приемного сына. — Но не только везение сыграло свою роль. Мальчика правильно воспитали, для него родная страна куда дороже всяких там дзеннских пророчеств.

Первосвященник встал, подошел к Стигу и довольно долго смотрел на него.

— Спасибо... — едва слышно сказал он в конце концов. — Спасибо, что признался, а не сбежал...

— Не обольщайтесь!.. — яростно прошипел в ответ черный дракон. — Это ради империи я все сделаю, даже сдохну, а ради вас хвостом не шевельну! Церковь я ненавижу! Ничего не забыл, слышите?!

— Его настоящих родителей, брата и сестру на глазах малыша убили охотники Церкви, — со вздохом пояснил Вихрь. — А его самого сильно искалечили, долго летать не мог. Они со старшей сестрой спаслись буквально чудом, долетев до границ империи, где охотников перехватили пограничники.

— Ясно... — помрачнел Матфей. — Я могу только извиниться за все, что было в прошлом между Церковью и драконами. Но сейчас все иначе!

— Он не в курсе, — усмехнулся директор Конторы. — Стиг, только благодаря Матфею и Итану драконов больше не убивают, не охотятся на них. Драконы уже около десяти лет живут по всему миру, как равные среди равных. Их никто больше не преследует, убийство дракона — теперь такое же уголовное преступление, как и убийство человека. И все это благодаря людям, которых ты видишь перед собой.

— Все равно не могу поверить... — угрюмо буркнул черный дракон. — Прости, отец, я просто еще не готов, я их мало знаю. Умом понимаю, что не могут все в Церкви быть сволочами, а душа протестует.

— Не насилуй себя, — понимающе усмехнулся первосвященник. — Я в свое время тоже считал, что драконы — просто говорящие звери. А потом, со временем, убедился, что это вовсе не так. Сам посмотришь и сам сделаешь выводы. Мы постепенно меняем Церковь, но это долгий процесс, мальчик.

— Извините... — смутился Стиг. — Я буду смотреть и думать. Ведь, несмотря ни на что, быть орудием дзеннского пророчества не хочу.

— А почему?

— Почему?.. Как бы вам объяснить... Да хотя бы потому, что дети за грехи отцов не отвечают. Вот и получается, что Ушедший будет мстить невиновным! Это неправильно и несправедливо. А еще я хочу, чтобы моя страна жила и благоденствовала. Какое мне дело, если разобраться, до дзеннов? Я дракон! Имперский дракон!

Стиг говорил долго, сам порой не особо понимая, что говорит. Как плотину прорвало — слова лились потоком, только сейчас он уяснил для себя многие важные вещи и окончательно понял, почему не хочет исполнения пророчества. Никакая, даже самая справедливая и добрая на первый взгляд идея не стоит пролитых за нее рек крови. Ведь каждый, кто умрет, чем-то жил и о чем-то мечтал. Каждый был целым миром. Да, подонков, мешающих жить другим, надо останавливать несмотря ни на что, но только подонков. А ведь стремящиеся добиться своего любой ценой, даже ценой большой крови — именно подонки.

— Я рад, что ты это понимаешь... — едва слышно ска-

зал первосвященник, когда дракон замолчал. — Хотелось бы, чтобы и остальные двое из вас поняли.

— Маловероятно, — грустно вздохнул Стиг. — После того, что с ними случилось? Увы. А ведь во всем, куда ни ткнись, опять виновата Церковь. Сами посмотрите. Родителей Елены убили паладины, решившие ограбить караван. Ее инициация произошла от боли и гнева, что, естественно, наложило свой отпечаток. Учителя Раора, отшельника, тоже убили инквизиторы. Снова отчаяние, боль и гнев...

— Ты, к сожалению, прав... — помрачнел Матфей. — Мы многое сделали, но не успели изменить все, что нужно было, и это дало свой негативный результат. Но ведь и не изменим, если Ушедший погубит наш мир. Это будет просто какой-то другой мир...

— Да, его надо остановить, — согласился дракон. — И если для этого понадобится моя жизнь, я ее не пожалею.

— Значит, второго зовут Раором? — поинтересовался Итан.

— Раором, — подтвердил Стиг. — Я сперва увидел в видениях смерть его учителя, а затем инициацию самого Раора. С ним был дзенн. Они все-таки где-то сохранились.

— Еще веселее... — поежился архиепископ. — Уж дзенн-то его убедит в чем захочет, дзенну нас любить совершенно не за что. Говоришь, учителем Раора был отшельник? Интересно...

Итану вдруг вспомнились переданные ему Навром перед заседанием распятие и отчет инквизиторов о казни отшельника-еретика в Костваде. А вдруг эти случаи связаны между собой? Что-то общее ведь в них явно есть. Навр тоже вспомнил об этом и быстро рас-

сказал о распятии Вихрю. Тот переглянулся с императором.

— По описанию Стига мы узнали отшельника, — заговорил после некоторого размышления его величество. — Это был Стиор арн Над, головой могу ручаться. Кстати, когда мага убивали, на его шее висело распятие. И убивали его как раз инквизиторы, приведенные толпой крестьян. Он не сопротивлялся... Почему? Не знаю, но прирожденный маг просто позволил себя убить. И улыбался перед смертью так, будто сделал что-то очень важное и правильное.

— Стиор арн Над... — мрачно повторил Итан. — Очень похоже, что отчет и видение повествуют об одном и том же человеке.

— Где этот отчет?

— У меня.

Архиепископ открыл свою сумку, с которой редко когда расставался, и достал оттуда свернутый в трубку пергамент — бумагу в Костваде делать не умели, а фалнорская, лодунская или имперская стоили слишком дорого, чтобы ее завозить. Вот и пользовались чем могли. Вихрь, император и архимаг тут же сгрудились вокруг развернутого на столе пергамента, впившись в него глазами. По мере чтения они обменивались мнениями, спорили, но никак не могли прийти ни к какому выводу — данных, подтверждающих, что речь идет о Стиоре, в отчете не нашлось. Имени его воспитанника тоже не было.

— Ничего не понимаю... — разочарованно протянул Вихрь.

— Я тоже, — поморщился Итан. — Этот случай надо тщательнейшим образом расследовать. И прежде всего выяснить, не было ли у отшельника воспитанника по

имени Раор. Навр, ты говорил, что твой телепортатор взял ориентиры Григена?

— Да, взял, — кивнул сатир. — Как бы иначе он забрал отчет и распятие?

— Хорошо. Вызови, пожалуйста, его срочно сюда. Надо посылать туда кого-нибудь, времени терять нельзя. Пока еще он доберется от Григена до этого Совьего Гнезда...

— Сейчас, — буркнул Навр, доставая из кошеля кристалл связи.

— Меальнор, — повернулся к эльфу Итан. — Вынужден просить тебя немедленно отправляться в Коствад, доверить это кому-либо иному не считаю себя вправе. Что нужно выяснить — ты знаешь, сам все слышал.

— Сделаю, — кивнул тот.

— Чтобы не возникало кривотолков, — вмешался Матфей, протягивая ему перстень голоса первосвященника, — возьми. Если выяснится, что Раор действительно жил в Совьем Гнезде, немедленно организуй его поиски, задействуй для этого столько людей, сколько потребуется.

— А для оперативной связи возьмите это, — архимаг отдал эльфу свой кристалл связи. — Я обеспечу кристаллами всех, кого нужно. Ждать курьеров — глупо.

— Искренне благодарен, — поклонился ему Матфей. — Это сильно поможет.

Вскоре прибыл маг, получил приказ от начальства и увел Меальнора в серое облачко портала. Остальные проводили их встревоженными взглядами, надеясь, что вскоре ситуация прояснится.

— Я почти уверен, что все подтвердится, что Раор жил именно в Совьем Гнезде, — после недолгого молчания сказал Вихрь. — Подсознательная уверенность.

— Я почему-то тоже, — криво усмехнулся Итан. —

Что ж, по крайней мере, все Трое нам известны. Один здесь, а остальных двоих придется поискать. Я еще перед отъездом в Фалинград отдал приказ прочесать Корградскую пустыню, но вряд ли это что-то даст. Найти в той страшной пустыне что-нибудь или кого-нибудь практически невозможно. Придется ждать, пока Елена не проявит себя. Или Стиг способен почувствовать остальных?

— Если бы... — отрицательно покачал головой тот. — Один раз увидел, да и то не знал, где они.

— Плохо, — вздохнул архиепископ. — Но будем исходить из имеющегося. Итак, инициация произошла. Господин архимаг, вы можете просветить нас, что это значит и чем грозит?

— Могу, — поудобнее устроился на стуле Армланий. — Это личностная инициация предназначенных Тьме от рождения, их слияние со своей истинной сутью, полное открытие энергетических каналов организма. Хотя, если судить по Стигу, Трое и раньше имели неплохие способности к магии.

— Вы имеете в виду великие матрицы? — подался вперед первосвященник. — Это они пришли к Трем во время инициации?

— Нет, матрицы пока не пришли, это еще предстоит.

— И что произойдет после?

— Я могу только предполагать, — развел руками архимаг. — Аналитики Ассамблеи высказали много догадок, но истинна ли какая-нибудь из них? Лично я считаю, что матрицы после пришествия подготовят души и тела Трех к слиянию, о котором почти ничего не известно. Возможно, слившиеся души станут основой для принятия в себя ожидающей в безвременье души Ушедшего. Если это так, то наши дела плохи — для Ушедшего все произошло буквально вчера, он горит жаждой мес-

ти. Но подозреваю, что немалое значение также имеет, какие именно души сольются, они явно будут иметь немалое влияние на древнего дзенна. Поэтому так важно найти остальных двоих до слияния и убедить их, что не надо мстить невиновным.

— Что ж, будем искать, — констатировал первосвященник.

— А мы продолжим исследования, Стиг сказал, что он в полном нашем распоряжении, — кивнул Армланий. — Еще одно. Прошу направить к нам лучших знатоков дзенн-анн, драг-анн и квэнья. В нашем распоряжении оказался архив древних, предназначенный для Трех. Его обнаружил Стиг и обещал вынести наружу книги: кроме него самого, проникнуть в Хранилище никто не способен. Эти книги необходимо тщательнейшим образом изучить, возможно, найдется еще какая-нибудь важная информация. Кстати, существуют еще два Хранилища. Более чем уверен, что Елена и Раор туда обязательно наведаются. Хотелось бы отловить их раньше, но...

— Именно, что «но»... — недовольно поморщился Итан. — А люди будут, есть хорошие историки. Искать сами Хранилища тоже начнем. Где расположены остальные два, известно?

— Примерно, — ответил вместо архимага Стиг. — Одно — на каком-то из малых островов Срединного архипелага. Второе — в Ворамских джунглях, где-то на юго-западе. Думаю, в последнем случае стоит прошерстить святилища диких племен. Хотя бы тех, что известны. Для облегчения поиска я при помощи темных заклятий могу создать амулеты, которые будут сигнализировать о точках входа в Хранилище.

— Хорошо, сделай их, — кивнул император. — Поисковые партии организуем, хоть в успехе я и не уверен,

слишком большую территорию надо прочесать. Это не говоря уже о Срединном архипелаге, там этих островков десятки тысяч.

— Погодите, — поднял руку Итан. — Хранилища, конечно, важны, но мы упустили нечто куда более важное. Девятеро. Что с ними? Как их искать?

— Ах да, — спохватился Вихрь. — Мы же вам не рассказали. Дело в том, что Трое видят своих ведомых в случаях, когда с теми происходит что-то очень плохое или очень хорошее. Похоже, ключом для видения служит всплеск эмоций. Неважно, положительных или отрицательных. Стиг, например, видел всех своих. И мало того, что видел, двух из них нашел в реальности и вытащил в Над-Аноур. Это гном Доури Ровур из рода Каменных Топоров и дварф Ди Два-Варф. Оба под нашим контролем, за ними внимательно наблюдают.

— Что-то я ничего не понимаю... — растерялся Матфей. — Господа, не могли бы позволить мальчику рассказать все по порядку, а то я запутался.

Вихрь взглядом разрешил, и Стиг со вздохом начал рассказывать о случившемся с момента столкновения с магом смерти. В который раз! Он подозревал, что сейчас произойдет, и не ошибся в своих предположениях — Матфей, Итан, Марк и Навр выжали его ничуть не меньше, чем несколько дней назад отец, император и архимаг. Доверенный писец лихорадочно строчил пером, записывая его слова. Вопрос следовал за вопросом, и вскоре Стиг жаждал только одного — чтобы его хоть ненадолго оставили в покое.

— Хорошо, о двух ясно, — Итан пристально посмотрел на черного дракона. — Кто третий?

— Молодой фалнорский грифон Птер Ла-Прат, — неохотно ответил тот, проклиная про себя все на свете. — Родом из Оринграда. Он не сошелся во мнении с

остальными грифонами своей казармы. По отношению к драконам. Да-да, именно к драконам! Большинство ваших грифонов и до сих пор уверены в том, что мы адские твари и нас надо убивать, как только увидишь. А Птер был с этим не согласен... За это его начали травить и избивать. Бедняга в конце концов не выдержал, сбежал и улетел куда-то в Срединный архипелаг. Куда точно — не знаю. Видел его однажды около полугода назад. Что с ним теперь — неизвестно. Кстати, вам стоило бы обратить пристальное внимание на настроения в грифоньих казармах — там полностью уверены, что Церковь их предала. А бывшие охотники умело раздувают гнев крылатых. Похоже, с чьей-то подачи. Как бы до бунта дело не дошло...

— Этого только не хватало! — скривился Матфей. — Спасибо за предупреждение, обязательно обратим.

Допрашивали Стига еще долго, выясняя подробности, о которых он понятия не имел. От всех этих расспросов черному дракону хотелось сдохнуть здесь и сейчас.

— В общем, приблизительно ясно, — заметил его состояние первосвященник. — Интересно. Однако из вышесказанного следует, что обнаружить ведомых остальных двоих практически невозможно до того, пока не найдем их самих. Жаль.

— Получается, это ваш приемный сын с друзьями разорил Леви Нерандера? — задумчиво посмотрел на Вихря архиепископ, затем перевел взгляд на Стига. — В четырнадцать лет? А я-то голову ломал в попытках понять, кому это понадобилось... Да уж, хорошая смена у вас растет, ничего не скажешь. В таком возрасте провернуть столь сложную многоходовую комбинацию? Я просто в восхищении! Низко кланяюсь!

Он в самом деле встал и поклонился.

— Да что там такого... — смутился Стиг. — Учили нас хорошо, вот и все.

— Не скажи, — усмехнулся Итан. — Многим учеба впрок не идет. А многие и учиться не хотят, предпочитают жить с набором готовых мнений обо всем вокруг.

— Дураки опасны. Их надо держать в жесткой узде, не то такого натворят...

— Надо, но не всегда получается. Нам вот постепенно удалось убрать дураков из власти, но какой же крови и каких усилий это стоило...

— Сочувствую, — поежился Стиг. — Но иначе ведь никак?

— Никак, — скривился Итан. — Иначе они бы все наши начинания погубили. А ведь если бы в Церкви раньше пришли к власти думающие люди, то все изменилось бы, опять же, раньше. И на драконов прекратили бы охоту. Тогда твои родители остались бы живы... Но...

Он тяжело вздохнул.

— Я понимаю, — медленно наклонил голову Стиг. — Кажется, понимаю... Нет ничего страшнее уверенного в своей правоте невежества. Так?

— Именно так, юноша, — заинтересованно посмотрел на него архиепископ. — Порой даже умные люди живут в плену впитанных в детстве стереотипов. Но умный человек, или не человек, не суть важно, способен засомневаться в общепринятых истинах, если увидит их несостоятельность. Так произошло и со мной. В свое время я был обычным инквизитором, Ищущим, верным псом Церкви. Но, сталкиваясь со многими необычными вещами, начал задумываться. И со временем пришел к выводу, что церковные догматы во многом неверны или устарели. Матфей вообще с самой юности числился едва ли не еретиком, вот и сидел в архивах, не высовываясь. Поэтому, наверное, мы с ним и сошлись. А затем, по-

лучив такую возможность, начали менять Церковь. Постепенно и не спеша, а то бы ничего не вышло. И мы немалого добились.

— Я знаю, — Стиг задумчиво смотрел в никуда. — Мне надо обдумать все это. Я с детства ненавижу Церковь за убийства драконов, но если все изменилось... Наверное, нужно меняться и мне. Спасибо вам за урок, сударь.

— Пожалуйста, — улыбнулся Итан.

Вихрь одобрительно смотрел на него. Отлично — архиепископ, похоже, сумел разбить ледок недоверия между Церковью и Стигом. Нельзя, чтобы мальчик пылал к кому-либо ненавистью, из этого ничего хорошего не выйдет. И остальных двоих хватит. А вот их надо как-то остановить, как-то переубедить, что не все в мире так плохо, как им кажется. Ведь ненависть — очень плохой советчик. Но дети, а Елена с Раором — еще дети, этого не понимают. Убивать их тоже никак нельзя, будет еще хуже, все аналитики в один голос подтверждают это. Значит, выход один — отыскать и переубедить. Вот только как? Кто бы знал...

— Давайте обсудим первоочередные задачи и определим, кому и чем заняться, — предложил Матфей.

— Хорошо, — согласился Стирген.

— Думаю, что поисками Елены в Фалноре сподручнее заниматься все-таки ордену Очищающих, — Итан что-то лихорадочно записывал на лежащих перед ним листах бумаги. — Людей хватает. Но попрошу прикомандировать к моим отрядам двух-трех магов. Желательно прирожденных.

— Хорошо, — кивнул Вихрь. — Могу даже пятерых выделить. Но им придется рассказать всю правду. Иначе не будут работать на совесть.

— Что ж, если нет другого выхода, расскажем, — не-

довольно поморщился архиепископ. — А вот поисками Раора в Костваде лучше заняться совместно. Маги там тоже понадобятся.

— Пока еще неизвестно, в Костваде ли этот самый Раор, — возразил император. — Надо дождаться возвращения Норена с Меальнором.

— В конце концов выясним, — буркнул Итан. — И искать все равно придется, где бы он ни оказался.

— Помимо того, необходимо создать поисковые партии для розыска Хранилищ, — вмешался Навр. — Если их удастся разыскать, то неподалеку можно будет организовать засады. Елена с Раором обязательно доберутся до Хранилищ, я уверен в этом.

— Только шансы найти эти самые Хранилища мизерные, — обреченно махнул рукой первосвященник. — Однако организовать поиски мы обязаны.

— Амулеты я завтра же сделаю, — заверил Стиг. — Дядя Армланий, мне понадобится для этого ваша помощь, там очень сложная схема плетения силовых векторов, самому трудно будет разобраться.

— Без проблем, — кивнул архимаг. — С утра и займемся.

Напротив стола внезапно сгустилось туманное облачко, откуда буквально вылетел Норен. Все присутствующие тут же требовательно уставились на него.

— Подтвердилось! — выдохнул маг. — У отшельника был воспитанник! И звали его как раз Раором!

— Но почему тогда в отчете об этом ничего нет? — изумился Итан. — Работать разучились, что ли?.. Так я им устрою!

— Не все так просто, как кажется на первый взгляд... — поднял палец Норен. — На инквизиторов было наложено очень хитрое заклинание, мне никогда не доводи-

лось видеть настолько мастерски сплетенного. Профессионал работал!

— Что за заклинание? — наклонился вперед архимаг.

— Не позволяющее им помнить о мальчишке. О Раоре забыли не только инквизиторы, но и крестьяне из Совьего Гнезда, что совсем уж ни в какие ворота не лезет. Вспомнили инквизиторы только после того, как я снял с них заклинание. А поняв, о ком их спрашивает голос первосвященника, едва на месте не померли от ужаса. Ведь донос старосты деревни касался и Раора, его тоже обвиняли в ереси!

— Подробнее! — резко приказал первосвященник.

— Да нечего там особо рассказывать, — пожал плечами Норен. — Получили донос, поехали, расследовали, казнили. Причем сами слышали, как старик прилюдно провозглашал ересь, утверждая, что Второй Спаситель никаким Спасителем не является, что он самозванец. О его воспитаннике, приемном сыне местного трактирщика, никто и не вспомнил. Позже выяснилось, что благодаря заклинанию отшельника.

— Ничего не понимаю... — Матфей растерянно посмотрел на Вихря. — Ясно ведь, что это был Стиор арн Над. Почему он позволил себя убить?! Он же был прирожденным магом, что ему эти инквизиторы и крестьяне? Щелком пальцев превратил бы в пепел!

— Кстати, — вспомнил Норен, — умирая, старик сказал: «Надеюсь... я сделал правильный выбор...» В протокол эти слова вносить не стали, не поняв, что они значат.

— Правильный выбор? — переспросил нахмурившийся Итан. — Странные слова. Понять бы еще, что он имел в виду...

— А может, он специально позволил себя убить, чтобы инициировать ученика? — предположил Навр. — Раз

инициация происходит только от боли и гнева, то черный маг вполне способен пожертвовать собой ради нее. Да и мог захотеть вызвать у мальчика ненависть к Церкви.

— Не слишком верится, — покачал головой первосвященник. — Тут что-то сложнее. Куда сложнее! Меня смущают его слова про самозванство Второго Спасителя... К чему они? Переубедить крестьян пытался? В чем? Что он хотел этим сказать? Не понимаю...

— Боюсь, нам мотивов Стиора действительно не понять, — Вихрь приподнял крылья, словно пожимая плечами. — Да они не так уж и важны. Главное все же подтвердилось. Раор в Костваде. Поиски организовали?

— Меальнор обещал сделать все возможное и невозможное, — ответил Норен. — Меня, если честно, этот эльф восхитил. Всех построил, всех поднял, уже через полчаса из Григена во все стороны понеслись гонцы, собирать людей для полномасштабной облавы. Первым делом он намерен отправиться в Совье Гнездо и допросить там всех жителей. Нужно точно выяснить особенности и приметы мальчишки. Хотя...

— Что? — хмуро спросил император.

— Не верится мне, что в тех глухих лесах можно кого-то найти. Там едва одна деревня на сотню миль имеется, а то и реже. Хороший лесовик легко скроется в чаще от любой облавы.

— Это так, но искать все равно нужно, — скривился Стирген. — Вихрь, выдели Меальнору магов. И обычных, и прирожденных. Да и хорошие лесные следопыты ему не помешают, у нас их хватает.

— Хорошо, — буркнул тот.

— Что ж, подобьем первые итоги, — устало опустился на стул вставший было первосвященник. — Итак, нам точно известно, кто такие Трое. Стиг Тангерд, дракон,

приемный сын директора Конторы. Елена Горовская, дочь погибшего по вине паладинов купца Дионисия Горовского. Раор из Коствада, фамилия неизвестна, воспитанник Стиора арн Нада. Последних двоих необходимо отыскать любой ценой. Отыскать, пока не поздно, пока они не получили матрицы Тьмы. Но если найдете, никакого насилия! Только мягкие уговоры!

— Это ясно, — недовольно проворчал император. — Но остальные задачи тоже упускать из виду нельзя. Это я о поиске Хранилищ и Девятерых.

— Никто и не собирается, — успокоил его Вихрь. — Создадим несколько совместных оперативных групп, пусть каждая занимается своим делом.

Обсуждение продолжалось еще много времени. Определили, кто войдет в каждую группу, подобрали специалистов и консультантов. Решили, с чего начинать поиски и как их вести до получения первых, пусть даже отрицательных результатов. Только ближе к вечеру, когда все уже устали, стороны решили, что пора расходиться.

Итан собрал со стола донесения и хотел было сложить их в сумку, но его взгляд натолкнулся на приткнувшийся в отделении сбоку небольшой пергаментный свиток. Это еще что такое? Он развернул свиток и сразу вспомнил, что. Послание из Туага. Как он мог забыть о нем? Ведь это может оказаться важным! Даже более того!

— Господа, погодите! — позвал он потянувшихся к выходу имперцев. — Есть еще кое-что интересное.

— Да? — обернулся император. — Говорите.

— Недели три назад я получил послание из Туага, от некоего Ищущего по имени Герладий. Он уже больше полугода идет по следу странного мага, не оставляющего следов своей магии.

— Вот как? — насторожился Вихрь. — Не оставляющего следов? Крайне любопытно!

— Меня это тоже настолько заинтересовало, что я собрался в Туаг, о чем и уведомил Герладия письмом. Он будет ждать меня через пять дней в столице. Навр, ты едешь?

— Естественно, — подтвердил сатир. — Да и Норена прихватим, телепортатор всяко пригодится. Но сообщи, будь добр, подробности.

Итан, чтобы не терять времени, зачитал вслух послание Герладия, в котором описывалась история появления неизвестного мальчишки и то, что он творит с душами людей.

— Значит, восьми-девятилетний ребенок?.. — задумчиво переспросил император. — Ничего не понимаю. Кто это, дзенн его раздери?! Откуда он взялся?!

— Вот именно, — поддержал первосвященник. — Ведь мы уже знаем каждого из Трех! Этот малолетний маг к ним явно не относится. Кто он тогда?

— Мне все это сильно не нравится, — раздраженно проворчал Вихрь, нервно приподнимая и опуская крылья. — Казалось бы, только все прояснилось, так нет — снова что-то новое норовит на голову свалиться! Навр! Найдите этого дзеннова малолетку и выясните, что он собой представляет!

— Постараемся, — сказал сатир. — Но шеф, обещать ничего не могу, ты сам понимаешь.

— Понимаю. Однако сделай все, что возможно.

— Сделаю.

Фалнорцы и имперцы с недоумением смотрели друг на друга. Каждый понимал, что происходит что-то такое, чего не предусматривало даже пророчество Трех, но никто не знал, что именно. Почему-то все были уверены, что маг-малолетка не имеет к этому пророчеству

никакого отношения, а если и имеет, то очень опосредствованное. Однако его появление, несомненно, что-то означало, только что? Каждый подсознательно ощущал, что этот ребенок очень важен. Откуда взялось такое ощущение, неясно, но... Да что же, в конце концов, происходит с этим, Ушедший его побери, миром?!

2001—2008 гг.
Самара — Иерусалим

СОДЕРЖАНИЕ

Книга 1
ПОСТИЖЕНИЕ 5
Книга 2
ИЗМЕНЕНИЕ 375

Литературно-художественное издание

Эльтеррус Иар
Садов Сегей

ТРИ ДОРОГИ ВО ТЬМУ
ПОСТИЖЕНИЕ
ИЗМЕНЕНИЕ

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Художественный редактор *А. Матвеев*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Е. Кумшаева*
Корректор *Н. Понкратова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 16.02.2012.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Гарамонд».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 38,64.
Тираж 4100 экз. Заказ № 7990.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, www.oaompk.рф тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 978-5-699-55550-5

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»*
E-mail: **international@eksmo-sale.ru**

International Sales: *International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2299, 2205, 2239, 1251.
E-mail: **vipzakaz@eksmo.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: **www.kanc-eksmo.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.
В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: **eksmo-nsk@yandex.ru**
В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.
Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.
В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. RDC-Almaty@eksmo.kz

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Парк культуры и чтения», Невский пр-т, д. 46. Тел. (812) 601-0-601
www.bookvoed.ru

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

ТРИ ВЕЛИКИХ МАГА – ПРОТИВ ЦЕРКВИ И ИМПЕРИИ

«...Он пригубил золотистый напиток и чуть не задохнулся от восхищения. Видимо, знаменитый дзеннский ш'опар. Да ничем иным он просто не мог быть. Вкус оказался неописуемым и совершенно незнакомым. Не зря восхваляли этот напиток авторы древних книг — после первого же глотка магу показалось, что какая-то сила мягким ударом вышвырнула из тела всю слабость и усталость, накопившуюся за три года пути. Это было что-то невероятное, уже долгие годы Стиор не чувствовал себя так хорошо, сознание стало кристально ясным, он вспомнил многое, что считал навсегда забытым. Да, ш'опар великолепен, но маг не рискнул выпить больше двух глотков — стимулятор слишком силен для его старого организма. Он откинулся на удобную спинку и поднял взгляд на дзенн, усевшихся напротив.

— А теперь, маг, — прищурил обе пары глаз фанн, — я хотел бы знать, каким это образом ты был хранителем. И как вообще можно перестать им быть? Ты пренебрег долгом?»

НОВЫЕ ГЕРОИ
КОЛЛЕКЦИЯ

ISBN 978-5-699-55550-5
9 785699 555505 >
ЭКСМО